

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

Отв. редактор *И. А. Орбели*. Техн. редактор *И. С. Смирнов*
Корректор *К. А. Гравер*

Сдано в набор 27/VIII 1936 г. Подписано к печати 9 VI 1937 г. Союзгиз № 1661.
Леноблгорлит № 3214. Тираж 5000 экз. Формат бум. 72×110¹/₁₆. Объем 33,6 уч.-авт. л.
20³/₄ печ. л. Тип. зн. в 1 сум. л. 109050. Заказ № 2166.

Цена книги 12 р. 75 к. Переплет 1 р. 75 к.

От редакции

Выпуском настоящего четвертого тома заканчивается начатое еще при жизни Н. Я. Марра издание первого пятитомника его избранных работ.

В состав четвертого тома включены опубликованные работы Н. Я. Марра, самые ранние из которых относятся к 1926 году, а самая поздняя к 1931 году. Работы эти охватывают языки от абхазского у берегов Черного моря до китайского на Дальнем Востоке, от египетского и берберского на севере Африки до языков индейцев Северной Америки, от живых нацменовских языков — бретонского и баскского в Западной Европе до мертвого шумерского языка в Месопотамии. Несмотря на все разнообразие вопросов, рассматриваемых в этих работах, они объединены одной общей идеей исторической взаимосвязи языков всего мира, «единства глоттогонического процесса».

Том выходит под общим названием «Основные вопросы истории языка».

Указатели, данные в конце тома, составлены В. А. Миханковой.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
189	5 снизу	pet-q	pēt-q
261	15 снизу	gonst kond	gonst, kond
282	2 кол., 4 снизу	150, 151	149, 150
286	2 кол., 19 сверху	ǰalāǰan	ǰalāǰan
287	2 кол., 9 сверху	qaylal	qaylel
287	3 кол., 12 снизу	aructo	aruto
292	2 кол., 11 сверху	224	261

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Из Пиренейской Гурии¹

(К вопросу о методе)

Я никак не верил, что в наши дни могут происходить чудеса. А оно произошло одно такое чудо.

С вечерним поездом выехали мы из Парижа на место моей командировки по лингвистической проблеме, поставленной как конкретная задача и разрабатываемой материалистически впервые яфетической теорией. Это проблема об едином глоттогоническом процессе, т. е. об едином процессе созидания звуковой речи человечества, в результате чего приходится в корне иначе воспринимать факт существования многочисленных народов, принимаемых ныне за чуждых друг другу по языку. Это народы с языками различных эпох языкотворчества, как оторванные, следовательно, от центра массового производства на различных ступенях развития речи и разбросанные по всему миру, по всей древней Афреврозии, да со включением новых частей света, Австралии и Америки. Естественно, эти народы говорят на родственных языках со связями «родства» различных соизмерений. Надеюсь, мне не припишут мысли о происхождении языков от единого праязыка. Мы против не только существования единой прародины конкретных языков, как они действительно существуют в своей жизненной полноте без абстракции, тем более против такого детски упрощенного восприятия, как праязык... праязык человеческой речи. Мы против существования каких-либо праязыков и у отдельных группировок человеческой речи, так называемой индоевропейской, семитической, или группировок более мелких, напр., в круге индоевропейском — славянской, германской, романской. Мы в этом отношении и против подобного восприятия яфетической группировки: это условное название того порядка, как в геологии 'третичный', 'четвертичный' и т. п. термины, обозначающие различные эпохи и периоды геологических образований. Только мысль, оторванная от материально существующей действительности, может допускать, что родство русского языка с германским проистекает из общего праязыка и более того, хотя бы то, что у русского с чешским или польским или у французского с испанским будто одно происхождение, позволяющее строить их праязыки, праязык романский, праязык славянский и т. д., не говоря о научнейше сочиненном общем индоевропейском праязыке. Такое обоснованное на недоразумении утверждение есть достояние старого учения об языке, учения, господствующего по сей день во всех школах всех ступеней, и высшей, да и наивысшей, конечно, притом всех стран, даже у нас. Этому учению присуще и расовое деление языков, поскольку остается презумпция, что каждая крупная группировка языков, предполагается, имеет свою прародину и свой праязык, независимый от языков иных по происхождению групп и их праязыков. Соответственно каждый специалист (это уже факт, не подлежащий оспари-

¹ [Вышла отдельной брошюрой-оттиском в 1928 г. в серии издания КИАИ — ИКИАИ, т. V.]

ванию) работает в своем приходе, замыкает углубленные изыскания в своем колодце, и чем глубже при такой постановке дела он мнит себя проникающим в глубины, тем больше уходит от белого света, от материального мира реальности и тем безнадежнее удаляется от действительно в головокружительных глубинах обретающихся источников. Этот изолятивный подход к изучению человеческой речи, с неизбежным упиранием в завещанные расовые, племенные и национальные первоособи (на самом же деле позднее возникшие) есть, может быть, также вполне реальное явление, как политический или как националистический постулат, но не имеет ничего общего с потребностью человечества, независимой от наших пережиточных взглядов или взглядов пережиточной общности, строить объективно науку об языке. Лишь в зависимости непосредственно от самих материалов, общих у всего человечества, можно строить общее учение о звуковой речи. Это и является предметом занятий нового учения об языке, яфетической теории. В процессе ее разработки и возникла перед нами проблема, ставшая задачей нашей научной командировки. Об яфетической теории не приходится говорить, по крайней мере перед читателем русской (я бы позволил себе прибавить в известной осведомительной мере также грузинской, армянской) специальной литературы. Кое-что просочилось также в турецкую литературу, а по связи с нею, да и непосредственно — в молодую чувашскую литературу. Азербайджанский университет в Баку первый издал только-что вводный курс по общему учению об языке согласно яфетической теории.¹ Во всяком случае, там, где статья предполагается к напечатанию, можно произносить небезбранно термин «яфетический»... Но вот надо разъяснить во избежание того, как бы последующее не было принято за личное мое переживание во сне. Я выехал с вечерним поездом из Парижа не один, а в сопровождении постоянной сотрудницы моих научных поездок, кроме местности, которая запретна для женщин, именно Старого Афона, — научной сотрудницы, выполнявшей и в этот раз необходимые справочные технические работы. И, тем не менее, выехав из Парижа на юг Франции к Пиренеям и достигнув утром после Молеона села Тардец, мы оказались перед чудом... мы оказались на Кавказе в Гурии, а, следовательно, у себя на родине, где бывала не раз и моя сотрудница, и мы переживали совместно эти первые впечатления от окружающей природы и материального быта. Маленькая Гурия по разнообразию физической природы велика. Имеется в виду восточная горная часть Гурии, с конечной восточной областью — Сурбской, которая за перевалом на том склоне гор находится в стыке с Ахалцихом, уже в пределах бесспорного древнего грузинского Самцхе, или Месхии. Занимаясь в Тардеце, на веранде, местным наречием, я не мог отвязаться от мысли, что шумящая внизу горная река — это родная мне Супса, что в картине горного пейзажа какие-то странные при опросе названия, вроде *Chapeau de gendarme* и др., это лишь замена интимно известных мне по нашей деревне возвышенностей вроде Кудун-ет'а, появление на котором облаков — это метеорологическое предзнаменование, к погоде ли или к непогоде идет дело. Меня меньше удивило,

¹ [Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928 = ИР, т. II, стр. 3—126.]

что подалее красуется *ric d'Anie*. Кругом кукурузные пашни. Перехожу по мостам, тем же, что близки мне по соседнему с Гуриєю Имерхеву. Кругом родная растительность. Вот непереваемое точно по-русски растение вроде ежевики *makval* (მაკვალ) с названием, как известно теперь из палеонтологии речи, восходящим к архетипу **mar-kval*, двойнику грузинского термина *mar-šval* (მარშვალ) 'зерно', и мы вполне миримся с тем, что эту дикую «ежевику» здесь называют *mar-hu-ga* (по другим наречиям — *maruga*): ведь чаяское (на Кавказе) ее название *maŋg-i* нисколько не ближе, не роднее. Особенно мы были поражены культивированием здесь бобовидного зерна, по-гурийски *qanṭkola* (ჭანტკოლა); но вопрос о нем и «лоби» (по-испански *alubia*) с его разновидностями — предмет целого трактата об общности терминов растительной пищи в этой иберийской полосе Европы и Кавказской Иберии, я обхожу молчанием, как и исключительно благодарную языковедную тему о 'винограде', 'саде', 'лозе', 'вине' и т. д. Сказать разве, что здесь еще помнят, когда виноградная лоза пускалась на деревья совершенно так же, как в Гурии у нас, и вытеснила ее низкорослая после уничтожающей болезни мильдиума и сателитов. Здесь, как в Гурии, пользование закрученной лозой в роли каната, в Гурии *ṭreq* (წრეკ) от *ṭir* 'круг' (сохранилось у армян), у грузин *ṭre* (წრე) с перестановкой вместо *ṭer* того слова, что у басков в основе *ser-u* 'небо', в Пиренейской Гурии название *qor-boṭuva*, имеющее такую же историю по связи 'круга' с 'небом', 'солнцем' и т. п. Правда, по пути в ближайшие села несколько странное в первый момент ощущение: знакомый или незнакомый, стар он или млад, все одинаково приветливо здороваются, но я лишь переношусь в Гурию моего даже не детства, а юношеских лет, когда европейское просвещение не сметало еще этих вежливостей, в людях было больше не только знания взаимного, но и доверия друг к другу и понимания даже встречного незнакомца без заглядывания в его паспорт. В этом отношении здесь глубже сохранилась старина, понимание здешних гурийцев распространяется и на животных. В эпоху процветания Самцхийского атабегства (ведь это не так давно, в XIV—XV веке), а, может быть, значительно позднее, не сомневаюсь, то же самое явление интересующийся мог бы наблюдать и в Кавказской Гурии. Более того, вероятно, вина моей наблюдательности, что в впечатлениях от Кавказской Гурии у меня нет воспоминания о подобном факте, случае с пастушеской собакой, хотя приходилось многократно быть свидетелем, как пастухи-мегрелы гнали на наши гурийские пастбища не одно стадо овец и коз почти мимо ворот нашего двора или через поле, на котором мы, детишки, играли в мяч. А здесь факт, когда не читаете или слышите о нем от другого, а сами свидетели, поразительный, а для лингвиста, может быть, и поучительный. Пастух гнал с гор со стороны Олорона через село Тардец несколько десятков белых баранов. Собственно, гнали два индивидуума: он, пастух, да с ним маленькая собачка, величиной с локоть. Втиснувшись с площади мэрии в узкую улицу, дорогу в село *Trois villes* (про которое, кстати, современные путеводители ничего большего не умеют рассказать, может быть, и по вкусу просвещенной публики, что это место, откуда происходит граф *Tréville*, герой романа Дюма «Три мушкетера») и далее в Молеон, бараны пошли ускоренным шагом вперед, подгоняе-

мые сзади лишь собачкой, так как пастух направился в лавку по делу. Зная, что бараны могут уйти чересчур вперед, пока он будет занят в лавке, пастух позвал собачку и дал ей поручение, излагая свое желание звуковой речью. Собака, послушно прибежавшая на зов пастуха, безмолвно выслушала его до конца и сорвалась с места, где стояла перед говорившим с нею хозяином, сорвалась, как только пастух, ее хозяин, закончил изложение своего поручения, повернулась в сторону только что покинутых ею баранов и, пустившись к ним стремглав, обошла их и, забежав вперед, также безмолвно стала перед баранами и остановила их. Этого мало. Простояв время, достаточное, чтобы видеть, как бараны ее поняли и вперед уже ни шагу не сделают, что, действительно, и случилось, собачка, заметив пастуха на пороге лавки, побежала доложить ему об исполнении поручения. Попутно не могу воздержаться от вопроса: необходимо ли единое расовое происхождение собачки и пастуха, чтобы объяснить бесспорную общность их речи, согласованность их взаимного понимания в довольно сложном деле? Или это еще не речь, а для производства речи сначала возникает чистая раса, использует полученную от природы звуковую систему, выработает закономерно морфологию определенного (не предусмотренного ли? предопределенного, если не высшим существом, то самим ученым?) типа, что составляет единственный предмет серьезного исследования для старого учения об языке, учения исключительно формального, и затем сочинит слова по соображениям, одобренным мышлением общественности XX века, попутно опираясь на их употребление в основе одинаково с ним мыслящих древних и позднейших писателей, слова, оказывается, не имеющие столь существенного значения в истории происхождения и развития речи, а с ними ненадежные, мол, и в обосновании родства языков... Но не забудем, что мы находимся в Гурии, где не только так называемая доистория человеческой речи, но и средневековье с христианским культом дает громадный, девственно непочатый материал для отождествлений. Вот хотя бы обитель S-te Engrâce, с архитектурным памятником десятого века. Ведь в Пиренейской Гурии (не уступит она Кавказской) христианское строительство датируется временем допапской Галлии. История основания здешних христианских святынь столь похожа на истории построений или позднейших переживаний церквей в Грузии, напр., в Моцамете, или в самой гурийской ее части, напр., в Шемокмедском монастыре, что существование одного общего источника этих легенд не может подлежать никакому сомнению, и источник этот не всегда христианская легенда в основе, а ее языческий праобраз. И это в такой степени, что, читая сулетинский диалектический редкий текст, слово о святом Грате, историческом лице, епископе этой же епархии, не раз подвергался я соблазну тип народного святого возвести к герою эпических сказаний, сказаний еще доисторического населения Западной Европы, вроде Гаргантюа, которого французы застали уже перерожденным в комическую фигуру и зафиксировали в свой литературный образ, как к тому нас ведут изыскания В. Ф. Шипмарева (к сожалению, приостановленные не по его вине), или вроде Граля, в сказаниях о котором академик А. Н. Веселовский находил яркие точки соприкосновения с переднеазиатской восточной литературой и легендой, сирийской, арабской и, в частности,

кавказской, грузинской. Дело для нас теперь ясное (думаю, и для романистов нашего по мышлению поколения), но не в писаной литературе или легендах, восточной или, в частности, кавказской, оно коренится и не в яфетической почве Кавказа, а в яфетической подпочве Западной Европы, особенно сильной там, где дольше и сильнее пережили народы той стадии развития человечества, яфетической, где пикты на глазах нашей писаной истории сменены были так называемыми индоевропейцами, а их сородичи баски по сей день здесь еще живы, да только в наши дни начинают по-баскски распевать то, что распевалось в Гурии, этой органической на Кавказе части, подавленной блестящим письменно засвидетельствованным историческим культурным прошлым Грузии, еще накануне революции 1905 года: *საქართველო ჩვენია, ჩვენია*, т. е. «Грузия наша, наша». Здесь лишь в книжке, вышедшей за прошлый год, — книжке *басен (Alegiak)*, стихотворных произведений баскского поэта *Ачобия (Açobi)*, иллюстрированных баскскими художниками, находим повторение того же мотива, это в предосланном басням послании к другому баскскому писателю.¹ Это четверостишие, гласящее (стр. 9):

Eztiz eztitzeko,
Ezkoz argitzeko,
Ezkuara gurea,
Ezkuara maitea.

В яфетидологической и грузинской транскрипциях:

Estis estis̄eko,	ესტის ესტისეკო,
Eskos argis̄eko.	ესკოს არგისეკო,
Eskwara gurea,	ესკვარა გურეა,
Eskwara maitea.	ესკვარა მაიტეა.

Что значит в переводе, предлагаемом здесь и по-грузински, ввиду возможности сохранения большей близости к оригиналу:

Слаще меда,	თათლზე უტკბესო,
блестящее свечи восковой.	თათლის სხათლზე უბრწყინვალესო,
наш эсқварский язык,	ჩვენო ესკურეო,
дорогая Эсқвара.	საყვარელო ესკურეო.

Я имею в виду близость смысла, а не созвучий слов, поскольку, например, *maitea*, диалектически и *mauta*, значит буквально то же, что груз. *საყვარელო (sakvarelo)* 'возлюбленный', но в смысле 'дорогого', или 'восковая свеча', как предмет сравнения яркости и чарующего света, в грузинском переводе больше сохраняет силу, не говоря о невозможности в русском передать особой формой прилагательное для обозначения 'языка', а не 'лица', по-баскски — суффиксом *-ага (-s̄a)*, по-грузински *-ul (-ლ)*, собственно, *-ურ (ur)*.² Основа здесь первично

¹ Издано в Байонне.

² l в. г при втором г в слове, как то встречаем и в сулетинском наречии баскского.

ewsk (ɟʒʷɟ), с раздвоением губного гласного (фонетическим явлением, переданным впоследствии кое-каким романским языкам с их отнюдь не первородным diphthongaison'ом) вм. osk, или usk, как восстанавливал я теоретически и как оказалось существующим в сулетинском в виде usk, в их диалектическом произношении ũsk, т. е. с произношением и «по-Французски» (конечно, до Французов). Преду-преждаю против созвучий именно потому, что в третьем стихе gigea можно принять за Гурию (такие недосмотры систематически возникают у индоевропейцев со словами греческими, латинскими, французскими, поскольку они представления не имеют об их доисторическом состоянии), тогда как это родительный с отношением местоимения gu 'мы', т. е. того же самого местоимения, которое у грузин служит, — впрочем, как и у басков, — префиксом первого лица мн. числа в глаголах, в виде ɟɟ- (gu-) в древнелитературном и ɟɟ- (gv-) в «современном», вообще в народном. Этого мало: баскский родительный с отношением выражен окончанием родительного падежа -ге, эквивалентом мегрело-чанского -ше (-ʒ) и халдского ванской клинописи также -ше и тождественного с армянским окончанием -ге также в местоимениях (полно, в частности, у местоимений неопределенных, усеченно в виде г и у других местоимений, да и в именах); что же касается остающегося конечного гласного «а», баскского показателя отношения, то это тот же самый элемент, местоименный, что грузинский гласный «а» в родительном с отношением, здесь служащий для образования так называемой эмфатической формы родительного падежа.

Однако мы увлеклись никому ненужной научной прозой, разбором баскской формы, да еще сухим грамматическим разбором, даже не палеонтологическим анализом. Мы же чувствуем себя не в Баскии, а в Гурии. Это чувство или, пожалуй, и осознание факта, в нас усилилось, когда за обедом в гостинице у наших хозяев, называемых басками, выявился и вкус гурийский. Особенно нас поразило гурийское приготовление курицы. Со вкусом, общим с гурийцами, пошли бы и далее не только по части пищи, да напиток, но и забав, в первую голову — игры в мяч, затем также пения, музыки, но и хозяйственных построек, архитектуры: по мостам мы не то в Имерхеве, не то скорее в Свани, по настоящим баскским церквам, двускатным, мы точно в Имерхеве. Но здесь дело более сложное, как и в вопросе о соматическом виде: поразительный подбор красивых, именно статных женщин, но женский тип склада не только гурийского, но и мегрельского. Вопросы эти сложны по скрещению подсудного материала, да они и не круга моих сейчас интересов, а мне хотелось бы хоть набросать в общих чертах, почему лингвистически также мне могло показаться основательно, и без чуда, что, выехав из Парижа скорым поездом, попали мы прямо в Гурию на Кавказе, в Грузии, когда на самом деле находимся во Франции, у так называемых французских басков, именно в районе сулетинском, или, короче, сулском. Разве это не чудо, действительно, поразительное явление, когда среди говорящих на, казалось бы, чужом мне языке я чувствую себя точно в окружении родной грузинской речи? Да иначе как может быть, когда совершенно так же, как в грузинском, фразу 'какую ты имеешь *руку*?' они понимают по-нашему, по-грузински, в смысле 'какое у тебя *право*?' Еще лучше, когда подобно употре-

блению слова *sofel* (სოფელი) в древнелитературном и в значении 'села', 'деревни', и в значении 'страны' (у грузин даже 'мира', 'вселенной'), и здесь 'село' без стеснения применяют в смысле 'страны'. 'Убил голову свою' и 'сказал голове' — иначе и нельзя сказать на здепнем языке, когда хотят выразить мысль 'убил себя', 'сказал себе', т. е. совершенно так же, как у нас на Кавказе у яфетидов. А вот употребление того же слова 'голова', некогда смутившее историка Броссе (Brosset) при переводе выражения вроде *his zavze* (წავზე ოსვზე) 'в голове года': он порывался перевести его 'в начале года', тогда как это значит 'в конце года', как понимает его грузин в своей речи и как соответственно понимает сулетинский баск свою фразу *temboragen būnan* 'в голове времени', т. е. 'в конце' или 'по истечении времени'. Отсюда глагол, произведенный от слова 'голова', у грузин значит 'оканчивать'. Позвольте, возразят, это наблюдается и во многих других языках, так даже во французском *achever* 'оканчивать': французский глагол происходит от слова *chef*, которое также означало когда-то 'голову' (отсюда франц. *chevet* 'изголовье'). Это, следовательно, также обязывает к чему-то, и, мы прибавим, весьма важному для французского, но о французско-баскских взаимоотношениях, как и французско-грузинских, мы побеседуем особо, не дожидаясь второго десятилетия советской власти, а сейчас ведь речь лишь о Гурии. И когда в Пиренейской Гурии при чтении библейского стиха об обращении бога к Ною *surebat arqa bat egisu* и т. д., т. е. 'сделайте себе ковчег' (*arqa*), сулетинец мне сказал: «у нас *arqa* не 'ковчег', а 'закром'», то, вспомнив такое же соотношение между древнелитературным грузинским словом, также из Библии, *kidoban* (კიდობანი) 'ковчег' и его сванским употреблением в форме *kidwen* (კიდვენ) со значением также 'закром', я подумал: «неужели сваны в Кавказских горах и сулетинские баски в Пиренеях ждали перевода Библии, первые на грузинский язык, вторые на латинский и т. д., или ждали одни грузинификации, другие романизации, чтобы обзавестись названием такого предмета первой хозяйственной потребности, как 'ящик для хранения хлебного зерна', 'закром' и т. п.?). Пьер Ланд (Pierre Lhande) регистрирует ряд других столь же хозяйственно-бытовых баскских слов,¹ даже в составе такого архаического построения, как *u-dagara* 'выдра', именно *u-harka* 'резервуар воды', и это не мешает даже уважаемому энтузиасту баскской речи производить его от романского *agso* 'huche'. А откуда это романское *agso*? И кто же тогда внес в армянскую речь более полную форму *agkəl*, также 'ящик'? Те же романские народы? А как быть с тем, что 'ковчег', обратившийся в 'ящик', в яфетических языках синонимен с 'домом', и опять-таки в Свании дом звучит *agdi*, то же слово? Тоже «романский вклад»?

А звуки? По звукам, как будто, сдались баски: нет у них, казалось, даже аффриката *ǰ* (ჯ), но сулетинский и тут поддержал нас: в нем безукоризненное произношение этого звука, хотя и в весьма немногих случаях. Главное же то, что наконец получил я убеждение (слышал собственными ушами) в существовании трехступенности каждого ряда баскских согласных переднеязычных

¹ Dictionnaire Basque-Français et Français-Basque, I, вып. 1, Париж, 1926, с. v.

и губных совершенно так же, как у грузин, мегрелов, сванов, абхазов и других яфетидов (у других иногда и больше), как, впрочем, и у армян, у которых по хорошей науке, предполагается, ничего общего нет с грузинским по существу. Впрочем, сколько стоило труда, чтобы ученые европейцы поняли, что эта тройность свойственна и курдскому и, представьте себе, даже персидскому. Но в баскском совершенно так же, как в грузинском и его присных — 1) t (t̥), d (d̥), ʒ (ʒ̥), 2) k (k̥), g (g̥), q (q̥), 3) p (p̥), b (b̥), φ (φ̥). Третьи разновидности каждого перечисленного ряда у басков, различающих их (так именно сулетинцев), пишутся описательно — ʒ (ʒ̥) через th, q (q̥) через kh и φ (φ̥) через ph.

Однако аффрикаты у здешних, пиренейских, гурийцев уже растеряли полноту этой тройности согласных, но все-таки не без следа, так из ряда t̥ (t̥̥), d̥ (d̥̥), ʒ̥ (ʒ̥̥) нет первого звука, глухого аффриката шипящей группы, но его возмещает сродный звук t̥, обычно изображаемый описательно через tt, не говоря о том, что в связи с двумя разновидностями слабого шипящего звука (ш и ʃ̥) здесь, именно в сулетинском говоре, резко различается от простого ʒ̥ (ʒ̥̥) более распространенный свистяще-шипящий аффрикат ʃ̥.

Баскскому абсолютно чуждо то стечение согласных в начале слов,¹ к которому имеет исключительное пристрастие грузинский язык: так даже обычная в баскском группа sk, или shk, resp. ʃnk, отсутствует в начале слов, а если есть случай сохранения самих согласных, то они расклиниваются гласным по склонности баскского к полногласию по примеру мегрело-чанской группы яфетических языков Кавказа, напр., груз. sqal 'груша' — бск. saqar (диал. ʃaqar) 'яблоко' вм. *sgar. Называние грузинской 'груши' в Пиренейской Гурии баскским 'яблоком' пусть не смутит больше, чем то, что в Кавказской Гурии понимают также как 'яблоко', именно 'лесное яблоко', слово ran̄ta, в восточной Грузии означающее 'лесную грушу'.²

Да, и в самом деле нам важны не звуки сами по себе, а их использование в общественном строительстве, выявляющее самих строителей и эпохи созидания ими речи. Нас интересуют ведь носители речи, эти европейские гурийцы Сулского края. Само название Сулского края мною как-то привлекалось в отвлеченном схематическом сопоставлении 'иберов', притом 'иберов' не только Кавказа, но и Пиренейского полуострова, этих 'иберов' из состава так называемого доисторического населения Европы. Они сопоставлялись с 'шумерами' или 'сумерами' Месопотамии.³ Отвлеченное сопоставление обосновано на звуковых закономерностях соответствиях, и это остается в силе. Но тогда я не знал одного факта, без чего трудно было учесть конкретное значение этого отождествления для Западной Европы. Факт же тот, что рядом с siber-u, названием Сулского края, диалектически правомочно способным звучать sumer-1 на основании не кавказских фонетических законов, а фонетических законов яфетических языков Пиренейского края, оправдавшихся здесь именно на самой сулетинской почве такими

¹ Потому редкие случаи слов с начальной группой pr мы имеем основание относить не к основному слою баскской скрещенной речи.

² Об 'яблоке' и 'груше' вообще в их баскских названиях см. ниже, стр. 28.

³ Н. Я. Марр, Русское «человек», абхазское аоуџџ. ДАН, 1926, стр. 82 [ИР, т. V, стр. 189].

древнейшими текстами, как топонимика этого края, если не верить древности того же явления по наличию его вообще в баскских диалектах. Так, напр., в названии одной из коммун Сульского края у французов, сохранивших, оказывается, баскские же диалектические разновидности терминов топонимики, мы находим *b* — *Abense*, тогда как сами сулетинцы на своем диалекте это же слово произносят с *m* — *Omise*, с оканием против акания, также усвоенного французами из другого баскского наречия. Скажут, это чередование идет мол из соседящего *béarnais*, романского языка. А в нем-то откуда? Ведь в самом сулетинском наречии сохранилась как выявление именно *b*, очевидно, в определенном слое его состава, против общепринятого *m*, напр., в наречии *heben* 'здесь', форма с позднейшим перебоем губной огласовки «и» в «е», именно, *siber-u* (сулет. *imber-u*), т. е. точная сибиллянтная разновидность общезвестного термина *iber-ia*. Следовательно, в Сулетинском крае мы имеем отложение не какого-либо племени, а иберского народа, части «доисторического» населения Западной Европы. Налицо, следовательно, переживание тех иберов, которых никак не различить в реальности с лигурами. Страна Лигурия, уже вдали от Пиренеев, на юго-востоке Галлии, по одному созвучию сопоставлялась и иногда отождествлялась с Гурнию. Однако сам факт очевидного отложения иберов доисторической Европы в сулетинских басках представляет громадный интерес для более конкретной постановки и вопроса о взаимоотношениях баскского языка с испанским, уже романизованным испанским, собственно с отложившимися в нем яфетическими элементами баскскими, в частности именно сиберскими, или иберскими. Кстати или некстати, у меня возникает по ассоциации фактов также реального порядка, также конкретных условий исторической жизни Галлии, не одно соображение в связи с названием нашего Баскского края, когда оно оказывается к тому же разновидностью племенного названия такого широкого и разноместного применения, как Иберия. Ведь когда мы говорим о доистории в связи с иберской частью первоначального населения Западной Европы, то это по наследию от старой не только лингвистической, но и исторической, да и археологической школы. Ни о какой подлинной доистории не может быть речи, когда имеем дело с иберским народом в Галлии или на Пиренейском полуострове, равно с пеласгами на Балканах, с альпийским и италийским народом на Апеннинском полуострове, тем более с этрусками, давшими каждый из них свое не частное «племенное» наименование, название одной из срциальных группировок, а общенародное имя, как олицетворению всего населения или целой стране, как Италия или Иберия на Пиренейском полуострове, или бывшим в их пользовании, напр., Альпам, то острову, напр., Пеласгии или Лесбосу.¹ Это не доисторические, но забыто-исторические, или лефо-исторические, эпохи. От таких эпох жизни Галлии и название Аквитания, родина басков, собственно евскальдунской, или эскувальдунской, общественной их организации. Рядом с Аквитаниею теперь выступает и Сиберия, центральное поприще также баскской некогда политической жизни, ее иберской общественной организации. Ведь в мире ученых, как и наций,

¹ N. Marr, *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges*, Петроград, 1922, стр. 13 [русский перевод см. ИР, т. I, стр. 140].

вышедших из прежних этнических образований, это забытые и потому лишь доисторические эпохи, но французское искусство не забыло и не может забыть аквитанских миниатюр «без рода и без племени», как то выяснила наша специалистка по средневековью О. А. Доббаш-Рождественская, по собранию Гос. Публичной библиотеки, и если они «без рода и без племени», то это происходит именно потому, что нет исканий у себя самих, в своих народных фондах. Вот почему мне вспоминается случай с мученичеством трех святых Галлии — Спевсипа, Елевсипа и Мелевсипа. Это перелицовка языческих конских божеств, но каких? Каппадокийских, как думала и продолжает утверждать римская церковь (впрочем, не о перелицовке, а о происхождении деяний названных трех мучеников христианской церкви) или галльских? Сторонники раннего независимого происхождения деяний этих мучеников, напротив, отстаивали местное галльское происхождение их, как известно, бывших здесь именно, в Бургундии, предметом самого раннего почитания, притом народного. Ведь культ лошади в Галлии по своему значению не чета культу каппадокийских коней. Покойный теперь бургундец, в свое время заинтересованный грузинским переводом древнейшей версии деяний, представлял дело, конечно, иначе, именно как почитатель родных христианских святых независимой галльской церкви. Вот тут и возникает казус для освещения, подробно использовать который я сейчас не в силах за отсутствием под руками какой-либо литературы. Дело в том, что в хорошо известной итальянской библиотеке, где хранится одна из лучших, если не единственная древняя рукопись с деяниями трех святых коневодов, русский специалист проф. Х. М. Лопарев позволил себе малопростительную шалость: почерком текста вписал в рукописи по-гречески указание даты ее написания и подписался местом своего происхождения δ Σιβηρίωτης, т. е. 'сибиряк'. Другой специалист, известный агиолог, принял подпись за подлинную и, отстаивая каппадокийское происхождение и деяний, и святых, нашел новую поддержку в факте, что памятник происходил из Каппадокии, с места по близости города в Малой Азии с тождественным названием Сибири. Если в наш век могли в ученом мире на основании таких случайных созвучий подкреплять в каком бы то ни было отношении мысль о месте происхождения памятника и с ним самих святых, можно себе представить, с какой легкостью такой аргумент мог быть использован теми, кто оспаривал существование собственных святых у галльской церкви, доримской, если эти галльские мученики по первоначальному тексту жития происходили из Галльской Сибири, т. е. из нашего Сулского края. Впрочем, на этой средневековой рукописи было остановлено внимание не для того, чтобы здесь разъяснять агиографический вопрос: я не освещаю его в пределах имеющихся сейчас в моем распоряжении лингвистических данных. В лингвистическом отношении поучительны грецизованные местные баскские слова, имена трех коневодов-мучеников, уступившие христианству, очевидно, только свою общую часть, нарицательное имя, замененное в наличных их формах греческим словом ἵππος . Важно отметить долгое еще в стране существование первоначального населения с забытой человечеством его исторической жизнью, его намечающуюся роль и в первоначальной организации христианской церкви, в связи непосредственно с восточным сирий-

ским христианством. Намечаемая картина увязалась бы с фактом действительного существования на Западе независимой от папы христианской церкви, так в Ирландии, с лучшим знанием греческого языка, чем то практиковалось в средние века в пределах римской церкви. В этом освещении получал бы совершенно иное значение и тот факт несомненного сродства скульптурных изображений библейского сказания о жертвоприношении Исаака в Арле (Arles), древней церкви Галлии, в древнейшей церкви Ани, в Армении и, как переживание древней грузинской церкви, в Абхазии. В Галлии не только язычество доримское местного населения, но вместе с местной яфетической речью, дожившей до наших дней лишь в единственном числе, заносилось и занесено как будто полностью христианство доримской или допапской церкви. Скушали же без следа на Кавказе албанскую церковь и, казалось, без остатка и язык. Какое, не правда ли, легкомыслие навязывать независимое от Рима христианское просвещение (оставим Ирландию) хотя бы Галлии, баскам, когда доподлинно известно из истории, так говорил еще почти сто лет тому назад историк южной Франции, что пиренейские горцы еще в VI в. были язычниками, что «только в VIII веке они начали слышать христианских проповедников». Как все это просто у этих почтенных историков, предполагающих, что культура шла действительно от нации к нации иногда шумными потоками через сословия, определенные классы, обычно не просачиваясь и тонкими струями ниже известного уровня. Иначе как бы мы смогли понять, что в Свании и Абхазии, где столько было христианского строительства с двух сторон, греческой и грузинской, если молчать об иных течениях, до XX века народ живет в язычестве, быт его языческий? А что у басков был общественный строй с национальным феодальным слоем, тому свидетель — язык с его изумительными формами вежливости, которых нет ни в одном из соседящих культурных языков и которые вторглись в самую твердую баскскую речь, именно в спряжение.

К тому же баскский народ, как яфетические народы Кавказа, многоименен. Баскский народ не только не примитив, а скрещенный культурный народ своей эпохи, но более того, он представляет собой скрещенные не примитивных племен, а исторических народов, иберов, этрусков и других, так именно забыто-исторических ионов (доэллинских), италов (доримских). Отсюда у басков, во-первых, название бога, название ионское, в сулетинском, следовательно, в сиберском, или иберском диалекте звучащее *ἰῆκο* (ἰῆβῆκο), это, значит, в Пиренейской Гурии, а в нашей Гурии, на Кавказе, обратившееся в название 'чертика' *ἰῆκα* (ἰῆβῆκα); отсюда же, также у басков, во-вторых, уже название 'диавола' в скрещенном термине *ἑρ-εἰ* (ἑρῆβῆεἰ, второй элемент — ионский), да и 'злой' *ἑρ*, *ἑρ* (ἑρῆ, ἑρῆε), а *ἑρ* то же слово, тотем племени салов, успело и у армян стать в этом простом виде *ἑρ* прилагательным 'злой'. Лишь у сванов, народа ионского по названию, да и у них лишь в низах, да в одной восточной части Свании, слово это, в спирантной разновидности *ker* (kerῆ), сохранило значение 'святыни', тогда как в другой части Свании, западной, оно же означает 'свинью', как его баскский двойник *ἑρ* (ἑρῆ), у басков *ἑρ-1*, очевидно, некогда тотем соответственных племен. На Кавказе грузины, мегрелы с чанами и сваны, собственно, также их господствующим

щие классы, это же название сохранили в двухэлементных словах, позднейших скрещенных, своей господской речи в виде ḡer (ḡer) у сванов, ḡog (ḡog) у мегрелов и чанов, отсюда название тотемного животного и здесь 'свиньи' ḡog (ḡog), сохраненное грузинами, а сами скрещенные слова, термины, означающие 'бог', у сванов — ḡermeḡ (ḡermeḡ), или ḡerbeḡ (ḡerbeḡ), у чанов — ḡogmoḡ (ḡogmoḡ). А у грузин, т. е. народа с акающей огласовкой, мы бы должны ожидать — *ḡag (ḡag), на более древней ступени развития этого звука, глухой — *kar (kar) или собственно tar (tar), так как грузинский язык относится к свистящей группе сибилантной ветви языков. И все это налицо. «Всего этого» мы здесь не перечислим, тем более, что этот материал исчерпывающе трактуется в ряде печатных работ,¹ но две разновидности отметим. Во-первых, разновидность tar-mar-ḡ (tar-mar-ḡ) 'бог', сохраненная сванами в специальном выражении, как заимствование из грузинского еще за языческое время (у грузин то же слово в осложненной форме tar-mar-ḡ (tar-mar-ḡ) закрепилось за 'язычником', это еще в период переживания шаманства), и, во-вторых, в армянском усвоении дохристианском разновидность kar+a-pet (kar+a-pet), у христиан-армян обращенная в имя Иоанна Крестителя. О свинье же, о свинье-тотеме, нет никакого воспоминания. Почему? А потому, что не только язык, но и литературу, и искусство изучаем прежде всего изолирующим методом и, разумеется, формально. В Деяниях христианского просветителя Армении Григория весьма важную роль играет свинья. В халкедонитской церкви в Ани в стенописно изображенной торжественной процессии кавказских царей, предводимых армянским царем Тирдатом, художник не забыл на видном месте поместить свинью. Предполагается, это общая отвлеченная символизация язычества, изгоняемого из страны. А почему не сраженное, как хотелось христианским проповедникам и по их стопам живописцам Армении, родное язычество? Ведь это конкретная народная некогда религия не только Армении, но и всех соседящих яфетических стран с тотемным божеством свиньей. Однако этого нельзя сказать, так как ни один греческий или иной иностранный писатель не удосужился описать нам эту религию, а родные христианские писатели занимались не описанием, а уничтожением всякой памяти о родном язычестве. Оставим пока народы с письменностями различной древности. Нас сейчас интересует бездревнеписьменная Пиренейская Гурия и Гурия Кавказская. Действительно, они восполняют друг друга. Пал в Пиренеях бог, поскольку его имя сохранилось лишь в составе скрещенного названия 'чорта' (ḡer-en), так и то оно, мы уже знаем; означает лишь 'свинью' (ḡer-i) или 'зло', 'злой' (ḡer, ḡar). И в Пиренеях павший бог, на Востоке, в Кавказской Гурии, переживает до наших дней в хорошо всем известной на Кавказе гурийской встрече нового года с древком счастья, называемым ḡiḡlak (ḡiḡlak). Это расцветиваемое культового происхождения древко венчают обязательно головой свиньи, — свиньи, называемой здесь, как во всей Гурии, словом мегрело-чанской чеканки, т. е. словом по огласовке шипящей группы ḡog (ḡog), а в еще более защищенной от культуры, загнанной в недоступные горы Свании одна часть населения продолжает народно чтить это

¹ См. Н. Я. Марр, О 'небе', как гнезде назначений, ДАН, 1924, стр. 24 [ИР, т. II, стр. 144]; О числительных, Языковедные проблемы по числительным, Л., 1927, стр. 10 [ИР, т. III, стр. 251].

божество как святыню, другая ее названием именуется лишь свинью, и это расколосившееся по значениям единое слово оформлено, как мы видели, по спирантной ветви: звучит по-свански *ker* (კერ).

Гурия Кавказская представляет исключительный интерес для этнолога. В ней прослеживается легче, чем где-либо, скрещение целого ряда социальных группировок, так называемых этнических образований. Первый же мой опыт изучения ее топонимики (по сей день остающийся в рукописи и совершенно правильно) не только никому не нужен, он «зловреден», он подрывает попутно к тому же средневековое по приемам национальное построение истории Грузии (да одной ли Грузии?), он вскрыл, что под позднейшим массовым грузинским наслоением в ней, этой топонимике, имеем предшествующие слои чано-мегрельский, а также сванский, равно абхазский (дело идет и глубже к слоям более древних социальных группировок). В наличном грузинском говоре этого населения Гурии прослеживаются отклонения тех же языков, равно родство с месхским говором, имевшим интимные связи с армянским на почве общности доисторических яфетических переживаний, а не потому, что тут было влияние армянского на грузинский или наоборот, хотя элементы и такого хотя бы тонкого напластования внешних взаимодействий требуют учета, притом учета обязательно в связи с ролью общего в определенную эпоху для соседящих стран феодального сословия, как проводника арменизмов в грузинскую речь и яфетидизмов, в частности чано-мегрелизмов, в армянскую. В этом отношении близость гурийского говора к языку Шоты из Рустава, думаю, обязывала бы его новейшего талантливый исследователь Ингорква не торопиться перемещением родины поэта из Месхии в Хериу (ჰერიუ), во всяком случае не разлучать его с месхской речью, как родной. Впрочем, независимо от Шоты, близость расположения армянской речи к чано-мегрельской зоне за грекофильский период армянской литературы свидетельствуется наличием названия мыши в трактате армянского философа Давида в разновидности, примыкающей к чано-мегрельскому слову;¹ свидетельствуется эта топографическая близость и общностью слова *gond* у гурийского говора с армянским текстом Агафангела, выдуманного автора Жития Григория, просветителя Армении (здесь в глагольной форме). Однако в Пиренейской Гурии скрещение того же состава сказывается еще более ярко. В значительной мере это судьба вообще баскского языка, но от этого факт не перестает быть фактом.

В Пиренеях скрещение сказывается в морфологии, так в склонении окончание активного падежа (местоименного) *k* повторяет мегрельский признак того же падежа *q*, а окончание имен. падежа мн. числа *k* — армянский показатель множественности *q*. О родстве, частью тождестве, баскского с мегрело-чанским, халдским ванской клинописи и особенно армянским в род. падеже уже сказано. Большой интерес представляет баскское окончание специального назначения *-ta*, признак косвенного падежа с привходящим (так, несомненно, в сулетинском) значением множ. числа. На Кавказе в флективных языках мы его находим в древнелитературном в форме усеченной *š* (*g*), в местоимениях с сохранением

¹ Н. Я. Марр, Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII в., ЗВО, т. XIX, стр. 95, пр. 1.

огласовки *ḡa* (*gaw*), равно *ḡu* (*gaw*) и *ḡi* (*gih*), у грузин также в древнелитературном *ḡa* (ḡs), усеченно *ḡ*. И у армян и у грузин это окончание всех косвенных падежей множ. числа, т. е. падеж полисемантический, но выясняется палеонтологически, что эта форма была окончанием косвенных падежей без отношения к числу. В баскском окончание *-ta* присоединяется к имени при посредстве местоименного элемента, но не общего с грузинским «а», как в других падежах, а общего с мегрельским «е», т. е. полностью окончание особого назначения с местоименной частицей гласит *-eta*, и при посредстве этого составного суффикса баскский образует далее ряд уточненных косвенных падежей, в том числе и исходный (на вопрос 'откуда?') падеж на *-tik* (*-eta-tik* и просто *-tik*), в основе тождественный с армянским окончанием исходного падежа *-ti* в адвербиальном выражении от местоимений, напр. *an-ti* (*անտի*) 'оттуда'. В сулетинском окончании это также обходится без *-k:-ti*.

Противоположный исходному направительный падеж в баскском образуется в точности так, как в грузинском, именно к падежу на вопрос 'куда' с окончанием *-ra*, в грузинском д.-вин. *-sa* (*-ls*), именно его гласному элементу *-a* (*-s*), придается для большего уточнения послелог, в баскском *-t*, в грузинском *-d* (*-s*), и получаем в баскском от названия местечка Олорона *Oloro* — *Oloro-ra+t*, по-сулетински с утратой согласного *r* — *Oloru-a+t*, в грузинском от Иерусалима — *Ierusalem-a+d* (იერუსალემად).

Да и органический д.-в. падеж грузинского склонения на *-sa*, служащий и для выражения направления и образа действия, с усечением гласного *-s*, имеющий широкое распространение и в других яфетических языках Кавказа, частично даже в армянском (*-z* / *-d* в личных местоимениях), весьма употребителен в баскском, где он появляется в роли орудивного падежа вполне основательно, как то выявляет палеонтология данного образования, и в то же время выражает также направление, образ действия и т. п.

Такой же пестрый состав, результат скрещення, наблюдается и в словаре. Удивительно странные языки! Не признают они установленных ученым парламентом теоретических норм. Естественно, ни один серьезный и трезвый лингвист в Европе — не охотник изучать подобные экземпляры человеческой речи, как они есть в своей реальной полноте, их чураются, как огня, даже те, кто обстоятельствами вынуждены бывают братья за них, не в силах, втиснутые в шоры, смотреть прямо и непосредственно в глаза правде, этой целокупности фактов в живых бесписьменных языках, их филигранному плетению. Это нисколько не хаос, это свободная творческая жизнь. И на деле такие же именно «весерьезные» и «нетрезвые» субверсивные факты наличны во всех языках, воспринимаемых ныне как целые массивы. При их виде хочется крикнуть: «дорогу живым и сочным фактам живой речи, их массовому движению!» Но, оглянувшись, я вижу пустыню вокруг по части рабочих рук, отсутствие жнецов при громадной жатве, и от ужаса перед своим бессилием хочется закрыть глаза, не видеть... Но, слава богу, я не в ученом парламенте, а на свободе в милом Тардеце, с разбросанными вблизи со всех сторон баскскими деревушками, где сохраняются не совсем еще уничтоженные высшей европейской культурой драгоценнейшие остатки доистории

человечества. И наяву слышим мы речь, оглашающую чарующие картины родного пейзажа в горах, в этих *bortu*. Как в *bortu*? Да *bortu*, что на сулетинском значит 'гора'. Вы ошибаетесь, говорит мне дух противоречия: 'гора' по-баскски *mendi*, оно, повидимому, выкрадено из латинского, а *bortu* — это, собственно, *borđi* (им. ბორჯი) древнелитературное грузинское слово, ныне *borđv* (им. ბორჯვ-ო), со значением 'холм'. Нет, будьте покойны, у нас здесь, в Пиренейской Гурии, именно *bortu* значит 'гора', а *mendi* 'холм'. Впрочем, и *mendi* не латинского происхождения, у него лишь общие с латинским *mons* (род. *montis*), его разновидностью, корни, недалекие от нашего *borđi*, или *bortu*, но об этом в иной беседе, специально о латыни или о романских языках, вышедших будто из латыни, кельтского языка, да, не забыть, германской речи.

Вопрос не в созвучии отдельных или хотя бы массово становящихся в стройные ряды слов, а в их органической связи с собственным родным окружением, что вскрывается новой теорией, ее палеонтологией.

Бск. *bor-tu*, как и его более древняя разновидность груз. *bor-đi* (ბორჯი) — скрещенные слова. Однако *borđi* (ბორჯი) в грузинском — слово, усвоенное из другой группы, шипящей, на Кавказе мегрело-чанской, так что аффрикат в нем должен бы быть не *đ* (ჯ), как в грузинском, а *đ* (ვ), чтобы звучать **bor-đi*. И эта разновидность свидетельствуется сулетинским баскским словом с утратой плавного исхода и первой частью скрещения, именно словом *bo-đi*, означающим 'скалу'.

Грузинское слово должно бы иметь огласовку «а», и такая разновидность с утратой первым элементом (*bor*) и губной огласовки («о» или «и») и исходного плавного (*г*) налична в грузинском: это *m-đa* 'гора', диалектически *φ-đa*; слово это сохранило у грузин же плавный исход *г*, даже губную огласовку «и» (ჟ), но при другом палеонтологически устанавливаемом значении, именно при значении, закономерно возникшем в связи с тем положением, что 'крыло', 'перо', 'перина' получали свое название от 'птицы' по формуле 'часть по целому', а 'птица' в свою очередь носит одно общее с 'небом' название. Отсюда груз. *φღა* (ფრთა), но в живой речи и *φ-đa* (ფდა) 'крыло', 'перо', груз. *bur-dğa* (ბურჯღა) 'перина', 'пух'. Но существует и другое положение учения о значениях слов, семантики, — положение, вскрытое той же палеонтологией речи: 'голова', 'гора' и 'небо' носили одно и то же название, а затем с 'небом' находится в связи представление о 'своде', 'круге', 'верчении', да и о каждом круглом предмете — 'колесе', 'мяче'.¹ Потому такое идущее от времен «доисторических» культовое значение не только 'колеса' (это 'небо' и его части — солнце и т. п.), но и 'мяча'. 'Мяч' это священный предмет, игра в мяч это переживание культа, какова бы ни была техника игры, стоит ли перед играющим специально сооружаемая высокая стена, как у басков, или борцы, состязующиеся, стремятся довести мяч до своего предела, заключая достижение победным кликом *lelo* (ლელე), собственно, выкрикиванием имени божества, решаюсь думать, того и баскского божества, которое

¹ Н. Я. Марр, Из яфетических пережитков в русском языке. I. Мяч, ДАН, 1924, стр. 65—66 [ИР, т. V, стр. 114—115].

оставило свое имя Лело уже в единственно сохранившемся фрагменте баскского эпоса: фрагмент о борьбе с римским императором Октавианом так и начинается четверостишием: *Lelo! il Lelo!* и т. д., так же мало понимавшемся доселе, как и ряд интереснейших мест дальнейшего текста. Все это особенно надо помнить в стране неумирающего культа игры в мяч, «божественной игры» в Баскии, некогда игры самих басков в 'мяч' или в 'звезды', бросаемые по небу. И все равно находитесь ли в Гурии Кавказской и называете 'мячик' по-грузински *burθ*, или обретаетесь в Гурии Пиренейской и слышите, как все величают его повсеместно известным ныне «мировым» баскским термином *pelota* (по-баскски произносят и *pilota*), ведь и то, и другое слово наследие от яфетидов, «доисторического» населения и Франции и Испании, оба в этом смысле родные слова здравствующих доселе яфетидов-басков и яфетидов-грузин, и оба одинаково означали некогда 'небо' и его палеонтологически синонимные предметы, следовательно, не только 'гору' и 'голову', но и светила небесные. В частности, груз. **bor-θ* 'мяч' потому-то и созвучен с груз. *bor-θu* (ბორ-ჭუ) 'холм' и баск. *bor-tu* 'гора'. Потому же баск. *bur-u* 'голова' лишь разновидность того же баскского *bor-tu* 'гора', понятно, разъясняемая и фонетически в ее безукоризненной закономерности, а один грузинский двойник баскского *bur-u* 'голова', именно *bol-o* значит 'конец', являясь обычным, как уже выяснено, употреблением слова 'голова' в смысле 'конца'. Но, находясь в Пиренейской Гурии, нам особенно необходимо напомнить (все это разъяснено давно), что гурийское слово *sa-bur-av* (им. *ṡs-ḃ-ḡṡṡ-ḡ*) 'крыша' происходит от *bur*, т. е. первого простого элемента того же слова: оно означало, естественно, не только 'голову', но и 'небо', т. е. 'верх', и в порядке культового предмета ('небо' ведь первое божество человечества с эпохи установления у него космического мировоззрения) не менее понятно, что в той же Кавказской Гурии то же слово *sa-bur-av* с предлогом *ta-*, т. е. *ta-sa-bur-av* (*ṡs-ḃ-ḡṡṡ-ḡ*) значит подношения родных и соседей теперь на расходы по погребению, первоначально же божеству-небу, хозяину 'смерти', не только 'жизни', со стороны всей социальной группы данного культа, со стороны всего племени, а здесь, да вообще в баскском, его позднейшая перебойная из губного гласного (*o* ↔ *u*) в «» разновидность *bur* с диалектическим двойником *ber*, с утратой исходного плавного, это уже по-сулетински, *be*, служат основами для образования глагола *o+bur-a+tu* 'хоронить', *ber-a+tu* 'хоронить', чаще теперь *be-a+tu* 'хоронить'. В английском слово *bury* 'хоронить'... Но оставим самой природой изолированных островитян и всех любителей изоляции и окружений. Куда нам тянуться к английскому, когда рукой подать до французского языка, полного яфетидизмов вообще и в частности — баскизмов. Попробуйте сказать, что французское слово *carrière* 'каменоломня' происходит не от возводимого к числительному 'четыре' (*quattuor*) латинского слова *quadrare*, как *équarrir* 'высекать квадратные камни', мол (*couper en carré ou couper en quartiers*), а от баскского слова *har-i* / *kar-i* 'камень'! Не поможет и ссылка на такой факт материальной культуры, как наличие в Пиренеях громадных залежей мрамора (*carrières de marbre*), питающих одну из главнейших индустрий французской страны. Нам по плечу разве Гурия. Но мы ведь в Пиренейской Гурии и только. Вот, когда сулетинец или ибер, виноват, —

субер, говорит *bugu-s*, сулетинец собственно, *büü-s*, в значении 'обращаясь' (по-испански *se dirigiéndose*, по-французски *s'adressant*) и мне объясняют сами ученые, этот раз уже баски, не говоря о редких басковедрах не-басках, что это происходит от 'головы', т. е. 'повернул голову' или 'кивнул головой', следовательно, 'обратился', то имею смелость утверждать, что это глубочайшее недоразумение, и нельзя *bugu-s* 'обращаясь' (по-сулетински *büü-s*) помещать в одном гнезде с *bugu-s* (по-сулетински *büü-s*) в значении 'головы', напр., в выражении *bugu-s* бега 'головой вниз' и т. п. Это и есть формальный метод, руководимый голым фонетическим учением. Он, естественно, пленяется созвучием. Между тем, *bugu-s* 'обращаясь' происходит от того же звукового комплекса *bugu*, но в значении 'круга', восходящего к представлению о 'небе', его же некогда значении. С этим положением, уже реальным, связано, что один элемент *bug*, как мы видели, означавший 'небо', означая по неизбежной семантической закономерности 'круг', 'колесо', 'кружение', 'вращение', 'обращение', в грузинском, с его любовью к группировке согласных в начале слов, звучит *bug* и значит 'кружение', от него происходит и грузинский глагол *a-bug+n-a* 'он крутил', *da-bug+n-da* 'вернулся', *mi-u-bug+n-da* 'он обратился к нему'; к указанной выше баскской разновидности *bug*, в значении первичном 'небо', также относится основа *bug*, у грузин служащая для образования производного слова *bug-al* (ბუგალ-ა) 'кружение'. Более того, двойники все того же *bug* 'неба', 'круга', не только *bug*, но также с губной огласовкой «о» — *bog*, равно с закономерной огласовкой той группы, которой принадлежит по своей основе грузинский язык, именно *bal* (по скрещению фонетических норм могло быть и *bag*, resp. *mag* → *var*, и это тоже есть!), обозначая первично также 'небо', 'круг', имели, разумеется, и материальное значение 'колесо', и отсюда скрещенные из них слова, частью простое удвоение грузин. — *bug-bal* (ბუგბალ-ა) 'колесо', у басков *bug-i-bil* 'круг', 'круглый', сюда же *rig*, или *ril*, в составе баскских также скрещенных слов *rig-i-ri* 'колесо' и *gug-ri* 'колесо', причем первый элемент последнего баскского слова *gug* именно в Гурии имеет свой двойник — *gor*, с усечением *go*, и из соответственного удвоения получено обиходное гурийское слово *go-gor-a* 'колесо'. Значит, и франц. *balle* 'шарик' относится сюда? Нет, нет, для французских слов в таких случаях, когда нехватает латинской кухни, да кельтской, есть непочатый источник — «германский». Франц. *balle* (понятно, и англ. *ball* 'мяч') происходит, нас учат, из германского. А откуда это слово в германском?.. Впрочем, пусть так учат, раз это тешит самих учителей, да к тому же с нас хватит Гурии, ведь не кончено по этому слову ни с Пиренейской, ни с Кавказской Гуриею: *gug-ri* 'колесо' лишь благодаря озвончению первичного *k* сохраняет в первом элементе начальный согласный, иначе он звучал бы *hur*, и то в сулетинском диалекте, а то просто *ug*, даже «и», и мы все это находим с соответственными значениями у басков; но сейчас мы спешим к кавказскому двойнику именно баскского слова *gug-ri* 'колесо', уже не только в Гурии, но по всей Грузии: с разновидностью первого элемента в форме *ug* з усечением второго элемента *ri* → *bil*, доведенным до сохранения одного губного согласного в виде *m*, получено грузинское слово *ug-e-sh* 'арба'. Слово в другой форме, которая была во всех отношениях более закономерна для самого гру-

зинского, имеет распространение по всей восточной Европе и в самой Азии — в каких языках? Они известны в печати.¹

Добавим разве, что груз. древнелит. etl (ეტილ-ო) значит и 'колесо', и 'колесницу', и 'судьбу', а в новейшее время, перекочевав из языка феодалов (иначе слово смело могло бы обозначать 'повозку', 'воз', 'арбу' подобно народному игеш) в речь почтенных горожан Тифлиса и Кутаиса и т. д., конечно, грузин, это название 'фаэтона' — случайное совпадение с фактом, что etl потому и означает и 'судьбу', равно 'круг', 'колесо', что некогда значило и 'небо', и 'солнце'. Прошу особого внимания: при существовании палеонтологии речи иначе нельзя отнести ни к груз. bgi 'круг', 'кружение' (могло бы оно звучать bgo, даже pgo), ни к бск. rig 'колесо', что налицо в составе баскского скрещенного термина rig-ri 'колесо'.

Но пора за 'арбой' и 'колесом' при освещении яфетического солнца заглянуть и в курятник, да в дело птицеловов, со включением охоты за ними, и с ним вспомнить из Кавказской Гурии слово dag (დაგ-ო) 'плетенку', в частности 'плетеное помещение для кур', но особенно 'большое плетеное сооружение со специальной целью сберечь зимой до следующего охотничьего сезона просколенных охотничьих птиц, ястребов и соколов', а у басков его закономерное соответствие заг-е (диалектически произносится Ipag-e) значит вообще 'сеть'.

Что основные названия плодов и злаков, в том числе 'зерно', равно 'орех', да социальные термины 'женщина', 'девушка', 'юноша', 'мужчина' оказались общими у баскского с грузинским, да с родными с ним языками Кавказа, это вне всякого спора, как и то, что 'девушка' и 'мальчик' выражаются описательно: 'девушка' это 'женщина (самка) дитя', а 'мальчик', или 'юноша', это 'мужчина (самец) дитя', причем в значении 'дитяти' всплывает в составном термине al+aba, сулет. al+ha-ba 'девушка' слово -ba, т. е. то именно слово, которое на Кавказе сохранилось у абхазов в многочисленных фамилиях, как Ач-ба и т. п. в том же значении, но речи абхазов, собственно абасков, уже по названию кавказских басков, мы не касаемся сейчас. Иначе бы мы должны упомянуть и то, что в баскском имеется безукоризненное мегрело-чанское соответствие, у кавказских мегрелов и чанов утраченное, — соответствие грузинского kmar-tvil (კმარ-წვილ-ო), древнелит. и mar-tvil (მარ-ტილ-ო), народно kma-tvil 'мальчик', 'юноша', тоже перекочевавшее в иберскую, виноват, романизованную испанскую речь. Об этом особо.

Так же многочисленны неизменно сохранившиеся общие баскско-грузинские и баскско-армянские слова, одно время разъяснявшиеся мною как вклад кавказского месхского языка и в грузинский, и в армянский. Каждый из этих вопросов требует монографии, для которых материала хоть отбавляй. Но нас сейчас занимают не кавказские взаимоотношения, а факт неразрывной связи баскского с различными яфетическими языками Кавказа, — связи, доводящие до иллюзии, что мы не в Пиренеях, а в каком-либо крае Кавказа, в пределах сопри-

¹ Н. Я. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, ИАН, 1925; стр. 690 [ИР, т. V, стр. 282]; его же, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, стр. 34 сл. [ИР, т. III, стр. 142 сл.]

косновения ныне или в древности со всеми этими народами, хотя бы в Гурии. Эту баскско-кавказскую близость в львиной доле разделяет и армянский. Вопрос не об общности таких слов, как груз. *bil-ik* 'стезя' (при *vel, ved* и *vid*, основах глагола 'ходить') и бск. *1-bil-1* 'ходить' (при *bid-e* 'дорога'), или арм. *aus* 'дух', 'злой дух' и бск. *aus-e* 'ветер', 'дуновение', арм. *ogm* 'стена' и бск. *ogma* 'стена'. Вопрос об отождествляемости слов первобытной культуры и затем также основных терминов позднейшего социального строя. И здесь не могу не остановиться на армянском термине *haug* 'отец'. Вслед за недоразумением, нас всех державшим в заблуждении, будто арм. *e|haug* (*Եղբայր*) 'брат' представляет простую разновидность так называемого индоевропейского слова 'брат' — лат. *frater* и т. п., надо совершенно отбросить обычное объяснение армянского термина *haug* 'отец', отождествляемого с лат. *pater*, признаваемого за разновидность так называемого индоевропейского слова с усматриванием перебоя губного звука «р» в армянский *h*. Арм. *haug* 'отец' — одно слово с его разновидностью *aug* 'муж', 'мужчина'. Это уже установленное положение, что в яфетических языках 'мужчина (самец)' и 'отец' выражались одним словом, как и 'женщина (самка)' и 'мать'. Хотя это не первичное значение слов, ибо 'отца', как социального лица, сначала не было вовсе, а когда развился родовой строй с 'отцом', то он воспринимался сначала не по полу, а как общественный тип, возглавлявший род, подобно матери, власть которой он воспринял. Тем не менее, факт, что еще при яфетидах отец и мать стали различаться по полу, отец явился выразителем мужского начала, его именем стал называться 'муж', 'мужчина', 'самец', 'петух' и т. п. Это элементарный факт природы яфетических языков. и он свидетельствует о соответственной эпохе в истории мышления человечества, его мировоззрения. По-баскски 'мужчина' *ag, resp. ar*, значит в роли суффикса собирательно 'людей' той или иной социальной группировки, родовой, племенной, национальной, религиозной, общественной или, при топографическом определении, обитателей того или иного места, как *-ag-e* в сванском. В абхазском слово *ag* выявляется как 'самец', но оно же значит 'собрание', 'войско'. Его закономерный эквивалент *er* (*ᲉᲣ*) в грузинском значит 'народ', 'войско'. Армянское *ag-u* 'самец', *aug* (из *ag-1*) 'муж', 'мужчина', как и *haug* (из *haug-1*) 'отец' одинаково все означали 'отца', с того «первоначала», когда этот институт соответственно развился. В армянском два понятия стали различаться лишь путем сохранения в одном случае спиранта *h* — *haug*, это в случае обозначения 'отца', и путем его утраты в другом случае, когда назывался 'муж', 'мужчина' — *aug*. В баскском 'отец' стал называться скрещенным термином *au-ta*, восходящим к архетипу **ar-tan*,¹ из двух элементов, нашего *ar-* и затем элемента *-tan*. И армянский язык проявляет также скрещенное состояние той же основы в косвенных паде-

¹ Случайно созвучно с этим восстанавливаемым мною архетипом баскское составное слово *aut-on* 'дед', 'предок', буквально означающее 'большой отец', как *am-on* 'бабушка', буквально, 'большая мать', как мы то находим не в одном французском *grand'mère* или *grand-père*. В *-on* 'большой' мы имеем без разложения гласного архетип первой части скрещенного *awn-dī* 'большой', окающая разновидность такой же части *an-dī* (начального спиранта, конечно, первичного, нет надобности сейчас касаться); что касается второй части обоих скрещенных слов, *-dī*, то это то же, что груз. *dī-d* 'большой', *dī+a-d-1* 'большой', без удвоения.

жах, причем вторая часть -ta (←-tan) у древних армян представлена спирантной ее разновидностью -an: род. har+an-ǰ 'отцов', 'отцам', ar+an-ǰ 'мужей', 'мужьям'.

Однако эти отождествления даются не все с такой наглядностью. Вмешались звуковые перерождения. Легко ли догадаться, что сулет. İüу, название села, это оригинал французского перевода Trois villes, получившийся из баскских слов иги-һиги 'три города', но за систематическим выпадением плавного г в сулетинском, произносящем «и» как «й», оставшиеся гласные ііи дают указанную стянутую форму İüу. Это то же явление, что у грузин в древнелитературном ver-ǰq̄l 'серебро' звучит ve-ǰq̄l. В армянском, особенно ярко проявляющем падение плавного г, его обычно замещает полугласный «у», так арм. keys^{го} 'половина' содержит такой полугласный, соответствующий плавному г в древнелит. грузинском ker-đo 'половина' и в бск. her-do 'половина'. Но и армянский, даже древне-литературный, представляет иногда такую бесследную утрату плавного г, что мы не могли бы и гадать о существовании его когда-либо в слове, если бы не состав его баскского эквивалента. Пример: бск. һur-bil 'близ' и арм. һu-р 'близ'.

Для учета этих и других, значительно более сложных звуковых перерождений существуют определенные звуковые соответствия. Они сами по себе ничем по существу не отличаются от так называемых фонетических законов индоевропейской лингвистики. Они столь же строги и последовательны, как в учении об языке индоевропейцев, учении формальном. С одной, однако, существенной оговоркой. Звуковые соответствия, устанавливаемые яфетической теорией, прежде всего учитывают скрещенность каждого языка, следовательно, смотря по слою речи, определенного этнического образования, тем более целой нации. У одного и того же языка могут быть (в палеонтологическом разрезе должны быть!) и бывают различные нормы звуковых перерождений. Мы не говорим сейчас о последствиях яфетической постановки дела, когда приходится сравнивать языки различных систем, отстоящих друг от друга по времени возникновения на десятки тысяч лет. Звуковые соответствия самих яфетических языков, и при учете скрещений, легко классифицируются выработанной уже их схемой по различным социальным группировкам, находящим свое выявление в речи подбором тех или иных строго определенных, как установленные для системы нормы, звуковых явлений. Баскский имеет, разумеется, определенное место в схеме этой формальной классификации: он представляет собой язык шипящей группы в скрещении с одной стороны со свистящей группой, с другой — с группой спирантной, которая сильно влияет во всех слоях своей огласовкой (е) и спирантизацией сибилантов, т. е. обращением s в һ, ш в ʃ, сменным тем же также исчезающим һ, в подъеме k → g → q, так как в баскском изжиты аффрикаты k → ǵ → q̄ и т. п. Звуковые расхождения, как таковые, сравнительно легко учитываются. Имею в виду не такие наглядные явления, как взаимоотношения по вопросительному местоимению 'что', в баскском с огласовкой «е» в полной форме ser (отсюда производное местоимение качественное sey-п в м. ser-п), при sa (ср. га) в грузинском и so (ср. груз. го) в мегрельском, сохранившихся в наречиях вопросительных 'куда',

или 'где'. Об отсутствии повсеместной тождественности в выборе из формально (фонетически) дифференцированных слов, т. е. фактического применения неизбываемых семантических норм, можно судить и по таким более сложным примерам, как случаи с названиями предметов первой необходимости 'вода' и 'огонь'. Бск. *hur* 'вода', это спирантная разновидность вместо *шur*, наличная в сохранности не в одной приволжской финской среде, у чувашей и т. д., но и по соседству с басками у французов, но сейчас нас интересуют кавказско-пиренейские связи в заведомо яфетической среде или подлинной, или по переживаниям и скрещиваниям, и потому мы именно подлинную разновидность шипящей группы *шur* со звонким подъемом глухого шипящего *ш* в \check{d} (з) имеем в армянском $\check{d}ur$ (Չւր). Но баскский сохранил и сибилантную разновидность в основе глагола *шur-i-tu* 'стирать', 'мыть', в сулетинском с падением *г* в «у» — *шйу-тйу*, да еще с полным усечением плавного исхода в виде *шйу* (диал. и *su*), но в значении 'огня'. Ведь палеонтологией речи установлено, что как 'небо', 'земля' и 'море' назывались одним словом, как бы 'небесами' трех плоскостей, верхнего (нашего неба), земли (нижнего неба) и моря (преисподнего или подземного неба), т. е. все три понятия обозначались одним словом, так отождествляемые органически элементы 'огонь', равно 'воздух' с 'небом' верхним, 'земля' с 'небом' нижним и 'вода' с 'небом' подземным обозначались одним и тем же словом, и лишь для выхода из этого полисемантизма (многозначности) слов к термину для уточнения стало прибавляться слово, обозначающее плоскость данного предмета, или для различения использовывались его фонетические разновидности, но этот переход от многозначности слов к однозначности происходил впоследствии в каждой среде особо. Потому-то, если в Пиренеях у басков 'вода' называется спирантной разновидностью *hur*, а 'огонь' сибилантной *шйу* (← *шur*), то на Кавказе у армян 'вода' именно при уточнении речи получила в качестве названия сибилантную разновидность шипящей группы — $\check{d}ur$ (Չւր), а 'огонь' — спирантную разновидность *hur*. В грузинском то же слово, соответственно его принадлежности к свистящей группе, появляется, разумеется, с сибилантным начальным согласным, собственно с подъемным разложением диффузного звука \check{h} в группу $\check{t}k \rightarrow \check{d}q$ и т. д. и с огласовкой «а» в значении 'воды', это $\check{t}kal$ (႕႗ႏႀ-ႀ), равно $\check{d}qal$ - (႕႗ႏႀ: гур. *kur-dqal* ႕႗ႏႀ-႕႗ႏႀ 'слеза', буквально 'вода глаз'), а спирантная разновидность *al* (႕႗ႏႀ) ← *hal* обозначает 'огонь', собственно, 'пламя', так как для выражения 'огня' грузинский язык использовал ту же самую сибилантную разновидность $\check{t}k$, что означает обычно 'воду', но с прибавкой слова $\check{d}e$ (႕႗ႏႀ → $\check{z}e$) 'верх' — $\check{d}e-dqal$ (႕႗ႏႀ-႕႗ႏႀ) 'огонь', вместо * $\check{d}e-dqal$, как то наблюдаем и со словом $\check{z}e-d\check{a}$ (႕႗ႏႀ) 'небо', буквально 'верхнее небо', наше 'небо'.

Но это не мешает тому, что и арм. *hur* 'огонь' вошло в грузинский язык с подъемом в разновидности $\check{d}ur$ и $\check{d}ul$ для образования глагола *ga-a-dura* 'разогрел', равно в составе термина *zaq-dul* 'лето', букв. 'год горячий (огня)'. И как в баскском от *hur* 'вода', в большинстве теряющего спирант — *ur*, сохраняется в том же смысле лишь «и», так его двойник *hur* 'огонь' на Кавказе появляется в виде «и» в составе скрещенного глагола еще халдского языка ванской клинописи — *u-ki* 'сжигать' (ср. «и» грузинского в *mo-u-ki-d-a* 'зажег').

В целом ряде случаев баскский выставляет спирантную разновидность общих слов против сибилантной не только грузинского, но и армянского глагола, как-то:

бск. ho-gey → o-gey '20'	груз. o-đ
бск. *ho-gi → o-gi 'хлеб'	арм. ha-đ (диал. hãđ)
бск. har+a-gi 'мясо'	груз. qog-đ
бск. gar-b 'чистый'	арм. sur-b 'чистый', 'святой'; груз. tr-fel 'чистый (сердцем)', 'искренний', 'простой'
бск. gu-ti 'мало'	груз. ðo-ta 'мало' (чанск. tu-ta и tu-te 'маленький' и т. п.).

И это отношение баскского к сродным языкам Кавказа проявляется и за более чем тысячи лет до возникновения грузинской и армянской христианской письменности, так, напр., в слове бск. ar-gi 'свет' и халдск. Ar-din → Ar-di 'солнце'.

Но из этого вовсе не вытекает, что в баскском, утратившем весь ряд заднеязычных аффрикатов $k \rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$, мы постоянно можем или, что еще хуже, должны находить простой звук g , собственно \check{q} (в баскском, следовательно, q), при точном соблюдении корреспонденции с сибилантом \check{d} . Так можно рассуждать «лингвисту», не имеющему элементарного представления об истории человеческой звуковой речи. Тут вопрос не только в том, что яфетические языки Кавказа также были подвержены изменениям порядка в смене переднеязычных $t (\check{t}, \check{d}) \rightarrow \check{d}$ (d, λ) $\rightarrow \check{d}$ (\check{g}, g), да позднее и порядка перехода с этих аффрикатов на их простых представителей $t (\check{t}, \check{d}) \rightarrow d (\check{g}, g) \rightarrow \check{d}$ (\check{q}, q). Вопрос более существенный и для нас основной тот, уже решенный, что языки все — скрещенные, в яфетических языках, как языках древнейшей формации, лишь видно это легче, и потому в самом баскском, очевидно, в другом социальном слое его состава, мы можем, наоборот, встретить вм. g именно \check{d} , а в яфетических языках Кавказа точное его соответствие \check{q} . И прежде всего в самом баскском рядом с har+a-gi 'мясо' находим har+a-đ (в диал. произношении и sagađ) 'труп' (ср. такое же семантическое соотношение соответственных слов в сванском). А затем, в баскском имеем ðe ($\check{d}e$) в значении 'дерева' в названиях плодовых деревьев, напр., maðar-ðe 'грушевое дерево', усеченно ð — maðar-ð, а в грузинском ðe ($\check{d}e$) 'дерево', древнелитер. ðe ($\check{d}e$). Кстати, в бск. al-ða 'ольха' мы имеем другую разновидность того же сибилантного слова, именно ða, в соответствие мегрело-чанскому ða ($\check{d}a$) 'дерево', что уже нас ведет и в грузинском к более близкой к баскскому слову ðe сибилантной разновидности, притом в полевой форме — ðel ($\check{d}el$) 'дерево' (древнелит.), ныне 'доска'.

Следовательно, не подобные звуковые видоизменения затрудняют дело. Оpozнание родства баскского с яфетическими языками Кавказа значительно больше затрудняется в глазах непосвященных широким применением скрещения или сопряжения простых одноэлементных слов в одно целое.

Кому могло прийти в голову, что груз. ðbil (ծծալ) 'теплый' и бск. ber-o 'теплый' — родственны? Скорее бы признать родство грузинского слова с рус-

ням «теплый» и т. п. Мы и против такого предложения имеем основание не возразить. Но палеонтология речи вскрыла, что грузинское слово есть скрещение из двух элементов ႃ-bil , и вторая часть bil , самостоятельно означавшая до скрещения также 'теплый', является лишь разновидностью основы ber баскского слова.

Груз. ႃal ($\text{d}^{\text{ႃ}}\text{ႃo}$) 'сила' имеет свое столь же явное родство со словом dar в значении 'силы', но в этот раз баскский язык его упрятал в скрещенном слове in-dar 'сила', причем и первая часть баскского скрещения in- сама по себе значила также 'силу', 'мощь' в самом баскском, как мы видим из составного слова es-in 'бессилие', 'немочь': es 'не' и in 'сила'.

Груз. tver 'вершина', 'кончик', первично означавшее 'голову+гору+небо', есть двухэлементное скрещение. Вторая часть ver — двойник баскского ber , появляющегося с утратой исходного плавного (be), и означает первично 'голову', как синоним бск. bur-u 'голова': подобно последнему слову и ber (be) играет теперь роль возвратного местоимения 'сам', 'себя' и т. п. Что касается первой части t- , то это пережиток слова в полном виде tar , который в армянском от эпентезиса гласного « a » преобразован в taur ($\leftarrow \text{tar}$), но означает также 'вершину', 'кончик', как грузинское скрещенное слово t-ver полностью. Первая часть tar в грузинском также выслеживается, между прочим, в усеченном виде ႃa 'небо', с утратой же аффрикатности в виде ta со значением 'главы', 'вождя' в халдском языке клинописи, а у грузин в виде ႃa в составе скрещенных слов, во-первых, уже разъясненного нами m-ႃa (ႃos) 'гора', диал. ႃ-ႃa , во-вторых, ႃa-v 'голова'. В последнем усечении подверглась и вторая часть (v вм. vel), но имеется и разновидность с полнотой во второй части ႃa-vel со специальным значением 'колос', буквально 'голова пшеницы' и т. п., как у басков buru 'голова', означающее и 'колос', иногда самостоятельно, иногда в сочетании с gar 'пшеница' — gal-buru , или просто в уменьшительной форме buru-sko .

ႃqo-vel 'живой' (его разновидность ႃqo-vaq означает обычно 'овцу') второй своей частью -vel является разновидностью двух слов в баскском языке, разумеется, различных его слоев — bis-1 'живой' и ber в составе также скрещенного слова a-ber-e 'животное'; что же касается первой части ႃqo- , то в шипящей группе языков мы ее имеем в полной форме ႃqig в значении 'овцы', и ее же мы находим у басков, с утратой, понятно, начального двусогласия и в виде ႃig в составе скрещенного слова a-ႃig-1 , равно a-ႃig-1 (сул. a-ႃi-u) со значением 'годовалого ягненка'. В мегрельском же усеченная его форма в виде ႃq̄i значит 'корову' по функциональному развитию значения в связи с переходом скотоводческого хозяйства с мелкого скота на крупный.

Иногда мы имеем скрещения у обеих сторон, с фонетическим лишь расхождением, причем соответствия закономерные как между сибилантной группой (груз. d) и спирантной (бск. исчезающий спирант): груз. da-bal (ႃႃႃႃႃႃႃႃ) 'низкий' и бск. a-ral 'низкий', причем и в одиночестве da у грузин значит 'низ' (предлог в глаголах) и bal , в виде его баскского же двойника bas , оказывается не у басков, а, хотел было сказать, у французов, но французскому bas уже найдено, оказывается, происхождение у римлян в bassum , «которое в латинском использовалось

особенно как прозвище». Блаженные люди, повидимому, они до сих пор не слышали, что в латинских именах и, особенно, прозвищах, если не этруск (ведь это тоже яфетид, но перегружаемый неспособностью грехами других яфетидов), яфетид на яфетиде сидит и яфетидом погоняет, и чем глубже в народные массы, тем больше этого материала; иначе мир не получил бы той новой музыкальной речи, которая именуется итальянской.

Сложнее еще дело, когда при нахождении общих слов в скрещенном состоянии у обеих сторон, и кавказской, и пиренейской, слова оказываются скрещенными в обратном порядке, так, напр., то же самое скрещенное грузинское слово *t-ver* (წვერ) 'кончик', с первой частью *tar*, сведенной к одному начальному согласному (*t-*), означает и 'бороду', и, казалось, ничего общего с ним не имеющее баск. *bi-sar* 'борода'; но на самом деле грузинское равнозначащее слово *t-ver*, в архетипе **tar-ber*, представляет тот же баскский термин *bi-sar*, но в обратном порядке, но, что не менее любопытно знать, его созвучие с *t-ver* 'вершина', 'кончик', — плод случайного созвучия, и, напротив, груз. *t-ver* 'борода', с архетипом **tar-ber* и баскской разновидностью *bi-sar*, требуют сближения скорее с грузинским *tar-b* 'брови'.

Благодаря вскрытию скрещенных слов перспективы увязки баскского с яфетическими языками Кавказа открылись громадные. Палеонтология речи и по семантике дала наблюдения в процессе этого также формального анализа, но неизбежно увязанного с идеологическим, совершенно неожиданные результаты по развитию речи в отношениях и морфологическом, и семантическом. Так в баскском два слова для понятия 'дитя', 'сын': одно — *heme*, другое — *hume* (→ *ume*) ✓ *kume*. Оба скрещенные слова из одних и тех же элементов, но различной социальной формовки (*hne-* || *hu-* и *me-*), обе части скрещения с утратой плавного, по восстановлении его второй части мы получим **hne-mer* || *hu-mer*. Грузинский эквивалент сохранил то же самое скрещенное слово в сибилантной разновидности, как первое баскское слово *heme*, но с огласовкой второго баскского слова *hume*, словом термин должен бы звучать *шо-bel*; он и существует, но в связи с рождением в грузинском флексии с внутренней морфологической перегласовкой, по которой гласным «е» (j) характеризуется имя действующего лица, причастие действительное, а гласным «и» (o) причастие страдательное, то же самое слово *шobel* воспринято как 'родитель', 'рождающий' или 'рождающая' (грузинский рода не различает), причем оно получило еще префикс имени действующего лица *m*: *m-шо+bel* (შობელ-ი), и лишь причастие страдательное *шobil* 'рожденный' в стянутой форме *шv1* (შვილ-ი) используется в значении 'сын'.

Между тем *шobel* первично, действительно, и означал 'сына', пока не установился новый морфологический строй с возложением на гласный звук «е» функции переходности или действия. Первично это было скрещенное имя из двух равнозначущих слов: 1) *шо* 'дитя', 'сын' и 2) *bel* 'дитя', 'сын'.

1) Первое слово *шо* ↔ *ши* по шипящей группе должно бы иметь эквивалентом *sko* ↔ *sku*: *sku* сохранилось в скрещении у мегрелов в слове *sku-a* 'дитя', 'сын' (вм. **sku-val*), *sko* сохранилось у басков в уменьшительном суффиксе *-sko* из *sku-al* (диал. *шко*), восходящем семантически к понятию 'дитя', оно же со

спирантизацией начального сибиллянта в виде -ко служит для образования форм, выражающих происхождение или прилагательные порядка род. падежа (относительные и т. п.).

2) *bel* в связи с его значением 'дитя' у грузин означает 'детеныш' специально медведя; его разновидности многочисленны, в числе их чанск. *ber-e* 'дитя', 'сын', с усечением *be*, у басков *ba*, все в значении 'дитяти', 'сына' (см. выше *al+ha-ba* 'женщина+дитя' → 'девушка').

Баскский эквивалент всего слова *hime* (✓ *kime*) 'дитя', 'ребенок' существует и с сохранением плавного исхода, т. е. с полной формой второй части *hu-mer*, что свидетельствуется баскским *u-mer-1*, сулет. *hü-mer-1*, означавшим, однако, первое 'ягненок', а второе уже обобщенно 'потомство животных'. В параллель такой баскской смене значения груз. *shobel* именно от эпохи дофлективного его значения в точном его мегрельском соответствии *squer1* (вм. **squver-1*) значит 'олень', как и само грузинское слово в стянутой форме *shvel* 'олень'. И все это не игра природы или случайных фонетических совпадений, а плод общей нормы перевоплощения значений слов, органически связанной с развитием хозяйства. Палеонтологией речи вскрыто, что предметы получали названия по их функции, так ряд животных по функции передвижения, и животные, заступавшие место других животных, наследовали их названия. Потому общераспространенное ныне на Западе в романском мире название 'лошади' *caball-us* в Восточной Европе переживает в роли слова, означающего 'пес', которого в функции животного передвижения сменила 'лошадь', это русская «собака», причем речь в обоих случаях идет о скрещенных основах из двух элементов (AB) — *so-ba* || *ka-bal*. Впрочем, и в Западной Европе значение 'лошади' отнюдь не было исключительное у слова *ka-bal*: у сулетинских басков оно означает вообще всех животных, включая птиц! Но как животное передвижения, если лошади предшествовала собака, то до собаки служил 'олень', и грузинский язык, наравне с мегрельским, сохранил то же слово в приспособленных к их фонетическим особенностям формах со значением 'олень': это мегр. *squer-1* (вм. **squver-1*), груз. *shvel*. Мегрельское *squer-1*, смещенное еще в своем архетипе **squvar* вм. **sqobar*, является разновидностью русской основы *so-ba*, утратившей, помимо плавного исхода, парность начального согласного *sk*, сведенного к одному согласному *s*, как в термине «золото» вм. *skoloto*. Но кого же сменил 'олень', как животное передвижения, это вопрос громадной принципиальной важности по семантике и связан с проблемой истории одомашнения животных; этот хозяйственный акт являлся, несомненно, также культовым, поскольку он представлял ввод животного в общество людей, как бы его *усыновление*. Поскольку *shmer-1* у басков означает 'ягненок', мы не выходим еще из одного с оленем круга, и в то же время становится понятным, почему у оленя оказывается общее название с ребенком, дитятей.

Вот в подобных передвижках значений слов, как будто сути самой речи с ее также функцией, а с нею и техники, не исключая и морфологии, и в увязке их действительными до корней проникающими сдвигами в материальной обстановке, общественном строе и, следовательно, также мировоззрении, и лежит гвоздь. В этом трудность, но в этом же и ценность яфетической теории, открывающей

пути для ее преодоления. Без преодоления этой трудности по существу не справиться и с техникой. И в самом деле легко было установить звукосоответствие начальной пары согласных sq̄, пережитка первичного диффузного звука, с такой же парой согласных на Западе sg, собственно zg, здесь, однако, в баскском, по нетерпимости стечения согласных в начале, расклиненной гласным «а» в группу ñag (диал. sag), как это мы видели во взаимоотношениях груз. sq̄al и бск. ñagar; но без учета предшествовавшего полисемантизма этого слова мы не могли бы правильно воспринять факт, что груз. sq̄al значит 'груша' и бск. ñagar 'яблоко' (см. стр. 10). Не менее легко воспринять, что та же группа sk → zg, перерождающаяся в ш, resp. j, в словах иной социальной группы соответствует s, resp. z, а при подъеме и ð и т. д.; следовательно, груз. sq̄al 'груша' может и должно иметь в соответственной общественной среде, где бы это ни было, на Пиренеях или на Балканах (хотя бы в Албании), двойником если не *ðal, то ðar, но необходим учет той же работы новой общественности над неудовлетворяющим ее потребностей полисемантизмом, чтобы понять, что если у грузин простой вид sq̄al сохранился в общем обиходе со значением 'груши', а для 'яблока', естественно, приходилось пользоваться скрещенным видом, позднее возникшим, судя по перерождению sq̄ в ш, именно словом из двух элементов (ВА) — груз. va-шl (ვაშლი), стянутая форма вм. *va-шал, как то явствует из безукоризненного закономерного его соответствия по шипящей группе ч. u-шqur (вм. vu-шqur), то у басков, наоборот, при использовании простого вида ñagar (←*sgar) лишь в значении 'яблока', для 'груши' оставался скрещенный вид, уже существовавший до разрыва общения прабасков с прагрузинами. Но раньше, чем указать на баскский материал, прерву себя для оправдания мнения тех остроумных лингвистов-индоевропейцев, которые потешаются над «беспочвенной» или «фантастической» яфетической теорией, разъясняя, что «если в ней сходятся концы с концами, то это, мол, по теории вероятности». Дело же в том, что вторая часть грузинского скрещения va-шl (←*va-шал || ч. u-шqur), названия 'яблока', действительно разъяснена и как самостоятельное слово, но можно ли то же самое сказать про первую часть, в грузинском va-, в мегрельском и чанском u- (←vu-), полная форма vur-? Конечно, да, учтя чередование губного v с ш и далее с их подъемными р и т. д. Я бы мог сослаться на его соответственное использование в яфетических языках Кавказа, Северного Кавказа, начиная с Абхазии, в тех языках, которые, по самоновейшим учебникам господствующей школы, не имеют ничего общего с южнокавказскими. Но жалко оставлять басков в Западной Европе в сиротливом одиночестве. Решимся сделать вторжение в соседние романские языки, да лучше в самый источник чуть не зарождения, латинскую речь. Здесь мы и имеем слово mal-um 'яблоко': mal- лишь разновидность грузинского va-, утратившего плавный звук. А романские? Но ведь мы сейчас не романскими заняты, а лишь яфетическими языками, да к ним исключительно примыкающими, как, напр., не в одном данном случае испанский, собственно иберский, во многих своих слоях, с его mal-ñan-a 'яблоко', двойник груз. rap-ta, означающего в кавказской исторической Иберии, т. е. в Грузии, как мы видели, где 'яблоко', а где и 'грушу'. Но пора вернуться к самому

яфетическому языку Западной Европы, баскскому. В нем имеем в соответствие кавказскому скрещенному слову со значением 'яблоко' груз. *va-ші* (←**va-шал*) и ч. *u-шқиғ* (←**vuʀʀ-шқиғ*) две основные баскские разновидности, обе со значением уже разъясненным, почему 'груша', одна с первой частью скрещения, разновидностью груз. *va-*, именно *ma-* (ср. лат. *mal-um*) — *ma-dar-1*, другая — с первой частью чанского, да и мегрельского скрещения без всякого изменения — *a-dar-e*, да и с более полной формой первого элемента — *ur-dar-u*, но в обоих баскских словах вторая часть — *dar* — проявляет одинаково плавный в мегрельской и чанской разновидности, т. е. по шипящей группе.

Но с каких пор эта бесспорная связь пока далекой баскской речи с крайнего запада Европы, пока хотя бы с одним общественным кругом яфетических языков Кавказа, тем, что объединяется божеством со скрещенным названием, казалось бы, из двух элементов, А и В (при племенном их восприятии, салским и берским), в различных социально-фонетических оформлениях: это *tar-maθ*, фонетически присвоенное грузинам, *ğog-moθ* у чанов, да и мегрелов (с перестановкой гласного — *ğog-onθ* вместо **ğog-omθ* из того же *ğog-moθ*), *ğer-meθ*, или *ğer-beθ*, у сванов с его также, казалось бы, усеченным дериватом *ker-p*, на самом же деле более древним (действительно, лишь двухэлементным) образованием, у воспринявших его грузин обращенным за христианское время в отверженное языческое божество, и *kağa-ṛet* у армян с утраченной самостоятельностью по обладанию в Армении христианства, которое, однако, изжить не смогло его: оно смогло его, пустившего глубокие корни в население, лишь замаскировать ценой влияния с его народным культом святого новой религии, крестителя. На Кавказе этому богу, явственно выделяющему определенный круг народов своим по существу единым культом, можно противопоставить лишь одного бога, бога Халдина, или Халда, ванских царей, насаждавших его культ огнем и мечом, если не на том пространстве, то, несомненно, среди тех же южнокавказских яфетических народов. Халдин, или Халд, также скрещенный термин из двух элементов, но уже из А и С, при племенном их восприятии — салов и ионов, как племенное название скифов или сколотов.¹ Мы могли бы, взяв вожаками богов с тем и другим по составу скрещенным именем, проследить этнические образования с соответственными названиями и соответственного скрещенного состава, которые и создавали себе этих кумиров. Мы это и попытались сделать, достигнув отождествления Цармата и его двойников, как тотемных божеств, с сарматами, а Халдина со скифами, не говоря об обнаруженном наличии тех же божеств, а особенно *ğer-meθ*'а далеко за пределами Кавказа, на всем пространстве от Италии до глубинной Азии. Дело идет, следовательно, о древности, уходящей от исторических сарматов и хотя бы также скифов далеко в глубины времен, и какой нам прок от позднейшей исторической роли скифов и сарматов при актуальном сейчас у нас конкретном вопросе, когда общение басков с яфетическими народами Кавказа, грузинами, мегрелами, чанами, сванами, равно халдами, праармянами, отно-

¹ О божестве Халдине, а также Цармате см. Н. Я. Марр, Скифский язык, стр. 359 сл. [ИР, т. V, стр. 207]; его же, О числительных (К постановке генетического вопроса), стр. 14 сл. [ИР, т. III, стр. 254 сл.].

сится к более древним эпохам, чем господство этих народов, объединяемых культом названных богов?

Большие связи баскского и яфетических языков Кавказа выявляет круг слов каменной культуры, начиная с самого названия 'камня',¹ не только *kaq*, арм. *kaq* (в удвоении в виде *kaq-kaq*), одиноко *qaq* (*բար*), у ванских халдов в их клинописных текстах в скрещенной разновидности *qaq-bi* (с усечением плавного *ka-ri* 'камень') и бск. *haq* / *kaq*, у грузин в значении прилагательного 'твердый', 'крепкий' — *m-kaq* (*ძჳს*), равно у ванских халдов *ṣag-1* 'крепкий', 'укрепленный' и т. д.; сюда же относится термин, усвоенный грузинами из языка, перерождавшего *g* в *j*, как сванский, *kaq* (*ჟაყ*) 'кремень', слово соответственного слоя грузинской речи. Это — название предмета, важнейшего в развитии человеческой культуры, вместе с груз. *a-bed* 'трут' (для зажигания огня). Его баскской разновидности не досчитываемся у самих басков, но она налицо у соседей-французов: это *a-ta-di*, и в этот раз, может быть, нам будет позволено предъявить яфетическое право собственности на бесспорно доисторический термин, раз лучшие знатоки французской речи ничего не в силах с ним поделаться. Слово по авторитетам во французском языке — «без роду, без племени», а по нашему — это подлинное французское слово, как многие десятки и сотни других, унаследованных французами от своих массовых предков, доисторического населения Европы, и унаследованы они в процессе сложения французской речи в хорошо известной Галлии, а не в Италии или в Германии, или на неизвестной прародине кельтов и еще менее в изолированной от исконного в стране массового населения среде каких-либо наезжих господ кельтов или господ германцев. Это слово столь же подлинное французское, сколь и личное имя Гаргантюа (*Gargantua*), героя оригинальнейшего литературного произведения, но это не мешает имени *Gargantua*, несомненно, до *Rabelais* народному, по окончанию *-ia* быть в родстве с племенными, фамильными, личными, а также, в зависимости от племен, географическими названиями у яфетических народов и Кавказа, и Пиренеев, наравне с его двойником *-ia*, также по форме удвоения и перебою *g* в *nt* (из *nđ*, герср. *nđ* и т. п.), также с тождественными явлениями у яфетидов, не исключая и басков, а по самой основе также не без связи с нашим же словом, пиренейско-кавказским 'камнем' — *kaq* и с его удвоенными формами в значении 'камней', 'журчания воды, текущей по камешкам', и неизбежно с 'горою', следовательно, и с 'небом', вообще с культовыми предметами доисторического быта, и в нем ясно намечается божество доисторического населения страны, как то мы понимаем всю мотивировку положения, устанавливаемого таким тонким знатком романских языков, как уже названный по этому же поводу проф. В. Ф. Шимарев, специалист с навыками научной работы и непосредственными традициями школы А. Н. Веселовского. И все это ни к чему... Кругом сон непробудный, косность. Как же мне сослаться на такое же яфетическое происхождение имен героини и героя всем известного средневекового романа Тристана и Исольты (*Iseult*)? Они оказались, как известно (увы, лишь в нашем научном околотке,

¹ Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, стр. 45 сл. [ИР, т. III, стр. 149]; его же, *Origine japhétique de la langue basque*, стр. 228.

без всякой опоры во внушающих доверие традициях), именами, означавшими на языке доисторического населения Европы Исольда — 'воду', богиню вод, то же, что Иштарь на Востоке, Туран, она же небесная Афродита у этрусков, богиню любви, а Тристан — 'солнце', этруское по наличному в его составе племенному слову *gis*, или *gus*, божество также любви и искусства.¹ Впору вызвать из царства теней на помощь покойного французского ученого Г. Пари (G. Paris), который в самом типе Тристана усматривал солнце по роли в романе, по его природе с переживаниями глубочайшей древности. Но лучше не только не тревожить покойников, но оставить в покое героя Солнце и героиню Воду, падшие божества (хотя и не так глубоко, как Гаргантюа), дабы не обострить международное положение возбуждением старого бесконечного спора, кому принадлежит по современно научно-обоснованному праву собственности средневековый роман — англичанам, французам или, может быть, немцам. Ведь по части национально-научных пререканий по литературным сюжетам этого порядка в Европе нисколько не лучше или не хуже, чем на Кавказе. И, в самом деле, кому из народов принадлежат солнце, вода и хотя бы богиня или бог любви и искусства? А мы удовольствуемся яфетидом Гаргантюа, высекающим французский 'огонь' из яфетического 'камня' *kaḡ*, при помощи яфетического 'трута' *amadou*. А откуда 'огонь'? Кто первый изобрел 'огонь'? Тот ли, кто вызвал его случайно трением дерева о дерево или хотя бы ударом камня о случайно подвернувшийся слиток металла при валявшемся тут же труте, в который попала искра, и т. п.? Увы, вся эта техника производства огня, как она сама по себе по существу ни важна, не имеет абсолютно никакого значения для словотворчества человечества, когда не только предмет творился или изобретался впервые, как в данном случае 'огонь', но изобреталось слово, творилось слово. И вот палеонтология речи устанавливает и в этом случае, что слово в те эпохи создавалось не по технике, а по функции, следовательно, переносилось на новый предмет, источник тепла и света, название использовавшегося раньше источника тепла и света, т. е. 'солнца' и 'неба'. Отсюда общность названий 'огня' и 'света' с названиями 'неба', в частности 'солнца', как вскрыто материалами яфетических языков. Чего стоит, хотя бы, одно то, что груз. ზებქი (ვეცხლ-ი) 'огонь' значило раньше и 'небо', 'верхнее небо'? Отсюда же не только греческий миф о кавказском Прометее, но и само название Прометей, разъясняемое ныне данными яфетических языков Кавказа и Пиренеев. Нужно ли говорить, что термин Прометей не имеет доселе своего разъяснения, как, впрочем, и Яфет (Уафед) или в греческой традиции Апет с усечением начального слабого согласного «у».

На Апете (по библейской легенде о Ное и его детях — Яфете) сейчас мы могли бы не останавливаться, удовольствовавшись тем, что напечатано уже нами,² особенно отождествлением имени кавказского яфетида Апета с кавказ-

¹ См. Н. Я. Марр, Отчет о поездке к западноевропейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 47 сл.; его же, ქართველ ერის კულტურული უბუბლო ენათმეცნიერების მიხედვით, მხათობი, №№ 12, 13—14, 1925; отд. отт., стр. 37 сл.; его же, Иштарь, ЯС, т. V, стр. 109—179 [ИР, т. III, стр. 307—350].

² Н. Я. Марр, Лингвистически намекаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, стр. 56 сл. [ИР, т. III, стр. 49 сл.].

ским яфетическим словом 'трут' — груз. *a-bed* — и с другими сродными с ним терминами по огнепроизводству, как-то: 'огонь', 'зажигать', 'воспламенить', 'сжигать'. Однако дело в том, что Апет — отец Прометея, и нельзя толковать их имена каждое на свой образец.

Конечно, это совпадение термина из круга производства огня с трутом неслучайно, оно сохраняет интерес. Мы поддержим эту связь имени отца Прометея с терминами по огню и баскскими языковыми данными прежде всего тем, что Апет, или Яфет, не двухэлементное, а трехэлементное скрещенное слово *A-pe-t* || *Ya-fe-š*, во второй своей составной части *pe* → *be* → *fe* выявляет спирантную разновидность (с утратой спиранта *h*) сибилантной основы *pes* ↔ *fis*, а *fis* по-баскски основа глагола *fis-ti* 'зажигать огонь'. Сулетинское слово *fis* в кавказской Гурии представлено разновидностью *fiš* с закономерным подъемом *z* в *š*, обычным у баскского с мегрельским, да и с грузинским, и это *fiš* входит в состав основы глагола *fiš-qa*, с предлогом *ga-a-fiš+qa* (გააფიშკა) 'он поджарил его (ломтик кукурузного хлеба или что другое)'. С учетом общепитической формы этого же глагола *bis-tu* мы имеем тот же ряд губных, что в основе имени отца кавказского похитителя огня и его родни, *pe* → *be* → *fe*, без глухого «р», но «р» неизбежно вытекает из существования последующих двух ступеней (*b* → *φ*), как и разновидности с низшею ступенью губного — *m*, следовательно, *mes* ↔ *mis*; слово *mes* в значении 'огня' непочто налично в св. *le-mes-g* 'огонь', как второй элемент скрещенного, да, казалось бы, и в значении 'солнца' у грузин с привычным им продвижением к началу согласных в *mze*, в говорах *bze*.

Вообще 'огонь' с его терминологическою все время сплетается с названиями 'неба' и соответственных 'небесных' (атмосферических) явлений. Для баскско-кавказских связей интересно отметить такой случай, как обозначение 'угля' и 'искры' одной с 'молнией' основой, так: баск. *ka-š* → *qa-š* в составе баскского составного термина *i-kaš*, сулет. *in-qaš* 'уголь' (ныне черный, первично 'горящий', без прибавки определения *bisi*), арм. *ka-u-t* 'искра' и арм. *ka-u-t-ak* 'молния' и т. п. Никто не спорит с тем, что 'огонь' добывали трением кусков дерева, высекали из камня искры и подхватывали для пользования 'трутом' — «amadou», груз. *abed* и т. д., но факт, что в речи яфетических народов Кавказа, да и пиренейских яфетидов, мы видим органическую связь представления об 'огне' с 'небом', 'солнцем', и при мысли о происхождении огня не могло быть иной образной истории его, как та, что говорит нам сохраненная греками легенда, миф, если об огне конкретном с неба человечество, допустим, не имело бы никакого представления.

Но с огнем мы еще у каменного века, да с огнем только можно было сотворить человечеству века металлов. Добыча и разработка металлов в начальной стадии развития прошла еще при тесном общении басков с яфетидами Кавказа.

В металлах, однако, испанский язык своими яфетическими переживаниями иногда оказывается ближе к яфетическим языкам Кавказа, чем баскский язык, напр., в названии 'серебра', но и на Кавказе сваны именуют 'железо' не тем словом, что грузины (გჳაზა), равно мегрелы, чаны, армяне; сванское же

слово для 'железа' *berēj* (ბერეჯ-ი) у перечисленных кавказских народов, разумеется, в соответственных разновидностях, означает 'медь', но баски именно в значении 'железа' выявляют слово, общее со сванами, разновидность полную еванского слова — *bur-din*, у сулетинских, или сибирских, басков — *bür-dün*. По последнему термину, общему яфетидам на Кавказе и в Западной Европе и успешному войти в обиход речи и за пределами яфетического мира, с колебанием уточненного его применения, где в значении 'железа', где 'меди', а где и 'бронзы', баскский язык дает нам опору для территориальной увязки. Дело в том, что рядом с указанными баскскими разновидностями *bur-din* и *bür-dün* при архетипе **bur-din* у басков существует и разновидность *bur-n-i*, восходящая к архетипу спирантного типа **Bur-in-e* или **Bur-en-e*, первично, следовательно, — *Bur-en-e*, а это дает основание в его точной передаче «*Bur-éné-es*», служащей теперь географическим термином, усматривать не просто схематически или отвлеченно устанавливаемое скрещенное племенное название 'бер-ионы' и в применении к горам общее название 'горы',¹ что мы и сейчас не имеем основания оспаривать, но связанный с металлургической работой в этих горах термин 'железо', 'медь', 'бронза' или, хотя бы, 'свинец', — ведь его баскское название *ber-in* лишь разновидность того же слова, как из круга родственных с ним терминов и грузинское слово *br-rep* также 'свинец'. Когда баскский талантливый писатель пишет в романе «Иоланда» про старейшие предания о пристрастии басков к железному и кузнечному делу, не следовало бы все объяснять энтузиазмом и увлечением, а больше обратить внимание на уточнение истории материальной культуры и по этой части. Учтем и то, что баскское название 'золота' *urē*, по-сулетински *ürhü* (ср. название горной вершины в Пиренеях *Pic d'Orhü*), лишь двойник армянского *oski* (основа и *oske*), означающего также 'золото', и оно имеет распространение в закономерных разновидностях и в других яфетических языках, равно за их пределами.

Однако, нам важно знать, доколе доходит родство яфетических языков Кавказа с баскским, т. е. до какого этапа в росте культуры кавказские яфетиды с пиренейскими находились в условиях развития своего родства, изначально установленного. Когда разрыв?

Разрыв, казалось бы, полный у басков с яфетическими народами Кавказа начинается с терминами торговли. Но по этой увязке с западноевропейскими яфетидами неблагоприятно на Востоке из-за вторжения вклада древней яфетической культуры, оставившей в наследие самим яфетидам позднейшей исторической жизни, тем более неяфетидам, т. е. народам по языку позднейшей формации, термин *vačar*, у грузин в значении 'купца', у армян — 'торговли', у персов — 'рынка' и т. п. (*bazar*); слово было использовано из того же источника и персами Ахеменидами. И то же слово раньше у халдов Ванского царства означало 'город', судя по их клинописным текстам. Так-то по палеонтологии речи 'продавать' значит 'давать', а 'покупать' — 'брать', но так как глаголы 'давать' и 'брать' одинаково восходят к слову 'рука', то в яфетических языках с сильно развитой

¹ N. Marr, *Analyse nouvelle du terme Pyrénées*, ДАН, 1925, стр. 5—8; его же, *Les Pyrénées ou Monts Ioniens*, ДАН, 1925, стр. 15—18.

Функциєю предлогов стали обходиться и обходятся одним глаголом без предлога — в значении 'покупать' ('брать'), а с предлогом отдаления — в значении 'продавать' ('отдавать'), как в немецком — kaufen и verkaufen, в грузинском — v-i-kid-e (ვ-ი-კიდ-ე) 'я купил' и ga-v-kid-e (გა-ვ-კიდ-ე) 'я продал'; в настоящем времени грузинский довольствуется и одной разностью образования формы, чтобы отличить 'продавать' от 'покупать', так как основа kid глагола, понимать ли в значении 'покупать-брать' или 'продавать-давать', восходит к слову 'рука', отсюда разновидность той же основы kid сохранилась и в значении глагола 'касаться' mo-kid-a. Основа эта имеется и у басков в значении 'касаться' с усечением конечного согласного ki в скрещенном двухэлементном слове u-ki 'касательство' (u+ki-tu 'касаться'), но в смысле 'купли' и 'продажи' баскский, как армянский, пользуется различными корнями, именно в значении 'продавать' баски употребляют sal- (в сулетинском наречии с произношением s как звука среднего между s и ш: š), а армянский — термином, заимствованным архаичной яфетической культурой, — vaṭar-el. В значении 'покупать' баскский пользуется элементом D, рошским, этнически определяемым как этрусский, именно e-ḡoṣ-i (у испанских басков e-gos-i), а армянский — глаголом ar-n-ul 'брать'.

Это не значит, однако, вовсе, что перечисленные слова все не были уже гражданственны одинаково и в баскском и в яфетических языках Кавказа, так бск. sal 'продавать', собственно, 'давать', восходит к 'руке', а грузинское слово ḡal 'сила' есть лишь особый вид баскского sal, означавшего первоначально 'руку'. Армянский глагол ar-n-ul 'брать' имеет основу ar, первично har, общую с баскским ar-tu ← har-tu 'брать'. Но тем не менее факт, что общение между яфетическими народами Кавказа и басками было прервано в эпоху установления торговых терминов.

Лишь слабое применение палеонтологического приема в анализе, зачаточное состояние его разработки, могло породить впечатление первого нашего углубленного подхода к вопросу о взаимоотношениях баскского и яфетических языков Кавказа. Наиболее яркие встречи с баскским мы наблюдали, и не могли этого не признать, в яфетических переживаниях земледельческого порядка, особенно в названиях злаков, так 'ячменя', арм. gaḡ-i (груз. qeḡ-i ჯჭო), у басков и 'ячменя' — gaḡaḡar и 'пшеницы' gaḡ-i. Затем и самое название 'хлеба' оказалось общим у армян с басками, их слова — разновидность одного и того же двухэлементного термина. То же самое вскрывается в терминах того же круга в отношениях баскского к подлинным яфетическим языкам Кавказа. В связи с общностью термина питания находится общность у басков с яфетидами Кавказа в названиях не только злаков, растений, но и плодовых деревьев, а затем вообще деревьев, леса и т. п. Ведь в языке раньше появляются слова хозяйственных, как бы «одомашненных» растений, потом лесных или полевых.

Сохранены по сей день одни и те же разновидности, тождественные или весьма близкие друг к другу, в названиях животных по охоте или по передвижению, следовательно и одомашненных. Опять-таки, названия одомашненных животных в нарастании и развитии звуковой речи предшествовали названиям диких зверей. Так устанавливается палеонтологией речи.

Одна лишь оговорка: термины для крупного рогатого скота сбиваются. Точнее будет сказать, что мы застаем картину перенесения названий мелкого скота, к стати, очень богатого и обильно дифференцированного, на быков и коров, по положению о функциональном развитии семантики. На Кавказе точно мы присутствуем при самом процессе перенесения названия 'овец' на 'коров', напр., когда у мегрелов слово значит еще 'овца', у грузин — уже 'корову', но то же слово у грузин же в иной разновидности продолжает обозначать 'овцу'. Естественно, у басков с грузинами в этой части наблюдается сильное расхождение — в чем? В словах? Нет. В смысловом применении слов, остающихся общими, примерно: название 'быка' на Кавказе находим широко использованным в номенклатуре разновидностей овечьей и козьей породы. Различные названия свиньи общие, конечно, с звуковыми соответствиями. Даже ḡor (ḡor) 'свинья' налично у басков с утратой начального заднеязычного k (→ ḡ) в виде и or и ur, всегда в составных словах или doḡ 'самец' — or-doḡ 'кабан', или с de 'самка' — ur-de 'свинья': doḡ — это груз. taḡ 'самец' (в грузинском специально про кабана), de это без удвоения груз. de-da 'мать', но и 'самка'. равно di-a, св. di.

С конской породой любопытное явление. Названия самих лошадей в расхождении, или, вернее, разошлись сами оформления названий и на Кавказе и у басков в Пиренеях. Однако, когда берем, напр., бск. sal-di 'лошадь' (у сулетинцев это 'кляча'), то вторая часть скрещения di, первично di, у армян значит 'лошадь', а первая часть sal в безукоризненной разновидности шишащей группы ḡor-1 на Кавказе значит 'мул' и у грузин (ḡor) и у армян (ḡor). То же самое мы наблюдаем с другим распространенным названием — sa-mag-1, у сулетинцев 'лошадь', у других басков 'вьючное животное', с той разницей, что его эквиваленты на Северном Кавказе, так у аварцев и андо-дидоев, значат 'осел'. Впрочем, разновидность второй части mag этого скрещения, важнейшего для конской терминологии вообще, особенно же Западной Европы, и кельтской и романской, именно mag с уменьшительным или ласкательным суффиксом to → do, в целом mag-do, значит и по-баскски 'мул'. 'Осел' у басков с той же частицей агп-to, обычно с утра-той плавного ап-to, и то же основное слово скрещенное ar-ш (← *ar-ши) у армян налично с падением г в «у» в виде еу-ш 'осел', полная основа еу-шо (род. 1-шо). Сюда же примыкают мегрелы своим ger-en в значении 'осла', а груз. viḡ 'осел' имеет пару на Западе в иберском переживании испанского языка bigro 'осел'.

Для 'собаки' у части басков оказались две разновидности мегрело-чанского слова ḡoḡor-1 (ḡoḡor), одна самостоятельно sakur (sakar), другая в составе сложного термина u-dagar-a 'выдра', буквально 'водяная собака'.¹ Из зверей часть басков именует 'медведя' буквально той же разновидностью общего по корню и другим народам слова arḡ (arḡ), какой и современные армяне, произнося так древнелит. arḡ (arḡ), тогда как другая часть басков произносит arḡ (arḡ). Особый палеонтологический интерес представляет то, что разновидности одного и того же слова оказались означавшими у грузин 'мясо', у армян 'охоту' и 'дичь', а у басков только 'охоту'.

¹ N. Marr. Du terme basque udagara 'loutre', ЯС, т. I, стр. 1—30.

Я хотел было сослаться для иллюстрации из современной африканской речи и на факт предшествования названий домашних 'животных', также 'мяса', более того — вообще 'еды', 'мясо' ли она, или 'хлеб' из чего бы то ни было, названиям диких зверей, да охоты по ним, но Африка нам пока запретна. Останемся, значит, в наших Гуриях. Их общие черты отнюдь не исчерпаны. Наш родной шашлык с той же техникой приготовления и в Пиренейской Гурии, с названиями если не всегда созвучными и даже фонетически не целиком родственными, то всегда идеологически построенными одинаково. Дома сейчас здесь каменные, да дороги как скатерть во все стороны, на все потребности едущих из современного Рима, да местных окружений, но не надо быть археологом большой чуткости, чтобы заметить сдвиг национального зодчества по форме перекрытия не только жилых домов, но и церквей, настоящих баскских церквей, что всегда на возвышенностях, как в Гурии, т. е. на местах древних культов, дохристианских. Мы точно застаем здесь в строительстве ту переходную эпоху армянского церковного зодчества, когда сооружались уже каменные церкви, но перекрытие было еще деревянное. В Армении это было в V в. Поднимаясь выше в горы, уже у границы с Испанией, мы нормально наблюдаем это явление в жилых домах населения, говорящего по-баскски, уже без всякого стеснения и чистойшей разновидностью баскского языка. 'Дрань', 'перекрытые дранью', по-баскски *ohola*, это современное здесь положение, как и *olha*, обычно произносимое *ola* 'пастушеские хижины' близ еще не вырубленных лесов или среди них (ниже все обезлесено), по словарям — это франц. 'manoir', 'habitation', 'séjour' (исп. *morada*, *habitación*, *mansión*), т. е. 'усадьба', 'обиталище', 'жилище' или 'местопребывание'. Однако по положению палеонтологии речи («часть по целому») 'дрань', собственно 'перекрытие из драни', это 'кров'. Мой осведомитель баск обращает мое внимание на то, что с *ohola* на месте связывается представление о квадратной форме; это естественно, когда и там, где он сохранился, тому пережитку драни придана форма тесаной каменной плитки. И все-таки не мог я при виде самой постройки, да особенно перекрытия *ohola*, не сопоставить с ним гурийск. *qoqola* (ბებლას): это название игрушечной избы, что строят дети в своих забавах. Но это — удвоение, а простая форма в Гурии *qul-a* (ბუჯას) 'амбар' в древности, так у Шоты из Рустава и раньше, *qul* (ბუჯ-ი) 'лачужка', 'хижина'; имея в виду губную огласовку этих слов, мы вынуждены признать во всех этих словах наличие *l*, как позднейшей замены плавного *g*, но в таком случае мы не можем не привлечь сюда не только глагол груз. *qig-va* 'покрывать', 'перекрывать', ведущий нас к 'верху', т. е. к 'небу', 'голове', отсюда с усечением плавного и *qi-* 'голова' в груз. древнелит. *qi-vil* (ჭუჭილ) 'колос (хлеба)',¹ но рядом с *ohol-a* и мегр., чанск. *oqog-l* (ბებლი) 'дом', а в таком случае и его грузинское закономерное соответствие *saql* (საყლი) 'дом', и в таком же случае его архетип **saqal* требует много объяснения, чем могли это делать и делали раньше, и мне остается лишь передать уточнение вопроса и то или иное решение Группе жилищных терминов Яфетического института. У самих басков 'дом', собственно

¹ Ср. разъясневный уже *ḡa-vel*, выше, стр. 25.

еде, это опять скрещенный термин из двух слов — е- 'дом' и -де 'дом'; последнее в грузинском представлено словом, обратившимся в служебную частицу, предлог в глаголах, редко послелог в адverbиальных выражениях «ше» (შე-) со значением 'внутри', 'в', в каком смысле употребляется его сородич шпа (შაბს), он же в самом грузинском в значении 'дома' (англ. home). Гурийская форма грузинского слова kh-te (ქლტე), именно kil-te, это пиревейско-гурийское, т. е. сулетинское баскское kil-ღა 'ключ'. Я знаю, какие протесты это может вызвать в тех, которые усмотрят в слове вклад одного из так называемых индоевропейских языков. С фактом родства мы согласны, но, когда вопрос о направлении вклада, мы себе позволяем роскошь не верить, что «Волга течет из Каспийского моря». Основа первичная kil (а не kh), притом kil это разновидность яфетидов, населявших Армению, в грузинском же мы ожидали бы kle, при архетипе kel, также наличном с утратой плавного в основе грузинского глагола da-ke-ta 'запер на ключ'. Что касается kle, то и в этом виде, и с подлинно яфетическим произношением, присущим ему в значении микрокосмического термина, оставляем для трактовки в более специальном исследовании о членах тела, куда привлечены будут факты из речи не одних соседящих с грузинами армян, но и из языков соседящих или соседивших с басками народов. Родная гурийская обстановка сказалась и в технике пользования ключевой водой и в самом названии 'родника' i-tur-i (диал. u-tur-i), что то же, что первая часть скрещенного мегрельского слова tkurgil, с грузинской закономерной разновидностью tkar-o (ჭყარო) 'родник'; что же касается gl, трудно в нем не признать озвонченный вид разъясненного kil 'ключ', т. е. в целом м. tkurgil 'родник', буквально 'водяной ключ', если не углублять сейчас дела до более натурального kil, намеченного предыдущими строками, но отнюдь не первичного значения.

Села со школами на новом языке, разумеется, французском, но в этих удаленных вглубь горных частях окружение не природы одной, а всего традиционного материального быта таково, включая сюда и такие же дороги, по каким приходилось у себя в Гурии ходить в Суреп, что точно недавно перешло на оседлость, занявшись хлебопашеством, исключительно маисом, кочевое пастушеское племя. Все это ярко выступает на фоне никак не умирающей речи со структурой геологической давности.

Однако пастух ни без знания неба и небожителей, светил, ни без знания счета обойтись не мог. Была, конечно, и торговля меновая, почему бск. laḡ-u (диал. paḡ-u) 'кожа', 'шкура', у грузин, звуча laḡ (ლარო), означает 'товар'. В эпоху такой общей хозяйственной жизни баски с яфетидами не могли выработать больших цифр. У яфетидов-халдов с ванской клинописью название наибольшей количественно цифры объемлет '10 000'. Это bura, полученное в наследие в числе прочих и грузинами в форме bevḡ, гур. bevḡ (из bur) со значением и 'десяти тысяч' (это в грузинском древнелитературном), и 'много'. В значении 'много' в древнелитературном у грузин имеется другое слово mḡaval (მრავალ), в живой речи с перегласовкой в «е» и с подъемом m в b — brevel (ბრეველ-ო), это собственно, не другое слово, а акающая и экающая разновидности основы халдского слова bur-а в удвоении *mar-val || *ber-vel, представленные в грузин-

ском, согласно его стремлению группировать согласные в начале слова — *шга-вал* || *бре-вел*. Следовательно, слово значит 10 000 раз 10 000? Нисколько. Прагрузины с прабасками расстались, когда для них 'много' значило '10'. У них выработалось за время общения общее число '20' — бск. *о-геу*, груз. *о-џ*. 'Два' здесь «о-», пережиток более полной формы *ог*, в архетипе *уог*, спирантизованный вариант слова шипящей группы, в чанском *jug* (вм. *юг*), в мегрельском с позднейшим перебоем *jug*. Из этих разновидностей грузинский в значении 'двух' усвоил *ог*, баскский — сибилантный вид *сog* (вм. *шог*), использованный в *сog-џи* 'восемь', буквально, 'без двух'. Что касается 'десяти' в составе числа '20', оно представлено полнее, чем у грузин (-џ), в баскском -*геу*, в архетипе **кер*, но самостоятельно баскский упрятал его в скрещенном *ha-таг*, где первая часть *ha-*, в архетипе *каг*, акающая разновидность *кер*, архетипа -*геу*, что в составе *о-геу* '20', а вторая часть — *таг* — то именно слово, которое у грузин в удвоении *шга-вал* (архетип **таг-вал*) значит 'много'. У грузин в значении 'десяти' простое одноэлементное слово, разновидность, с заменой плавного свистящим *s*, в подъеме џ, части баскского слова '10' — *ha*, в полной форме *har*, в подъеме *kar*; следовательно, у грузин *as* и *аџ* (вм. *аџ*), означая 'много', в те эпохи использованы сначала в значении 'десяти', как оно использовано и у басков (*ha-*, -*геу*), это *аџ* (вм. *аџ*), а потом в разновидности *as* со значением 'ста', второго по очереди 'много', причем *as* баскам отнюдь не чуждо: в форме *аш-ко* (диал. *as-ko*) у них оно значит 'много', но баскский язык использовал для обозначения 'ста' другое так называемое племенное слово, *ип* (←→ *оп*), опять в скрещенном термине *е-ип*. Не входя сейчас в рассмотрение отнюдь не случайных встреч баскского, да и грузинского, по обсуждаемым числам, то по 'десяти', то по 'сотне' с чувашским, финским и турецким, не касаясь установления связи вообще чисел с представлением о 'руке' и его требованиями, мы используем лишь одно палеонтологическое положение по семантике числительных, чтобы воочию выявить, какая невероятно близкая степень так называемого родства прослеживается между грузинским и баскским, несмотря на то, что прабаски и прагрузины разлучились еще тогда, когда 'много' значило слово, впоследствии зафиксированное сперва за 'десятью', а потом за 'сотней'.

Палеонтологическое положение по числительным, сейчас нам нужное, это то, что с числом 'десять', следовательно и с 'сотней', на которое переносилось название 'десяти', совпадает слово 'человек'; это на всем пространстве распространения звуковой речи определенной ступени развития, а не расы, где бы то ни было, даже в Америке, у американских индейцев; у грузин *as*, утратившее начальный спирант *h*, с подъемом *s* в џ, дает *аџ*, с позднейшим перерождением звучащее *аџ* (∞), значит 'десять', а без всякого изменения — 'человек' в составных словах — *d1-aџ* (∞∞*џ-о*) 'женщина', букв. 'самка человек' и т. п. С сохранением начального спиранта *h* в подъеме *k* это *каџ* (*џ²џ-о*) 'человек' и самостоятельно. Ясно, что при переходе слова со значения '10' на значение '100', 'человек' и 'сто' также могли совпадать и совпадали. Это объясняется тем, что одним из значений слова 'племя' было 'много', а так называемое племенное название каждой социальной группы означало 'человек'. Итак, на Кавказе 'чело-

век' по-грузински kaḥ, без подъема сибиллянта kas || шп кош, в подъеме м., ч. koḥ, с позднейшим перебоем губного гласного в «и» от кош — gш. А это где? Это у соседивших с грузинами мегрелов, виноват — не огрузинившихся еще гурийцев, имею в виду пиренейских гурийцев, сулских басков, но уже с общеваскским произношением шипящего свистящим в виде gis и в составе общеваскского скрещенного термина gis-on 'человек', по-сулетински gis-up, причем вторая часть -on, или -up, пережиток ионской социальной группы того же значения, всплывает в составе баскского 'сто' e-up, а где и в составе 'десяти' и т. д., но сейчас в кавказско-пиренейских взаимоотношениях нас интересует мегрело-чанская разновидность (шипящая группа) баскского слова 'человек' — gis (вм. gш, первично кош), ибо у басков налицо и грузинская разновидность того же слова (свистящей группы с аканием), это gas со' значением 'мужчины' в составе gas-te 'отрок', 'юноша', букв. 'мужчина (человек)+дитя', поскольку -te синоним til в tu-til 'мальчик, пeйшка-til 'девушка' и т. п. Но как же так? Да совсем просто или совершенно так же, как то, что только у грузин, соседящих одновременно с гурийцами Кавказа и с пиренейскими гурийцами, может быть в распоряжении слово kvaml (კვაძლ) 'дым', первично koml (კომლ), равным образом 'дым', наличное в народном произношении и представляющее скрещенное двухэлементное слово ko-ml, из коих вторая часть -ml успела утратить губную огласовку, т. е. первично она — *mol, сохраненная гурийцами в их vol 'дым'; первая часть ko-, сдавшая свою губную огласовку в Пиренейской Гурии, Суберии, или Суле, обязательно «и» (ku), ныне общеваскской огласовке данного слова «е» — ke, без скрещения самостоятельно означающего 'дым'. Но как грузины-то получили это слово? В наличной у них форме оно им не принадлежит: по первичной огласовке (koml კომლ-ო) и первичному полногласию (*ko-mol) это грузинское слово вклад шипящей группы. Каким путем? Через социальный слой, идущий откуда? Все это разъясняется, но пока нам важно знать, что прагрузины и прабаски, кто бы они ни были и где бы то ни имело место, за время своего общения не имели цифрового термина выше 'десяти', но это вовсе не значит, что они были с культурой, не имевшей потребности в числе выше десятка. Пастухи и земледельцы, металлурги, они с присущей им двадцатичной системой могли доводить свой деловой счет до многих двадцаток и сотен, нуждаясь в исчислении не только наглядных предметов, бараньих и овечьих шкур коллективного владения на земле, но и для календаря, для коллективного овладения и временем и небом, обозначавшимся одним словом, для исчисления нужных им движений светил, которые были уже увязаны их космическим мировоззрением и с материальным бытом, прежде всего с огнем, средствами передвижения на колесах и т. п., а также с собственной физикой, частями тела, уже микрокосмом. Речь не только о 'голове-небе' или 'глазах', носивших названия 'солнца' и 'луны'. Надо, впрочем, и то знать, что не только у грузин 'глаз' ḡo-val (თვალ-ო, თვალ-ო) и 'луна' ḡo-vaḡ-e (თვალ-ე, თვალ-ე, берем, разумеется, без позднее нарастающего префикса ḡ- m-) — разновидности одних и тех же слов, первоначально не различавшихся фонетически. У басков то же самое. Баскский материал иллюстрирую на тождестве 'глаза' с 'солнцем'. От

‘глаза’ происходит глагол ‘видеть’, по-баскски *1-kus-1*, сул. *1-quiñ-1*; *kus*, первично *kuñ* (*kuñu*), разновидность *kur*, сохраненного в значении ‘глаза’ в гурийском *kur-šqal* ‘вода (*šqal*) глаза (*kur*)’, т. е. ‘слеза’, и это же слово *kus*, означавшее, следовательно, ‘глаз’, в озвонченном виде *gus* означало ‘солнце’ (отсюда бск. *1-gus-ki* ‘солнце’).

Охота, начатки земледельческого промысла, без разрыва еще вполне с бытом древододов и, в частности, «хлебоделов из жолудей», начатки уже металлической культуры, хозяйство с пережитками использования естественных пещерных или древесных, смотря по окружению, пристанищ, зацят в роли жилищ, но строители собственных домов, вот, судя по речи, эпоха последнего сожителства или живого непосредственного общения в отношении материальной обстановки.

Социальный строй на перевале уже к установлению родственных связей порядка семьи, с сильными переживаниями матриархата и с переходным состоянием между признанием физического начала личности, ее пола, и переживаемым еще восприятием членов рода лишь как хозяев, общественников и вожаков. Однако уже наблюдается физическое восприятие родства и расового преемства, но в образе земледельческих представлений: родство и посев, родственник и ‘односемянник’ у басков с грузинами выражены одними и теми же общими словами, но это все-таки лишь зачатки кровного родства. Потому в дальнейшем уточненном построении терминов родства расхождение: они скроены из одних и тех же элементов, но безразличных первично в отношении пола, потому при внесении указания полового начала уже по перерыве непосредственного общения у европейских яфетидов, в частности у басков, для обозначения женского пола использованы те именно простые слова, которые у кавказских яфетидов, особенно у грузин и образующих с ними ближайшую социально группировку мегрелов, чанов, сванов, да с частичным включением и абхазов, обозначают обычно мужской пол.

В отношении именно тех же грузин и исключительно ближайше с ними сродных по языку народов разрыв с европейскими басками в языке отмечается громадный по одной части особенностей морфологии: дело не столько в том, что у басков сравнительно слабо применяется префиксовое образование, все-таки играющее значительную роль в спряжении глаголов. Существенное дело в том, что в названных яфетических языках Кавказа, особенно же в грузинском, сильно развито внутреннее образование с помощью гласных, резко намечается распределение функций согласных как носителей идеологии языка, а гласных — морфологии. Сейчас нам не важно останавливаться на том, что этими особенностями грузинский язык с примыканием к нему ближайше родственных с ним языков, чанского, мегрельского и сванского (однако с примыканием далеко не в полной мере), сближается в сильной степени с семитической системой речи. Нам сейчас чрезвычайно важно осознать, что названные яфетические языки Кавказа и преимущественно грузинский, с морфологическими особенностями уже подлинно флективного характера, принадлежат бесспорно позднему периоду, периоду нарастания флективных языков семитической и протоевропейской («индоевропейской») систем. В этом отношении пальма первенства по архаизму остается за баскским языком.

В то же время характеризованная морфологическая проработка грузинского языка, хотя и в нем не захватывающая всей полноты живой речи самих грузин, а лишь определенный ее слой, связана органически с определенными правовыми и религиозными представлениями, в частности с рождением уточненного права собственности: право не только коллективное, но и личное. И в то же время представление о божестве, далеко уходящее от культа «племенных» богов или хотя бы шаманства. Но тут начинается в нашем изложении момент диалектического подхода к самим понятиям «грузин» и «грузинский язык», когда, откинув деление страны по так называемым этнографическим районам, увы, простившись, следовательно, и с Гурией, Кавказская она или Пиренейская, требуется выделить точным анализом уже в национальной среде самих грузин тот общественный слой, ту именно социальную группировку, которой по своему началу исключительно принадлежит флективный слой грузинского языка с соответственным общественным мировоззрением и соответственными культово-правовыми представлениями. Этот социальный слой, смотря по эпохам, классовый, сословный, феодальный или иной, не исключая ни культово-хозяйственного, этой организации магов и шаманов еще на заре человечества, ни дружинно-торгового, но всегда командующий и направляющий, и разносил из «ущелья» в «ущелье», т. е. из страны в страну, от народа к народу свою речь, т. е. свою культуру, в плоскости своего господствующего положения, и речь эта часто выходила за пределы всяких этнографических граней, не считаясь вовсе, где Грузия или где Армения, где Гурия и Мегрелия или где Свания и Абхазия. Она легко шла вширь, но не так легко проникала и не имела интереса проникать вглубь даже у себя. Феодальная речь распространяла у грузин утвердительный союз 'да' $d\bar{a}$ - a - \check{g} (დააგ), усеченный пережиток выражения $d\bar{a}$ - a , \check{g} me \check{g} - o (დაა, გმეგოა) 'велико, боже', как выражался тот же слой в соседящих странах, а в массовых трудовых слоях употребляли все еще $k\bar{i}$ (კი) или $\check{q}o$ (ჭო), квалифицируемые ныне как вульгарные, на самом же деле отражающие культово-хозяйственное мышление классовой организации магов с богами-светилами и со всем, что 'хорошо', по ним нарекавшимся в те так называемые доисторические эпохи. Не в доисторические эпохи, а в сравнительно недавние для палеонтолога столетия IX—VIII дохристианской эры на Кавказе, начиная с далекого юга, поклонялись богу солнцу $Arg\bar{d}\bar{a}$ - i (← $Har\bar{d}\bar{a}$ - i), или $Arg\bar{d}\bar{i}$ (← $Har\bar{d}\bar{i}$), которому в Пиренеях мы имеем двойника в $Arg\bar{i}$ 'свет', собственно и 'солнцу' и 'луне', ибо эти светила раньше носили одно имя, как два 'глаза', нареченные одинаково или по солнцу, или по луне. Однако $Arg\bar{i}$ (в архетипе $Har\bar{g}\bar{i}$, в подъеме $Kar\bar{g}\bar{i}$), несомненно, существовало и на кавказском Востоке, и есть основание поставить вопрос, не имеем ли в имени ванского царя $Arg\bar{i}$ - sh - ti , или $Arg\bar{i}$ - sh - te , составное слово не со значением 'глава дома', а 'дитя (бск. - ti или - te) светила солнца' или луны (бск. $Arg\bar{i}$); от этого толкования мы не порываем связи со Сваниею, где и сохранено $arg\bar{i}$ в значении 'дома', так как 'дом', 'кров' палеонтологически восходит к 'небу', с которым гомонимны названия светил, в том числе и Луны и Солнца. Во всяком случае с длинным рядом слов, представляющих собою это же слово $arg\bar{i}$ 'бог солнце' или 'луна', в архетипе $Har\bar{g}\bar{i}$, в подъеме $Kar\bar{g}\bar{i}$, и отложивших в своих

значениях все представления о 'благе' и 'порядке', связанные с ним, имеем и арм.-груз. *kaḡ* (полная основа *kaḡi*) 'порядок' и груз. *kaḡi* 'хороший' (ძს⁶გ-ო, в грузинском с отбрасыванием конечного «о» по смешению его с окончанием именительного падежа). Это же *kaḡi* используется в значении 'хорошо', 'да', но это лишь в народной речи, и его не сокращение, а вторая часть, т. е. вторая часть сложного термина *kaḡ-gi*, именно *gi*, в первичном глухом произношении *ki*, и есть уже разобранный нами совершенно «вульгарный» утвердительный союз 'да'. Таким образом, вместо отложения расценки различных слоев социального склада в словах 'хороший', 'лучший', 'превосходный (наилучший)', как то находим в странах с двух- или трехступенным построением общества, в Греции, в Риме, да и в позднейшей исторической Грузии, мы здесь находим отложение культовых представлений не только в «вульгарном» теперь *ki*, но еще более, казалось бы, плебейском *qo*; это пережиток названия бога *qon*, у басков сохранившегося со свойственным ему армянским раздвоением губного гласного «о» в гишускуанском произношении — *qawn*-а 'господин' и *qaw*-, последнее в составных терминах также культового происхождения.

Зависимость значения слова от развития материальной культуры и общественного строя, да его потребностей, легко прослеживается на следующем общем пиренейско-баскском термине, корнями идущем от эпох каменного века. Это бск. *au-ḡ* 'камень', 'скала', с первой частью от разобранныго уже и здесь, выше, слова бск. *haḡ*, в подъеме *kaḡ* 'камень', арм. *qaḡ* 'камень', архаичнее *kaḡ*-в составных словах. С *au-ḡ* отождествлено давно и арм. *ar-ḡan* (*արձան*) 'камень'; сейчас можно указать в пользу этого отождествления и фактическое существование у басков посредствующего, менее пострадавшего вида *ar-ḡa*, также 'скала'. У армян в связи с их позднейшей культурой, однако, *ar-ḡan* значит и 'столб', 'колонна', 'памятник', 'статуя' и 'надпись', позднее даже 'протокол'. С другой стороны, отмечалось и басковедом то, что по-баскски 'топор' называется *aus-koḡa* потому, что первый 'топор' был каменный: *aus-koḡa* буквально толковалось 'заостренный камень'. Основная мысль верна, но надобности нет в определении 'заостренный', что будто должно первично значить *koḡ-a*; на деле *koḡ* — оказавшая разновидность слова *kaḡ*, и она значит также 'камень': 'камень' и 'топор' в эпоху дометаллическую — одно слово, которое и перешло по закону функциональной семантики и на 'металлический топор' целиком, и если у басков находим сложное слово, то это обычный случай скрещения синонимов для дифференциации от тождественных форм названия 'камня'. В грузинском и армянском дифференциация происходит в тех же целях путем использования фонетических разновидностей того же *ar-ḡan* (← **har-ḡan*) 'камень', бск. *ar-ḡa* и *au-ḡ*, именно у армян *ka-ḡin* (← **kaḡ-ḡin*, или **kaḡ-ḡin*) 'топор', у грузин сибилантного типа в Гурии — *tal-ḡ-i* (из **tal-ḡin*) 'топор (с загнутым концом)'.

И в то же время это эпоха односложных слов, которыми орудуют как самостоятельными словами для построения новых, более уточненных терминов: палеонтология речи устанавливает с полной ясностью, что как баскский, так грузинский, обладают лексиконом в основе моносиллабическим и полисемантическим. Конечно, в связи с позднейшим социальным развитием у грузин в морфологии не только

нарождение флективного строя, но и интенсивное применение для уточнения речи приемов созидания новых терминов путем образования или скрепленных слов, уже двух- или многосложных, и то же самое по образованию новых слов наблюдаем и в баскском. Имею ли я право и долг говорить, ну хотя бы в назидание тем, которых я считаю своими учениками, что кто всего этого не учитывает, тот не способен никогда понять и осознать ни баскского, ни грузинского, и, следовательно, ни одного яфетического языка? Но иду далее и без всякой претензии (абсолютно безнадежной) кого-либо обращать и, еще менее, совращать, я высказываю свое глубочайшее убеждение, наконец, свою мысль (и неужели это точно так же не согласуется с требованиями научной этики?), что кто всего этого не учитывает, тот — не лингвист.

Но этого мало. Моносиллабизм и полисемантизм сравнительно все формальные признаки архаичности речи, если не учесть коренного перевоплощения самого смысла слов, не только перехода значения по признакам функциональности, части по целому и т. д., но, и это особенно важно, по сдвигу значения из материального или конкретного мира в надстроечный, абстрактный. И в этом смысле, да и во многих других, для установления эпохи развития социального строя у прабасков и прагрузин к моменту их разрыва и разлучения, прерыва взаимобщения, которое могло бы протекать в русле какого бы то ни было социального течения, через среду какой бы то ни было социальной группировки, громадный материал дает то, что составляет и морфологически исключительно сближающе-общее их, басков и грузин, достояние. Это — глагол. Это — спряжение. Это — категория слов активности и пассивности соответственно складу мыслей и технике общественного строя определенной эпохи. Но глаголы сами по себе абстрактная часть речи, и мы здесь ограничимся лишь одним примером, иллюстрирующим перевоплощение конкретного образа в абстрактное представление или понятие.

Впрочем, нельзя не отметить следующего явления, общего у гурийского говора с сулетинским наречием. Это использование союза и там, и там утвердительной частицей при образовании глагольных форм. В гурийском это *qe*, а в сулетинском *ba*, полная форма *baу*. Собственно, в баскском это общее явление, в сулетинском наречии лишь более последовательно применяемое. В грузинском же это отнюдь не общее явление; оно присуще мегрельскому и чанскому языкам, т. е. языкам шипящей группы, к которой по основному своему слою относится и баскский язык. Однако в мегрельском и чанском эта частица звучит *qo*, дезаспированная разновидность *qo*, которая сохранена грузинским диалектически, гесп. в массовой речи, в частности и гурийским говором, в значении 'да', но не в роли упомянутого образовательного элемента в глаголах. В гурийском, как грузинском диалекте, она должна бы звучать *qa*, а не *qe*. Можно бы думать, что здесь налицо влияние сванского с его огласовкой, но едва ли надобно смещать и эту разновидность с той почвы, на которой она могла пережить в грузинском говоре из языков шипящей группы, где *qo* по ассимиляции с нёбными гласными переходит и теперь закономерно в «е», так, напр., в чанском. Этим мы вовсе не хотим сказать, что такое образование чуждо было грузинскому. Оно характеризует этап развития глагольной морфологии. На этом чрезвычайно важном

в истории спряжения морфологическом явлении здесь останавливаться не место, авось кто-либо без меня остановит свое внимание, ибо это, позволяю себе думать, пережиток начальной стадии сложения глагольной флексии, и без него не понять и действительно флективных форм грузинского спряжения, древнейшего по образованию его двузначного прошедшего времени, одновременно и аориста и прошедшего несовершенного. И в таком случае в глагольной форме эта частица, будет ли она м. ღო qo, resp. ბო qo 'да' или бск. бау → ба 'да', едва ли не должна иметь палеонтологически оправдываемое более древнее значение, чем 'да' или 'хорошо', именно 'бог', 'ионский бог' (qo → qo) или 'берский бог' (бау → ба), причем любопытно, что бск. бау, восходящее к архетипу баг, является общим у басков с армянами, у которых оно сохранилось с так называемым именным окончанием в виде баг⁰/1 'хороший', а м. qo, resp. qo, восходящее к архетипу qon, это разновидность бск. hon 'хороший'. Но довольно.

Из мира грез. 'Сон', именно 'сон-видение'. Как будто слово, произведенное от глагола 'спать', 'уснуть'. В языках позднейшей формации, действительно, так обстоит дело (так кажется), но по уходящим в глубину начальных глоттогонических эпох корням это противоположность действительности. Палеонтологически вскрывается нечто совершенно обратное. 'Сон-видение' прежде всего имеет особое слово для своего выражения, и оно не тождественно с процессом 'спанья'. По-грузински si-zmag, основа скрещенная двухэлементная z-mag, с разновидностью z-map. Последняя разновидность употребляется как основа глагола не только в смысле 'он видел во сне' — da-e-zman-a (ᄃᄂᄃᄂᄂ), но и в смысле 'он снял с него мерку' — da-zman-a (ᄃᄂᄃᄂᄂ). Но это лишь в современном понимании и по техническим средствам отвлеченного мышления языков позднейшей формации. На самом деле даже da-zman-a 'снял мерку', говоря и в понимании современного грузина именно то же, что наш перевод, нисколько не содержит в себе отвлеченного понятия 'мерка', а 'форму' конкретного 'образа', по которому произведена мерка, т. е. буквально глагол значит, что 'пригнал к его образу', как в армянском dew-el (ձեւ) 'кроить' происходит от имени dew, означающего 'форму', 'образ'. Так и груз. da-e-zman-a 'он имел сновидение', или 'видел сон', собственно, значит буквально 'у него он, zman, или, что то же, si-zmag ('образ', 'призрак') был'. В грузинском si-zmag начальный слог мы теперь воспринимаем как префикс отвлеченной грамматической категории, и с точки зрения установившейся позднее грузинской морфологии иначе представить себе дело и нельзя было бы; на самом деле это доморфологический придаток, слово, устанавливающее социальное положение образа zmag, как si- в терминах ныне родства по крови или дому: si-de 'жених' или 'зять', буквально 'сын дома', s-dal 'невеста' или 'невестка', буквально, 'женщина дома' и т. п. Чей, т. е. какого круга, 'образ' zmag? Образ также 'дома'? Или 'неба', поскольку палеонтологически 'дом', 'кров', и 'небо', 'верх', 'покрытие' выражались одним словом? И что за образ сам zmag, являющийся человеку во сне, это двухэлементное скрещенное слово z-mag, с утратой первой его частью даже огласовки, как то наблюдается в s-dal 'невеста', t-ver 'борода', огласовки «а», не говоря о недочете обязательно требуемого плавного исхода, т. е. в общем sag или tag? Ясно,

что как арм. *ker-p* 'образ', 'форма' восходит семантически к груз. *ker-p* 'идол', 'бог', в свою очередь усеченной форме свайского термина *ġer-be-ð* (в архетипе **ker-peg-t*), так *z-mag* также 'образ', 'призрак', собственно **sar-mag*, представляет основу языческого названия бога св. *tar-ma-ð*, в роли одноименного его служителя груз. *tar-mag-ð*; собственно его первая двухэлементная часть это *tar-mag* или, при замене второй части *mag* ее разновидностью *man*, — **tar-man* (↘ *sar-man*), откуда, как уже разъяснялось печатно в своем месте,¹ происходит и «шаман», равно его сородичи. Словом, грузинский термин *tar-mag-ð*, позднее *tar-ma-ð*, культовый термин, и его многочисленные разновидности на Кавказе, да отчасти за его пределами, действительно, сложены из трех слов, а основа глагола 'видеть призрак-сон' *z-mag* || *z-man* еще того времени, когда в нем третьего элемента-слова не было. Вся эта история термина поддерживается длинным рядом образований словарного материала, связанных с его перевоплощениями различных эпох. Укажу лишь на один факт, факт наличия его в баскском, между прочим в значении и 'сна', со спирантной разновидностью первого элемента *h¹a-* (← *har* ~ *sar* → груз. *s*, resp. *tar*) и с разноразрядной огласовкой, как у армян в *kar¹a¹-pe-t*. — это баскское слово *a-me-ð* 'сновидение'. Впрочем, к чему все это? К чему докапываться до корней, когда и без них все так великолепно обстоит в науке об языке? А я о корнях думал менее всего, как и о философии. Корни и даже, как говорят, философия выявились, если это правда, сами собой. Нас захватывает цельность девственно нетронутого материала. Как много он говорит и как солнечно он прекрасен. Ясен как ясное синее небо и пламенен как огонь. Невольно захватываются в орбиту исследовательского зрения и слуха и причудливые очертания гор, и шум рвущихся на волю горных рек, и таящиеся силы сраженной когда-то, много десятков тысяч лет тому назад заложенной, ныне начинающей нам говорить из глубин мировой общечеловеческой речевой культуры. Тут и материальный быт, и несокрушимый идеологический вклад насыщенного ею доселе населения; это не только здесь, в Пиренеях среди басков, но и на Кавказе, у сванов, приходящих мне сейчас в жизненной целостности на память по пустяку, но одинаково стильному и с одинаковым кадансом повторяемому встречаемым по селам привету тождественного содержания, там *qoða ladeğ*, здесь *eğün hup* 'добрый день'. Это не обычное в нашей, на Кавказе же, грузинской среде боевое приветствие-клик, наследие недавнего сравнительно средневековья и его военной культуры *gamardoba sheni* (ḡḡḡḡḡḡḡḡ ḡḡḡḡ) 'победа тебе'. Однако 'добрый день', доисторический привет, пережил в речи всех новых народов, французов, итальянцев, испанцев и германцев, вышедших не из Рима с его *salve*, а из некультурных низов европейского населения с его еще свежей доисторической идеологиею. Привет же в «доисторическом» восприятии значил 'божий', т. е. 'солнечный день', такова палеонтология слова 'добрый'. Искание обращается в страсть. А что такое метод? Может быть, в самом деле метод это страсть, огонь, а с ними с одной стороны разрушение, сметание препятствий, с другой — новое творчество, нован

¹ Н. Я. Марр, Языческая теория, изд. Азербайджанского гос. университета, § 37 [ИР, т. II, стр. 84—91]; его же, О числительных, стр. 36 [ИР, т. III, стр. 268].

жизнь? Не лучше ли, однако, поделиться смыслом фрагмента баскской эпической поэзии, повести о доблести баскской в борьбе с римлянами, с начальной прелюдией о сраженном герое Лело? Ведь она до сих пор остается малоразгаданной, точно это то, что для многих и ученых этрусская надпись, а палеонтология речи вскрывает этот смысл и дает лишние точки опоры для выявления социального сродства Кавказа с Пиренеями. Ведь с таким даже одним отдельным словом, как «Лело», у нас победным кликом играющих в мяч, луч вторгается там, где один мрак. Гибнут и эти слова, гибнут слова, даже с живым бытом увязанные, как в Гурии то божество Agupa, к которому в 'день', или, вернее, к 'ночи ведьм' мы взывали (помню из детства) за помощью и милостью, за наполнением наших чанов вином. Ведь это божество 'солнца-дня' и веселия, наш Феб, и баскское egupa, теперь 'день', означало 'солнце', сулетинское eqi 'солнце', раньше egi, его разновидность, и наше гурийское имя бога солнца и вина Agupa тоже. Но кому это нужно?

Когда-то, в средние века, армянский проповедник Вардан Айгекский в одном из своих слов, произнесенных для паствы, смиренно высказался, что говорить ему не остается ничего для назидания, все сказано до него и сказано прекрасно, лучше, чем он в силах сказать, но мир стоит, мол, на том же месте и потому нуждается в его скромных назидательных проповедях. Увы, мир-то на своем прежнем месте и тогда не стоял. Можно ли сейчас даже подумать, находясь хотя бы умеренно в здравом уме, что мир стоит или может стоять на том же месте, скажем — на том месте, на каком он стоял десять лет тому назад? У нас нет иллюзии средневекового армянского монаха, располагавшего, как-никак, определенной паствой из, как ему казалось, верных последователей и преданных учеников. Факт же тот, что один из скромности, предполагая, что лишь боги способны обжигать горпки, тогда как это дело именно простых смертных, простых научных работников по специальности, другие, мастера своего дела, из преувеличенного представления о прочности того общепринятого в «приходе» положения, что и без того все обстоит благополучно в науке об языке (существует, мол, Рим и все идет из Рима), но все они, наиболее, казалось бы, призванные, кто малодушно, а кто высокомерно, одинаково сторонятся. И воз и ныне там, воз яфетической теории. Обстоятельства складываются, следовательно, так (это факт), что нового ничего нельзя печатать, раз не воспринято старое. Ссылки на трудность понимания того, что по теории писалось, на ее сложность, имеется полное основание объяснить тенденцией использовать против нее все, за что только можно ухватиться при неразборчивости в средствах, в доказательство ее слабости и прямо-таки несостоятельности. Конечно, легче справиться с четырьмя действиями арифметики, регистрируя целыми томами факты формально и количественно, чем брать на себя ответственность за утверждения, что язык генетически связан с общественностью, и не только понятия, выражаемые словами, но и сами слова и их формы, их фактический облик вытекают из общественного строя, его надстроечных миров, а через них и из экономики, хозяйственной жизни, и что, о ужас, нет у речи никаких фонетических законов физиологических, физиологическая сторона это техника, человеком приспособляемая,

изменяемая, усовершенствуемая и приводимая в порядок; закономерность, значит, по законам общественности, т. е. законы звуковой речи, самой речи, существуют, существуют и фонетические или звуковые законы речи человечества, но это законы социальные. И если эти элементарные вещи непонятны и вместе с фактами недоступны, то как же иметь охоту или дерзание делиться вещами, еще более сложными.

Как будто начали за здравие, кончаем за упокой. Не совсем так. Мы кончаем за упокой лишь покойников. Нельзя же в самом деле насильственно навязывать живое дело ушедшим в мертвечину, формалистику, лишь от времени до времени в минуты трудные, при вынужденном сознании своего нахождения в явном тупике, оживляющим свое положение лицемерным скептицизмом. Иначе же и не может быть со всяким учением об языке, пока оно формально по методу и исходит из ни на чем не обоснованного, кроме средневековой схоластики и затем новой европейской школьной традиции. Какой традиции? Традиции положения о взаимной изолированности различных так называемых семей языков. Потому-то всякое подобное учение об языке изолирует себя самого от смежных научных дисциплин, истории материальной культуры, развития хозяйства и общественности. Кого же тянет к жизни и науке, неразлучным элементам бытия, кто, будучи материалистом по методу, идеалист по оценке созидательной мощи человечества, как коллектива, и, следовательно, не может не стремиться к внесению научных достижений в массы и, обратно, вовлечению творческих сил масс полноправно в наши теоретические построения, уже сказанного, тем более напечатанного раньше, достаточно по нашей отрасли знания не для того, чтобы нас поддержать, а чтобы, поняв по совокупности все дело, двигаться дальше, ибо метод это искание, непрерывное движение, движение, движение вперед.

Нам же, сидящим в Пиренейской Гурии, да будет позволено закончить чудом или грезами о Гурии в Пиренеях, в этот раз по данным топонимики, разумеется, не без некоторой приправы разъяснениями по технике фонетики и семантики. Ведь и интереса немало в таких очевидных фактах, когда в Верхней Свании, следовательно, на севере, имеем в числе топонимических терминов название села, да и околотка *Irag*, а баски так и здесь, в Пиренейской Гурии, сохранили это же слово без всякого изменения в значении 'севера', в частности и конкретно 'северного ветра'.

Недостаточно знать, что в Суберии, или Сибири, Сулетинском крае, мы имеем двойник названия Иберии, и Пиренейской, и Кавказской. Откуда же *Gur-ia* 'Гурия', сейчас наличная, предполагается, лишь на Кавказе, грузинская Гурия? Ведь недостаточно в самом деле упираться в одно созвучие ее с европейской Лигурией.

Автор настоящих строк грешен также в том, что, не отрицая доброй материальной причинности созвучия Лигурии и Гурии, он неоднократно пытался оправдать их расхождение в формальном обосновании, без учета палеонтологии. Нельзя отрицать, что конечная часть *-ia* может быть отнесена к морфологии, к окончанию названий стран, как в терминах *Θesal-ia*, *Ital-ia*, *Iber-ia*, *Gall-ia* и т. п. Это окончание, унаследованное от яфетидов, у которых оно служит в виде

того же самого -ia или его более древнего двойника -ua (кстати, ср. в сулетинском баском систематическое перерождение конечного -ua в -ia) в качестве суффикса племенных названий, сейчас фамилий, но и в древности также прозвищ и имен. Это наблюдаем мы именно в той зоне на Кавказе, от Вана клинописных памятников до Мегрелии и Абхазии, где в центральном месте вклинивается Гурия. В этой Гурии мы имеем реку, перерезающую ее от начального на востоке пункта этого края до впадения в Черное море — реку с названием Su-φsa (სუჭსა). Не отрицая несколько толкования этого названия в смысле 'Суйской (Su) реки (φsa)' и даже 'реки (su)-реки (-φsa)', в таком случае скрещенного термина (причем su 'вода' выясняется палеонтологически в составе грузинского языка совершенно независимо от турецкого), теперь мы не можем не настаивать на том, что Suφsa одновременно есть бывшее название всего края, в его целостности обслуживаемого всем протяжением названной реки. В то же время Su-φsa, восходя к архетипу *Su-φas, есть:

1) во-первых, разновидность названия области Гурийского края на верховьях Сусы, называемого Sur+e-b (სურებ-ი); это название, сохранив от второго элемента лишь начальный губной согласный, представляет первый элемент в непочатом виде (sur);

2) во-вторых, через тот же архетип *su-φas двойником «Сусы» является основа названия другой, также значительной реки той же Гурии, но с замещением начального s (b) его эквивалентом по спирантной группе — g — Gubaz-ou! (გუბაზოუ). а это — основа, известная из исторических анналов Византии как название жстного владетеля, и в скрещенном двухэлементном слове gu-baz, названии, очевидно, страны, первый элемент gu, пережиток полной формы gur, или ее разновидности gus, а отсюда вытекают следующие неизбежные выводы уже для топонимики не только Кавказа, но всей «доисторической» и исторической Европы, а именно:

1) Кавказская Гурия своей основой gur представляет одноэлементное слово, вошедшее с утеснением исходного плавного в состав скрещенного термина Gu-baz.

2) И gur и его двойник gus на Западе входят в состав основ географического термина Li-gur-ia 'Лигурия' и прилагательного Li-gus-tike 'лигурская', основ одинаково скрещенных li-gur и li-gus, причем первая часть скрещения li- представляет пережиток элемента D, т. е. слова рошской социальной группы.

3) То же простое племенное слово, элемент A, в знакомой по Лигурии разновидности gus, в Пиренеях сочетается также с пережитком элемента, племенного слова goh, в разновидности ge-, двойника лигурского li-, которая в баском за нетерпимостью начального г сводит в целом скрещенное слово к e+gus, что с позднейшим наращением третьего элемента ko (из sko), того же, что в термине vas-co 'баск', дает этнический термин e+gus-ki, одно из национальных племенных названий басков, свидетельствующее о наличии и лигурского отложения в басках.

4) И, наконец, раз очевидно существование некогда в Западной Европе простого племенного названия gur, так как иначе не могли возникнуть воспринявшие его скрещения, рядом с ним, ярко оформленным и по огласовке (u) и по плавному согласному (r), как слово шипящей группы, должна была существо-

вать его разновидность свистящей группы, gal, что мы и имеем в названии Gall-ia, т. е. название унаследовано страной галлов от яфетидов, населения, естественно, «доисторического» для позднейших ее обитателей, как всей «исторической Европы».

И, находясь в заливаемой ласковыми лучами Пиренейской Гурии, как будто и наяву приемлемой, как вполне оправдываемое ее действительное название, не могу не удлинить еще и без того затянувшейся беседы гурийским солнечным словом. Увы, обе Гурии изменяют ему:

1) В Суле, или Суберии. 'солнце' eq1 (в других говорах ek1, или eg1) пережиток архетипа *reki, или *reg1, рошского племенного слова (элемент D) в основной или во всяком случае первой части, в совокупности же вариант армянского a-re+g 'солнце'; это вполне основательно для басков, которые сами называют себя именем, означающим этруск, и понятно в Армении, этой стране некогда Урашту, или Урарту, а в средние века феодалов Руштуниев, также носящих в своем наименовании как основную часть племенное название расенов, или этрусков, собственно их основы gas и gush.

2) В Гурии на Кавказе, некогда, как разъяснилось, в Сурбии, следовательно, также Суберии, 'солнце' это общегрузинское слово mze, казалось, простой элемент B (из mes), в племенном восприятии мес+х-ское слово, вполне, следовательно, надлежащее наименование. Впрочем, не мешает вдогонку моему восприятию этого слова как одноэлементного послать прощальный привет и на смену решительно утверждать его скрещенный состав. Давно мог бы это сделать любой грузиновед-яфетидолог, если не возникало бы в нашей среде какое-то умопомрачительное сектантское учение, что грузинский язык особая статья, а яфетическая теория особая, в том смысле, что чем дальше от нее, тем выгоднее будет жить грузиноведу, с чем я готов согласиться, но едва ли выиграет грузинский язык в деле генесиологического его уразумения. И, действительно, элементарного знания хотя бы формальной сравнительной грамматики яфетических языков было бы достаточно, чтобы поставить меня на место, когда в ∂^{q}_j mze, народн. ∂^{q}_j bze 'солнце', я усматривал одноэлементное слово. Дело в том, что его мегрельский эквивалент bja во мн. ч. звучит bja1-ef1, т. е. слово восстанавливает утраченный плавный звук, и, следовательно, грузинский эквивалент безукоризненный должен бы звучать mzer, resp. bzer, т. е. архетип грузинского слова ∂^{q}_j mze, народно ∂^{q}_j bze 'солнце', звуча как явно двухэлементное слово (BA), именно mzer / bzer, представлял, следовательно, скрещение из тех же элементов, что груз. keg-p 'идол', 'языческий бог' или основная часть ġer-me- / ġer-be-сванского слова ġer-me- ∂ 'бог' и т. п., но с расположением составных частей в обратном порядке, как то мы наблюдаем и в яфетических переживаниях у средиземноморских народов Европы, двух названиях одного и того же бога, греческого 'E-p- $\mu\eta$ - ς (\leftarrow *ġer-mez) и лат. Mer-cur-i-us. Итак, ġerme ∂ (\leftarrow ġer-me- ∂), к которому восходит и груз. ġ-me- ∂ 'бог', значило 'солнце', как сейчас значит то же самое груз. mze или bze. Но раз слово значит 'солнце' или 'луна', по палеонтологии неизбежно оно должно означать микрокосмически 'глаз', а от 'глаза' только и происходит глагол 'смотреть', равно 'видеть'. Потому-то груз.

თვალ ზოვალ 'глаз' — лишь позднейший дифференцированный вид грузинского слова თვალჲ ზოვალ-ე 'луна', раньше последнее слово также означало 'глаз', а потому оно могло означать и 'смотреть', 'видеть', и потому-то у африканских средиземноморцев, пока еще не занесенных вполне ни семитической, ни европейской речью, именно у берберов, мы находим применение этого грузинского слова 'луна', означавшего и 'глаза' в форме *twaq-a* в значении 'он увидел украдкой', *twaq-ig* 'я увидел украдкой' и т. п. А в связи с этим правильность восстановления архетипа *mzer*, resp. *bzer*, для груз. ზჳე mze, resp. ზჳე bze 'солнце', помимо формального его оправдания «законом» сравнительной грамматики, решительно поддерживается тем же палеонтологическим положением, т. е. 'солнце', как 'луна', микрокосмически значило 'глаз', и от 'глаза' происходит 'смотреть', и, действительно, 'смотреть' по-грузински ზჳეჲ mzeqa, диалектически, так в том же гурийском, и ზჳეჲ bzeqa. И все-таки не нужно ли выделять *mze* 'солнце' в особое одноэлементное образование, восходящее к архетипной паре *mes* ↔ *mis* (стр. 32)?

3) Но баски же, но за пределами Сула, или Сулетинского края, Суберии, сохранили национальное название *Egusko*, уже разъясненное как разновидность племенного названия *Igur*, или *Igus*. И как в обоих предшествующих случаях название 'солнца' повторяет племенное название, т. е. в источнике тотем, так с лигурским слоем баскского народа, называвшимся *egusko*, и внесено в их язык в качестве лигурского тотема слово *Eguski* 'солнце'. При чем же тут тотем, когда речь о 'солнце'? Мы говорим о тотеме, как об явлении культового порядка, предмете культа, впоследствии перерождавшемся в божество. Палеонтологическую речь выяснено, что по наступлении космического мировоззрения каждая социальная группировка (впоследствии племя, народ) поклонялись 'небу', своему небу, носившему ее имя, а 'солнце', как часть целого, носило то же название, обычно с прибавкой слова 'дитя', впоследствии обрацавшегося в частицу уменьшительную или ласкательную. Таково и название самого бога у басков *Jaup-ko* (ჯაუპკო). сул. *Ip-ko*, ионский тотем, буквально означающее следовательно, 'небесенок' или 'солнце'. *Eguski* также значит, следовательно, совершенно естественно 'солнце', собственно 'солнышко', первоначально 'небесенок', в связи с чем находится в баскском же и то, что один второй элемент этого же слова *e-gus-ki*, именно *gus* (~ *gug*) в разновидности *goy* значит 'небо'. а его уменьшительная форма *goy-ko* 'бог' (собственно, в семантическом архетипе — 'небесенок' и 'солнце', 'утренняя заря', откуда бск. *goy-s* 'утром'). и с ним лишь по позднейшей случайности совпадает зачаток родительного падежа, т. е. падежа собственного или принадлежности, он же относительное прилагательное *goy-ko* 'небесный', так как окончание обеих форм *-ko* представляет соответственное для каждого случая функциональное использование слова 'дитя' или 'сын'. Но раз в таком случае *iguski* 'солнце', некогда, следовательно, тотем, культовый предмет, и 'бог', есть не сулетинское слово (мои осведомители отрицают даже вовсе его существование в нем), раз это баскское слово в ходу именно за пределами Сула, Пиренейской Гурии, как нет его в Кавказской Гурии, то речь, значит, вообще о басках. Да, конечно. Наш путь из заброшенных ущелий пиренейских

и кавказских. не из Рима, но мы идем на Рим. И нельзя сказать, что *1-gus-ki* 'солнце' не имело никаких следов на Кавказе, если даже пройдем мимо чествуемой при новогодней встрече в Гурии свиньи *ğog*, также когда-то животного тотема социальной группировки *gug*'ов, населявших этот Кавказский край, и не обратим вовсе внимания на ее разновидности в Пиренеях, *ug* и *og* 'свинья', с эпохи внесения полового различения и в названиях животных — *ur-de* 'самка свиньи', *og-dođ* 'кабан'. Языки шипящей группы сохранили то же слово *ğog*, разновидность *gus*, что в *1-gus-ki* 'солнце', в слове 'бог', так чанский в *ğog-mođ*, но *ğog-mođ* в соответственных разновидностях (*tar-mar-đ*, *tar-ma-đ*, *ğer-meğ-đ*, *kağa-re-t*) объединяет весь исторический Кавказ и выносит за пределы Кавказа и на Волгу (*Kege-me-đ*) и в Средиземноморье, прежде всего к эллинам (*ğermeu*: 'Ερμῆς). Как ни разнообразятся перечисленные боги, каждый по эпохе и среде на свой образец, не менее типом и функциями, чем фонетическим оформлением, но палеонтологически, на определенной ступени развития человечества, все они солнечные боги, все они одинаково 'небесята', т. е. 'дети неба', не исключая греческого Гермеса. Следовательно, последняя часть в греческой разновидности, общая со второй частью всех других терминов, значит 'дитя', с этим отпадает доисторическая скрепченность и остальных: они также, следовательно, составные слова в составе двух элементов — *tar-mar-* → *tar-ma-*, *ğog-mo-*, *ğer-me-* ↗ *ğer-be-*, *kege-me-*, *kağa-re-*, причем в последних четырех разновидностях *be* с *me*, и первичным глухим *re* в значении 'дитяти' являются сохранившимися в баскском с тем же значением в сложных терминах словами *-be* и *-me*. Баскский язык сохранил это составное слово 'небесенок', 'солнце', 'бог' самостоятельно *ya-be* (|| *ja-be* || *qa-be*) в смысле социального термина 'господин', являя в своей форме точное воспроизведение первой двухэлементной части *A-re*, имени отца Прометея и его по имени библейского двойника *Ya-fe*. Но что в таком случае значит конечный зубной звук? Это пережиток баскского *-te* 'дитя' (в *gas-te*) и груз. *de* 'дитя', 'сын', следовательно, позднейшее вторичное наращение слова, было ли забыто в новой среде то же значение предшествующего слова, или то, что *A-re* (← *Ya-re*) → *a-be* (↗ *qa-be* ~ *ja-be*), означая 'небо-бога-господа', как скрепченное образование, могло означать 'солнце' и без уточнения словом 'дитя' ('дитя неба', 'небесенок'). Явление обычное. Но к этим кавказским, с приволжским в придачу, трехэлементным составным названиям богов примыкает в разобранных частях своим именем похититель с небес огня, тоже кавказец, *Pro-mē+de* (*Προμηθεύς*). Но что значит начальная часть этого имени *pro-*? Если держаться логики, то то же, что *ğog-*, *gus-* и т. д., т. е. первично 'небо', затем его части — 'солнце' и др., снабжаемые для уточнения дополнительно словом 'дитя'; если же мне, как палеонтологу, взбрызнется логически мыслить, а лишь — дологически, то в материалах дологического мышления уже установлено существование слова *bro* ↔ *bri*, означавшего 'небо' и сохраненного именно кавказским яфетическим языком, грузинским, в виде *bri* в значении 'круга', 'кружения', а *pro-* лишь первичная глухая его разновидность. Но почему вместо *ğog-* и его разновидностей в имени кавказского, отныне не только по греческому преданию, Прометея появляется берский элемент? А потому, что Кавказ разнообразен так же, как Пиренейская

страна, и один берский элемент служит словом для обозначения 'бога' не одних абхазов (а-мга 'солнце', А-bəg-skił 'Амирап', собственно, 'солнышко', буквально 'дита неба'). И если в сулетинской Баскии поныне как бы клянутся этрусским солнцем, говоря в удостоверение сказанной правды eqia besan¹ 'ясно как солнце [бог]', точно по-русски когда говорят 'как божий день', в Грузии же также доселе можно слышать *ҧem-та mze-т* (ᲒᲗᲔᲗ ᲔᲘᲗᲔ), что значит 'клянусь богом', буквально 'клянусь моим солнцем', палеонтологически — '(клянусь) моим берским, или месхским, солнцем', то скрещенное ли с салским элементом образование это грузинское слово *mze* 'солнце' (ВА: m-zer, см. стр. 49) или целиком берское слово (В: mze, см. стр. 49), берская часть (m- или mze) и в том, и в другом случае лишь фонетическая разновидность основной также берской части про имени Прометея, и, следовательно, свободный, по существу безукоризненный перевод *ҧemта mzet* по-русски мог бы гласить: 'клянусь Прометеем'. Так на Кавказе, притом в эпоху использования греками кавказской легенды, собственно кавказского мифа о похищении с неба 'огня-солнца'. Но клялись именем того же бога, да бесспорно в простом одноэлементном составе много раньше по всей шири единого тогда яфетического мира, и за пределами Кавказа. Клялись везде, подтверждая им свои речения, именем того же берского солнца, в форме ли экающей *pe* (→ *be* → *pe*) или окающей *pro* (← *rog* → *bor*) и равно акающей *pa* (→ *ba* ↘ *ba* → *ba*). И потому-то его семантический дериват акающей формы непочто наличен в Армении в прилагательном *ba*-г 'благий', 'добрый', 'хороший', и тот же дериват той же формы, с падением г в «у» и затем усечением, наличен у басков в Пиренеях то самостоятельно в значении 'хорошо', 'да' (*ba*), то в роли префикса в положительных (утвердительных) формах спряжения (см. стр. 43).

Tardets
(Basses Pyrénées)
30 X 1927

¹ Кстати, самое слово баскское *eqi* 'правда' палеонтологически означает 'солнце', 'день'.

Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть грузинская поговорка: *gdalo shen geubnebi da mulo shen gamigoneb* 'невестка, тебе я говорю, а, золовка, ты меня слушай!'. Наш доклад говорит об абхазском и обращен к абхазам, но существо высказываний могло бы говорить и сердцу специалистов других языков, во всяком случае касается не одного абхазского языка.

С этой оговоркой-предисловием доклад печатается без всякого изменения так, как он был прочитан абхазам в конце апреля 1928 г. в Сухуме с обращением к ним и к их злободневным культурным запросам.²

Уважаемый председатель, т. Гулия, мне передал ваше постановление от 9 января, постановление Академии абхазского языка и литературы, о моем избрании почетным ее председателем, и первым словом сегодняшнего моего здесь выступления, естественно, быть выражению благодарности, и это не потому, что избрание со стороны такого типа молодой Академии, как ваша, совершенно искренно я считал бы для себя по многим основаниям большей честью, чем если бы меня избрали членом какого-либо старого заслуженного исследовательского учреждения, но и потому, что этот вами скрепленный акт, надеюсь, укрепит связи Академии абхазского языка и литературы с новым учением об языке и организациями, в которых оно разрабатывается или отвоюывает себе положение для беспрепятственной свободной разработки. Нам нечего скрывать, что у нового учения об языке, опрокидывающего вместе с основными положениями старого учения о звуковой речи ряд пережиточных, общественно доселе живучих, взглядов на нацию, на национальные языки и их роли, на значение бесписьменных или младописьменных и древнелитературных языков и т. д. и т. д., много врагов не только во вражеском стане, но и среди (и это несколько не странно) ее друзей, среди ее, казалось бы, ближайших последователей и приверженцев, самих учеников, ибо трудно не отходить в сторону под напором старого привычного мирозерцания при подкупающем лозунге свободы научного мышления и не впасть в научное диссидентство. Хочу надеяться, что молодая Академия абхазского языка и литературы будет не только нашей приятной подругой, как бы личным другом, но и верной союзницей нового учения об языке. Ведь оно много обязано и еще более надеется быть обязанным своим уточнением, углублением и развитием именно абхазскому языку.

¹ Доклад, прочитанный в конце апреля 1928 г. в заседании Академии абхазского языка и литературы в Сухуме. Издан отдельной брошюрой в серии Ленинградского Восточного института.

² См. Отчет по весенней (14 апреля — 3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию (в приложениях к протоколам ОГН АН).

Знаю отлично, как вас волнует вопрос, как будто решенный, но не перестающий быть злободневным, — вопрос о письме, ибо снова выдвигается он в линию злободневности, выдвигает же его каждая волна новых массовых работников по родному абхазскому языку, каждый спец или мянций себя спецом, прикасающийся впервые к абхазскому или углубляющийся по уши в него, до забвения окружающего мира. Это вопрос о новом абхазском алфавите, в частности об алфавите яфетидологическом, выработанном по новому учению об языке, по яфетической теории. Я решил потому подойти к этому вопросу, но не для защиты этого лингвистически построенного письма (защищать не от чего, ибо не вижу ни одного теоретически состоятельного возражения), а для того, чтобы поделиться с вами мыслью, что нельзя к алфавиту подходить как к явлению исключительно формальному или как к явлению, требующему разъяснения в связи лишь с физиологиею звуков. Алфавит в современном его понимании неразрывно связан, как и учение о звуках речевой культуры, так наз. фонетика, с идеологиею звукового языка. Без учета этой идеологии, содержания звуков речевой культуры, строя и функции, нельзя строить в наши дни то, что служит лишь техническим ее выражением, в частности и прежде всего — письмо. Да и прежде посильно также идеологически строилось каждое письмо, в начале идеографическое, затем клинообразное, письмо египетское, китайское, ассиро-вавилонское, так строился каждый алфавит при средиземноморцах, иберийцах, берберях, если не глосельцах (буде они не окажутся выдумкой фальсифицирующих древности), при финикийцах, греках, римлянах, арамейцах, в Индии при творцах деванагири санскрита, при персах, арабах, армянах, грузинах, орхонских турках, германцах, болгарях, русских и т. д. Разница, однако, есть. Тогда алфавит, обслуживая идеологически изолируемый классовыми интересами мир, составлялся в призме понимания данного языка в его изолированности и с учетом различающих его с другими языками особенностей, но современное учение об языке в корне расходится с пониманием и мировоззрением не только древних эпох, когда создались и созданы основные системы письма, оно расходится с пониманием и мировоззрением лингвистов XIX и даже XX вв., пониманием идеалистическим. Этого же было им единственно доступно при орудовании формальным методом; более того, само яфетическое языкознание лишь постепенно пришло к установке материалистически-идеологического метода в исследовании речи, к материалистическому построению теории об ее происхождении и развитии, и неразрывно вместе с ним, через него, к освобождению от пут формального учения, и совершенно верно указывается нашими противниками, что тридцать, двадцать (я бы прибавил: пятнадцать, десять лет тому назад нами делались утверждения иного порядка, вернее — добыты в ином порядке; только мы это не считаем недостатком, а естественным результатом развития и эволюционного видоизменения самого нового учения об языке.

Двенадцать лет тому назад была мною впервые прочитана здесь, в Сухуме, лекция, посвященная выявлению значения изучения абхазского языка;¹ она была

¹ ЖМНП, 1916, № 5 [ИР, т. I, стр. 59—78].

озаглавлена «Кавказоведение и абхазский язык». Ее предварили и за нею последовали другие специальные статьи, посвященные изучению абхазской речи, ряду тех или других вопросов, до сих пор не перестающих занимать ученых, интересующихся происхождением языков. Эти вопросы не могут не интересовать, в частности, и тех, кто интересуется происхождением и строем данного языка, терминологией его первобытного строя, терминами родства, равно как и терминами вообще социальных отношений и мировоззрением абхазской, ныне народной в целом общности, как бы общей подосновы и современной классовой религии, любой из мировых, христианской или мусульманской, которая присуща той или иной группировке абхазского народа. Следовательно, речь об интересе и к языку специально-абхазских мировоззрений, и, как казалось, изначально народного абхазского культа, к номенклатуре племенных взаимоотношений, включая название или названия самих абхазов, родовые имена и прозвища, топонимику, т. е. названия населенных пунктов, гор, рек и т. п., и, само собой разумеется, к отношению абхазского языка к другим языкам и Кавказа и вне Кавказа в целом и в частности. Сюда же приходил, естественно, интерес к технике изучения абхазского языка, прежде всего в облегчение точной регистрации фактов абхазской речи. Ясное дело, что все это делалось с определенной установкой вообще сложившегося тогда нового учения об языке и, в частности, намечавшегося соответственно изучения самого абхазского языка по яфетической теории, т. е., следовательно, определенным методом, но этот метод тогда и у яфетидолога был формально-сравнительный, с тем лишь отличием от сравнительного метода старого учения об языке, что сравнение применялось в области, обойденной единственно тогда существовавшим и неограниченно господствовавшим «лингвистическим» учением. А это вносило в наш формально-сравнительный метод новые моменты, так как хотя формальный метод применялся также к языкам одной, по принятой тогда терминологии, «семьи», яфетической, но языки этой так называемой семьи, собственно системы, представляют весьма различные типы, даже различные, на поверхностный взгляд непримиримые системы, как то постепенно стало разъясняться. Соответственного порядка были печатавшиеся тогда работы по абхазскому языку: «Из лингвистической поездки в Абхазию (к этнологическим вопросам)»,¹ «Яфетическое происхождение абхазских терминов родства»,² «О религиозных верованиях абхазов»,³ «История термина „абхаз“»,⁴ «Из абхазских личных имен»,⁵ «О записывании абхазских текстов».⁶

Такова же, конечно, еще архаичнее по строгой преданности сравнительному методу, формальному учению, первая ориентировочная работа по абхазской речи, вызванная издававшимся мною по поручению АН трудом Петра Чарая, опытом сравнительного изучения абхазского языка с грузинским, да и с египетским. Она была составлена на основании существовавших в литературе материалов,

¹ ИАН, 1913, стр. 302—334.

² ИАН, 1912, стр. 423—432.

³ ХВ, т. IV, стр. 113—140.

⁴ ИАН, 1912, стр. 697—706.

⁵ ХВ, т. II, стр. 400—402.

⁶ Пособие для работ по яфетическому языкознанию, вып. I, СПб, 1917.

еще до услышания мною какого-либо живого слова, подлинного абхазского звука из абхазских уст. Это работа «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических».¹ Эта моя работа настолько архаична по строгой преданности сравнительному методу, что Петр Чарая, более свободно обращавшийся, как самоучка, с формальным сравнительным методом, просто-напросто по незнанию его требований игнорировавший их, оказался, как выявили позднейшие события, события наших дней, часто утверждающим истину или ближе подходящим к истине, чем ваш покорный слуга, убежденный тогда в бóльшей состоятельности формально-сравнительного метода и усиленно старавшийся его вырабатывать и для яфетических языков, на нем базировать целиком свои изыскания, прежде всего, следовательно, на установлении фонетических законов и звуко-соответствий, равно морфологических явлений, т. е. опять учения о формах.

Все это отошло в прошлое настолько основательно, что если бы меня спросили, какую работу я рекомендовал бы из печатных для ознакомления с общим ныне положением лингвистического изучения абхазского языка, то я совершенно правильно мог бы ответить: «никакую». Не мог бы я теперь рекомендовать в этих целях не только первой названной мною ориентировочной работы «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», но и центрального вводного обобщения «Кавказоведение и абхазский язык».

Что же случилось? Разве изучение абхазского языка так сильно подвинулось вперед или мы сами так далеко пошли в практическом овладении им, что, исходя из лучшей изученности самой абхазской речи, мы вынуждены повернуть свой курс? Ничего подобного.

Конечно, никто не будет отрицать, что за последние годы, особенно за годы после Октябрьской революции, внимание к изучению абхазского языка обострилось и число изучающих его увеличилось. Но это оживление абхазоведных работ связано с ростом общественного интереса ко всем социальным группировкам в СССР, в том числе и абхазской национальности, и с ростом самосознания каждой национальности и ее самостоятельности в использовании открывшейся ей возможности дать свое общественное самоопределение в новом советском социалистическом строе не только по хозяйственной линии, но и по линии имеющихся в ее распоряжении культурных ценностей. Какая же культурная ценность в самоопределении абхазов может стать выше родного их языка? И о каком абхазском общественном самоопределении в путях советской власти может быть речь, если многотысячная масса абхазского народа не будет к ней приобщена в срочном порядке, т. е. если орудие общения этой массы не будет бережно изучено и пущено в ход незамедлительно, тоже без отсрочки? Естественен в связи с этим и рост интереса в самом народе, его сознательной части, к языку, открывающему путь к имеющей ближайше наступить его новой культурности.

Что сделано на месте в Абхазии по этой части, выявление того — это ваше дело. Я же хотел бы здесь как бы отчитаться в том, что сделано по изучению абхазской речи в свете нового учения об языке, так называемой яфетической теории.

Разве два слова о деятельности местных сил.

Организирующая роль сосредоточиваемых в вашей Академии исканий по абхазской литературе имеет громадное значение для будущего. Пока важен самый факт ее существования и ее посильной работы, медленность которой всем будет понятна от недостатка специалистов и менее понятна, если будет зависеть лишь от неимения средств на производство даже той работы, для выполнения которой вполне достаточно наличных рабочих сил. Разумеется, в этом же смысле залогом усиления организующей роли Академии вашей родной речи и литературы явится вхождение в нее молодых готовящихся специалистов-абхазов по языку, чем стать подают основательные надежды гг. Кукба и Хашба, одновременно с усвоением новой теории успевающие и сейчас делать научно и практически полезные работы, как, напр., только что отпечатанный Русско-абхазский словарь, собственно Русско-абхазский указатель к моему Абхазско-русскому словарю, выявляющий, что абхазских слов в этом словаре гораздо больше, чем можно было себе представить по числу гнезд, труд Яфетического семинария Восточного института, выполненный названными молодыми абхазоведами под руководством К. Д. Дондуа.

В чем же дело? Откуда такой коренной поворот в постановке изучения абхазского языка?

Дело в коренной перемене постановки общего учения об языке, с переходом от формального учения к идеологическому, также сравнительному, но с учетом связи происхождения и роста языка с общественностью, с историей ее хозяйства, ее организационных форм и всех надстроечных ценностей, в том числе и мировоззрения. Отсюда ясно, что не только язык выявился органически увязанным с жизнью и вопрос об его осложнении требует дальнейшего своего в этом смысле уточнения и углубления, но и само языковедное учение оказалось увязанным с современным у нас идущим к реализации и в этом смысле текущим социальным строем, его теоретическим обоснованием, марксизмом, и возвращаться назад к старому учению нам незачем, когда это схождение явилось независимым, скажу более — неожиданным для нас результатом объективного изучения лингвистических фактов.

За это время, последние восемь лет, особенно пять лет, яфетическая теория вышла в специальных своих изысканиях сначала пространственно и количественно, затем и качественно, за пределы интересов к одним кавказским языкам, перешла практически к изысканиям сравнительным вне расклассифицированных старым учением по так наз. семьям языков, и это изучение перенесло метод, завещанный от подхода к языку, как к биологическому, чуть ли не физиологическому явлению, где звуки и формы захватывали все внимание, к материально новой исследовательской обстановке с необходимостью подходить к языку, хочешь не хочешь, как социальному по самому складу своему явлению, где идеология построения речи оказалась органически связанной не с кровью, не с физической природой человеческих группировок, а с хозяйством и техникой и выраставшим из них и с ними мировоззрением. Сами группировки человеческих существ, коллективные творцы звуковой речи, оказались в зародыше объединениями не родо-

выми по крови или по физическим данным, а домостроительными по общности хозяйственных интересов и потребностей обороны и борьбы независимо от цвета кожи, черепных или иных антропологических характеристик. Кое-что этого порядка проскальзывало, в зависимости от свойств яфетических языков, и в прежних работах: так, не мало соответственных мыслей можно наблюдать в работе даже 1920 г. отпечатанной лишь в 1921 г. в Лейпциге, под заглавием «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»,¹ но теоретическое осознание всего построения, действительно новое и по идеологии, и по технике учение, стало слагаться после 1924 г., когда выявилось, что все языки мира находятся в родстве друг с другом, что родство это, основной или первичный его фонд, в источнике явно социальное, от схождения в общественном строительстве, а не расовое в путях происхождения от общих родителей. В печати поворот этот отмечается с опубликования в ДАН заметки в две странички под заглавием «Индоевропейские языки Средиземноморья».²

С этого времени появляются работы наши иного порядка и по абхазскому языку, все более и более освобождающиеся от пережитков формального метода, таковы:

1. Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «Тризна» (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения). Издание Наркомпроса Абхазии, Ленинград, 1925.³

2. Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы). Труд, появившийся в Восточном сборнике, т. I, издание ГПБ в Ленинграде, 1926.⁴

3. Русское «человек», абх. а-оуџ, ДАН, 1926, стр. 81—83.⁵

4. Технического порядка: Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма). Издание ЛИЖВЯ, 1926.⁶

Однако, не всегда можно судить о методе работы по времени ее появления в печати: так «Абхазско-русский словарь» зачат был и выполнен еще при формальном методе, хотя появился недавно (1926 г.), и потому в предисловии и по этой части я вынужден был поделиться новой постановкой изучения и абхазского языка.

Впрочем, и по заглавиям нельзя узнать, где трактуется абхазский язык или в общем освещении, или в специальном разъяснении в наших работах; так об абхазском речь идет в работе «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с материальной культурой)».⁷

Однако, общее учение об языке пошло еще дальше. А как дальше?

А вот выяснилось, что не только не было единого праязыка или вообще праязыков, восстановлением которых занимались и продолжают заниматься уважаемые коллеги старой школы, но вначале не было вообще звуковой речи, хотя

¹ Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 31—104 [ИР, т. I, стр. 79—124].

² ДАН, 1924, стр. 6—7, перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 244—245 [ИР, т. I, стр. 185—186].

³ [ИР, т. V, стр. 117—152.]

⁴ [ИР, т. V, стр. 162—186.]

⁵ [ИР, т. V, стр. 187—190.]

⁶ [ИР, т. II, стр. 321—351.]

⁷ [ИР, т. III, стр. 123—151.]

язык уже имелся. Не только дело не начиналось с отдельных звуков, когда стала слагаться звуковая речь, но представление об особом бытии этих речевых элементов, так называемых фонем, — совсем позднее явление, и звуковые законы, устанавливаемые в интересах формальной классификации определенных языков, имеют значение для языков позднейших стадий развития, да и в них, чем древнее система звуковой речи, чем древнее стадияльное ее развитие, тем свободнее и неустойчивее эти так называемые фонетические законы. Вопрос об очеловечении животных звуков в целях непосредственного создания звуковой речи есть одно недоразумение, ныне подлежащее скорейшей сдаче в архив. Между говорящим человеком и животным, абсолютно не имеющим речи человеческой природы, глубочайшая пропасть. Пропасть эта была бы непроходимой, следовательно, язык пришлось бы признать даром божьим или, что то же, чудом природы, если бы в промежутке не господствовало и не творило существо, выработавшее себе руки, оно же *homo sapiens*, человек уже с разумом, ибо руки дали человеку возможность творить и знать, руки служили орудием общения, руками говорили в течение многих десятков тысячелетий, говорили ручной речью, языком кинетическим, языком жестов и мимических движений, и люди в обиходной жизни не нуждались ни в какой звуковой речи. Потребность в звуковой речи возникла с образованием зачатков классовой дифференциации, когда в связи с магиею выработалась специальная группировка с таинственными магическими действиями в плясках, песни и играх, где в процессе мерного выкрикивания стали выделяться артикулированные звучания, членораздельные комплексы будущих отдельных звуков, слова-символы магического значения. Вначале, при возникновении звуковой речи было всего-навсего, точнее — глоттогонически использовано было четыре таких слова, четыре элемента, обозначаемых нами условно четырьмя прописными буквами латинского алфавита А, В, С, D. Все языки мира, о части ли словарной идет речь, или о грамматическом строе, состоят из этих, только из этих четырех элементов, так как эти элементы, не означавшие вначале ничего, имея лишь функцию магического средства, впоследствии стали тотемами, далее предметами культа, далее божествами отдельных социальных группировок и сделались еще позднее (именно, после возникновения племен и лишь в связи с ним выделившихся родов) племенными названиями. И потому-то эти четыре элемента иногда называются племенными названиями в условно выбранных наиболее распространенных разновидностях, разумеется, позднейшего происхождения: *sal* (элемент А), *ber* (элемент В), *uop* (элемент С), *goш* (элемент D). Эти ныне отбираемые нами разновидности четырех элементов, эти так наз. племенные названия *sal*, *ber*, *uop*, *goш*, в своей безукоризненной речевой членораздельности, повторяю — позднейшего происхождения, они лишь условные в отношении происхождения заместители первичных четырех звуковых комплексов магического действия, и одно сплошное недоразумение, когда их пытаются свести к трем или даже к одному архетипу путем отождествления отдельных в их составе звуков, первично вовсе не выделявшихся как отдельные фонемы.

В учебнике нового учения об языке имеется таблица основных закономерных видоизменений этих четырех элементов, на которые разлагаются все звуковые

языки мира,¹ следовательно, и абхазская речь. А смысл этих четырех элементов? Первоначально никакого, ибо, еще раз повторяем, не для языка они создались, а впоследствии долго держался один и тот же смысл. И это позднейшее осмысление определялось историей хозяйства, форм общественного строя и мировоззрения, и лишь с развитием этих социально-экономических факторов развивалось и богатело содержание языка, умножались и уточнялись значимости его элементов, уже слов. Как нельзя ни одному народу вести особого хозяйства в путях развития без связи с другим народом, так не было и не могло быть у отдельного какого-либо народа независимого языкотворчества. Языкотворчество, или глоттогония, есть процесс мировой, и на этом пути значение исключительного фактора получило так называемое скрещение, когда в процессе схождения различных социальных группировок и далее образования ими более сложных хозяйственных ячеек, впоследствии племенных образований, и еще далее наций, простые элементы, слова отдельных социальных группировок, двух, даже трех — слова с одинаковым значением соединялись воедино, образуя так называемые скрещенные слова. Без этого процесса звуковая речь не могла развиваться. Звуковая речь, однако, долго распространялась классово, как впоследствии, по изобретении письма — грамотность. Люди долго также обходились без звуковой речи, беседуя свободно кинетическим языком, ручным языком линейных движений, как доселе миллионы населения обходятся без письма, просто неграмотны и в так называемых культурных странах.

Классовая культура, делая свой отбор, довела развитие одних языков, государственных, так называемых национальных, на самом деле также классовых, или доводила их до последних ступеней развития, до системы наиболее развитых, отбрасывая на своем пути языковые интересы других, уже беззащитных, хотя и используемых классов. В то же время руководящие классы различных стадий общественного развития, при их отходе в процессе диалектического развития от средоточения общей работы над приращением речевой культуры, при появлении им смелы в центре языкотворчества, отливали в различные страны света с звуковой речью соответственного стадийного строя. Поэтому языки более архаичных систем находятся на периферии мировой экспансии, если не считать реликтовых единиц, пережитков, как из яфетических языков баскский в Пиренеях, вершикский на Памире и несколько десятков языков в кавказских горах. Увязка же языковознания с историей материальной культуры, хозяйства, форм общественного строя и мировоззрений, вообще надстроечных культурных ценностей, дала опору для классификации языков, собственно различных их систем по периодам, последний из которых четвертичный, предыдущий третичный, куда относятся и яфетические с большим диапазоном формальных расхождений между собой, и т. д. и т. д.

Однако, я не собираюсь читать курса нового учения, элементарного курса яфетической теории. Кто же интересуется, он напечатан в Баку. Хотел лишь ознакомить со взглядом на экспансию, распространение культуры звуковой речи

¹ Яфетическая теория, изд. Азербайджанского гос. университета, Баку, 1928, стр. 116—117 [ИР, т. II, стр. 96—99].

по всему миру, и, естественно, на нарождение несметного количества изменений, зависящих как от разности условий в различных странах, так и от дальнейшего во времени эволюционного развития каждого в основе уже сложившегося языкового типа.

Дело, однако, абсолютно не в этих позднейших изменениях, хотя бы с учетом всех модальностей для каждой новой, эволюционно наступавшей эпохи в развитии уже сложившегося языка или сложившейся системы языков. Дело в источнике коренных перемен мутационного порядка, в источнике смены типов и систем в языках: этот источник — не внешние массовые переселения, а глубоко идущие революционные сдвиги в процессе диалектического отбора, революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним новая идеология в построении речи и, естественно, новая ее техника. Отсюда различные системы языков. Чтобы увидеть коренную разницу между языками одной системы при, напр., логическом мышлении, позднее наступившем, и дологическом мышлении, более древнем в отношении значений слов, достаточно отметить, что в эпохи дологического мышления родственные значения, происходящие одни от других, напоминают оборотней в сказках. Слово, означающее 'дуб', получает значение 'хлеба', 'собака' — значение 'лошади', 'орла', собственно, 'птицы', 'неба', и т. д., и т. д. И трудность восприятия нового учения об языке — в необходимости быть свободным от привычного нам мышления. И как не приходиться в ужас от открывшихся перспектив в связях слов, когда наибольшее отличие двух предметов мы характеризуем словами «как небо от земли», а первобытный человек 'небо', 'землю' да 'подземный мир' называл одним звуковым словом; мы говорим: «се лев, а не собака», а первобытное мышление внушило льва, как и волка, назвать 'собакой'; мы лишь в метафорических выражениях читаем 'солнце правды', так в христианской литературе в приложении к Христу, а первобытный человек другого слова не имел для выражения истины, правды, как 'солнце'; солнце же было божеством, как и небо, по названию которого называлось и солнце, как его часть. Мы говорим с различием особо 'время' и особо 'место', а при первобытном мышлении не различались эти два понятия, более того, конкретно они выражались одним словом, означавшим 'небо': 'небо' понималось и как 'пространство', и как 'время' и т. д., и т. д. В этом отношении история человечества в своих действительно новых достижениях есть история революций. Эти революции не только разрывали цепь последовательного развития и культуры и звуковой речи, но и разбрасывали членов одной общественности на той или иной стадии развития так, что их приходится собирать со всего мира, мало интересуясь тем, что старое учение об языке по сей день думает держать их во взаимной изоляции по различным семьям, точнее — по различным видимостям таких расовых семей. Факт, уже не подлежащий никакому сомнению, что баски в Пиренеях, абаски, или абхазы, здесь, в черноморском Закавказьи, вершики на Памире и берберы в Африке увязаны друг с другом, как давно выяснилось, а как после последней поездки к баскам и также к берберам уточнилось, увязаны больше, чем то можно было бы

думать в порядке общего отнесения их всех схематически в круг яфетических языков. И с этим упорные приверженцы старого учения об языке, пожалуй, помирились бы, но тревогу создает в мире ученых, да и не ученых того же общественного мышления, когда им говорят с фактами в руках, что нельзя без баскского и с ним увязанных яфетических языков Кавказа изучать происхождение и сложение французского языка, нельзя без берберского и с ним роднящихся яфетических языков Кавказа пройти в глубину начал латинской речи, нельзя без абхазо-черкесских материалов, в увязке с баскским и берберским, разъяснить греческий язык, нельзя без яфетических языков Кавказа подойти к правильной постановке изучения вообще генетических вопросов речи, нельзя понять ни русского, вообще славянских, ни германских языков, ни более того турецких, ни китайского, поскольку мы интересуемся образованием их систем и происхождением отдельных языков. При другой аудитории я мог бы остановиться на французско-грузинских языковых взаимоотношениях, в настоящей обстановке решаюсь коснуться, только коснуться абхазо-русских лингвистических связей.

Когда я вынужден был обратить внимание на связь абхазского языка с севером, то дело сводилось к одной 'лошади', которую сведущие люди успели было отобрать от русских, как вклад турок. Потому-то в силу более, предполагалось, интимной связи, зоологически родственной, у вогулов, народа угрофинского, так называемого «этнического образования», с турками, было в порядке вещей, что слово то, в разновидности а-лаша, оказалось у столь дальнего северного народа, как вогуль. И, по удостоверении факта распространения названного термина по всему Кавказу, да непрерывной цепью, увязавшись рекой Ра (Rha), что значит тоже 'лошадь', т. е. по Волге, в направлении на север, и по чувашам да приволжским финским народам, мордовцам, мариям, удмуртам и коми, а на юг вплоть до глубин эпох клинописных памятников, где га налицо как 'лошадь' в идеограмме этого животного, мне приходилось, в целях не вспугнуть слушателей или читателей, выходить из затруднения шуткой. Делалась ставка на резвость ковы: 'лошадь', мол, быстроногое животное, она иногда отождествляется с 'птицей', и абхазский лаш (← *лаш), а-лаша могла пролететь легко и незаметно на север к гиперборейцам.

Но вот то же самое повторилось с русским «конем». Русского «коня» думали отождествить с «комонем» из «Слова о полку Игореве», прежде всего потому, что также неизвестный по происхождению «комонь» по созвучию увязывался с «конем», и формальное учение об языке и его современные последователи большего и не искали: что же касается не словарного, а хозяйственного происхождения этого благородного животного, то, предполагалось, его могла дать лишь Азия, из нее доставили, следовательно, турки.

Русские оказались, следовательно, ссажены с 'лошади' и с 'коня' и с 'комоня' и объявлены, надо думать, народом в 'лаптях', народом пешим, без конницы, без наезднической дружины. И так трактовалось дело в писаниях лингвистов, да притом лингвистов, более всего дороживших, казалось бы, русским национальным миром, правда, в стане славянского объединения, и потому готовы были сбросить

с русских весов все не общеславянское, представить его наведшим страх за средние века, 'вовсе не так страшным, очень, оказывается, нам милым и сродным, когда их познаем, монголам и туркам, лишь бы не быть вышибленным из господского европейского содружества. И вот вдруг такой афронт: и «лошадь», и «конь», и «комонь» — чисто русские слова, и в то же время предъявляют на них свои притязания народы Кавказа, яфетические народы Кавказа с языками третичного периода, в числе которых абхазский — древнейшей системы, и именно абхазский без своих притязаний не оставляет и «лаптей», русского термина «лапти», как мы сейчас думаем подробно разъяснить. Что же случилось, что мы договариваемся до таких, казалось бы, маловразумительных ужасов?

А случилось то, что намечавшаяся было еще в бурно налетавших образах и туманных, года три, четыре тому назад, линиях палеонтология речи уточнилась и окрепла.

До материалистически выработанного идеологического метода, до послужившей к его установлению палеонтологии речи, нельзя было разобраться даже в кругу таких оказавшихся неразлучными значений, как 'глаз' и как понятия, связанные с 'глазом', с его функцией — 'видеть' и т. п. Теперь же мы не довольствуемся регистрацией, подобно лингвистам-сравнительникам, выражающих эти понятия слов, легко сопоставляемых, поскольку легко оправдать их значения рационалистически и по нашему мышлению. Так, поскольку установлено, что во всех языках глагол 'видеть' происходит от имени 'глаз', основа абхазского a-bə-gà — bə, означая первично 'глаз', является, следовательно, усеченным видом бзыбского à-bl-a 'глаз'; этого, однако, мало: существует глагол, произведенный от этого полного вида слова a-blə-gà 'гореть', 'сжигать', не могущий, казалось, иметь ничего общего ни с глаголом 'видеть', ни с 'глазом', но палеонтология речи открыла, что связь есть, так как 'глаз' и 'солнце' первоначально обозначались одним и тем же словом, и по 'солнцу' были названы и 'огонь', и 'свет', и отсюда совершенно не случайно сходжение слов, означающих 'видеть' и 'сжигать' или 'гореть'.

Одновременно крепко-накрепко установилось то положение, что глаголы — позднейшее явление: глаголы всегда произведены от имен, действие или состояние которых первично и выражают они; так, 'бросать' есть действие 'руки', и, следовательно, в основе абхазского глагола à-g-цə-га должно находиться имя, означающее 'руку', и так дело и обстоит. В à-g-цə-га префикс a-, другой префикс каузативности г- и суффикс -га облепили основу цə (← *цə), что по нормам абхазской фонетики представляет стянутую разновидность ши, означающую 'руку', и это ши и находим мы пережившим в древнейшем клинописном языке — шумерском, где ши означает 'руку'. Впрочем, чтобы найти абхазскому слову родню в обоснование нашей тезы, нет надобности ездить в такие дальние, казалось бы, страны, как Месопотамия, и в такие далекие эпохи, как время начал шумерской письменной речи, четвертое тысячелетие дохристианской эры. Во-первых, в те времена общественность абхазская и шумерская, по многим доисторическим фактам социальных отношений, вовсе не была так разлучена состоянием, как в недавние исторические эпохи, исторические эпохи вожаков

современной нам общественности, европейцев, для которых все, что предшествовало римлянам и грекам, есть доистория. Достаточно сказать, что шумеры доисторические были в пределах страны, позднее известной как Армения.¹ Во-вторых, общественность была классовая, а не одноклассовая, и так же легко перекидывалась из страны в страну, даже далекую, как ныне, лишь, конечно, по части техники общения в путях ее развития в соответственные эпохи, когда в лучшем случае на суше 'лошадь' или 'верблюд', на воде 'лодка' или 'судно', долго не парусное, являлись наиболее усовершенствованным средством передвижения, а устная речь не имела еще закрепления, не имела замены прежней магической силы силой видимых изображений общественной мысли. Не было не только печати, но долго и письменности. Абхазы без труда могут представить себе страну, где нет в народе письменности.

Абхазский же язык и в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему, более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих сейчас изначальную дату почти шести тысяч лет. Такие переживания древнейших эпох находим и в соседящих с абхазским языках: так ши 'рука', от которого происходит абхазский глагол à-г-шг-га 'бросать', в грузинском сохранилось в полном виде шиг, служащем основой глагола 'делать', 'трудиться'—шиг-еб-а, ш[и]г-о-ша, ибо оба эти глагола производятся также от 'руки', первого орудия производства и первого орудия всякого действия.

Но абхазский язык не примитив, для выражения 'руки' у него ряд других слов, с использованием других элементов, как мы увидим, а по связи с вопросом о «лаптях» нас бы должно интересовать сейчас более происхождение 'ноги'. Однако, поразительная вещь, что 'нога' и 'рука', оказалось, первично обозначались одним и тем же словом. Это не в плане сегодняшнего чтения, иначе мог бы я попутно демонстрировать, что даже русские слова «но-га», «ру-ка» — разновидности одного и того же слова.

В грузинском один слой его состава выявляет, что гап (|| gar) означало одновременно и 'руку' и 'ногу', впоследствии 'ноги' стали отличать прибавлением d, пережитка слова da 'низ'—dgar 'нога', букв. 'нижняя рука', отсюда сейчас гап 'сторона' (от 'руки') и народн. dgar-а 'стоит' (от 'ноги').

На этом основании возникает вопрос о том, случайно ли в абхазском созвучие а-га-гà 'брат' и à-гəла-гà 'стоять'? 'Брат' происходит от 'руки', и основа глагола а-га-гà, именно га, представляет усеченный вид gal, означавшего, как сейчас увидим, 'руку', но он же означал и 'ногу', и потому в глаголе à-гəла-га 'стоять', палеонтологически производимом от 'ноги', естественно бы основу гəла воспринять как разновидность gal. Однако у нас возникает подозрение в том, что основа гəла составная, как dgar в грузинском, палеонтологически истолкованная в смысле 'ноги', букв. 'нижней руки', т. е. в абхазском эквиваленте было бы в таком случае составное из гə и la слово 'нога', букв. означающее 'нижняя

¹ Вопрос о шумерах в Армении и эпох халдской клинописи (с IX в. до х. э.) и позднее снова был трактован в дискуссии по работе И. И. Мещанинова «Халд-ведение» (Баку, 1927) в нашем слове, как оппонента, предназначенном ныне к напечатанию во втором выпуске ТРКФ [напечатано в ЯС, т. VII, стр. 190—211].

(гә, ср. св. *gim* 'земля', м., ч. *ge-* 'низ', 'вниз') 'рука' (1а, хорошо документированная и в этом смысле в абхазском разновидность основы *па*, что в *а-па-рә* 'рука').

Что касается *gal* 'рука', архетипа основы абхазского глагола *га* (*а-га-гә*) 'брат', он имеет глухого двойника *kal* в армянском со значением 'держат', тоже от 'руки', но первичное аффрикатное произношение, подлинно яфетическое — *ǰal*, от *ǰal* 'рука' у мегрелов — глаголы *ǰal-* 'иметь' (*ǰal-а* 'имение', 'состояние', 'богатство') и *ǰal-а* 'брат', 'носить', а от его шипящей разновидности с губной огласовкой *ǰug* получены глагольные образования также со значением 'иметь': в мегрельском же *mi-ǰu* 'у меня есть' (архетипом *ǰu* неосторожно, следовательно, выставлять только *ǰup*), и в берберском *ǰug-1* 'у меня есть', причем *ǰug* в берберском воспринимается в смысле русского предлога «у», следовательно, 'рука', с функциональным значением наречия и предлога 'близ', 'около', 'у'. В грузинском то же *ǰal* представлено безукоризненной разновидностью свистящей группы — *ǰal*, что, как известно, также означало 'руку', отсюда *ǰal* 'сила' и *ǰeva* 'давать'. Но то же слово *ǰal*, с утратой аффрикатности *gal* → *qal* означало 'ногу', как увидим в названии одного вида обуви — на каком языке? Для нас все равно, на каком сейчас его застаем, когда факт непререкаемый, что термин существовал еще в третичный период в языках яфетического круга, да и раньше.

Не надо лишь соблазняться в порядке идеологической связи созвучием армянского глагола *gal* 'приходить', основа которого *га* восходит, действительно, к архетипу *gal* (элемент А) и независимо от того, что в армянских говорах, так ныне в ширакском, *gal* используется как чистая основа — *gal-um-а* 'приходит'. Нельзя соблазняться в том смысле, что 'приходить' в данном случае есть развитие глагола 'приближаться', а 'близ' это 'бок', 'сторона', таким образом 'рука'. Однако первично 'рука' и 'нога' обозначались одним словом.

Но почему общность названия у 'рук' с 'ногами'? Потому, что 'руки' естественно-исторически результат позднейшей эволюции передних 'ног'? Ничего подобного. Или по сходству физической функции 'рук' и 'ног', напр., как орудий обороны или иной работы? Также нет.

Впоследствии, действительно, от 'ноги' немало производных значений, от 'руки' же производятся сотни значений, в обоих случаях и по связи физической функции этих членов тела. Первично, однако, 'ноги', как и 'руки', также оценивались по функции, но функции магического действия, которое производилось ими в пляске, пении и игре.

На такой новой ступени развития общего учения об языке даже о «лаптях» нельзя ничего высказать, если подойдем к вопросу формально и без учета идеологической стороны, без учета в связи с нею и палеонтологии речи, и в семантике (т. е. значимости слов), и в морфологии (т. е. в их формовке).

Как нельзя быть грамотным, уметь читать и писать, если вы не знаете букв, нельзя научно понимать язык, изучать его или учить ему других, если вы не обладаете знанием палеонтологии речи и той верной перспективой, которую она привносит с собой. Палеонтология речи связана с материальной реальностью творческих факторов языка, она в связи с этим знакомит с идеологическим

построением звуковой речи и вскрывает ее увязанность с классовым производством, с историей материальной культуры, хозяйства, слагавшихся на его основе общественных форм и определяющихся ими мировоззрений. Между тем, с исторического поля зрения человечества бесследно исчезли целые народы. Где же и знать ему, человечеству, из своей истории о каких-то классовых группировках доисторических эпох, когда и в XX столетии наука испытывает тяжкие родовые муки при необходимости повернуться в сторону такого восприятия общественных явлений, в частности и языка?

Потому-то так трудно учесть исторически жизнь, напр., абхазского термина а-тѣ 'сила'. Слово 'сила', по-абхазски а-тѣ, в настоящее время изолирует абхазов от всех окружающих его народов, равно народов, с которыми абхазы за исторические эпохи, если даже не упоминать о доистории, входили в тесное общение. Между тем, в этом слове абхазы имеют увязку с одной стороны с грузинами, с другой—с русскими и далее заодно с русскими и с германцами, да и помимо всяких европейских народов с Океаниею, с языками тихоокеанскими.

В самом деле это абхазское слово без члена -тѣ, собственно тѣ, как мы находим его в выражении тѣ-ла 'силой', 'насильно', а тѣ — лишь редуцированная, т. е. ослабленная форма слова то, а это уже нас направляет в сторону русск. «мощь», «мочь», «могу», вообще к славянским, да и германским языкам.

Значит, в абх. а-тѣ 'сила', 'мощь' вклад русского? Ничего подобного. Прежде всего, глагол 'мочь', как и отвлеченное имя 'сила', 'мощь', происходит от конкретного понятия 'рука', а соответственное слово со значением 'рука' существует в грузинском, это таг, ему же надлежит звучать по законам сравнительной фонетики по-мегрельски да по-чански тог, диалектически *тод, и абх. тѣ, с членом а-тѣ, как и русск. «мощь», «мочь», восходит к этому слову *тод. Следовательно, русское слово восходит к мегрельскому и чанскому? Также ничего подобного. Ведь к той же группе, к которой относятся языки мегрельский и чанский, относится и скифский язык, и русские могли его усвоить от скифов, вернее — от одной из социальных группировок скифского народа. Знатоки грузинского и мегрельского мне возразят, что такого слова, как таг в грузинском и тог в чанском, не говоря о восстанавливаемом диалектическом *тод, нет в известных грузинском и мегрельском, resp. чанском, языках. В слове, быть может, скрещение ВС — т+д, «мо-шь», тогда от элемента В (тиг||тог) налицо усеченный вид та||то, но палеонтолог речи знает, что таг в грузинском многократно существует, ибо налицо в таких словах, как таг-дѣна 'правый', букв. 'рука (таг) правая', таг-дѣна 'левый', букв. 'рука (таг) левая'. Грузинскому таг-дѣна закономерно соответствовать должно и мегр. и чанск. *тог-дѣна-1, откуда м. тог-дѣна, сохраненное мегрельским в значении 'удачи', 'победы'. Более того, в грузинском по палеонтологии речи 'помощь', 'помогать' происходит от слова 'рука', и глагол 'он ему помог' то-е-д+таг-а основой д+таг, означавшей некогда 'руку', представляет скрещение двух элементов А (д-) и В (наш таг), и таг опять-таки значит 'рука', и это известно из абхазского, но в абхазском таг, по норме абхазской фонетики — тѣ, сохранилось самостоятельно в значении 'ручки', это ѧ-тѣ. Абхазский язык сохранил и первый элемент грузинского

q+тага, т. е. q, с губной огласовкой qo, что по-абхазски закономерно дает фа, некогда означавшее 'руку', почему от него также происходит глагол 'помогать' — абх. à-фа-га. Из того факта, что части груз. qmag, т. е. q и mag, равно mag- из состава mag-ḡvena, mag-ḡqena 'рука правая', 'рука левая' если не в абхазском, то в праабхазском еще самостоятельно означали некогда 'руку' (отсюда абх. à-mā 'ручка', абх. а-фа-га 'помогать'), ясно, насколько абхазский древнее грузинского в данном случае, имея соперника лишь в языках Океании, где mag значит 'рука' по сей день.¹

Я усекаю ряд поразительно ярких случаев увязки с этим же словом и в скрещенном виде, но уже в названиях орудий, сменивших 'руку', следовательно, на дальнейшей стадии развития речи — у грузин и греков, собственно у прагреков, равно у прарусских и т. д. Ясное дело, что не по отсутствию данных совершенно замалчиваю языки миров угрофинского с турецким и латинского, имеющих свои особые связи подлинно доисторических эпох, да и греческий, раздвояющийся примыканием в использовании терминов, означающих 'руку', resp. 'орудие производства' и 'силу', в отношении элемента В, то в сторону разновидности с m (μά-χαρ-α 'меч'), то в сторону разновидности с b ↘ v (βία 'сила') при смыкании круга с языками спирантной ветви в названии 'рука' (χείρ). Дело в том, что в латинском и урало-алтайском мире (угрофинно-турецком) элемент В, в значении дериватов 'руки' — 'силы', 'битья' и др., а первично, следовательно, и самой 'руки', появляется с губным v из окающей разновидности по формуле — vir (~vir) → vi (~vi). Но эта сторона дела требует специальной разработки. Это назревшая задача, час которой давно уже пробил, намечая необходимость коллективного исследовательского к ней подхода.

Пора вернуться к «лаптям», русским «лаптям», на которые предъявляет свои притязания абхазский язык; это значит, что еще на стадии развития культуры с лапотной обувью абхазы и русские (точнее — один слой абхазского и один слой русского этнических образований) были членами одной хозяйственной общности.

И по этому предмету, чтобы подойти к вопросу для правильной его постановки и соответственного его решения, необходимо усвоить палеонтологически установленное положение о связи обуви с ногой в эпохи первобытного мышления, мышления дологического, как именует это мышление французский этнолог Леви-Брюль (Lévy-Bruhl), или мифологического, как мы имеем основание предпочтительно называть, имея в виду связь этого мышления с мифологическим творчеством первобытного человечества.²

С эпохи установления логического мышления термин для обозначения 'обуви', будь она 'лапти', 'сапог' или вообще 'обувь', мог слагаться различно, смотря по

¹ Н. Я. Марр. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, ВС, т. I, стр. 184 [см. здесь, стр. 94].

² Кого смущает самый факт существования дологического мышления, как то устанавливает Леви-Брюль, а ве термин, может рассеять свои сомнения чтением книги спиритуалиста Оливье Леруа (Olivier Leroy) «La raison primitive. Essai de réfutation de la théorie du prélogisme» (Paris, 1927) в противность ее заданию целиком опровергнуть Леви-Брюля (см. рецензию в «Revue anthropologique», 1928, стр. 210—212).

точке зрения, с какой подходили к ней в различные эпохи, так в позднейшие эпохи и с точки зрения чисто хозяйственных бытовых потребностей. Такие названия позднейшего происхождения можно найти не только в языках новых систем, напр., в так называемых индоевропейских, но и в некоторых языках яфетической системы, в частности в грузинском, наиболее приблизившемся к языкам четвертичного периода, куда относятся две системы, называемые по расовой классификации старого учения «семьями»: «семьею семитической» и «семьею индоевропейской». В этом именно языке яфетической системы, грузинском, говорившие на котором творили слова уже и по наступлении логического мышления, имеются два слова для обуви, составленные как термины хозяйственного порядка без всякого отношения к мифологии или к культу, а технически описательно и, следовательно, без использования положения о функциональном развитии значений; так, по-грузински 'лапти' звучат qal-aman, герср. qal-aban, а обувь вообще — feq-sa+šmel. Построены они описательно и значат qal-aman 'сосуд (aman) для ног (qal)', а feq-sa+šmel 'то, что надевается (sa-š'u¹ mel) на ноги (feq, древнелит. feq-q)'. Последние слова во всех отношениях грузинские, feq, древнелит. feq, значит 'нога', š'u¹ша 'надевать', основа формы sa-š'u¹-mel; что касается qal-aman, то составные его части мы уже знаем: qal (← gal) 'нога' и aman 'сосуд' считаются обычными армянскими словами; aman 'сосуд' в армянском так и употребляется по сей день с тем же значением, но простая его форма была man, как это видно из армянского термина žaš-man 'рукавицы' от žaš 'рука' (|| груз. tot 'рука', 'ветвь') и man 'сосуд', причем грузины, не ощущая присутствия слова 'рука' в žaš, прибавили еще ныне свое слово qel 'рука' и говорят qel-žaš+man в значении 'перчатки'; что же касается слова qal, мы уже его знаем, это 'нога', одновременно и 'шаг', откуда в армянском qau¹ (← qal-i) 'шаг' и qau¹-el (|| qel-el) 'шагать', 'ходить' является пережитком первой части того же составного грузинского термина qal-aman, где qal означает прямо-таки 'ногу'.

Да и термин «лапоть», «лапти» унаследован русским, казалось бы, от общественности того стадияльного развития речи, в которой рука и нога носили еще одно название, почему и у русских и у абхазов то же слово означало 'руку', как сейчас увидим из палеонтологического анализа русского термина.¹

Термины же и этого круга эпох дологического творчества, которыми изобилует абхазский язык, созидались по положению о функциональном развитии семантики, т. е. слово переходит с одного предмета на другой с переходом на этот второй предмет функции первого. Уже установлено, как название 'собаки' перешло на 'лошадь', заменившую пса в функции животного передвижения. 'Сапоги' в этом смысле могли унаследовать название 'лаптей', но чью функцию могли взять на себя 'лапти' или вообще первичная 'обувь'?

Ориентируясь на абхазские соответственные термины, с элементом В в составе, не случайно общим в виде рə (✓ ро), возьмем слова, означающие 'руку' — а-па+рə и 'ногу' — а-ца+рə.

¹ См. ниже, стр. 69—70.

Элемент В мы имеем в абх. а-шā+g 'сапог' с его двойниками, армянским шou-g (нар. шou-g) и грузинским то-gu, в архетипе *mog-gu → *mog-g, что в разновидности bog-k, с огласовкой шипящей группы, на родной почве в таком языке шипящей группы, как мегрельский, означает только 'ногу'.

Абхазская акающая разновидность того же элемента шā сохранилась в значении не одной 'руки', как то мы уже разъясняли в связи с абх. ā-шā 'ручка', ибо, помимо всего другого, эта основа шā налична, как первично означавшая 'ногу', в составе абх. āу-шā-фа 'чувяки' от ед. числа ау-шаā, причем ни тот, ни другой термин, т. е. ни ā-ша+g 'сапог' с его армянским двойником шou+g (нар. шou+g), груз. тоgu (нар. тоgv), ни а-шаā не содержат в себе ничего, кроме бытования в среде определенной людской группировки, чтобы один означал 'сапог', а другой — 'чувяки', или 'лапти'. Грузинская разновидность двухэлементного ау-шā, именно фа-шl, древнеит. фа-шl, означает и 'обувь' и 'сандалии', и 'сапог', не говоря об использовании ее и как названия специальной обуви охотничьих птиц, сокола и ястреба. Однако на позднейшей ступени развития, с возникновением составных терминов и с ними функциональных слов, в конечной части gu (→ g, гeсп. g) не мог не быть усмотрен суффикс принадлежности, первично слово 'дитя', 'сын', спирантизованная разновидность sku (ср. м. sku-aГГ 'дитя'), и в целом, следовательно, абх. ā-ша+g, арм. шou+g и груз. то+gu на той стадии развития звуковой речи воспринимались как составные слова исключительно в смысле 'обуви', 'сапога', собственно 'ножной предмет', букв. 'дитя ноги'.

С формальной точки зрения любопытно использование скрещенного образования для обозначения обуви более древнего типа, ау-шā, причем первая часть, элемент А, спирантного вида из аг, в архетипе har, имеет увязку с европейскими разновидностями трехэлементного скрещенного, собственно двухэлементного sa+bot с функциональным словом te, усечением теn 'дитя', так же, как русск. «лапоть», в архетипе *la-po-te, где первая часть la, элемент D, означая первично и 'руку' и 'ногу' (в данном термине, разумеется, 'ногу'), чередуется с элементом sa в sa-bo-t, «са-по-г» (ср. арм. шou-g и груз. то-gu и т. д.). На Западе слово появляется в значении 'сапога' двухэлементно, как сложение 'ноги' (bo) с суффиксом или функциональным словом te (фр. «botte») без предпосылки слову еще какого-либо третьего элемента. Но откуда это la, как в «лапоть», «лапти», в архетипе *la-po-te, или sa, как фр. «sa-bo-t», в архетипе *sa-bo-te, бск. sa-pa-ta || sa-pa-to («zapata», «zapato») или в русск. sa-po-g, в архетипе *sa-po-gin? Эти предпосылаемые двухэлементным терминам sa- и la- по положению о функциональной семантике означали одинаково 'ногу'. Из них 1) слово sa, пережиток sal, в то же время, как известно, означало и 'руку' и отсюда бск. sal-du 'покупать', первично, 'брат', в грузинском в подъеме dal 'сила', первично 'рука'. Теперь известно и то, что основа турецкого глагола 'брат' al-tak не что иное, как спирантная разновидность бск. sal; 2) слово la, разновидность па, также означало и 'руку', почему понятно его присутствие в скрещенном абхазском слове а-па-рē, причем это скрещенное па+рē, ослабление па+ро, в значении уже 'ноги', и в целом лишь разновидность еще первого двухэлементного слова la+ро в составе трехэлементного русск. «лапоть», в архетипе *la+po-te; без третьего

элемента *-te*, элемента *C*, следовательно, в полном виде *ten*, *la-po* мы имеем, как его разновидность, у абхазов *a-na-pa-rə*, ныне означающем лишь 'руку', и в русском слове «лапа», еще приложимом и к 'ноге', хотя бы животных.

В Ленинграде, в ГАИМК, накануне моего выезда сюда, был мною заслушан превосходно проработанный доклад аспиранта А. А. Иессена о глиняном сапоге первого тысячелетия до н. э., найденном в раскопках членом Академии А. А. Миллером в Кызыл-ванке. Сапог представляет культовый сосуд из погребения. Докладчик установил, что сапог этот имел именно культовое значение, и в этой функции сапог заменил 'ногу', которая появляется в более древние эпохи в той же роли сосуда, в какой с 1000 г. до н. э. наблюдается сапог. Культовое значение 'сапога', первично 'ноги', докладчиком было связано с представлением о связи 'ноги' со 'смертью' и с ее культом, как хтоническим божеством, а также с тем, что 'смерть' представляли люди с первобытным мышлением как уход или странствование в другой мир. Это все было прослежено по всей Евразии, и особенно ярко установлены на основании фольклора как связь 'ноги' с 'рукой', так культ и значение 'ног' наравне со значением и культом 'рук', и молодой докладчик объяснение явления хотел найти в роли 'ноги' как орудия производства в первобытном хозяйстве.

Мы не спорим для соответственных эпох, когда ноги рассматривались лишь анатомически, как член тела, а сапоги как часть общераспространенного костюма.

Это, увы, мировоззрение позднейших эпох, каким бы числом тысячелетий ни иметь основания измерять их давность. В это же время пляска, выявляющая с этих эпох очевидную связь с ногами, могла быть рассмотрена также логически как 'действие ног', хореографические их движения, и соответственно 'плясать' произведено по технике от 'ног'. Как будто с этим и спорить нельзя, когда 'пляска' по-грузински *ferqul*, очевидно, от *ferq* 'нога' (древнелит. *ferq*), а его соответствие по шипящей группе, мегрельскому и чанскому языку, **φαḡḡ*, первично **paḡ-ḡ*, отложившись в армянском, сохранилось в виде *paḡ-q* в значении 'пляски', 'хоровода'.

Однако, лишь учтя два факта, именно функциональное развитие значений путем перехода слова с одного предмета на другой, замену первого, и культовое значение ног, как приобщающих к хтоническому богу, название 'сапог' в те архаичные эпохи мы должны бы и можем разъяснить тем словом, каким раньше называли ногу. В призме этих положений мы и можем подойти к словотворчеству языка более древней системы, чем грузинский. Отдавая, однако, для эпохи дологического мышления предпочтение дологическому источнику генезиса, палеонтология речи вскрыла, что объяснение 'пляски' в зависимости от видимого источника, 'ноги', не выдерживает никакой критики, прежде всего потому, что, как оказалось, 'пляска', 'пение', 'игра' (музыка) выражались на более древней стадии развития одним и тем же словом, и никак этого не могло бы быть, если бы термин 'пляска' возникал в зависимости от 'ног', ибо как же в таком случае быть с 'пением' или 'музыкальной игрой'? Дело в том, что 'пляска', еще не дифференцированная с 'пением' и 'музыкальной игрой', являлась частью культо-

вого или магического действия, обращенного к тому или иному предмету культа, при космическом мировоззрении — к светилу, 'солнцу' или 'луне', 'светилу ночи', впоследствии хтоническому божеству, и 'нога', как впоследствии неизбежно разделявший ее функцию 'сапог', воспринимались первая не как член тела — анатомически, второй, уже обувь, не как часть костюма, а оба — как соучастники культовой пляски, пения и игры в честь 'луны', вызывающие своими движениями ее магическое действие и приобщающиеся к ее природе. Потому не одни 'пляска', 'пение', 'игра', одинаково как и 'колдовство', да впоследствии 'эпос', 'поэзия' носят названия светил — 'солнца' или 'луны'. Потому у грузин в древнелитературном языке также совпадают культовый термин *шо+ги* 'маг', связанный с названием светила, и, казалось бы, простое бытовое слово *шо+ги* 'сапог'. Это отнюдь не результат случайного созвучия.

Любопытно, что первый элемент скрещенного образования *раг-q*, кстати, в армянском древнелитературном воспринятого как форма множественного числа на *-q*, именно *раг*, в грузинском сохранился без второго элемента, но не одиноко, а в скрещении или сложении со словом *шиш* в виде *шиш-раг* 'пляска', причем слово *шиш* в свою очередь, тяготея к культовой основе (*шиш*) названия известного эламского божества *шиш+ип-ак*, если она даже название страны, само отождествляется со светилами, специально — с 'луной'.

Да и самые слова *ферq* || *раг*, наличные в скрещенных образованиях *ферq* || *рагq* (← **раq*), означали 'светила', некогда и 'солнце' и 'луну'. *Ваг*, resp. *раг*, 'солнце' — бог этиуниев, оно же налицо в названии божества *Ваг-бар-ту*, букв. 'божества (*ваг*) солнышка' (*bartu*) или 'солнечихи', засвидетельствованное в этом названии жены бога Халда ванских царей, и сам бог их могущественных противоборцев, этиуниев, *раг* или *ваг*, пережиток той же отдаленной эпохи, причем не мешает отметить, что государство этиуниев владело и той областью, где ныне расположен Кызыл-ванк, место находки культового сосуда в форме сапога.

Абх. *à-мга* 'солнце' и *à-мза* 'луна' основами *мга* || *мза* являются лишь дифференцированными разновидностями того же слова *ваг* \ *маг*, с перемещением огласовки.

Мегрельский сохранил тот же *маг*, но уже с дериватным значением 'луны', в термине *маг-а* 'неделя'. Разновидность того же *маг* в виде *ваг* сохранена в скрещенном термине *шо+ваг-е*, наличном в грузинском в значении 'луны' и т. д., и т. д.



Глиняный сосуд в форме сапога.
Кызыл-ванк.

То же самое прослеживается с экающей разновидностью, $\text{fer} \leftarrow \text{ber} (\leftarrow \text{per}) \searrow \text{mer}$, да с ее двойником $\text{res} \rightarrow \text{bes} \rightarrow \text{fes} \searrow \text{mes}$, причем из дериватных от 'солнца' значений любопытно отметить груз. fer 'краска', 'цвет' и ber в составе скрещенной основы ber-kur армянского глагола ber-kəg-an-al 'веселиться', 'радоваться'. Дальнейшее значение грузинского fer 'образ' да его армянского эквивалента $\text{reus} (\leftarrow * \text{res-1})$ со многими дериватами требует особой специальной трактовки.

Ясное дело, что поскольку занимающие нас члены тела, при дологическом мышлении и в линии увязки с магическим действием носившие названия светил 'солнца' и 'луны', стали означать 'руку', 'ногу', постольку груз. $\text{fer-ḡil} (\leftarrow * \text{fer-ḡil} \leftarrow \text{ber-kur})^1$ и арм. paḡ-q , означавшие пляску, естественно было толковать в позднейшие эпохи, эпохи уже логического мышления, как слова, производные от 'ноги'. В связи с такой ассоциацией идей 'мертвый', как уходящий в иной мир, или 'погребаемый', как сопровождаемый в тот же мир, при соответственном мировоззрении неизбежно увязывался с 'ногой'. Но в подлинно первобытные эпохи, с дологическим, гесп. мифологическим, мышлением и 'мертвый', гесп. 'погребаемый', воспринимались не по технике движения, а по функции, увязанной с соответственными предметами культа, с 'луной', 'светилом ночи', и потому, напр., термин груз. sa-maḡ-e 'могила', собственно, означал 'пребывание луны' или 'обреченный луне', равным образом произведенный от скрещенного с ним образования maḡ-ḡ , грузинский глагол maḡ-ḡ-va 'хоронить' собственно означал 'напутствовать как луну' или в 'лунное царство', и он же, тот же глагол maḡ-ḡ-va , мог означать и, действительно, означает и иное культовое действие, связанное с представлением о хтоническом божестве, так именно 'поститься'. В связи с этим подлежит коренному пересмотру вопрос о происхождении арм. $\text{paḡ} (\sim \text{pas}) \leftarrow \text{paḡ-h}$ 'пост', 'бдение', культовый термин, возводимый через позднейшие бытовые значения к мутному, пока он не разобран палеонтологически, иранскому источнику!² Все материально-реальное значение этого слова вклад позднейшей общественности и соответственного мировоззрения.

Однако светила, 'солнце' и 'луна', подобно 'руке' и 'ноге', первично выражались одним и тем же словом, и даже по уточнении звуковой речи мы располагаем лишь фонетическими разновидностями одного и того же слова, пока дело не переходит в языки еще более поздней системы, возникшей в результате более сложных скрещений, где те же понятия обозначались уже не одним элементом или его разновидностями, а различными элементами, и понятно, что мы вправе в языке такого архаического по типу строя, как абхазский, ожидать более наглядную увязку тех же терминов, чем даже в грузинском. И, действительно, если мы возьмем понятия 'мертвый', 'живой', гесп. 'душу', то в абхазском обозначение их, оказывается, достигается использованием разновидностей одного и того же слова,

¹ Усеченно ber-k 'ножка', 'подножие' в груз. kuaḡḡil-berk 'подножие трона'. Ср. также ber-kur- основу арм. berkəg-an-al 'веселиться' со значением, восходящим к другому светилу — 'солнцу', что в свою очередь как предмет культа и является смыслом названия села Berki армянской области Арберани на востоке Ванского озера (Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen, Страсбург, 1904, стр. 341).

² Hübschmann, Armenische Grammatik, I, стр. 217.

или даже это одно слово служит для выражения обоих противоположных значений. Так, $\varphi\vartheta\grave{a}$ || *bza*, разновидности одного слова, элемента В, означают первая $\varphi\vartheta\grave{a}$ 'мертвого', вторая *bza* — 'живого'. Более того, понятия 'мертвый' и 'душа', т. е. опять представление о 'живом', у абхазов выражаются различно лишь путем слабой фонетической дифференциации слова $\varphi\vartheta\grave{a}$ ($\swarrow^* \varphi\vartheta\grave{o} \leftrightarrow \varphi\vartheta\grave{u} \leftarrow \infty \varphi\vartheta\grave{s} || \varphi\vartheta\grave{a} || \varphi\vartheta\grave{e}$, о последней разновидности с эканием см. выше, стр. 72), использованием двух видов свистящего *s* и ζ : *a- $\varphi\vartheta\grave{s}$* означает 'мертвого' и *a- $\varphi\vartheta\grave{d}$* ['живого' →] 'душу', но это в одном наречии — бзыбском, в другом же, именно абжуйском, и 'мертвый' и 'душа' выражаются одним и тем же словом *a- $\varphi\vartheta\grave{s}$* . Теперь, думаю, будет понятно, почему 'солнце' с 'луной', равно 'рука' с 'ногой', имеющие и в абхазском уже специальные уточненные обозначения, все-таки сохраняют увязку в каждой паре соответственных терминов: 'солнце' абх. *a- η ga* и 'луна' абх. *à- η za* (ср. *a- η za* 'живой'), 'рука' абх. *a- η a-r \grave{e}* и 'нога' *a- η a-r \grave{e}* .

Из архаичных терминов материальной культуры возьму один пример: *a φ à* 'топор'. Это слово выделяет абхазский язык из всех языков мира, точно абхазы со своим языком свалились с неба, как то нередко говорили как бы в шутку в Европе про басков, язык которых не были в силах генетически понять, — это была, однако, не шутка, а попытка смеха сквозь слезы, горькие слезы импотенции, методологической немощи. Между тем палеонтология речи и здесь, т. е. в данном термине, вскрывает увязанность абхазского языка с соседящими и несоседящими ныне с ним языками, принадлежность абхазов на определенной ступени развития — одной общественности с армянами Кавказа и с басками Пиренеев, на другой ступени развития — иной общественности с ними же и германцами. Дело в том, что абхазское слово пережило две, даже три ступени стадийного развития прежде, чем стать тем, что оно представляет собой и идеологически, и формально.

Прежде всего, формально абхазское слово представляет скрещенный из двух элементов термин, элемента А (*a φ -*), пережитка *ar-* (*har-*), и элемента С (*- φ a*), пережитка *- φ an*.

Из палеонтологии речи известно, что 'топор' с известного периода — металлический, бронзовый или железный, раньше был каменным, а каменный топор, как вообще всякое орудие, заменил 'руку', и в связи с этим в силу положения о функциональном развитии значения слова, о переходе названия с одного предмета на другой по мере развития истории материальной культуры и замены 'руки' — 'топором', 'топора каменного' — 'железным топором', а в связи с орудием и материала — 'камня', заменившего 'руку', и 'железа', явившегося на смену 'камня', одно и то же слово было использовано, чтобы обозначать 'руку', затем 'топор', гесп. 'камень', впоследствии 'железо'.

В то же самое время формально абх. *a φ - φ a* 'топор' — термин, скрещенный из двух элементов, двух слов, которые первоначально каждое в отдельности означали самостоятельно то, что в совокупности они вместе продолжали выражать, объединившись в процессе скрещенности двух производственно-социальных группировок, говоривших еще первобытным языком без скрещенности, или позднее двух классов, двух сословий или двух племенных образований, еще сохранявших

в своей речи пережиточно каждое из этих элементов-слов в самостоятельном употреблении.

Два элемента в составе абх. ауџа — это, как было разъяснено, элемент А — ау, пережиток аг, в архетипе haг, и элемент С — џа, пережиток џап.

Самостоятельно ни аг, ни џап, казалось бы, абхазский не сохранил ни в одном из когда-либо присущих ему значений, хотя бы первоначальных 'руки' и 'камня', не говоря о 'топоре', да еще 'железе'. Между тем аг в значении 'руки' имеется в абхазском в составных терминах, означающих 'рука правая' — аг-га и 'рука левая' — аг-ша. Это аг в значении 'руки' выявляет родство абхазского языка с армянским и баскским, т. е. тот факт, что на стадии позднейшего хозяйственного развития с переживанием еще мышления дозвуковой речи, когда кроме 'руки' человек не обладал еще никаким орудием, праабхазы, праармяне и прабаски (нет, неверно — прародители известного слоя, также производственно-социальной группировки абхазов, армян и басков) составляли одну общественность, в которой аг или его закономерная фонетическая разновидность и была словом, служившим для выражения 'руки'. Однако кругом перечисленных языков вовсе не ограничивается употребление слова аг 'рука', так как, поскольку 'искусство', 'художество' представляет надстроечное, отвлеченное развитие 'рукоделья', 'ремесла', аг и всплывает в составе латинского термина аг-s, аг-ti-s, аг-te 'искусство'.

Более того, и по скрещении соответственных социальных групп образовавшееся ауџа, в архетипе *аг-кап → *аг-џап, означало все еще лишь 'руку', а затем до 'железа' да 'железного топора' — 'каменный топор', 'камень', и потому-то от аркан (← *аркан), означавшего 'руку', сохранились происходящие от 'руки' глаголы 'бить' и 'бросать' — сохранили их древние армяне в haг+kʰan¹-el 'бить' и аг+kʰan¹-el 'бросать'. В значении же 'камня' то же слово *агџап в его закономерных разновидностях сибилантного типа (ǰ ~ ǰ̣ ← ǰ̣) сохранили армяне в аг+ǰап 'камень', 'скала' и с усечением баски в ау-ǰ̣ 'камень', 'скала'. На следующей стадийальной ступени развития и *агџап, resp. *ауџап должен был получить, как его абхазский двойник ауџа, значение 'железного топора', 'железа', и это мы находим теперь у немцев не в одном ау+zen || eu+zen 'железо' (из *ersen).

Хотя бы один пример для иллюстрации того, как получены в абхазском слова для выражения и других надстроечных, отвлеченных понятий, так 'истины'. Палеонтологией речи установлено, что 'истина', 'правда' — это 'действительность', 'видное', 'светлое', 'зримое', и она носит космическое название: 'солнце', resp. 'день'. В связи с этим абх. а-џабџег 'истина', по устранении члена а — џа-бџег представляет трехэлементное слово из двух частей: первая часть џа-, позднейший придаток, разновидность слов, сейчас имеющих распространение от Грузии до германских стран, в значениях 'неба' → 'солнца' || 'дня', равно 'божества' при космическом мировоззрении; так, она у черкесов ǰħа (диал. ǰħә) 'бог', в Грузии сохранилась в двух разновидностях, в спирантизованной — а-вџерх', первично 'небо', и свистящей — ǰа 'небо'. Абхазская разновидность џа в џа-бџег означает также 'небо', и с ней следовательно, повторно, как вкла-

дом другой социальной среды, выражается 'небо' в следующем за ней составном слове, ибо эта вторая часть, двухэлементная, bæg-g означала 'солнце', буквально 'дитя (-g) неба (bæg-)'. Это культово 'бог', герой астральный, каким является Прометей; отсюда появление этого слова bæg-g в полном виде bæg-skil 'солнышко' (букв. дитя skil, чанск. skir-1, неба bæg-) в составе имени героя абхазских сказаний А-bæg+skil, двойника грузинского Амирана, причем начальное а- в обоих случаях, т. е. и в Амиране и в Абырскиле, есть, следовательно, не абхазский префикс-член, а спирантизованная разновидность слова řa → řa 'небо', сохранившаяся у грузин в значении 'верха'.

Без этого уточнения позднейшей придачей řa, bæg, само по себе означавшее 'солнышко', с первичным состоянием редуцированного гласного «о», именно bogg, означая 'бога', герсп. 'диавола', послужило для образования грузинского глагола bogga 'бесновался', 'был одержим богом'. То же bogg, с утратой плавного — bog, русское слово «бог», уже прослежено в целом ряде специальных изысканий в значении, где позднейших терминов 'идола', 'бога', где 'солнца', оно прослежено по всей Европе, от чувашей на Волге до лигуров на Западе. Легко понять, что основа bæg- этого слова, означающего 'истину' по отождествимости с 'действительностью', 'зримостью', 'светом', конкретно, следовательно, 'солнцем', есть разновидность тех основ bl- и bæ-, которые в абхазском же означают, как было уже разъяснено нами, то 'глаз' (ибо то же было 'солнце') и от 'глаза' 'видеть', то 'сжигать', 'гореть'. Десятки слов со значением того же круга, наличные в абхазском, увязывают абхазский с самыми древними эпохами в росте звуковой речи человечества, с самыми отдаленными от Абхазии языками, не говоря о близких и соседних.

Выходит, следовательно, так, что путем палеонтологических раскопок в языке, особенно в языке такого порядка, как абхазский, без каких-либо непреодолимых помех устанавливается состав его словаря на различных ступенях развития. Есть стадия развития, на которой не было еще ни одного слова надстроечного порядка, не было отвлеченных понятий, ни 'истины', ни 'знания', ни слов 'душа', 'ум'. Само собой понятно, что есть стадия развития, на которой не было терминов родства, а когда они появились, долго не было термина 'отец', а впоследствии 'отец' и 'муж', более того, 'отец', 'муж' и даже 'брат' не различались. Они обозначались одним и тем же словом, ибо таков был строй социальной жизни. Есть стадия развития звуковой речи, когда не было еще названия диких зверей, а лишь одомашненных, или когда из одомашненных животных в словаре имелась только 'собака', но не было еще 'лошади', и в связи с этим 'лошадь', явившаяся на смену 'собаки' в роли животного передвижения, по функции получила название 'собаки', и слово же 'собака' было перенесено впоследствии на диких зверей: так термин 'лиса' оказался означаящим 'малая собака', а 'волк' — 'большая собака', как, впрочем, и 'лев'.

В хозяйстве не было хлебных растений, и их роль играли древесные плоды, в частности 'жолуди', впоследствии передавшие свое название хлебным злакам, взявшим на себя функцию этих дубовых плодов.

Все это в других языках выявляется лишь углубленной палеонтологической работой, даже в части яфетических языков, языков третичного периода, не говоря

о более поздних, как греческий и латинский, но в абхазском опять-таки все как на ладони; так, когда 'лису' по-абхазски называют àbga q̄tè и 'волка' — àbga dəw, то это вовсе не означает 'малый шакал' и 'большой шакал', а 'малая собака' и 'большая собака', ибо bga означало раньше 'собаку' и лишь впоследствии было перенесено на 'шакала'; равным образом и теперь, когда 'собаку' по-абхазски называют a-là, а 'лошадь' à-лаша, làша-k, то основы их, la и laш, лишь разновидности одного и того же слова, притом в более полном состоянии предлежит разновидность laш, которая первоначально означала 'собаку'.

Однако, дело на этом не останавливается. Дуб, питавший человека 'жолудями', 'собака', равно сменявшие ее животные, 'лошадь', 'бык', а за ними и 'свинья' и т. п., были в свое время тотемами социальных группировок, их взращивавших или их вводящих в свое хозяйственное объединение, а тотемы это будущие 'боги', создававшиеся все еще ненаучным мышлением человечества.

'Бог', как отвлеченное понятие таинственной силы, да и вообще антропоморфизованное представление о божестве — позднее явление, ему предшествует предмет культа по космическому мировоззрению, 'небо', а затем светила — 'луна', 'солнце' и т. д., ему же предшествуют, разумеется, и тотемные 'животные'. И что особенно требует чуткого внимания, это то, что не только в разные эпохи, именно на разных стадиях развития, одно и то же слово, сигнализирующее предмет культа, имеет различные, для нашего логического мышления непримиримые значения, так 'дуб' (тотем) → 'собака' (тотем) → его смены из домашних или диких животных → 'орел' (тотем) → 'небо' → 'солнце' (бог) → 'бог' вообще, но на одной и той же стадии развития такое слово может иметь различные значения в зависимости от точки зрения, с какой данное слово интересовало. Так в составе названий городов, вообще населенных пунктов, такое культовое слово, всегда доходившее до значения 'неба', могло означать 'жилище', 'защиту', ибо термин 'небо' → 'покров' оказался в основе каждого слова, означающего 'жилище', 'дом'; оно могло означать 'круг', ибо и 'круг', 'арка', 'свод' во всех языках представляет использование слова 'небо'; оно могло означать божество-покровителя, опять-таки 'небо' или его предместников, животных и иных тотемов.

При таком углубленном вхождении в изучение абхазского языка и открывшихся конкретных возможностях (не в одних лишь перспективах) на его материалах иллюстрировать без особых усилий, как реальности, палеонтологически добытые труднейшие и сложнейшие положения нового учения об языке, пересмотру и новой трактовке подлежат важнейшие памятники абхазской среды, древнейшие тексты или абхазского языка, или языков, которые с ним рядом являлись орудием единой общности на более древних стадиях развития человеческой речи и по общности переживаний находятся в состоянии так называемого родства с ним, независимо от того, где бы сейчас эти языки ни находились, по соседству на Кавказе или вдали на Волге, в Пиренеях, в Африке и т. д.

Что это за древнейшие тексты? Это топонимика, т. е. названия населенных пунктов, гор, рек, морей и т. п., и органически связанные с ними так называемые этнические термины, названия социальных группировок, позднее — племенных образований, родов и т. п. и предметов их культа.

Для примера возьму наименование столицы Абхазской республики. Название Сухум, первично $\dot{\Theta}qum$, оказывается, отнюдь не изолировано. Этот город — построение той так называемой доисторической общественности, той социальной группировки, которая понастроила по одному Черноморскому побережью свыше двенадцати городов с тем же в основе двухэлементным названием, что $\dot{\Theta}qum$, но в различных закономерных разновидностях произношения. Эти города известны по сей день, теперь как малозначащие местечки, или были хорошо известны, прославлены со времени появления греческих колоний, дальше которых историческая наука ничего сказать не может о них, даже археологические изыскания, доселе не направленные во всеоружии теоретической подготовки по памятникам той материальной культуры, с которой завесу снимает впервые новое учение об языке; лишь иногда этому новому учению можно опираться (это для позднейших эпох, но раньше появления греков, именно для IX—VIII вв. дохристианской эры) на клинописные тексты халдских владык Ванского района.

Эти города, тезки $\dot{\Theta}qum$ 'а, — Ольвия, собственно * Hol-re , Kol-r или Og-be , Qo-re и др., все с утратой начального двухсогласия, пережитка диффузной фонемы, на Черноморском побережьи и внутри прилежащих районов, а на Западе — в Италии — с одной стороны Cu-mae , с другой, с утратой начального согласного, как в термине Ольвия, столица Этрурии Al-ba (*Alba Longa*) и ее закономерный двойник ur-be , ставший нарицательным именем со значением 'города', да так и унаследованный латинским языком в виде ur-bs , ur-be 'город' от творцов той так называемой доисторической материальной культуры, которым принадлежит, между прочим, и наименование нынешней столицы Абхазии $\dot{\Theta}qum$. Но город этот существовал и раньше, когда он назывался одноэлементным именем без скрещения $\dot{\Theta}qo$ или ko , уже разновидностью также двухсогласного пережитка ($\dot{\Theta}q$) диффузной фонемы; последнее имя, т. е. ko , сохранено в этой простой форме с обычным разложением «о» в wa в национальном абхазском названии Сухума — A-ka .

Губная огласовка $o \leftrightarrow u$ характеризует шипящую группу яфетических языков (это, значит, причерноморские мегрельский и лазский языки и на севере исчезнувший скифский язык), в свистящей же группе слово должно было бы звучать $\dot{\text{h}}a$ $\dot{\text{h}}q$ а или по упрощении $\dot{\text{h}}a$, $\dot{\text{t}}a$ и т. п., что уже было нами прослежено в значении 'бога', раньше 'неба' → 'солнца' || 'дня' от Грузии до Черкесии и далее. Оно же сохранилось в первом слого названия Цебелды, по-абхазски $\dot{\text{t}}a-bal$, и в других топонимических терминах, несомненно в значении культового предмета, но только ли космического — 'неба' → 'солнца', вообще 'светил' и т. п.? Несомненно, слово означало и животное тотемное, равно растение, дерево, но какое? Это можно определить лишь путем согласования лингвистических выводов с данными археологических изысканий не в одной Абхазии, где они, впрочем, пока и не начаты с должной организованностью; согласование необходимо и с этнографическими и фольклорными материалами, также слабо изученными. В линии животноводства лингвист только может указать, что $\dot{\text{h}}q$ а, несомненно, означало 'собаку' (его разновидность у черкесов $\dot{\text{h}}a$ 'собака') и 'козу' ($\dot{\text{k}}\dot{\text{h}}q$ а восходит

груз. ღჭა 'коза'). Я сейчас не буду останавливаться ни на культе собаки, ни на абхазской легенде о первоначальном малорослом населении Абхазии, карликах с козлиной бородой.

Если же ограничиться разновидностью того же элемента с губной огласовкой, значит ღჭო (следовало бы ღჭო ↔ ღჭი), или спирантизованно ко, откуда абх. А-ка 'Сухум', то ко — пережиток с утратой плавного г — *kog, и как наличное в основе абхазского названия Сухума ка есть архетип каб. қа, абх. ყა, т. е. а-ღა 'свинья', так полный ее вид kog есть архетип ḡog → qog, т. е. тех слов, означавших одинаково 'свинью', из которых ḡog сохранился у грузин, qog в разновидности qoug-os (χοῖρος) у греков и в разновидности qoz у армян.

'Свинья' на Черноморском побережье, как культовое животное, одно время тотем, находит опору как в памятниках материальной культуры, монетах с ее изображением, так этнографически в роли кабаньей головы при встрече нового года, о чем специально в только что вышедшей работе моей «Из Пиренейской Гурии». ¹

Однако с теми же ღჭო, qog и т. п., самостоятельно или в скрещенных образованиях, мы попадаем в иной культовый мир, растительное хозяйство от деревьев до завершающих его хлебных злаков и винограда, то 'проса' (груз. ღჭო 'немолоченного', арм. kog-eak), 'ячменя' (лат. hor-de-um, особая статья диал. fordeum), 'пшена' (абх. а-ღჳ-ღ) и 'пшеницы' (груз. qog-bal), то 'винограда' (груз. kur-ḡen) и 'виноградной лозы' (св. ḡ-waz).

Значительно позднее термин ḡog (→ qog) вошел в состав скрещенного чанского, раньше и мегрельского термина ḡog+mo-ḡ, означающего 'бог'.

До этого же ḡog→qog, животное ли тотемное или растение, дерево, было сменено 'небом', и о существовании данного слова с таким значением ('неба') свидетельствуют соответственные материалы из армянского, греческого, баскского и др.

Выходит так, что языки, сейчас принадлежащие к различным системам или различным так называемым семьям, на тотемной стадии развития того или иного слоя своего всегда скрещенного состава имели тождественное хозяйство, образовывали одну общественность и пользовались одним и тем же словом, как термином одновременно и хозяйственным и культовым.

Но как обстоит, однако, дело между названием города Сухума и названием самих абхазов? Оказывается, так нельзя формулировать вопроса. Почему? А потому, что народы, дошедшие до образования национальности, не могут иметь одного названия за все время своего существования. Каждая национальность — это результат скрещения ряда социальных группировок, образовывавших в ту или иную эпоху руководящий и организующий класс и приобщавших всю слагавшуюся нацию к своему тотему, своему так называемому племенному названию.

Некоторые из так называемых национальных названий никому неизвестны, кроме самих народов, так себя именующих, и не будь у них письменности, которой зафиксированы такие, казалось бы, экзотические племенные названия, эти названия исчезли бы бесследно. Армяне называют себя haу, но никто, кроме

¹ Изв. КИАИ, т. V, стр. 15 отд. отт. [см. здесь, стр. 14].

армян, этого не знает. Кроме грузин и причастных к грузинской общественности, не знает никто национального названия Грузии — qarǵ-vel. Также не одно так называемое национальное название было у абхазов. Я остановлюсь на том, про которое никто не сообщает, кроме автора жития Григория, христианского просветителя Армении. Абхазы в этом арабском памятнике VIII в. названы 'русами'. Казалось, это недоразумение. Вообще вся обширная литература по этому вопросу сплошное недоразумение, поскольку интерес направлен на его происхождение. Почему? А потому, что с одной стороны, предполагали неизменчивость содержания племенных названий, а, с другой, допускали возможность случайного переноса того или иного названия на определенный народ. И то, и другое положение — плод отсутствия метода в лингвистике. Естественно потому, что в применении к русскому народу термин «рус» до сих пор не получил окончательного разъяснения своего происхождения. И пока в корне не переменится взгляд на генезис вообще племенных названий, в числе их и национальных, никогда вопрос не будет решен. Появление этого термина в России, точнее — на Руси, связывается с призывом или приходом с севера норманнов, и rus производят от названия одного села в северных скандинавских странах. Я не говорю о полной несостоятельности такого кустарного производства племенных названий. Было известно и теперь уточнено, что на Черноморском юге, да и на Кавказе, да и далее в Малой Азии, да и далее в Средиземноморьи были племена, первично социальные группировки, с тем же названием в ряде закономерных разновидностей, в числе их пеласги и этруски, без осложнений — ласы и руши, предшествовавшие возникновению греческого народа с эллинской речью и римского народа с латинской речью. И русы засвидетельствованы на Черноморском побережье также в таком районе древнего общественного строительства русских, как Тмутаракань. Соображая все эти обстоятельства, один молодой лингвист-индоевропеист, близко подошедший к яфетической теории, склонился на примирение обеих точек зрения, и северной, скандинавской, и южной, кавказской, признанием русов и там, и здесь, но различных русов, не имеющих ничего общего между собой. Такая постановка абсолютно невозможна, ибо этногония, т. е. возникновение племен, как и глоттогония, языкотворчество, есть процесс мировой, а не дело своей колокольни и кустарничества, да и идет речь не о целом массиве какого-либо национального образования (это фикция), а об отдельных социальных группировках, классах, сословиях, и такая русская руководящая группировка, такой слой в абхазском племенном образовании, давший автору арабского источника право называть абхазов русами, несомненно существовал, как видно из анализа абхазского языка, в котором один из четырех элементов звуковой речи, элемент D, элемент рошский, или русский, в абхазском словаре образует древнейший состав звуковых слов, состав первичного стадияльного развития, как-то в хозяйстве — плодовые и используемые в быту деревья и растения, одомашненные животные, в космическом кругу 'свет' ('солнце'), в микрокосмическом кругу, в названиях членов тела — 'рука', 'глаз' и т. д.

И что выявляет первичность именно этой части абхазского словаря, все из рошского, или русского, элемента, так это тот факт, что, напр., именно 'рука'

этого происхождения в абхазском использована как окончание для образования орудивного падежа на *-la*¹ и это же *la* 'рука' налицо в составе абх. *à-la+ba*, скрещенного названия 'палки', привявшей на себя ее функцию.

Но что значило *gus* в применении к племени или социальной группировке? То же, что всякое племенное название за тотемный период — 'животное' ли это, будь оно 'собака' или 'лошадь', или растение, дерево, с периода же космического мировоззрения — 'небо' → 'солнце' → 'свет'. И потому-то с разновидностями этого элемента, *la* с его двойником *ga*, у абхазов вращаемся в кругу соответственных понятий 'ореха' (*a-gà*), 'инжира' (*a-la+hà* || груз. древнелит. *le+ǵu*), 'ивы' (*a-la-ḡàp*), 'папоротника' (*à-gas*), 'собаки' (*a-là*), 'лошади' (*à-laḡa*), 'скота' (*a-ga-ḡ*), 'света' (*a-laḡà-ga*), т. е. 'солнца', 'глаза' (*à-bla*) и т. п.

Точно так же национальное название абхазов *A-ḡḡ-wā*, собственно, основа *ḡḡ* с его двойником *ḡḡ* в глаголе *a-ḡḡ-gà* 'смотреть', восходит к слову 'глаз', первоначально 'солнце', равно 'небо' и т. д., и таково обоснование того же *ḡḡ* в названии 'птиц', ибо 'птицы' (*a-ḡḡàḡ* собир.) назывались по 'небу'; таково же обоснование появления того же *ḡḡ* в значении 'света', 'мира' в составе *a-ḡḡabàga* 'мир', 'свет', но у этого *ḡḡ* в абхазском же двойники — *ḡḡ*, *mḡ* и *mḡ*, означавшие 'солнце', следовательно, и 'день', равно 'глаз', потому-то у абхазов *a-ḡḡ-gà* 'смотреть от 'глаза-солнца', *a-mḡ* 'день', ибо оно же означало 'солнце', *à-mḡa* 'солнце' и т. д., и т. д., и этих терминов набирается без конца, когда привлекаем их родню из других языков.

Этими трудностями не ограничиваются в абхазском вскрывшиеся глубины мышления, оказавшиеся наглядно увязывающими с одной стороны современность с первобытным словотворчеством, с другой стороны — языки различных частей света друг с другом в их переживаниях от тех начальных и последующих исторических эпох.

Если слова своими значениями, таким образом, на той исключительно древней стадии развития, на какой застаем абхазский язык, требуют чрезвычайно чуткого и научно-вышколенного, обостренного внимания, чтобы разобраться в них теоретику-исследователю, и тем более нужно быть так вооруженным, чтобы орудовать ими впад и высекать из них новые потребные возможности практику-творцу, поэт ли он или прозаик, писатель ли он или гитарист, действующий живым словом, то эта чуткость и обостренность внимания в трактовке слов должна еще повыситься, поскольку в абхазском нет последовательной морфологии, и ее почти полностью, по существу, заменяет синтаксис, расположение слов, и слова учитываются в двух отношениях для правильного осмысления: и в отношении присущих им значений, и в отношении того или иного уточнения их многообразных значений путем постановки их на том или ином месте фразы. И все это по совокупности представляет сложную механику, несколько не более легкую от слабой представленности морфологии, не будь еще двух моментов, дающих абхазу в руки орудие для борьбы с многозначностью слов, полисемангизмом, и для доведения абхазской речи до тех уточнений в выражениях, до того слово-

¹ Об этом подробнее в работе «Орудивный и исходный падежи в абхазском и кабардинском» ДАН, 1928, стр. 219—226 [ИР, т. II, стр. 234—241].

творчества, на которые предъявляет свои требования современная культура, основанная на точности и моносемантизме, т. е. определенной без двусмысленности значимости каждого слова. И эти два момента, это — ударение и богатство звуков. Тот, кто думает помочь усовершенствованию абхазского языка уменьшением беспокоящих в письме звуков, напоминает человека, подрубающего ветвь, на которой он сидит. Отсюда вопрос об исключительной важности не только адекватной и полной передачи звуков в письме, но и внесения в начертания букв взаимной их увязанности по многим основаниям:

Во-первых, потому, что звуков, как их ни сокращать, в абхазском много, и если иметь буквы отдельные для каждого звука, совершенно особые без различения основной и прибавочной частей, как в цифрах происходит при писании единиц, десятков, сотен, тысяч и т. д., то мы получим неприступный форт свыше полсотни знаков, точно клинообразное письмо. Это в XX веке!

Во-вторых, если использовать знаки без системы, вытекающей из взаимоотношения звуков, то мы попадаем опять-таки в хаотический полиграфизм, ничем не лучший, чем когда вы, имея архаическое письмо, пользуетесь особой цельной буквой для каждого звука.

В-третьих, когда мы переходим на экзотическое письмо, латинское преимущественно и, при недочете лишь букв для основных звуков, на вносимые из греческого и русского эквиваленты, то вопрос не в том лишь, чтобы заменить одно письмо другим, а построить качественно новый алфавит соответственно современному нам пониманию природы языка, его строя и его идеологии, и дать, следовательно, в алфавите их техническое выявление.

В-четвертых, само собою понятно, что восприятие такого алфавита требует теоретического, т. е. научного, знания звуковой речи вообще и в частности абхазского языка. Если же настаивать на одном чисто формально-художественном или формально-фонетическом подходе без перспективы приобщения учащегося к учению об основной, именно идеологической стороне языка, то, пользуясь употребленным в Евангелии народным сравнением, я бы уподобил это в наши дни вручению ребенку, протягивающему руки за едой, — камня, более того — скорпиона, вместо хлеба или яйца. А если не пользоваться никаким сравнением и дать себе волю высказать откровенно мнение о таком формальном внедрении письма в головы детей или взрослых абхазов в XX в., то это если не преступление, во всяком случае вовлечение учащихся в невыгодную сделку.

Ибо, в-пятых, дело в настоящее время идет не об одной грамотности, не об овладении лишь алфавитом и умении так или иначе читать, что так или иначе будут писать по-абхазски, а об окультуренной грамотности, и нужно ли говорить, что абхазский язык в этом отношении представляет для абхазов в свете теоретического освещения громадной силы рычаг для поднятия уровня их культурности и для усиления сознательного отношения не только к родному языку, но и ко всем другим языкам, с которыми абхамам приходится или придется иметь дело, европейский ли это язык или азиатский.

В-шестых, не мешает помнить, что принятый аналитический алфавит имеет потенциальную приновимость, без нарушения основ своей системы, ко всякого

рода языкам; это единственная транскрипция с идеологически обоснованным заданием учесть фонетические нормы всех систем, и, поскольку новое учение об языке имеет укрепляться и развиваться, а никак не сдавать место обреченной на отмирание так называемой лингвистике индоевропейцев с ее формальным методом, то транскрипция может, конечно, усовершенствоваться и развиваться, но не в том направлении, чтобы, порвав с цельностью и природой абхазских фонем, возвращаться к устаревшему способу выражать один цельный звук описательно двумя буквами или из угождения пережиточным предрассудкам предпочитать привычную неточную передачу упраздняемого в конце старого алфавита точной транскрипции и, следовательно, ставить гласный «и» вм. полугласного «w» и гласный «и» вм. полугласного «у».

Наконец, чтобы не утомлять вас еще иными основаниями, на самом же деле долблением аксиом в роде дважды два четыре, разрешу себе лишь скользнуть по бытовым препятствиям на тернистом пути продвижения научных достижений в массы.

а) Во-первых, раз в вашей среде намечается сильное течение, естественная реакция против новшеств и естественное желание итти по линии приурочивания к старому алфавиту в целях обойтись без трудностей кризиса переходной поры, неизбежных при всякой революционной смене одного порядка другим, то соответственно надо прямо и откровенно заявить, что налицо совершенно ясная тенденция сохранить старое научное, именно формально-научное восприятие языка, будь оно миссионерское или индоевропейское (цена им в данном случае одинакова), и, если абхазы решат итти по этому пути, то могу предложить лишь одно — вернуться к старому алфавиту и не соблазняться видимостью новых как будто азбук на основе латинского письма, раз алфавиты, построенные индивидуалистически или по отжившим принципам старого учения (их размножилось как грибов после дождя), в новом мире корней пустить не могут, а при наличии рядом существующих исторических письмен с древнекультурными традициями все эти кустарные опыты обречены на полный провал, ибо каждый из таких мнимонных алфавитов составлен без учета увязанности языка, который новаторы хотят облагодетельствовать, с другими языками.

б) Во-вторых, позволю себе лишь указать на явную неправду, когда в яфетидологическом алфавите, предложенном для восприятия в школах, указывают на какие-то буквы, имеющие значение будто для науки, но не для правильной письменной уставки абхазского языка. По всей видимости, эти лица, практически не зная природы яфетических языков, языков более древней системы, привносят восприятие их языков от родной речи своей, русской или иной, где рядом с индивидуальным значением каждого звука в дикционном порядке имеется его ортоэпическое иное произношение в живой речи, плод дальнейшего согласования звуковой системы с более консолидированной организацией, формой социального строя. У нас на учете этих ортоэпических модальностей вовсе нет за их отсутствием. Или еще утверждают, что уже существует где-то в Европе какой-то общепринятый алфавит или общепринятая хотя бы в научных изысканиях транскрипция по всем языкам. Ничего подобного не только нет, но и не могло быть,

ибо в старой науке об языке предполагалось, что существуют различные семьи языков, ничего не имеющие друг с другом общего, идея же и затем и опыт осуществления единого алфавита могли появиться лишь с того времени, когда сложилось новое учение об языке, так называемая яфетическая теория, утверждающая родство всех систем, так называемых семей языков, увязывающая эти системы как отложения различных эпох единого глоттогонического (языко-творческого) процесса, и в этой цепи находящая место и для того лингвистического звена, которое называется абхазским языком.

Если же продолжать твердый курс, намеченный введением нового алфавита, то не только излишне считается с суждением глухих, не разбирающих существования во всех языках яфетической системы, так даже в европейском, баскском (в сулетинском его наречии), трех основных разновидностей каждого ряда, губного — p, b, φ, заднеязычного простого k, g, q и аффрикатного k, ġ, q̄, переднеязычного простого t, d, ѓ и аффрикатного t̄, d̄, ѓ̄ и т. д., этого мало. Нет надобности терять время над устранением или ослаблением тех или иных особенностей, вызывающих сомнение со стороны технической затруднительности или художественной неприглядности, ибо массовая практика и жизнь только и может дать надежный материал для серьезного исправления, а не метафизические дискуссии и споры, уподобляющиеся спору со словами: «стрижено!», «брито!». Надо и без того дорогое время в первую голову использовать целиком на то, чтобы организовать приобщение преподавательского персонала к новому учению об языке и соответственному восприятию строя и природы абхазской звуковой речи. Надо, следовательно, преподавательские силы приучить к новому общественно-языковедному мышлению, порвав решительно и навсегда с формальным учением и его притязаниями. Что в этой линии может делать, а, может быть, и делает Академия абхазского языка и литературы, что может по своему ведомству сделать Наркомпрос Абхазии и что способна сделать молодежь, как писательская и агитирующая, так преподающая, в частности явно идущая на смену нынешним спецам этого дела, это уже вам, казалось бы, лучше знать. Я могу лишь высказать truизм — готовиться к этой смене работников, чтобы не быть захваченным врасплох. Я могу лишь высказать совет не упускать случая абхазам произвести свою культурную революцию, ибо вопрос об алфавите не кабинетный технический вопрос, а общественный и идеологический. В заключение, исходя из моего стимула к прочтению сегодняшнего доклада, именно дать в общем обзоре отчет о том, что делается по абхазскому языку при строительстве единой науки об языках всего мира, новом учении о звуковой речи, получившимся в результате развития так называемой яфетической теории, сказанное могу дополнить указанием, что, помимо намеченных к изданию АН абхазских сказок, собранных в свое время Бзыбским комитетом грамотности, сотрудничавшим с нами, готовлю палеонтологически освещенный словарь абхазского языка, пока в пределах опубликованного лексического материала, с соответственным разъяснением всех абхазских слов и форм, следовательно, с пересмотром наших же, но прежних, лишь формально-сравнительных анализов, разбросанных по различным печатным трудам. Для чего? Для того, чтобы

затем наслаждаться своим произведением в ареопаге единомышленников или делать предметом дискуссии противоборствующих специалистов? Нет. А для чего?

Для того, чтобы внести не только в мир лингвистов, ищущих жизненной правды, больше понимания важности изучения абхазского языка, притом не для одного Кавказа или хотя бы для всего построения науки об языке в мировом масштабе, но и внести методически, а не нахрапом, это же понимание в массы, интересующиеся абхазским как своей родной речью и как орудием абхазской общности и культуры, органически увязанной с советской общественностью и единой будущей мировой культурой.

Впрочем, новую технику этой готовящейся культурной революции абхазской нации предлагают некоторые из наших коллег поскорее ликвидировать, т. е. бросить ее в корзину для негодных бумаг. Но в таком случае пришлось бы туда же выбросить всю новую идеологическую работу над абхазским. Это едва ли кому-либо удастся. Может, удастся разве отбросить самих абхазов от приобщения к результатам этой научной работы. Этот метод нам хорошо известен: наука сама по себе и народ ни при чем сам по себе.

В заключение же разрешите кончить той грузинской поговоркой, какую я предпослал чтению доклада: «Невестка, тебе я говорю, а, золовка, ты меня слушай».

Происхождение американского человека и яфетическое языкознание¹

Дело идет о том освещении вопроса о появлении человека в Америке, которое дает известный американист П. Риве (P. Rivet) на страницах появившегося в июле выпуска «L'Anthropologie».² Заслуга П. Риве, как осведомили меня наши американисты, особенно В. Г. Богораз, в лингвистическом обосновании защищаемой им точки зрения. Естественно, эта сторона и дала мне решимость связаться в чуждый, казалось бы, моей специальности мир. Но у яфетидолога есть свои основания, побуждающие высказаться по вопросу.

Представьте, в момент, когда вы у выхода из колодца или пропасти, в которую так легко свалиться и куда, к тому же, вас дружески или недружески усердно толкают многие, близкие и далекие, или, вернее, тянут снизу³ из искреннего убеждения, что весь мир находится в этом темном колодце или бездонной пропасти, так как иного света им не приходилось видеть, в момент, когда, казалось бы, еще один шаг, одна опора для ноги и один переброс веревки через показавшуюся вдали зацепку, чтобы выкарабкаться на вольный простор, в это время кто-то (действительность или призрак? пусть призрак во сне, поскольку и до сих пор, повидимому, некоторым представляется, что яфетидологические уже доказанные положения, — а их не так-то мало, — это сказки, пожалуй, и возможные выкладки, которые можно было делать сколько угодно, но без всякой пользы для дела), итак, в это, следовательно, время кто-то нагибается к вам с края колодца или пропасти и, взяв вас крепко за оба локтя, собирается тащить вас вверх, не сознавая, однако, что он кого-либо тянет или, вернее, не чуя вовсе вашего, собственно, нашего — речь идет о нас, яфетидологах, — существования, т. е. нашего мышления, — ведь и в XX в. cogito, ergo sum — 'имею свое мышление (мышление не мое индивидуальное, а нашего времени), следовательно существую', так как нельзя существовать в XX веке, мысля по шаблонам XVIII столетия.

В чем же дело?

По яфетической части, казалось бы, нечего повторяться. Но все-таки.

На филологическом изучении двух языков, грузинского и совместно с ним армянского, возникла так называемая яфетическая теория, казавшаяся лингвистической, на самом деле бывшая филологией, поскольку она не выходила из сравнительного метода исторических языков, пользуясь чем она доказывала родство яфетических языков с семитическими,⁴ что не подлежало и не подлежит никакому сомнению, но так, как это бывает со всеми так наз. «сравнительниками»,

¹ [Напечатано в «Восточном Сборнике», т. I, изд. Гос. Публичной библиотеки, Л., 1926, стр. 167—192.]

² Т. XXXV, № 3—4, стр. 293—319 (312—319 библиография): Les origines de l'homme américain.

³ См. ЯС, т. II, Avant-propos, стр. I—IV; ЯС, т. III, Postface, стр. 177 [ИР, т. I, стр. 189—196].

⁴ Главнейшими этапами в работе по родству яфетических языков с семитическими являются: «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка» (СПб., 1903) и в результате читаемого в университете курса сравнительной грамматики яфетических и семитических языков — «Яфетический подход к палеонтологии семитических языков» (ЯС, т. I, стр. 143—145).

т. е. исследователями языка, из пелен сравнительного метода еще не вышедшими, утверждалось вместе с тем восхождение обеих этих семей, яфетической и семитической, к одной общей семье с одним праязыком, что было теоретической небыллицею вроде индоевропейского праязыка. Это было тоже на две колоды. Затем, однако, путем долгих мытарств, вынужденных перескоков с одного выступа на другой, какими явились яфетические языки Кавказа, чистые, да еще «гибридный» армянский,¹ ставший изучаться лингвистически в перспективе эволюции различных эпох, теория оказалась во власти с одной стороны традиционной кавказской ориентации, с идеею о кавказской колыбели всех народов, сродных по языку с яфетическими народами Кавказа и часто одноименных с ними,² с другой — во власти одностороннего увлечения теориею скрещения, когда ею объяснялись как все трансформации в речи, так родство яфетических языков с неяфетическими, именно с индоевропейскими, которые, представляясь, как это принято всеми авторитетными учеными, особо-расовыми и по сей день, в своем наличном виде разъяснялись как продукты скрещения с яфетическими языками, также языками особой другой расы.

Но вскоре процесс трансформации речи и мышления стал связываться с коренным переворотом в хозяйственной жизни человечества, не исключаящим и скрещения, и одна семья языков за другой стали лишаться ореола особо-расовой речи, не только индоевропейская, не говоря о семитической, но и турецкая и, наконец, угрофинская: все эти семьи языков, принятые каждая за группу особой расы, начали разъясняться как позднейшие стадии развития тех же яфетических языков, частью раньше от них отошедшие, как урало-алтайская (т. е. турецко-монгольская и угрофинская) семья и затем семитическая семья, частью еще позднее, так индоевропейская семья. Древнее отошедшей наметилась и хамитическая, которая послужила к увязке яфетических языков с африканскими, притом в образованиях более близких к яфетическим, чем урало-алтайские, почти как яфетические, а у финских оказались признаки родства с азиатскими, так, особенно у вотяцкого и остяцкого. Уленбек (Uhlenbeck), независимо от яфетидологии, родвил прямо-таки один из яфетических языков, для него изолированный, баскский, с таким дальневосточным языком, как язык чукчи. Первый номер за текущий год «Revue Internationale des Études Basques» содержит страничку его сообщения под заглавием «Язык чукчи и баскский»,³ начинающегося так: «Параллелизм между чукчи и баскским в глаголах полнее, чем я предполагал в статье о «Пассивном характере переходного глагола или глагола действия в некоторых языках Северной Америки»,⁴ когда я опирался на краткий набросок языка чукчи Богораза в «Известиях Академии наук» в Петербурге (№ 3)». . . Теперь тот же выдающийся автор опубликовал более подробное описание языка чукчи в «Handbook of American Indian Languages» Боаса (M. Boas)

¹ Яфетические элементы в языках Армении, ИАН, 1912—1919.

² Кавказ и памятники духовной культуры, ИАН, 1912, стр. 69—82; Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаании средиземноморской культуры, Лейпциг, 1920 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 31—104, а также ИР, т. I, стр. 79—124]

³ Le tchouktche et le basque.

⁴ ВЛЕВ, т. XIII, стр. 405 сл

Ц, стр. 631 и сл.)» и т. д. Уленбеку нехватает одного — знания яфетических языков и других, помимо баскского, чтобы не выделять в отношении родства, тем более — параллелизмов с чукчи, один баскский.

Но таких фактов и данных десятки, многие десятки. В сумме, яфетические языки так разрослись своими связями и в Африке и в Азии, вплоть до морей, что невольно я вынужден был подумать о связи с синтетическими языками Дальнего Востока, в первую очередь с китайским, формально и раньше намеченным к внесению в линию последовательного развития человеческой речи от синтетической ступени развития до флективной,¹ равно о связи с американскими, фонетический состав, морфологическая структура и семантическая типология которых давно манили меня к ведению сравнительной работы. В свою очередь дравидические и, особенно, другие, предполагается, еще более древние местные языки Индии, имеющие связи с океанскими языками, направляли все в ту же сторону. Достаточно сказать, что на платформу доиндоевропейских связей тихоокеанского мира с Индией решительно стал такой выдающийся французский ученый, как Сильвэн Леви (Sylvain Lévi): «Прием дифференциаций начальным образовательным элементом чужд двум группам языков, арийской и дравидической, которые создали цивилизацию исторической Индии. Он составляет характерную особенность одной семьи языков, поныне еще распространенной на громадном расстоянии, от Гималаев до острова Пасхи, которая держится в массивах высот внутренней Индии. Замешкавшиеся (attardés) представители этой архаичной расы являются бессознательными наследниками цивилизации, имевшей дни своего величия. Она создала в Индии подлинные политические единицы значительного протяжения, настолько сильно связанные с реальной жизнью страны, что эти политические образования, пережив тысячелетия, дошли до нашей эпохи. . . Джеймс Горнелл (James Hornell) в великолепном опыте касательно происхождения и этнологического значения изображений на индийских судах (Memoirs of the Asiatic Society of Bengal, т. VII, № 3, 1920) своими изысканиями технического порядка был приведен к заключениям, которые он должен был принять, говорит он, не будучи к тому подготовлен, и эти заключения не без аналогии с нашими. Он допускает полинезийское влияние на додравидское население южных берегов Индии: «одна малайская иммиграционная волна, предполагается, прибыла позднее, после появления дравидов на сцене, и это она принесла культуру кокосового ореха с Малайского архипелага».² Наметились и слова, вторящие этим связям в предметах материальной культуры. Словом, мы неожиданно оказались под бременем мыслей, вытекающих из реально-материальной обстановки, по новизне их тягостных в среде, где несоответствие утверждений с общепринятыми представлениями ставится без проверки, без попытки хотя бы узнать, в чем дело, в преступление, лишаящее работника огня и воды (его не слушают по молчаливой круговой поруке, в лучшем случае его искания объявляя преждевременными, торопли-

¹ Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры, Лейпциг, 1920, стр. 28, 40 [ИР, т. I, стр. 98, 103].

² Sylvain Lévi, Pré-aryen et pré-draïdien dans l'Inde, JA, т. CCIII, 1923, Juillet — Septembre, стр. 56.

выми, т. е. ненаучными), а также под бременем мыслей, угнетающих и тем, что в таких условиях, по необходимости, самим яфетидологам приходится кустарно знакомиться с соответственными языками, не исключая и китайского, и увязкой яфетических языков с американской природно местной речью и через север, из Азии, и через юг, из Азии и Африки, расстаться с заколдованным кругом Европы и определенных полос Азии и Африки, чтобы выйти на вольный мир и свободное исследовательское обращение с документами вне перегородок, созданных позднее религиозно-национальным мышлением и религиозно-национальной работой бесконечно тянущихся поколений человечества всех цветов и всех характерных признаков соматической антропологии, от прообраза шамана или йомыза и всякого типа жрецов до современных ученых всякого типа, не исключая нас, академиков.

Изложение освещения Риве начну тем, чем кончает он свою работу, а именно словами: ¹ «Круг, который окружал Америку и изолировал ее, против всякого правдоподобия, от остального мира, вполне разбит, но работникам завтрашнего дня остается еще тяжелая задача разрешить американскую проблему в ее совокупности и осветить тайну происхождения коренных обитателей Нового Света».

Чтобы оценить значение достигнутого положения, достаточно сослаться на следующий факт (Риве, стр. 298): гипотеза о родстве океанийцев и американских индейцев была давно высказана, поддерживали ли тихоокеанское происхождение части населения Нового Света, или искали объяснить заселение островов Тихого океана миграциями, шедшими с востока. Отвергнутая Дюмон-Дюрвиллем (D. d'Urville),² оспариваемая Вильямом Марсденом (Will. Marsden),³ Ж. А. Меренгаутом (J. A. Moerenhout),⁴ А. Лессоном (A. Lesson),⁵ который допускает лишь случайные соприкосновения между полинезийцами и американцами, и с точки зрения исключительно лингвистической Горацем Хэлем (Horatio Hale),⁶ эта теза показала настолько окончательно осужденной, что на Парижском конгрессе американистов в 1890 г. Г. Кора (G. Cora) просил, чтобы вопрос взаимоотношений американцев и полинезийцев был снят с порядка дня будущих сессий.⁷ Теперь же не только из антропологических и этнографических данных продолжавшие работать собрали внушительное количество доказательств в пользу малайо-полинезийского происхождения части американского населения, но и из языковой области, содействуя тем цельности аргументации. Риве считает доказанным своей работой по вопросу,⁸ что значительная северо-американская группа четко родственна с тихоокеанскими языками.

¹ Стр. 312.

² Dumont d'Urville, Voyage de découvertes de l'Astrolabe, exécuté par ordre du Roi pendant les années 1826—1828—1829, Philologie, 2-я часть, Париж, 1834, стр. 263, 298.

³ Miscellaneous works, Лондон, 1834, стр. 5, 61

⁴ Voyages aux îles du Grand Océan, Париж, 1837, т. II, стр. 241—250.

⁵ Les Polynésiens, leur origine, leurs migrations, leur langage, Париж, 1880—1884, т. IV стр. 170—171.

⁶ Horatio Hale, Was America peopled from Polynesia? Congrès international des américanistes, Compte-rendu de la 7-e session, Berlin, 1888, стр. 375—387.

⁷ G. Cora, Rapports négatifs des langues américaines et polynésiennes, Congrès international des américanistes, Compte-rendu de la 8-e session, tenue à Paris en 1890, Paris, 1892, стр. 535.

⁸ Les Mélanéso-Polynésiens et les Australiens en Amérique, Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 1924, стр. 335—342.

Риве отрицает единство американской расы. Индейцы подобно белым являются метисами, внешний вид которых свелся к единообразию под влиянием среды или, вернее, под преобладающим воздействием одного из этнических элементов, содействовавших его образованию.

«Прежде всего несомненно, что человек Нового Света не автохтон, что он выселенец Старого Света. Теория Амегино (Ameghino), который хотел колыбель всего человечества сделать из Аргентины, не покоится ни на одном серьезно засвидетельствованном факте, если даже свести эту теорию к положению об американском происхождении американского человека».¹

«. . . Прибытие [из Старого Света] первых вторженцев не восходит к эпохе раньше конца четвертичного периода, т. е. к эпохе, когда Америка имела уже современные очертания берегов. . . Это позволяет устранить всякие гипотезы, которые вмешивают для объяснения перехода человека в Новый Свет исчезнувшие континенты, исчезновение которых, по единодушному мнению геологов, предшествует четвертичному периоду (Атлантида, Австрало-тихоокеанский материк и пр.)».²

«В момент открытия американский человек, рассматриваемый в целом, не переступал неолитической эпохи; в редких районах, где он пользовался металлами, он доходил лишь до бронзового века и имеется возможность доказать, что открытие меди и ее сплава с цинком произошло, несомненно, на месте и не должно было быть приписано внешнему влиянию».³

«Индейцы не знали, равным образом, ни колеса, ни стекла, ни пшеницы, ни ячменя, ни овса; они не имели понятия о письме, за исключением очень ограниченного района центральной Америки, где была в употреблении своеобразная иероглифическая система, без всякой связи с иероглифическими системами Старого Света».⁴

«Незнакомство с железом, письмом, колесом, стеклом, пшеницею, овсом и ячменем; сравнительно позднее автохтонное происхождение и очень ограниченное употребление меди и бронзы, эти факты позволяют отстранить решительным образом все гипотезы о внедрении в население Америки цивилизованных рас, обладающих этими различными элементами культуры; они же позволяют отстранить возможное действие европейских и средиземноморских народов в доисторическую эпоху, т. е. отвести переселения евреев, тирцев, финикийцев, хаванейцев, карийцев, татар, египтян и вавилонян и т. д. Те же факты приводят к отстранению всякого влияния, сравнительно нового, цивилизованных народов Азии, китайцев и японцев».⁵

Словом, проблема представляется Риве стоящей следующим образом:

«Американские индейцы не автохтоны; они не единого происхождения, но они должны были подвергнуться господствовавшему влиянию расы, которая, в извест-

¹ Ук. с., стр. 293—294. Амегино, сторонник местного зарождения американской культуры, все-таки серьезный авторитет по археологии.

² Ук. с., стр. 294.

³ Ук. и.

⁴ Ук. и.

⁵ Ук. с., стр. 294—295.

ной мере, придала им однообразный внешний вид; первые вторженцы, повидимому, не приставали к Новому свету до конца палеолита, т. е. они не могли пользоваться иными путями подступа, чем существующие ныне; самые развитые из них не переступали неолитической стадии».¹

Исходя из этих основных предпосылок, Риве затем ищет разрешения проблемы, во-первых, в антропологическом (я бы предпочел сказать — зоологическом) типе, во-вторых, в быте, или этнографическом состоянии, и в языке.

Риве находит один недостаток у защитников положения о заселении Америки в результате миграций, шедших из Азии, через Берингов залив. Оно объясняет много явлений американской жизни, но не все. Риве допускает охино, что главная масса американского населения азиатского происхождения. Он допускает больше, именно то, что азиатские вторженцы и придали единообразию внешнему физическому виду всех индейцев, но ему представляется несомненным привхождение других этнических элементов в то же население.²

Риве находит возможным выдвинуть по крайней мере два таких этнических элемента, происхождение которых «теперь доказано», именно малайо-полинезийский и австралийский элементы. Термином «малайо-полинезийцы» Риве в настоящей статье называет всегда совокупность индонезийских, меланезийских и полинезийских народов, которые имеют каждый свою индивидуальность с точки зрения этнографии и, особенно, антропологии, но говорят языками явно родственными.

Я останусь на третьей, лингвистической, стороне подробнее не только потому, что заинтересован сам в особой степени в данных по моей специальности, науке о звуковой речи, а потому, что человеком я считаю зоологический его тип с эпохи зарождения у него общественности, следовательно, с эпохи появления и бытовой обстановки, и средства взаимобщения, т. е. речи вообще, именно и линейной, или ручной, но затем и звуковой, т. е. нашей так называемой членораздельной речи, каковую эволюцию в средстве взаимобщения сопровождало бесспорно не внешнее лишь, но и внутреннее перерождение зоологического типа двуногого существа, развитие мозговой части, ее связи с передними конечностями, двумя руками, с каждой из них в особой пропорции по функциональным надобностям и по одной из этих функциональных надобностей, специально выделенной, дальнейшая трансформация той же головной части с зарождением или усилением ее связей с голосовыми средствами, в частности с языком, и дальнейшим развитием их. этих связей мозга с языком. Ясно, что это внутреннее, в значительной мере физиологическое перерождение зоологического типа, уже человека, не могло не сказаться и на внешних формах его органов, вообще на его наружности, как вообще на его физической консистенции, и вот науку о зоологическом типе человека за эти эпохи и можем мы, собственно, считать антропологию, — антропологию, имеющей непосредственный интерес для проблемы не только в языковых отношениях, но и племенных, так как и человеческое племя есть не зоологическое, а общественное явление, порожденное процессом скрещения в нуждах хозяйственно-общественных, находящихся свое отра-

¹ Ук. м.

² См. стр. 297.

жение, конечно, и в мировоззрении, прежде всего в культуре. Антропология же без учета этой грани, как, по обыкновению, ею пользуется и Риве, прямого отношения к проблеме родства или неродства человеческих группировок, племен, не имеет, не имеет никакого отношения к родству языков: ни цвет кожи или волос, ни форма носа не решают ничего в установлении лингвистического родства различных племен,¹ вхождение этих признаков в наш зоологический тип предваряет образование человеческой общности, человека, эта наука о животном образе до общественного его очеловечения не есть для нас антропология, а зоология, между прочим, особая часть зоологии, хотя бы мы по традиции продолжали пользоваться этим термином или, уточняя его, производили бы еще более убогие соединения, как «зоологическая антропология» (с нашей точки зрения было бы терпимее и правильнее говорить об «антропологической зоологии»).

К теме нашего доклада этот вопрос имеет то отношение, что возникновение зоологических типов, когда речь идет о человеке, не требует вовсе единства места происхождения. Нисколько не оспаривая наличия вторженцев из Азии и Африки в застигнутых европейцами в Америке племенах и народах, мы могли бы допустить, если бы действительно существовали местные зоологические типы, и американские: они могли впоследствии войти, как строительный материал, в образование уже позднейших человеческих группировок, племен, с чем только и связано зарождение общественного быта, естественно, этнографического, и, особенно, языковых стяжений, родство которых, конечно, свидетельствует и о родстве племен, говорящих на родных языках, разумеется, человеческих племен, общественных образований, свидетельствует, следовательно, о родстве их антропологических типов, но, в свою очередь ничего вовсе не говорит о родстве зоологических типов, отложившихся в соматическом облике этих племенных образований еще тогда, когда они были лишь стадные орды, до вхождения еще человекообразных животных в состав осознанной хозяйственной общности, подлинных племенных образований.

При учете этих взаимоотношений антропологии, этнографии и языков Риве не нашел бы основания отмечать, как нечто требующее предупреждения, как будто неожиданное, что индонезийские, меланезийские и полинезийские народы «имеют каждый свою индивидуальность с точки зрения этнографии и, особенно, антропологии, но говорят языками явно родственными». Естественно, поскольку антропология докапывается в своих изысканиях до первичных зоологических типов, она заходит за эпоху сложения человеческой общности и быта, этнографического родства, но еще более удаляется от родственных взаимоотно-

¹ Когда приходится иметь дело с американцами, то с нашими утверждениями мы как будто врвасаемся в открытые двери, но, впрочем, и в отношении этого мира Гокарт (A. M. Hocart) находит нужным печатать следующие строки (Journal of the Anthropological Institute, т. LIII, 1923) в статье «Who are the Melanesians? (стр. 472): «Обычно происходила [а теперь разве не происходит? Н. М.] большая путаница с употреблением слова «сарийский» и «индоевропейский». Оно прилагалось одинаково и к группе языков и к группе народов, говорящих на этих языках. Мы теперь знаем, что эти два предмета не совсем то же самое, что различные расы могут говорить на одном и том же языке и одна и та же раса может говорить на различных языках. Та же самая путаница, только еще хуже, допускается до сих пор со словом «меланезийский» и т. д., особенно: «В действительности мало вероятно, в пору отрицать всякую возможность, чтобы первоначально говорившие на меланезийском были темнопигментным народом с курчавыми волосами (fuzzy-haired)».

шений в языке или языках, так как это не естественно-историческое, а чисто социальное создание, требующее безусловно сосредоточения, единства места возникновения, родства. И ничто в этом отношении не столь ясно показательно в смысле выявления этого благоприобретенного, а не завещанного зоологического (не всегда и наличного) родства, родства человеческого, как взаимоотношение языков.

Что же в этом отношении говорит нам Риве, опираясь на проделанные американцами работы и личные изыскания, собственно, доклад его, реферированный в Отчетах заседаний Académie des Inscriptions et Belles-Lettres под заглавием «Les Mélanéso-Polynésiens et les Australiens en Amérique»?

Риве считает установленным родство американской лингвистической группы Нока с малайо-полинезийской. Эта группа состоит из большого числа племен по побережью Тихого океана с юга Орегона (l'Orégon) до перешейка Тёуантерес, приблизительно на 27 градусе широты, между 43 и 16 северными параллелями. В отношении языка по этой связи, к чисто лингвистическим основаниям которой мы еще вернемся, Риве делает следующие замечания:¹ «До сих пор лингвистика позволяет нам проследить малайо-полинезийские миграции в Америке лишь на ограниченной площади, значительно менее пространной, чем та площадь, которую им отводит антропология и этнография; но независимо от того, что культурные явления и физические типы могут распространяться далеко за пределами проникновения языка, возможно, если не вероятно, что в один прекрасный день у группы Нока может оказаться связь с другими американскими группами, и таким образом будет установлено согласие еще более тесное между результатами трех дисциплин. Но, если бы даже не оправдалось это чаяние, тем не менее осталось бы в полной силе то приобретение, что малайо-полинезийский язык внедрен в Америку и он там пережил в точности в том районе, где меланезийский физический тип остался наиболее чистым, т. е. в Калифорнии».²

Языковые связи Южной Америки направляют нас в Австралию: «Значительная южноамериканская группа, известная лингвистам под названием Чонской (Tšon) семьи, которая включает в себя индейцев, обычно именуемых патагонцами, вместе с их ветвью Фуэджи (Fuéji), Она (les Ona), говорит на языке, очень близком к австралийскому, как это выходит, — продолжает Риве, — из следующих сравнений, взятых из списка 70 схождений (concordances) того же порядка».³

Случаев этих языковых схождений мы с своей стороны коснемся также особо. Но мы не можем не остановиться на одном замечании Риве, вызванном сопоставлениями этнографических и антропологических фактов, а в наших глазах имеющем прямое отношение к вопросу об языке вторженцев в Америку, именно к вопросу об общественном пути его внедрения. Констатируя меньшую четкость и количественную слабость этнографических и антропологических фактов в пользу вселения австралийских племен, их спорадичность сравнительно с фактами, дока-

¹ Ук. соч., стр. 303.

² Ук. соч., стр. 304.

³ Риве указывает при этом, что еще до него, в 1907 г. А. Тромбетти отметил сходство между языками Огненной Земли и Австралии (Come si fa la critica di un libro, con nuovi contributi alla dottrina della monogenesi del linguaggio e alla glottologia generale comparata, Bologna, 1907).

зываются меланезийское влияние в Америке, Риве пишет (стр. 308): «Австралийское влияние, повидимому, с большей полнотой растаяло в американской массе, чем меланезийское, потому несомненно, что эмигранты были менее численны и пристали к американскому матерiku в более древнюю эпоху». Эта малочисленность передвигающихся масс, имеющая весьма существенное значение и для истории языка, с точки зрения науки об языке, именно яфетической науки, есть не нечто случайное, а общественно императивное явление, связанное с ростом и потребностями хозяйственной жизни и продвижением руководящего племенного образования, определенной хозяйственно-общественной организации, впоследствии и класса. Вторженцы это, конечно, определенная племенная организация, тем более влиятельная, чем сильнее ее хозяйственно-общественная спайка, а вовсе не «орда» (essaim), поскольку речь идет об ее речевом воздействии. Риве, однако, интересуется вовсе не проблема об этих путях общественности, существования которых он и не чует (у него, вообще, нет вовсе особой рубрики о праве, перво-бытном правё сравниваемых им племен), его интересуется проблема о физических путях переселенческого движения австралийских вторженцев, проблема крайне трудная, до сих пор не имеющая перспектив четкого решения. При существовании тех же путей доступа в момент вторжения, что ныне — а это уже принято — мы вынуждены фатально приходить к следующему альтернативному решению: «или австралийцы прибыли как малайо-полинезийцы, прямо морским путем, подобно им пользуясь стоянками на островах Тихого океана, или они [далее это, очевидно, прония] совершили громадное путешествие по суше, т. е. они обогнули весь Тихий океан, прорезали всю Америку с севера на юг, чтобы занять, наконец, пустынные земли южной оконечности этого материка, несомненно, под напором других вторженцев».¹

Риве лично стоит за морской тихоокеанский путь австралийцев с родины в Америку, но при этом возникает непреодолимое затруднение в факте наличия лишь примитивных средств мореплавания среди австралийцев, равно как у сродных с ними американских племен, если не допустить этнографического регресса или использования лодок (pigoque), управляемых малайо-полинезийцами.

Но нас в отношении Австралии и в отношении Малайо-Полинезии в данной стадии развития проблемы интересуется не технически исполненный тот или иной путь, а в какой степени сам малайо-полинезийский мир и, следовательно, в связи с ним или независимо, Австралия не только очаги снабжения Америки населением, но и независимые первоочаги, отрезанные от всех частей Старого Света, или, наоборот, связаны и с Азией и с Африкой, или, хотя бы, с одной Азией.

Что здесь мы не находимся в зоне полной изоляции, на это у нас есть, как выше было указано,² независимое и от американистов мнение.

Что же касается северных путей азиатских связей Америки, Риве прослеживает их более углубленно, основываясь здесь главным образом на чужих работах.

¹ Ук. с., стр. 308.

² Стр. 87 сл.

Сославшись на четыре антропологических подтипа индейского прототипа, три одинаково азиатского, с размахом распространения их от Сибири, Монголии и Тибета через Корею, в Японию, на Филиппинских островах и Формозе, при соответствии четвертого подтипа эскимосскому, все с поддержкой, хотя бы и частично, этнографических фактов, Риве, переходя к языковым доводам, пишет: ¹ «Однако, лингвистика до сего времени была бессильна связать языки, на которых говорят три первых группы, с азиатскими языками,² так что нельзя дать точных указаний об их происхождении».

«Но не так обстоит дело с эскимосами. А. Соважо (A. Sauvageot) в труде «Eskimo et Ouralien» (Journal de la Société des Américanistes de Paris, nouvelle série, т. XVI, 1924, стр. 279—316) действительно доказал, что язык этого имеющего большое значение населения находится в родстве с угрофинскими языками. С другой стороны, мы знаем, что у эскимосов встречаются замечательные сходства в этнографии с нашими доисторическими людьми верхнего четвертичного периода... Мы знаем, наконец, что во Франции существовал в эту дальнюю эпоху монголоидный физический тип, засвидетельствованный именно открытиями в Chancelade и долине Рос (vallée du Roc)».

Хотя некоторое время я занимался северо-американскими языками, что дало убеждение лишь в типологическом сродстве их с яфетическими, да еще в совпадении звуковых систем, самого состава звуков и истории их изживания,³ все-таки лично пока не имел возможности критически отнестись к лингвистическим данным, приводимым в сопоставлениях Риве в доказательство родства языковой группы Нока в Америке с малайо-полинезийскими языками (стр. 303) или южноамериканской семьи Tšon с австралийскими, но, если довериться предложенным фактам, а имя Риве дает все основания для такого доверия, то получаются совершенно, казалось бы, невероятные у нас наблюдения. Встает вопрос о ближайшем родстве этих языков с яфетическими, так даже с теми, которые находятся от нас в отдалении южноамериканско-австралийского схождения, так:

	австрал.	южноамер. чонск.	яфет.
1) 'рука'			
mar, maга		mar-mar	mar
			г. mar-dven-e правая <i>рука</i> ', mar-đčen-e 'левая <i>рука</i> ' и т. д.
2) 'дерево'			
ula, (w)ula		ol, hol	
			Это с оканием то первая, то вторая часть яфетических уже скрещенных слов того же значения, скрещенно перешедших и в языки новой формации, индоевропейские и др. В Афревозии спирантно же и с оканием

¹ Стр. 297.

² Риве при этом оговаривается, что работа Хилль-Таут (C. Hill-Tout) (Notes on the cosmogony and history of the Squamish Indians of British Columbia, Mémoires et comptes-rendus de la Soc. Royale du Canada, Ottawa, 2-e série, т. III, 1897, II, стр. 85—90) о родстве языков Дене и китайского не кажется решающей (concluant).

³ Сначала исчезают заднеязычные, в том числе горловые, затем переднеязычные, и те и другие в согласованной последовательности.

австрал.	южноамер. чонск.	яфет.
		¹ hul (греч. ὕλη-η 'лес') и с окончанием har → ar в составе скрещ. ar-bor, ¹ сибилантно с окончанием ʒol — в составе фог-ʒol 'листва', sul, resp. ʃul: греч. ξύλον-ου и пр. ²
3) 'огонь' а) ul-a, (w)ul-a	ol, hul	арм. hur 'огонь' [← *ʃsur ~ приволжск. ши*г ¹ / арм. dur 'вода', 'река', бск. hur → ur 'вода'], груз. al-1 (← *hal-1) 'пламя' (см. 9: 'река' 'вода')
б) kaĭ-a kal-a	kar 'уголь'	
4) 'ухо', 'слух' yur-1 'ухо'	your 'слух'	груз. kur-1, м. ʃud-1 'ухо', 'слух', ср. арм. уш 'внимание'
5) 'зуб' yur-a, yar-a, eĭ-a	orr, horr	баскск. or-đ 'зуб' (← *hor-đ) / *gor-del → г. ġr-dil ġr-dil 'десна' → г. ġ-dil 'клык' (лечхум.), go-d (← *gor-d) 'клык' (гудамак, мтиул), ³ ч. ġr-ġna 'грызть' и т. д.
6) 'камень' yar-ul	yarr	баскск. ar-1 ← har-1 / арм. kar → qar и т. д. ⁴
7) 'вода' kun, kun-o, kun-u	kon, kon-o	gun dun и т. п., обычно вторая составная часть уже скрещенных слов (см. выше)
8) 'бедро' tan-a, ten-a	tan-in	г. ʒan-a 'около' (← 'сторона', 'бок' 'рука')
9) 'вода' kaĭ-a	kar-a	груз. tkal 'вода' (ср. 3б), арм. kar-kađ (← *kar-kar) 'журчать', ч. gal-1 'река'.

Нас не столько могут трогать поразительные созвучия, сколько те случаи, когда в Афроевразии созвучные с американско-австралийскими терминами слова с теми же значениями яфетическое языкознание уже успело откопать из других пластов соответственных языков, да и там в состоянии скрещения, как это видим на примере не только 'руки' и 'дерева' (← 'леса'), но и 'воды', в значении чего мы имеем в австралийском и американском языках яфетическое ионское племенное слово kon → kun,⁵ сказать кстати, слова все из первичных эпох человеческого речей, да еще с доисторической встречей 'воды' (9) с 'огнем' (3, б), как то полагается по яфетической палеонтологии значений.

И все-таки у меня два замечания, одно конкретное, именно, что при сличении слов для эпох, столь примитивных, необходим не только лексический подбор соответственных эпох, но и соответственное освещение взаимоотношений слов, что только теперь получилась возможность устанавливать благодаря той палеонтологии речей, которую выдвигает яфетическое языкознание.

¹ Н. Я. Марр, Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 663—672.

² Ук. с., стр. 667.

³ ლეკვან ლეკობიძე, შავსაქობლესობის ლექსიკონი, Тифლის, 1925, стр. 81.

⁴ Н. Я. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, ИАН. 1925, стр. 951—964 [ИР, т. V, стр. 274—287]

⁵ См. мой доклад 11 марта 1925 г. в Академии Наук «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», ИАН, 1925, стр. 673—698 [ИР, т. V, стр. 288—308].

Другое принципиальное замечание влечет за собой применение соответственных исследовательских приемов. Дело в том, что для родства языков вовсе не требуется родства рас, соматическое родство племен и в то же время жизнь племенных образований вовсе не начинается с единства речи, что предполагало бы уже предварительное существование единства хозяйственно-общественной жизни. Поэтому, когда Риве относительно азиатских иммигрантов в Америку пишет,¹ что «принадлежа к одной и той же основной расе, они совершенно, однако, не были однородны с этнической точки зрения, они соответствовали различным подтипам желтой расы, говорящим на различных языках и имеющим различные культуры», то мы видим в этих различиях, поскольку дело касается общности, т. е. культуры и языка, не разность рас, а древность эпох, когда еще не образовывалось родство в широком охвате больших племенных, уже народных, объединений.

С точки зрения общего языкознания американские языки бесспорно громадный интерес представляют для яфетической теории, во-первых, своим наличным во многих отношениях доисторическим состоянием; затем они иллюстрируют добытые раскопками в языках Афреватии общие положения об единой типологии в семантике, с чем и начиналось установление родства между различными племенными языками; наконец, они иногда выходят из норм единообразия этой типологии, нарушают его, тем самым вскрывая перед нами, что американские языки, хотя бы некоторые, если они даже все произошли из Старого Света, предшествуют своим строем зарождению родства между языками. Любопытные в этом отношении наблюдения дают возможность сделать числительные.

В отношении же конкретных лингвистических связей Америки с Азией через эскимосов с угрофиннами у нас происходит с Риве встреча именно в данный момент, когда чувашский язык нам дал опору перебросить наши искания и в турецкую среду, и в финскую среду, и мы выкарабкиваемся из европейского колодца и с северного края через Азию, и с южного через Африку и южную Азию.

С этим вместе требуется серьезнее считаться с следующим фактом: с одной стороны эскимосы не только антропологически, но и этнографически, по их бытовым приметам, оказываются в связи с человеком четвертичной эпохи французского района, в частности и Пиренейского, где в современном быту находятся предметы, тождественные с эскимосскими, с другой стороны — баскский язык выявляется не изолированно, точно свалившийся с неба, лишь через угрофиннов сближающимся с эскимосами, а как член большой яфетической языковой семьи, занимавшей с допалеолитических эпох всю Афреватии, где впоследствии находим вышедших из нее и хамитов и семитов и лишь не досчитываемся вышедших из той же языковой «семьи» угрофиннов, особенно турок и монголов, потому ли, что они еще в доисторические эпохи отошли, или потому, что, действительно, было общее движение всех перечисленных народов из Азии, причем все перечисленные племенные образования своевременно явились, следовательно, и яфетиды, источник их возникновения, но угрофинны, турки и монголы не успели за ними

¹ Ук. с., стр. 296.

и застряли в Азии, преимущественно в холодных ее районах. Соответственно, может быть, в самом деле надо повернуться спиной к европейскому палеолиту, палеолиту Франции, собственно иберо-баскского и этрусско-баскского¹ районов Западной Европы, и исходить из будущих перспектив, которые открывают, допустим, изумительные палеолитические находки в Китае? Яфетическое языкознание также вскрывает своей палеонтологией, что первоначальная звуковая речь человечества возникла в стране с передвижением на оленях, т. е. в холодной зоне,² но это ставит, когда речь о древности, вопрос не о севере, а о районах поледниковых эпох, откуда не исключается и территория палеолитическая, территория Франции и Испании, требующая к тому же особого внимания по своим архаическим языковым связям с Африкой, да, выходит, и с Америкой. А если и с Америкой, то правда ли только через Европу и Азию, одним ли этим восточным путем, или и западным — через Атлантический океан с его доисторическими островами, если не материком. При таких перспективах, не только территориальных, но и хронологических, нам действительно кажется преждевременным, когда на основании одних американских и прилежащих к ним в орбите научного зрения Риве данных, для примирения их строится следующая гипотеза: «Можно предположить, что урало-алтайские народы центром расселения имели какую-либо область, расположенную на востоке Каспийского моря, и что оттуда двинулась первая орда в направлении к Западной Европе четвертичного периода, вторая орда, представленная финнами, лопарями (lapons) и самоедами, к северу и, наконец, третья на восток с приполярными странами, и ее наиболее восточными представителями являются эскимось».³

Подходя к проблеме с пункта нынешних языковедных достижений яфетической теории, мы не можем не приветствовать того положения, которое допускает вторжение племенных образований из Азии и других частей света лишь с неолита, разве, в крайнем случае, эпохи последних переживаний палеолита. Дело в том, что раз между населением Америки и населением его предполагаемых метрополитических районов устанавливается родство в языке, именно звуковой речи, то эпоха события не может быть дальше продвинута в глубину времен, так как иначе она приблизилась бы ко времени зарождения звукового языка, каковым намечается ориньякская эпоха. Факт доисторической миграции требует бесконечно длительного отдаления от зарождения первой прочно организованной общественности. С другой стороны, картина: 1) рассеянности населения в Америке, 2) отсутствия в ней прочно сколоченных и ярко выраженных родственных группировок, так наз.

¹ Когда в Берлине Академия наук заслушивала (12 VII 1917) сообщение д-ра Уртеля (H. Urtel), где пределы распространения баскского дослеживаются на востоке до Ровы, на севере до Auvergne, на северо-западе до Dordogne, более того до Haute Vienne, как об этом осведомляемся в указанной мне В. В. Струве заметке в OLZ, 1917, стр. 251, то это были лишь далекие глухие звуки шумного гула доисторической действительности, который оглушительно слышен тем, у кого есть уши со слухом и понимание, развитые яфетической теорией: баски с этрусками были и в центре Франции, Париже, герр. Лутеции, этруски и другие яфетиды захвачены в ядре французского любовного эпоса «Тристан и Изольда».

² Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с историей материальной культуры), Юбилейный выпуск Известий КИАИ (печатается) [ИР, т. III, стр. 123—151].

³ [Ук. с., стр. 297].

«семьи» языков, и, наоборот, 3) обилие лингвистических семей, каждая с особою, бросающейся в глаза общей для каждой из них типологиею, в Африке, в частности в архаичном Средиземноморьи с Европой, в районе наибольшего развертывания исторической жизни «семей», настолько скульптурно отлитых в определенные морфологические типы языка, что у ученых возникала даже идея. складывались учения о стабильности этих типов, для нас является новым подтверждением теории общественного возникновения и развития родства языков, общественного возникновения и развития и семантики (системы распределения значений слов и их возникновения), и морфологии (собственно системы различных типов структуры языка), и так называемых звуковых законов, на которых зиждутся сравнительные грамматики различных групп, различных так наз. семей языков.

Сам Риве резюмирует свою работу так (стр. 311): «Имеются бесспорные доказательства, что четыре элемента входят в племенной состав американского народа: 1) австралийский элемент, 2) элемент с малайо-полинезийской речью, физическими особенностями связанный с меланезийской группой, 3) азиатский элемент, несомненно наиболее важный, который наложил печать определенного единообразия внешнего вида на совокупность обитателей Нового Света, 4) уральский элемент, представленный эскимосами».

Перечень дан Риве в последовательности прибытия называемых этнических элементов в Америку, при этом французский американист отнюдь не уверен, что этим исчерпывается число внедрившихся в Новый Свет племенных элементов: «В Америке наблюдаются археологические факты, которые, по видимому, не могут найти объяснения во внутренней эволюции культур, привнесенных этническими элементами», определение которых дает сам Риве. Цивилизация Майя (Maya), например, ему кажется много происхождения. «Надо надеяться, — присовокупляет он, — что рано или поздно лингвистика снабдит нас ключом загадки, которую исследователям задает эта странная цивилизация. Полученные доселе результаты дают полное право на исполнение всех этих чаяний».

С одной, другой, однако, оговоркой, прежде всего той методологической, что для отрицания возможности объяснить неразъясненные еще археологические факты внутренней эволюцией самой американской жизни у нас пока нет оснований, так как пределы мощи внутренней эволюции, отнюдь не исключющей и революцию, значительно более обширны, чем это предполагается установившимися научными воззрениями. Достаточно сослаться на перспективы, открываемые в этом отношении фактом эволюционного или революционного (в связи с переворотом в хозяйственной жизни), но все-таки в путях внутреннего процесса, парождения индоевропейской «семьи» языков.

А затем, напоминая о тех заключительных словах Риве, с которых начал я свое изложение его построения, именно, что работникам завтрашнего дня предстоит еще большая работа для разрешения американской проблемы в ее целостности и освещения тайны происхождения коренных обитателей Нового Света, не могу не прибавить, что эта «американская проблема в ее целостности» отнюдь не есть и материально дело лишь американское или Америки с одними соседями с ней

материками, Азией и Австралией: это мировая проблема, общая у Америки и с Африкой и Европой, с Европой, может быть, и непосредственно, и окончательное разрешение американской проблемы немислимо без разрешения проблемы о населении Европы, с ее связями с Азией и Африкой, в частности проблемы о появлении индоевропейцев в Европе, как пишет Эд. Мейер в порядке мышления индоевропейцев, или о возникновении индоевропейской речи в Европе, в Средиземноморьи, как вынужден выражаться яфетидолог.¹

Появление населения, человеческого населения в Новом Свете — Америке — и возникновение его в Старом Свете — это две стороны, два крайних предела одного и того же процесса, в Америке, может быть, также двусторонний, в ней не только западный путь, но и восточный. И с правильной его постановкой, тем более с разрешением, нужно ли говорить, окончательно исчезнет научный смысл деления человечества по странам света в зависимости от происхождения, в том числе и соответственно его деления на Восток и на Запад, как с прогрессом общественности мы перестанем в своих взаимоотношениях считаться с окраской черной, желтой или белой наших сограждан.

¹ Н. Я. Марр, *Индоевропейские языки Средиземноморья*, ДАН, 1924, стр. 6—7 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 244—245 и ИР, т. 1, стр. 185—186]; *Иберо-этрusco-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков*, ДАН, 1925, стр. 9—10 [ИР, т. 1, стр. 187—188].

Яфетическая теория и семантика китайского языка¹

Начало моих занятий китайским языком, увы, столь поздно последовавшее, лишь на этих днях, под руководством такого изумительного в методологическом отношении преподавателя, как наш синолог проф. В. М. Алексеев, совпало с недавним продвижением яфетической теории в палеонтологии склонения вскрытием происхождения объективного падежа (во флективных яфетических языках, так, сибилантной группе, дательный — винительный). Это палеонтологическое разъяснение падежного окончания (сс -sa || шп -шо) мною будет подробно изложено совместно с анализом префикса (сс sa- ~ *ha- → a- || шп *шо- ~ *fo- → o-), признака III породы в спряжении глаголов. Достигнутое путем долгих изысканий палеонтологическое разъяснение падежного окончания, как оказалось, находит свое подтверждение в фактическом положении этого формального явления в китайском классическом литературном языке, где его, именно винительный падеж, мы находим в том переходном состоянии от синтетического строя к агглютинативному, до какого мы довели свои изыскания по вопросу лишь в результате длительной работы и глубоко заложенных палеонтологических раскопок в семантике слов самостоятельных и функциональных, часто обращенных в служебные частицы, то суффиксы, то префиксы. Такую же поддержку в китайских материалах находит вообще семантика, выработанная яфетическим языкознанием, так, в частности, восхождение глаголов 'владеть', 'иметь' и 'быть' к одному источнику, именно, к 'руке', равно глагола 'делать' и т. п., формально же восхождение лексического фонда к известным по яфетической теории племенным названиям (САЛ, БЕР, ИОН, РОШ), притом обычно в простом виде, а не в скрещенном, как в прометеидских («индоевропейских»), семитических и других языках, да отнюдь нередко в самих яфетических, как они дошли до нас.

Встреча палеонтологических достижений яфетической теории с бесспорно фактическим положением дела в китайском настолько поразительна, что, отмечая ее в печати для сведения следящих за нашими изысканиями об эволюции человеческой речи, не могу не усмотреть в неожиданности наблюдаемого факта лишнее доказательство пагубности той рутины, которая под видом научного метода направляет наши лингвистические исследовательские работы в полном отчуждении заинтересованных специалистов друг от друга, притом в неведении палеонтологически исключительно важного языка — китайского, без которого немислима, имею смелость сейчас утверждать, правильная постановка общего языкознания ни как предмета исследования, ни как предмета преподавания.

¹ [Напечатано в ДАН, 1926, стр. 39.]

Китайский язык и палеонтология речи¹

I. 'ГЛАЗА' И 'СЛЕЗЫ'. 'ГЛАЗА КОСМИЧЕСКИЕ' — 'СОЛНЦЕ' И 'ЛУНА'²

I. Установленное в месопотамском древнеписьменное семантическое положение³ по формуле 'слеза' ← 'вода глаза' || 'очей вода' имеет мировое распространение за пределами яфетических языков или языков яфетической стадии развития. Оно присуще юкагирскому. Его видим графически иллюстрированным и в таком древнелитературном языке Дальнего Востока, как китайский: 'слеза' 目 = 'вода' (彗) 'глаз' (目), 日 'солнце', 月 'луна.'

Эти два иероглифические начертания относятся к категории «сян-син», именно к той, как объясняют китайцы (так Георгиевский, Анализ иероглифической письменности китайцев и т. д., стр. 1), «когда иероглиф наглядно изображает предмет».

Мы не видим в двух четырехугольниках полной и неполной оформленности наглядного изображения ни солнца, ни луны. «Наглядное изображение» в таких случаях в устах китайца значит, конечно, условность.

Одно несомненно, это то, что между двумя начертаниями есть сродство, это одинаково четырехугольники, один (это иероглиф для 'луны') без подведенной четвертой (нижней) стороны и, в связи с этим, отведенной нижним концом вертикальной стороны; в этом восприятии это два четырехугольника с той лишь разницей, что в четырехугольнике солнечного иероглифа внутри одна поперечная черта 日, а в недоделанном снизу четырехугольнике лунного иероглифа две черточки: 月. Почему, однако, недоделанный четырехугольник? Он занят: доделанный четырехугольник с двумя поперечными линиями существует, как китайский иероглиф, но он значит 'глаз'.

Выходит, что 'глаз', 'луна' и 'солнце' имеют для своего выражения один иероглиф (в основе — общий четырехугольник) с отличительными деталями, именно 'солнце' с одной поперечной чертой, 'глаз' с двумя поперечными чертами, 'луна' также с двумя поперечными чертами, но с отведенной или отвороченной одной боковой стороной и недописанной четвертой.

Обратившись к палеонтологии речи в яфетических языках, мы констатируем факт —

1) 'глаз' и светила неба, в частности 'солнце' и 'луна', выражаются сродными или одним и тем же словом, хотя бы и в разновидности, 'солнце' и 'луна' являются как бы 'глазами неба', одно — дневным, другая — ночным;

2) 'солнце' и 'глаз' находятся в том соотношении, что глагол 'зреть', 'видеть', 'смотреть' производится от 'глаза', а фактически сейчас 'смотреть' имеет одну общую основу с 'солнцем', например, в грузинском — *mze* 'солнце' — *mzega*

¹ [Напечатано в ДАН, 1926 г., стр. 93—96, 109—112, 129—132].

² [Доложено в ОИФ 7 IV 1926.]

³ Н. Я. Марр, Шумерское представление о 'слезе' в статье «Заметки по яфетическим клинописям», ИГАИМК, т. III, стр. 288—293.

‘смотреть’ (третий коренной функциональный,¹ в семитических органический, уже неотделимый: груз. *mzg* и сем. арб. *bsr*), т. е., следовательно, *mze*, означало также и ‘глаз’,² и это несомненно, как сейчас увидим;

3) но раньше учтем, что именно груз. *mze* (сс) || м. *bja* (шп) ‘солнце’ означало в таком же простом составе, одноплеменном, и ‘луну’, в абхазском груз. «е» соответствует «а», но кроме того в абхазском каждое слово имеет исходное «а», и слово *a-shza* (|| груз. *mze*) значит ‘луна’, если бы взять грузинское слово в архетипе *mes-*, то это до тождества повторяет основы (*mes* ↔ *mis*) слов арм. *a-mis* ‘месяц’ и русск. «месяц»; появление носового при *s* в лат. *mens*+*i*-*s* находится в связи с историею звука *s* в данном слове, как то разъясняется ниже. Гораздо важнее для хронологической классификации терминов, что если не «месяц» и *mens*+^o/₁, равно и основная, казалось бы, часть арм. *-mis*+*o*, то в целом арм. *a-mis*+*o* во всяком случае представляет двуплеменное составное слово, именно скрещенный термин из салского (*a*), берского (*mis*, *resp.* *mes*) племенных слов.³ И вот такое же двуплеменное сал-берское слово мы имеем в значении и ‘луны’, и ‘глаза’ в яфетических языках сибилантной ветви, но прежде, чем перейти к составным, хотя бы скрещенным словам нашего семантического круга, необходимо выяснить факт обслуживания тех же семантических потребностей одноплеменными словами как салским, так берским.

А) салское племенное слово, в армянском скрещенном термине *a-mis* истершееся до одного *a-*, в полной форме самостоятельно *h'al ~ sal ~ шог* (~ *шпг*), диалект. *sol* (~ *sil*):

а) лат. *sol* (вм. **sol*, *resp.* *шог*) ‘солнце’,

б) *sil* в составе скрещенного *u-sil* с архетипом **шпн-sol*, точнее **шпн-шог*.

Сюда же тяготеет грузинское (диалект.) *yal-on* ‘заря’ с обратным порядком элементов, салского (*yal-*) и ионского (*-on*), в том же скрещении.⁴

Салская часть бывает представлена и другими разновидностями в значении ‘глаза’, именно св. *šag* (← груз. *tağ* - в составе груз. *tağ* - *b* ‘бровь’, ‘брови’, букв. ‘над глазами’. или ‘арки глаз’ и т. п., т. е. с сохранением значения ‘глаз’, если другая часть этого составного слова разъяснится даже иначе).⁵

Б) При трактовке берской части необходимо предварить знакомством с фонетикой.

Дело в том что *z* (← *s*) в грузинском в данном слове происходит из слоя со сванским или чувашским звуковым перебоем *z* (← *s*) ~ *г*. При этом звукосоответствии, в сибилантной части выражающемся различно в зависимости от группы *г ~ s* || *ш* → *z* || *ж*, с учетом притом подъема *z* || *ж* ↗ *đ* || *đ* и носового нароста,

¹ Мы сейчас не углубляем разъяснения до той аморфной стадии развития, когда функциональный элемент был не пережитком некогда самостоятельного слова, а самим этим словом *gañ*, означавшим также ‘видеть’, ‘смотреть’.

² В доморфологический период-га также означало, разумеется, ‘глаз’, если соответственно разгадать и глагол *mze-га*, и оба эти слова относятся к скрещенным.

³ Сюда относится по составу своему слово *a-bra* [‘небо’ → ‘солнце’], основа загадочного и, казалось, неразъяснимого имени *Abra-qa* (абраха) ‘солнце’, буквально, ‘дитя неба’, но об этом особо.

⁴ Есть двойник *al*+*i*-*on*.

⁵ N. Marr, *Origine japhétique de la langue basque*. Собрн. «Язык и литература», т. I, стр. 248—249.

надо считаться со следующей формулой: $l \parallel r \sim s (ns) \parallel ш (пш) \rightarrow z (nz) \parallel j (nj) \nearrow \check{d} (n\check{d}) \parallel \check{d} (n\check{d})$.

В первую голову при учете $l \parallel r \sim s \parallel ш \rightarrow z$, мы абхазское *a-mza* 'луна' вынуждены отождествить с *a-mga* 'солнце'. Не останавливаясь сейчас на огласовке этих имен, согласные элементы $mr (\sim mz \parallel мш \nearrow bz \parallel bj)$ в том же абхазском, да и в других яфетических языках бывают представлены в губной части по формуле $m \parallel v \nearrow p \rightarrow b \rightarrow \phi$, в плавной — $r (\parallel l) \sim s \parallel ш$ и т. д., т. е. *mr* мы можем получить, между прочим, и в виде $vl \nearrow bl$, что в абхазском дает *a-bla* 'глаз' (ср. коптск. *bal*, груз. *-val*), от которого с утратой плавного исхода у абхазов глагол *a-bə-га* 'видеть'.

Итак, в абхазском 'солнце', 'луна', 'глаз', а с 'глазом' и глагол 'смотреть', восходят к одному слову, они выражаются дифференциацией одного звукового комплекса, как в китайском иероглифы для понятий 'солнце', 'луна', 'глаз' представляют дифференциации одного общего начертания.

Ряд и чисто яфетических языков салское и берское племенные названия скрещивает для выражения 'луны' и 'глаза', так **ḡu-val* (новогруз. *ḡ-val*) ← *ḡo-wal* 'глаз', *ḡo-vaг-e* (*m-ḡ+vaг-e*) 'луна'. С аффрикатностью зубной должен звучать *ḡ*, если вид слова — шипящей группы.

II. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДВА' И ГЛАГОЛ 'СЧИТАТЬ'

Кит. *ba*, resp. *pä*, 'восемь', букв. '[10—]2', *bád* ¹/₂'. Слог *ba* (← *baг* → *paг*), т. е. берское племенное слово, в значении 'двух' появляется у яфетидов и в других видах, в том числе полных, но в скрещении: груз. *mr-ḡo-bl* 'пара', 'двойной', 'близнец'. Это трехчленное скрещение, именно, во-первых, *mr* — берское (*mal* [resp. *maг*] || *moг* и др.) и, во-вторых, *ḡo-bl*, двухчленное, сал-(*ḡo*) берское (*bl*). Это сал-берское скрещение с начальным согласным на более ранней (звонкой) ступени развития — **ḡo-bl* — есть архетип *du-bl* (фр. *dou-ble*); груз. *maг-ḡb-iv-1* 'близнецы', по устранении окончания «мн. числа» *-iv* (ср. *ṭap-iv*), *maг-ḡb*-усеченная форма *mr-ḡobl* с той разницей, что вм. акания первого составного элемента (*maг*) имеем редукцию губной огласовки (*mir* ↘ *mr*) и утрату огласовки во втором составном элементе.

Говоря о числе 'два', 'пара' в связи с 'рукой', мы не можем закрыть глаза на то, что в ряде языков это именно число выражается словом, означающим также парный предмет, прежде всего — 'глаза'. Есть стремление некоторых ученых число 'два' возвести к 'глазам'. Мы в этом не видим никакого противоречия с нашим положением: числа — это отвлеченные имена в их социально конкретном понимании и для 'пары' или 'двух' безразлично, будет ли отвлеченное восприятие 'рук' (пары), 'глаз' (пары) или иного также парного по природе предмета. Мы вполне допускаем такую полигению, но с течением времени человечество систематизирует все свои достижения, и в этом систематизированном виде термин 'рука' берет верх по способности ее давать представлением лишь о себе, руке, представления о ряде чисел, о четырех основных числах 2, 5, 10, а также 1.

Более того, в термине *mg+fo-bl* 'пара', 'двойной' часть *fo-bl*, скрещенное само по себе слово, может быть истолковано в значении 'глаза' как в частях салской *fo* ← **fo*g (ср. св. *ʒar* 'глаз' ← груз. *ʒar-* 'глаз' в *ʒar-b* 'брови'), так и берской *bl* (ср. абх. *a-bla* 'глаз'), восстанавливать ли далее *bl* огласовкой по *ss* группе (с аканием) *bal* (коптск.), по *шп* *bul* (уд. *ful* 'глаз') или его эквивалент с аканием (уд. *ʒe* ← бск. *be-gi* 'глаз'). В целом же *fo-bl* (восстанавливать ли огласовку второй части по *шп* группе *bul* или по *ss* группе *bal*) → груз. *fo-wal* 'глаз' (вм. **fo-val*, собственно **fo-var*): груз. *fo-var*+e 'луна'.

Сомнительно, чтобы при использовании корня *ʒvl* в грузинском (аор. *gaʒvala*) в значении 'околдовал', 'сглазил' мы имели такое же простое образование от *ʒval* 'глаз', как в русском «сглазил» от «глаз», когда же глагол *ʒvla* значит по-грузински и 'считать', то, разумеется, не от *ʒval* ← *fo-val* 'глаза', но едва ли это доисторическое восприятие этого же слова как 'рука', лишь как 'рука', даже при возможности отстоять за тем же словом и такое значение. Конечно, полигению семантики и при 'числе', 'счете' приходится учитывать, и в числах без 'руки' не обойтись. Однако, независимо от значения корня *ʒvl* 'околдовать', 'сглазить', сами-то числительные разъясняются как генетически связанные с магиею, вслед за всей звуковой речью, и они как магические воспринимались и далее, конечно, более, чем простые нарицательные слова. Потому-то вернее *ʒvla* 'считать' производить от 'луны', бесспорного некогда значения слова *ʒval* 'глаз', 'лунного исчисления времени' и т. д., как термин *ʒaʒiʒi* 'дата', 'исчисление времени' в арабском (оттуда в языках «мусульманской» культуры) производится от *uareʒ* 'месяц'.¹

III. 'ДУБ' → 'ХЛЕБ' И 'ДЕРЕВО'²

Одно из древнейших, притом культовых слов человеческой речи это 'дуб'. 'Дуб' в то же время источник питания, по положению о функциональной семантике передавший свое название, гесп. название своих плодов, — 'жолудей', хлебным злакам, где 'маису', где 'ячменю', 'просу', а где 'пшенице' или 'хлебу'. Таково, между прочим, происхождение греческих слов *ἄρτος*-ς 'хлеб',³ *σίτος*-ς *id.*, груз. *piʒ-i* 'хлеб',⁴ равно груз. *ʒoʒ-bal-i* 'пшеница', м. *qo-bal-i* → *qo-ba-u* 'пшеница', 'пшеничный хлеб', ч. *qo-val-i* → *qo-al-i* 'хлеб', да и самого русского слова «хле-б». Отсюда и его, дуба, почет и культ. Родовое понятие 'дерево', как оно ни древне, все-таки позднейшее и во всяком случае неразрывно связано с представлением о 'дубе', с его названием, или с представлением о хозяйственно, да и культово равноценном с ним виде дерева.

По ближайшей связи, в линии Кавказ — Волга (север) — Сибирь — Китай, беру соответственно частичный материал. На Кавказе выбор падет на груз.

¹ См. Н. Я. Марр, Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка, стр. 2, прим. 1 [Перепечатано в ИР, т. I, стр. 23—38]; Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей, стр. 64.

² [Доложено в ОИФ 29 IX 1926.]

³ Н. Я. Марр, О яфетическом происхождении баскского языка, ИАН, 1920, стр. 134; его же, *Origine japhétique de la langue basque*, Сборн. ИЛЯЗВ «Язык и литература», стр. 237.

⁴ Н. Я. Марр, Скифский язык. ПЭРЯТ. стр. 336—387 [ИР. т. V, стр. 191—223].

ти-џа 'дуб', скрещенный двухэлементный бер-салский термин. Слово по огласовке — шипящей группы, потому салский элемент џа (← ч. ka 'ветвь' ↘ м. џа 'ветка живая на дереве' ← *'дерево', полная основа kal-, мн. ч. kal+e+џе ~ м., ч. џа, полная џal [собств. ka| и џa| вм. kaг и џаг], 'дерево', [мн. ч. џal+e-џе, м. џal-џ-г¹ → џal → џal: греч. θάλλ-ός 'куст', 'молодое дерево') в грузинском языке, языке свистящей группы, в качестве эквивалента по спирантной линии [по сибилантной — џel древнелитер. 'дерево', ныне 'доска'] должен бы иметь џе, что и существует со значением 'дерево' и в древнелитературном языке (џе) и в современной живой речи (џе). Собственно в џе || џа (← џе || џа ← ке || ка, resp. џе || џа) в смысле полноты не досчитываемся плавного (l || r) или его перебойного эквивалента (s || ш ↗ t̃ || t̃ и т. п., ср. сем.: евр. џeđ 'дерево', арб. џаџ 'палка'), а качественно в смысле палеонтологии фонетики џ есть пережиток диффузного звука h̃, в двучленном подъеме tk̃ || tk̃ → tk̃, и груз. џе || ши *џа 'дерево', являясь палеонтологически дериватом 'леса' по положению «часть по целому», есть разновидность груз. tke 'лес' (← *tkel) || м., ч. tka (← tka| [вм. *tkar], мн. ч. м. tka|-џ-г¹ → ч. tka ['лес', 'дикая трава'], resp. *ta, отсюда ч. m-tk-ог-г¹ ↔ m-tk-ур-г¹, равно [м¹-t-ур-г¹ 'лесной', 'дикий']). Что касается первого элемента, берского ти ↔ то, то прекрасно и богато документируется в самом грузинском его наличие, с этой же губной огласовкой или с аканием, закономерным при о ↔ и шипящей группы, притом обычно в полной форме, т. е. с сохранением плавного исхода l || r (mal || moг ↔ moг ↗ moг и т. п.), но сейчас, в линии интересов нашей темы, с ти, долженствующим означать 'дуб', resp. 'дерево', мы прямо упираемся в китайский ти 'дерево'. В китайском еще нет скрещения. Однако для связи с Китаем мы отнюдь не делаем прыжка через пропасть не только в линии семантической эволюции, но и пространственно: промежуток восполняется посредничеством финских и палеоазиатских языков.

а) В финских тот же элемент с обычным для яфетических языков подъемом (m ↗ p → b → џ), в частности со свойственным скифскому v || m ↗ p, именно в виде ри значит, действительно, 'дерево' (км., удм., морд. ри, суоми, эст. рii = «рии»), причем суоми, эст. «рии» долгой своей губной огласовкой указывает на утрату плавного г, т. е. на восхождение к 'архетипу' *риг, в грузинском наличному в виде риг в составе риг-џел 'лист' (← *'дерево')¹ и в тождественном виде риг самостоятельно в значении 'хлеба' (← 'жолудь', resp. 'дуб') || сс pal → bal первая часть сохраненного греческим сал-ионского скрещения βάλ+αλν-ος 'жолудь', 'дуб'. В полной форме у грузин имеем и то, в виде moг в значении ['бревно' →] 'пень'. Так-то то у эстонцев и финляндцев разновидность с губной огласовкой также не «природное» достояние, как и у грузин. Западные финны окающую форму усвоили от восточных, в частности приволжских, в более древнем ее состоянии, чем ныне мы ее находим у названных восточных финнов. Слово появляется и у финнов с m без подъема в р, но в состоянии скрещения.

'Дуб' у тех же финских народов носит, как и у грузин, скрещенное название, также двухэлементное и также из берского и салского элементов, но в обратном

¹ По положению семантики «часть по целому».

порядке, как то наблюдается в названии 'дерева' у прометеидов («индоевропейцев»): в латинском — ar-bor, resp. ar-bos, русск. der+e-vo[r], resp. dre-ves и т. п., причем, однако, коми и удмурт выдержанно с губной огласовкой — tu-ри \ ты-ры (часто с отдельным повторением ри уже в значении 'дерева'), равно по-марийски — tu-мо (дуг., а горный с утратой исходного гласного tu-m), у мордвинов с разнобоям в огласовке, как в грузинском: первый элемент с оканием (в финском салский), а второй — с аканием (в финском берский) — tu-ma, а западные финские языки в составе этого скрещенного термина сохранили природную для них акающую форму первого, именно салского элемента — суоми ta-mi (~*tamu) → эст. ta-m̄.

Что касается чувашского, то он занимает особое положение в том смысле, что 'дерево' в нем скрещенный термин, как в прометеидских («индоевропейских») языках, и, как в них, с салским элементом, притом спирализованном (yu \ уы), на первом месте — уы-вəş (✓*yu[r]-vos), а не берским (-vəş ✓ -*vos). В этом смысле перецеголял мордовский (мкш), точно трехэлементный. В нем в роли родового понятия появляется собственно двухэлементный сал-берский термин, разновидность названия 'дуба', именно ши-f, но с придачею ta, опять салского элемента, наличного в этой форме в скрещенных названиях 'дуба' у западных финнов, а на Кавказе самостоятельно означающих 'дерево' (← 'лес'), у яфетидов, естественно, с сохранением фрикативности то озвонченно, то также глухо: м., ч. ḍa ← ḍaḷ (вм. ḍar) 'дерево', у армян taḡ 'дерево' || груз. ḍel древнелитер. 'дерево' (ныне 'доска').¹ Словом, в целом у мордвин (мкш) 'дерево' звучит ши-f-ta, что конкретно (в более древнюю эпоху) означало 'дуб-дерево', т. е. -ta здесь в той же роли, что ри у коми в тури ри.

При всем том и у чувашей для 'дуба' общее название с финнами, но со спирализацией салского элемента уи, как в составе скрещенного термина 'дерево' (уы-вəş), однако без ослабления губного гласного «и» в «ы»: уи-ман. Плавный звук (r) также всплывает в чувашской же речи, ибо чув. vəḡ-man название 'леса' [resp. 'дубравы'], палеонтологически являющееся и названием 'дерева' [resp. 'дуба'], есть видоизменение, по норме чувашской фонетики, более древнего вида ит-ман, отложившегося в речи казанских татар, в архетипе *уиг-ман.

Полутно отметим, что первый элемент этого скрещенного, общий с первым элементом груз. qor-bal 'пшеница' (→ м. qo-baḷ id., 'пшеничный хлеб' || ч. qo-val 'хлеб'), т. е. уиг ↔ уог ✓ [kuḡ ↔ koḡ → qur ↔] qor, в баскском сохранился самостоятельно в виде ḡ¹ur и др. со значением 'лещинного ореха' (noisette), но когда тот же элемент означает 'зерновой хлеб', как qor в осетинском, то, конечно, не в авест. h¹arəna 'пища' следовало искать его происхождение (Вс. Миллер, ОЭ, III, стр. 150): тот же элемент со значением 'хлеб' и лежит в виде kuḡ (←*kuḡ) в основе шумерского глагола kuḡ 'печь', 'печь хлеб' (← 'готовить хлеб').

б) Спирантностью салского элемента чувашский связывается независимо от турецкого (каз. ушан 'дуб' есть отложение чувашского)² с палеоазиатами,

¹ Ср. tke 'лес' || tka → tka, resp. ta, см. выше, стр. 105.

² По любезному осведомлению М. А. Викжановой, так, именно ушан, в касимовском, а в казанском ушан. Сюда во всяком случае относится лудко-караимск. ушан 'пень'.

у которых на крайнем севере, естественно, вместо 'дуба с жолудями' появляется как источник питания, 'кедр с его плодами (Cedernuss)', и в этом именно кругу мы застаем у енисейских остяков, или кетов, скрещенный термин 1-ш, пережиток у-тап~у-тап 'дуб' (→ *'жолудь') в значении 'кедрового ореха', а один простой берский элемент fau (ен. ост.) || fey (← *fag || *fer) в значении самого дерева 'кедра'.

Но та же енисейско-остяцкая форма fau, в яфетическом произношении fau на Кавказе у армян сохранена в составе скрещенного бер-салского (или бер-ионского?) термина fau-t арм. древнелитер. 'дерево', ныне 'палка', resp. и 'дрова', как и берское племенное слово с аканием шаг- означало 'дуб', откуда с эпентезисом «у» при суффиксе -1 — шауг-1 'дубрава'.

Вскрыв таким образом формально древний вид, одноэлементное образование в китайском, как в репертории человеческой речи древнейшего состояния, и тогда, когда даже в яфетических языках мы имеем скрещенный термин, тем более в протоеидских («индоевропейских»), в отношении семантики мы оказываемся перед фактом, что китайский язык выявляет позднейшее значение, именно общее 'дерево', как финские, да как яфетические, а не конкретное. И пока довольствуемся этим, не исчерпывая полностью материала, не затрагивая его во многих других отношениях, ни основного палеонтологического вопроса наречения и других плодовых, да и неплодовых деревьев, уже факт позднейшей эволюции речи, тем же бер-салским или сал-берским скрещенным термином, например, у грузин 'дикой сливы', 'лычи' (tke-mal || у мегрелов ko-mur ↘ fo-mur-1 → o-mur-1 'слива'), у всех 'яблока', resp. 'яблони' (например, км. ul-mo || т. al-ma ∞ груз. va-ш[a] l и т. п.), 'ольха' (груз. šqe-mla ← ∞ *šqe-mal), 'граба' (груз. šqe-mla ← ∞ *šqe-mal || м., ч. šqe-mur). Одно подлежит указанию: надо признать за устарелостью формального подхода требующей коренного пересмотра нашу работу «Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum)»,¹ где, например, в tkemal || komur, šqemla || šqemur, исходя из стабильности морфологического состояния речи, мы усматривали основы tkem- || kom и šqem, а -al (∞ -la) || -or ↔ -ur воспринимали как окончания мн. числа.²

IV. 'РЫБА' ← 'ВОДА'

Китайское уй 'рыба', как установлено палеонтологией речи, восходит семантически к 'воде',³ фонетически же на яфетической почве — к *ууу, спирантной разновидности сибилантного вида шуу 'река' [+ 'вода']:⁴ с утратой «у», пережитка плавного (r), этот сибилантный вид шипящей группы шу в значении 'воды' наличен в чувашском, как такой же усеченный его спирантный эквивалент уи в зырянском в значении 'ручья'.⁵ Теперь будет понятно и то, почему по-китайски

¹ ИАН, 1915, стр. 769—852, 937—950.

² Ук. соч., стр. 823—824 и 839.

³ Н. Я. Марр, Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба', ИАН, 1926, стр. 387—388 [ИР, т. II, стр. 174—175].

⁴ Н. Я. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН, 1926, стр. 354, табл. А I, б на стр. 352.

⁵ Там же, табл. Б I, б и VI, б на стр. 353

это же слово уй значит 'дождь', ср. бск. ʽhʽur (→ u- в составных) 'вода' и ur-1 || e-ur-1 'дождь' и т. п. В значении 'дождя' слово появляется и в японском в виде «и», так в новом письменном японском языке, где оно воспринимается как заимствование из китайского. Однако у японцев слова палеонтологически того же семантического гнезда в том же, да и более полном звуковом облици имеем и другие. О них особо.

V. БЕРСКАЯ 'ЛОШАДЬ' ОТ МОРЯ ДО МОРЯ¹

Ясно, что здесь имеются в виду не окаймляющие Кавказ моря — Каспийское и Черное. Речь о морях на крайнем Востоке, что у Китая и Японии, Тихий океан, и на крайнем Западе, что у Пиренеев, да вообще Иберийского полуострова, Атлантический океан. В каком направлении, вопрос второй очереди. Нам казалось бы, что берский термин мог бы подразумевать 'берскую лошадь'. Для начальных эпох словотворчества такое соотношение термина с предметом обязательно, но яфетическая теория — лишь в начале закладки новых основ по конкретной увязке языкования с материальной культурой. Торопиться закрепить подробности нет надобности. Лошадь существовала в представлении человечества до ее приручения и использования, во всяком случае она успела проскочить в мифы и получить в них бесспорные права гражданства. Действительно, 'река' и 'лошадь' являлись по первобытному мышлению разновидностями одного образа, отсюда и названия 'рек', означающие 'лошадь'. Кое-где 'лошадь' изображается вышедшей из воды, гесп. моря. У греков Посейдон как бог вод, особенно моря, носит прозвище или эпитет 'лошадиный' (ἵππιος), как у римлян. По сближении их с морем, Нептун получает то же наречие (equester) и т. п. Следовательно, 'лошадь' прежде всего — достояние, можно думать, приморского народа, однако из этого вовсе не следует, что надо ставить вопрос об островах-японцах или почти островных европейских иберах, как об единственно правомочных притязателях на пальму первенства в использовании лошади в звуковой речи. Для нас пока вопрос о термине, который и у басков и у японцев не в периферических образованиях. Баскский термин — скрещенное слово (см. табл. А, а, II, 1), а японский — одноэлементное (А, а, I, 2), но с усечением исходного плавного. Был ли он l или g. Да к тому же японское слово mta считается заимствованным из китайского, причем удвоение m разъясняется, как и появление u- в однозначном u-ma (Б, б, II, 1), графическим фактом, связанным с фонетической особенностью японского языка. Это напоминает мне то, как мы на таком же основании почти всякий «а» или «е» перед г в армянском считали неорганическим фонетическим предатком. Думаю, с u-, гесп. m-, в u-ma и m-ma в японском надо быть осторожным по крайней мере до тех пор, пока японская лексика не будет в известной мере проработана палеонтологически в освещении яфетической теории. Во всяком случае ʽhʽlo ↔ ʽhʽu (↙ *hur ↙ kur-) действительно есть пережиток спирантизированной окающей разновидности салского

¹ [Доложено в ОИФ 27 X 1926.]

элемента. Помимо указанного в таблице материала, «и» мы находим в скрещении с рошским названием лошади га в груз. и-га, что значит 'жеребец' по Орбелиани, 'бурая лошадь' по Чубинову, 'необъезженная лошадь' в гурийском говоре и т. п., собственно, первично 'лошадь' и только, ибо это тот же термин, с падением согласных (и-га / kur-га), что по-шумерски, да во всех клинписных языках значит 'лошадь'.¹ В то же время самостоятельное существование kur → gur → qur явствует из ряда дериватов термина 'лошадь', герср. 'румяная заря', 'лучи' и т. п., в том числе с уменьшительным суффиксом -ак у армян — qur-ak 'жеребенок', также 'осленок', 'дитя лошади' (герср. 'осла'), как удм. цj-рj 'жеребенок', 'дитя (рj) лошади' (цj / гцj ← гуш || gas-га).²

Из сибилантных разновидностей мы имеем представителя свистящей группы прекрасно документированным у басков не только в усеченном виде — sa- (см. табл. А, а, II, 1), но и в полном, как в составе скрещенного сал-ионского термина sal-dī 'лошадь' (-dī, герср. dī', см. арм. dī 'лошадь', ингл. dī 'верховой конь', мн. dou, нахч. dīn, цов.-туш. = бацб. dō 'лошадь'), но и в производном sal-dup 'всадник' (-dup, суффикс для образования имени действующего лица или обладателя, как -osan в грузинском ḡqen-osan 'всадник' от ḡqen 'лошадь'). На элементах сравнительной грамматики яфетических языков нет основания задерживаться. Разве оговориться, что если бы в palkam, рядом с кюр. hal-kan, исходный губной не был чисто фонетическим явлением, заменой п, то в термине пришлось бы признать все-таки формально трехэлементное скрещение, с повторением берского (1. pal- → bal- и 2. -m: pal-ka+m).

Не углубляю исследования и палеонтологически, иначе в таблицу прихватили бы мы и 'верблюда' — ka+māl → ga-bal и т. д.³ Почти не касаюсь использования берского элемента в значении 'осла' как самостоятельно, viг ли у грузин и ингушей (равно, по Услару, у чеченов, значит нахчиев), или особенно в скрещении bār-zə у нахчиев и т. п., причем у аваров и примыкающих к ним по языку лезгинских народностей берское племенное слово совершенно вытеснено из круга терминов, означающих 'лошадь', и с принятием того или иного его дальневосточно-финского вида, именно ma || mo (~mi) ← moy / moy+o, целиком сосредоточено в скрещенных терминах (SAL-BER или SAL-BER-YON), означающих 'осла', как-то ав. ha-ma, кар. xa-ma, бгл., год. ha-ma-qi, тинд. a-ma-qa, чам. a-ma-q, анд. ha-mo-qi, дид. ɛb'-moу, хвар. o-mo-ke, авх. i-mi-qi. Конечно, с перечисленными разновидностями дагестанских названий 'осла' неразрывно связан семитический термин, евр. qa-mōr, сир. q-mor-ā, арб. h-mār. Однако при -mog+o- шипящей группы в свистящей группе мы ожидали бы от берского элемента вид mal, что и сохранили рутульцы в своем yl-mal 'осел', хотя у них берский элемент как будто наличен и в названии 'лошади', отнюдь не безоговорочно заимствованном из арабского: yl-wan ↔ heу-wan (ср. и агульск. heу-wan),

¹ В шумерском имеется еще случай дефектного в начале чтения и-га, которое Делич предполагал восполнить начальным ku (Sumerisches Gloss., s. v. «apšun»).
² O gur (← kur) см. Н. Я. Марр, Скифский язык, ПЭРИТ, стр. 383 (см. и 384) [ИР, т. V, стр. 222]; км. gəg → d-ыны 'ржать'.

³ См. Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, стр. 18 и сл. [ИР, т. III, стр. 132 сл.].

при всем их созвучии с арб. *ḥay-wān* 'животное'. Задача наша лишь определение места китайского слова *ша*, которое, сохраняя первичную одноэлементность, отнюдь не является первичным по полноте: первичная полнота сохранена отнюдь не столь древним письменным языком, именно корейским.¹ *Saveant consules*, правозаступники архаичности письменных языков, которым и на Западе приходится уступить место более почетное и по времени вульгарному лат. *caball-us*, кстати означавшему в устах благородных римлян 'простую лошадь', 'вьючную клячу' (ведь и бесписьменные народы хороши как 'вьючные', иначе они тоже при распределении земных благ, даже — внимания ученых, малоинтересные 'клячи'), хотя из римлян поэты эту 'клячу' жаловали едва ли иронически, так у Ювенала *caballus gorgoneus* 'пегас', да и у Горация *caballo vectari* 'ездить верхом'. Впрочем, материала мы отнюдь не исчерпываем, ни обсуждения отдельных слов, иначе с курдским *boḡ*, на которое обратил мое внимание И. А. Орбели, связывается не только сказочный 'конь' Мухаммеда *burāk* (*al-burāk*), *animal seu iumentum*, на котором Мухаммед вознесся, мол, на небо из иерусалимского храма, будь это верховое животное в представлении населения, хотя бы «среднее между мулом и ослом», как то толкуют, но и *bur-ka* из русских сказок, именно «сивка-бурка», в каком-то выражении по отвлечении *-ka*, какого бы оно ни было происхождения, хотя бы и русского, и *si+v-* и *buḡ-* одинаково толкуются как 'лошадь', и первично это вовсе не клички *сивой* и *бурой* лошади. Сюда же относится, по всей видимости, основой *kaug* ← **ka-vuḡ* своего названия «каурка» («вещий каурка»). Указывают на тур. *kovuḡ* [ср. дж. *koḡuḡ*, кирг. *koḡ-uḡ*] в объяснение его происхождения, но надо вспомнить и турецкие глаголы со значением 'гнать', 'преследовать' (тур. *ko-vu-maq*, *ko-vu+l-maq*, *ko-va+la-maq*). Однако не только цвет (различные цвета), но и глаголы 'гнать' и 'преследовать' палеонтологически связаны с 'лошадью' то непосредственно, то в первобытном представлении по общности образа 'лошади' и 'реки', равно 'лошади' и 'неба', как движущегося или вращающегося, так озаряющего 'неба-света', 'авроры с лучами', 'зари с белыми и рыжими конями', в связи с чем и *si-v* [**ḥi-v* →] **si-v* (→ *zi-w*, resp. евр. *zīw* 'блеск') первично 'луч', как груз. *sqi-v* 'луч'. И не только с *buḡ* (↔ *boḡ* у курдов), но и *vuḡ* ↘ *vəḡ*, resp. *vr*, с утратой редукции *ə*, надо считаться и в скрещенном термине *go-wī*, сохраненном ингушами с оканьем при аканьи у *vaḥč. ḡa-wī* в значении 'лошади'.

¹ Не знаю, нужно ли реагировать и теперь на попытки признать моносиллабизм (с ним, значит, и аморфность) китайского языка в общем вторичным явлением, когда об этом говорит и в наше время хотя бы такой мастер своего дела как Karlgren (*Philology and Ancient China*, Oslo, 1926, стр. 16—20), сам делающий, однако, существенные оговорки (ук. с., стр. 21—22).

Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи¹

Не приходится теперь распространяться, что название 'воды' означало 'дождь', 'итти дождю', 'рыбу' и т. п., как нет надобности распространяться о том, что глаголы восходят все к именам и, в частности, 'пить', как и 'жаждать', равно 'плавать', 'тонуть' и т. п., в основе сохраняют слово, означавшее 'воду'. Это все элементы из основных положений по палеонтологии семантики.

Мы не только чуем теперь сродство арм. *taḡa-w* 'жажда' и груз. *tkur-vil* 'жажда' (*m-tkur-i-a* 'жажду', 'у меня жажда'), но нам известны все детали техники производства этих двух терминов и их взаимоотношений. Основа грузинского глагола одноэлементна (А) — *tkur*, но с расщепленным подъемом начального диффузного звука *ḥ*, в простом произношении низшей ступени сибиллянта *s* — *sur*, resp. спиранта *h* — *hur*, так что, если бы не влияние свистящей группы, к которой относится грузинский, исходя из губной огласовки, особенности шипящей группы, и без расщепления основа *tkur* должна бы звучать **ṭur* → *ḡur*. Из них *ḡur* по-армянски значит без всякого изменения 'вода'. Однако, в грузинском эта форма с губной огласовкой появляется и без подъемного расщепления диффузного звука *ḥ* в виде *tk*, звуча просто *t* — *tor* ← → *tur* и на третьей ступени озвончения *ḡor* → → *ḡur*, из которых у грузин *tur* ['вода'] находится в основе глагола *tura* 'он выжал *воду*', 'процедил', 'давил (выжимая *сок*)' и т. п., *ḡor* ← → *ḡur* ['вода'] в основе глагола груз. *ḡor-av-s* ← → *ḡur-av-s* 'он плавал' (*ḡor-av-s* в частности 'плавно двигался'), а у армян *tor* ['вода'] в основе *tor-el* 'течь', 'стекать', *tor-tor* 'ущелье' (← 'поток'), да и на звонкой ступени *ḡor* 'поток', 'ущелье' и т. п., и, наконец, *ḡor* (← **ḡor*) ['вода'] в основе *ḡor-el* 'течь', 'истекать'. С десибилляцией разновидность с зубным третьей ступени озвонченности с уканьем — *ḡur* — вскрывается в трехсложном грузинском корне *ḡvr*, от которого имеем *da-ḡvra* 'напился', *m-ḡvr-al-i* 'пьяный'.²

Наконец, с начальным согласным на низшей ступени *sur* (вм. *шur*, как полагалось бы и в действительности имеем в ряде языков) со значением 'воды (+ реки)' мы находим те же слова и у грузин в значении 'желать' (от '*жаждать') — *m-sur-s* 'желаю' (← 'у меня жажда' || 'позыв' на что-либо), *sur-vil* 'желание' (ср. *tkur-vil* 'жажда'), у армян *sur-al* 'плавно двигаться' (ср. груз. *ḡor-av-s* ← → *ḡur-av-s*) и т. п.

Однако в грузинском налицо и подлинная разновидность его свистящей формы с аканием, это *ikal* 'вода', что без расщепленного подъема диффузного *ḥ* и с переходом с *g* на *l* под влиянием шипящей группы, именно *taḡ-* ['вода'] и сохранили армяне в составе скрещенного (АВ) термина *taḡ+a-w* 'жажда' (← '*вода+вода'). С низшей ступенью *t*, именно *s*, слово должно бы звучать **sar*, и вот спирантная

¹ [Доложено в ОИФ 12 I 1927. Напечатано в ДАН, 1927 г., стр. 82—84.]

² Касательно техники возникновения из губной огласовки среднего коренного трехсложных корней, так наз. пустых, см. ниже случай из египетского языка, стр. 114.

его разновидность $ha\bar{g} \rightarrow ag$ налицо в составе скрещенной основы $*ha\bar{g}-p \rightarrow *h^1a\bar{g}-b \rightarrow ha\bar{g}-\varphi$, откуда у армян в древности $ag+b-i$ 'я выпил', ныне $ha\bar{g}+\varphi-at$ 'пьяный', 'напившийся', а у грузин с подъемом $h \nearrow q$ — $qag-b$ 'жадный'.¹

Я намечаю здесь лишь основные линии семантического размножения этого именного звукового комплекса, причем не исчерпываю материалов ни качественно, ни количественно, даже по разновидности шипящей группы, на которой останавливаю основное свое внимание. Так, появление в таком представителе свистящей группы яфетических языков Кавказа, как грузинский, разновидности с s, объясняемое нами для краткости простой ссылкой на воздействие свистящей «природы», собственно нормы грузинского языка, не столь простое или лишь формально-фонетическое явление. Оно находится в связи с потребностью выразить в звуковых символах (сигнальных знаках) утвердившуюся дифференциацию представлений или уже понятий, т. е. относится к семантической фонетике, выработавшейся далеко не всегда в каждом языке особо, так в данном случае груз. su (см. ниже древнелитер. su-ma 'пить') имеет вполне закономерно в шипящей группе эквивалент ши (ч. o-ши-ти 'пить', аор. ши, м. шум+и-а || ши+та-фа 'пить'. 'пьянствовать', объективного строя аор. та-ши). Захватывает эта дифференциация и спирантную ветвь, во всяком случае усеченный вид ши-т, resp. su-т, появляется со спирантизацией в виде $q\bar{u}-m$ ($\swarrow hu-m \rightarrow *um$) $\searrow \bar{e}m$, так в армянском $q\bar{e}m-el$ 'пить', а в древнелитературном в составе сугубо скрещенного с берским элементом $\bar{e}mpel$ 'пить' ($\swarrow hu+m-p-el$). Но анализ последнего образования, хотя бы прослеживание одного салского его элемента в полном его виде hur , нас завел бы далеко от нашей темы, на запад к баскам,² да и не к баскам, в сибилантной разновидности sur , и перебросил бы опять еще дальше через север на восток. Это предмет с готовым материалом, достаточным для целой диссертации в связи с значением имени 'вода', причем нельзя будет не привлечь также таких понятий, выражаемых тем же звуковым комплексом, как 'источник', 'родник', 'колодец' и т. п.³

Но нам сейчас достаточно остановиться на разновидности sur ['вода'], с утратой исходного плавного — su 'вода', как это звучит не только в языках турецкой системы, но и в таком бесспорно яфетическом языке, как грузинский, здесь в основе глагола $su-ma$ 'пить', $v-su$ древнелитер. 'я (v-) выпил' и т. п.

О ma , ставшем впоследствии функциональным морфологическим признаком, речь будет особо, тогда как раньше оно было семантически используемым элементом, используемым и в скрещении в том же значении, почему в том же $su-ma$ '*вода' с сохранением s в подъеме $\bar{i}u-ma$ (вульг.) $\rightarrow \bar{i}vi-ma$ 'дождь' (\leftarrow '*вода') — ma остается как неразрывная часть, казалось бы, простой основы.

Основа же su с двойником so должна бы иметь долготу в возмещение утраченного плавного г, т. е. должна бы звучать $s\bar{o} \leftarrow \rightarrow s\bar{u}$, не говоря о том, что шипящая разновидность должна бы проявить ш вм. s.

¹ Пометка этого термина у Чуб.², как заимствования из арабского, одно недоразумение. Любопытно толкование Орб.: 'бессовестно собирающий имущество'.

² Н. Я. Марр, Об яфетической теории, стр. 9 сл., отд. отт. [ИР, т. III, стр. 9], De l'origine japhétique de la langue basque, стр. 231 и др.

³ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды, стр. 37 [ИР, т. V, стр. 347].

И вот —

1) в Африке коптский сохранил *sw* в основе своего глагола *sw* 'пить', причем, египетский в том же значении выявляет трехсогласный корень с неутраченным еще плавным г: *swt* (\searrow *swy*);¹

2) в Месопотамии след существования в шумерском или в языках, отложившихся в его лексике и структуре именно в безукоризненной разновидности шипящей группы, виден из наличия у шумеров этого слова *шуг*, с утратой исходного плавного *шц*, в значении 'руки', поскольку палеонтологически вскрыта цельность пучкового значения '*рука + женщина + вода*', и что *шуг*, действительно, существовало в шумерском языке в этой полной форме со значением 'вода', о том свидетельствует факт наличия в шумерском глагола *шуг* в значении 1) 'итти дождю', 2) *поб.* 'разливаться', в частности 'проливать' ('кровь', 'слезы' и т. п.);

3) на Дальнем Востоке это именно *шуг*, свидетельствуемое в ряде северных языков в значении 'воды + реки', с падением г в «у» в виде *шчу* сохранилось у китайцев со значением 'вода' и его спирантную разновидность представляет у них же *у́* (\leftarrow **уиг*) 'дождь' (\leftarrow *'вода'), равно 'рыба' (\rightarrow *'вода').²

¹ См. выше, стр. 112 груз. *ფუტ* из *ფიტ*.

² Н. Я. Марр, Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба', ИАН, 1926, стр. 387—388, 392 [ИР, т. II, стр. 177 сл.].

Готтентоты-средиземноморцы¹

Один из кавказских критиков не яфетической теории, нет (таких пока я не видел и не слышал и за пределами Кавказа, если не называть критикой голословные отрицания или, что едва ли лучше, извращенные или по неведению, или парочито суждения), а моего как бы темперамента, выразил довольно четко ту мысль, что: как захотел я что-либо, повелеваю и так и оказывается. Следовательно, по щучьему велению. Так вещал я: «да будут яфетические языки в родстве с семитическими», и стали они таковыми, или: «да будет баскский язык яфетическим», т. е. в родстве с яфетическими языками Кавказа, и так и стало. Можно бы это продолжить весьма долго с этими «фантастическими» становлениями, не щадящими ни близких, даже родных мне грузин, которым, хочешь не хочешь, приходится быть все-таки в родстве с семитами, даже с армянами, ни юкагиров и более культурных китайцев, ныне жертв не только пушек просвещеннейшей европейской культуры, но и яфетидологических «вещаний», отводящих им место заодно с яфетидами Кавказа и, о ужас, с юкагирами и, отныне также готтентотами, чтобы быть в одном союзе работников просвещения, творивших начальные основы европейской культуры в Средиземноморьи задолго до и римлян и эллинов. Какой культуры? Эгейской? Может быть, более древней. Это вопрос уточнения, вопрос для палеонтолога речи второй очереди. Не забыть лишь еще двух фактов: 1) приближение «дикарей» Америки к этому занесенному забвением культурному миру в порядке научно-исследовательского прорубания дороги в дебрях лингвистического леса, приближение их и югом, увязкой через Индию, и севером, увязкой через палеоазиато-финские полосы, и 2) стоящий вне всякого сомнения зияющий разрыв населения Восточной Европы с Западной от выросших позднее народов нового языкового типа и новой системы языков, прометеидской (так наз. индоевропейской «семьи»), вследствие чего сейчас то у финнов Вол-Камья, да и Балтики, то у чувашей (у последних компактнее и систематичнее) обломки старых связей не только с яфетидами Кавказа (ныне и с исторических, с письменностью увязанных памятных исторических эпох с яфетидами Кавказа, а в отдаленные эпохи, тоже исторические, «лефо-исторические»,² с яфетидами Средиземноморья), но и с яфетидами Запада, басками. Достаточно сослаться на общность числа 'десять' по палеонтологическому анализу у мордовцев и приморских финнов с ними — бск. ḡ^ha+maḡ/*ka-maḡ || суоми kymen (← *kurmen), морд. и мокша и эрзя ke+men,³ у монголов, как у басков, с аканием ḡ^har-baḡ,⁴ а у чувашей — на общность термина 'голова' ruḡ не только с бск.

¹ Предварительное сообщение. Доложено в заседании ОИФ 7 IV 1927 [Напечатано в ИАН 1927, стр. 405—416].

² Т. е. «субъективно забвению (λήθη) преданные человечеством, объективно — подлинные исторические эпохи», как свидетельствует палеонтология звуковой речи, см. Н. Я. Марр, О числительных (К постановке генетического вопроса), стр. 40 [ИР, т. III, стр. 270 сл.]

³ Н. Я. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей группы в огласовке мокша и эрзя мордовского языка, ДАН, 1927, стр. 145 [ИР, т. V, стр. 382].

⁴ Н. Я. Марр, О числительных, стр. 95 [ИР, т. III, стр. 305].

bir-и 'голова' || ber ($\sim \leftarrow *pes$) \searrow be '*голова', '*особа', '*сам', откуда род. пад. be-ge 'свой' и т. п.,¹ но и с лат. -psu (эпигр.) || -pse ($\leftarrow *pus$ || *pes) в основе составного i-rse 'сам,² да с латинянами же (а не с турками) общность слова 'дерево', причем чв. uəvəṣ \leftrightarrow уыvəṣ 'дерево' (\swarrow *^o/_u[r]-voṣ) оказывается, конечно, не прототипом латинского ar-bos || ar-bog, но, бесспорно, его двойником, более выдержанным по огласовке двухэлементным (AB) образованием. Это, предполагается, не факты, а отвлеченность, и так вполне основательно может предполагаться лишь при сведении конкретных занятий языком к одним формальным изысканиям, при обращении фонетических «законов» в фетиш, в исключительном сосредоточении работы над которым действительно в «мировом масштабе» отцеживаются комары, но незаметно проглатываются верблюды. Естественно, наши методически вырабатываемые на фактах утверждения, даже бесспорные научные положения, не ощущаются в мире формалистов по методу или мышлению как реальности, и нам даже «сторонниками» яфетической теории в упор ставится вопрос: не отнести ли всю яфетидологию к категории вещаний, в лучшем случае остроумных, разве иногда, при снисходительном, надо думать, отношении и полезных? Естественно, если добросовестный работник-аналитик из такого «сочувствующего» окружения, не один год серьезно работавший над яфетическими языками Кавказа, попав в плане своей исследовательской работы, независимо от меня, к баскам во Франции, не без удивления писал мне в утешение, что в баскском, оказывается, действительно имеются точки соприкосновения с яфетическими языками Кавказа, тут, оказывается, есть реальность, а не «дивинация». А проштудировали ли те, кто считают наши не отдельные утверждения, не отдельные положения, а все построение плодом «дивинаций» или магического измышления, — проштудировали ли шаг за шагом прорабатывавшийся сначала филологически и сравнительно, а затем лингвистически и палеонтологически и в значительной мере печатавший материал?

Думаю, предпосланного введения было бы достаточно, чтобы объяснить, почему мог бы ограничиться в этот раз действительно одним вещанием. Однако вопрос здесь иной, именно: или мне не доведется попасть к готтентотам (сколько по пути исполинских скорпионов!), и тогда все равно ничем не смогу я восполнить недостающих у меня знаний, или удастся хоть повидать и услышать их в родном быту, и нам интересно тогда будет сравнить новые наблюдения с тем, что думается нам теперь, до того непосредственного соприкосновения, в какой, следовательно, мере хорошо работает не моя дивинаторская способность, а метод новой теории.

Речь идет о том, не являются ли готтентоты, занимающие обширную полосу в южной Африке, группой народов, отброшенной от Средиземноморья, как центра того изначального культуротворчества, которое в наши дни (и только ли в наши?) становится мировым. Однако заглавием настоящей заметки «Готтентоты-средиземноморцы» вовсе не имеется в виду предрешать вопрос, точно мы

¹ Н. Я. Марр, Origine japhétique de la langue basque, стр. 230.

² Н. Я. Марр, О слоях различных типологических эпох в языках протейидской системы, ИАН, 1927, стр. 333 сл. [ИР, т. II, стр. 226 сл.].

сейчас же хотим отклонить мысль, что творцы той изначальной культуры могли явиться, наоборот, из Африки в Средиземноморье. Нам достаточно пока принять во внимание, что готтентотский язык (я беру в частности язык нама) находится в известных взаимоотношениях так наз. родства с языками яфетической системы как Кавказа, так и Пиренеев. Заключение, вытекающее из такого положения в интересах средиземноморской проблемы, — ясно, если даже не оказалось бы никаких особых более интимных связей у готтентотского языка с языками заведомо Средиземноморья.

Язык нама не оказывается вовсе первобытным. Он выявляет собою состояние далеко не тех стадий развития человеческой речи, которые мы могли бы признать изначальными. Наоборот, для яфетидолога-лингвиста язык нама стоит на очень высокой ступени развития.

В нем имеется уже словообразование, равно и морфология пространственных отношений (склонение). Моносиллабизм господствует, но не всегда подлинный, часто двухэлементные скрепления сведены усечением к моносиллабизму. Полисемантизм налицо, но не в той мере, чтобы он всегда был нагледен и учитываем без палеонтологических раскопок и изысканий. На помощь затруднениям от полисемантизма выработана тональность (по Леонарду Шульце [Leonhard Schultze]:¹ /, /). Достаточно в пользу принадлежности к позднейшей ступени развития указать на наличие трех грамматических родов — мужского, женского и среднего, а не трех классов или хотя бы попеременно родов с классами, как то наблюдаем в яфетических языках Кавказа, например, абхазском. Родовые признаки (мужск. р → b, женск. s, средн. i) ставятся не в начале слов префиксами, как в абхазском, а суффиксами, как то наблюдаем в ряде других яфетических языков и на Кавказе.

Имеются пережитки диффузных звуков, так называемых прищелкивающих, или всасываемых, но их всего четыре (зубн. + или с, яфет. р; нёбный ≠ или v, яфетический ꞥ; перебральный ꞥ или q, яфетич. ꞥ и латеральный ꞥꞥ или x, яфетический ꞥꞥ), а остальной состав фонем поражает чрезвычайной скудостью и аффрикатов (из сибилантных только «ts», собственно ꞥs, т. е. ꞥ, из спирантных только ꞥ, да kh = ꞥ). Очень ограничены и сами спиранты, равно сибиланты. В языке нет даже звука «ш». Можно сказать, у намайского языка больше приближения в этом отношении к языкам прометеидской системы («индоевропейской»), чем то наблюдаем у большинства яфетических языков Кавказа.

Это приближение сказывается и в десятиричной системе исчисления. Само слово 'десять' и фонетически лишь разновидность общепрометеидского слова, именно наличного с аканием в арм. tas (др.-л. tas-ən), в угрофинском кругу у коми и удмуртов das и в окающей его разновидности *тош → *дош, с позднейшим перебоем у венгров tiz² и у нама — dis-i. Связь этого числительного с представлением о 'руке' в намайском языке может быть усмотрена при палеонтологическом анализе di 'делать' (← «*рука», см. ниже).

¹ Ans Namaland und Kalahari, Jena, 1907, стр. 353.

² Н. Я. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке эрзя и мокша мордовского языка, ДАН, 1927, стр. 143—147 [ИР, т. V, стр. 380—384].

Однако каждому из новшеств сопутствует архаизм, так даже склонению, которое, по отвлечении звательного с общим для многих языков различных систем образовательным элементом $-o \sim -i$, состоит всего-навсего из двух падежей, по нашим представлениям субъективного, или именительного, не имеющего особого оформления, и объективного, который одновременно служит так же, как в грузинском, и винительным и дательным, причем окончанием его, поскольку оно проявляется, служит «а», гласный характер дательного-винительного падежа и в грузинском, да и в языках других систем, здесь в одних в значении дательного, в других — винительного.

Архаизм сказывается в наличии дериватных значений с основными без всякой формальной дифференциации, например, одно слово означает и 'голос', и 'горло'.

Без особого труда выслеживаются пучковые значения, в числе их 'рука + женщина + вода', равно космическо-стихийные 'небо¹ + огонь', resp. 'небо² + вода' и т. п.

Слова не выходят своим составом за пределы четырех элементов (A, B, C, D). Язык нама выявляет факты, устанавливающие, что в значении 'руки' в его словотворчестве были использованы все четыре элемента.

Элемент A: а) сиб. $d_i \leftarrow *d_{iu} \sim do_u \swarrow dor$ [$*рука + женщина + вода$].

I. d_i 'делать' $\leftarrow *рука \rightarrow$ 'образ' в выражении $ma-d_i$ 'каким образом', 'как', $pe-d_i$ 'этим', resp. 'таким образом'.

II. Его разновидность, сохранившаяся с губной огласовкой «о» в виде do_u (из $dor \leftrightarrow *d_{or}$), означала 'воду', как видно из его же закономерных семантических дериватов —

- 1) 'двигаться'. 'путешествовать' — do_u , 'гнать' — do_u (« $doi-xkha$ »).
- 2) do_u - omi 'корабль'. букв. 'водяной дом' (ср. ниже $huri-omi$).
- 3) с полным исчезновением, как в d_i , плавного исхода и с узким губным гласным di в составе скрещенной основы $di-bi$ 'топить', 'погружать в воду'.

Тот же термин с сохранением плавного мы усматриваем, поскольку с 'водой' как жидкость отождествляется 'кровь',¹ в основе dor глагола $dor-a$ 'истекать кровью из носа'; здесь нос ни при чем. dor означало $*кровь$. и с таким значением то же слово появляется в разновидности doi у басбов в их скрещенном из двух элементов (CA) слове $o-doi$ 'кровь'.

В значении же 'воды' его аффрикатная разновидность dur имеется в армянском языке на Кавказе, где в языках шипящей группы, мегрельском и чанском, с зубным на дальнейшей ступени озвончения ʃ . то же слово в виде $\text{ʃur} \sim \text{ʃur}$, resp. ʃi значило $*женщину$, отсюда —

III. М., ч. ʃi 'жена', в дательном падеже ч. ʃur-sə , а затем м., ч. ʃur-i 'vulva'.

Слово в значении 'женщина' не чуждо и намайскому языку, но с огласовкой свистящей группы — $tar+a-s$ 'женщина', основа tar ($\sim \rightarrow tra$ в восточном диалекте в соединении с kue 'человек': $tra-kue$ 'женщина'). $-dal id.$ (в груз. $s-dal$ 'невеста', 'невестка') \sim шм. $gal \rightarrow$ груз. $qal id.$, resp. $qar-$ (в груз. $qar+a-bit-a$

¹ Н. Я. Марр, О полигении семантики, ИАН, 1926, стр. 784 сл. [ИР, т. II, стр. 170].

гермафродит?) и со сванской перегласовкой *der* в скрещенном бск. *an-der-e* 'женщина' (ср. *tar* 'вода' у чанов, да по армянскому деривату 'жажда',¹ груз. *tar* 'ручка', 'рукоять' ← '*рука'). В намайском языке мы замечаем обратное тому явление, что мы имеем у грузин, в речи которых окание вторгается в *ǝol* 'женщина', когда ожидалось бы **ǝal* (↘ шм. *sal* 'женщина'), см. выше — *ǝal*.

b) спир. *ho* ↔ *hu* ← *huy* [↙ *hor* ↔ *hur*] ['*рука + женщина + вода'].

I. 'Рука':

1. *huy* 'помогать', *huy-s* 'помощь' ← '*рука'.

2. *ho*: а) 'находить', 'производить' ← '*рука', б) 'рождать', *ho-s* 'рождение' ← '*женщина' (+ '*рука').

В значении 'руки' сюда примыкает и чув. *χol* ↔ *χul*, разновидности шипящей группы с перерождением *g* в *l*, как то наблюдаем мы и во вкладе из шипящей группы в древнелитер. грузинских *ǝol-o* 'однако', 'но' и *m-ǝol-o* 'единый', одинаково дериватах от 'руки'.² В значении предлога слово с *g* сохранилось и у чувашей в основе *ur* (← *hur*) 'рука', наличной в *ur-lə* 'через' → 'поперек', букв. 'рукой'.

II. В значении 'воды' *hur* (→ *ur* → *u*), обычное слово в баскском, у нама *hur-i* 'море' (← 'вода'), отсюда *hur-i omi* 'корабль', букв. 'морской', resp. 'водяной дом' (см. выше).

В намайском *ur-i* 'прыгать', 'скакать' так же восходит к 'воде+реке', как арм. *ǝal-al* 'двигаться', 'играть', л. *sal-i-o* 'прыгать'. И тогда параллельно с намайским *ur-i* 'прыгать' — *ur+i-r* 'блоха' нельзя не указать на возможную неслучайность созвучия груз. *tkil* 'блоха' (скрещенно: *br-tkil*, *gr-tkil*, *r-tkil*) с груз. *tkal* 'вода+река' и т. п., т. е. получилось бы, что соответственный термин значит 'прыгун', точно подобно крыловской 'попрыгунье-стрекозе' человечество при наречении 'блохи' руководилось образом 'прыгуньи-блохи'.

III. В значении же 'женщины', resp. 'девушки', сохранилось это слово у армян двояко (*ur* ↔ *or*): в скрещенном *ur-h*^o/₁ → *u-h*^o/₁ 'женщина' и в сложном *or+i-ord* 'девушка' (← 'женщина дитя') и т. д. Не можем не обратить внимания и на термин *hawrfa* (ломаное мн. ч. *hur^{un}*) 'гурия', сохраненный арабами не только огвлеченно-словарно, но и материально-культово в исламской религии. Учитывая неразлучимые с ним значения 'женщины' вообще ('белая женщина', 'женщины столичных городов'), равно 'планеты', хотя бы 'планеты Юпитера' и др., а также 'разумения', 'мудрости', нельзя никак исходить при его толковании из 'черноокости' или из соединения 'ослепительной белизны глазных белков с сильной чернотой зрачков', как то толкуется в словарях. Несомненно, мы здесь имеем дело с переживанием отнюдь не завозного, а доисламского местного в Аравии культового термина, как это теперь выясняется также со словами *kurān* 'Коран', и *kurbān* 'жертва'.

Элемент В: *mar* ~ **manṭ* → *man* ['*рука + женщина + вода'].

1) С учетом *mar* ↘ *maā* → *ma:* нам. *ma* 'давать'.

¹ Н. Я. Марр, Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, ДАН, 1927. стр. 83 [см. здесь, стр. 112].

² Н. Я. Марр, О числительных, стр. 89 [ИР, т. III, стр. 301].

2) груз. *maḡ-dvəna* 'правая рука', абх. *a-maā* 'ручка' и др.¹

3) тап: л. *man-us* 'рука'.

4) ↗ *ban* '*рука' → арм. *ban-el* 'работать' и т. п.

II и III. На значениях 'женщина', *resp.* 'мать', и 'вода' у этого же слова *ma* (← *mā* ← *maḡ*) || *va* и т. п. мы можем сейчас не останавливаться, на них не раз приходилось сосредоточивать внимание.

Элемент С: *tap* ← **tan*, *resp.* **šan* (→ *šā*) ↘ **san* ~ *han* → *an* ['*рука + женщина + вода'].

1) Нам. *tap-i* 'нести' → '*рука', груз. *tan: i-tan-s* 'переносит', *mo-i-tana* 'принес сюда' и т. п. В армянском *tan* сошелся с *tar* (элемент А, см. выше), причем эти две основы распределились между главными группами времен так, что *tan*, попав в первую их группу, воспринимается по формальному методу за причастное образование с -n, точно основа *ta*,² от 'руки' же 'касаться' у латинян *tan+g-ere*, с тем же словом в основе, скрещенной из двух элементов (СА, ср. *in-te+ger* 'непочатый').

2) Слб. нам. *šā-šā* 'трогать', 'касаться' ← '*рука'.

šā («zā») 'чувствовать' [← '*касаться'] ← '*рука'.

šā-am («zā-am») 'начинать', *šā-am-s* 'начало' ← '*рука'.

3) Спир. *an-an-a* 'касаться', 'чувствовать' ← '*рука', отсюда *an-an-k* в значении и 'сила' в основе греч. *ἀναγκάζω* 'насилую', и 'необходимость', 'должное' — греч. *ἀνάγκη*.

4) С дессибилияцией *šap* у грузин (в древнелитер. *šap-a*) значит и 'около', 'близ', и 'образ', в обоих случаях восходя к значению '*рука'.

II. Спир. *an* 'женщина' в скрещенном бск. *an-der-e* 'женщина', самостоятельно абх. *an* 'мать', 'самка'.

И с огласовкой «е» в виде *šep* со значением 'женщины' палеонтология вскрывала его в составном слове Средиземноморья, сохраненном греч. *παρ+θέν-ος* 'девушка', букв. 'дитя + женщина'.

Элемент D: *ni* [~ по || *na*] 'должно быть' ← '*рука', *na* 'рука' в скрещенном абх. *a-na+r* 'рука', семантически ср. груз. *der* 'должное' (← '*рука').

Точно так же прослеживаются общие слова из круга хозяйственных терминов и названий домашних животных, не исключая ни 'свиньи' (*gr+i-b*), ни 'лошади', микрокосмических терминов — 'глаз', 'голова', равно 'человек', причем с палеонтологически вскрытым значением 'глаз' намайское слово *mu* встречается с кит. *mu* 'глаз' и т. п.³ Общие же слова из круга названий домашних животных: 'овца' оказывается одним словом с 'коровой', *resp.* 'быком', при одном преимуществе в отношении древности, иногда сравнительно и с яфетическими языками, поскольку у намаев находим одноэлементный состав слов. Так же обстоит дело с 'лошадью' (*ha-r*), название которой успело отложиться еще с подъемом (*ha-ka* → *ga*-) в скрещенных терминах романского мира (*ka-bal*: л. *caballus* и т. п.), а также семитического (евр. *gā-māl* и др., здесь по функциональной семантике

¹ Н. Я. Марр, Сухум и Туапсе, ИГИАИМК, т. IV, стр. 305 [ИР, т. V, стр. 157].

² Н. Я. Марр, Грамматика древнеармянского языка, §§ 243, 245.

³ Н. Я. Марр, Китайский язык и палеонтология речи, ДАН, 1926, стр. 93 [см. здесь, стр. 101].

со значением 'верблюда'), причем вторым элементом *bal* (\searrow *val* → *mal*) те же термины, романский, «индоевропейский», и семитический, увязываются с тихоокеанским Востоком.¹ Полный вид простого названия, элемента А, наличного у намаев в усечении (*ha- / ka-*), в полном виде (*hal / kal*) сохранили изолированные ныне средиземноморцы, из них баски опять сибилантно (*hal ~ sal*), как в скрещенном *sal-di* 'лошадь', так в производном *sal-dun eques*, 'всадник'.

Особый интерес представляет в этом отношении термин для 'хлеба', в намайском имеющийся в виде *ber+1-r* и представляющий простой элемент В — *ber* (как у яфетидов-грузин *rig*), тогда как у греков и латинян мы его откапываем в двухэлементных скрещенных (BC), с аканием — греч. *bal+an* (*βάλανος*) 'жолудь' и лат. *pān-is* 'хлеб' (← **pal-an* 'хлеб' ← 'жолудь'). Тот же *bal* налично и у кавказских яфетидов в ином двухэлементном скрещении — АВ: груз. *qor-bal* 'пшеница', м. *qo-bal* 'хлеб' и т. п.² С колебанием, но все-таки Мейнгоф (Meinhof) считал нам. *ber+e-b* ↔ *ber+1-b* европейским — *bread*,³ но это не совсем так.

Так же обстоит дело и с так называемыми космическими терминами, с тремя 'небесами', т. е. 'небом' нашим, 'небом²-землею' и 'небом³-преисподней', т. е. 'морем', resp. 'водой', а в связи с 'небом¹-солнцем', их дериватами — именами, наречиями, напр., 'вверх' (← *'небо¹'), 'вниз' (← *'небо²', или *'небо³') и глаголами и т. д.

'Солнце' в намайском языке общее с латинским, с более древним для данной формы плавным г в м. *l* — *sol+1-s*, однако с свистящим *s*, как в лат. *sol*, в м. ш, сохраненного удмуртским его эквивалентом *шund-e* (← **шund-e*) 'солнце'.⁴

Любопытны эти слова, сближающие намаев с греками и латинянами, в том смысле, что в греческом, а также в латинском сохранился в качестве пережитков, иногда в скрещенном виде, лексический материал доэллинского населения Средиземноморья. Так, *hur+1-r* 'море', разъясненное выше в связи с бск. *hur* 'вода', и *an-is* 'птица', палеонтологически дериват 'неба' и в этом смысле отождествляемое с шум. *an* 'небо' (→ 'бог'); с этим именно значением сохранены оба слова греками в их термине *ὄρ+αν-ός* ↔ *οὐρ+αν-ός* 'вебо', скрещенном образовании, полученном в наследие, очевидно, от доэллинского населения Средиземноморья. Ведь и *an* 'небо' было в обращении в том же средиземноморском мире, как о том свидетельствуют не только слова с дериватными от 'неба' значениями, наличные в латинском — *annus* (← **han-us*) 'год' → 'время' (ср. ↗ груз. *qan* 'время'), *ann-ul-us* 'кольцо' и др., но и основным значением самого 'неба' в скрещенном термине *Tur-an*, имени 'небесной Афродиты' у этрусков, средиземноморских яфетидов.

С шумерским такого же рода палеонтологически выясняемая близость наблюдается и в названий 'воды', шум. *ā* → *a*, отсюда нам. «а» (чит. *ā*) 'пить', причем

¹ Н. Я. Марр, Китайский язык и палеонтология речи. V. Берская 'лошадь' от моря до моря, ДАН, 1926, стр. 129 сл. [см. здесь, стр. 103].

² Н. Я. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 372 [ИР, т. V, стр. 214]; его же, Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево', ДАН, 1926, стр. 109 [см. здесь, стр. 104]; см. его же, К палеонтологии речи по грузинской лексике, ДАН, 1927, стр. 79—81.

³ *Lehrbuch der Nama-Sprache*, Берлин, 1909, стр. 20.

⁴ Китайский язык и палеонтология речи, I, ДАН, 1926, стр. 94—95 [см. здесь, стр. 102—103].

за «а» устанавливается у намаев значение и 'руки', по дериватному глаголу а + и (\leftrightarrow а + о) 'бросать' и т. п.

Равным образом omi 'дом' (\leftarrow *fo-mi), усеченно om в выражении aio-m-s 'гнездо', букв. 'дом птицы',¹ с его сибилантным двойником somi 'тень' (\leftarrow *po-mi), семантически восходящие, как установлено палеонтологией речи, к тому же 'небу', 'покрову',² в латинском языке имеет отложение, во-первых, в усеченной разновидности do+mi-s 'дом', и, во-вторых, от 'неба' же в линии дериватов 'бог' \rightarrow 'господин' в полной его форме do+mi-us 'господин'. С аканием тот же усеченный вид мы имеем на Востоке у шумеров в a-m 'комната' \swarrow a-r \rightarrow a-b 'жилище', 'дом' (в значениях месопотамских клинописных знаков), на Западе с большей сохранностью элемента В (baу \swarrow baг, resp. ba) сибилантно опять у басков ūa-baу \leftarrow ūa-raу, resp. sa-raу (в составных терминах ao-sa-raу 'свод рта') 'небо' [\leftarrow 'небо-покров' \rightarrow 'дом'], отсюда sa-baу 'крыша', *sarai* для сена'.³

Мы лишь в начале наших изысканий этого порядка по готтентотской группе языков, и если бы дальнейшее более углубленное исследование оправдало начальные шаги яфетидологии в этом направлении в выявляющейся при первом приступе мере, пришлось бы вспомнить о старике Геродоте, который, как заметил еще Теодор Ган (Th. Hahn), автор «Die Sprache der Nama»,⁴ готтентотов знал севернее в Эфиопии, под названием троглодитов (τρογλοδῦται Αἰθίοπες), и характеризовал их язык следующим образом: «γλῶσσαν δὲ οὐδεμίῃ ἄλλῃ παρομοίην νεομίχασι, ἀλλὰ τετρίγασι κατὰ περ αἱ νυκτερίδες»⁵ 'язык же они употребляют непохожий ни на какой другой, а пищат, как летучие мыши'.

Таким образом, новизны мало в возбуждении вопроса о северном происхождении готтентотов. да и в том, что к вопросу подходили по особенностям языка. Теперь подходят к нему уже и более углубленным его изучением. Отмечая это обстоятельство. д-р Карл Зейферт (Seiffert) пишет:⁶ «Еще Лепсиус, он первый, сопоставлял готтентотский язык с хамитическими и высказывал догадку, что «предки готтентотов обитали дальше на севере, где была возможность смешения с хамитами». Немного лет минуло с тех пор, когда Б. Анкерман (B. Ankerman) мог высказываться (стр. 244) так:⁷ «как ни подкупающе звучит эта гипотеза, пока нет никакой возможности перешагнуть с нею через ступень простой догадки вверх к более или менее значительному правдопию». «Ныне же по этому пункту, — заключает он же, д-р К. Зейферт, — становится яснее. Не подлежит более никакому сомнению, что готтентоты принадлежат к хамитам. А по словам фон-Лушана (Luschan) (стр. 419):⁸ «готтентоты не только владеют до-

¹ Усечению огласовки «и» помогло, очевидно, восприятие его как или номинального характера, или родового суффикса -и (средн. род.).

² Н. Я. Марр, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, ИАН, 1924, стр. 225—236.

³ См. N. Marr, Quelques termes d'architecture, désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 143 сл. [русский перевод в ИР, т. III, стр. 203], но здесь без учета элементов.

⁴ Лейпциг, 1870, стр. 22.

⁵ Геродот, IV, 183.

⁶ Totengebräuche und Todesvorstellungen bei den zentralafrikanischen Pygmäen, den Buschmännern und Hottentotten, AfA, новая серия, т. XII, Braunschweig, 1913, стр. 185.

⁷ Über den gegenwärtigen Stand der Ethnographie der Südhälfte Afrikas, AfA, новая серия, т. IV, 1905.

⁸ Afrika in Buschans Illustrierte Völkerkunde, Stuttgart, 1910.

селе хамитической грамматикой, но все, что отделяет их от бушменов, является хамитическим и не воспринято нисколько от бушменов». Однако независимо от того, что сам фон-Лушан особое значение придает пастушескому быту готтентотов с незапамятных времен, подобно хамитам, лингвистический подход у нас не простой формально-сравнительный, а палеонтологический. И, опираясь сильнее на языковедные данные, яфетидологический анализ вскрывает их более сложную органическую увязку со средиземноморским миром по речевой культуре.

И в этом смысле поскольку чем древнее, тем речевая увязка должна вывлекаться глубже и многостороннее вширь всей площади расселения яфетидов и поскольку, следовательно, в догеродотовские эпохи, тем более догомеровские, да доэллинистические, готтентоты могли населять не только северные части Африки, но и далее глубины Средиземноморья и его окружение, постольку интерес представляет палеонтологический анализ племенного названия самого народа нама. Что нама подлинно испокон родное для данного народа название, некогда наименование вошедшего в его состав организующего коллектива, с общим одноименным тотемом, легко видеть из его использования в ряде слов, связываемых палеонтологией речи с так называемым племенным названием или, что то же в источнике, тотемом. На намайском языке не только намай, человек племени нама, соответственно именуется нама-р, равно страна, населенная им, — «нама-phi-р», но и 'знание' [т. е. то 'знахарство', то 'ум', λόγος, у народов уже с более высоким культурным бытом], но и 'говорить', т. е. говорить, разумеется, 'по-намайски', как вообще первично представлялось конкретно всякое говорение — нама, но и 'язык' (анатомический) — нама-s и т. п. Тем же тотемным словом должно было называться в космическом разрезе 'небо' с дериватами, в частности 'небо¹+огонь', герм. 'свет', 'блеск', почему то же слово нама с подъемом m в b, т. е. паба, значит 'блистать', 'светить', паба 'сверканье', 'блистание', паба-sa 'сверкающий' и т. д. Очевидно, утрачен тотем, впоследствии долженствовавший стать божеством, святыней, с тем же названием. В диалектической разновидности, с огласовкой другой группы — окающей (шипящей), его мы имеем пережиточно в л. nīmen ←→ nīmin- (← *nū-mint → nū-mind) ['*тотем', '*бог' →] 'святыня', 'знамение'¹ (ср. вторую часть скрещения с утраченной аффрикатности — mind — со второй частью грузинского, также скрещенного из двух элементов (AB) термина t-mind-a 'святой', 'чистый', древнеслт. t-mind-a).² С огласовкой разнотемной, в зависимости от среды скрещения, и с оканием (шип группы) и аканием (сс группы) то же слово-тотем имеем в унаследованном латинянами от прежних обитателей Средиземноморья личном имени Нума, как назывался теофорно легендарный царь Рима, 'сабинец' Нума Помпилий... И естественно такое заветное название для позднейших обитателей Италии, ибо термин Nu-ma, как nū-men и как па-ма, представляет скрещение из двух элементов DB, впоследствии двух так называемых племенных названий — роша и бера. Более известные по поглотившим их своими наименованиями этрускам и иберам, подобно

¹ Сюда относится, понятно, и помен 'имя', первично 'священное имя',² о чем особо.

² Н. Я. Марр, О числительных, стр. 23 [ИР, т. III, стр. 259].

последним, находившимся уже в явной исторической увязке с эллино-римским протетейдским («индоевропейским») миром, роши и беры были также не только насельниками, но и хозяевами Средиземноморья. Беров, нам известных теперь в удвоенной форме по заветанному от них названию африканских берберов, греки именовали также с удвоением, но с аканием 'варварами' — βαρβαρ-αι,¹ т. е. чуждыми им по языку, но эти баг-баг'ы в своей яфетической среде, до эллинов общесредиземноморской, были прекрасноразумны и свои. Потому, как папа поньше у народа намаев значит и 'речь' ('говорить'), и 'язык', и 'знание', 'разумение', так слово баг-баг в удвоении и без удвоения баг у армян значит, первое — 'язык', 'наречие', второе — 'слово', а его разновидность бап — 'разум'. То же, следовательно, племенное название баг без удвоения в разновидности с закономерной заменой плавного г сибилантом s, оправленное в отношении окончания так же, как рош в et-rus-k'e, звучит bas-k: именуемый так народ «баск» — единственный явный носитель яфетидизма в западной Европе, и тот с отрывом от Средиземноморья, но это теперь. В подлинной же древности все Средиземноморье было во владении рошов, беров и других их сородичей, тогда еще яфетидов, т. е. народов с языками яфетической системы, разумеется, соответственной для тех эпох системы, соответственных ее разнообразных типов.² Тогда-то роши, в скрещении с берами, на европейском берегу Средиземного моря основали город Rō-me Rōma (← *Roш + me || *Roш-ma), ставший впоследствии столицей латинского мира, вообще мира, а на африканском побережьи населяли Нумидию, получившую от них свое наименование, ибо Nu-mid, как nu-men ↔ nu-mn, представляет скрещение рош-берское (DB). Таков же термин Na-ma, но лишь с аканием. Следовательно, нумиды это готтентоты-нама? Нет, еще нет. Но готтентоты, в частности, намаи, намечаются как обитатели северной Африки, сородичи нумидов, они же одно время обитатели и «того берега», как часть доэллинского населения, свободно хозяйничавшего или строившего тогда свое хозяйство по всему Средиземноморью, по всей средиземноморской Афр-евр-ази.

¹ Н. Я. Марр, К толкованию имени «Гомер», ДАН, 1924, стр. 4.

² Н. Я. Марр, Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 19.

Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Без предисловия никак не обойтись, особенно раз работа печатается в органе «Под знаменем марксизма». Когда в сродном органе «*Unter dem Banner des Marxismus*» была помещена работа на немецком языке «О происхождении языка»,² то это могло найти оправдание в интересе марксизма к генетическому вопросу об языке, если бы в ней не было и иных моментов из круга марксистской методологии. Такие отдельные моменты присущи и печатаемой ныне статье, однако появление ее в настоящем журнале имеет оправдание в целом по выявлению монистического характера глоттогонии, т. е. созидания звуковой речи человечества.

Вопрос об увязке языков всего мира. Хотел по вопросу проработать наметившееся построение после занятий за границей, особенно если бы удалось завершить свои зарубежные занятия побывкой в южно- или среднеафриканской языковой среде. Но обстоятельства сложились иначе. Хотелось поделиться мыслями по генетической объединяемости всех языков с читателями «Под знаменем марксизма». Ведь этот вопрос ближайше сродни и органически соседит с проблемой о происхождении речи. Однако неожиданно пришлось носившееся передо мной построение изложить с сосредоточением внимания на турецких языках. К тому был особый повод. Повод простой и ясный — обращение турецкой аудитории Азербайджанского университета сказать что-либо про турецкие языки с точки зрения яфетической теории. Это было в Баку. Было интересно в отношении приемлемости настоящий опыт проверить в Академии истории материальной культуры в кругу специалистов: он был прочитан на объединенном заседании ее Секции генетики культуры и Яфетического института Академии наук. Результат? Мне неизвестен. В то же время тема возникла по имманентной силе самой яфетической теории от накопления новых материалов и связанных с ним лингвистических освещений и обдумывалась раньше в совершенно иных целях, мысль о ней нарастала и преследовала давно, но независимо от посторонних запросов воплотилась в конкретное задание после того, как пришлось заняться африканскими языками, особенно поработать над готтентотским.³

На страницах настоящего журнала ниже дается то, что и в какой форме отлилось в последней редакции для прочтения в кругу специалистов — без всякой урезки. Думаю, так лучше, чем дать в пересказе голое схематическое изложение. Я имею в виду чрезмерную местами нагрузку примерами из экзотических для читателей языков в сопровождении специальных лингвистических

¹ [Напечатано в журн. «Под знаменем марксизма», 1927 г., № 6, стр. 18—60.]

² *Jahrbuch* 1926. Русский оригинал теперь опубликован в издании Института народов Востока СССР «По этапам развития яфетической теории» [стр. 286—335 = ИР, т. II, стр. 179—209].

³ [Н. Я. Марр, Готтентоты-средиземноморцы, здесь, стр. 115—124.]

мотивировок. Но если избегать экзотичных моментов, в кругу ученых-специалистов положение наше еще хуже, там также экзотичны опорные для нас языки, да экзотичны еще более вообще наши мысли, собственно, сами общие положения яфетической теории. Между тем без предварительного знакомства с ними трудно было бы понять настоящую статью и по устранении из нее того, что может казаться излишним балластом и что, однако, придает утверждениям известную конкретность: речь все о лингвистических фактах и выкладках. Здесь особенно меня смущает мысль о незнакомстве читателей с четырьмя элементами, к которым восходят, по яфетической теории, все слова, между тем ими мы пользуемся и в настоящей работе так, как производящие химические анализы умением разлагать, например, воду на водород, кислород и т. д. Четыре элемента обозначаются прописными латинскими буквами A, B, C, D: это те элементы, которые именовались племенными названиями — «сал» (A), «бер» (B), «ион» (C) и «рош» (D), это четыре основы, каждая в многочисленных, казалось бы, бесконечно многочисленных закономерных разновидностях, зависящих от различных социальных группировок. Мы уже не говорим о пользовании в настоящей статье и звуковыми соответствиями, так наз. фонетическими законами, так, как решающие арифметические задачи — таблицей умножения. Это звуковые соответствия языков по тем же социальным группировкам, хотя по традиции эти группировки называются фонетическими формальными наименованиями, по технической роли в них звуков согласных или гласных — сибилантная и спирантная ветви, свистящая и шипящая группы сибилантной ветви и т. п.

Раз статья печатается в последней редакции, обращенной к академическим кругам, мне трудно устранить из нее места боевого момента, открытую самозащиту против агрессивных безответственных выступлений, за пределами вашего достижения. делать вид, что все благополучно по яфетидологической работе. Может быть, теперь было бы недооценкой общественного к ней внимания называть проработанные на материале яфетидологически положения сказками, самим нам попрежнему квалифицировать их так, довольствоваться аудиторией в пределах хотя бы ни к чему не обязывающей готовности слушать очередные забавные сказки. во чем лучше, когда каждое с трудом добытое положение нового учения о языке противники и даже друзья относят в категорию «вещаний». Во всяком случае, чтобы не было никакого недоразумения по достаточной нашей ориентированности касательно реального отношения к яфетидологическим изысканиям, в частности, особенно к моим работам, статье я предпосылаю вступление из печатающейся в Известиях Академии наук статьи моей «Готтентоты-средиземноморцы»,¹ предпосылаю его тоже почти без урезки:

«Один из кавказских критиков не яфетической теории, нет (таких пока я не видел и не слышал, если не называть критикой голословные отрицания или, что едва ли лучше, извращенные суждения), а моего темперамента, выразил довольно четко ту мысль, что как захотел я что-либо, изрекаю и так и оказывается; следовательно, по щучьему велению; так вещал я: «да будут яфетические языки

¹ [См. здесь, стр. 115—116.]

в родстве с семитическими», и стали они таковыми, или: «да будет баскский язык яфетическим, т. е. в родстве с яфетическими языками Кавказа», и так и стало. Можно бы это продолжить весьма долго с этими «фантастическими» становлениями, не щадящими ни близких, даже родных мне грузин, которым, хочешь не хочешь, приходится быть все-таки в родстве с семитами, даже с армянами, ни юкагиров и более высококультурных китайцев, ныне жертв не только пушек просвещеннейшей Европы, западно-европейской культуры, но и яфетидологических вещаний, отводящих им место заодно с яфетидами Кавказа, и, о, ужас, юкагирами и, отныне, также готгентотами, быть в одном союзе работников просвещения, творивших начальные основы европейской культуры в Средиземноморьи и до и римлян и эллинов. Какой культуры? Эгейской? Может быть, более древней. Это вопрос уточнения, вопрос для палеонтологии речи второй очереди. Не забыть лишь еще двух фактов: 1) приближение «дикарей» Америки к этому занесенному забвением культурному миру в порядке научно-исследовательского прорубания дороги в дебрях лингвистического леса, приближение их и югом (увязкой через Индию) и севером (увязкой через палеоазиато-финские полосы) и 2) стоящий вне всякого сомнения зияющий разрыв населения Восточной Европы с Западной от выросших позднее народов нового языкового типа и новой системы языков, прометеидской (так наз. «индосвропейской семьи»), вследствие чего сейчас то у финнов Вол-Камья, да и Балтики, то у чувашей, у последних компактнее и систематичнее, обломки старых связей не только с яфетидами Кавказа (ныне и с исторических эпох — Кавказа, в те отдаленные эпохи — Средиземноморья), но и с яфетидами Запада, басками. Достаточно сослаться на общность числа 'десять' по палеонтологическому анализу, у мордовцев и приморских финнов с ними — бск. 'h¹a+maŋ ↙ *ka-maŋ || суоми kymen (← *kürmen) || морд., и мокша и эрзя, ke+men, а у чувашей на общность термина 'голова' ruç не только с бск. bur-u 'голова' || ber (← *pes) ↘ be 'голова', '*особа', '*сам'; отсюда род. падеж be-re 'свой' и т. п.,¹ но и с лат. -psu || -pse (← *pus || *pes) в основе составного 1-pse 'сам', да с латинянами же (а не с турками!) общность слова 'дерево', причем чув. 'дерево' уывеç (↙ *fo [r] voш) оказывается если не прототипом лат. ar-bos || ar-bor, то во всяком случае более выдержанным по огласовке двухэлементным (AB) образованием. Это, предполагается, не факты, а отвлеченность: да, естественно, отвлеченность при одном условии, при сведении конкретных заятий к одним формальным изысканиям, при обращении в фетиш фонетических «законов», в исключительном сосредоточении работы над которым, действительно, в «мировом масштабе», отцеживаются комары, но незаметно ни для кого проглатываются верблюды. Естественно, наши методически вырабатываемые на фактах утверждения, уже бесспорно научные положения, не ощущаются в мире формалистов по методу или мышлению как реальности, и нам даже «сторонниками» яфетической теории в упор ставится вопрос об отношении всей яфетидологии к категории вещаний, в лучшем случае остроумных, а иногда, может быть, при снисходительном отношении и полезных. Естественно,

¹ Н. Я. Марр, О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы [ИАН, 1927, стр. 333—344 [ИР, т. II, стр. 224—233].

если добросовестный работник-аналитик из такого сочувствующего окружения, не один год серьезно работавший над яфетическими языками Кавказа, попав в плане своей исследовательской работы, независимо от меня, к баскам, не без удивления писал мне в утешение, что в баскском, оказывается, действительно, имеются точки соприкосновения с яфетическими языками Кавказа, тут, оказывается, есть реальность, а не «дивинация»...

«...Думаю, предпосланного введения было бы достаточно, чтобы объяснить, почему я склонен был бы ограничиться в этот раз действительно одним вещанием. Однако вопрос здесь иной, именно или мне не доведется попасть в готтентотам (сколько по пути исполинских скорпионов!), и тогда все равно ничем не смогу я восполнить недостающих у меня знаний, или удастся хоть повидать и услышать их в родном быту, и нам интересно тогда будет сравнить новые наблюдения с тем, что думается вам теперь до этого непосредственного соприкосновения, в какой, следовательно, мере хорошо работает не моя дивинаторская способность, а метод новой теории».

I

Арабы существовали до ислама, до мусульманской религии, основателем которой является Мухаммед. Существование арабской культуры свидетельствуется письменностью за более чем тысячелетия до хиджры, за многие столетия до христианской эры. Свидетельствуют о ней архаично-арабские, так наз. сабейские надписи. О высоте культуры и самих тех арабов, в среде которых возник ислам, лучше всего свидетельствует тот факт, что в распоряжении основателя новой религии, Мухаммеда, находился изумительно гибкий язык, развитый для пошления любой культуры, классический арабский язык. Классический арабский язык не имел никаких оснований уступать в универсальности любому классическому языку Европы, греческому или хотя бы латинскому, уступать по охвату своей выразительности и способности фиксировать в скульптурно-выпуклых выражениях все виды и ступени мышления человечества, удовлетворять как орудие общения всем потребностям человеческой жизни, от грубо-материальных до высшей отвлеченности, от интимно-сокровенных и узко-племенных до широкой мировой и международной общности. На этом формально вполне развитом языке мировых возможностей, позднее фактически мировых ценностей, была литература, арабская же поэзия, сохранились сами поэтические произведения арабских писателей, называемых доисламскими. Даже религиозное предание, сообщая миф, что Коран не сотворен, а дан самим богом готовым для проповеди, имеет в виду содержание священной книги и ее безукоризненную формулировку на этом чудном и еще тогда формально высококоразвитом языке, арабском языке. Предание не имеет в виду создание в этот момент с Кораном и самого арабского языка. Никто всего этого не отрицает и не может отрицать. Никто не может отрицать и того, что факт существования до возникновения ислама высококоразвитого арабского языка свидетельствует о большой культурной работе в самой арабской племенной среде, о каком-то длительном и мощном процессе внутренней

общественной жизни и внутреннем созидании внутренних же культурных факторов готовившегося великого общественного сдвига. Однако, когда заходит вопрос о возникновении мусульманской веры, так быстро и как бы чудесно ставшей мировой религиею, источник происхождения ищут везде и во всем у чужих, не забывается несколько просветительная роль «аджемов», т. е. прежде всего неарабов, иноземцев, сирийцев, но особенно персов, выдвигается их роль, переживаний древнего Ирана, его древней культуры в оформлении самого нового учения, в обогащении мусульманского просвещения, источник происхождения ищут в чужих древних религиях, маздаенской, иудейской, как это ни странно — даже в христианской, но никаких систематических изысканий, серьезных попыток связать религию ислама в целом с доисламской религиею, с доисламскими верованиями самих арабов.

Любопытны в этом отношении этюды К. С. Капталевой по отдельным мусульманским религиозным терминам.¹ Глубже и шире пытается ставить вопрос о связи мусульманской терминологии с доисламской языческой религиею д-р Дитлеф Нильсен (Dr. Ditlef Nielsen) в только что появившемся (1927 г.) совместном с Гоммелем (Fr. Hommel) и проф. Ник. Родоканакисом (Nik. Rhodokanakis) издании «Handbuch der altarabischen Altertumskunde». С устремлением нащупать корни нового учения еще в сабейско-химияритской общественности и ее религиозных представлениях, все в плоде экономического оживления от индийско-африканской торговли, проф. Родоканакис, не находя данных у доисламских арабских поэтов VI—VII веков н. э., признает именно Коран подлинным первоисточником не только новой религии Мухаммеда, но и язычества того времени.² Однако одна ласточка весны не делает. Ссылаясь на множество языческих переживаний в новой христианской цивилизации и указывая соответственно на возможность располагать сокровищницей подобного материала и для ислама в нынешней народной жизни Аравии и Абиссинии, названный автор признает сам, что об этом материале мало у нас осведомления. «Путешественники, обследовавшие эти страны, — разъясняет он, — натурально больше значения придавали географическим наблюдениям, занятиям языком и собиранию надписей, чем изучению фольклора, которое требует более длительного пребывания на месте и многолетнего интимного общения с народом и языком», к тому же старый метод обработки наличных источников способствовал составлению лишь неясного и неправильного представления о мире языческих богов. Все это справедливо, как и ссылка в оправдание арабистов на то, как «темны и как много споров вызывали этимологии и значения таких важных и чаще встречающихся имен богов, как Асклепий, Аполлон, Афродита у греков, Эсмун, Яхве (Яху), Nadad, Апур, Мардук и Иштарь у семитов».³

Есть, таким образом, первые попытки кой-какие термины истолковать как наследие от старины. Однако здесь самый основной из числа мусульманских терминов, именно название священной книги нового учения, производится из

¹ ДАН, 1926, стр. 52—57.

² Ук. с., стр. 184.

³ Стр. 186, 188, 189, 190.

арамейского языка, доказывается всерьез имеющимся у европейских исследователей научным методом, что Коран немножко измененнос, т. е., следовательно, немножко испорченное чтение арамейского *kiruana*. По этому исключительной важности архаическому термину, да заодно неразлучному с ним не менее важному, особенно в быту, двойнику — *kirban*, культовым терминам, как выясняется, одинаково доисламским, теперь в нашем распоряжении новые данные из палеонтологии речи. Но мы еще года полтора тому назад в работе «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'» касательно 'корана' писали.¹ «Один из разительных примеров анахронистического восприятия 'книги', как термина происходящего от глагола 'читать', мы имеем в термине *koḡān* [←**koḡʕan*]. Если бы у нас религиозное учение, хотя бы мусульманство, изучалось свободно от письменно-культурных традиций, в полной мере учитывались бы подлинные этнологические (следовательно, социальные) моменты в возникновении ислама, то давно бы было установлено, что **koḡ-ʕan* → *ko-tān* [двухэлементное, именно АС] сал-ионское доисторическое образование, раньше 'книги' означало 'племенного бога' [еще раньше 'тотема' определенного хозяйственно-общественного производственного коллектива] и что с ним находится в связи арб. *kir-ʕ-ad* 'судьба', 'жребий', равно 'клеймо' и 'знак'».

Но вообще, когда речь об арабах-мусульманах, упоминание о доисламской вере является каким-то декоративным придатком, арабы и мусульмане сливаются в один нераздельный цельный образ, с одной стороны, наибольшей чистоты арабской природы, с другой, для многих, наибольшей как бы также природной чистоты исламского учения. И в этом нет ничего удивительного, ибо до сих пор в распоряжении ученых нет действенного метода, есть лишь формальный метод, а это не метод, это метод внешней прагматической увязки фактов, но не метод анализа внутренних генетических факторов известных событий, независимо от даже личных стремлений героев событий, независимо от самих вождей, казалось бы, вершителей фактов. И в мире ученых, занимающихся и арабами, нет метода, диалектически вскрывающего общественный смысл и общественные корни развернувшихся так бурно, победоносно религиозных всходов из их, арабов, родной общественности.

Поэтому удивительно ли, что нечто подобное в еще менее состоятельном виде, в форме, курьезной до смешного, происходит, когда речь возникает о турках, турецкой культуре и турецком языке? Рассеянные на обширном пространстве от крайних пределов глубокой Азии до Средиземноморья, представляющие, по совокупности расселения в различных районах, ряд ступеней культурного развития, каждая неразрывно связанная с хозяйственно-общественной жизнью соответственного территориального объединения, турки под пером ученых специалистов трактуются как надстроечные социальные ценности, отвлеченно от истории материальной культуры и общественных форм каждого давнего района, трактуются они в разрезе отвлеченно-религиозных или отвлеченно-лингвистических или общих отвлеченно-этнологических интересов, без увязки с окружением,

¹ Книга о книге, изд. Института книговедения ГПБ в Ленинграде, 1927, т. I, стр. 75 [ИР, т. III, стр. 240].

с его конкретной жизнью. Результат налицо. При этнологическом интересе, как только с отходом от статистики этнографических фактов и фактических же этнографических наблюдений начинается исследование, например, такого общечеловеческого на определенной ступени развития социального явления, как побратимство, или молочное усыновление в Крыму в турецкой среде, явление изолируется от нетурецкого окружения, освещается и разъясняется как общетурецкое, и когда оно же оказывается в том же или соседнем районе, но не в турецкой среде, напр., в кавказской, яфетической, то это объясняется вкладом турецкой культуры, институтом, занесенным турецкой миграцией.

При культурно-историческом подходе, неизбежно с учетом отвлеченно-религиозных интересов, турки все мусульмане, за исключением якутов, и этого достаточно, чтобы в мусульманской культуре видеть и лицо и основу общетурецкой культуры, и когда эта «национальная» культура в различных районах оказывается существенно отличной и по идеологии, и по формальным признакам, то генезис каждого из этих районных культурных миров турецких народов при единственном пока в академическо-научных кругах формальном методе разъясняется исключительно как результат действия той или иной господствующей культуры на турецкую среду или порождение даже одного взаимодействия различных мировых культур в той же турецкой среде. Турецкая же среда лишь пассивна и как бы случайно приемлет то или иное влияние или переплет столкнувшихся влияний. И эта чудовищная переоценка творческой силы господствующих иноземных культур и иноземных языков мирового масштаба в такой степени понижала, будем откровенны — принижала, значение самих турецких народов в созидании хотя бы своей собственной культуры и вселяла недоверие в самобытность даже технических средств в их речи, в независимое в ней существование культовой терминологии, что и здесь бесспорные турецкие слова этого порядка становились объектом самых фантастических построений и толкований, лишь бы найти им иноземное происхождение. Одним из наиболее ярких примеров такой трактовки подлинно коренных турецких слов является случай с термином *feleb* 'бог' и происходящим от него многозначным *felebi* в связи с сохранением культа своего родного бога в сокровенных институтах новой для турок религии, мусульманской, название высокого сана в ордена дервишей, а в порядке классового использования — 'благородный', 'изящный', а затем и (как по-французски, *petit-maitre*, буквально 'господинчик') 'щеголь', и ряд других значений. Явное дело, что такое разнообразие значений социально установлено за термином за долгий период обращения его, родного слова, в различных территориальных объединениях, в зависимости от общественной структуры каждого из них, начиная от Средней Азии и Туркестана. В древнейшем литературном памятнике, происходящем из Средней Азии, и засвидетельствован впервые письменно термин, всплывающий в Малой Азии и на лазурных берегах Босфора, с наличием в таком древнем памятнике османской речи, как еще издаваемые акад. Залеманом так наз. сельджукские стихи. Мы уже не говорим о позднейшем внесении чрезвычайно важного и культово-мистически и классово-общественно турецкого термина, именно в данной его конкретной форме, в языки всех тех народов, с которыми турки

приходили в более или менее тесные народные массовые связи, независимо от всякой письменности и классовых национальных языков, т. е. в языки курдов, армян, греков, русских, у последних с внедрением в их аристократическую среду знатного турецкого рода «Целибеевых».

И что же ученые доказывали в лице русских представителей европейского ученого мира по туркологии и исламу, в числе их в лице академика Розена, профессоров Смирнова и Мелиоранского, из русских ориенталистов, с особенным напором заостривших внимание на этом термине, как мы теперь знаем из палеонтологии речи, бесспорно, можно сказать, кровно проработанном родном турецком слове широкого по его распространению размаха и глубоких переживаний по социальной разности его турецкого же осмысления?

Акад. Розен впервые поставил серьезно, с точки зрения научного обоснования, вопрос о происхождении этого культового и, прибавим, классового социального слова турок, как было то почти общепринято, из термина христианского культа 'крест' на семитических языках — арб. *salīb*, сирийск. *šlība*,¹ причем, историк по методу, автор с тонким чутьем всегда глубоко продуманных исследовательских работ и заметок, особенно интересовавшийся также литературными и вообще культурными взаимоотношениями и в науке обычно обособливаемых миров исламских и христианских народов, арабист Розен с широким ориенталистическим кругозором, знаток и персидского и турецкого языков, свою мысль об указанном семитическом, именно сирийском происхождении турецкого слова обосновывал культурно-исторически. Он увязывал внесение этого христианского термина в Среднюю Азию и усвоение его турецкой средой, как слова со значением 'бог', с известной миссионерской деятельностью сирийцев-несториан по пропаганде христианства и насаждению его, между прочим, и среди восточных турок.

Проф. В. Д. Смирнов, турколог-османист, происхождение того же турецкого термина искал также вне турецкого мира, в одной из чужих культурных житниц общепризнанного значения, именно в греческой житнице,² т. е., руководимый филологическим методом, свидетельством употребления или неупотребления термина в письменных памятниках, слово генетически сводил к одному отрезку малоазийского района расселения турецких племен, где турки-османцы находились в тесном общении с греками, и к производству этой тесной лаборатории и относит русский турколог специально *šelevi* 'щеголь', 'красноречивый', никак, однако, не отделимый от культового термина *šelev* или *šalāb* с органически ему присутствующими многочисленными деривативными значениями. Проф. Смирнов усмотрел в слове *šelevi* греч. слово *κχλλιεπιής* 'красноречивый', и всю силу обоснования своей мысли клал на утверждение звукового перехода греч. *χ* в турецкий *š*, что ему все-таки не вполне удавалось.³

Проф. П. М. Мелиоранский, турколог-лингвист, с прекрасной школой формального учения об языке, индоевропейской лингвистики, соответственно подошел

¹ Дополнительная заметка о слове «челеби», ЗВО, т. V, 1891, стр. 304—307.

² Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. *Calerpinus Cyrisceibes* (К вопросу о происхождении и значении слова челеби), ЗВО, т. XVIII, стр. 1—70.

³ Ук. соч., стр. 61 сл.

к вопросу и устанавливал также филологически, а не лингвистически, что употребление слова, судя по письменным памятникам, тяготеет корнями скорее к югу, к малоазийским сельджукам, Азербайджану, кавказскому миру, а не к востоку, турецкому Востоку, Туркестану и далее. И он несколько не был прочь расстаться с ним как с турецким и предоставить его исканиям на чужой стороне, хотя бы на кавказской почве.¹ Кстати, он в личных беседах, возражая против происхождения от греч. *καλλιετής*, указывал на сомнительность звукового перехода греч. *χ* в турецкий *ş* перед гласным «а». Не могу умолчать и о своем грехе в трактовке того же турецкого термина *şelebi* со всеми его производными. Речь о работе моей, относящейся к 1907 г. и помещенной в XX томе ЗВО² под заглавием «Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии)». Яфетическое происхождение слова было уловлено и тогда, т. е., как сказали бы мы теперь, была ясна принадлежность слова языкам еще яфетической системы, восхождение его к языкам системы доисторической для языков других систем, системы, предшествующей им всем, но прежде всего тогда, 20 лет тому назад, о непосредственном генетическом примыкании турецких языков к яфетическим не могло быть и речи, группа турецких языков тогда, на той ступени развития яфетической теории, и нами мыслилась особой не системой, а семьей с своим совершенно независимым, разумеется, глубинно-азиатским происхождением. С другой стороны, яфетическое языкознание, правда, и тогда не чуралось увязки изучения лингвистических явлений с культурными течениями других сторон человеческой жизни, но владело методом лишь сравнительным, фактически все-таки формальным. В результате, отстаивая ныне уже бесспорно правильную мысль об яфетическом происхождении термина и у курдов (незидиев) с их языческой религиею, и тогда увязывавшихся по языку, несмотря на также бесспорный иранизм их современной речи, с яфетическими народами, мы находили проводников доисторического культурного термина в мистических культовых организациях Малой Азии со включением ордена дервишей. Словом, мы строили свое дело, доказывая мысль о прохождении *şeleb'a* со значением 'бог' к туркам из доисторического населения Малой Азии, насыщенной и позднее переживаниями архаических религий дохристианских и домаздаянских.

Вся эта часть работы сохраняет свою учетную силу и по сей день, но я отстранял сам турецкий язык, как искони родную среду того же термина, подобно всем ориенталистам, в числе их и туркологам, и искал его появления в Малой Азии, тоже чужой турецкому миру общественности. И это иначе не могло быть в яфетидологической работе того времени, между прочим и потому, что метод был формально-сравнительный и, естественно, термин, который, исходя из языков бесспорно яфетической системы, в то же время имеет, как конкретно теперь это разъясняется, неразрывные палеонтологические узы с коренным составом турецкого словаря, равно с чувашским, с трудом удавалось отождествить

¹ П. М. Мелиоранский, К вопросу о значении и происхождении слов «чалаб» (чадал) и «чалабі» в турецком языке, ЗВО, т. XV, стр. 036—043.

² За 1910 г., появился в 1912 г.: ЗВО, т. XX, стр. 99—150.

также с бесспорными его двойниками — терминами таких яфетических языков, как сванский, мегрельский, грузинский и др.

Наконец, при господстве старого формального учения об языке, верного себе и на практической работе в области урало-алтайских языков или осбо турецких, нисколько не менялись основы исключительно формального подхода и к турецкой речи, многочисленным турецким языкам и наречиям. В итоге, конечно, имеем ряд опытов соответственной классификации языков, естественно формальной и потому (пожалуй, прежде всего потому), что турецкие языки генетически не только не разъяснены, но и не освещены ни в какой мере. Генетический вопрос о них, т. е. вопрос о происхождении турецких языков, по существу никем и не ставился. Всем известно, что турки происходят из глубин Азии. Следовательно, там они возникли. Слитературной активностью турки известны с VI в. и если китайцы их знают почти за целое тысячелетие до того, с III или II века христианской эры, то специалисты нас учат, что «турецкие языки отличаются консерватизмом, так как памятники от VI в. говорят о таких же диалектических группах, какие существуют и в современности». Выходит, невозмутимый консерватизм на протяжении одной тысячи трехсот лет. Тем более турецкие языки могли проявить свою «природную» консервативность не одну тысячу прежних лет, следовательно, и тогда, когда о них нашли нужным упомянуть китайцы, и значительно раньше. Все это так. Более того, нам хорошо известно применение такой причинности, при отсутствии действительного объяснения, и к другим языкам. Известный лингвист Карлгрен совершенно серьезно пишет про консерватизм китайцев в отношении речи: «Основание, почему был удержан древний язык, это неотвратимая сила традиции в Китае». Но языки не создание природы, у них нет никаких особых отприродных качеств, даже консерватизм, насколько он действительно присущ турецким языкам, имеет свою историю. С консерватизма не начинался созданный трудовым человечеством культурный мир, не могли с него начаться и турецкие языки. Словом, вопрос о происхождении турецких языков также нельзя отводить как уже созревшую научную проблему, без которой ни на шаг нельзя дальше продвинуться вперед в их изучении и, действительно, целостном осознании, как и нельзя научно мириться с признанием прародины турок в Азии только потому, что они массово обретаются там¹ и что их знаем мы там же с первых существующих о них письменных свидетельств, точно так же, как известно, что нахождение их, да венгров, в Передней Азии и Восточной и Средней Европе, есть факт позднейшей миграции. Но ведь остановка выбора турецкого племени на том или ином районе, в частности на глубинной Азии, как месте своего пребывания, факт, предшествующий всякому письменному свидетельству, всякой письменности. Тем более вне компетенции письменных источников и методов филологическо-исторического исследования находится вопрос о происхождении турецкой речи и о месте этого происхождения, следовательно, своего рода прародине. В то же время прародиной турок, конечно, нельзя призвать Азию по принципу французской поговорки: j'y suis, j'y reste 'я там

¹ Впрочем, и этого сказать нельзя.

нахожусь, я там и останусь', т. е. по внешнему свидетельству факта, известного короткой исторической памяти человечества — короткой сравнительно с судьбами возникновения и развития турок и турецкой речи.

Надо учесть такие социально громадной важности и в мировом масштабе явления, как согласованная организованность по речи многих десятков миллионов населения Евразии, колоссальную работу многих не тысяч, а десятков тысяч лет человечества, отражающую соответственные этапы развития хозяйства и общественных форм и в этом мировом глоттогоническом процессе возникновение и развитие турецкой речи, с наличием и сейчас, при численности турок не менее трех десятков миллионов, свыше трех десятков турецких языков и наречий; надо учесть сведение первичных расхождений этих языков и наречий, чем древнее, тем более многочисленных, к одному настолько общему типу, что самостоятельные некогда языки являются ныне лишь наречиями и говорами. Надо учесть и обратное явление: местами бесспорное независимое своеобразие некоторых представителей турецкой речи, — своеобразие, проистекшее от скрещения с первоначальными языками тех районов, где турки ныне являются массовым населением края. Спора нет, это результат на памяти истории происшедших миграций из Азии, предполагаемой прародины турецкого племени, а также в процессе продвижения турецких языков в самой Азии восточнее и севернее к палеоазиатам. Связи турецких языков с угрофинскими языками, с их наглядным формально-типологическим сродством при значительном, часто, казалось бы, полном расхождении в словаре и в его значимостях, выявляют еще ббльшую сложность того глоттогонического процесса, порождением которого являются турецкие языки, так наз. турецкая семья языков. Сложность того же глоттогонического процесса усиливают те намечающиеся связи турецкой речи с монгольской, на которой настаивают наиболее сильно вооруженные в настоящее время представители и туркологии и монголистики.

Мы все не выходим пока, во всяком случае стараемся не выходить из круга знаний, научных проблем и методов, применяемых к этому генетически особому по сей день миру языков, т. е. мы стараемся не выходить из круга знаний, научных проблем и методов старого учения об языке, формального учения, построенного по образу и подобию, главное — по духу индоевропейской лингвистики. Иначе мы должны бы указать на сугубое, если не более, осложнение все того же глоттогонического процесса, плодом которого является турецкая не семья, а лишь система языков, если бы мы захотели ставить сейчас на вид туркологам восхождение турецкой системы к языкам яфетической системы, судя по наметившимся уже увязкам через чувашский и финские языки, да и независимо и непосредственно.

Итак, не выходя из круга интересов тех научных проблем, которые выдвигает и с которыми традиционно считается поныне господствующая лингвистика и современная туркология, обоснованная все на старом учении об языке, мы могли бы поставить на очередь как также бесспорную научную проблему вопрос об утверждении туркологами-лингвистами консерватизме турецких языков и об отношении к нему того предшествовавшего, очевидно, длительного глоттогонического

процесса, в результате которого мы имеем у них, турецких языков, с одной стороны многогранные связи различных эпох с языками угрофинскими и монгольскими, с другой стороны — сведённые многочисленных разновидностей турецкой речи к той их постепенно устанавливавшейся закономерной согласованности, статике всех конкретных турецких языков, которые в сумме с незапамятных для старушки истории времен составляют особую речевую систему тесно сближенных до состояния одного языка с диалектами, говорами и наречиями, а вовсе не группировку ряда самостоятельных языков, как мы это наблюдаем в так наз. индоевропейской семье, системе протетидских языков. Лингвистически близким соотношениям турецких наречий между собой нельзя найти аналогии даже в тех группировках, в которые внутри системы протетидских языков успели сложиться, особо германские языки, особо романские языки, особо славянские языки и особо иранские, находящиеся также в громадном большинстве и внутри своих групп во взаимоотношениях самостоятельных языков, а не диалектов, наречий и тем менее говоров. Мы оставляем совершенно в стороне от всех этих групп наиболее оторванный язык протетидской системы, греческий язык, как бы беспризорный в одиночестве, хотя и наиболее изученный. Турецкая группа взаимоотношениями входящих в ее состав языков, казалось бы, ближе стоит к взаимоотношениям языков, составляющих так называемую семитическую семью, но семитические языки, так близкие друг к другу в большинстве, как скорее наречия, чем языки, все-таки дальше отстоят друг от друга, чем турецкие, в своих взаимоотношениях: семитические оказываются друг с другом в более далеких отношениях, если даже не учитывать тех расхождений, которые вносит в них, эти семитические языки, принадлежность их к различным исторически известным хозяйственно-общественным коллективам и в связи с этим к различным мировоззрениям, различным религиозным учениям мирового характера, месопотамскому, иудейскому, или моисееву, христианскому и мухаммеданскому.

Следовательно, какая громадная общественная работа, какой громадный отражающий ее динамический языкотворческий процесс пройден турецкими языками, чтобы достигнуть того статического состояния, того консерватизма, который отличает, мол, турецкие языки, по общему мнению самих туркологов, и, конечно, не может их не отличать в особо повышенной степени еще... почему? Потому, что турецкие языки доселе изучаются формальным методом старого учения об языке, индоевропейской лингвистики.

И в чем состоит это изучение в смысле выяснения их генетической связи хотя бы внутри самой так наз. турецкой семьи? В выработке классификации турецких языков и наречий по исключительно формальным признакам, отчасти звуковыми, отчасти морфологическим. О десятках языков миллионных масс,¹ ныне сближаемых, главным образом, своей речью, особенно живой речью, мы узнаем, что различные народы этого круга друг от друга в этом отношении отличаются тем, что:

¹ «Около 26 миллионов», писал еще в 1896 году Н. А. Аристов в «Живой старине» (вып. II, год шестой) в работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», стр. 277.

1) одна группа в своих языках употребляет звук *g*, когда другая или другие группы пользуются звуком *z*,

2) другая группа противопоставляет полугласный «у» звонкому согласному *d* других языков,

3) третья группа в слове *ḡaḡ* 'гора' выявляет вместо аффриката *ḡ* губной звук *w* (по-русски пишут «у»),

4) затем, добрая часть турецких языков объединяется употреблением *ol* в значении 'быть' в противоположении *bol* других, также турецких, языков,

5) наконец, конечно, есть и иные группы мешаного типа.

Обратите внимание: никаких, хотя бы формальных, координатов.

Однако, когда для размежевания одних групп турецких языков от других бремя доказательства определенных взаимоотношений возлагается на голые звуковые расхождения, то вопрос громадной важности кладется для разрешения на непомерно слабые плечи. Дело уже не в том, что взаимоотношения различных языков есть вопрос социального порядка и одними оторванно от хозяйства и общественности трактуемыми формальными явлениями их никогда не установить. Дело хуже. Не учитывается абсолютно палеонтология речи, не учитывается то, что раньше звуки не имели такого самостоятельного значения вне слова, вне его состава и смысла, чисто формальных звуковых переходов не было, и взаимоотношения звуков отрешенно от их доистории нельзя класть в основу взаимоотношений языков, если мы интересуемся действительным положением вещей, т. е. вопросом о происхождении языка и в зависимости от него реальными соотношениями турецких языков и между собой, и с языками других систем.

Так, когда аффрикат *ḡ* противопоставляется губному звуку *w* (русск. «у») или наличию губного согласного *b* в одной группе — его отсутствию в другой, и их взаимоотношения разъясняются как чисто звуковые явления такими типическими примерными парами, как в одном случае *ḡaḡ* || *ḡaw* 'гора', в другом *bol* || *ol* 'быть', то если бы речь шла лишь о согласных, то надо бы еще взвесить, что это за *ḡ* в *ḡaḡ*? И в этих примерах дело идет вовсе, однако, не о расхождении лишь гласных, а о различном составе слов: т. *ḡaḡ*, как и во всяком случае т. *ḡaw* — двухэлементные слова, первое, если не одноэлементное А, то двухэлементное АС, второе — АВ. Общим у них является лишь первый элемент *ḡa* ← *ta*, в яфетических языках появляющийся в этом виде и аффрикатно (*t̄* → *ḡ*) с пучковым значением 'голова+гора+небо', так груз. *ḡa* 'небо', халд. *ta* 'голова', да и у грузин *ḡa* в составе скрещенных слов *m-ḡa* 'гора' и *ḡa-v* 'голова'. Второй элемент В, здесь наличный усеченно в виде *v*, resp. *w*, в других случаях у грузин появляется полностью в разновидностях *vel* || *var*, диал. *vad* (вместо**vad*), сохранившись так цельно в скрещенных словах *ḡa-vel* ['голова' →] 'колос' || груз. *ḡa-var* 'глава', 'князь', 'главный', resp. груз. *ḡa-vad* 'глава, 'князь'. Этот элемент В, наличный в названных словах, помимо перечисленных разновидностей *vel* || *var*, диал. *vad*, в грузинском, да в других яфетических языках, представлен и другими словами, в числе их с губной огласовкой *bol* ↔ *bul*, первично *bor* ↔ *bur*, у грузин в составе скрещенного термина *bor-ḡu* 'холм' ← 'гора' и *bol-o* 'конец' (→ *'голова'), и двойника его же, т. е. последнего слова, мы имеем в значении 'головы' в удинск.

* bul, в бск. bur-и, в чув. ruş, чего разновидностью является и т. baş, с аканием, так же как сохранившийся в грузинском var (ða-var), resp. vad (*ða-vad). Прибавим: с аканием так же, но не с таким же, если мы углубимся в палеонтологию социальных группировок языков по звуковым соотношениям. Но эта палеонтологическая подкладка социальных группировок по звукосоответствиям по существу отнюдь не касается выдвигаемого нами отождествления с турецким baş. Такая же история, далеко не полностью сообщаемая сейчас, выясняется у элемента A, именно ða, обоих слов, и у элемента C — ğ, как пережитка целого самостоятельного слова (ğap → ğan), со всеми подлежащими значениями, а не просто і звуковой части цельного коренного слова ðağ.

Таково же положение с bol и ol, основами глагола 'быть'. В основах этих мы имеем самостоятельные слова, в одном случае элемент B — bol, в другом случае элемент A — ol, а не разновидности одного и того же корня, точно в одном случае с сохранением губного согласного bol, а в другом с его утратой ol. Оба элемента, каждое независимое слово, одинаково с губной огласовкой, что для турецкой речи, особенно в слове bol, является незакономерным при сопоставлении его с чув. эквивалентом roġ ↔ ruġ 'быть',¹ да еще pol ↔ pul 'быть', ибо при чув. губной огласовке в турецком требовалось бы акание, как то имеем в словах чув. ruş т. baş 'голова'. Что касается другого слова, элемента A, т. е. ol, то и в нем мы имеем непоследовательно для турецкого языка губную огласовку: в яфетических языках это особенность шипящей группы. Следовательно, в bol оканье вместо акания, особенности свистящей группы, с сохранением, однако, от той же группы плавного l в том же слове, где чувашский, более верный нормам шипящей группы, в данном случае удержал ее соответствие r в одной из пар своих разновидностей — roġ ↔ ruġ. Соответственно на стадии развития яфетической системы два впоследствии ставших турецкими слова bol (resp. roġ ↔ ruġ) и ol должны быть представлены, согласно взаимоотношениям двух групп, свистящей и шипящей, каждое парами разновидностей, элемент A — al || or и элемент B — bal bor (↔ bur), что и имеем в наличных яфетических языках Кавказа, или с колебанием в плавном, по свистящей группе ar ↘ a (это у грузин), по шипящей группе — or (это у мегрелов и чанов), или с усечением плавного в яфетических языках Кавказа, удинск. ba (← bal) ↘ абх. ma (также по-этрасски),² чув. roġ ↔ ruġ, resp. pol ↔ pul.

Предупреждаю, что мы вовсе не отрицаем оканья и в данном случае, как огласовки, наличной в турецких языках и им пережиточно присущей, но здесь они утратили строгость социального ее значения, как мерила группировки различных производственно-общественных коллективов, впоследствии племенных образований. Все-таки отметим, что с оканием выступают более выдержанно северо-восточные турецкие языки. Ниже увидим, как уй 'жир', 'сало', 'масло', из уйġ, налично в алтайском и телеутском в противоположность уā, что из уаġ. Этого же порядка по огласовке печатно отмечавшееся rot из яфетического *rot в значении 'себя' (палеонтологически когда-то и 'головы'), в тану-тувинском

¹ Это у чувашей тот глагол 'быть', который используется и в значении 'иметь'.

² А. Торг, Etruskische Beitrage, Лейпциг, 1902, I, стр. 12—14.

в соответствии тур. *baş*. Во всех этих случаях вопрос не о физиологических звуковых лишь явлениях, а социальных, о группировке языков с оканием, турецких, теперь же хотя бы о переживании группировки уже разбросанно слоями или единицами по всем турецким языкам. И вместе с тем вопрос также и о том, что в исканиях по тем же терминам мы наталкиваемся на группировку лишь некоторых турецких языков по губной огласовке с чув. *ruç* 'голова' и арм. *yuğ* 'масло', в последнем языке, армянском, как переходном к прометейдской системе, также в качестве лишь переживаний из яфетического наследия. Оттуда же и 'дорога' м. *ol-ə* ↔ арм. *ul-ı* и т. *yoł*, сибилантно сохранившееся как в родной среде у чувашей в *şol* ↔ *şul*, в архетипе *şog* ↔ *şug*, что и в финских языках Вол-Камья, и в чувашском, и в китайском, и в романских языках, где усеченно, где в составе скрещенных терминов значит 'река-вода' и т. д., и отнюдь не случайно, ибо это находится в полном согласии с установленным теперь подлинным происхождением термина 'путь' от 'реки+воды'.¹ В тех турецких языках, с переживанием фонетических норм свистящей группы с аканием, где 'голова' искони родное слово, оно должно бы звучать спирантизованно **yal* → **al*, без спирантизации **sal*, в яфетическом архетипе с сохранением диффузности начального сибиланта **šal* ↗ **skal* → **zgal*, как то свидетельствуется его пережитком, сохранившимся у грузин в их языке свистящей группы, именно *gza* (← **zgal*) 'дорога', с удержанием же аффрикатного состояния начальной пары согласных еще на глухой ступени в полном виде *tkal* то же слово по-грузински значит 'река+вода'. Что в *gza* 'дорога' утрачен плавный звук *l*, это факт, свидетельствуемый его разновидностями в языках шипящей группы, где то же слово налично как заимствование или усвоение архаичных эпох в виде ч. *gza* → м. *za*, причем основу с плавным *zal* ← *gzal* выявляет у мегрелов мн. ч. *zal-ef-ı*, а в полном виде *gzal* (→ *zal*), resp. *gzag*, производные в чанском языке глаголы *o-gzal-ı* 'ходить', *v-ı-gzal-ı* 'отправляюсь', аор. *v-ı-gzal-ı* → *v-ı-zal-ı* 'я отправился'.

Таким образом, в изолированном изучении так наз. алтайской семьи полученные звуковые законы несколько не помогают правильному исследованию турецких языков; наоборот, они мешают ему, заслоняя собой более углубленные перспективы в состоянии тех же языков на предшествующих, более ранних стадиях развития. Достаточно одного примера по закону соответствия плавного *g* зубному *z*: 1) это соответствие, так наз. фонетический закон, лингвисты-туркологи также кладут, как мы видели, в основу классификации турецких языков и наречий, выделяя в особую группу языки с *g*, в которую относят с проблематическим болгарским, равно гунским, также чувашский. Однако это чередование наблюдается в одних и тех же турецких языках для уточнения двух значений, которые присущи были по палеонтологии речи одному и тому же слову. Так 'небо' по-турецки звучит *ġäŋgı* на лебединском и шорском наречиях и восходит к архетипу **ġäŋgı*, как то явствует из его телеутской разновидности — *ġänäga*, да и реальность самой формы *ġäŋgı* подтверждается тем, что 'небо' становится неизбежно 'богом', и *daŋgı* на казанском татарском значит именно 'бог'.

¹ Раньше по одному созвучию, без учета истории материальной культуры, отождествлялось и нами со словом 'рука' → 'направление', отсюда, мол, 'путь'.

Слово представляет скрещенный термин из двух элементов СА, т. е. *ṣan* и *giz*, так что архаичный архетипный его вид — **ṣan-giz* (в наличных его формах огласовка второго элемента, элемента А, выдвинута в конец: *-giz* вм. *-giz*).

Однако палеонтологией значимостей слов установлено, что словом 'небо' обозначалось три 'неба' или три космических мира, верхнее, или наше, 'небо¹', нижнее, или 'земля', 'небо²', и 'преисподнее', или 'море', 'небо³'. Первоначально все три 'неба', т. е. и 'небо' и 'земля' и 'море', назывались одним и тем же словом. И когда рядом с 'небом', в архетипе звучавшим **ṣan-giz*, мы имеем в том же турецком языке *ṣan-giz* (→ *ṣāñgiz* → *ṣaniz*) в значении 'моря', то, думаю, ясно, что чередование звуков *giz* имеет отношение не к разности племенного состава, собственно, не к разности социальных группировок по языку, а к разности значений, усвоенных словом в порядке технической необходимости.

Это вовсе не значит, что мы отрицаем факт существования между различными языками звуковых корреспондентий, становящихся в стройные как бы ряды. Не отрицаем и необходимости и основательности их использования для соответственных выводов по установлению социальных группировок. Может быть, не лишнее сделать эту оговорку, так как давно в том убеждался в полной мере и по обширным докладам, и не менее ответственным качественно мелким сообщениям, которые приходится слышать в двух столицах, бывшей и современной, на собраниях, равно по беглым убийственно характерным вопросам или замечаниям из уст многочисленных собеседников, что мои работы или абсолютно не читаются, или читаются, очевидно, с таким пренебрежительно-поверхностным вниманием, что лучше бы вовсе их не читать, без вникания в существо, т. е. тоже своего рода формальным методом. Без учета так наз. фонетических законов мы и палеонтологически не могли бы разъяснить, что сфетическим *ṣan* 'целый', словом мегрельским, т. е. шипящей группы, находится в непосредственной связи не только основа, точнее первый элемент чув. *tar-a* 'здоровый', но и т. *sağ* (джагат., восточн. туркест., османск., крымск.), так как ряд случаев указывает, что заднеязычный аффрикат *ğ* в турецком того же часто происхождения, что тот же звук в армянском, т. е. перерождение плавного. Сюда относятся первой своей частью как чув. *tar-a* 'здоровый', так его чувашский же двойник *tas-a*, обычно 'чистый', 'святой', но, несомненно, и 'здоровый', судя по фразе, приводимой Никольским в Русско-чувашском словаре под словом 'здоровый': *tasa maḡ poḡḡ* 'захворал' (← 'здоров не стал'). Впрочем, само схождение в одном и том же слове значений 'чистый', 'святой' с значениями 'целый', 'здоровый', если поставить их в палеонтологически более состоятельном порядке, именно, 'святой', 'чистый' и т. д., т. е. если исходить, как надлежит, из представления магической эпохи семантики, 'тотема', затем, смотря по линии интересов и 'удачи', 'счастия', и 'святыни', 'чистоты', то ничем не отличается от того, что само тур. *sağ* 'здоровый' значит 'правый'. Не вина турецкого языка, если туркологи в словарях, исходя из современных представлений, на первом месте помещают 'здоровый', на втором 'правый', 'верный', 'честный'. В древнелит. арм. *a-d* (← **al-d* 'правый') и *oḷ-d* 'здоровый' также разновидности одного и того же слова, одинаково двухэлементного (АС).

Такой аффрикат \check{g} , т. е. \check{g} плавного происхождения, как в турецком $sa\check{g}$, иногда появляется в одних и тех же словах у турок с армянами, вернее — в турецкой и армянской разновидностях одного и того же слова, в турецком с аканием $ya\check{g}$ ($\leftarrow *ya\check{k} \rightarrow ya$) 'масло', 'жир', в армянском с оканием $*yo\check{g}$ ($\rightarrow ew\check{g}$) \leftrightarrow $yu\check{g}$ 'масло', 'жир' (\rightarrow рутульск. $yo\check{q}$ 'жир'), куда, т. е. к армянской разновидности с ее оканием, примыкают из турецких же языков, как уже сказано, алтайский и телеутский своим $y\check{u}$ 'сало', 'коровье масло' в $sa\check{g}$ $y\check{u}$, т. е. с утраченным аффрикатом \check{g} в корреспонденции с плавным l || г яфетических языков, где соответственно третьей экающей разновидности сохранились двойники слова и спирантного ($*her \rightarrow er$) и сибилантного ($ser, \check{t}er$) типа; из них er налицо в составе сохранившегося в грузинском скрещенного из АВ элементов термина $er-bo$ 'масло', уже не 'жир', а 'коровье масло', ser самостоятельно у армян в значении 'сливок' или, как объясняют сами армяне 'жир молока', а $\check{t}er$ в удвоении у армян — $\check{t}en-\check{t}er$ 'накись жира'. Двухэлементное скрещение в том же значении 'сала', 'жира', равно 'масла', однако вовсе не представлено одним грузинским, есть его и акающая разновидность. В армянском тот же элемент А с плавным г также представлен, да в скрещении с элементом В, притом с сибилантом \check{t} вм. спиранта с точным сибилантным соответствием начального спиранта $y \leftarrow \check{r}$, т. е. $j \leftarrow \check{ш}$ в подъеме, а с аканием это $\check{t}ar-po \rightarrow \check{t}ar-p$ 'жир' и пережиток того же двухэлементного скрещения, но спирантизованного $*ya\check{r}-v$ имеем в команском $ya-w$ 'жир', а вовсе не случай для иллюстрации не существующего в этой категории слова звукового перехода \check{g} в w или обратно.

Без учета этого же звукового явления, т. е. перебоя плавного в аффрикат, нельзя понять того, что $ya\check{g}$ 'дождь', отсюда $ya\check{g}m\check{i}$ 'итти дождю', следовательно. палеонтологически и 'вода', аффрикатом \check{g} восходит к плавному r || l , т. е. это спирантизованная разновидность хорошо известного из названий рек $sa\check{r}$ 'река', 'вода',¹ груз. $\check{i}ka\check{l}$ 'река', 'вода', двойник также спирантизованного м., ч. $\check{g}a\check{l}$, ныне 'речка', раньше 'река+вода' (кто любит свидетельство текстов, может и для $\check{g}a\check{l}$ успокоиться на свидетельстве древнейшего текста, так наз. доисторических языков, именно топонимике, с ее названием малоазийской реки $Halys$).² Но без учета выдвигаемых тут конкретных явлений, лишь теперь по палеонтологическом освещении становящихся фактами из сырого материала, не поняли бы ни того, что турецкий термин $ya\check{g}m\check{i}$ 'дождь' есть лишь спирантизованная разновидность, но разновидность другого типа, совершенно иной группы, чем ее закономерный, но независимый чувашский эквивалент с утратой плавного первым элементом А ($\check{u} \searrow s\check{e}$ вм. $\check{ш}$ $m\check{i}$), именно $\check{s}u-m\check{a}r$ ($\searrow s\check{e}-m\check{a}r$) 'дождь', к которому примыкает груз. $\check{t}u-ma$ (диал.) $\rightarrow \check{t}w\check{i}-ma$ 'дождь'. Ясно, что с тур. $ya\check{g}m\check{i}$, пожалуй, никак нельзя отождествлять ни $ya\check{m}\check{g}y\check{i}$, или $ya\check{y}y\check{i}$, ни $ya\check{u}b\check{y}y\check{i}$, как это делают туркологи, ибо, хотя они также турецкие слова и они также означают 'дождь', но, будучи двухэлементными, они могут быть иного строя или иного состава,

¹ Н. Я. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1925, стр. 683 [ИР, т. V, стр. 296].

² А ныне в Мегрелии и далее на севере естественное название рек и речек $\check{g}a\check{l}-\check{d}ga$, $Nor-\check{g}a\check{l}$ + а и др.

они могут иметь или иное расположение элементов С+ВА (ya+m+ǰыг) вм. АВ, или совершенно иной элемент в составе, именно С без В, так уацыг из уаǰыг, также двухэлементное скрещение, но СА, как то находим у армян, в двух разновидностях — 1) трехэлементной (САВ), это древнелит. an-dre-w 'дождь', и 2) двухэлементной (СА), это нар. Զօռ-ըг 'дождь'.

Естественно при таком палеонтологическом анализе перед нами в общепринятом учении о турецких языках вскрывается научно не установившаяся классификационная система по отвлеченно-формально воспринятым звуковым соответствиям. И в эту неустойчивую формальную систему, поверхностно задевающую существо фонетической мешанины конкретных языков, едва ли этим путем распределимой по действительно конструктивным составным слоям, вносится еще момент географического распределения, ни в какой мере, разумеется, не отвечающий каким-либо реальным нормам, чтобы ими действительно характеризовать те жизненные в целом и в частях взаимоотношения, которые являются и в схождениях и в расхождениях отражениями социальных группировок. Это отложение хозяйственно-общественных взаимоотношений различных коллективов, лишь впоследствии племен и народов, отложения за те доисторические эпохи, когда не было вовсе наличных и свидетельствуемых с исторических времен ни национальных, ни даже этнических образований, ни, естественно, тех географических размещений и территориальных граней, с которыми мы теперь неразрывно связываем представление о каждом данном национальном или племенном объединении, если речь не о народе, вселившемся заведомо на памяти исторических источников. Между тем, даже в кругу яфетических народов в районе массового их пребывания, именно на Кавказе, территориальное распределение этнических единиц, поскольку оно свидетельствуется письменными источниками с древнейших времен, в общем соответствующее нынешнему расположению, абсолютно не соответствует взаимоотношениям их языков. Я уже не говорю о том, что абхазский язык в своем сибилантном слое ближе к грузинскому, как языку свистящей группы, между тем между абхазами и грузинами расположены с одной стороны мегрелы, с другой — сваны. Сванский язык, связанный в своем сибилантном слое с шипящей группой (мегрелы, чаны), имеет более тесные узы родства из двух языков этой группы не с соседящим с ним мегрельским языком, а с чанским, или лазским, между тем именно от чанов, или, что то же, лазов, сваны отделены теперь и мегрелами и грузинами. Или опять-таки абхазский, по морфологической типологии и по словам первичного быта ближе стоящий к яфетическим языкам Каспийского района, отделен от них целым рядом народов, более далеких и строем и материалом речи и от абхазов, яфетидов Черноморья, и от прикаспийских яфетидов.

Остановлюсь я на одном лингвистическом явлении, образовании множественного числа с помощью плавного показателя множественности г, пережитка целого некогда слова, именно элемента А, в разновидностях акающей (свистящей группы) -аг и окающей -ог ↔ -цг, как они распределены территориально: аг налицо у сванов и у армян, у последних в сочетании с предшествующим именным характером «е» — е+аг (ныне ег), однако в древности исторических эпох на социальных верхах

его не было, этот форматив тогда составлял достояние порабощенного трудящегося класса, крестьянства, а $og \leftrightarrow ug$ выявляют удины, сохранившиеся в двух селах — Варташене и Ниже, где две разновидности распределились диалектически, в одном наречии произносят og (нижском), в другом ug (варташенском). И вот нам сейчас важно отметить территориально значимые моменты, именно не только то, что один и тот же элемент А служит для образования мн. ч. у народов, отнюдь не соседящих, именно сванов, армян и удин, но, более того, и то, что одна и та же форма ag обща сванам ($-ag$, геср. $-är || eg$) и армянам ($-e+ag \rightarrow -eg$), а другая с оканием $-og$ у удин, отделенных ныне от народов по языку шипящей группы с оканием (мегрелов и лазов) дальностью Каспийского моря от Черного и не одним перевалом. Важно отметить, что в Армении это окончание принадлежало социально негосподствовавшему трудовому классу, и только по исчезновении господствовавшего класса, сословия феодалов, вообще кровной знати, с языком, обладавшим в качестве признака мн. числа звуком q , элементом С, окончание $-e+ag \rightarrow -eg$ с содержащим его языком выплыло на поверхность в полной своей силе и попадает благодаря письменности в орбиту научного интереса. И дальше еще. Эти крупные социальные группировки по окончаниям мн. числа, сословные в странах с интенсивной или долгой исторической жизнью, в других краях хотя бы того же Кавказа сводятся к группировкам самих слов в речи одного и того же народа, геср. племени, по принадлежности к той или иной категории предметов, к тому или иному их классу, активному, пассивному и общему, в зависимости от более мелких социальных группировок по производству и связанному с ним культу. В кругу более близких удинскому языков, сродных с ним, лезгинских, также и в абхазском, окончания мн. числа различаются по классам предметов, понятно, уже с затемнением; так, напр., $-ag (-är)$ в рутульском служит для образования мн. числа названий живых существ и разумных (активных) и неразумных (пассивных) еще с большим затемнением до обращения лишь в формальный признак одной множественности в лезгинском ($uag \rightarrow ag || eg$). У удин то же окончание с губной огласовкой $og \leftrightarrow ug$ также сошлось с окончанием мн. числа армянской знати, элементом С ($qo \leftrightarrow qu$) да еще с окончанием m ($mo \leftrightarrow mu$), элементом В, но, находясь в одной стране, ныне в племенном мире, сведенном всего-навсего к двум селам, Нижу и Варташену, они вовсе не распределены по сословиям и слабо по классам, их уже вовсе нет у удин; они слились в одной общей речи или на наших глазах сливаются, отчасти распределяясь по двум сохранившимся наречиям, между тем и окончание-элемент С (арм. q , уд. $qo \leftrightarrow qu$) и окончание-элемент В ($*mo \leftrightarrow mu$) также разбросаны территориально. Окончание-элемент С ($qo \leftrightarrow qu \rightarrow q \rightarrow q$), находящий свое полное разъяснение еще в халдском клинописном языке Армении, письменном языке с IX по VIII в. до хр. э., прослеживается и у сванов (q) и у абхазов ($qa \leftarrow *qo$), причем у абхазов в архетипе $*qo$ одной губной огласовки с удинским $qo \leftrightarrow qu$. Окончание-элемент В ($mo \leftrightarrow mu$), характер также мн. числа эламской речи, языка и V тысячелетия до хр. э. и VI—V столетия до хр. э., здесь с огласовкой «а» ($-ra$), поныне прослеживается у черкесов ($-m$), у чанов, или лазов (pe), кое-где в полном виде элемента В, так в рутульском $mar (\swarrow *par \rightarrow *bar) || bur \searrow bwr \rightarrow br$ и в их разно-

видностях, а в скрещении у грузин (e+b), от них и мегрелов (-e+φ), у чувашей (sa+m || se+m), и др.¹

Так обстоит дело не только с демонстрированным вкратце нами образованием мн. числа с элементами С и главным образом А. Это же самое положение вскрывается палеонтологически за пределами Кавказа в языках всех систем. Можно ли говорить о территориальном моменте, как о какой-либо опоре? И не пора ли и не важнее ли сосредоточить внимание на моменте социальном, обычно вовсе конкретно не учитываемом?

В заметке проф. А. Н. Самойловича «Некоторые дополнения к классификации турецких языков»² мы находим ряд живых мыслей, как, напр., ту, что «часто практикуемое обозначение родственных языков и наречий по странам света: северные, южные и т. д. — нередко приводит к значительным натяжкам»³ или еще смелее другая мысль, именно та, что нецелесообразным надо признать наименование исторических пластов в системе языков «древними, средними, новыми», когда по тем или иным причинам при классификации не учитывается «доисторическая» эпоха существования данной семьи языков. Но и проф. Самойлович в конце концов приходит к заключению, чем и начинает свои дополнения, что «попытки классифицировать турецкие языки увенчаются окончательным успехом, кто бы их ни предпринимал, не ранее, чем завершится сравнительно-историческое изучение этих языков. Когда же это будет? Проф. Самойлович откровенно отвечает: «весьма еще не скоро», т. е. получается так наз. порочный круг, *circulus viciosus*: 1) классификация турецких языков, строящаяся на их формальном сравнительном изучении, будет выдерживать критику лишь тогда, когда будут изучены сравнительно-исторически тем же формальным методом все турецкие языки; 2) это исчерпывающее изучение дело греческих календ, «весьма еще не скоро будет», и, следовательно, 3) мы до тех пор не можем иметь выдерживающей критику классификации турецких языков, т. е. до тех пор у нас не может быть, следовательно, никакой надежды на осознание строя турецких языков, осознание каждого из них для правильного отведения ему места в системе турецких языков. Ведь это тупик, причем тупик, отличающийся от тупика индоевропейцев тем, что индоевропейцы глубоко вошли в изучение языков своего ведения и им трудно и при желании возвращаться назад, не разбив вдребезги своих кумиров, а лингвисты-туркологи не успели так глубоко углубиться в языки своей системы, они стоят перед ними как перед финксом, не сознавая, что дальше в изучении турецких языков, стоящих в чрезвычайно близких друг с другом отношениях, шагу вперед по существу не могут сделать, как бы до исчерпания всех ни продолжали изучение их используемым методом. Общего между тупиком индоевропейцев и тупиком лингвистов-туркологов только то, что метод у них всех одинаково формальный, и, цепляясь в чуже живого и богатого материала, точно утопающие за соломинку, за отрешенные от материальной реальности звуки, за почвой местонахождения, всегда сомнительной опорой, особенно зыбкой под

¹ Мы не касаемся сейчас истории возникновения этих скрещений.

² Петроград, 1922, изд. ЛИЖБЯ.

³ Ук. соч., стр. 4.

ногами турок (как нас учат — консервативных по речи героев миграционных движений, кочевников), лингвисты-туркологи абсолютно не увязывают богатой турецкой речи органически ни с хозяйством, ни с общественностью турецких или сродных с ними более верных социальной старине народов.

Между тем общая история возникновения и развития человеческой речи все более и более входит, вынуждена войти, в недра Азии, соответственно развитию новой теории и возникающим в ней проблемам, и, не имея возможности получать из рук специалистов социологически проработанный материал турецкой речи, классификационно увязанный с хозяйством и общественностью, с ее различными слоями, мы решаемся своими силами кустарнически использовать турецкую речь для ее проработки в свете нового учения об языке, яфетической теории. А по теории этой сразу ставится генетический вопрос, вопрос о происхождении — «откуда?». Следовательно, в связи с этим, казалось бы, вопрос о прародине. Но яфетическая теория как будто отрицает прародину любого языка, она бремя творчества перелагает на динамику общественности, ее движение. Совершенно верно, но надо же указать на момент динамики общественности и соответственное для турецкой языковой типологии место в ее творческом движении, в творческом движении общественности, т. е. в развитии материальной культуры, форм общественного строя и мировоззрений. Потому при строящейся уже новой теорией об языке истории человечества вопрос исследователем, общим языковедом, ставится не «откуда?», а «куда?». Куда надо отвести турецкую речь? С этим и решится вопрос, когда яфетидологическая работа получит достаточную материальную базу в соответственных специальных изысканиях туркологов и вопрос «откуда» получит ответ, следовательно, в этом смысле, равно вопрос о прародине. Мы сейчас лишь намечаем путь к решению, собственно, к определению места турецких языков в едином процессе глоттогонии, или языкотворчества, всего человечества.

Из данной в статье об южноафриканском языке¹ характеристики готтентотского языка, отнюдь не первобытного, наоборот, стоящего на высокой степени развития, проделанной пока работой выясняются связи готтентотского, собственно намайского, языка с яфетическими языками вообще, в частности на Востоке с шумерским и на Западе с баскским, равно и с греческим и латинским, с последними в том смысле, что в этих классических языках Европы, возникших впоследствии, как переживания сохранились нормы фонетические, отчасти грамматические (три грамматических рода — мужской, женский, средний), равно слова, иногда скрещенные, как уже в самом готтентотском, иногда простые, как в нем, то часто в готтентотском еще простые, а в латинском и греческом уже скрещенные. Очевидно, эти слова прошли между готтентотами и языками латинским и греческим еще среду иной системы, быть может, не одной системы.

Что же удивительного, если у нас, совершенно независимо от туркологических изысканий, возникает потребность увязки и азиатских языков, в числе их и турецких, с тем единым глоттогоническим процессом, центром которого давно установилось Средиземноморье?

¹ Е. Я. Марр, Готтентоты-средиземноморцы [см. здесь, стр. 115—124].

II

Азия, как никак, территориально увязана с Европой, а с нею и с Средиземноморьем, более широкими воротами, чем с Африкой, да притом все по суше. С памятного поворотного момента, когда в целом изолированный в своем окружении чувашский язык оказался находящимся в родстве с яфетическими в степени, давшей основание выполнить работу, ныне наличную в печати, «Чуваши-яфетиды на Волге»,¹ исследования последних лет нам дали возможность практически использовать в текущей работе одну из открывшихся перспектив увязки яфетидологических изысканий через чувашский с угрофинским севером и турецким востоком, именно с финскими языками, в первую очередь Вол-Камья и неизбежно Прибалтики. Правильность взятого нами курса нашла наиболее авторитетное подтверждение в том, что, во-первых, яфетические языки Кавказа, в том числе и наиболее изучавшийся грузинский, и даже такой переходный к прометеидской системе тип, как армянский, получили совершенно новое освещение в ряде существенных их особенностей как в морфологии, так в словаре. Во-вторых, финские языки, оказавшиеся в неожиданном и для нас родстве с яфетическими языками, вынудили нас вскрывшимися языковыми фактами лингвистически увязать с палеоазиатами единственный сохранившийся в Западной Европе народ с «доисторическим» языком, баскский. Из палеоазиатов в процессе нашей работы дело мы имели в первую голову с енисейцами и юкагирами. Следовательно, пришлось лингвистически увязать палеолитический мир крайнего Запада с этнографическими пережитками тех же ближайших к нам эпох на крайнем востоке Азии, причем это такая увязка, которая наметилась независимо в этнологии по памятникам материальной культуры.

Я не буду далее задерживать внимания слушателя или читателя на факте встречи на этом исследовательском пути с французским американистом Риве (Rivet). Его мысль, лингвистически мотивированная, о происхождении части американских аборигенов из Азии через эскимосов и палеоазиатов сошлась с нашим яфетидологическим движением с крайнего запада Европы с увязкой баскского языка с палеоазиатскими, чему на юге параллель составила мысль, с разных сторон выдвигаемая также не одними лингвистическими фактами, о тесном общении океанийских народов непосредственно с Средиземноморьем в древнейшие эпохи расцвета здесь культуры. Эта встреча оказалась чреватой и иными, для нашей темы более актуальными последствиями. Китайский язык моносиллабической системы, стал разясняться в своих связях с языками других систем, не только яфетической, причем в нем вскрылось в наличности то близкое к первичности состояние звуковой речи вообще человечества, которое новое учение об языке утверждало на основании данных, полученных путем палеонтологических раскопок в языках всех других систем при помощи директивных норм пережиточных языков яфетической системы. Названия предметов древнейшего бытования в человеческой речи 'воды', 'дерева', resp. 'дуба-жолудя' и впоследствии 'хлеба', равно живот-

¹ Чувиздат, Чебоксары, 1926 [ИР, т. V, стр. 323—372].

ных передвижения да предметов более позднего использования, как-то драгоценных металлов и т. п., у китайского языка оказались сродными не только с языками яфетической и угрофинской систем, но и с языками западной Европы, с тем, однако, расхождением, что термины, у других народов, в том числе западноевропейских, скрещенные, двухэлементные, в китайском сохранились без скрещения в простом виде одноэлементно. Это не значит вовсе, что те одноэлементные слова, ныне наличные лишь в китайском, принадлежат только ему, языку азиатскому, и налицо в таких случаях факт, свидетельствующий о вкладе восточноазиатской речи в западноевропейскую. Положение здесь намечается такое же, как когда у латинян 'письмо' и 'книга' оказались двухэлементными скрещениями, тогда как на Кавказе и у финнов вскрылись в тех же значениях слова с одним или другим из элементов, входящих в состав латинских скрещенных терминов. Выясняя корни последних, мы попали, следовательно, обратно на Кавказ, точно для того или, можно было подумать, для того, чтобы доказывать его влияние на архаическую Италию, и потому мы тогда же делали следующую оговорку:¹ «При знакомстве с подлежащими [кавказскими] материалами соответственных языковых групп, обращение от латинского, вообще романского, материала к ним оказывается не путешествием [из Италии] на далекий Кавказ, а нисхождением вниз, в так называемую доисторическую подоснову латинской речи, в самой Италии, вернее не в Италии лишь, а в самой западной Европе, путешествие тоже в дали, но в дали не пространственные, а хронологические, в глубину времен».

И естественно, когда это «дно, на Кавказе оказавшееся вынесенным на поверхность», с доступностью для непосредственных наблюдений вскрывается на еще более удаленной глубине в китайской речи, где часто без всяких палеонтологических изысканий в нашем распоряжении находится еще более древнее состояние языков того же латинского да вообще романского мира, значит ли это, что мы имеем право говорить, что в одном случае яфетические языки с Кавказа, в другом случае китайский с Дальнего Востока повлияли на образование латинского и вообще романских языков, несмотря на то, что материальная увязка самих языков, разобценных зиянием пространств, становится очевидной? Когда дело идет о Китае, то в отношении факта увязки нас не могло бы смутить вскрытие общности самого термина 'книга-письмо' у китайцев и латинян со включенным яфетического Кавказа (здесь то же слово в древнелитературном грузинском языке, в речи с глубокими письменными традициями), Месопотамии (здесь его пережиток в ассирийском языке) и русского. Общность такого термина не могла бы смущать, так как вопрос о причастности народа с моносиллабическим языком к древнейшей в письменно-культурной части этого мира грамоте, клинообразной, даже генетическая увязка самого китайского письма с клинописью, становится очередной серьезной научной проблемой. Здесь пальму первенства можно было, казалось бы, предоставить китайскому языку, где к тому же слово сохранилось в первичном, нескрещенном виде — одноэлементно [элемент С], но, увы, на противопологающемся в этом вопросе Китаю средиземноморском западе, во-первых,

¹ Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', стр. 68 [ИР, т. III, стр. 235].

также имеется простой вид того же слова, из эпох до скрещения элементов, и, во-вторых, что особенно важно, на указанном западе в скрещении ли с другим элементом или еще первично-самостоятельно, это слово — лишь бытовой термин, по значимости архетип понятия 'письмо-книга', раньше 'метка-тамга-знак', первично 'тотем-бог', у римлян 'знак' (signum), оно же, впрочем, и символ защиты — 'знамя', или 'значок', у семитов арабов в значении определенного прозвища (kup+у-аѡ^{un} ~ kп+у-аѡ^{un} и kup+w-аѡ^{un} ~ kп+w-аѡ^{un}), первоначально всегда — тотема-бога, всегда кульгово защитного термина. Следовательно, и в термине 'письмо-книга' увязка, очень хронологически глубинная и далекая, разумеется, дописьменная со Средиземноморьем, как и с западной Европой, но языковая увязка, вне сомнения, именно в лексемах доисторического словаря, названиях первой необходимости предметов материальной культуры и неразрывно с ними в культовых терминах, точнее — терминах магии.

И когда такая же, да еще формально-типологическая увязка, уже морфологическая, выясняется у языков Средней и Южной Азии, языков тибето-бурманского круга, объединяющихся со всеми семитическими и хамитическими языками, да с частью яфетических языков их исключительным в этой далекой части Азии префиксальным образованием, и когда в тибетском и в недавно открытом в Средней Азии языке мы находим слова, общие с яфетическими языками Кавказа и Пиренеев, в частности из числительных иные в столь близком виде, что можно думать, это прямо-таки грузинские и мегрело-чанские слова, с поразительной непочатостью сохранившие взаимоотношения свистящей и шипящей групп яфетической системы языков, как это показано в одной из печатных работ в ДАН,¹ то, при создавшемся положении нашего научно-исследовательского дела, еще раз скажу: «что же удивительного, если у нас, совершенно независимо от туркологических изысканий, возникает потребность увязки с тем единым глоттогоническим процессом, центром которого наметилось Средиземноморье», и [оставшихся из] азиатских языков (урало-алтайских), в первую голову турецких, выдвинутых точно авангард азиатского мира позднейшей историей вместе с финнами для заслона или защиты, казалось бы, особняком стоящего Востока, ныне и от веков, говорят, экзотического для Запада, ничего общего не имеющего, мол, с ним, если не в путях позднейших миграций варваров из глубин Азии в Европу или в обратных путях колонизационного использования просвещенной Европой непросвещенной, а для многих, слава богу, и непросветимой Азии. Так ли это?

Мне не нужно говорить, какая органическая неразрывная связь у финнов и турок с русскими, да вообще со славянами в быту, как в материальной культуре, так вообще в ряде жизненных сторон этнографического порядка. В работе «Чуваши-яфетиды на Волге» вдумчивый читатель найдет достаточно материала для соображений о том, каким катастрофическим откровением является для наших прежних представлений о лингвистических родствах густая насыщенность русского языка чувашизмами, да вообще конкретными переживаниями доисторических языков Европы, все равно, наличны ли они теперь в яфетических языках

¹ Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории), ДАН, 1926, стр. 133—134.

Кавказа, Пиренейского полуострова и Памира, или в восточной же Европе — в чувашском, финских и турецких языках, в них также как переживания.

Независимо от того, что турецкие языки доселе остаются в стороне от яфетидологической проработки, у нас нет ни времени ни удобств, чтобы задержаться специально на так наз. генетических связях турецких языков с яфетическими и заодно с ними с западноевропейскими яфетическими языками и с их переживаниями в языках протоеидской (так наз. «индоевропейской») системы, как классических, так и новых. Ограничусь указанием, что, несмотря на количественную, но не качественную разность в типологии турецких языков и яфетических, в конце концов в массе живых представителей одинаково с турецкими агглютинативных, у турецких языков с яфетическими имеются и общие формальные образования, иногда бесспорно более близкие, чем с финскими. Они касаются и образования мн. числа, и спряжения, и склонения, и словообразования с той разницей, что на турецкой стороне — неприкосновенные для внутреннего анализа величины, тогда как на яфетической стороне их разнообразные эквиваленты из ряда отластавшихся пластов с диахронической перспективой дают подлинные палеонтологические разъяснения явлений.

Таково же сродство в основах семантики, где формальный подход вносит, успев внести, невероятную путаницу. Приведу один типичный пример: слова и категории числительных 'раз', 'крат', в турецком созвучны со словом, означающим 'дорогу', 'путь'. Это явление общее, т. е. 'дорога' и 'раз', 'крат' обслуживаются в своем выражении одним и тем же звуковым комплексом. Яфетидолог также способен поддасться искушению принять эту видимость за факт, раз она наблюдается материально и в персидском, и в грузинском, и в других языках, языках различных систем. Яфетидолог и поддался, действительно, такому искушению, делая соответственные выводы, и это потому, что не учтена была палеонтология, при которой материал можно назвать фактом, но факт, палеонтологически не освещенный, не есть факт. А факт тот, что по палеонтологии мышления 'дорога' случайно через 'реку' увязывается с тем словом, которое и использовывалось, как выяснила также палеонтология, в значении числительного слова 'раз', 'крат'. Это слово 'рука'. Само собою понятно, что значение 'раз', 'крат', столько же имеет отношения к 'дороге', сколько к 'реке', равно 'времени' или 'небу', т. е. никакого, хотя бы это слово, первично 'рука', и только 'рука', теперь и означало где 'дорогу', где 'время', а где 'реку' или 'небо'. Между тем у туркологов *yo1* 'раз', 'крат' по созвучию принято за одно слово с *yo1* 'дорога', 'улица' и соответственно помещено на третьем месте в гнезде данного слова, где нашло место и другое еще слово 'образ', 'способ', также происходящее вовсе не от 'пути', а от 'руки'.

С лингвистическим достижением, доисторической увязкой Азии да восточной Европы именно с западом Европы как будто вполне совпадает мнение антрополога Чекановского, высказанное им в немецкой статье «Антропологические этюды к проблеме славяно-финских отношений»,¹ появившейся в Гельсин-

¹ Suomen Muinaismuistoyhdistyksen, Aikakauskirja, т. XXXV, 4.

форском финском журнале в 1925 г.: «Восточноевропейский (антропологический) тип необходимо, конечно (*ist wohl*), — говорит Чекановский, — воспринять как реликт (пережиток) неолитического (новокаменного) периода». «В западной Европе его мы находим в глубине доисторических слоев, уже в Польше тип этот успел спуститься, загнанный (*hinuntergedrückt*) в более глубокие социальные слои, а на европейском востоке, где более примитивные взаимоотношения лучше сохранились, он еще выступает вперед».

Наша оговорка при лингвистической увязке не только восточной Европы, но вообще Востока, всей Азии, в том числе и турецкого Востока, с крайним европейским Западом сводится к тому, что среди языков западной Европы и сейчас налицо здравствующий язык яфетической системы, живой реликт неолитического периода, да, пожалуй, и конца палеолита, но так-то находящиеся на Востоке сродные азиатские языки относятся, конечно, также к глубоким доисторическим отложениям на Западе в пластах языков прометеидской системы, индоевропейских языков. Да долго еще, и при греках, и при римлянах, местами и позже, до полного восторжествования римской или латинской классовой речи, при наличии тогда наших лингвистических интересов и приемов, об укрытых впоследствии в пластах иных языков, как отложения, разновидностях живой речи можно бы говорить, как об языках глубоких или низовых социальных слоев Европы тех эпох. И те пережиточные доисторические языки впоследствии и по сей день не бесследно исчезали, а вынесены на социальные верхи в известной мере с возникновением нового мира и заодно в процессе его возникновения с образованием так наз. новых языков Европы, имеющих порой, частью вместе с вольгарным латинским языком, частью и независимо, более глубокие корни в доистории, и потому более общие черты с языками Азии древнейших систем, чем классический латинский язык.

История материальной культуры пришла, можно сказать, с общего согласия специалистов к тому, что культура человечества в Европе, несмотря на известные как бы заминки, этапами своего развития составляет непрерывную цепь от палеолита до современности, один тип культуры наследовал другому, несмотря на расхождения, в процессе роста, следовательно, одной и той же хозяйственно-общественной жизни, в процессе перерождения ее форм или далее эволюционного их развития.

Единственно переживший в Европе народ с доисторическим складом речи, речью яфетической системы, баскский народ, донес до порога XIX в. институт древнейшего социального строя, матриархат в пережиточной форме, именно в так наз. куваде, когда супруг по прибавлении семьи ложится в постель и разыгрывает роль роженицы, матери.

Однако самый институт матриархата у басков также не сохранился, как у турок, как вообще у урало-алтайских народов, в том числе и финнов, как, более того, у всех народов с речью агглютинативного строя, в числе их и переживших до наших дней яфетидов. Пережитки матриархата в быту имеем у всех перечисленных групп народов. В связи с этим там и сям и в языках их, особенно языках яфетической системы, сохранились отложения матриархального строя,

так в нескольких языках яфетической системы, напр., в грузинском, от времен матриархального строя строгое соблюдение синтаксического правила, постановки названий лиц женского пола всегда обязательно на первом месте сравнительно с названием лиц мужского пола. Но в общем и целом как урало-алтайские языки и яфетический язык Пиренеев, баскский, так и большинство яфетических языков и Кавказа совершенно утратили и в речи классовые признаки социального строя соответственной эпохи, в частности, следы и так наз. грамматического рода.

Тот же баскский народ в столь позднее время, как время около начала христианской эры, жил еще хозяйством древодной культуры, не знал хлебных злаков или употреблял их в слабой степени, массово вел еще хозяйство древодных эпох, именно пользовался дубом, его жолудями для изготовления и хлеба. То же самое было в заброшенных районах древней Греции, как то легко было мне убедиться по десятку выписок из классических писателей.¹

Из урало-алтайских народов мы как будто и по свидетельству древних источников не застаем ни одного с древодным бытом, однако в угрофинской части, более архаичной, мы находим некоторые переживания его по сей день, и в этом отношении интересно отметить о вогулах свидетельство за несколько столетий до хр. э., свидетельство Геродота об одноименном по значению народе того же района, Аргиппаях, т. е. 'детях неба',² что этот народ был древодом, по-гречески «дендрофагом», однако вопрос, были ли тогда вогулы-аргиппай уже народом урало-алтайской группировки, в частности угрофинской, или еще яфетидами, как баски, или яфетидами хотя бы в степени чувашей?

Интересно, что говорят по этому поводу соответственные языки. По-баскски название хлебного злака сохранилось в виде основы $gar \leftarrow kar \searrow nar$, до сего дня означающего в том языке 'дуб' (\rightarrow 'жолудь'). От языка своего же края, успевшего от древодения перейти к хлебному питанию, греки унаследовали уже со значением 'хлеба' тот скрещенный из двух элементов АС термин — $\alpha\rho\tau\sigma\varsigma$, который у басков значит по сей день и 'дуб' (ar-te) и 'хлебный злак', 'маис' (ar-to). У басков название хлебных злаков, естественно, общее с армянами и грузинами, но у басков простой вид этого слова (gar-1) означает 'пшеницу' в противоположность грузинам и армянам, у которых оно значит (арм. gar-1, груз. qeg-1) 'ячмень', а для 'ячменя' баски пользуются тем же словом с удвоением $gaqaga\pi$.³

Турки с басками сохранили общность названия 'ячменя' в той мере, что у басков один элемент А используется, хотя и в удвоении, в значении 'ячменя', тогда как у турок тот же элемент А ($ar \swarrow *kar \rightarrow gar$) уже скрещен с элементом В ($pa \leftarrow *bal$), и этот двухэлементный АВ скрещенный термин $ar-pa$ ($\leftarrow *nar-bal$) и означает у турок также 'ячмень', и тот же двухэлементный

¹ В числе этих выписок, переданных мне работницею ЯИ О. М. Фрейденберг, имеется и место из Плуларха (Vita Coriolani, III) про аркалцев-жолудоедов.

² Как истолковано ныне яфетициологически: Н. Я. Марр, Скифский язык, стр. 383 [ИР, т. V, стр. 221]; его же, Приволжские и соседящие с ними народности, стр. 690 [ИР, т. V, стр. 301].

³ N. Marr, L'origine japhétique de la langue basque, Сборник «Язык и литература», т. I, стр. 237; его же, Китайский язык и палеонтология речи, III. 'Дуб' \rightarrow 'хлеб' и 'дерево', ДАН, 1926, стр. 109—112 [см. здесь, стр. 104—107].

термин в полном виде, т. е. с сохранением плавного исхода каждым элементом или хотя бы вторым, значит у грузин (*qog-bal*) 'пшеницу' и у мегрелов, равно чанов (*qo-bal*) — 'пшеничный хлеб'.

Можно бы подумать, что второй элемент В (фа ← *bal*) есть позднейший прирток восточных языков, но факты таковы:

1) именно эта акающая форма элемента В, закономерная для свистящей группы, находится в составе греч. *bal+an-os* 'жолудь' и лат. *rāp-e/i-s* 'хлеб', закономерно отождествляемых и формально-сравнительной грамматикой яфетических языков и идеологически, по значению, в связи уже с историей материальной культуры, как уже разъяснено;

2) тот же элемент В в разновидности шипящей группы *rig* без всякого скрещения в простом виде грузины используют исключительно в значении 'хлеб', а у финнов оно значит еще 'дерево' (→ *риц* → *ри* ↘ *ти* ↔ *то*), первоначально же означало 'дуб' (→ 'жолудь'), с каким значением и сохранилось оно в скрещении и у грузин (груз. *ти-qa*), и у финнов (км. *tu-ri*, морд. *tu-to* → *tu-t* и т. п.).

В сведуищих кругах мы уже предчувствуем недоумение, что развенчиваем турок как кочевников, выводим их земледельцами. Мы лишь сообщаем то, что вскрывает палеонтология речи. Ничего сами не прибавляем, разве прибавим выражение удивления наивности тех, кто верит в такие положения, как «гурецкая национальность» такого чисто хозяйственно-социального явления, как кочевничество.

Естественно также, если в языке того же баскского народа название 'топора' сохранилось в виде основы, до сего дня означающей в том же языке 'камень'. Но еще поучительнее то, что то же слово, того же состава, сохранилось не у соседей басков, не вообще у европейцев, а на Востоке — на Кавказе, у армян, да и у турок, но ни у тех, ни у других оно не значит 'железо', ни в каком сочетании, а 'камень' или 'скала'.¹

Следовательно, баски, западные яфетиды, расстались, где бы ни происходило это расставание, и с яфетидами Кавказа, и с турками, собственно их предками-яфетидами, равно с финнами (собственно их предками-яфетидами) еще тогда, когда железо не появлялось в хозяйстве, но зачатки земледелия были, однако главный культ был древесный в связи с древодным хозяйством, к чему вернемся особо.

Мы могли бы остановиться с той же и большей обстоятельностью на общности названия другого предмета необходимости — напитка, уже бесспорно первого напитка, именно 'воды', у турок с яфетическими языками Кавказа, да и Пиренеев, равно на его переживаниях в языках прометеидской системы («индоевропейских») в значении и предмета потребления, и стихии, равно космического явления, в частности 'неба + воды', мы могли бы остановиться подробнее с привлечением языков других систем, вплоть до прометеидской («индоевропейской»), на названии благоприобретенного и напитка, и питательного предмета 'меда',

¹ Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, стр. 45 сл. [ИР, т. III, стр. 149 сл.].

как то разъясняется в вводном курсе учения об языке,¹ общем у турок *bal* до тождества со вторым в его составе элементом *ɸl* ← *ɸal* скрещенного яфетического слова по свистящей группе (груз. *ႃa-ɸl*), а у чувашей (*ɸyl* / **ɸul*) с тем же вторым элементом (*ɸur*) того же яфетического слова по шипящей группе (м., ч. *ႃo-ɸur*), т. е. с сохранением звуковых соотношений языковых групп яфетической системы, актуальных и в урало-алтайской с захватом чувашского; мы могли бы также остановиться на слове 'кровь', как общем у тех же турок (*kan* → *gan*) со средиземноморцами и египтянами, да коптами, в качестве переживания в языках романского мира, здесь в скрещенном термине *san+gsh-s*, причем в Средиземноморья и у египтян заодно с латинянами в сибилантной разновидности; мы могли бы остановиться с не меньшей обстоятельностью и на других терминах и космического и микрокосмического мира и все в связи с историей или материальной культуры, или общественности; мы могли бы остановиться на десятках турецких глаголов, палеонтологически разъясняемых в своем происхождении от имен, общих у турок не только с яфетидами Кавказа и Пиренеев, но и с народами Средиземноморья весьма древними, хотя позднейшей формации, греками и латинянами. Отчасти мы этих материалов касаемся в других работах, так особенно в курсе. В том же курсе разъясняется,² и для характеристики достигнутой степени глубины палеонтологических изысканий нелишне осведомить, как слово 'природа' в языках, сохранивших термины доисторического для них происхождения, указывает на представление о ней абсолютно не как о самопроизвольном явлении, а как о создании 'руки', т. е. как об явлении по образу культуротворчества человека, созидания им предметов необходимости, и в связи с этим пережившее из языка прежней системы в латинском слово *pā+tur-a* анализируется как термин, означавший первично 'создание', 'творение руки', с увязкой через первый элемент, элемент *D*, именно *pā* (→ *pañ* ~ *pas*) в значении 'руки', с целым рядом языков Восточной Европы и далее, не говоря о Кавказе, здесь прежде всего с абхазским (*a-pa+ɸə* 'рука'), и это нисколько не ставит по существу в противоречие связь *pā-tur-a* с глаголом *pascor* 'рождаюсь', однако связь эта, а с нею и неслучайное созвучие совершенно иного происхождения, чем то предполагают лингвисты-формалисты (индоевропейцы), между прочим, отождествляющие полностью лат. *pāscor* и греч. *γίγνομαι* и предполагающие лишь формальное звуковое различие в самом латинском между синонимами *pātus* и *g-pātus*. Дело в том, что сам глагол 'рождать' представляет, понятно, в звуковой речи, а не в природе, новотворчество по образу производства, это слово, означающее раньше 'делание', а 'делание' происходит от 'руки'. Мы потому-то и имеем возможность разъяснить как неслучайное созвучие у турок 'моря' с 'небом', и в таком освещении разъяснено наличие турецкого слова *kol* ↔ *kul* и т. д., общего с чувашами и яфетидами, в основе такого хозяйственно и культурно значимого слова, как лат. *cul-tur-a*, а глагол *colo* и 'обрабатываю землю', и 'почитаю бога', оба понимания, неразрывно связанные и с производственным, и культовым, *gesp.* магическим, значением 'руки'.

¹ [См. Яфетическая теория, стр. 82—87 = ИР, т. II, стр. 73—76.]

² [Там же].

Мы могли бы, даже остановившись на одном этом как бы азиатском слове kol ↔ kul 'рука', углубить его еще дальнейшее использование, палеонтологически освещаемое, в частности в линии развития материальной культуры, функциональным переходом названия 'руки' на такое орудие производства, как 'нож' (да не только 'нож', но и 'орало', 'сошник' [у сохи], металлическая часть серпа), вообще металлическое орудие, металлический нож через каменный, заменивший 'руку', почему то же слово kü 'рука' находится в составе двухэлементного лат. cul-ter 'нож' и т. д., это тогда, когда приходится работать в этой области кустарно, не будучи специалистом-туркологом и не располагая в своих изысканиях помощью соответственных сотрудников.

И все-таки можно и со стороны средиземноморских языков, и романских, углубить изучение того же термина, именно рядом с cul-ter, скрещением из элементов AC, указать на существование скрещения AB, так яфетическая основа *kol+a-ps ↗ *kol+a-pt, пережившая в греческом отыменном глаголе κολλάπτω 'выбивать', 'высекать', отсюда и κολαπτήρ 'резец', что сопоставлялось и у индоевропейцев с culter по созвучию первых частей, без понимания сути дела, без учета того, что κολλάπτω значит и 'бить', и в этом смысле двухэлементный греческий скрещенный термин, заодно с романскими, ит. col-po, фр. coup 'удар', происходит непосредственно от 'руки', причем второй элемент, элемент B, у турок в полной форме с сохранением плавного исхода г еще самостоятельно без скрещения означает 'бить', это vur (чув. vat), и, однако, то же двухэлементное скрещение со значением опять-таки 'осгрия', 'орудия резьбы', сохранилось у французов в производном от него глаголе «couper» 'резать', который к 'руке' восходит лишь через металлическое и раньше каменное орудие, и в том же порядке, восходя лишь через 'камень' и 'металл' к 'руке', и то же скрещенное слово с обычным перерождением плавного в s || ш, гер. d ↘ d, сохранили латиняне в cuspid (им. cuspis) 'копье', 'всякое остроконечное оружие', 'вертел' и т. п.

На микрокосмических терминах общность турецких с баскскими легко вскрывается путем одной сравнительной грамматики, как разновидностей различных групп, как, напр., когда речь о 'зубе', т. diş (чув. şəl) и первый элемент скрещенного бск. or-ş (|| груз. ğr-dil ← *ğr-din), тогда как турецкое же dil и лат. dent- (dens) с эквивалентами ряда кавказских яфетических языков (ğer ← ker → ker) принадлежат одной группе, да к тому же все они одноэлементны, не в пример, казалось, более древнему из протейдских языков Средиземноморья, греческому, где слово двухэлементно (CA) — ὄ + δων (род. ὄ-δωντος, как, впрочем, уже в баскском (AC), да и грузинском ğr-dil ← *ğr-din (ср. ğr-tena 'скалить зубы'), одинаково двухэлементных скрещениях. Оговорюсь, что в этом термине турецкие расходятся с финскими, и с финскими объединяются русский и второй слой грузинского, причем у них у всех слова также двухэлементны, но элементы AB.

Время не позволило бы равным образом в связи с культом 'дуба' увязать западную Европу с друидами доисторического населения Франции и с pontifex'ом римлян и в быту, и в словаре с яфетическими и турецкими народами Востока и реально, и словарно.

Но нельзя обойти молчанием общности вообще со средиземноморскими народами таких культовых терминов у турок, как шаман, из 'колдуна' или 'знахаря' восточной общественности в Италии ставший еще в доисторические для Рима эпохи мифической изобретательницей письма «Carmenta» и посредником богов, их гонцом, «Гермесом» у греков. Об этом подробно в печатающейся работе о числительных.¹

Из культовых терминов, ставших бытовыми социальными, именно названием класса, сословия, знати и т. п., исключительный интерес представляет и слово 'господин'. Это в баскском элемент С полностью в скрещении с пережитком элемента А в значении и 'господа', и 'господина' qawn-а (первично * qon-ar); в турецких языках представлено то же слово двойко: и одноэлементно $\text{kan} \rightarrow \text{qan}$, и двухэлементно $\text{ka-ğan} \rightarrow \text{qa-kan}$, которые, означая одно и то же, однако, вовсе не являются всегда, при кратком «а», так же как при долгом, словами и по составу тождественными. Взаимоотношения их на деле, как вскрывает палеонтология речи, и формально, и идеологически совершенно обратные тому, что по сей день утверждается туркологами, точно qan происходит от qa-kan , т. е. qan , позднее qa-kan . Наоборот, qa-kan двухэлементный термин, т. е. термин из тех же двух элементов АС, что в баскском эквиваленте (СА), но в обратном порядке, т. е. скрещение независимое, и скрещенный термин, разумеется, лингвистически позднее одноэлементного qan , последний у турок общий с басками, пережитком доисторического народа Западной Европы, он тотем одного из основных хозяйственно-общественных коллективов — ионского, влившееся в этническое образование басков и отложившееся в топонимике, прежде всего, как уже разъяснено в печати, в баскском национальном названии Пиренеев Awpa , равно $\text{Awña} \leftarrow *awn-ga$,² здесь опять-таки элемент С скрещен с элементом А ($\leftarrow *fan-gar$).

Этот ионский элемент (элемент С) распространен по всему миру, от Средиземноморья до Дальнего Востока через Кавказ, и в Средиземноморьи он оставил след у греков, как и на Кавказе у удинов, в значении совершенно иного слова, нарицательного имени 'женщина', 'девушка', это по сибилантной ветви Zep в составе греческого сложного слова παρθένος 'девица', букв. 'дитя + женщина', оно же по спирантной группе $\text{qin} \sim \text{qin}$ в составе удинских сложных слов qin-är 'девушка', букв. 'женщина-человек', qin-qi 'сестра', буквально, 'женщина-брат' и т. п. Есть, пожалуй, и акающая форма qan с тем же значением, и его в таком случае не следует смешивать со словом, означающим 'хан'. Надо еще хорошо взвесить, не относится ли сюда, именно к qan 'женщина', слово qan , когда оно часть женских имен, как в Кашгаре (Au-qan , Maqam-qan , см. Радлов, s. v. хан), или когда оно появляется как бы самостоятельно в составе qan-əm в значении 'ханши', 'дамы', 'хозяйки дома', 'дочери хана' и т. п. Здесь мы не затрагиваем этого лексического материала с точки зрения пережиточного

¹ См. Н. Я. Марр, О числительных (к постановке генетического вопроса), Сборник «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. 1—96 [ИР, т. III, стр. 246—306].

² N. Marr, Analyse nouvelle du terme Pygénéés, ДАН, 1925, стр. 5—8, и Les Pygénéés ou Monts Ioniens, ДАН, 1925, стр. 15—18.

в нем отражения матриархального строя. Факт тот, что подобно $\dot{q}on \leftrightarrow \dot{q}un$ на Кавказе (удинск.) и $\dot{q}en$ в Средиземноморья у греков, в турецких языках в значении еще 'женщины' сохранилось то же слово в форме не только с аканием $\dot{q}an$, но и с губной огласовкой, однако по сибилантной ветви, как в греческом $\dot{q}en$, в тур. $\dot{q}un$ в составе термина $\dot{q}a-\dot{q}un$ (осм.) $\leftarrow ka-tun$ 'знатная дама', 'принцесса' вообще 'женщина', где первый элемент, элемент А, сам по себе означает 'хана', и он тот же, что начальный $\dot{q}a \leftarrow ka$ в составе $ka-\dot{q}an \rightarrow \dot{q}a-kan$, при восстановлении плавного исхода у первого элемента должно бы звучать в более древнем виде: $*kar-\dot{q}an \rightarrow *qar-kan$.

И такая полная форма сохранилась на всем протяжении от далекого Средиземноморья до глубинной Азии, в том числе и в турецком, но с первым элементом, элементом А — $\dot{q}a$ по сибилантной ветви, ta в скрещенном виде $taq-\dot{q}an$ (джагат., осман.), она же у турок не только название привилегированного сословия, но первично тотем и племенное название («название одного джагатайского племени»), и она же — естественная часть собственных имен. Однако этот термин настолько разъяснен яфетидологически в печатной литературе,¹ что мы здесь используем лишь часть, относящуюся к увязке турецких языков с Западом. $Taq-\dot{q}an$ тот же термин, что название, еще долатинское, предполагается — этрусское, вернее — яфетическое же, но не этрусское, а другое, по первой составной части италское название пятого, 'легендарного', т. е. доисторического для римлян, царя Рима; он же, как тотемное слово, название прославленного города, чуть не столичного, Этрурии, хорошо известное и по форме $taq-\dot{q}un$ в хеттском мире. Особый интерес представляет чувашская разновидность с $\dot{q}a$ нием первого элемента того же термина $tor-\dot{q}an \leftrightarrow tur-\dot{q}an$, то в полной, то в усеченной форме сохранившаяся и в значении 'бога', так на Востоке на Волге у чувашей — $tor-\dot{a} \leftarrow \leftarrow tur-\dot{a}$ ($\leftarrow *tur-\dot{q}un$), на Западе в Италии у этрусков — $Tur-an$, женская богиня, небесная Афродита, и в значении эпического героя, так на Кавказе $Tor-q$ у древних армян, и, естественно, также в значении племенного названия, в Италии с обычной заменой и в чувашо-турецких взаимоотношениях, и у одних яфетидов плавного сибилантом, $Tos-kan-a$, на Кавказе $Tusk'i$, ныне тушины, чеченского племени, и можно ли в какой-либо мере сомневаться, что и турки называются так не по случайности, как предполагается, а по сумме всех координатов, по связи этого термина, как племенного названия, не только с названием привилегированного сословия, равно 'бога', даже с корнями в матриархальных эпохах — женского божества, но и с так наз. доисторической топонимикой, названиями рек, гор, населенных пунктов и т. п. Между прочим, в экающей форме Θerg и $Teg+e-k$ это название хорошо всем известной реки, протекающей ныне через население племенного состава и грузинского, и осетинского, и чеченского, но в древности в этой части Кавказа оно связано с пребыванием в ней чеченского ныне племени $tus-k'ov$, тушинов, или турков, первично в яфетическом произношении $tur'ov$, или $tor'ov$, почему Кавказский проход с Военно-грузинской дорогой у армян в древности носил название $\dot{t}oraq-rahak$ 'стража $\dot{t}or'ov$ ', или тусков, турков.

¹ Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы, стр. 156 сл. [ИР, т. V, стр. 180 сл.].

Мы с турками не претендуем на занятие Дарьяльского ущелья в исторические эпохи, как удела их племенного образования, но ни племенное название «турок», или «тюрк», ни неразрывно с ним связанные того же состава культовые и социальные термины, ни десятки, да сотни обихих по палеонтологическому анализу слов у турок, совместно с яфетидами и угрофиннами или независимо от них, с баскским языком и языками проточетской системы, именно с доисторическими пережиточными в них слоями, не могут быть объяснены ни случайностями, ни вкладами в путях заимствования. Во всяком случае не может быть речи об исконной изолированности от Европы турецких языков, вопреки положениям господствующего формального метода старого учения об языке, общепринятым с одобрения всех специалистов-туркологов, в первую голову туркологов-лингвистов. Во всяком случае, выясненные новым учением об языке названные факты увязки турецких языков с архаичным Средиземноморьем вынуждают ставить естественный вопрос: «откуда сие?». Новое учение об языке дает и предпосылки для его решения в ряде уже достигнутых им теоретических положений. Беру основные из них, как они формулированы в печатной программе нашего курса и разъясняются в самом печатающемся сейчас курсе (§ 30): «Сам по себе язык не существует как закономерное явление, живущее особыми физиологическими или психологическими законами. Жизненность языковых явлений, вообще звуковой речи, в их органической связанности с развитием материальной культуры и техники. В связи с этим вопрос о месте зарождения культуры на Востоке и Западе». И далее (§ 31): «Лингвистическое место зарождения культуры в условиях наибольшего накопления материала и длительного процесса мутационного порядка, свидетельствуемого фактами. Там так наз. родина, собственно, социально-творческая среда культуры и вместе с ней и звуковой речи человечества».¹

Где же это? Никто теперь из специалистов, мыслящих в уровень современных научных представлений, не скажет, что в Америке или Океании, хотя в ней, Америке, и находится одна группа так наз. примитивных языков. Они считаются внедренными из Азии или непосредственно, или через Океанию. Несмотря на громадное количество языков в Африке — их шестьсот — и несмотря на наличие в ней большого числа так наз. примитивных языков, не исключая и языков так наз. «птичьих», нет никаких данных, даже при наличии на африканском севере такой древней культуры, как египетская, в глубинной Африке видеть место того накопления материала, которое обеспечивало бы за нею условия социально-творческой среды, положившей начало созданию мировой культуры и вместе с тем глоттогоническому процессу мирового значения. В Африке, действительно, имеются языки самых различных систем, но мы не видим для их сроднения эволюционного процесса в развитии речи, ни в путях постепенного развития, ни в путях революционной перестройки взрывами мутационного порядка, нет увязки между различными системами африканских языков. Более того, увязка северной Африки намечена давно со средиземноморскими языками

¹ Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928 [ИР, т. II, стр. 8—9].

так наз. доисторической Европы, ныне сюда же тянется и такой так наз. «птичий» язык южной Африки, как готтентотский. По быту и материальной культуре связь обитателей южной Африки со Средиземноморьем уже установлена раньше, до какой бы то ни было даже мысли у яфетидологов о возможности лингвистического освещения того же вопроса.

Лингвистическое состояние Азии в отношении нашей основной проблемы по существу не отличается от положения дела в Африке. В Азии нет таких примитивных языков, как в Африке, но, помимо палеоазиатской примитивной речи, сам культурнейший язык Дальнего Востока, китайский, представляет древнейшую типологию человеческой речи, к ней же принадлежит и масса языков урало-алтайской системы, равно тибето-бурманской, третьей основной системы, с префиксовым образованием, а все-таки налицо нет признаков мирового глоттогонического процесса; напротив, в ней, Азии, непочто сохранился и культурнейший язык на первичной ступени типологии звуковой речи, в ней без движения замер в смысле выработки дальнейшего типа архаичный вид протемеидской системы, так наз. индоевропейский язык, санскрит, заброшенный в Индию, разумеется, классово, и нет никакой научно учитываемой увязки между различными системами азиатских языков, нет ясной научной увязки даже между группами одной и той же системы, агглютинативной урало-алтайской, точно они заброшены откуда-то, где они были увязаны. Откуда же?

Остается по элементарному арифметическому действию, по вычитанию — в Европе. А по истории материальной культуры и общественности и связанной с ними своим развитием звуковой речи?

Имея по археологии факт наличия не только древнейшего палеолита, но и непрерывную смену различных стадий развития материальной культуры от палеолита до настоящего времени, мы видим в языковой части непрерывную смену не только языков, но и систем языков, отвечающую на смену и хозяйственно и общественно культуры, на смену соответственных ее эпох или, точнее, коренным образом расходящихся соответственных культур, казавшихся по разности типологии созданиями различных рас, причем с наступлением господства новозарождающейся языковой системы старая исчезает потому, что глоттогонический процесс был именно в стране в непрерывном ходу, потому-то от древнейшей системы, уранической, с ее моносиллабизмом и полисемантизмом на месте не осталось ни одного представителя, но китайский язык сохраняет в Азии все материальные и формальные данные с их идеологиею палеонтологически вскрываемого состояния речи той начальной уранической эпохи в Средиземноморьи и вообще затем в Европе. Отход от глоттогонического процесса Средиземноморья решал вопрос о замирании языка на той моносиллабической ступени развития, что мы видим не только в Азии и в типологии китайского языка, но и в типологически сродных суданских языках Африки. Яфетического языка синтетического уклона вроде абхазского нет в сохранности ни одного в Европе, как в точности урало-алтайского представителя, но из языков яфетической системы сохранился один баскский, с агглютинативным строем, уклона, сродного со строем алданских, т. е. урало-алтайских, в том числе турецких языков. Однако опять-таки

алданская (урало-алтайская) группа агглютинативных языков, в числе их и турецкие, на Востоке и в Европе и далее в Азии, до глубин ее и далее приокеанийских сохраняют в Азии материальные и формальные данные с их идеологией палеонтологически вскрываемого состояния речи соответственной эпохи в процессе глоттогонии мирового, следовательно, значения в Средиземноморьи. Нужно ли нам далее продолжать эти наметки расселения языков всего мира, как то представляется ныне изначальным? Или нужно ли мне, если наш опыт в какой-либо мере оправдывает себя вразумительностью, — нужно ли подсказывать мне ответ, где так наз. «прародина» турецких языков, или, при более правильной уже яфетидологической формулировке этого вопроса, — куда надо отнести турецкие языки или какое место надо отвести им по эпохе, а уже в связи со средой развертывания общественного творчества той эпохи наметить ее физическое окружение, определить в этом смысле прародину и географически? Для достижимого лингвистически крайнего в глубину времен предела ее никак нельзя выбить из все той же позиции афревразийского средоточия. Здесь, в Средиземноморьи, занесенный письменной и в значительной мере и материально-культурной историей мировой глоттогонический процесс с моментом выделения и алданских, в том числе турецких языков.

Практическое значение намечающегося общего построения многообразно. Я укажу лишь на одно значение специально по вопросу о разъяснении многочисленных неопределенных языков нетолкуемых доселе или плохо толкуемых надписей Средиземноморья. Подход к ним осложняется. Материал в помощь дешифровке увеличивается. С яфетическими языками в толковании их неизбежно придется пользоваться языками и других систем, разумеется, проработанными яфетидологически. На этом мы поставили бы пока точку, если бы не два пункта.

Пункт первый. После сказанного не можем не реагировать в порядке яфетидологического подхода к двум великим сказочным преданиям человечества о происхождении языков и их своего рода палеонтологической истории.

Первое в связи с библейской историей столпотворения человечества, вздумавшего бороться с богом и наказанного разноязычием.

Не представляет ли этот миф сказочно сложившееся предание о том, как человечество на пути своего прогресса развивало и уже тогда довело до самостоятельной полноты звуковые языки, стяжание, совершенно исключавшее надобность в линейной речи, более того — в этом глоттогоническом процессе оно развило звуковые языки уже различных систем, становившиеся совершенно непонятными в их взаимных так наз. расовых отчуждениях.

Второе предание, псдобранное из народной среды в писаниях греческого философа Платона, сказание об Атлантиде. Это погибший мир языков, оставивший о себе неизгладимую память в человечестве. Да разве мы не видим теперь того погибшего мира, так наз. архаичных языков Средиземноморья, который надо искать, однако, не на дне моря, Атлантического или иного, а в местах расселения народов, отходивших от умопомрачительных сдвигов «вавилонского столпотворения» человечества, его единого глоттогонического процесса, от единой создававшейся им и мировой хозяйственно-общественной жизни и создававшихся ею надстроечных

социальных категорий, в числе их звуковой речи? Надо, следовательно, искать погибшую Атлантиду в местах расселения народов, отходивших от социально-экономической среды, где создавалась человечеством и перевоплощалась им в новые типы звуковая речь. Творцы древнейших систем той средиземноморской звуковой речи погибли в дальнейшем процессе развития языков при переработке в новые системы, когда те слышущие за доисторические языки старых систем, как и говорившие на них народы, оторвавшиеся от местонахождения все того же мирового глоттогонического процесса, канули вместе со всеми связями, ныне вскрываемыми палеонтологией речи, как Атлантида, в море человеческого забвения. И сможем ли мы при наличных условиях развития новой науки об языке, яфетической теории, при полном мертвящем массовом равнодушии (если не быть резче) именно наиболее, казалось, заинтересованных ученых специалистов, вытащить из глубин океана человеческого равнодушия к своему прошлому эту реальную Атлантиду?

Ответить, кому охота, предоставляю другим, мне же — это пункт второй, — мне же, как лицу, собирающемуся в долгий путь, ответ да будет разрешено формулировать так же, как формулировал я его семь лет тому назад, перед первой заграничной своей поездкой из советской России, при тех же условиях, ибо, несмотря почти на скоро десятилетний промежуток, в отношении к яфетической теории мы не видим никакого изменения по существу к лучшему. Наоборот, рядом с бесспорным приливом общественного интереса и нескольких сочувствующих единиц из круга специалистов, не только отлив, а какое-то не то озлобленное, не то ничем не устранимое непонимание именно среди ученых. Я бы назвал явление изумительным, если бы оно, как классовое, не разъяснялось легко и естественно. И вот то, что я говорил семь лет тому назад, заключая чтение доклада «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» в АИМК, я могу повторить сейчас, в уверенности, что отражаю в нем свежесть актуального положения: «Воздух сперт у нас и душно в научном мире, особенно в мире духовного изучения материальной культуры не извне, а внутри». И, «отъезжая или собираясь уехать, я с удовольствием вспоминаю завет поэта, также яфетида, кавказского баска, или месха: „когда час пробил ухода, то не следует временить, немедля надо удалиться“».

Карфаген и Рим, *fas* и *jus*¹

(Из яфетической Африки — Берберии)

Только из опасения удлинить чересчур заглавие не снабдил я его еще придатком: «К вопросу о методе». Да, опять «к вопросу о методе», как писалось и под заголовком только что появившейся работы «Из Пиренейской Гурии».²

Надо же было этому методу загнать нас к кабилам, чтобы здесь найти то, чему следовало быть в яфетических языках шипящей группы на Кавказе — в чанском и мегрельском. В них не было соответственного слова для 'бороды'; оно оказалось в Африке. Дело в том, что, когда в грузинском имеем *ko-vel* 'всякий', 'весь', его точного мегрельского или чанского двойника нет. Мы теперь знаем, однако, что приведенное грузинское слово — двухэлементное образование *ko-vel*, и первая часть скрещения *ko* — усеченная форма полного его вида *koq*, *gesp.* *kol*, и там, где *k* теряет почву, мы должны иметь *og*, с позднейшим перебоем «о» в «и» — *ig*, и, действительно, все эти разновидности налицо: 1) *koq*, по усвоению в грузинских говорах *kol* (груз. *koq+vel*, *kol+vel* 'все', дословно 'всякий вид', *kol-a* 'вовсе' у Шоты), 2) *og-o* 'всякий', 'весь' в баскском и 3) *ig-i* 'всякий', 'весь' у мегрелов и чанов. Однако, когда для второй части *vel*, в эламском наличной в виде слова *vel* в составе *vel-ki-ta* 'всячески' («во всякий образ»),³ мы хотели также найти соответственный двойник у мегрелов и чанов, его не оказывалось, и закономерно построенное нами мегрело-чанское **var* || *mar* могло повиснуть в воздухе, если бы древнелитературный язык, грузинский же (не говорю об эламском, где также был вскрыт его след в виде основы *mar*⁴), не пришел на помощь своим *mar+a-dǵ* → *mar+a-d* 'постоянно', 'ежедневно', буквально 'всякий (*mar+a*) день (*dǵ* → *d*)'. Естественно было для груз. *i-ver* 'борода', равным образом, как стало известно, двухэлементного образования, искать мегрело-чанского двойника или в целокупности, также двухэлементного, или для каждой составной части отдельно. Я не буду отпугивать и без того редкого даже в среде ученых читателя лингвистических изысканий историю отдельных частей этого слова, некогда, до скрещения, самостоятельно существовавших и оставивших след в значении где 'края', 'кончика', где и 'бороды', но точного двухэлементного соответствия, которому следовало быть закономерно **ta-mar*, *gesp.* **ta-var*, так и не оказалось на Кавказе, ни у мегрелов, ни у чанов, но оно сохранено берберами, как кабилами, так марокскими их собратьями. 'Борода'

¹ [Напечатано в «Сообщениях ГАИМК», т. II, Л., 1929, стр. 372—415].

² Известия КИАИ, т. V, отд. отд., стр. 1—62, Л., 1928 [см. здесь, стр. 3—52].

³ Н. Я. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, стр. 88—89 = отд. отд., стр. 58—59. Ясное дело, что трактовка грузинского *ko-vel* 'весь', 'всякий' → *k-vel-* (в составе *k-vel-a* 'все' = 'всё', с возведением трехсогласия в архетип, словом, фонетически формальная, единственно существовавшая 14 лет тому назад, требует сейчас коренного пересмотра, согласно палеонтологии речи, хотя бы формальной, т. е. с учетом элементов. Сейчас не касаемся другой самостоятельно существующей разновидности слова *-vel*, в грузинском наличной лишь в скрещенных образованиях, именно **ves-e*.

⁴ Ук. соч., стр. 89, отд. отд., стр. 59.

по-кабилски — *ʒamar* (→ **ʒa-mar*), равно по дессимиляции начального аффриката *ʒ* (→ *ʒ*) — *tamar* (слышал я и *ʒa-mar*), а у марокских берберов также без фрикативности, но с сохранением долготы первым элементом, за утратой исходного плавного: *tā̄mar-t* (мн. ч. *tā̄mar-in*).

Разумеется, дело не в грузинах или даже не в чанах и мегрелах, как и не в современных берберах, касилы они или марокцы, «туземцы», по-срумски», по-европейски, значит по-французски, *indigènes*'ы; речь не о лингвистически «презренных этнографических туземных единицах», а о тех единственно обитавших по всему Средиземноморью и расселившихся по всей Африке народах, которые творили человеческую речь в путях совершенно определенной социальной закономерности, во множестве разновидностей. Это — разновидности, легшие в основу дальнейших оразований, новых систем, в которых неисчерпаемы если не эти, то другие тождественные по характеру образования во всех языках и вовсе не яфетической системы, с той, однако, разницей, что в них не прослеживаются. они в связи с создававшими их закономерными явлениями; в новой среде тот древний порядок с его отжившими нормами разрушен в конце. Но от этого факты не перестают быть фактами, требующими учета по подлинным их нормам, где бы они теперь ни открылись — в турецком, финском и хотя бы в русском, и в чем бы ни сказались, хотя бы в морфологии или фонетике. 'Пить' по-берберски *su*. Можно бы думать, что это занесенное «миграцией» турецкое слово 'вода'. так как 'пить' по палеонтологии речи, действительно, происходит от этого имени.¹ Однако нельзя игнорировать не только грузиноведу, но и берберисту (а туркологу? а финноведу? а семитологу? а индоевропеисту?), что берб. *su* 'пей' неразлучно с грузинским (древнелитературным) *su* 'пей'; более того, *su* 'вода', от которого происходит этот глагол, представляет усеченный вид *sig*, собственно, следовало бы ему по нашим закономерностям звучать *шиг*, что также налицо в своем месте, хотя бы усеченно (шипящая группа усеченно *ши*: ч. о-*ши-ти*, мегр. *ши-ти+а*, *ши-та-фа*), и десятки разновидностей этого слова представлены иными глаголами, восходящими все к той же 'воде', как к семантическому архетипу,² и также к именам, в числе последних полная форма *шиг* (←→ *шог*) в ряде финских языков, так в коми (зырянском), равно в чувашском,³ здесь с усечением *ши*, *геср.* *шэв*, но это не мешает ему, в виде *сog* (вм-*шог*), быть в скрещенной основе лат. *сog+в-е-о* 'пью', в арабском успевшей стать по семитическому шаблону трехсогласным корнем *штг*, в аористе *штгва* 'он пил', и, разумеется, абсолютно без всякой зависимости и от арабского, вообще семитического, и, тем более, от латинского, та же скрещенная основа трех согласных *ш-г-в* переживает у армян со спирантизацией сибиланта *ш*, собственно его эквивалента *s* по свистящей акающей группе; это, значит, *h* (↗ *q*) в скрещенных основах: 1) с утратой спиранта *ag+в* у армян в аористе глагола 'пить': *агв* 'пей', *агв-* 'я выпил'; 2) с подъемом спиранта в *q* у грузин

¹ Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § 1. 'Пить' ← 'вода', ДАН, 1927, стр. 82—84 [см. здесь, стр. 112—114].

² Полнее в соответственной таблице разновидностей грузинского языка в печатающемся французском курсе грузинского.

³ К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН, 1926, стр. 349—354.

в прилагательном *qarv* 'жадный',¹ у армян в народном *qarq-at* 'напившийся', 'пьяный'.²

Правда, у семитических языков особые связи с хамитическими, следовательно, надо разобраться сначала в взаимоотношениях этого порядка между арабским и берберским. Но как же вы разберетесь без учета в других районах расселения речи одного и того же человечества, если не менее сложные отношения в частности у грузинского с арабским и хамитическими, вообще с семитическими и хамитическими? А отношения к пиренейским языкам, с одной стороны «разроманизовавшихся» испанцев с их *be-ber* 'пить', *be-by-da* 'напиток', с другой — архияфетидов эускалов, спречь басков, да их *e-da-n* 'пить', *e-da-ki* 'напиток', *e-gar-i i-san* 'жаждать', равно *e-dal-e-tu* 'жаждать' и т. д. с основой *da*, в архетипе *dal. resp. dar* и по спирантной норме *gar* в значении 'воды'. Все это можно и должно обходить молчанием, уйдя головой в современность от Гомера и Вед и повернувшись спиной ко всему остальному миру с глубочайшим презрением, или в лучшем случае предоставив этот безразличный для европейского культуроведа мир африканский, азиатский, американский, да и океанийско-австралийский, «специалистам» с такой же ответной позой в отношении языков Средиземноморья, вообще остального мира.

Сейчас, однако, речь о берберском, и когда дело заходит о связях этой африканской речи с яфетическими языками Кавказа, трудно не указать на тожество функциональных элементов, местоименных аффиксов в кабилском, и, например, в частности в грузинском, как можно усмотреть из следующей таблицы:

Местоименные элементы ед. числа.

Каб.

Груз.

Суффиксы в именах:

Суффиксы и префиксы в глаголе:

1 л. -и ['я', 1-и род. п.] 'мой',
собств. 'de moi'

v-³

2 м. р. -к ['ты', 1-к род. п.] 'твой',
собств. 'de toi'

q- ↘ h- (~s-) общего рода⁴

2 ж. р. -ш ['ты', 1-ш род. п.]
'твой', собств. 'de toi'

—

3 л. -s ['ego' || 'ee', 1-s род. п.]
'son', собств. 'de lui',
'd'elle'.

-s

Оговорюсь, сами кабилы -к 2-го лица произносят *χ*.

¹ Египетский, шумерский, китайский... , стр. 83 [см. здесь, стр. 113].

² Опускаем народное *qem-el* 'пить' от также скрещенной основы *qem* с утратой плавного *r*, да с теми же переживаниями, что у *qar-b*, но по шипящей группе, т. е. с восхождением к архетипу *qu-m*, полнее и точнее — **qur-m*.

³ Об эквиваленте этого *v* в виде «и» на Востоке у эламов, см. Определение языка второй категории ахеменидских надписей, стр. 22

⁴ Сюда же и звонкая разновидность *k*, именно *g*, в роли объективного местоименного префикса того же 2-го лица.

Грузинский язык в префиксах утратил разновидности множ. числа, как и берберский в 3-м лице, отличающий множ. ч. лишь придачею окончания мн. ч. -эп (-s-эп, ж. s-эп-t, в род. падеже эп-sэп, ж. эп-sэп-t). В грузинском нет также разновидности женского рода 2-го лица. Однако местоименная основа 2-го лица женск. рода m-, да еще с неутраченной огласовкой ma-, сохранилась в значении лишь 2-го лица в адвербиальном образовании ma-n+d 'там' (исключительно близ *второго* лица), и эта основа с функцией префикса, да и вообще самостоятельного местоимения 2-го лица именно женского рода налицо в разновидности ba- (самостоятельно в форме мн. ч. ba-га) в абхазском. Также налицо берберские разновидности местоименных аффиксов для множ. числа 1-го и 2-го лица в кругу еще более близких к грузинскому яфетическим языкам Кавказа, так n (в форме -пағ, что в род. падеже этого суффикса эп-пағ для 1-го лица женск. рода) налицо у сванов в префиксе n- 1-го лица множ. числа.

Ясное дело, что умалчивание в данном обсуждении об языках иных систем, не исключая и самых ныне отдаленных топографически, вовсе не значит, что в них нет данных для вклада в ту же наметившуюся ныне конкретную исследовательскую работу над разъяснением того, что есть и что было построено человечеством вообще по части звуковой речи, а не над построением тех схематических праязыков, которых никогда не существовало. При современной шаг за шагом археологически выясняющейся картине изначального прогресса от общины Запад и Восток Европы представляют оторванные друг от друга части некогда единого культурного мира, и это положение новым лингвистическим учением об языке все более и более уточняется. И не надо упускать из виду такой же связи крайнего севера с крайним югом человеческого расселения. Африканская богатая лингвистическая среда представляет непочатый источник для установления далеких связей и в этом направлении.

Здесь я ограничусь одним примером, когда берберский мир по языку сходится с финским в термине громадного культурного значения, причем в Африке оказывается благополучно сохранившимся в изумительной непочатости то, что нами восстанавливалось теоретически. Речь об окающей разновидности слова, означающего 'земля' — *ти*.

В 1926 г. мы писали:¹ «Оказалось совершенно неслучайным, что окающее у зырян *ти* (из *тиг* ←→ *тог*) 'страна', 'край', в разрезе космических представлений ('земля' || 'небо' и 'небо' || 'год') являющееся двойником клинописного у шумеров и др. *ти* 'год', и акающее у финнов-суоми *маа* (из *маг* [resp. *mal*]²) 'земля' имеют прямое отношение к *маг*- грузинского *маг-ткв-и* [древнелитер. без именного окончания *маг-тку*] и к *тог* ←→ *тиг* чанского *тиг-г-и*, буквально означающих 'землянику', как в русском, в связи с землей», причем дополнительно можно прибавить, что с усечением, как в коми, в виде *ти* и тем более в виде *т* (вм. *та*) то же слово налицо в значении явно 'земли' в скрещенных образованиях, словах мегрельском *ти-џиг-и* 'страна' и грузинском *т-џаг-е* 'страна'. В гру-

¹ Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Предупреждение, стр. 3 [ИР, т. III, стр. 123], см. также, К пересмотру распределения шумерского словаря, у.к. м., стр. 11—12.

² Яфетическая теория, стр. 37 [ИР, т. II, стр. 38].

зинском же имеем, однако, в значении именно 'земли' и тп, с позднейшим перебоем губного гласного «и» в «и», в составе скрещенного термина *mī-tā* 'земля'.¹ Я уже не буду останавливаться на полном виде *mī*, именно *mīg* 'мир', еще лишний, но далеко не последний раз связывающем грузинскую речь с русской.

Факт, нас интересующий сейчас, тот, что полный вид этого термина *mīg*, вид шипящей группы, со значением 'земля' сохранился непочато у берберов в их морфологическом обрамлении, как слово женск. рода $\text{ḡ} + a\text{-mīg-ḡ}$.

Однако сейчас мы не доказываем родства сопоставленных здесь языков, для этого имеется другое место. Мы лишь иллюстрируем, какой диктуется размах: Кавказ и Африка через голову и «арийской» («индоевропейской», «индогерманской») и не знаю, как ее еще назвать с точки зрения чудища XIX в. («индоевропеизма») Европы и семитической Азии с крайним по звуковой речи обитаемым севером и крайним востоком, а за востоком и далее с заокеанскими странами, которые человечеству впервые открыли, предполагается, европейцы. Но диктуется-то кем или чем? Методом, тем же в отношении размаха методом, что у исследователя палеолита, поскольку он не отказывается заниматься как законным предметом своей специальности продукцией одной и той же эпохи, где бы соответственно говорящий материал ни обретался.

Научно это ясно, но как быть с «политикой», именно с «политикой»? Я никак не знал, что ученому надо быть стратегом, политиком, дипломатом и потом только на последнем месте ученым, т. е. носителем и взрастителем определенных специальных знаний и новизной их будителем, а посему посылно их бесхитростным излагателем с одним долгом: не стесняясь говорить о том, что в обстановке прежних знаний по данному предмету диктуется смыслом того, что или давно узнано, но даже в ученых кругах неизвестно, или что вновь узнаешь, только что слышишь и видишь, — не стесняться высказываться, хотя бы пришлось говорить о таком зрелище, как непристойное состояние голого царя, про что все отлично знали, но никто из мудрых не решался говорить, и пришлось высказаться «ребенку». Не всегда же истины вещают «мудрые змии». Бывает, значит, когда и ученым не сором стать ребенком. В известном возрасте это как будто не почтенно. Но чему, чему не выучишься именно к старости лет. Пришлось на академическом канате заняться яфетической эквилибристикой. Ничего, удавалось. Говорили, будто и волки сыты, и овцы целы. Выходило, что хорошо и осторожно. Вот и с осторожностью.

В одном из заслуженнейших в мире столетних востоковедных обществ я был свидетелем поучения из уст, естественно, тоже ориенталиста, также несомненно растущего в линии заслуг, что все, что он собирается прочитать, это — деталь, частный вопрос, не берет он, мол, на себя решения затронутого вопроса в масштабе широких перспектив. Он, дескать, достаточно «осторожен», чтобы не поддаться подобному соблазну (это была прелюдия). Он вовсе не освещал, мол, вопроса во всем его охвате, в каком предмет мог бы быть трактован, ибо данных немного, да с шипами, они захватывают интересы чересчур ответственные,

¹ О *mī*, resp. *pī* ↔ *bī*, в значении 'земли', 'божества земли' в скрещениях см. Скифский язык, стр. 382 [ИР, т. V, стр. 220].

к тому же рискованные предметы; докладчик же, разумеется, был «осторожен», разумен, и держался-то в своем докладе он правил хорошего общества и благо-разумия (это был заключительный аккорд). Не знаю, как отнеслись в душе к этой манифестации осторожности и благоразумия. Мне показалось, что один из выступавших, повидимому, тоже сторонник этой очень полезной для серьезного успеха и в ученом мире «осторожности» и благоразумия, нашел все-таки в докладе один винытик, торчавший, как колючий шип, выходя за пределы призываемой для заслона, как защитный цвет, осторожности. А мне, не скрою, хотелось крикнуть: «Осторожно, коллеги дорогие, осторожно, как бы с вашей хваленной мнимой осторожностью не замереть окончательно и потомственно в стоячем болоте».

И тем не менее, находясь в Африке среди кабиллов, не могу не дыхнуть свободно и не вскрикнуть с легким сердцем, пусть идеалистически наивно и безнадежно: «Долой хотя бы в науке все эти стратегическо-политическо-дипломатические приемы. Без всяких формальных осторожностей!». Осторожность есть в таких случаях лицемерное прикрытие того факта, что есть нечто, просмотренное такими же грешными людьми, как мы все, обслуживающими, допустим, «царственную» науку, но наука по этой линии гола, как известный голый царь, но мудрым змиям признавать это не хочется. Иначе как при осторожности и мне, не эллинисту, не латинисту и не историку средиземноморского античного мира и даже не индоевропеисту, хотя бы лингвистически поднимать «священный» вопрос о созидателях предпосылок средиземноморской культуры, да заговаривать еще, точно о предметах своего обихода, о названиях «Карфаген» и «Рим».

Вот осторожностью и связанным с нею методом эти топонимические вопросы уже разрешены. Их решили всеведущие люди или как *non liquet* (это, значит, табу), или как вклады тех народов, семитов и индоевропейцев, правильное европейцев, всезаслоняющие миры которых так исчерпывающе до дна изучены. Так, оказывается, что *berber* это сочиненное европейцами название, у греков есть термин $\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\varsigma$, а римляне взяли его и, исказив в *berber*, приложили к населению африканского материка, когда они туда попали. И это доказывается с «фактами» в руках вроде того, что первый раз слово *berber* употребил такой-то писатель, следовательно, до того времени этого названия не только у берберов не было, как национального, но вообще не существовало.

И вот Карфаген, именно *Carthago*, род. *Carthaginis*, это, оказывается, семитическое составное слово со значением 'новгород'. Так называли, мол, его финикийцы, а греки исказили его в Καρχηδών . Вы не верите существованию такой мудрости? Вот вам подлинная выписка из I тома насыщенной фактами многотомной истории северной Африки:¹ «*Carthago* — это латинская транскрипция названия, которое греки исказили в Καρχηδών , название, которого точная по-финикийская форма — «*Qart hadasht*», и смысл его 'новый город'».

Не говорю о несуразности таких искажений в названии Карфагена. По самому термину «бербер» ни малейшей справки о том, правда ли так чуждо берберскому языку образование слов с помощью удвоения? или правда ли термин «бербер» так изолирован?

¹ Gsell, Histoire de l'Afrique du Nord, т. I, стр. 376.

Ведь тут же в гуще живого берберского мира целый обширный район Кабилии так и называется словом в удвоенной форме Джурджурой (*Durdjura*, или *Dərdər*), как в доисторическом населении в Греции мы находим племена с удвоенной основой вроде *Le + le-g* (*Λέλεγγες*).

Оставим пока топонимические и этнонимические термины. Они будто бы ненадежны и опасны, ибо толковать можно их, оказывается, всячески. Разумеется, при таком умении справляться с сильными, наиболее действенными, допустим — ядовитыми, средствами врачу до своего исцеления (когда это лингвист — от методологической немощи и беззащитного по профилактике положения) следовало бы вообще отказаться от своего ремесла, да и от занятий своей будто бы наукой. Оставим пока, значит, ядовитые собственные имена. Ведь это альфа познания словарной палеонтологии, что в известный период, долгий период развития человеческой речи удвоение служило средством для производства новых слов, и, между прочим, этот архиархаичный способ образования послужил основанием, и совершенно, как выясняется, правильно, гипотезы о происхождении и трехсогласного шаблона семитических корней от четырехсогласных формаций, представлявших или такое же, как обсуждаемое сейчас, удвоение, или, как утверждает новое учение об языке, сложение (скрепление) из пары разных простых двусогласных элементов.¹ И такими образованиями, в частности удвоениями, нормальными для языков третичной системы, языков, следовательно, доэллинических и долатинских, разумеется, и досемитических, достаточно насыщена и берберская речь. В кабийском наречии при первой оглядке я нахожу *s-dəm+dəm* 'делать красноватым', *s-dəp+dəp* 'бить || ударять кого-либо о стену' или 'оземь'. По созвучию с *berber*'ом, более того — по тождеству повторяемого элемента кстати будет указать на существование в кабийском таких слов, как *bəš-bəš* → *bəj-bəj* 'шептать' (ср. груз. *ფის-ფის-ი* 'шептать', *ბუ-ბუ-ი* 'ворчать'), *bəh-bəg* 'рычать' || 'реветь' (о льве, ср. арм. *boğ-al*). Это, мол, «звукоподражательные» слова. Какая первобытная наивность в трактовке «звукоподражательных слов»! Впрочем, какого натурального звука может быть «производством по звукоподражанию» корень, одновременно означаящий в двух разновидностях и 'рев' или 'рыкание' льва и 'шопот'! А вот без «звукоподражания» у берберов же *s-bəg+bəg* 'покрыть вуалью новобрачную' (без удвоения см. груз. одноэлементный глагол *ბიგ-ვ-ა* 'покрывать', брб. *ə-fəg* 'прятать', груз. *ფაგ-ა* 'прятать', 'закрывать'). Это удвоение было в силе и по возникновении скрепленных слов, так по крайней мере наиболее закономерно анализируется редчайшее берберское слово в значении 'хлеба' — *bua-bua*: оно пережило лишь в поговорке — *eqdəm jaJa, ađəđ buabua* 'обрабатывай фиговый сад (букв. 'фигу'), будешь есть хлеб',² да в беседе

¹ Н. Я. Марр, Яфетическая теория, стр. 155—156 [ИР, т. II, стр. 126].

² Boulifa, Méthode de langue Kabyle. Cours de deuxième année. Etude linguistique et socio logique sur la Kabylie du Djurdjura. Texte Zouaoua suivi d'un glossaire, Alger, 1913, II, 63. В глоссарии, изданном отдельно под заглавием «Lexique Kabyle-Français, Glossaire extrait de la deuxième année de langue Kabyle», s. v, автор этот термин архаичной морфологии с удвоением предполагает произведенным от глагола 'печь' *ub* — пов. *ub*, 3 л. *uibu* с именем действия *fi-bu-u*, что в свою очередь сопоставляет с *abu* 'густой дым', но это чисто формальный подход без учета требований семасиологии, не говоря о невозможности обратиться *buabua* в дерибат глагола *ub*.

с детьми употребляют *ueχ, fkağ buabua* 'поди, дам тебе хлеба'. Повторяющаяся в этом удвоенном образовании часть *bua* сама представляет скрещенный термин из двух элементов с разнобойной огласовкой, одного с губной огласовкой «и» — *bu* и другого с гласным «а», что только и осталось от элемента *C* (ионского), именно *an* (полная форма *han*), но и первый элемент утратил свой исходный согласный, именно плавный *г*, так что полный вид скрещенного слова звучал **bug-ḡan*. Самостоятельно *bug* у шумеров — 'обед', 'пир', с глухим же произношением начального губного он сохранился у грузин в виде *rig* в значении 'хлеба', равно 'еды', 'трапезы'.¹

Уже известно теперь, что закономерный вид грузинского слова, увязанного уже палеонтологически с финскими,² должен был звучать *pal* → *bal*, что и сохранилось в грузинском скрещенном с другим элементом (*A*) термине с разнобойной, как брб. *bu-a*, огласовкой *qor-bal* 'пшеница' (м. *qo-baḷ* 'хлеб', 'пшеничный хлеб'), тогда как двойник берберского скрещенного термина *bu-a* (✓ **bur-an*), но из элементов оформления одной языково-социальной группы с выдержанным аканьем *pal-an* → *bal-an* сохранили греки и римляне, первые в виде *βάλ+αν-ος* еще со значением 'жолудя' (← 'дуба'), вторые уже в значении 'хлеба' как берберы, точнее как вымирающий слой берберской речи, в латинском в виде также изношенного *rān* (*rān-is*), восходящего к тому же *pal-an*, без полногласия **pal-n*.³

Однако в лингвистическом кругу, где слагался или развивался современный берберский язык с его многочисленными наречиями и говорами, рядом со скрещением элементов *BC* в *bu-a* обращался термин, скрещенный из *AB*, как груз. *qor-bal* → м. *qo-baḷ* и с такой же в архетипе разнобойной огласовкой: это слово *a-ḡu-m* 'хлеб', чистой своей основой восходящее к архетипу **ḡur-mal*, по усечении зубного исхода *ḡur-ma*, что фактически у берберов же налицо в основе мн. ч. *l-ḡur-ma-n* 'хлеба', причем чистая составная основа этого слова с утратой и первым элементом плавного исхода *г*, долженствующая звучать *ḡo-m*, налична в грузинском со значением 'проса (особого вида)'.⁴

Но поучительнее всего берберское слово *bəg-bəg* 'говорить ворча'. 'Ворчание' мы оставляем в стороне, так как чужой язык (подобно чужой теории) несведущему представляется всегда 'странным', 'смешным', не только 'ворчанием', но и 'лаем собачьим'. Люди нашего поколения слышали это буквально про грузинский язык из уст церковного пастыря (это был экзарх Грузии). Такой отзыв был дан, значит, про совершенно культурный язык современный, в свое время, за средние века, один из лучших носителей господствовавшей тогда мировой цивилизации. Но что *bəg-bəg* значило. несомненно, 'говорить' (по-берберски,

¹ Н. Я. Марр, К пересмотру распределения шумерского словаря, ДАН, 1927, стр. 9; Яфетическая теория, стр. 28—29 [ИР, т. II, стр. 31—32], где рядом с разновидностью *ruḷ* в чув. *ruḷ-ə* 'хлеб' выясняются связи по этому существенному термину с 'дубом', 'деревом' в языках других систем, особенно финской.

² Н. Я. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 369—372 [ИР, т. V, стр. 212—214].

³ Н. Я. Марр, Яфетическая теория, стр. 28 [ИР, т. II, стр. 31—32]. Техники возникновения латинской стянутой разновидности не обсуждаю здесь исчерпывающе. Когда дело идет о плавном *l*, герр. *г*, в латинском, надо быть чутким в ожидании замещения его сибилантом *s* (resp. *ш*), не только в *ag-bos*. Словом, *rān* может иметь на предшествующей стадии развития, между прочим, вид **ras-an*, как фр. *Bâles* не обойтись без посредства *Babel*.

собственно, это повелительное наклонение 'говори+ворча'), т. е. что чистая основа этого глагола, следовательно, по палеонтологии речи — имя 'слово', 'речь', 'язык', это большой факт в сопоставлении с тем, что *bar-bar* по-армянски значит 'язык', 'глас', как простая его форма *bar* — 'слово', да оно и в грузинском в ряде разновидностей, между прочим, в скрещенных терминах: 1) *u-bar*, откуда груз. *sa-u+bar* 'беседа', 2) *u-ban* отсюда *u+bn-o+b-s* 'он говорит' (попутно отметим совпадение этого *ub¹a¹n* с *ub¹a¹n* 'площадь', 'квартал', как в греческом слово *ἄγορεύω* 'говорю' совпадает с *ἄγορά* 'площадь').¹

Это все не случайные, а закономерные факты, способствующие вскрытию нити, связывающей доисторические отложения средиземноморской речи, где бы они ни всплывали, как не случайно, конечно, и созвучие с греч. *βάρβαρος* 'иностранец', 'варвар', 'говорящий по-чужому', 'грубый' и т. д., т. е. тот факт, что племя или социальная группировка с таким названием была в ближайшем окружении этнического образования греков.

Было бы более показательно в смысле успеха понимания сути средиземноморской культуры, а с нею и разрешения всех «проклятых» вопросов генетического порядка по истории Греции и Рима, если бы при несомненно этническом значении греческого термина *bar-bar*, первично, следовательно, означавшего с языком и социальную группировку с данной общей речью, собственно, впоследствии лишь 'племя', да 'народ', 'толпу', тоже *ἄχλος*, кто-либо надумал (и без всякой яфетической теории) хотя бы поставить вопрос: «не имеем ли это же греческое слово, собственно, «племенное» название в лат. *popul-us*?». Да, конечно, это так, как относится сюда и груз. *br-bo* 'толпа', в архетипе **bor-bor*. В лат. *populus* сохранено идеальное соответствие виду свистящей группы *bar-bar* (← *rag-rag*) с двумя корреспонденциями — *ss a || шп o* ↔ *u* и *ss r || шп l*, причем в основе латинского слова *ro-pul*, собственно, **rō-pul* (с переходом на краткость в «o» для дифференциации, чтобы отличить от *rō-pul-us* 'тополь') налицо обычное усечение плавного исхода, *l* он или *r* (resp. *s* или *ш*, в таком случае не усечение, а перебой их в исчезающий спирант *h* или *ɣ*), т. е. прототип **rog-pul* (если не **рош-rol* ~ **роɣ-pul*) и на апеннинской почве, следовательно, был тот же «барбар», т. е. латинское слово для понятия 'народ' восходит к племенному названию того же народа,² который оставил свой след в Средиземноморьи и у греков в их термине *βάρβαρος* и который в догреко-римские эпохи, до этих будто «пришлых индоевропейцев» [т. е. до их образования там, где они и обретались исторически] господствовал и на африканском берегу. И название, это «племенное название», там также сохранилось, да еще как! Разнообразно, в числе не менее десяти видов, если учитывать наличие его и в скрещенных образованиях. Но достаточно

¹ Об основах *uban*, *ubag* и сродных словах со значением 'говорить' и указываемых здесь их связях не раз приходилось говорить более обстоятельно в «Определении языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей» (стр. 39—41), тогда, конечно, в ином освещении, исходящем из языков своего заколдованного круга, впрочем, не без искания воздуха для свободного научного дыхания путем привлечения эламской речи.

² О связываемых с *populus* 'народ' — герм. *Volk*, древнеисл. *fólk* и т. п., лит. *puikas* 'толпа', древнеболг. *plъkъ* 'полк' и т. д. особо; но об этимологии *populus*, установленной индоевропейской лингвистикой (Walde, LEW, s. v.), лучше не говорить.

напомнить такие разновидности, как balbalı, barıbarı, beriberı,¹ berabra.² Позвольте, это ведь не название берберов, а других африканцев, первые три — африканского народа кануриев, да так берберским племенным названием их величало только одно племя «Hausa».³ Так что же? Едва ли племя Hausa получало предварительно классическое образование и этим путем усвоило оно термин из «испорченного» в berber в латинской кухне греческого βάρβαρος, хотя канурии также, по всей видимости, были раньше и у Средиземноморья, во всяком случае в районе общения с берберами, судя по сродству речи.

Еще раньше ученый мир, специально занятый берберами, хотел уверить, что berber — это «презрительная кличка» (sobriquet dédaigneux), а вовсе не племенное название.⁴ С таким же, да, пожалуй, ббльшим успехом можно было бы доказать, что название армян someq̄ никогда не существовало, это тоже sobriquet dédaigneux, ибо армяне вовсе себя так не именуют, их так никто не называет, кроме грузин, и в устах их это, можно бы доказать, если хотите, даже с письменными фактами в руках, — тоже не без того, что это sobriquet dédaigneux. Между тем мы теперь знаем, что someq̄ очень почтенное племенное название. Помимо заключительного -q̄, общего с kol-q̄ (Κολυσί), Tao-q̄ (Ταοσί) или Davaq̄ (Ἰαῖβ-ῥ-ῶ) и т. д., оно представляет термин, сложенный из двух элементов: so (архетип наметился не son, а sog, resp. шог ↔ шур) и me, пережиток mes (ср. mes-q̄) || mer, что в целом это двойник по сибилантной линии племенного названия ши-мер, resp. su-mer, 'сумеры', а по спирантной линии — i-ber. Где здесь место для речи о «позорящей кличке» или, когда речь о бербере, о «латинском искажении греческого слова»? Да если бы berber было подлинно «кличкой презрения», это не освобождало бы этволога от необходимости отнестись более уважительно и к подобного рода терминам. Ведь Gargantua тоже теперь sobriquet, между тем это не только герой лигературного произведения, это драгоценнейший пережиток из доисторической Европы,⁵ точно так же элемент, из повторения которого состоит вызывающий в чужой семье одно недоумение, именно безукоризненное племенное название ber своими закономерными разновидностями заполняет добрую часть, если не основную, берберского словаря. Можно сказать, что в круге первоначальных понятий в берберской речи «ber на ber'e сидит и ber'ом погоняет». Он в таком нарицательном слове, как 'народ', каковое у современных берберов, конечно, не чисто берское. У римлян 'род' и 'народ' разошлись — это populus и gens, у греков не совсем, ибо, если отойти от пережиточных фил, связанных с ро-pul (|| bar-bar), то перед нами термины скрещенный e-ἔθ (ἔθν-ος) 'народ', 'племя' и простой gen (γένος) 'род', объединяемые общностью элемента C, ибо ἔθ⁶ и gen — разновидности одного и того же пон-

¹ Delafosse, Petit manuel Français-Kanouri par P. Noël, Médecin-Major de 2-e classe des Troupes Coloniales. Préface de Maurice, Paris, 1923, стр. 1.

² См. ниже, стр. 175, прим. 4.

³ Ук. м.

⁴ Nanoteau et Letournaux,² Contes Kabyles, I, стр. 37. Для иллюстрации ученой наивности предложил бы прочитать всю эту страницу.

⁵ В. Ф. Шишмарев, La légende de Gargantua, ЯС, т. IV, стр. 166—204.

⁶ Воздерживаемся пока от восстановления его огласовки, будь она даже не «е», т. е. звучи архетип не ἔθ, а ἔαθ или ἔοθ ↔ ἔθ. При восстановлении ἔαθ, однако, едва ли можно пользоваться

ского элемента (C). Этот элемент C, так наз. ионский элемент, имеет непосредственное значение для обеих одинаково закономерных разновидностей названия африканской соперницы Рима, и Kar+qē-don'a и Kar-ḡa-gin'a (resp. *Kar+ḡa-gon'a, отсюда лат. имен. падеж с усечением n — Carthago = Kar+ḡa-go, предварительно до полной утраты носового исхода, возможно и вероятно, с назализованным губным гласным: Kar+ḡa-gō). Но, по всей видимости, и греческий язык не обошелся без элемента ber в этнической терминологии, ибо самое слово ἔθνος с утраченной в начале дигаммой (f ἔθνος) дает основание восстанавливать его доэллиническое состояние в виде *vedn¹ (✓ *be-dēn), resp. *me-dēn. И потому, да независимо, в связи с элементом ber интересно отметить, что у берберов также существует скрещенное образование нарицательного слова для выражения 'люди', resp. 'народ', — это mē-dēn; восстановить ли по шаблону с губной огласовкой — *mo-dōn ↔ *mu-dūn, или здесь видеть в э ослабление «е» — *me-dēn, все равно в термине мы видим схождение языков двух социальных групп, если учитывать их этнически, берской, у римлян единолично господствующей в слове populus, и ионской в gen-us (однако род. genet-is), что в части именно ионской еще более доминирует своим ясным выступлением в греч. ἔθνος и греч. γένος. В то же время берберское нарицательное имя mē-dēn ясно указывает, что современные берберы не совсем утратили след господства в полосе их расселения именно древних подлинных берберов, как непосредственно связанных с ними лингвистически предшественников и по названию, ибо нарицательное имя mē-dēn, с берским элементом в составе (mē-, полная форма при губной огласовке — *mug \downarrow buḡ), палеонтологически восходит к слову с первоначальной функцией племенного названия.² Этот же берский элемент также в усечении bu-, налицо в скрещении с элементом D, рошским, в виде h-: это L-bu-s (Λίβυς,

армянской передачей ἑθάν-ος 'язычник' греческого ἔθνος. Армянская передача имеет свою особую историю, связанную с прохождением термина через неогласованное письмо

¹ С успехами индоевропеистики праязычную форму с такой дигаммой *f ἔθνος 'bande' нашли нужным устранить (Boisacq, DE, s. v.: «Hypothèse de Fick... à écarter») в пользу *suedhos, но все это ведь «словолюбие» без малейшего представления о палеонтологической семантике с увязкой ее, как и вообще всех надстроечных явлений, с историей общественных форм и через них и материальной культуры.

² Проф. Н. Г. Адонц мне указал на необходимость увязать генетически с этим берберским термином вошедшее в армянскую народную речь в виде vaḡan 'родина' арабское vaḡan у поэтов и vaḡn. Такая сложность не исключается, если, помня палеонтологически вскрытое происхождение топонимического термина от племенного названия, привлечем с трехсложным корнем vḡn и mḡn, по досемитической, именно яфетической норме разновидности одного слова, на арабской почве в глагольной форме аориста vaḡana и maḡana («verbum obsoletum»), означające одинаково 'пребыл где-либо (с предлогом)'. В дальнейшем своих значениях эти два глагола расходятся, поскольку глаголы восходят к именам, и от семитического своего архетипа *'племя' → *'стойнка племени' именная основа глагола vaḡana на еще досемитической почве успела доразвиться лишь до значений связанных с кочевой жизнью (отсюда его уже арабское значение как глагола: 'выбрал' или 'приготовил себе место для пребывания', resp. 'стойнку [кочевническую]' и т. п.), тогда как глагол maḡana своей именной основой дошел до позднейшей эпохи общественного быта с градостроительством (наличная производная арабская форма имени 'город' medīn-aḡ^{un}, но мн. ч. mudun^{un}, r. sp. mudn^{un}, да производное прилагательное не только 'мединский', но и 'городской' — maḡad-ḡ^{un}), откуда обычное значение для этого глагола 'прибыл в город' по I-й породе, по II-й породе — 'основал город', однако в еврейском mdīn-aḡ^{un} означает еще лишь 'страну', 'область', впрочем, ввиду исключительно формальной трактовки этого термина у семитологов, производящих слово от глагола 'судить' (арабск. dāna араб. dōn, евр. dīn), требуется специальное исследование вопроса с учетом арамейских эпиграфических разновидностей, со включением палмирского m-d-ḡa (M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, Weimar, 1898, стр. 306).

λίβος 'ливиец', 'ливийцы', Λιβύη 'Ливия'), причем, судя по производным λίβυσσα 'ливийка', особенно же λιβυστικός 'ливийский', одного с λγυστικός оформления и т. п., берский элемент был представлен, по всей видимости, и полностью, в виде bus (|| bur), и греки, пользуясь хотя бы лишь им, могли по народной этимологии отнести конечный s самой основы в окончание имен. падежа по восприятию своего морфологического строя.

Диалектическая форма шипящей группы с губной огласовкой bus, resp. bur, в кругу затронутого нами лексического материала представлена закономерными разновидностями следующей формулы: por, resp. pol (→ pō → po) ↔ pur, resp. pul → bor (↘ bo || ~ br) ↔ bur ~ bu^rs¹. Если на Кавказе из этих разновидностей мы находим у грузин и стянутый без огласовки (br) и усеченный (bo) вариант слова bor в удвоенном br-bo (← *bor-bor) 'толпа', как двояко представлена та же разновидность у римлян и усеченно (po) и полностью (pul) также в удвоенном образовании ро+pul-us со сродным значением 'народ', у греков и берберов тот же элемент появляется одинаково усеченно тә-||*vә-, resp. be- → e- в скрещении с ионским элементом (C) — dап → Әп в словах того же значения: тә-dап 'люди' и Ә+Әν-ος. И опять лишь в топонимике выступает полный вид латино-берберского оформления pul, resp. bur ~ bu^rs¹: A-pul-ia,¹ Λι-βύ-η,² причем Λι-βύ-η, прежнее название Африки, имеет в топонимике севера Средиземноморья другие более чреватые последствиями связи, именно:

1) В составе названия всей части света Eurōpa и тотемного женского божества, отложившего в его основе свою кличку племени, именно богини Eurōpē, выделяется термин также сложный rō-ра (||rō-rē) с огласовкой, тождественной с огласовкой Roma (|| 'Ρώμη), состоящий из тех же элементов (DB), что в составе Λιβί-а. Дальнейший анализ названия Европы требует трактовки совместно с позднее всплывающей Африкой (Africa) и Asia, но это в иной проблеме.

2) Элемент D в виде li-, наличный в названии Li-bw^rs¹, resp. Li-bus, входит в состав основы Li-gur-ia, resp. Li-gus (Λγυσ-τική), причем помимо того, что li-gur, в архетипе в отношении начального плавного *ti-gur, целиком пережившее у басков, не терпящих начального r, в виде I-gus-ko со значением национального их названия,³ самостоятельно отложило вторую свою часть в Африке с удвоением в *gur-gur — Dur-ḡur-а. названии края, некогда населенного соответственным племенным образованием, и на Кавказе в форме также тождественной с I-ber-ia, Θε-sal-ia, I-tal-ia, но без удвоения и без всякого сложения со значением также страны, одной из областей Грузии: это Gur-ia.⁴

В связи с принятой такой трактовкой этимологического термина berber, нельзя не указать на то, что существовала попытка, правда, давняя, название Нумидии также произвести от греческого слова. По поводу соответственного места рассказа Саллюстия⁵ современный нам историк северной Африки пишет:⁶ «Это

¹ Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'. Книга о книге, Л., 1927, т. I, стр. 55—56 [ИР, т. II¹ стр. 226].

² Ук. м.

³ Из Пиренейской Гурии, стр. 58 [см. здесь, стр. 48].

⁴ Ук. соч., стр. 56 сл. [см. здесь, стр. 47].

⁵ Bell. Jugurt., XVIII.

⁶ Gsell, Histoire de l'Afrique du Nord, т. I, стр. 333.

этимология названия нумидов, отождествленного со словом νομάδες 'номады', 'кочевники'.¹ Дело идет об африканском имени, которое греки, предполагается, преобразили, в порядке игры словами, в νομάδες, или же о чистом греческом наречении».

В этот раз Гсель (Gsell) находит нужным стать на стражу независимости африканской этнонимии или топонимии от греко-римского словотворчества. В примечании к нашей выписке он пишет:² «Если допустить первую гипотезу, то латинское Numidae воспроизводит, значит, более точно туземное название; при второй гипотезе римляне, предполагается, усвоили греческое название, подвергнув его труднообъяснимому видоизменению».

Однако это важные все-таки, но формальные по существу мелочи. Поскольку речь заходит не об истории греко-римских времен, а о том, что им предшествовало, следовательно о «забытой истории» и в этом смысле «праистории», Numidia не может быть трактована в изоляции: она не одна. Numidia, как название, лишь разновидность африканских же терминов не только Nubia, но и Λιβύη, они все одинаково двухэлементные образования, сложенные из племенных названий, именно рошского (D) — nu-|| li- все с нашим берским словом — mi / bi ~ bu.³ Тут вопрос мог бы быть лишь о конечном зубном d в Numid-, есть ли он фонетический эквивалент плавного r, что, конечно, трудно исключить (через s → z ↗ ð, если не прямо по норме ss r || ши ð в яфетических языках Кавказа) или это, как мы то предполагаем, — пережиток, именно начальный согласный, ионского элемента (элемента C) dan || don || den, ставший функциональным в роли показателя множественного числа, как его эквивалент по спирантной линии q̄ (← ġ, по дезаспирации q, последняя разновидность у абхазов и армян) в племенных названиях Кавказа, да и берберской Африки (Tuar+e-ġ), не говоря о дезаспированных пережитках, глухом k (← k̄) и звонком g (← ġ), в средиземноморских также этнических терминах — Bas-k (Пиренеи), Etrus-k (Италия) и Pelas-g (Греция).

Что же касается разновидностей самих элементов основной части, то они в тождественных формах пережили в составе также скрещенных образований на европейской стороне и в самих нарицательных именах латинского языка; так наличие элемента li, позднейшего перерождения lo ↔ lu, resp. ro ↔ ru, нам уже приходилось указывать в латинском слове li-tera 'буква', где li- первично значило 'чудовище', 'монстр', 'знамение', 'знак', 'метка', 'имя', как и второй элемент — ter-а, двойник греч. τέρας. Обо всем этом подробно говорится в работе «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'».⁴ Прибавлю разве сейчас, что удвоение согласного (здесь зубного) между двумя гласными — это из норм фонетики берберского языка. Идентичное значение отстаетается за li- также в скрещенном образовании — лат. термине li-ber.⁵ Но сейчас нам важнее отметить наличие этого же элемента, притом с сохранением долготы, в словах, непосредственно

¹ Nanoteau, ук. соч., стр. 57, 58.

² Прим. 3 на указ. стр.

³ Мы сейчас не выходим за пределы окающей (шипящей) группы, иначе вспомнили бы о дальнеафриканском ныне Нама (Готтентоты-средиземноморцы [см. здесь, стр. 123]).

⁴ Книга о книге, изд. Института книговедения, Л., 1927, стр. 63 [ИР, т. III, стр. 229 сл.].

⁵ Ук. соч., стр. 66 сл. [ИР, т. III, стр. 228 сл.]

связанных с названием племени, разновидности африканского $h-bu^r s^1$: 1) как его тотем, это *Libet* «древнеиталийский бог рождения и насаждения, позднее отождествленный с Вакхом», 2) как свидетельство его классовой значимости по семантическому развитию в зависимости от социальной группировки («племени») — *li-bet* «свободный», 3) как конкретное выявление определенного этнического образования в общих терминах родства — *li-bet-i* «дети»,¹ причем, разумеется, и *bet* значило «дитя», как то налицо в яфетических языках Кавказа (бацб. *bet*, чанск. *bet-e* «дитя», «сын», ср. древнелит. груз. *bet-t* «бездетный» → «бесплодный»).

Важны в данной контрверзе не эти далекие встречи, да чисто формальные выкладки хотя и по существенной части палеонтологического анализа по элементам, а важно то, что палеонтология семантики вскрывает в берберском словаре отложение акта родства берберов с нубийцами. Дело в том, что как нарицательное имя «народ» восходит к «собственному», именно к племенному названию собственному (хотя бы некогда), так и термин «чужой», «гость», «купец», «иностранец», в языках третичной системы, если не угодно кому называть ее яфетической, восходит также к названию племени, но уже другого племени, с которым шла вражда или дружба, поддерживались кулацкие или торговые сношения хотя бы в порядке обмена предметами необходимости. Так, груз. *stumar* «гость», «чужой человек» выяснилось как разновидность *sumer'a*, resp. *shumer'a*, вскрытого, как было показано, в основе грузинского названия «армянин». Так, когда берберы «гостя», «иностранца», «чужого» называют *i-nəbgi* (мн. число *K i-nəbga-wn*, *M i-nəbgi-wəp*), ж. р. *K ti-nəbgi-ut*, *M (ti-nəbgi-üt)*, то это оформление основы *nəb*, с восстановлением сильного гласного — *nub*, что в свою очередь есть двойник двухэлементного *ni-b*, равно основы *ni-mi*, здесь с суффиксом ионским *gi*, следовательно, пережитком слова *gip*, как в род. *Cartha-gin-is*, разновидностью окончания или функционального слова $\dot{q} \leftarrow \dot{q}i$, пережитка термина $\dot{q}ip$ в этнонимике Кавказа, в другом случае с суффиксом *-d*, так именно в самом африканском термине, названии нумидов. ибо в его основе это придаточный элемент — *Ni-mi-d*, как нам кажется, показатель множественности, сохраненный берберами в местном имени — *wi-d* «те». Следовательно, у берберов пережил термин «гость», «чужой» с того времени, когда их предки, праберберы, с нумидами (собственно с нумиями) и нубиями были в соответственных отношениях, как, очевидно, соседями, да притом в эпоху, когда племенные названия оформлялись тем окончанием $gi \leftarrow gip$, которое было в ходу, очевидно, при возникновении позднейшей нарощенной формы названия северо-африканской столицы *Kar+ša-gin*, resp. *Kar+ša-go* || *Kar+qē-don*, разумеется, до появления каких бы то ни было семитов в этом районе, тем более греков и римлян.

Но нам важнее сейчас знать, что как утекшая в целом куда-то, частично в более глубокую Африку, Берберия (например, кануры), так Либия, равно Нубия, не только не в изоляции, но идут они с шумной толпой сопровождающих их зверей-тотемов. Особенно важно для африканской доистории отметить живое племя, имеющее львов и тигров или пантер в роли своих тотемов. Сами-то звери были

¹ О терминах *libet* «свободный» и *libet-i* «дети», см. ук. соч., стр. 58 [ИР, т. III, стр. 228].

привычными у либийцев, львы в стране оседлой части,¹ пантеры у кочевников.² Это порода зверей, неразлучимых не только у грузинского одописца Тамары, когда он, обращаясь к ней, пишет (мне подсказывают: с утратой сознания, что тигры водятся в полях, львы в скалах):³

«Люди покорны тебе
и ищут твоего покровительства
скалистая местность с тиграми,
тростниковая со львами».

Ведь в самом деле, уйдя с головой в мир столь хотя бы и значительных для нас исторических народов Кавказа, как грузины, армяне и в придачу персы (порядок перечня можно сделать и обратный, мы нисколько не протестуем в данном сейчас поднимаемом вопросе), мы теряемся, как попехонцы среди трех сосен, когда тигр у трех названных народов звучит как-то странно созвучно — перс. *babr*, resp. *bebḡ*, груз. *ვეჭი* (им. народ. *ვეჭვი*), древнелит. *veřq̃*, арм. *vağēg*, и в то же время никакого объяснения, кроме случайности большего или меньшего созвучия, прежним методом не найти.⁴ Нас же интересует не только вопрос о словах, но вопрос о материальном факте, откуда это у армян и грузин (оставим персов) такие матерые своеобразные термины для зверя, которого никак нельзя признать особенно характерным для кавказской природы. Правда, в работе о тальшах⁵ у нас есть ссылка на труд, удостоверяющий существование барса на Кавказе,⁶ но по части материальной культуры барс представлен спорной фигуркой, каким-то фантастическим типом, который «считают за барса, хотя по ногам (копытам) межно найти сходство с лошадью».⁷ И мы пока имеем основание держаться высказанного в том же труде о тальшах взгляда, что «фауна археологического Кавказа, вообще яфетической культуры вовсе не связана в такой степени с животным царством кавказской природы. Лингвистическая палеонтология вскрывает раннее знакомство яфетидов и со слоном, более того — распространение термина 'слон' яфетического происхождения, притом в позднейшей яфетической форме у соприкасающихся с кавказским миром ариевропейских народов»,⁸ однако теперь термин связывается прежде всего не с особым территориальным районом, а с особым этапом развития человеческой речи.

¹ Stéphane Gsell, *Textes relatifs à l'histoire de l'Afrique du Nord. Hérodote* (Alger, 1915, CXCI, стр. 28—30).

² Ук. соч., СХСН, стр. 30.

³ Древнегрузинские одописцы, ТР, т. IV, стр. 15.

⁴ Как путались и с африканскими этническими терминами, ливийцем и бербером, когда даже правильно чувствовали необходимость их сближения, но смущались отсутствием в них тождества (Reboud, *Recueil d'inscriptions libyco-berbères, extrait des Mém. de la Société fr. de numismatique et d'archéologie*, Париж, 1870, стр. 7). Впрочем, с этим автором не считались и тогда, когда, указывая на авторитет Vivien St. Martin'a (*Le Nord de l'Afrique dans l'antiquité*, стр. 208), он привлекал (ук. соч., стр. 153) *Bebrabra*, обитателей долины Нила, которые несомненно носили, мол, всегда название всей расы.

⁵ Труды КИПС'а, вып. 4, Петроград, 1922, стр. 16, прим. 2.

⁶ *Zusammenstellung des Hrn. v. Martens über kaukasische Säugetiere*, II приложение (Beilage) к R. Virchow, *Das Koban im Lande der Osseten, Kaukasus*, стр. 136 и 145. Добавим, что в природо-наличный барс очень похож на африканского.

⁷ Тальши, ук. место.

⁸ Там же, стр. 15, прим. 2.

Из палеонтологии речи мы знаем, что если по функциональной семантике названия 'собак' перенесены были на 'лошадей', так потому, а вовсе не случайно, созвучны с одной стороны русско-грузинское название 'лошади' коп-е (русск. «конь») ↔ *kup-e ↘ hon-e (ср. груз. on+a-gir 'седло') ↔ груз. hun-e (древнелит.), в сибилантной разновидности доп 'лошадь', с арм.-берб. шип 'собака', мн. 1-k-jan (берб. a-k+шип, resp. a-k+шип → a-k+jun 'собака', в косс. пад. шип), л. сап-е/1-s и т. п.,¹ а западноевропейское kabal (лат. народн. kabal-us 'лошадь' и романские разновидности), в семитическом мире приспособленное с озвончением начального согласного к 'верблюду' (евр. gāmāl, арб. gamal, resp. gemel, в сибилантном произношении demel и т. п.), на Востоке сохранилось еще в значении 'собаки' (русск. so+ba-ka, мид. стянутая форма s+pa-ka, т. qo+pa-q), то в связи с переносом названий одомашненных животных, прежде всего 'собаки', на диких зверей, с одной стороны на 'льва' и 'волка', которые являются означаемыми одинаково 'большую собаку', как 'лиса' — 'малую собаку', или все одинаково просто 'собаку', если термин успел фонетически дифференцироваться. В этом кругу понятий палеонтология семантики вскрывает поразительно близкие взаимоотношения не только между семитическими или хамито-семитическими языками, в частности арабским и берберским, но и между грузинским и берберским, и, что сейчас нас непосредственно интересует, между латинским и берберским.

В силу указанного положения из палеонтологической семантики рядом с использованием разновидности двухэлементного (DC) скрещения в значении 'льва', у латинян слова le-o (le + op-is), у греков λέων (λέων-τος), у семитов и русских с яфетидами Кавказа из DB — евр. *l-bī (мн. l+bāf-im, ж. р. lā-bīf 'львица', арб. la+būf-aḏ^{un} и la+bḫf-aḏ^{un} и др.), русск. le-γ, св. le-m, груз. lo-m (и св. → lwe-m, откуда, казалось, и le-m) и т. д. от эпох более древних сохранилось значение того же термина 'собака' у абхазов одноэлементно la (a-lā архетип *lau, откуда и пережившая в русском глаголе «лаять» основа lau), у чанов и армян также la, но в сочетании с уменьшительной частицей kot, собственно составным словом ko-t 'дитя' — la-ko-t 'щенок', у грузин с огласовкой «е», как у русских «лев», но одноэлементно и также с уменьшительной частицей, двойником того элемента ko, что в чано-арм. la-ko+t, именно ku — le-ku 'щенок', причем и ko, и ku это пережитки sko и sku, из коих sku в составе м. sku-a 'дитя', 'сын'. И с усеченной разновидностью этого же слова, ставшей уменьшительным суффиксом ks, переставленным из sk, мордовцы имеют образование lew-ks 'щенок'; затем также 'детеныш' вообще и других животных, не исключая и пернатых, но первично, как то выясняется в работе, давно готовой для печати о, можно бы думать, прародине мордвы или сородичей их на Кавказе, термин lew-ks означал 'детеныш собаки' или 'собачка', т. е. lew был воспринят еще в значении 'пса', или 'собаки', а не 'льва', как термин усвоен уже русской речью, как значили то же самое его разновидности не только в прометеидских

¹ В специальной работе об этом весьма рано одомашненном животном речь у нас будет особо в связи с изумительными формалистичными упражнениями лингвистов-индоевропеистов Bartholomae, Geiger, Horn, Justi и т. д. в порядке алфавита, от которых недалеко уходит и Н. Pedersen в своем Neues und Nachtragliches (KZ, т. 40, 1906, стр. 133); они предполагали отождествимость мид. spraka с перс. sag, более того, с лат. canis, в котором отмечалась утрата «и»!

языках, но и семитических и даже яфетических, да и берберском, ибо берб. əzəm (↙ uz-m) ~ iz+ə-m (iz-m) представляет наследие или вклад языка, не терпевшего начального г, и потому с утратой этого плавного, следовательно, его архетип с удержанием сибиллянта окающей группы ш — *гш-м ~ *гш-м, гесп. *лш-м ~ лш-м. Созвучие последней разновидности с мордовским лш-та 'лошадь' неслучайно в той мере, что 'лошадь' по функциональной семантике носит название 'собаки', а 'собака' уже входит как семантический архетип в один круг с дикими зверями, названными по этому одомашненному животному, именно 'львом', 'волком' и 'лисой'.

а) В звуковой речи, как в культе, связанном с хозяйством и социальным строем, выступающие на первый план и по значению, и по древности домашние животные 'собака' и 'лошадь', гесп. 'верблюд', соответственных зоогеографических зон, трудно отделить от крупного скота, в первую голову 'быка', поскольку дело идет о силе тяги, как также о средстве передвижения, будет ли то для кочевания или позднее для земледельческих работ. Привлекшее уже наше внимание своим созвучием халдское название 'быков' — раḏ-ш и русск. «пахать»,¹ равно русск. «пашня», могли бы найти, конечно, и другое семантическое разъяснение, именно по связи с 'рукой' (в этом порядке с «пашнею» полев увязалась бы «пашня», что в составе «руко-пашня»), если бы, во-первых, с ними не встречалось и значение 'дыхания', в частности 'испускания аромата' глагола «пахнуть», гесп. «залах» и т. п., и если бы, во-вторых, такой пучок значений не выявлялся еще в яфетических языках, так, например, с груз. ḡar (древнелит. qar) 'бык' (← *kar) и основа глагола kar-s 'пахнет', 'воняет', св. qān, гесп. qān, 'бык' и а-qān 'пахнет' (|| qun → qwin 'душа', 'дух') и груз. qn-v-a 'пахать', и т. д., точно 'бычачить'. Мы силы и значения этих фактов не отвергаем и теперь, но ограничиваем их реальность пределами позднейших эпох.

Не только 'душа', 'дух', но и 'дыхание' по палеонтологии речи есть позднейшее стяжание и идеологически, и, разумеется, материально, т. е. как воспринимаемое слухом его звуковое выражение. В то же время 'бык', как рабочая сила, животное, используемое для обработки земли, свое название мог получить от смененного им орудия производства, в архетипе 'руки'. И, действительно, в грузинском рядом с qel (древнелит. qel) 'рука' со сванской огласовкой имеется слово с его социальной огласовкой «а» в составе скрещенного m-qar (древнелит. m-qar) 'плечо' (← 'рука')² → 'помощь', это — qar, гесп. qar (сюда же kar в грузинском m-kar 'твердый' ↗ 1-r+kar 'владей', арм. kar 'сила' и т. д.). И как груз. qar 'бык' в языках шипящей группы, мегрельском и чанском, располагает двойником qoq-1, так груз. qar (← kar → kar и пр.) 'рука', что в составе m-qar 'плечо' (древнелит. m-qar), в тех же языках шипящей группы представлено в виде qid в м., ч. b+qid-1 ↘ m+qid-1, да в мегрельском и самостоятельно.

Конечно, когда речь о 'строительстве', то в первую очередь выступает 'рука', имеющая космического двойника в 'небе', гесп. в его части — 'солнце'. И пони-

¹ Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, ИГАИМК, т. III, стр. 270 [ИР, т. V, стр. 53].

² Ср. m qar-grdel 'долгорукый'.

мать ли термин 'город' в значении 'построения' (← 'рука') или 'защитного места', 'покрова' (← 'небо') или (по позднему восприятию) 'огороженного населенного места', 'круга', термин как 'город' прослежен от финских пределов до Передней Азии, здесь в скрещенном образовании, сир. kar-ka, арм. qal+a-q, груз. qal+a-q, и он доходит до северного побережья Африки, до Карфагена, kar-хе, resp. kar-qe, что в греческом его названии Καρχηδών. и kar-фа, что в латинском Car+tha-go, р. Carthagin-is, лишь двух разновидностей одного и того же термина с выросшим don ~ gon ~ gin, ионским оформлением,¹ тем же, что в Σάρ-δω.

'Земля', 'город', resp. 'обиталище', 'населенный пункт', 'рука' не в одиночестве сходятся у населения северной Африки с населением Евразии, порой вплоть до северной Европы и глубинной Азии. 'Бык' не составляет исключения. Когда груз. qar 'бык' в языках шипящей группы имеет двойника qid, то звукосоответствие r || d есть смещение, под воздействием скрещения, нормального sc1 || шпг, так что полный подлинный вид слова, если не касаться начального аспирата q, вклада спирантной ветви, должен бы звучать у грузин qal (ср. груз. dal ['рука' →] 'сила' || глагол dl-ev-a 'давать'), и, следовательно, в социальной группировке шипящего типа с оканием мы должны бы иметь *qid, resp. в архетипе *squr, в озвонченном виде zgur, что и сохранено в Африке у берберов словом a-zgag 'бык' (✓ -zgur, мн. ч. 1-zgar-ən). Сюда же относится и каб. žur (арб. šawr), мн. žwar и žir-an (арб. šīrān) 'taureau', мн. общее частично с армянским žuц 'бык' и абх. а-žə id., м. žqi 'корова', ч. žqur 'овца', полностью — с мегр. žqowl- (во мн. ч.) → žqow 'корова', груз. žqovar 'овца' и т. п.

Сейчас нет надобности останавливаться на многочисленной родне этого слова в различных языках в пределах бычьей терминологии со включением 'шкура' и т. п.

Еще в «Чуваших-яфетидах на Волге», обрывая «углубление вопроса о мерах или мерах», да и о веси, или бесах, мы мотивировали такой обрыв опасением, что это «нас увлекло бы далеко на юг, на Кавказ, в Крым и далеко на запад на протяжении от иберов-басков [кавказских], иберов-кимеров² на востоке и иберов и басков [пиренейских] на крайнем западе Европы и далее в Африке — к пунам (Pū-nae ✓ *Pur-na-1), bus'am (Λι-βύς) и берберам».³

Здесь к месту вспомнить топонимический термин Bursa (Βύρσα), название древней части Карфагена. Толкование его нас приводило тогда к признанию за ним значения «как 'города', так 'барабана' и 'шкура'»,⁴ как будто следовало бы назвать эти значения в порядке — 'город' ['ограда'], ['круг'], 'барабан' и 'шкура'. Но в Bursa мы имеем не мн. число bur. как это мыслилось при морфологическом восприятии, а двухэлементное (BC) скрещение со значением, как и нем. Bur-g, различным в зависимости от стадии развития.

¹ См. выше, стр. 171, а также «Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 17—18 = ПЭРЯТ, стр. 140—141; «Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 69—70 [ИР, т. V, стр. 369], также «Иштарь», ЯС, т. V, стр. 131—132 [ИР, т. III, стр. 321]. Нужно ли говорить, что с уточнением норм семантики кое-что в названных работах подлежит пересмотру.

² Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1926, стр. 689 [ИР, т. V, стр. 301].

³ Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 47 [ИР, т. V, стр. 353—354].

⁴ Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 17 = ПЭРЯТ, стр. 140 сл.

Сказать, что слово — племенное название, значит ничего не сказать, ибо с известных эпох (по возникновению племен) это общее положение особенно в отношении топонимических терминов столь древних все-таки первичных эпох. При такой оговорке нельзя было бы возражать, если бы кто и в основе кар названия Карфагена, по сибилантному типу *gar* в Сардинии [*resp. sal* ↗ *tar*, *resp. tal*], усмотрел и теперь указание на «племя», строителей соответственных населенных пунктов, города, острова и т. п. Но в приложении к 'городу' оно реально должно было означать и, по всей видимости, означало 'город', 'крепость', и в цитованной работе перечислены сродные нарицательные слова. В тотемическом восприятии от 'шкуры', по семантическому положению «часть по целому», мы направляемся к животному с используемой шкурой, и *bur* → *fur*, как *sa* ← *san* ~ *qan*, части этого двухэлементного (BC) скрещения, своим значением нас направляют и к крупному скоту 'быку'. Термин *bur* с перебоем «и» в е ↔ и и г, *resp. s* || ш, в h || ф, наличен у басков в виде *beh-1* со значением 'коровы', на ближайшей ступени озвонченности *fur* в грузинском означает также 'корову' (в Гурии 'молодая корова' = 'первый раз отелившаяся'), но то же слово с аканьем *far*, *resp. fār* по-еврейски означает 'быка', особенно 'молодого',¹ что явствует из берб. *t+a-funās-t*, *resp. ḏ+a-fu+nas-ḏ*, которое своей скрещенной основой *fu+nas*, следовательно, и элементом В (*fu-*), означает 'корову', очевидно, лишь в женском оформлении *t+a* — *t*. Двухэлементная же основа *fu-nas* имеет двойник свой опять-таки в грузинском, где он в спирантизированной разновидности *fu-na* означает, по положению «часть по целому», 'навоз' специально 'крупного рогатого скота', 'коровы' или 'быка'. Архетип — *rū-na*, *resp. *rog-nas*, опять-таки тотемно обслуживавший социальную группировку *Rūnae*, или *Φοίνιχες*, понятно, в досемитическом еще ее состоянии.

Также прорабатывается в тотемном восприятии вторая часть этого двухэлементного скрещенного термина, *sa* ← *san*, по его спирантному эквиваленту св. *qan* 'бык' (← *kan*) → *kan* 'кожа' (ныне 'кожа' вообще).

Теперь, думаю, понятна будет легенда, увязывающая основание города Карфагена с определением его границ охватом 'кожею' или 'шкурой' одного 'быка', пререзанной на тонкие ремни.

б) Предшествующие своим природным существованием домашним животным, но уступающие им место первородства в терминологии звуковой речи дикие звери в данный момент нас интересуют 'волком' из среды палеонтологически сближаемой единой с ним тесной группы 'льва' и 'лисы'. Нас интересует в данный момент именно 'волк' ('большой пес'), *resp. 'лев'* ('большой пес'), первым элементом своего названия со спирантизированным исходным сибилантом *ru* ~ *ri*, *resp. lu* ~ *li*. С перебоем губной огласовки в «и» моносиллабические слова *ri*, *resp. li*, мы имеем на европейской стороне Средиземноморья в длинном ряде нарицательных имен, названий предметов также культово-мифологического значения, равно в социальных терминах, так в терминах родства, преразрывно связанных с так

¹ Я не касаюсь привходящих значений этого слова, между прочим, 'теленка', с чем связывают и греч. *πόρτις*, но связывают груз. *q-bo* → *q-fo* вместо *q-bog* (мн. ч. народн. *q+fog-eb-1*), также со значением 'теленка'.

называемыми племенными группировками и их названиями, равным образом культуровыми, если, допустим, не всегда той или иной производственной культуры. Таковы — ‘ручей’, лат. rīvus, с долгим ī, возмещающим утраченный спирант h ~ s, resp. ш (ris ↔ res, ср. ‘реку’-‘лошадь’, мифологически ‘зарю’¹ и т. д., и в связи с этим лат. ru-ber ‘красный’, rū-f-us ‘рыжий’, ср. умбр. ru+fru ‘rubros’, оск. Ru+fru-is и др., да и лат. rō-b-us ‘красный’), и два различных слова, индоевропейцами принимаемые по их формальному совпадению за одно — 1) rō-bur (~+bus) ‘сила’, ‘мощь’ (← *рука, отсюда и ‘камень’ → ‘твердость’, ‘крепость’) и 2) rō-bur (~+bus) ‘дуб’, имеющий совершенно иное с ‘рукой’ происхождение, lī-berī ‘дети’, первично ‘отроки’, тезки той социальной группировки, тотемом которой был, значит, древнеиталийский бог lī-ber, туда же и классовый, resp. сословный, термин lī-ber ‘свободный’, resp. древнелат. lei-ber, resp. loe+ber-tatem и т. п., h-ber ‘книга’ и др. опять-таки в большинстве с сохранением долготы ī, возмещающей исчезновение спиранта h, resp. ϕ (~ш) в первой части, элементе D, представленном в более древних формах его звонким эквивалентом («у», начертательно, если не диалектически, буквами i ↔ e), именно lei-, читай leu, и loe-, читай lou.

Первая часть образования lūsh-, в спирантизованном виде lū, появляется в сочетании с элементом В или его начальным согласным v || m (л р → b → ф) лишь в латинском мире со значением ‘волка’ вм. ‘льва’, т. е. ‘большой собаки’,² собственно первично lū-ra ‘волчица’ (фр. lou-ve). Таково же должно было быть значение не только lū-ri, resp. lū-ra, но архетипа мордовского hш-та ‘лошадь’, в берб. эз-эт, т. е. *lūsh-та, точнее *гош-та (см. выше, стр. 177), по спирантизации rō-та, откуда происходит, очевидно, то, что с городом Римом, носящим это название Rō-та (греч. Ρώμη, лат. Roma с утратой долготы), миф связал тезку его ‘волка’, и это дало основание для возникновения мифа об основателях Рима Ромуле и Реме, воспитанных волчицей.

На двух берегах Средиземноморья по связи со скрещенным из тех же элементов (DV) племенным названием если на африканской стороне имеем название народов в топонимике Нубия, Нумидия и Ливия, да пережиточно и Rif, как зовут марокских теперь берберов,³ на европейской стороне у римлян в речи переживали такие культовые термины, как а) pī-men ‘воля (бога)’ ← ‘бог’,⁴ палеонтологически правильнее — ‘бог’, resp. ‘божество’⁵ → ‘божественность’, ‘величие’, ‘могущество’ → ‘повеление’, ‘воля’, ‘мановение’, и потому также ‘клятва’: firmare promissa numine ‘подтвердить обещание клятвой (← призывом бога)’, равно б) Ne+r-tun с ионским функциональным наростом -tun, в каком бы

¹ Н. Я. Марр, «Лошадь» и «Гризва», стр. 28 сл. [ИР, т. V, стр. 134]; Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1925, стр. 679 [ИР, т. V, стр. 292].

² В греческом мире второй частью скрещения является не элемент В, а элемент С («ионский») — lō-xo-ς, что формалисты (индоевропейцы) отождествляют полностью не только с lū-ri-s, но и с «волком» и его разновидностями!

³ В зависимости от населения территория, по толкованию французов, так у Lagousse’a под Rif или Rifif: «Горная система со средиземноморской стороны Марокко, обитаемая населением (des populations), в большинстве сарравами и арабителями».

⁴ Происхождение терминов ‘книга’ и ‘письмо’, стр. 61 [ИР, т. III, стр. 230].

⁵ Любопытен пример.

значении этот уже третий элемент в названии бога ни был употреблен, с) личные имена с тем же культовым термином в основе. Мы уже не говорим об этих именах, очевидно, тотемных или теофорных, все того же племени или социальной группировки *Nim-tog*, деда Ромула, сабиянца *Nima Rompilius*, второго царя Рима и т. п. Ясное дело, что при культовом значении этого усеченного двухэлементного термина *Nu+ma-*, *Nu+mi-*, равно *pñ+men* (*pñ+min-*), нельзя миновать его связи ни с *po+men*, т. е. 'именем', первично 'монстром', 'знаменем', 'знаком', ни, при космическом мировоззрении, с 'небом' (др.-б. *ne+bo*, русск. «не-бо», «не+бес-а» и т. п.), от семантических сателлитов которого на европейском берегу Средиземноморья у римлян имеем, *ne+bul-a* 'туман' при греческом $\nu\epsilon+\phi\acute{\epsilon}\lambda-\eta$, усеч. $\nu\epsilon+\phi-\omicron\varsigma$ 'облако', а на африканском у берберов глагол, увязываемый с 'грозовыми тучами', именно *ne+fəl* 'наводнять', 'затоплять' и т. п. В параллель культовому понятию *pñ+men* в латинском у берберов имеется усеченная разновидность *pi+f* с трудно переводимым значением, ибо обычная его передача 'самолюбие', 'самоуважение' не покрывает его смысла; *pi+f* это 'честь, затронутая в отношении женщины', но не личная, не семейная, а коллективная по всему племени, по всем кабилам, как мне объясняли в кабийской среде. Это 'самолюбие' в смысле отстаивания чести всего коллектива в отношении женщины, святыни всего племени, первично (за время еще матриархальной общности), следовательно, его тотема, и потому естественно, как разъясняет в *Dictionnaire Kabyle-Français* P. G. Huyghe,¹ выражение *ur tāsàùd ara nif* 'у тебя нет нифа'² представляет собой одно из самых кровных оскорблений.

Вполне естественно вхождение в круг номенклатуры таких хищных зверей, как 'лев' и 'волк', названий 'тигра' и 'барса', в том числе трех яфетидологически вполне разъясняемых разновидностей перс. *be-br*, груз. $\nu\epsilon+\phi-\dot{q}u$ ($\rightarrow \nu\epsilon+\phi-\dot{q}$) и арм. *va-gər*, из которых персидское название представляет простое удвоение элемента В с архетипом **ber-ber*, resp. **bēr-bur*, к чему восходит и $\nu\epsilon+\phi$, основа или первая часть грузинского слова $\nu\epsilon+\phi-\dot{q}u$, тогда как вторая его часть, если оно составное, resp. скрещенное, или суффикс, если оно производное, заключительный слог *qu* в нем скорее элемент А ($\leftarrow \dot{q}ur$), чем С ($\leftarrow \dot{q}un$). Во всяком случае явно с элементом А (*gər, dal*), как второй частью, сочетается тот же элемент В с огласовкой «а» в арм. *va-gər*, здесь, однако, с усечением плавного г, resp. l, без усечения наличный в виде *paq* \rightarrow *baq* в греч. $\pi\acute{\alpha}\rho\delta\alpha\lambda\iota-\varsigma \rightarrow \pi\acute{\alpha}\rho-\delta\omicron-\varsigma$ и русск. *bar-s'o*¹.

Как будто намечается изначальная грань, проходящая между названием 'льва' и 'собаки', в котором элемент Д играет господствующую роль, и названием 'барса', 'тигра', в котором выступает на первый план элемент В, но эту грань стирают факты иного порядка помимо того, что термин, означающий 'барса' или 'тигра' с элементом В — также функционально мигрирующий, и в частности от эпохи обозначения им также 'собаки', а в связи с этим и 'лисы', 'волка' сохранились десятки слов, так, между прочим, тот же термин со значением 'собаки' использован в слове «бо-бр», лат. *bi-ber* и пр., хотя бы слово здесь пред-

¹ 2-е изд., Париж, 1901.

² Huyghe переводит французским 'amour-propre'.

ставляло случай не удвоения, а сложения двух слов 'водяная (ср. b+o 'пью' от 'воды') собака'. Помимо того, именно двухэлементное (DB) скрещение, означающее 'лев' у грузин, семитов, русских, мы имеем со значением 'барса' или 'тигра', причем в разновидности, сохранившей плавный исход г элемента В, это арабское pa-mrⁿⁿ 'тигр', 'барс', мн. ʕa-p + mīrⁿⁿ или ʕa-p + māgⁿⁿ.

Оставив в этот раз одноэлементные слова в названиях 'собаки' и связанных с нею по наречению зверей — 'льва' и 'тигра', 'волка' и 'лисы', мы видим, что скрещенные из двух элементов DB образования, именно Nu + b-ia, Nu + m + dī-a, Li+bu-a и т. д., являются племенными названиями африканских народов или их разновидностями.

Как все это непомерно сложно и как в то же время все уже решено с простотой и наивностью детского мышления, так трактовано и трактуется в самой ученой среде. Отчего все это происходит, именно такая простота и наивность и, выскажемся откровенно, легкомыслие в трактовке столь ответственных вопросов? Едва ли в самом деле оттого, что в Евангелии сказано: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Где, значит, бездна науки и мудрости, а где можно щегольнуть и простотой ничего не ведающего голубя.

Мы думали отмахнуться от вопроса, сказав: «Это от метода». Но это не ответ, ибо вопрос в том и состоит, почему в изучении столь глубоко изученного античного Средиземноморья нет метода, должного метода? Хотел сказать: «оттого, что не ищут его, а метод это искание непрерывное, страстное искание», собственно, хотел повгоряться, ибо имел неосторожность высказать это недавно, обдумывая такой же казус в другом отрезке средиземноморского мира, баскском.¹ Но и это неверно: ищут до самоуморы, и все мимо. Вопрос именно в том, почему же нет такого искания, нет этого непрерывного страстного искания в должном направлении? Да очень просто. Чувствуют себя хорошо и без этих новых исканий. Ученые соответственных специальностей насыщены, а кое-кто из них и пресыщен своим знанием средиземноморского мира. Зачем в таком случае ломать себе еще голову? От добра, мол, добра не ищут. Я так и слышал из уст превосходного в своей области специалиста, ученого высшей квалификации, можно сказать — мировой известности, не менее признанной, чем генерал Фощ в своем военном деле, слышал по адресу яфетической теории: «К чему она, когда и без нее нам хорошо в нашем прекрасно устроенном ученом мире». И вспоминаю об этом не без повода в связи с поучительными словами французского вождя, ибо превосходный призыв его в речи, с которой он выступал в эстетшем январе в Ницце — «порядок в единении» (l'ordre dans l'union) и «братство классов, которое напоминало бы нам жизнь в траншеях» (une confraternité de classes qui nous rappelle la vie dans les tranchées) в алжирской газете на французском языке встретил следующий отклик: «Свойство успешных людей поучать о прекращении всякой борьбы. Чувство, бесспорно, человеческое: все кажется прекрасным, когда нечего более желать».² Дальше мы не будем углублять генетического вопроса о том или ином

¹ Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе) стр. 54 [см. здесь, стр. 47].

² Les Nouvelles, № 9270 [стр. 2]: «Le propre des hommes arrivés est de préconiser la cessation de toute lutte. Sentiment bien humain: tout apparaît beau quand on n'a plus rien à désirer».

методе, ибо углубление это уже давно формулировано неразрывной связью научного метода, в гуманитарных науках бесспорно, с определенным переживаемым социальным строем. Не будем углублять, во-первых, потому, что *non bis in idem*, а, во-вторых, повтори я здесь ту же мысль, наκληчу еще отход второй или третьей партии учеников, а без учеников дело плохо, ибо будущее в руках учеников, но учеников недовольных не интеллектуально, а материально судьбой изучаемых языков, гонимых, и учеников закаленных, которых не прельстишь никакой мандаринской тогой хотя бы научной квалификации. Ибо, что правда, то правда: когда мы пресыщены и довольны своим знанием, то все кажется прекрасным и нечего более желать.

Хотя бы *fas* и *jus*. Важнейшие термины общественного строя в Риме. Достаточно привести следующие строки: «Из патрицийских семей выходили и помощники царя в его сношениях с богами, объединявшиеся в коллегии по специальности... Наиболее видную роль среди этих религиозных помощников царя играли понтифики (значение слова неизвестно). Они вырабатывали религиозный календарь общины, давали советы царю по религиозным вопросам, были хранителями права божественного (*fas*) и гражданского (*jus* — право, юстиция и — справедливость и суд); оба эти права были нераздельны в древнейшей жизни в Риме».¹

«Оба эти права были нераздельны в древнейшей жизни в Риме», прибавим: «так же, как везде, на соответственной ступени развития социальной жизни». Понтифик (*pontifex*) — «значение слова неизвестно», а разве значения слов *fas* и даже *jus* известны, если интересоваться их происхождением и соответственно первоначально присущим им смыслом? Или так застыть и окаменеть на интересе только к тому, что устанавливается употреблением на дальнейших ступенях их развития, как в мире не только римлян, но и независимо от них в соответственных словах того же корня у так называемых индоевропейцев, социального слоя последнего образования в Европе и отчасти в Азии? Однако «понтифика» мы сейчас оставим, ибо путь к его разъяснению уже намечился, уловлен его двойник на Кавказе, также пережиточное явление, в лице верховного вершителя от священного дерева дуба, именно грузинского сановника *tkondid-el* (ჭუნბდიელ), и раз вопрос конкретно поставлен, дальнейшее зависит от его правильной проработки, причем мы отнюдь не имеем претензии считать незаменимым наш лексический анализ, печатался ли он или был читан в докладах, пока не увидевших света.

Вопрос не ставился вовсе ни о *fas*, ни о *jus* палеонтологически. На термине *jus* мы могли бы не останавливаться, хотя бы потому, что он и формально получает простое разъяснение, легко доступное любому яфетидологу со знанием хотя бы одного яфетического кавказского языка, именно грузинского. Идеологически 'право', как и 'долг', есть семантический дериват 'руки', следовательно, в таком случае *jūs ~ yūr* («*jūs*», род. «*jūr-is*»), восходящий к двухэлементному (AB) архетипу *jo. ws* (*iouš, iowestod, jūs-tūs*) своей первой частью *yō* (← *yog ~ yos*) — разновидность представителя шипящей группы, который должен был бы звучать **qur* в соответствии слову свистящей группы *dal* 'сила' (← 'рука'), откуда и груз. *ḍ-e-va*

¹ М. И. Ростовцев, Очерк истории древнего мира, Восток, Греция, Рим. 1924, Берлин, стр. 180.

‘давать’, а это на низшей ступени дает *jug* (~*jug*), resp. спирантизованно *ug* (\nearrow *ğug*) ~ **ug*, что, действительно, существует во всех перечисленных разновидностях, притом все как явные дериваты ‘руки’, именно числительного ‘два’, представляющего, как известно, слово означавшее ‘руку’, resp. ‘руки (пара)’,¹ так в языках шипящей группы ч. *jug*, в диалектах спирантизованно — *ug*, м. *jug*-1, и это же слово со спирантизацией начального согласного **ug* в других значениях, также происходящих от ‘руки’, именно ‘один’ — в народном армянском с утратой спиранта в составе взаимного местоимения *ig+e-ag* ‘друг друга’, буквально ‘один одного’ (ср. арм. древнелит. *mi+me-an+đ* ‘один одного’ → ‘друг друга’),² в эламском с глухим подъемом спиранта *kiğ* ‘один’ и т. п.,³ и опять в армянском уже древнелитературном в значении восходящего также к семантическому архетипу ‘рука’ термина ‘дело’ → ‘вещь’, ‘что-либо’, это *ig*, диалектически по трактовке плавного *g* в шипящей группе *-inđ* (← **inđ*) ‘вещь’, ‘имущество’, местоимение ‘что-либо’, вопросительно ‘что?’ Уже, казалось бы, с этим армянским словом, в архетипе на яфетической почве ‘рукой’, мы попадаем в линию перерождения ‘руки’ (→ ‘силы’ || ‘должного’) в ‘право’, ибо производное от него армянское древнелитературное же *ig-aw* значит *juge*, ‘действительно’ и т. п., и уже от него pl. t. *ig-aw-un+q* ‘право’, и некоторое переживание семантики третичного периода (яфетической) нельзя не признать за этим производным словом, но оно все-таки производное слово, т. е. термин четвертичного периода, разве в нем мы усмотрим не производный от *ig* твор. падеж — *ig-a+w*, а скрещенное образование из двух элементов (AB) — *ig+a-w*. Но совсем другое дело древнелит. грузинское *şđul*, народн. *sđul* (в говорах *gđul*), означающее ‘закон’, ‘религия’. Казалось бы, что слово производное от глагола *şđa*, resp. *sđa*, ‘судить’, но, увы, это анахронистическое суждение при настоящем архаичном термине отпадает, он — имя, состоящее из двух элементов (AA), и глагол, усекающий целый слог (*ul*) второй составной части, элемента A (*đul*), наоборот, выявляет в аористе *sa+đ-a* почти полностью первой части (*sa* \swarrow *sal*, resp. *sar*) элемента, следовательно, также A, ибо известно из палеонтологии форм, что в аористе архаичных глаголов выступает имя с своей огласовкой, но конечный элемент *и* в аористе *sa+đ-a* по обыкновению подвергся усечению такому же, как *mağ-đvep-a/e* ‘правый’ → *mağ-đve* ‘ловкий’, равно *mağ-đul* ‘правый’ в груз. *mağ-d* ‘ловкий’, ‘проворный’, ‘расторопный’ из **mağ-đ*,⁴ эквивалента армянского *a-đ*, который при «а-» ‘рука’, в более полном виде *ag*, наличном у абхазов в *ag-ga* ‘рука правая’, *ag-ma* ‘рука левая’, *đ* (→ *d*)

¹ О числительных (к постановке генетического вопроса), стр. 65 сл. [ИР, т. III, стр. 286].

² Сюда же относится и груз. *eg+đ-mağ eg+đ-sa* (древнелит. *ig+đ-1 eg+đ-as*) ‘один одного’ → ‘друг друга’, в которых, как теперь известно, имеем или скрещенье, или числительные с частицей *đ*, пережитком нумеративного слова *đep* ← *dep* [см. груз. *o-dep* ‘один только’], и в том и в другом случае элемент *eg*, означая ‘единицу’, означал и ‘руку’ (см. *eg* в послелого *mi-eg* при ‘посредстве (того)’, ‘через (того)’ [букв. ‘его рукой’]), как *ig* в древнелит. *ig+đ-1 eg+đ-as*. Нужно ли указывать, что при формальном методе все это разъяснялось мною же иначе и совершенно неосновательно, ибо не было еще подлинной палеонтологии речи, как нет ее или вернее открещиваются от нее, как от нечисти! доселе наиболее последовательные индоевропейцы, впрочем, для иллюстрации достаточно сослаться на мой грех 1913 г., формальный анализ *egđ* и *uđ* в «Древнегрузинско-русском словаре к 1—2 главам евангелия Матвея» под корнями *gđ* (← *zgd* и *wgd*).

³ Определение языка ахеменидских клинообразных надписей, стр. 45.

⁴ Слово считают заимствованным из персидского!

представляет усечение $\dot{d}ul \leftrightarrow \dot{d}ol$ (ср. арм. род. падеж от $a-\dot{d}$ — $a+\dot{d}o$ -у, а также помнить необходимость иного учета, чем бесспорное, казалось бы, формально причастие на $-ol$, прил. $a-\dot{d}ol$, народн. $a-\dot{d}o\dot{g} \leftarrow ya-\dot{d}ol$ 'удачный', 'счастливый').

Следовательно, архетип этого составного имени, в аористе усеченного до $sa-\dot{d}$, а в имени представленного в виде $s-\dot{d}ul \rightarrow m-\dot{d}ul$ (~ народн. диал. $r-\dot{d}ul$), ни более, ни менее, как $*sar-\dot{d}ul$, и, следовательно, *nomen actoris* $m-sa+\dot{d}ul$ ($\leftarrow *m-sar-\dot{d}ul$), как и $m-zar+\dot{d}ul$ при глаголе $zrda$ 'расти', аор. $zar+d-a$, имеет лишь форматив $m-$ без всякого суффикса, как нет явно форматава, следовательно, в груз. $mar-\dot{d}ul$ 'рука правая', арм. $a-\dot{d}o\dot{g}$, resp. $a-\dot{d}ol \rightarrow ya-\dot{d}ol$ 'удачный' и т. п.; усекаем перечень тяготеющих сюда фактов, чтобы не удлинять речи привлечением прочей родни этих слов, и вопрос лишь в том, имеем ли в $m-\dot{d}ul \leftarrow s-\dot{d}ul$, в архетипе $*sar-\dot{d}ul$, слово скрещенное или составное? Дело не только в том, что при скрещении имели бы повторение одного элемента А, то в разновидности свистящей группы sar , resp. без воздействия шипящей группы — sal , то в разновидности шипящей группы $\dot{d}ul$, resp. без приспособления к нормам грузинской фонетики $\dot{d}ur$. Дело в том, что палеонтология речи внушает необходимость уточнения в семантическом положении 'право' ← 'рука', именно 'право', повидимому, восходит не вообще к 'руке', как к семантическому архетипу, а к 'правой руке'; вопрос, следовательно, идет об использовании и в кругу юридических терминов бесспорного существования того факта, что 'левая рука', 'рука неудачи', 'несчастия', 'роковая', не зависящая от воли человека, и 'правая рука', 'рука удачи', 'счастья', 'рука действующая', 'рука творящая волю человека', 'выявляющая его силу', противопоставались друг другу. Архетип нашего термина $s-\dot{d}ul$ ($\leftarrow m-\dot{d}ul$), именно $*sar-\dot{d}ul$, действительно, представляет двойник спирантизованного $har-\dot{d}ol$, архетипа арм. $ya-\dot{d}ol \leftarrow a-\dot{d}ol$ 'удачный' → $a-\dot{d}$ ($\leftarrow a-\dot{d}o$ в род.) 'правый'. Такой же вопрос встает при лат. $jūs$ (древнелат. $jōws = yōus$) с архетипом $yō-w^{r}e^{s}(tod)$, resp. $*yog-ves$: не означало ли оно 'руку' правую? Однако к чему бы ни пришли в решении этой семантической проблемы, к возведению ли 'права' к 'правой руке', или вообще к 'руке', к тому ли, что термин скрещенный ('рука + рука') или сложный ('рука правая'), каждое слово его состава, даже $\dot{d}ul$, resp. $\dot{d}ur$, 'правый', означало бы 'руку', и в том, и в другом случае в значении 'права' это $\dot{d}ul$, resp. $\dot{d}ur$, представляет то же слово, что $yō \leftarrow *yos \parallel *yog$ первой части лат. $jūs$, род. $jūr-is$, resp. $yo-ris \sim yo-ws = \langle jo-us \rangle$.

Само собой разумеется, что лингвистическая палеонтология подтверждает мысль о первоначальной нераздельности прав 'божественного' и 'гражданского', словарно же оба они одинаково восходили к 'руке' или к 'правой руке'. Потому в грузинском диапазон расхождения значений $s\dot{d}ul \rightarrow m\dot{d}ul$ более силен, чем расхождение 'права божественного' и 'права гражданского', но все-таки 'права', ибо одно и то же грузинское слово $m-\dot{d}ul \leftarrow s-\dot{d}ul$ значит и 'закон', в том числе без различия как 'божественный' ('церковное право'), так 'мирской' ('гражданское право'), и 'религия', 'вера'.

Располагая же двумя синонимами, латинский язык, естественно, распределил два значения между двумя словами, каждое из которых, и $yūs \sim yūr$ ($\langle jūs \rangle$) и fas .

означало одно и то же на стадии развития языков третичного периода, яфетических языков, ибо *fas* также оттуда, откуда и «*jūs*», т. е. из яфетических языков, разумеется, не Кавказа, а Средиземноморья, ибо, не говоря о *fas*, «*jūs*», читай *jos* — *uog*, также сохранен даже у современных его обитателей в деривате семантического архетипа *ǵur* 'рука', означающем в берберском 'около', 'у'.¹

В смысле звукового материала *fas* — элемент В, т. е., если расценивать социально, впоследствии этнически (что на позднейших ступенях развития речи отнюдь не обязательно), это «бер»ский элемент.

Если ограничиться огласовочной формой одной социальной группировки, фонетически-формально выделяемой под названием свистящей, в противоположность шипящей, то из ее конкретно существующих разновидностей слагается целая таблица, нами предлагаемая, однако, лишь в извлечении — *val*, resp. *var* || *mal*, resp. *mar* ↗ *paq* (— *pas*) → *baq* (— *bas*) → *faq* (— *fas*) ↘ *faq* (— *fas*).

На Кавказе разновидность *mar* у грузин сохранилась, как известно, в значении 'руки' в составных словах — *mar-dnen-e* 'правая рука (*mar*)', сейчас вообще 'правый', с усечением *mar-dve* 'прямой', 'ловкий', *mar-dʒen-e* 'левая рука' (*mar*), сейчас вообще 'левый', с усечением *mar-dʒ* 'несчастье'. От того же *mar* 'рука' скрещенный термин *mar-dal* 'прямой', 'правдивый', в усеченной форме *mar-d* 'в направлении' и отыменный глагол *mar+d-v-a* 'выпрямлять', 'настраивать' и др. Но это «и др.» выявлены не только в ближайшем окружении грузинского на Кавказе, например в абхазском *a-tā* (↙ *-mar* 'рука') 'ручка', но обегают весь мир, отнюдь не лишь афревразийский. Правда, года два тому назад наблюдения подобных встреч я называл невероятными, так именно в работе «Происхождение американского человека и яфетическое языкознание»,² но теперь нас нисколько не смущает, как более чем вероятная реальность, когда в обсуждении лингвистических связей малайо-полинезийцев с группой *ноко* или южноамериканской семьи *чон* с австралийскими данными, именно в австралийско-южноамериканских языковых материалах выступает со значением 'рука' слово *mar-*, тождественное с грузинским, но на Кавказе у грузин упрятанное в скрещенных образованиях, у представителей более древней системы речи, абхазов, наличное самостоятельно, но в изношенном виде, и повсеместное, как переживающее третичного периода, во всех языках Средиземноморья.

Разновидность *mar* играет значительную роль в грузинском словаре, все по связи с ее значением 'рука', проникнув и в числительные, так *mar-to* 'один только', 'только' (это в народном грузинском).³ Появляется она же в скрещенных словах и на втором месте, так в основе глагола 'употреблять' *q-mar* и 'помогать', также *q-mar*, ибо и то, и другое действие (глагол) восходят к имени 'рука'. Первая часть этого скрещенного слова *q* (resp. *q*) — остаток слова, также означавшего 'рука', звучало ли оно *qel*, как находим его у грузин (древнелит. *qel*), или имело огласовку по иной, именно акающей (*qal*, resp. *qar*) или окающей

¹ См. ниже, стр. 191.

² Восточный Сборник (изд. Публичной библиотеки в Ленинграде), т. I, стр. 184 [см. здесь, стр. 94].

³ О числительных (К постановке генетического вопроса), стр. 89 [ИР, т. III, стр. 304].

(*qur*, resp. *qul*) группе. В скрещении здесь имеем элементы А (салский) и В (берский). Естественно с тем же элементом В встретиться в силу положения о функциональной семантике в составе также скрещенных образований, названий орудий производства, включая такое орудие, собственно оружие, как 'меч', в грузинском народном *q-mal*, причем первая часть *q-* в данном случае есть пережиток элемента А в разновидности *qar*, сохранившей плавный исход *г* в древнелитературном языке, где то же слово звучит *qr-mal*, каковой состав объясняет появление *l* вместо *г* во второй части, ибо в грузинском из двух *г* одного слова второй обращается в *l*, т. е. архетип данного термина, при учете принадлежности грузинского языка к свистящей группе, должен звучать **qar-mag*, а при разнобойной огласовке, в результате влияния шипящей группы с его губной огласовкой в первом элементе — **qur-mag*, resp. **qur-mal*. Впрочем, слово отнюдь не внутренней грузинской чеканки. Оно в дериватах этого именно вида прослеживается как термин мирового общения в языках различных систем. Греческий сохранил его в том же составе с выдержанной огласовкой акающей группы, но с иным расположением элементов, именно ВА: *μάχαρ-α*, причем основа с эпентезисом (из **ma-qar-i*), сохранившаяся в грузинском в слове 'рука' → 'плечо' *m-qar* (✓ *φ-qar*), в архетипе **ma-qar*. Но и сейчас нам важно отметить, что архетип **qar-mag*, resp. *qur-mag*, в грузинском давший *qr-mal* (древнелит.) → *q-mal* (народн.) в значении 'меча', в других яфетических языках появляется с утратой плавного согласного то обоими элементами в виде *ka-ma* в абхазском со значением 'кинжала', с усечением гласного исхода *qa-m* у мегрелов и чанов в значении опять 'ножа', как и у абхазов в другой разновидности, именно с сохранением исходного плавного согласного первым элементом в виде его свистящего эквивалента *z* — *a-ḥəz-ba* (архетип **ḥur-mal*).¹ Не можем здесь задерживаться еще, к иллюстрации связи 'меча' с 'рукой', на русском слове «меч» (← **med*), наследии разновидности того же *mag* из яфетического языка акающей группы, о господствующем вкладе которой в русскую речь уже приходилось говорить,² почему отнюдь не случайно созвучие с ним глагола «мечу», «мет-ать», происходящего также от имени 'рука', как не можем отвлекаться общей во всяком случае сродной основой латинского 'меча' *ens-is* с берберским глаголом 'продавать' (собственно, 'давать'), 'продаваться' *enz*, восходящим непосредственно к семантическому архетипу 'рука', так как за этим потянется ряд других образований того же порядка, связывающих языки различных систем как, например, опять русский с грузинским, где *qan-dar*, resp. *qan-dal* 'меч' никак нельзя разлучить с русским «кин-жал», причем, откуда бы ни были внесены эти термины, один в грузинскую речь другой в русскую, у них еще общие спутники, ибо *kin*, первый элемент русского «кин-жал», наличный в «кин-уть», и его синоним *kid* в «кид-ать», имеем ли в них разновидности одного элемента, в зависимости от известной нормы фонетического перерождения

¹ Обо всем этом с значительно большим количеством разновидностей того же слова см. Предисловие к Абхазско-русскому словарю, стр. XXV, XXVI.

² Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 24—25 [ИР, т. V, стр. 337—338].

$n[\leftarrow \text{'n}^{\text{d}}] \rightarrow d$, перебоя плавного r , следовательно, в архетипе kn , или налипо в первом случае одноэлементный (C) корень kn , во втором — скрещенное двухэлементное (AC) слово $kn-d$. И в том, и в другом случае эти слова, как имя, значили 'руку' откуда у армян kn в значении 'раз', '-жды' в числительных, а у грузин $kide$ 'сторона', 'край', да прямо от 'руки' глагол $mo-h-kida$ 'взялся за', 'тронул' (рукой), с сохранением же аффрикатности — kid , основа глагола как 'брат', так 'давать', что и является первичным значением торговых терминов $i-kid-a$ 'он купил' (← 'взял'), $ga-kid-a$ 'он продал' (← 'дал') и т. п.

К той же 'руке' или к тем же 'рукам' восходят слова, означающие 'борьбу', 'бой', 'войну' и т. п. Как бы в связи с появлением новых орудий борьбы, из камня или далее и металла ни мешала анахронистическая увязка с соответственными материалами, камнем и металлом, и оружиеми, нельзя не усмотреть первичной связи этих терминов все-таки с 'рукой'. При всем явном сродстве греческого $\mu\acute{\alpha}\chi\eta$ 'сражение' с $\mu\acute{\alpha}\chi\alpha\iota\alpha$ 'меч', связь между ними вовсе не непосредственная, а по восхождению к одному и тому же семантическому архетипу, означавшему 'руку'.¹ Так же обстоит дело с груз. $br\acute{d}ola$ 'борьба', созвучным не только с грузинским же $bor\acute{k}il$ 'кандалы' (← 'железо'), что, однако, можно было бы отвести другой этимологией, происхождением от 'ноги' (ч. $bor\acute{k}$, груз. $ber-q$ ← $ber-k$), но и с евр. $bar\acute{d}il$ 'железо', ибо 'железо', материал для оружия, функционально унаследовало название 'руки', и в груз. $br\acute{d}ol-a$ безукоризненно оформленный по позднее сложившейся морфологии скрещенный термин, скрещен же он из двух разносоциальных слов, одинаково означавших 'руку' $br \swarrow bor \leftrightarrow bur$ и dal . От первого унаследованное русскими от своих скифских или иных яфетидов «борь-ба» (-ба суффикс, разновидность груз. -та в $su-ta$ 'пить' и т. п.), а dal — чисто грузинский примитив, сохранившийся в ряде многократно разъяснявшихся слов в значении 'силы' ($\acute{d}al$), 'одолевания' ($\acute{d}l-ev-a$), 'дара' (также $\acute{d}l-ev-a$) и т. д. Это не мешает трактовке грузинского $br\acute{d}ol-a$ как среднего глагола (характер «о») с суффиксом l , с усечением полной формы до $*bor\acute{d}o \leftrightarrow bor\acute{d}u$ и $br\acute{d}v-is$ 'борется'), равно как отложения этого же слова с еще большим усечением \acute{u} армян не только в имени $mir-\acute{d}$ 'кулак' (← 'рука'), но и в глаголе $mer+\acute{d}-il$ 'бороться', все из окающей группы, но армянский же язык сохранил нам акающую его разновидность $mar-t$ ('рука',² см. ниже стр. 189) в основе глагола $mar+t-\acute{d}-im$ 'борюсь'. В основе тот самый термин $mar-t$ (им. $Mar-s$), который украшает римский пантеон, собственно римское, завещанное от яфетидов, 'небо' с легендой о нем, как сыне Юпитера, и обслуживаемый жрецами «салиями». Какаля мешанна! Какое вавилонское столпотворение! Но что же делать, когда такова жизнь. творческая жизнь, движущаяся на сложных рельсах противоречий и борьбы, разрешаемой лишь выдвиженством более живучих элементов в результате диалектического развития.

Не надо, следовательно, забывать, что даже 'борьба' и 'война', тем более орудия борьбы, 'нож' ли это, 'меч' ли или иное орудие, носят название 'руки', функция которой унаследована ими по развитию соответственной материальной

¹ См. выше, стр. 187.

² См. выше, стр. 184 mar 'рука' и стр. 186 груз. $mar-to$ 'один только'.

культуры и техники, т. е. *q̄a-m*, следовательно, первоначально также означало 'руку', и потому произведенный от этого же *q̄-am*, древнелит. *q̄a-m* [^{*}'рука'], глагол у грузин сохранился в форме *qam-s* со значением 'должно', букв. 'долг есть', палеонтологически 'рука' (→ 'сила'), герс. 'правая рука есть'. В том же значении интересующая нас сейчас разновидность *maγ* появляется без всякого усечения в глаголе также со скрещенной основой *maγ-ǰ*: *maγ+ǰ-eb-s* 'надлежит', 'должно'. Скрещенная основа *maγ-ǰ* (← *maγ-t*) также означала 'руку',¹ как это можно видеть, независимо от названных выше грузинских глаголов, по происходящему также от 'руки' глаголу 'мочь', как он звучит у армян в виде *maγ+ǰ-ey* 'он может', 'можно'. В армянском сохранился фонетический архетип той же основы *maγ-ǰ*, именно *paγ-t*, в значении 'долг', *paγ+t-ey* 'нужно', 'должно'.²

Однако в значении 'долга' (отсюда и 'вины') разновидность *maγ* / *paγ* сохранилась без всякого скрещения с озвончением губного в слове грузинском народном *baγ*: *ǰem baγa* 'моя вина' (*baγ* же со значением 'руки' налицо в основе грузинского глагола *ǰa-a-baγ-a* 'он вручил ему').³ В значении 'долга' то же слово налицо у грузин и в виде *val*, отсюда *valdebul* 'обязанный', дословно 'на ком лежит долг', *da-ma-vala* 'он меня обязал'.

Таким образом, разновидности *maγ* 'рука' в значении 'долга' представлены почти со всей гаммой их возможных изменений. Нами исчерпаны следующие разновидности представленной выше в сокращении таблицы — **vaγ (val) || maγ / paγ → baγ → *faγ*. Не хватает лишь разновидности *faγ* (собств. *fał*) в значении 'долга', и ее-то мы имеем в лат. *fas*, с обычным чередованием *l || r* с *s || ш*, как то унаследовано от языков яфетической системы и латинской фонетикой (*arbor, arbos* и др., да и *jus ~ jur-* между гласными), и как то находим в названиях яфетических народов, и Кавказа *mas || mos || mes*, герс. *bas* (*Masi-q, A-bas-k, Mos-q, Mup-k, Mes-q*), и Европы (*Bas-k, Li-gur- || Ligus-*), равно Африки (*A-maz+1-ǰ || M A-moj+e-ǰ* при мн. ч. *I-maz+1-ǰ-en || I-moj-ǰ-en* и т. д., *Li-bus*, откуда *Li-βu-ς, мн. Liβu-ες*). Что касается появления слабого согласного спиранта *f* вм. сильного губного средней озвонченности *φ* (*ph*), то это особенность латинского языка, разделяемая им с берберским, где то же самое слово представлено с губной огласовкой шипящей группы и с первоначальным его значением 'рука' в виде *fus*, в берберском оформлении *a-fus*, мн. число *1-fas-ep*.

Губная огласовка связана явно с губной огласовкой африканской топонимии (*bu^rs¹* в *Li-βu-ς, nu* в *Nu+b-1a, Nu+m-d-1a* и др.). Но губная огласовка не чужда была именно слову *fas || fał* (в яфетическом произношении *fas || fał*) и на Кавказе, это основа *φиш || φul* (вм. *φиг*), означавшая 'руку', ибо от 'руки' про-

¹ См. выше, стр. 186.

² Мы не прослеживаем сейчас ни дальнейших армянских перерождений термина (нар. *peyt → ret; ret-q* 'необходимо' и т. п.), ни его распространения за пределами Армении, что используется для производства этих слов не только из иранского, это бы еще ничего, но из 'индоевропейского'. Чазаны, уткнувшись головой в снег, думают (они ведь тоже 'мыслят' как-то о самозащите), что никто их не видит.

³ Слово *bral* 'вина' сохраняет тот же *baγ* с утратой огласовки (*br*) в скрещении с *a*, герс. *ar*.

исходит, как установлено палеонтологией речи, не только 'делать', 'строить', но и 'рушить' (кстати, самое русское слово «руш-ить» от гшп 'рука'), и, действительно, глагол *фиш-а* в грузинском значит 'разрушил', *ful ekaw* (в армянск. народном, *фәл-аw* древнелит.) 'разрушился'.

Впрочем, в берберском, как в языках яфетической системы, слово *a-fus*, означая 'руку', употребляется и в смысле 'власти', 'права над кем', 'autorité', как иллюстрировано это в кабийском словаре примером *Rebi ifkan a-fus fəl ak* 'Бог дал мне власть (право, *autorité*) над тобой'.¹

На связь этого слова с 'правом' берберский язык указывает тем, что использует его в значении 'правой стороны', так и в марокканском наречии 'справа' гласит *a-fās-i*, 'правая сторона' *tāsga tafāsīt*.²

Установление единства терминов (он не один) для 'руки' нам важно и лингвистически во многих отношениях, независимо от семантики, в которой он играет центральную роль, по связи с историей материальной культуры, а затем по переносу в надстроечный мир и в круге отвлеченных понятий. Не приходится говорить о роли его в созидании глаголов, где не только добрая часть имен действия, но и состояния восходит к нему. Так, от имени 'рука', как орудия действия, вслед за переходным глаголом 'владеть', 'иметь' возник весьма поздно существительный глагол 'есть' с его отвлеченным представлением совсем поздним о бытии вообще вне определенного пространства и обстановки, обычно же все еще переживает указание на субъект, владельца сущего.³ Берберский язык так и не доработан до отвлеченного глагола 'есть', он передается выражением, соответствующим русскому «у него есть» — *ǧur-əs*, причем в составе этого берберского построения нет глагола вовсе, дословно он значит 'у него', буквально и палеонтологически 'рука (→ 'около', 'у') его (← 'он', 'тот', 'лицо')'. И такова роль все той же разновидности слова 'рука' — *maḡ*, также ставшей, с утратой исходного плавного, был ли он *g* или *l*, основой существительного глагола, как мы то видим все на италийской почве в речи этрусков, где *ma* значит 'есть', как у абхазов в выражении *moḡr* (← *ma-u+r*). Но использование этого элемента в значении 'бытия', 'существования', 'нахождения' отнюдь не ограничивалось этрусско-абхазским миром Средиземноморья со включением Черноморья. Его разновидности, полная по шипящей группе *buḡ*, *g.sp. buḡ*, да усеченные *bu* (↘ *tu*) ~ *bi*, да и в виде одного согласного пережитка *b* ↘ *v* || *m*, прекрасно сохранились, где в значении 'быть' самостоятельно, где с более первоначальным смыслом 'владения', 'имения', в скрещениях на всем пространстве Евразии, если пока-что не беспокоить Африку.

В применении же к понятиям и представлениям материальной культуры достаточно сослаться на то, что от слова 'рука' получены не только такие термины, как 'ремесло' и 'техника', в частности и скрещенные греческие слова

¹ Huyghe, Dictionnaire Kabyle-Français. Paris. 1901, s. v.

² E. Destaing, Vocabulaire français-berbère. Etudes sur Tachelhît du Sôus, I (Bibl. de l'Ec. des langues orient. vivantes, Paris, 1920, s. v. 'droite'.

³ Подробности изложены во французском курсе грузинского языка, уже начатом печатанием [вышел в 1931 г.: N. Marr et M. Brière, La langue géorgienne].

μη-χων-ή и τέ-χνο-ς, в которых χαν || χον- (→ χπο), элемент С (ионский), тот же, что qan- || kin- в составе названия 'меча' — груз. qan-dal || русск. «кинжал»,¹ также одинаково означали 'руку' как te (← ter), элемент А (салский), и пережиток элемента В в нашей разновидности mē (← mer) || mā (дор. μᾶ-χων-ᾶ → mā-china).

От 'руки' же слово 'искусство' во всех языках, так в частности лат. ar-s с основой ar-te, термин также скрещенный, как в пережитке te (←→ ti), здесь элементе С (ионском), так и в первой части, элементе А — ar, сохраняет слово, означавшее и в яфетических языках означающее 'руку' от Кавказа до Пиренеев. Полная форма ar — har, resp. hal, в подъеме ġal, и этот ġal, resp. ġar, с двойниками свистящей группы груз. ḍal ('рука', отсюда 'сила', 'одолевать' но также глагол 'вручать'), resp. dar в составе бск. in-dar 'сила' имеет эквивалент берберский в ġir, означающий 'близ', 'около', 'у'. что восходит к тому семантическому архетипу 'рука', притом конкретно к тому именно слову, которое имеем в лат. jus, род. jur-is.²

Исключительное внимание к 'руке' оправдывается независимо от отнюдь неисчерпанных терминов, происходящих непосредственно от 'руки' в том или ином восприятии, или означавших 'руку'; их было основных четыре по числу элементов, и даже римляне своим manus разошлись с греческ. χείρ, только неизвестно, почему не учитывается ни в какой мере схождение эллинов с кавказцами или римлян с берберами в наречении этого важнейшего орудия в истории человеческой культуры. Вопрос в латинском языке отнюдь не в одном fas. В латинском выявляется и с губной огласовкой (bus ~ bur), как в берберском (fus), это же слово, как сейчас увидим. В латинском та же акающая формовка с другой трактовкой согласных, именно man-us (man-isa 'рукав'), в котором при краткости «а», если она первоначальна, приходится man разъяснять как его армянский подъемный эквивалент van 'дело', 'вещь', van-el 'делать' как разновидность var при посредстве ma'n¹ḏ ← ma'n¹ḏ ← ma'n¹t, пережившее в армянском в виде maḏ 'ручка плуга'. Словом мы возвращаемся все к тому же man. Вопрос, однако, не в этих частности, а в том, что с понятием 'рука' связаны неразрывно 'женщина' и 'вода'. Палеонтология речи установила неизбежность для определенных эпох тройной полисемантической слова, означавшего 'руку': это — 'рука + женщина (мать) + вода'. Когда вопрос о 'женщине', то прежде всего речь о производительнице потомства, и с этим пучком значений мы сразу захватываем три мира, именно помимо материального с техникой, искусством и знанием ('рука'), мир социальный ('мать') и космический, природу ('вода'). И очень важно знать что латинская речь устанавливает, что слово man-us к той эпохе развития речи в социальной группировке пралатинян с праберберами, когда это слово в ней было, означало 'руку + женщину (мать) + воду'. В значении 'руки' его сохранили римляне — man-us, в значении 'воды' — берберы (a-man), а в значении 'женщины' и латиняне и берберы. Однако, не входя сейчас в специальные разыскания по сложной

¹ См. выше, стр. 187.

² См. выше, стр. 190.

истории социального термина 'мать', увязывающегося с историей материальной культуры, в частности с земледельческим хозяйством, многогранно, включая сюда и идентичность 'матери' с 'землей', своевременно указать здесь, что *map* 'вода', как выясняется, двойкий, один простой (элемент В), другой скрещенный двухэлементный (АВ или ВD) термин, и он обычен в значении 'воды' на Кавказе как изолированно в виде двойника *van* в смысле 'озера' в названиях озер *Van'a*, *Θорага-van'a* и с подъемом *m* в *b* в значении 'мыть', 'купать' — груз. *van-a*, русск. «баня», груз. *a-van-o* 'баня', ч. *o-bon-u*, в русской топонимике в названиях 'рек', в скрещении элементов или АВ — груз. *t-ba* 'озеро', 'пруд' ← м., ч. *to-ba* 'море', 'озеро' и т. п., сюда же *a-map*, или ВD — *bal-ne-um* 'баня', заимствовано в армянском *ba|-ne/1-q*.

Мы на этом урезаем перечень тяготеющих сюда лексических материалов из тех же, равно других языков, притом иных систем, не исключая ни финских, ни турецких, ни так называемых индоевропейских, как пришлось удержаться от вхождения в рассмотрение социальных терминов, не одной 'матери', но всех связанных с ней терминов хозяйственно-социальных взаимоотношений. Функциональное развитие семантики, по известному теперь палеонтологическому положению, с переходом названия с главы семьи матриархальных эпох на главу семьи патриархального строя, вызвало факт наречения 'отца' тур., берб. *ba-ba*, груз. *ma-ma* ← *ma-mal* (← **mal-mal*) и т. п. словом, означавшим 'мать' — арм. *maut* (← *map-1*), берб. *ma* ← *m-*, равно *mā* из скрещенного *mā-ter*, русск. *ma-ma*, фр. *ma-ma* и т. п. Однако, по мере развития социальной жизни те же элементы, не другие, использовывались для наречения других лиц социальной группировки, впоследствии носителей кровного родства.

Другой вопрос, в какой мере общностью происхождения или, что правильнее сказать, принадлежностью к социальной группировке общей исторической жизни для так называемого античного мира доистории, можно объяснить, отвлеченные правовые и моральные понятия, лексически связанные с 'рукой'. Не были ли в тех или иных случаях эти понятия надстроечного порядка выработаны тем или иным народом впоследствии, следовательно, независимо от доисторического наследия, хотя неизбежно по тем же законам палеонтологически вскрытой семантики. Здесь безусловно вступает в права за историком материальной культуры (пожалуй, было бы вернее сказать, одновременно с ним) историк общественного строя, его форм и, в частности, его правовых норм. Все, что пока мы можем сказать в этом направлении с точки зрения языковых данных, это ясно устанавливаемое положение, что везде в новом так называемом индоевропейском мире эта сторона лексики представляет использование терминов существовавшего ранее третичного мира, и берберы (понятно, праберберы) участники творческой работы в этом деле, входят, значит, в состав «третьего этнического элемента в созидании средиземноморской культуры». Эта сторона семантики получает неожиданное яркое освещение от общности терминов родства у берберов с яфетическими языками Кавказа, в частности 'брата', поскольку каб. *əg-ma* 'брат' и другие берберские эквиваленты оказались в точности или частично (в результате норм скрещенных) отождествляющимися с теми спирантными разновидностями в кругу яфетических

языков Кавказа (сванский, яфетические переживания в армянском¹), сибилантным двойником которых является ныне груз. *ḡ-ta* 'брат', полный вид *ḡamḡa*¹, архетип **ḡa-mag*, при *ḡu-ma* ^Г шипящей группы, причем в языках, частью так называемых диалектах берберской ветви имеются и их сибилантные двойники со спирантизованными разновидностями (*tma*- во мн. ч. *ay-tma-tən* 'братья', в составном *ul-tma* 'сестра', букв. 'женщина-*брат*', равно *u-ta* 'брат', *gu-ta* и даже *g-ta id.* и др.). Можно и есть основание ставить вопрос, было ли в эпохи общения праберберов с прагрузинами такое уточненное закрепление названных слов именно за 'братом', не было ли тогда его полисемантизма, в котором в понятие 'брат' включалось не только понятие 'друга', 'товарища', но и вообще 'socius'. Впрочем, в берберском 'брат' доселе синоним 'союзника', каб. *əgma* переводят по-французски 'frère', 'parent', 'allié', у грузин же в смысле *socius*'а понимался 'человек', в частности, в зависимости от социального строя так понимался и 'мужчина', почему груз. *qmag*, разновидность 'брата' (ср. марокскую разновидность берберского слова *gma* 'брат'), означало 'мужчину', 'мужа', как то ясно видно из его эквивалентов в кавказских яфетических языках шипящей группы, мегрельском и чанском, и лишь впоследствии закрепилось за ним исключительно значение 'супруга', 'мужа'. Впрочем, и эта деталь требует специальной доработки, может быть, и разработки, ибо соединение представлений не только о 'мужчине', но и о 'супруге' с 'братом' также существовало, притом не как позднейшее явление. Однако не будем углубляться далее в палеонтологию терминов родства (данные для этого есть). Для нас достаточно знать, что, будь в те эпохи «доистории» еще не одно изолирующее значение 'брата', означай оно даже вовсе не то, что мы связываем с представлением о 'брате', слова северо-африканской, собственно, алжиро-марокской (берберской) и кавказской сибилантной (грузино-мегрело-чанской) и спирантной или скрещенной (сванской, абхазской и др., также армянской) формы в соответственных для тех эпох звучаниях были все-таки терминами определенного социального строя, нормировавшимися неизбежно правовыми отношениями, в зависимости от его характера.

И эти термины социальных взаимоотношений также восходят в конечном счете не к 'матери', а также к 'руке', первично основному орудию производства, к которому, как источнику и 'силы', 'благополучия', а с ними и 'порядка', восходят правовые термины, в начале, разумеется, без всякой дифференциации «божественного» права с «гражданским», как не были они еще дифференцированы в самой жизни.

Это было, когда Карфаген и Рим являлись городами одних и тех же этнических образований на двух берегах Средиземноморья, до так называемых индоевропейских римлян и до семитических финикийцев, или пунов.

Fort National (Алжирия) — Ленинград.

¹ Когда вспомнишь, что арм. *eḡ-baḡt* (← *eḡ-bar-1*) 'брат' считали все дериватом так называемого индоевропейского слова, сейчас как не сказать, что мы тогда хотели (а сектантски упорствующие и теперь хотят) видеть «Волгу, текущей из Каспийского моря». И это естественно для всех тех, кто в жизни не видел ни живой «Волги», ни живого реального «Каспийского моря».

От шумеров и хеттов к палеоазиатам, по енисейско-остяцким материалам В. И. Анучина¹

Шум. *gēme* → *gēm* 'женщина', 'девушка', 'служанка', в идеограмме хеттских текстов по чтению специалистов — *gim* 'рабыня'. Именно при чтении хеттских текстов нас очень смущало, что в одном из мест хеттского кодекса законов идеографически *ig* значит 'раб' (← 'слуга', 'человек'), *gim* 'рабыня' (← 'служанка', 'девушка').² С точки зрения яфетических языков Кавказа толкование должно бы быть, казалось, обратное, т. е. *ig* (~*ig*) 'девушка' [→ 'служанка', 'рабыня'] и *gim* 'мужчина', 'отрок' [далее, следовательно, как 'герой', так и 'слуга', 'раб', семантически ср. груз. *k'g'ma*]. Однако, такое перетолкование наших идеографически используемых слов абсолютно невозможно. Оставалось для увязки лексического материала с кавказскими яфетическими данными прибегнуть к отнесению расхождения к той далекой эпохе, когда 'брат' и 'сестра', 'мужчина' и 'женщина' носили одно и то же название без учета их пола. Носит же 'отец' ('мужчина') название 'матери' ('женщины') по особому еще основанию, по функциональной семантике, поскольку 'отец' занял место 'матери' в правосознании человечества. В частности, *gim* — усеченный вид скрещенного термина, из двух элементов *SAL + BER* и, так как первый элемент именно в разновидности *sal* значит по-шумерски 'женщина' и это поддерживается его многочисленными разновидностями в яфетических языках Кавказа, то на этом и приходилось успокаиваться, тем более, что у грузин имеется древнелитературный термин с префиксом *m-* — *m-qe + val* 'рабыня', равным образом скрещение из тех же элементов *SAL + BER*, причем *qe* пережиток *qel* 'рука' из семантического ряда 'рука + женщина + вода', прекрасно документирован со значением 'женщина' и в этом усеченном виде (св. *qe*, равно мегр. и др.), о чем подробно речь в заметке моей «Нарицательное значение термина *qera* в «митанских» женских именах». ³ В сванском особый вид, уже полный, *-kēl* → *-kel* устанавливается анализом *ləφ-kēl* → *ləφ-kel* 'государыня' (есть разновидности *kēl* → *kel* с аффрикатным произношением начального *k* и в других яфетических языках Кавказа). И вот св. *kēl* мы имеем в полном виде в шум. *kēl* (пишется *kiel*) в значении 'женщина', с озвончением *k* → *g* и утратой плавного в виде *gē* в составе скрещенного *gē + m'gē* 'женщина' и т. д.

И все-таки точного отложения *gim* ← *kim* 'рабыня', 'служанка', гесп. 'девушка', 'женщина' в яфетических языках Кавказа пока мы не находим. И теперь, после увязки языков севера с яфетическим языкознанием, естественно было бы направиться на поиски в ту сторону, где идеограмма 'серебра' клинописных текстов (KASPU) лексически находит более близкое соответствие и где глагол 'давать' хеттского языка находит или также наиболее близкое соответствие или точную архетипную передачу, это именно в чувашско-турецкой лингви-

¹ [Доложено в ОИФ 24 XI 1926. Напечатано в ДАН, 1926, стр. 135—136.]

² Fr. Hrozny, Code Hittite, Париж, 1922, § 16, 39 et pass.

³ ИАН, 1920, стр. 121—127.

стической среде, а затем и в языках к ним примыкающих финских и несколько не менее и палеоазиатских. Здесь-то мы и находим потребный термин: именно у енисейских остяков слово $\dot{q}em \leftrightarrow \dot{q}im$ (по произношению, следовательно, ближайшая ступень за обсужденными нами только что шум. $gem \leftrightarrow id. gim$) означает 'женщину'.

Мы все это могли бы сами установить по труду Кастрена в обработке Шифнера (Schiefner), где женщина в «Jenissei-Ostjakisch-Deutsches Wörterverzeichnis» приводится в двух разновидностях: «xim» с «xem-» в составном термине (напр., «xemtop» 'женатый' и «kim» помимо третьей — с долгой). Первая из них любопытна для состояния, в каком начальный звук первого элемента этого термина дошел до нас в ряде яфетических языков Кавказа, да не забудем — в разбиравшемся нами митанском термине. В енисейско-остяцком мы имеем с этим словом и по типу яфетической системы построенный термин 'девушка', именно 'женщина + дитя'. Звучит он по Кастрену (ук. м., s. v.): «xim-dyl» и «kim-dyl».

Но не Кастрен или Шифнер навел нас на сделанное наблюдение. Обратил я внимание на названный енисейско-остяцкий термин из-за заметки по яфетидологически установленным семантическим рядам, сообщенным мне В. И. Анучиным в числе восьми, в письме от 16-го текущего месяца (ноября) из Казани. Из этих семантических рядов один (№ 6) имеет отношение к нашей теме, поскольку 'женщина' входит в семантический ряд 'рука + женщина + вода'. В. И. Анучин сообщает: «kim [gim] или kem [gem] 'женщина' и 'река' (одинаково)». Нужно ли прибавлять, что в языках яфетической системы 'река' и 'вода' называются одним и тем же словом?

Балкаро-сванское скрещение¹

Арсен Зурабович Ониан, сотрудничающий в проверке лашхской части нашего сванско-русского словаря, оказался со знанием языка соседящих со сванами балкар, или малкар, сродного с карачаями турецкого племени. Так как записи соседящего, лишь практически усвоенного языка соседом с родным языком другой системы, при полном отсутствии всякой теоретической подготовки, представляют исключительный интерес для суждения о восприятии фонем в живой лингвистической среде, мною были приняты меры, чтобы получить в яфетидологической транскрипции числительные и несколько десятков слов балкарской, или малкарской, живой речи. Производство яфетидологической транскрипции под диктовку А. З. Ониана на первый раз было, однако, поручено опытному по этой части постоянному работнику ЯИ (состоит вне штата) Р. М. Шаумяну. Материал оказался независимо от первоначального задания совершенно неожиданным по интересу. В доселе появившихся работах, насколько они мне известны по литературе, любезно сообщенной акад. А. Н. Самойловичем, речь почти исключительно о связях с далекими и близкими языками так называемой турецкой семьи, равно с монгольским. Покойный П. А. Фалев сообщал лишь в общих чертах без конкретизации о наличии в нем следов влияния нетурецких, вероятно, мол, местных кавказских языков. Оказалось, что балкарский язык в целом или в определенной его части оформлен фонетически со звуковыми особенностями сванского языка. Любопытно, между прочим, раздвоение губных гласных «о» в we (вместо ö?) и «u» в wí (вместо ü?), напр., əwəŋə '4' (из *ʔəŋə, resp. dŋə вм. dŋŋ) и qwín 'день' из *qun, resp. gun (gün) и т. п. Мы не говорим об учете нашим наблюдателем звука ə в отличие и от t и от d, европейцам не всегда дающегося для правильного восприятия. Малкарский язык обладает характерными аффрикатами сванского языка, как переднеязычными, так заднеязычными, не исключая звука k (груз. კ). Кстати, с этим аффрикатом произносят сами малкары свое племенное название: malkār. Язык их разделяет полностью мутуацию лентехского наречия сванского языка, числительные в нем — «двадцатиричные», как в большинстве языков яфетической системы, названия 'руки', 'хлеба' сближены в произношении с эквивалентными словами языков яфетической системы, ряд палеонтологически любопытных скрещенных слов. В говорах или наречиях малкарского языка намечаются звукосоответствия свистящей и шипящей групп языков яфетической системы, так z || ʃ | ʒ и т. п. Малкарской выявляется сванская огласовка «е»² в оригинальном названии самих сванов, именно uebze, что представляет озвонченную разновидность архетипа *uepse ↘ *uemse || *uevse. Вместе с груз. древнелит. ovs и абх. афс это представители увязанных сходжением социально-фонетических группировок, акающей афс, окающей ovs (→ os)

¹ Доложено в ОГН 23 I 1929 [Напечатано в ДАН, 1929, стр. 45—46.]

² Н. Я. Марр, Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском, ДАН, 1928, стр. 220 сл. [ИР, т. II, стр. 236].

и экающей (*уерсе →) уебсе, и все они — разновидности одного слова, которое оказывается, таким образом, первично тотемом одной производственно-социальной группировки, впоследствии общим племенным названием, лишь огласовкой дифференцированным, трех этнических новообразований абхазов (афс¹а¹, а+фс-уэк, мн. а+фса-ā, а+фса-фа и др.), осетин (груз. древнелит. оvs → нар. груз. ос) и сванов (уебзе). Краевед Н. М. Дрягин, работающий по командировке с места в ЯИ, мне подсказывает, что часть балкар называет тем же уебзе овсов, т. е. так наз. осетин.

Факт независимо от всяких дальнейших палеонтологических изысканий представляет интерес для формальной классификации других разновидностей того же термина как древних, так и средневековых, акающей — а+вар (↗ ka+bar: Ka+bar-da) || *a-vas || *a-maz ↗ a-bas (a-bas-k → a-baz-g → *a-φas-q, откуда по перестановке аφqaz), окающей — о-бр 'обры', экающей — 1-бер ↔ *e-ber ~ tebel (сванское название Цебельды Tebel+da || абх. Tabal, resp. Teber-da) и со скрещением окающего с экающим: о-без 'обезы'.

В заключение нельзя не отметить, что сами сваны называют скрещенным sa-vi → sav малкар и карачаев совместно, что имеет исключительное значение для анализа общего названия Кавказа, о чем особо. Пока что одно было ясно, а по ознакомлении поближе с туркологической литературой о балкарах-малкарах с их звуковой речью становится организационно очевидным, что малкаро-карачаевский заброшенный уголок с реликтовой речью от эпохи «местного» своеобразного скрещения средневековых его обитателей, точнее весь лингвистический район, центр разнообразных скрещений яфетидов различных типов с их разностадиальной звуковой речью, прометеидов (так наз. индоевропейцев, точнее в данном случае «иранцев от индоевропейцев») и турок требует серьезной постановки яфетидологической экспедиции, а в ожидании подобных возможностей для абсолютно игнорируемого в соответственных научных кругах нового учения об языке — хотя бы использование мало-мальски пригодных сил для предварительного зафиксирования палеонтологически важных фактов скрещения, имеющих исключительное методологическое значение не для одной лингвистики по истории человечества.

Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии¹

(Из трехмесячной работы во Франции)²

Может быть, сегодняшнему докладу я должен был бы предпослать предварительный отчет, хотя бы суммарный, о трехмесячной моей поездке, тот отчет, который готовлю для представления в Академию наук СССР, от которой была получена командировка.

Впрочем, этот отчет, даже самостоятельно представленный, не может быть пространным, так как результаты поездки этого года, как в том отчитываюсь перед командировавшей меня Академией наук, не столько количественного и формального, сколько качественного и идеологического порядка: дело идет о закреплении базы дальнейших яфетидологических разысканий в Западной Европе, где ступени стадияльного развития языка, в том числе и звуковой речи, как теперь выясняется, можно проследить в параллель (со временем, хочу надеяться — с вашей помощью — и в увязке) с историей материальной культуры, от палеолита непрерывно до наших дней, что требует, разумеется, исчерпывающей трактовки не одного баскского, а всех наличных в районе языков, в том числе — и в первую очередь — живых, хотя бы бесписьменных или бездревне-письменных, во Франции — бретонского. Кельтские языки, в числе их и живая бретонская речь, выявляют, как на Кавказе армянские языки, древнелитературный и современный, переходную ступень стадияльного развития звуковой речи между языками первоначального населения Европы, яфетической системы, и языками прометеидской системы. Ясное дело, что эта сторона дела, если не вся кельтская проблема, не может быть ни освещена, ни даже обставлена надлежаще собранными материалами без учета не только данных языков Армении, но и взаимоотношений их и связанных с ними языков различных систем, хамитической на юге, в частности берберской, финской на востоке, особенно мордовской, когда дело осложняется вопросом о привходящей увязке языков Армении с языками финской формации. За этим тянется вопрос о русском, если не говорить вообще о славянских, именно русско-финских и русско-кавказских связях, рядом с которыми выступают украинско-кавказские и другие связи. Все эти и сродные темы требуют после нынешней поездки или пересмотра или постановки вновь. С ними, разумеется, набегает такие кардинальные проблемы, как связь Западной Европы с Восточной. И не в общем отчете, а в отдельных монографиях или докладах мы будем стараться, насколько нам по силам, делиться результатами трехмесячной заграничной работы.

«Нас мало волнует, что лингвисты-затворники, не понимая не только яфетической теории, но ничего, что жизненно творчески происходит, уже произошло в значительной мере кругом в мире — в социальном сдвиге всей Европы —

¹ [Издано отдельной брошюрой в серии «Известия ГАИМК», т. VI, вып. 1, Л., 1930 г.]

² Доклад, читанный 8 VII 1929 в Секции генетики культуры ГАИМК.

и с ним и в общественных науках по части методологии, даже в пределах изучения облюбованных ими языков, стараются позабавить с другими и нас безграмотной критикой наших слабых сторон, наших незнаний, ибо мы несколько глубже осведомлены о наших незнаниях не только по языкам, начатым нами изучением вчера или позавчера, но и по тем, которые уже пятый десяток лет непрерывно изучаем. Нас более волнует то, что все наши, даже наиболее фактически обоснованные чисто лингвистические положения, несомненно, нечто сигнализирующие, будут висеть в воздухе дотол, пока не будут они увязаны с соответственно проработанным освещением вещественных памятников Западной Европы от палеолита до наших дней».

Вот почему по командировке от Академии наук я спешу отчитаться в одной части у нас, в Академии истории материальной культуры. Мы лишь сигнализируем мерцающие, иногда пламенем вспыхивающие и ярко озаряющие искры. Дело вещеведов признать их надежными или блуждающими огнями.

«Обстоятельства сложились так, что в три месяца я должен был выполнить программу, осуществление которой нормально могло бы быть уместно разве в одно полугодие: надо было продвинуть знание по берберскому языку; надо было сделать не только то же самое по баскскому, но проверить тексты издаваемой мною хрестоматии баскского языка, особенно в части гипускуанского наречия, равно доискаться точных значений некоторых терминов и выражений составленного С. Л. Быховской к той же хрестоматии баскско-русского словаря; надо было углубить мои знания по кельтским языкам, причем я перебрал центр тяжести, побуждаемый к тому также различными привходящими обстоятельствами, на изучение живого кельтского языка Франции — бретонского; надо было отделать для окончательной сдачи в печать не набранную еще часть читанного в прошлом году в *École nationale des langues orientales vivantes* эпизодического курса грузинского языка в яфетидологически проработанном освещении; наконец, надо было продолжить начатый в прошлом году *cours libre* по грузинскому языку в том же французском национальном востоковедном вузе, не говоря о потребностях ориентироваться в литературе по всем названным предметам.

«Если так или иначе по всем пунктам удалось сделать кое-что, то этим обязан, конечно, и тому, что в Париже оказался круг лиц, кое-кто из старых моих учеников, кое-кто из новых последователей, принимавших живейшее участие в моих работах оказанием мне содействия каждый в пределах своей специальности, своего интереса, или своих возможностей, в общем — по всем сторонам моих исканий. Особо ставлю сотрудничество двух лиц, из которых одно (А. А. Марр) своевременным составлением справочных работ, обратных словарей, топонимических указателей и т. п. сэкономило мне время, а другое, взяв на себя тщательный просмотр всех частей печатаемого мною французского учебника грузинского языка, хрестоматии, словаря, таблиц к грамматике, одна сверка которых и согласование угрожали совершенно обездолить меня в отношении времени, сняло с меня громадный груз, так как учебник в целом представит в печати труд не менее 500 страниц, и так как то же лицо в то же время

приняло участие в проработке самого текста грамматики, приноровительно к навыкам французского читателя, то с самого начала я предложил новое руководство выпустить в свет как наш общий с ним труд.¹ Это лицо — Brière, ученик мой грузиновед и с этого уже года фактически ассистент (suppléant) в Париже по курсу грузинского языка в названной École».²

Сегодняшний доклад мы посвящаем лишь бретонскому, интересному здесь, в нашей среде, по сигнализуемой и им, как кельтским языком, связи Запада с Восточной Европой, в частности по так глубоко захватывающим советский мир и научно и общественно финско-русским взаимоотношениям, причем финский мир имеется в виду в его широком смысле, в его экспансии и по Каме и Волге с соседящими с ними как будто изолированно чувашами, а с чувашами мы попадаем одновременно в турецкий мир, в первую голову, при наличной степени изученности турецких языков (яфетидологически ни в какой) — в малкаро-карачайскую языковую среду, представляющую, как теперь выясняется, исключительный интерес по бесспорной особой увязанности с яфетическими языками Кавказа. В малкарском, кстати, прослеживается и позднейшее скрещение с соседящим языком, но лишь, как намечается, в отношении слов.³

Правда, эта сторона кельтского вопроса освещалась и до нас. Ничто под лунной не ново. Известный лингвист, не раз переступавший заколдованную между углубленной до истощения, шаблонной или излюбленной колеи индоевропейцев, хотя всегда в границах чисто формального изучения отрешенных от жизни и абстрактно разъясняемых явлений речевой культуры, Педерсен (Pedersen), как будто все-таки вышел на верный путь, напал на факты, особо сближающие языки Армении с кельтскими, но достаточно сослаться на то, что конечный г в ирл. *moġ*, *maġ* 'великий', равно в ирл. *siġ* 'длинный' он разъяснял как морфологический суффикс,⁴ не чуя, что это цельные неделимые элементы, поддерживаемые их двойниками в яфетических языках Кавказа; так, например, *siġ*, в бретонском представленный спирантной разновидностью *hiġ* 'длинный',⁵ имеет двойников на Кавказе, даже в языках Армении, здесь в виде *eg* (← *her*) в составе двух-элементного образования древнеит. *eg-kaun* (← **her+kaun-1*) 'длинный', нар. *eg-kaġ* 'длинный', рядом с таким же игнорированием кричащих фактов средне-корн. *maut* 'большой палец',⁶ не ведая яфетического архетипа последнего, мегр. *maġkind-1* → *ma-ġkind-1* 'перстень', 'кольцо',⁷ и даже тогда, когда Педерсен имел основание кельтское множественное число отождествить с той же формой народного армянского, он ограничил это оговоркой о каком-то специальном коллективном множественном числе армянского, точно все окончания множественного числа не такого же коллективного происхождения.

¹ [N. Marr et M. Brière, *La langue géorgienne*, Paris, 1931.]

² Из отчета, представляемого, теперь при печатании настоящей работы уже представленного в АН [Напечатан в ДАН, 1929, стр. 321—327].

³ См. Н. Я. Марр, Балкаро-сванское скрещение, ДАН, 1929, стр. 45—46 [см. здесь, стр. 196—197].

⁴ H. Pedersen, *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, ч. II, § 395, стр. 49.

⁵ Ук. соч., ч. I, § 116, стр. 186.

⁶ Ук. соч., ч. II, § 395, стр. 51.

⁷ Подбор материала, к сожалению, в формальном освещении, см. у меня в работе «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», МЯЯ, т. V, стр. 31—32.

Более талантливый, или, вернее обладатель более широкого кругозора, русский славяновед академик Шахматов, не во-время нас покинувший, мог еще живой видеть, как похоронили его прекрасную по идее работу о славяно-кельтских и финно-кельтских связях. Ее похоронил уважаемый лингвист Фасмер, собственно в лице Фасмера такого эффекта достигло формальное учение об языке, которым, впрочем, вынужден был работать тогда А. А. Шахматов. Достаточно сослаться на то, как Шахматов носился с мыслью на основании исторических показаний определить прародину русской речи, да и вообще славянских языков, как в усилиях распознать племенное происхождение столь схожих по названию производственно-социальных группировок с общим тотемом в двух разновидностях, как bodin'ы и budin'ы, не то требующих различения по месту нахождения, не то отождествимых по созвучию, и особо мордву, в которых, при роковом мираже иранского влияния он признавал вслед за Томашеком (Tomaschek) «людоедов», усматривая в термине искажение сочиненного персидского составного слова *magdaqwar* 'человекоед'.

А раз так, т. е. раз без учета социальных слоев и прослоек, племенное образование вместе с его речью трактовалось как массив с корнем вне себя (где-то на прародине), с источником общения также внешнего порядка, также вне себя (миграция), с творческим фактором также вне себя (чужое влияние и заимствование), то ученого, стоявшего своим комплексным подходом как бы на меже формального учения с идеологическим, во всяком случае у порога материалистического восприятия истории, следовательно, неизбежно и истории языка, победил более последовательный формалист, тот формалист, который доведен был требованиями схоластического звукоучения до того, что «собаку» считал, вслед за другими авторитетами того же формального учения, заимствованием из иранского *sraka*, «бога» из иранского *bag'a* и т. д. Между тем, не только это учение не знало, да и доселе знать не желает, что эти слова в нескольких разновидностях, предшествующих образованию всякого иранского языка, обретались на севере, но предпочитает не знать и теперь, что они гражданственны, как переживания, в составе одного элемента В или с ним на первом месте, и в русском, да и в самом так называемом новоперсидском,¹ и академик Шахматов вынужден был сковывать свои здравые мысли тисками мертвящей теории и в результате не постичь того, что разъяснила ныне палеонтология речи, именно того, что *mor-dva*, resp. **mor-do*, это разновидность национального названия мордвцев — *mo-kша*, что *-кша*, resp. *-шка* и *-do*, в полном виде *don*, значили 'дети', *mor* же — 'небо', отсюда *mor-do* → *mor-dva* как и *mo-kша*, значит 'дети неба', 'солнца' или 'солнышка' (мн. ч.), и два других племенных названия *bodin* ↔ *budin* — лишь разновидности с тождественной огласовкой той второй части составного термина *-din*, какую мы наблюдаем в названиях таких яфетидов Кавказа, как ванские *qal-din-1* с их клинописью еще с IX века до хр. э.

¹ См. ниже или в статье моей «Яфетические зори ва украинском хуторе», стр. 28, 42 [ИР. т. V, стр. 241, 250 сл.].

Думаю, нам более нечего терять время с этой картиной научного творчества, когда мертвые имеют возможность хоронить и хоронят полуживыми исследователей с тягой к жизни.

Летом прошлого года в странах автономных республик РСФСР, в Чувашской в Шупашкаре и Удмуртской (Вотской) в Ижевске, а затем на курсах нацменовского учительства в Москве пришлось прочитать доклад, возникший в процессе работы над нерусскими языками Приволжья, в первую голову чувашским, доклад, озаглавленный «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема», — доклад, который был повторен в начале прошлого учебного года в Ленинградском Восточном институте, где и печатается. Последствия от этого чтения как протекание вешних вод. Впечатления и индивидуальные восторги у одних, недоумения, если не упоминать о негодовании, у других, нас мало смутили бы, но не осталось ни капельки результата от этих чтений доклада, не только фактически обоснованного, но и как будто достаточно продуманного. Не было нигде сделано уточненного организационного вывода. Даже молодежь, подготовленная и, мне казалось, пылающая любовью к своей родной речи аспирантская молодежь из соответственных национальных районов, не сделала ни одного решительного организационного вывода по постановке своей родной речи у себя в учебном, а, где можно было, и научно-исследовательском отношениях. Наоборот, кто имел возможность работать и далее по старинке, продолжал работать попрежнему формальным методом на укрепление старой лингвистики, подрывая тем уже не сук, а самый корень не нового учения об языке (ни роста его, ни углубления уже не остановить!), а самого родного национального своего языка или родных национальных своих языков, разумность и обоснованность использования которых как орудия пропаганды современного просвещения, да именно советской современной культуры в научном отношении остаются повисшими в воздухе. Не говорите, что это происходит от незнакомства с яфетической теорией. Возьму для примера случай с одним из наиболее энергичных и верных наших последователей, чувашем Ф. Т. Тимофеевым. На «Первом Всечувашском краеведческом съезде» 15—21 июня прошлого года в г. Чебоксарах¹ он имел смелость (значит, такова была на съезде атмосфера, точно во Франции, Германии или хотя бы у нас в Союзе, здесь в аудитории доморощенного Мейе [Meillet]) вспомнить об яфетической теории. Правда, он дает весьма яркое, чересчур яркое ее определение. «Яфетическая теория, — пишет он, — это революция в области учения о языке. С яфетической теорией начинается новая эра не только в истории изучения чувашского языка, но в истории всех языков вообще». Как будто по крайней мере лестно, во всяком случае довольно сильно. Ничуть не бывало. Наш верный ученик поворачивается спиной к этой «мировой яфетической революции», очевидно, в кавычках, и не решается даже теорию порядком назвать в статье, ей посвященной, озаглавив ее «Новые теории о языке и отношение к ним чувашского языка». Что это за новые теории? Это оказывается, во-первых, взгляд Н. Н. Поппе на чувашский язык и, во-вторых, социологический подход Н. Я.

¹ Чебоксары, 1929 г.

Марра к чувашскому. Нам казалось, что мы подходим к языку прежде всего от языковых материалов, но на деле оказалось, что наш верный ученик занес нас прежде всего в социологию, т. е. для всей массы современных нам авторитетных специалистов отвел нас от языкознания, и вспомнил-то он об этих «теориях», в числе их о нашем социологическом подходе, только потому, что появился в свет новый труд Н. И. Ашмарина «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке», и в связи с ним осознана была необходимость обратить внимание «на связь чувашского языка с новыми теориями об языке». Не будь нового труда Н. И. Ашмарина, не было бы никакой надобности останавливаться на каких-то новых теориях, тем более на социологическом подходе к чувашскому, протекающему феерически-революционно. Съезд так был настроен, так вдохновил милейшего докладчика (опять-таки среда — решающая сила, не личность) и постановил в 11 положениях с отвлеченными пожеланиями сохранить верность непоколебимую, продолжать в старых путях изучение чувашского языка и только в одном предпоследнем пункте запечатлел знаменательные следующие слова: «необходимо также начать (!) изучение чувашского языка по методам яфетидологии». Покорно благодарим.

Мне эти волею судеб пионеры на ниве вспахивания родного участка общечеловеческой звуковой речи намонили из далеких наблюдений в родной мне Гуристройный ряд хлеборобов на пашне, когда в дни дружной работы мотыгой с приглашенными на помощь прерывали и работу и хоровое пение, чтобы не то с удивлением и восторгом, не то с недоумением и страхом поглазеть на мчащийся мимо паровоз с поездом, чтобы сейчас же вернуться к своему занятию в привычных путях труда и с привычными тонами пения. Так велика сила веками внедренного в ученые массы и в их быт раболепия и косности. Нет надежды на большой успех от суммарного повторения мыслей прошлогоднего доклада «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема» о значении каждого национального языка в деле современного, да массового просвещения, но тема настоящего доклада меня вынуждает вспомнить о выдвигении в этом докладе кельтской речи, как увязывающей с Востоком, с скифским Востоком, к которому примыкает иранский Восток, причем эту кельтскую увязку богато документируют взаимоотношения с современными языками различных систем, так называемых рас, того края или тех же краев Восточной Европы и Передней Азии, в первую очередь — с яфетическими языками Кавказа.

Разъясняя мифичность первоначального появления вездесущих кельтов, лишь разновидности скифов, в путях миграций, как то себе представляют специалисты, в эпоху переселения народов, указывая на локальное повсюду происхождение их речи, как речи определенного лишь социального слоя, мы намечали еще тогда необходимость продвижения ее у нас в орбиту исследовательской работы, как увязывающейся через не дошедший до нас скифский со всеми национальными языками нашего севера, да и Поволжья, независимо от того, входят ли они сейчас в финскую или иную группу языков, не исключая ни русского, ни чувашского, ни турецкого, и, сместив классические языки с империалистического пьедестала в школьном преподавании национальными языками, освободить от

гнета окостенелых норм мертвых языков изучение живой речи каждого народа, а с нею в первую очередь и изучение таких поработивших западно-европейские ученые умы классических языков, как греческий и латинский.

Но нигде этот научно мертвящий гнет мертвого классического языка не ощущается с такой убийственной силой, как в латинском мире, особенно же во Франции.

Въехав в Guingamp для занятий в родной его среде бретонским и располагая лишь одной неделей, я немедленно обратился к содержательнице гостиницы с просьбой найти мне бретонца, говорящего на местном бретонском наречии. Узнав, что я учусь бретонскому, она спросила: «Вам нужен, следовательно, профессор или учитель бретонского?» — «Да нет, — ответил я ей, — я сам профессор, но мне именно не нужно никакого профессора, никакого преподавателя, мне нужен бретонец, он или она, говорящий или говорящая на своем родном языке как простой народ, из крестьян или рабочих, ремесленников, торговцев». Дело было устроено, и я мог приступить к своим штудиям, не теряя времени, но что меня поразило, так замечание почтенной француженки, собственницы отеля. Выходило так: «Этого добра сколько хотите». Буквально она сказала: «Тут все, представьте себе, упорно говорят по-бретонски, подумайте; даже девушки, наша женская прислуга, как остаются друг с другом, болтают все по-бретонски, как ни твержу им: «перестаньте болтать по-бретонски, говорите по-французски!» они, глупенькие, все норовят говорить не по-французски, а на своем непонятном грубом patois».

Вы думаете, это передаю вам мнение лишь простой обывательницы. Фактически, конечно, но на самом деле из уст Guingamp'ской содержательницы отеля, как оказалось, мы слышали современную государственную мудрость страны по вопросу о бретонском языке. Так по крайней мере осведомляет нас Марсель Гийэсс (Marcel Guiéysse) в брошюрке «La langue bretonne» 'Бретонский язык', вышедшей в 1925 году в Hennebont.¹ Констатируя факт, что «бретонский язык уже заставил много о себе говорить», Марсель Гийэсс считает вероятным, что бретонский не перестанет быть предметом разговоров до тех пор, пока он не успеет внедриться официально в учебу французского государства.²

Но каким путем это может случиться? «В самом деле, при одной этой мысли», именно мысли внести бретонский язык в учебные программы государственной школы, «мысли, которую французские правители доселе почитают и всегда почитали смешной и несостоятельной претензией, большинство людей вопит с негодованием: «подумайте только, это посягательство на догму, святую-святых централистической унификации. Как? Официально освятить то, что является бедствием, почти позором, именно то, что граждане из состава французского государства не говорят его языком, государственным языком, что они упорно беседуют друг с другом на языке заведомо варварском и бесформенном, который навязывается им, это не менее известно, силами реакции. Всем известно, в самом деле, что, если бретонский язык сохраняется в Бретани, то только для того,

¹ Impr. J. Méchat, продается у автора в Париже, 60, B^d Port-Royal (V^e).

² Ук. соч., стр. 3.

чтобы поддерживать в ней «очаг обскурантизма» [политический язык допускает смелость некоторых метафор!], так как его роль удержать под игом гнета несчастное население (*de malheureuses populations*), лишенное современного просвещения (*des lumières du siècle*) и счастья рационалистического познания из-за ужасного жаргона».

«Говоря иначе, это значит, — комментирует бретонский писатель, — что бретонский язык мол неинтересный и бесполезный *ratois* с клерикальными и реакционными повадкой и влиянием, существование которого, само по себе к тому же непонятное, значительно вредит развитию бретонского населения (*des populations bretonnes*), следовательно, в его интересах, как и в интересах государства, искоренить этот ветхий обломок, которого существование, в довершение всего, противоречит принципу французского единства».

Нужно ли говорить, что все разговоры о варварстве языка и его неспособности быть носителем просвещения нашего века не выдерживают серьезной критики, и если они свидетельствуют о чем-либо, так о неглубокой в отношении бретонского или в вопросах этого порядка осведомленности тех, которые так высказываются, поскольку они говорят искренне; что же касается «реакционности» и «клерикализма», то это пережиточное ныне состояние присуще не бретонскому языку, а массовому крестьянскому населению Бретани одинаково, говорят ли они по-бретонски или по-французски, и его питает местный быт, оберегаемый против всяких новшеств мысли правительственной опекой и духовенством, его растит именно всякая помеха бретонскому языку стать в своем крае правомочным литературным языком, чего никак нельзя достигнуть без внесения бретонского языка в число предметов преподавания в школе. Между тем его вовсе нет в *école libre*, где, предполагается, преподавание стоит вне ежовых рукавиц официальной школы, а поскольку духовенству удастся все-таки иметь и другую свою школу, церковь, и хотя бы в церкви произносить проповеди на бретонском языке, то именно нынешнее положение с отказом бретонскому в правах гражданства содействует сохранению клерикализма и реакционного настроения, так как духовенство не отказывается и от обработки народа и прессы, более доступной на его бретонском языке; так оно и дает газетку «*Breiz. Kasetenn savet evit difennar Feiz hag ar Vro*» «Бретань. Газета, выходящая для защиты веры и страны» с стихотворным motto:

‘Бретонец и вера
Это брат и сестра в Бретани’.

Ar Brezoneg hag ar Feiz
A so breur ha c’hoar en Breiz.

Между тем, идет другое течение по отстаиванию бретонского языка, как общественно-правомочного языка в быту, в литературе и, разумеется, также в школе. В научном отношении это течение цепляется, естественно, за индоевропейскую лингвистику, учение, которое успело основать и развить особую школу по кельтологии. Бретонская же речь относится ведь к кельтской группе так называемых индоевропейских языков. От этого союза, однако, так же ни тепло, ни холодно бретонскому языку, как от заискивающих ходов нынешних

либеральствующих по национальному вопросу бретонцев, ждущих движения воды от добровольного истечения милостей со стороны правящих кругов.

Интересно с этой стороны проследить, как развивалось и развивается бретоноведение, какие стадии развития оно прошло.

Все признают «значение, представляемое бретонским языком с точек зрения истории и филологии, равно признают и драгоценную помощь, оказываемую им археологии и антропологии [я бы оговорился: не зоологической, а социальной антропологии], равно общему пониманию цивилизации человечества благодаря его тесным связям с другими кельтскими языками, которые позволяют изучать древние кельтские цивилизации с проникновением в их глубины».¹

Мы получаем теперь возможность углубить такое признание вскрытием не менее, а иногда более тесных связей бретонского с языками вне пределов кельтской речи, в первую голову с яфетическими языками как Западной Европы, так и Кавказа.

И, тем не менее, мы вполне согласны с бретонцем Марселем Гийэсс, что «как бы громадна ни была эта научная ценность, она не представила бы достаточного аргумента, будь он единственный, в пользу сохранения бретонского языка: хотя бесконечно интереснее изучать язык в полной его жизнедеятельности, чем подвергать дискуссии его особенности на основании текстов какого-либо мертвого языка», трудно было бы «стать сторонником стараний сохранить за какой-либо человеческой группировкой специальную речь, предназначенную лишь для того, чтобы быть предметом изучения для науки. Но так как бретонский язык — живой, чрезвычайно живой, и его приходится признать жизненно необходимым, позволено будет выразить сожаление, что изучение кельтских языков вообще и бретонского в частности так мало распространено во Франции; с сожалением приходится констатировать, что две великие страны (Франция и Англия), с персональным основанием питать интерес к изучению этих языков, проявили свою несостоятельность по этому предмету. Основание кельтской филологии заложил немец Цеусс (Zeuss) в 1853 году своей знаменитой *Grammatica celtica*; дотоле эта область знания пребывала в руках одних кельтских эрудитов, предоставленных самим себе, полных более доброй воли и любви к своему родному языку, чем действительного знания». Совершенно так же, как то было у нас [не так ли обстоит и теперь?] с изучением грузинского и армянского. «Со времени Цеусса в изучение кельтских языков сделали ценные вклады и продолжают их делать своими трудами весьма многочисленные ученые в Великобритании (особенно из ее кельтских стран) и, увы, слишком малое число во Франции; но руководство над ними оставалось за Германиею до войны, чтобы перейти затем к голландской науке. Во Франции, повидимому, малое количество верных идет еще более на убыль, что, впрочем, не представляет ничего поразительного, так как подкошен нерв [набора тех, которые имели бы практические основания, живые, интересоваться этим предметом — подкошен у корня борьбой, объявленной бретонскому языку. Остаются, следовательно, в незначительном числе

¹ M. Guieysse, ук. соч. стр. 5.

только те, которые имеют вкус — и время! — посвятить себя этому языку исключительно с умозрительной точки зрения».

Писаная бретонская литература до XIX века состояла почти исключительно из религиозных сочинений, именно многочисленных мистерий, которые, однако, имеют значение не только для лингвиста, но и для литературоведа, так как, не прекращая своего существования и видоизменяясь приворотивительно ко вкусу текущего дня, они сохранились до нашего времени, и вот уже несколько лет, как они пользуются обновленной популярностью. Несколько народных трупп дают каждый год представления, весьма посещаемые многочисленной публикой.

«Первые опыты или, вернее, материалы для изучения бретонского языка восходят к восьмому веку христианской эры, это бретоно-армориканские документы; значительно позднее, именно в 1464 году, появился бретонско-латинско-французский словарь Лагадэка (Jehan Lagadeuc) — *Catholicon breton*, так называемая 'Бретонская павадея', имевшая задачей обучить писцов Бретани латинскому и французскому языкам. Но действительная работа, послужившая к организации бретонского письменного языка, началась с Гонидека (Le Gonidec), которого учительский труд был совершен с большим самоотвержением в начале XIX века, в условиях трудного и беспокойного существования, взбудораженного революцией, когда он был вынужден эмигрировать: его грамматика, его словарь, ныне совершенно ненаходимые, имели капитальное значение для сохранения и развития языка». То же самое можно было бы сказать о его переводе Библии, но к бретонской Библии применима латинская поговорка: *habent libelli fata*, о чем особо.

«Лишь в конце XIX века и в наши дни появились подлинные преемники Le Gonidec'а. Они установили бретонскую грамматику на научных основах, которые сами бретовцы находят ясными и точными, гармонирующими с актуальными потребностями языка. Во главе их находится F. Vallée (Abhevé), пользующийся уважением и любовью всей Бретани за дело, им созданное, за его книги и его непрерывную общественную работу», в том числе особого внимания заслуживает его знаменитая книжка «Бретонский язык в 40 уроках».¹ Он же в сотрудничестве с Le Roux (Meven Mordiern) опубликовал ряд мелких работ для научной популяризации кельтской истории и кельтской археологии, которые содействуют установлению (*à fixer*) и развитию языка, равно его приспособлению к трактовке всякого рода сюжетов».

Есть, конечно, бретонцы-специалисты, представляющие с честью бретонскую и кельтскую филологию, как то Лот (Loth), преемник Арбуа де Жюбенвилля (Arbois de Jubainville) по кафедре кельтского языка в Collège de France, Эрво (Ernault), почетный профессор на факультете des Lettres в Poitiers, а в Rennes Леру (Leroux), университетский профессор кельтского, настойчиво ведущий публикацию важнейшего труда «Лингвистического атласа Бретаяи» (содержит более 800 карт), но особо стоят раньше перечисленные работники с наибольшей по бретонскому языку общественно-научной активностью порядка краеведов,

¹ *La langue bretonne en 40 leçons*, 7-е изд., Saint-Brieuc, 1926.

все также бретонцы или, как мы сказали бы теперь, националы. Краеведческим движением приходится объяснить и исключительное активное внимание б. префекта Финистера, который, поняв свою ответственность как администратора в Бретани, сделал все, что было в его силах, в пользу местного языка, более того, сам занялся им и изучил его.

Единственный же бретоновед-специалист не из бретонцев, это деятельный ученый, декан факультета des Lettres в Rennes Доттэн (Georges Dottin). Бретонский обозреватель исследовательских работ по его родной речи справедливо отмечает особо профессора Доттэна не только потому, что его труды по филологии и изучению кельтских языков пользуются авторитетом, но потому, что, не будучи бретонцем, он постиг всю ценность и интерес бретонского языка, всю необходимость сохранить его для бретонского населения. Однако всеми общественно-практическими результатами по изучению бретонского языка мы обязаны «деятельности ученых бретонцев, поддержанной краем: это она породила «Комитет сохранения бретонского языка»; это она причастна к инициативе в пользу языка, проявленной Бретонским краеведческим единением и Бретонским краеведческим союзом, и она же завершилась, как практическим достижением, соглашением бретонских писателей по установлению правил и орфографии единого и общего литературного языка, — так содействием развитию нового бретонского литературного движения».¹

Но что делала в то же время и продолжает делать, по мнению самого ставшего на защиту своей родной речи бретонца, просвещенная французская общественность?

В первую очередь тут выступает духовенство. Однако, здесь приходится выделять роль части низшего духовенства, которое, набираемое из народа, оставалось чаще с народом: благодаря именно ей бретонский язык оставался в употреблении по крайней мере в проповедях, так как, как известно, католический культ допускает в своих богослужениях и требах лишь латынь. Правда, плодилось «многочисленные католические катехизисы», но бретонский писатель основательно ставит вопрос, было ли это дело полезное для языка, или, наоборот, оно, вольно или невольно, содействовало скорее его порче. Как ни быть беспристрастным в воздании должного большей части низшего духовенства за верность бретонству и в признании деятельности нескольких лиц с сердцем в его среде, которые кодифицировали язык, надо все-таки уметь по этому предмету смотреть на вещи, как они действительно обретаются. Надо прекратить (я все цитирую бретонца Гийэсса) распространение легенды о церкви, покровительнице и спасительнице языка, надо прекратить создание догмы из мотто (formule), что «вера, т. е. католическая вера, и речь — это сестры в нижней Бретани... Наоборот, ... если официальная церковь имела какую-либо определенную лингвистическую политику в отношении бретонского, это была лишь политика утилитарного оппортунизма, состоящая в использовании языка, когда у церкви в том был интерес, с готовностью покинуть его, бретонский язык, или даже бороться с ним, когда он не являлся уже необходимым для расчетов момента».

¹ M. Guieysse, ук. соч., стр. 19.

Нельзя воздержаться от цитаты и деталей, выдвигаемых по этому предмету современным поборником бретонской не только речи, но и средневековой национальной культуры, так как это место помогает нам бить двух зайцев: видеть воочию с идеалистическим оптимизмом бретонского интеллигента его общественность, разумеется, по существу также клерикальную и реакционную, и в то же время чувствовать перенесенным себя на Кавказ царского режима, когда буквально то же самое делалось или пытались делать в линии руссификации грузинской церкви, вплоть до опыта устранения «национальных» святых или хотя бы имен переводами на соответствующие общецерковные календарные имена.

«Даже теперь, когда, — читаем у Marcel Guieysse, — в Бретани имеется реальный политический интерес поддерживать бретонский язык, когда известные говорящие по-бретонски епископы в глубине сердца питают несомненно втайне нежное к нему чувство, что же мы видим? Свободные школы, за весьма немногими исключениями, остаются столь же равнодушными или враждебными к бретонскому, как официальные школы, они также не отвечают настоятельным и повторным призывам бретонских патриотов-католиков, культ с каждым днем все более и более вытравляет бретонство (*débretonnise*) из народной души настойчивым упразднением старых (национальных) святых и замещением их [общезападным] культом *Sacré-Coeur*, св. Антония или Жанны д'Арк. Песнопения, литании, приходские бюллетени становятся изо дня в день все более орудием *francisation* (т. е. офранцузивания): уже не найти бретонских литаний святому Иву, патрону бретонцев, а вместо славного напева «католик и бретонец» заставляют часто петь «католик и француз».

Впрочем, для характеристики отношения так называемых свободных, не правительственных училищ к бретонскому, достаточно указать на то, что в них-то и была введена особая система вытравливания родного языка из школьного обихода, система, освященная испанской практикой против баскского. Она называется 'знаком' (*signum*) и состоит в том, что первому же ребенку, попавшемуся с разговором по-бретонски в течение классных занятий, передается какой-либо предмет, символ, преступник должен его поскорее передать товарищу, которого он захватит на том же «преступлении»: у кого знак окажется при окончании классных занятий, тот подвергается наказанию. Систему эту называют также «коровой», так как символ представляем бывает коровой из дерева.

Однако гораздо более бедственными являлись в деле оформления бретонского языка, как общественного, так и литературного, меры, так сказать, пресечения «преступной затей» литературно развить свою родную речь. Дело в том, что для всей новой языческой Европы со включением Кавказа перевод Библии являлся если не основой, то во всяком случае громадным пособием в литературном оформлении новых языков. Исключение латинских языков не ослабляет, а усиливает яркость высказанного положения, между тем бретонский перевод Библии, принадлежащий основоположнику национального бретоноведения Говидеку (*Le Gouidec*) исчез из обращения именно потому, что он не получил епископской

алпробации, и издатель вынужден был взять его с рынка и, как предполагают многие,¹ уничтожить.

Неисчерпаемый фонд бретонской речи — это живые наречия Бретани порой со взаимоотношениями не диалектов, а различных близко родственных языков. Обычно в них насчитывают четыре диалекта, но один из них ванский, или *vanetais*, диалект района города *Vannes*, представляет собственно особый язык всего *Morbihan*'а и, конечно, это сказка, когда утверждают, что древность его особенностей не заходит за XVI век. Три остальных диалекта: *Trégulier*, на котором говорят от *St. Brieuc* до *Morlaix*, диалект области *Léon*, соответствующей Финистеру-северу, и диалект *Cognouailles*, области, соответствующей Финистеру-югу.

Таким образом, общественно, с идеалистической опорой на массовое крестьянское население, нарождавшаяся работа над бретонским языком и бретонской литературой образовала некоторое политическое течение с волнами, докатившимися до палаты депутатов. В течение первой четверти текущего столетия, т. е. до 1925 года, в палате депутатов были сделаны многочисленные запросы. В числе их важнейшим является запрос, вызванный пресловутым циркуляром *Комба* (*Combes*), запрещающим проповеди на бретонском языке и не получившим применения только потому, что в Бретани поднялась общая оппозиция.

Одним из важнейших вмешательств в это дело, был запрос 1909 г. в виде письма с датой 11 ноября, направленного к министру народного просвещения *Думергу* (*Gaston Doumergue*) с запиской, предназначенной осведомить его о важности вопроса, заслуживающего серьезного и внимательного рассмотрения. Обращение это было сделано отцом автора используемой мной брошюры о бретонском языке, *Гийэсс*, депутатом одного из бретонских районов, именно *Lorient*, в продолжение 20 лет, бывшего министром кабинета *Буржуа* (*Bourgeois*); этот же *Поль Гийэсс* в другом бретонском районе — *Morbihan*'е — был главой республиканской партии, представителем передовых идей которой и являлся он в Бретани. Словом, общественный деятель, по французским представлениям, стоящий вне подозрения в реакционности.² Он ставил вопрос только о том, чтобы дать право учителям, знающим бретонский язык, пользоваться им в классе и разрешить организацию факультативных курсов бретонского языка в лицеях и коллежах, т. е. все те вещи, что запрещены все время в Бретани, но разрешены в многочисленных учреждениях латинского юга Франции. Этот шаг был поддержан всем бретонским республиканским представительством. Ответ министра *Думерга* последовал простой и короткий в том смысле, что он не может дать хода этому ходатайству, не желая благоприятствовать в Бретани сепаратизму.

В то же время депутаты оппозиции, по инициативе маркиза *de l'Estourbeillon*, президента Бретонского краеведческого единения, составили группу защиты бретонских интересов. Позиции остались те же.

Последний шаг был сделан перед *Конференцией* мира тем же маркизом *de l'Estourbeillon*'ом, петиция которого «Право языков и свобода народов» собрала

¹ *M. Guieusse*, ук. соч., стр. 17, прим.

² Впрочем, любопытна мотивировка его «моральной и интеллектуальной» честности, гарантии серьезности: его предложения «весьма мало революционны» (стр. 22).

в короткое время в Бретани 800 подписей, все в среде церковной, политической и интеллигентской знати. Последовала заново парламентская инициатива в лице депутатов Bouilloux-Lafont и Tremintin, все без успеха. Результаты бретонских домогательств в конце концов свелись к характерному министерскому циркуляру за подписью François Albert с датой 24 декабря 1924 г. Он гласит: «Что касается преподавания французского языка в начальных школах, весьма спорен метод, состоящий в использовании местных идиомов, во всяком случае его можно применять разве тогда, когда дело идет об идиомах латинского языка. В самом деле, непонятно, как баскский и бретонский могли бы оказать услугу преподаванию французского языка». Таким образом, надменовский язык терпеться может разве как пособие в изучении французского языка, самостоятельного изучения родной речи и в помине нет.

De Monzie, вернувшийся к идеям François Albert, своим циркуляром от 19 августа 1925 г. объявил жестокую войну двуязычному преподаванию и патуа.

В результате жалуются на число неграмотных в Бретани. Но кто виноват? Не повторяется ли в просвещенной Франции старая история со Сванией на менее просвещенном Кавказе?

Многие республиканские депутаты пользуются бретонским в своих избирательных кампаниях. Пришлось раз слышать, как министры бретонцы Le Trocquet и Rio, республиканцы, произнесли по-бретонски речи при освящении памятников в честь павших в Великой Войне. Бретонец замечает: «Это, действительно, было то обстоятельство, при котором бретонский язык мог быть допущен, если вспомнить, что в продолжение 4 лет для Франции умерло 250 000 бретонцев: при 2 миллионах 400 тысячах всего бретонского населения это около 10%, между тем этот «скандал» (т. е. речь на бретонском языке) вызвал запросы, напечатанные в «Officiel» 5 и 22 июля 1922 г.» В стране поднялась оппозиция. Марсель Гийэсс думает, что движение не остановится.¹

Перед нами дело обоюдострого порядка. С одной стороны, это политическое дело, по терминологии царского режима нам хорошо известное под названием инородческого вопроса, а по нашей советской практике, уже решившей проблему в органической связи с существующим строем, это надменовский вопрос, если не торопиться его наименовать, как то надлежало бы, прямо национальным вопросом. С другой стороны, это громадной общественной важности чисто научная проблема.

По политической стороне мы себя, разумеется, не считаем компетентными, мы касаемся ее лишь постольку, поскольку опыт собственной научно-исследовательской работы по Кавказу нам подсказывает, что как бы бретонский вопрос ни именовать, национальным, надменовским или хотя бы инородческим, полюбовно-мирное его решение, на наш взгляд, едва ли возможно, или, вернее, ни к чему не приведет. Предстоит борьба, деятели которой будут выдвинуты массовым трудовым населением Бретани, крестьянским, вместе с трудовым рабочим классом и их интеллигенцией.

¹ Ук. соч., стр. 24.

А ученые? Ясное дело, что всего-навсего один небретонский ученый-общественник Доттэн (G. Dottin) не мог ничего поделать: его авторитетное мнение не имело никакого влияния в высоких сферах. Отношение Доттэна давало и могло дать лишь оптимистически настроенным бретонским интеллигентам некоторые, скажем, тщетные надежды на то, что их устремления (leurs aspirations) будут когда-либо поняты, ведь эти устремления или, как пишет бретонец по-французски, аспирации, не что иное, как идеалистически строяемые офрануженным или полуофрануженным бретонским буржуазным слоем с его интеллигенцией общественные задачи, стоящие на деле в прямом противоречии как с интересами его же классовой сущности, так с постановкой изучения бретонского языка по методу также буржуазно-классово скроенной старой науки об языке, так называемой индоевропейской его школы.

Кто же спас или что спасло язык?

«Спасли авторы поэтических творений на бретонском языке — Luzel, Prosper Proux, Brizeux, Quellien и другие, содействовавшие литературному установлению бретонского языка. Спас изумительный труд Hersart de la Villemarqué — Barzaz Breiz 'Бретонские песни', вызвавший так много полемики по вопросу о песнях, входящих в его состав, но тем не менее остающийся шедевром, лучшим памятником, воздвигнутым во славу бретонского языка и литературы.¹

Вдобавок узнаем, что «народная душа была хранительницей национального языка», но мы плохо осведомлены о социально-экономических условиях, вызвавших активность как «народной души», так ее певцов.² Вероятно, не без участия в этом деле и то, что одна из частей Бретани, Финистер, занимает первое место по богатству крупным рогатым скотом, сильно развилось в связи с этим молочное хозяйство, да с другими промыслами велось мелкое и среднее производство, и в стране вообще высокая рождаемость, и когда нас осведомляют, что говорящих по-бретонски лишь одна пятая часть бретонцев, 500 тысяч, то и этой цифре не доверяем при создавшихся условиях, чрезвычайно благоприятствующих не определению сознания бытием, а бытия сознанием.

На этом этапе развития двустороннего вопроса о бретонском, общественно, если пока не политически, инородческого, а научно — кельтского, к его захватывающего интереса сокровищнице материалов живой диалектически богатой речи Франции, раньше Галлии, впервые подходит с своей исследовательской идеологией и техникой новое учение об языке. Что же оно приносит с собой, это новое лингвистическое учение по яфетической теории, в стан культурно самоопределяющихся бретонцев и в ученый мир бретоноведов? Смешно бы говорить о выставлении политических требований яфетическим языкознанием, новым теоретическим построением об языке; надо обладать не совсем здоровой фантазией почтенного члена английского парламента Аллена (Allen),³ чтобы яфетическое учение об языке почитать теорией, созданною нарочито в политических целях

¹ M. Guieysse, ук. соч., стр. 15—18.

² Там же, стр. 13.

³ Times, 24 June 1929 — The Soviets in Asia. I. A eurasian movement. The Mongol Idea by W. E. D. Allen, M. P., подробное см. Н. Я. Марр, К отчету о трехмесячной заграничной командировке, ДАН, 1929, стр. 321—327.

только потому, что она конгруирует с большевистской практикой по вопросу. Не вина научного построения, если к нему невольно проникаются доверием те, кто наиболее нуждается в его самостоятельных и актуальных положениях об языке, получая в них, совершенно независимо от нас, идеологического союзника для отстаивания снижаемого в гражданских правах нацменовского языка, где бы он ни обретался, хотя бы в изолированной Англии и ее колониях. Или дело дошло до такого развала не только со старой теорией, но и со старой общественностью, что «этика» разрешает уважаемому Аллену и ряду более компетентных по части науки об языке единомышленников попробовать зажать рот ученому бросанием ему в лицо ходких в их среде аргументов только потому, что его построение об языке не может не быть использовано и общественно и политически подлинными защитниками каждой гонимой речи, особенно, когда бьют часы актуальной истории и своим звонким боем предрекаывают ей быть граждански равноправной в любой великодержавной стране, становясь из «инородческого» вопроса нацменовским и даже национальным? Едва ли, однако, теоретик-исследователь имеет право в угоду кому бы то ни было отказаться от бесспорного для него, именно научно добытого положения, что бретонский народ с живой классовой речью крестьянского населения, имеющей расти с ростом экономического достатка и политических прав его масс, говорящих предпочтительно в быту лишь на родном языке, не может подлинно культурно самоопределяться по языку иначе, как по методу теории, построенной и продолжающей строиться в первую голову на живых народных, национальных или нацменовских, собственно гонимых доселе массовых языках, языках так называемых инородческих и колониальных.

Яфетическая теория, отвергая легенду о появлении бретонцев лишь путем миграции в V—VI вв. (такой же миф некогда рассказывали и про басков) из Великобритании, равно о недавности возникновения различных «диалектов», тем самым укрепляет положение об исконном существовании бретонского языка в Галлии, здесь в Галлии своим теперь только осознаваемым громадным вкладом давшего сложиться французской речи на фоне многочисленных языков яфетической системы, из коих баскский с многочисленными наречиями и говорами лишь драгоценный, но все-таки ничтожный пережиток.

Эта теория, независимо от своей научно-исследовательской задачи, содействует увязыванию защиты гражданских прав бретонского с тем научным лингвистическим мировоззрением, по которому, во-первых, бретонская речь разясняется как родственный язык (а отнюдь не наречие) не только с кельтскими языками Великобритании, валлийским, ирландским, но и с нацменовскими и колониальными языками иных систем, в том числе нацменовскими и колониальными языками отчасти самой Франции — баскским и берберским.

Непрерывная работа за часть (четвертую часть) трехмесячной командировки над бретонским, все более и более выявляя систему кельтских языков, как переходную от яфетической системы к так называемой индоевропейской, выяснила с достаточной яркостью родство бретонского в определенных слоях его состава с баскским, берберским и на Кавказе армянским и уточнила, конкретизовала и раньше намечавшиеся пути совершенно нового изучения в увязке с кельтским

и мировых ныне языков, мертвых классических языков Средиземноморья и живых языков Западной и Восточной Европы, в частности и в данном случае именно французского и русского. Новое учение об языке, яфетическое, получило возможность разъяснить историю их возникновения как языков каждого определенной конкретной системы в органической увязке с соседящими и ныне несоседящими национальными, надменовскими и даже колониальными языками.

Изложить эту специальную, для нас основную, часть доклада, конечно, не легко, еще труднее слушать, хотя пока задаюсь мыслью лишь частично осветить положение на ряде примеров родства в словаре, морфологии, фонетике, чтобы показать, как сложны и в то же время как ярко близки и как важны эти доселе абсолютно никем ни в какой мере не учитываемые связи.

Дело, разумеется, не в отдельных словах, хотя и их учет не лишен интереса. Так, например:

1. Когда при анализе франц. *carrière* 'каменоломня' была мною выявлена крайняя формальность и полная беспочвенность производства этого слова от лат. *quadrum* и глагола *quadrate* через франц. *équarrir*, тогда как в основе французского слова для 'каменоломни' — *carrière* лежит *kar*, слово доиндоевропейского населения Европы, означающее 'камень',¹ то надо было использовать наличие этого слова с наблюдаемым во французском *carrière* удвоением, собственно усилением плавного г между двумя гласными у бретонцев в основе оформленного по-бретонски на *-e+g* бретонского слова *kañ-eg* (→ *gañ-eg* ж. р., мн. *keñ-eg* ← **kaug-eg*, с эпентезисом или выпадом у ← 1, признака множества) 'скала' (на берегу или в море), 'подводный камень', 'риф', первично же просто 'камень', ибо от него с этим именно значением произведен глагол *kañ-ek-àt* 'rétribuer', 'окаменить', 'обратить в камень', и, разумеется, ни о каком латинском глаголе *quadrate*, позднейшем искусственном произведении, не может быть речи при этом еще доиндоевропейском слове, поныне сохраняемом языками яфетической системы первоначального населения Афревазии, в частности баскским и армянским, притом не только армянским современной и древней Армении с ее фонетическим письмом, но и архаичным языком Армении со слоговым клинообразным письмом ванских халдов, где *kar* с падением начального *k* в исчезающий спирант, как в баскском, используется в виде *raç* с дериватным значением 'крепости', 'зámка', 'кремля' в линии военного градостроительства. Впрочем, это же *kar* 'камень' сохранили и грузины со значением 'кремня' в слове *kaç*, оакаящая разновидность которого *koç*, наличная в сванском, так же как в бретонском *kañ-eg*, означает 'скалу'.²

2. Нельзя, конечно, обойтись без анализа по четырем элементам при подобных сопоставлениях, переносящих нас не только в долатинские эпохи, но за десятки тысяч лет ранее, так, например, когда у грузин 'древний', 'старый', 'давний'

¹ Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 20 [см. здесь, стр. 18].

² N. Marr, *Origine japhétique de la langue basque*, стр. 228; его же, Из Пиренейской Гурии, стр. 34 [см. здесь, стр. 30—31]; относительно значения 'кремль' см. ниже, стр. 215—216.

звучит \dot{d} -vel, надо знать, что это позднейшее скрещенное образование из двух элементов, АВ.

Элемент А в усечении — \dot{d} , а элемент В полностью — vel, слово, означавшее то же самое, что бретонский одноэлементный термин *rel* («pell»), который; с тем же значением ‘далекий’, ‘давний’, является лишь его двойником, а по фонетическим законам этих языков это социальное достояние даже не различной среды. Взаимоотношение между грузинским и бретонским здесь совершенно такое же, как в слове ‘весь’, ‘всякий’ между грузинским двухэлементным *ko-vel* и новоэламским одноэлементным *rel*; в таком одноэлементном еще состоянии ($vel \nearrow rel$) это слово налицо у восточных сородичей кельтов по ступени стадильного развития: а) на юге в их клинописном дошедшем до нас языке, языке второй категории ахеменидских надписей,¹ и б) на севере в его русском со старославянским двойником *ves-ь* (чешск. *ves*), причем сам бретонский это же одноэлементное слово сохранил в том же значении ‘весь’, ‘всякий’ с усечением в виде *re* в удвоении *re-r* → *re-b*, однако и это, казалось бы, западноевропейское бретонское образование, мало сказать, что ничего ни специфически бретонского, ни так называемого индоевропейского не представляет: оно предвосхищено еще названным клинописным языком восточного яфетического мира, тем же эламским, где кельтское *re-b* ‘всякий’ представлено почти без изменения в виде *re-r* в составе сугубо скрещенного *mar-n-per-ta* ‘всё’ (*omnia*), равно ‘все’ («всѣ»).²

3. Между грузинским *v* и бретонским *r* то же соотношение повторяется в слове ‘воск’, ‘восковая свеча’, когда *vil*, вторая часть грузинского древнелит. скрещенного слова \dot{d} -*vil* ‘воск’, представлено двойником *ri* в бретонском оформлении *ri-ed*, означающим ‘восковая свеча’, образование, семантически стоящее к грузинскому *vil* точно в таком же соотношении, как фр. *siège* ‘восковая свеча’ к лат. *sega* ‘воск’, но языки яфетической системы ведут нас далее, увязывая термин со словом ‘мед’, его дериватным прилагательным — ‘сладкий’ и вообще соответственным производством.

4. Такое же скрещенное образование, более сложное на Востоке сравнительно с кельтским, в частности с бретонским, мы наблюдаем в русском «камень» с его сородичами в славянских и других языках, но лучше сохранившийся двойник русского «ка-мен-ь», пережитка **kaŋ-men*, это его разновидность экающей социальной группировки *ктемь*, восходящая к **keŋ-men*. Это скрещенное образование предполагает существование среды с двумя социальными группировками, из коих в одной для обозначения ‘камня’ пользовались одноэлементным *keŋ*, с аканием *kaŋ*, что мы и находим в сванском, по усвоению в грузинском, армянском, в халдском клинописном, в баскском, в самом бретонском и пережиточно во французском *caillète* ‘каменоломня’;³ что касается второй части этих скре-

¹ Н. Я. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, § 57, стр. 88—89, здесь еще формальным методом без учета четырех элементов.

² См. ук. соч., § 57, стр. 89.

³ Мы здесь не касаемся тяготеющего сюда финского материала, о чем речь особо в работе «Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самоисследованию мариев» [ИР, т. V, стр. 438—466].

ценных образований русского словаря *ka-men-ъ* || *kre-men-ъ*, т. е. основы *men*, то из кельтских языков один только бретонский сохранил его со значением 'камня' в ряде разновидностей *mén* (в частности *vanetais*), *mean*, *maen*, указывающих на то, что эта часть также не простая, а скрещенная из двух элементов, *BS*, что подтверждается ее эквивалентами в языках прежде всего яфетической системы, именно в сванском, где 'камень' *bä-ǵ* || *be-ǵ*, причем первый элемент *bä-*, *be-*, как и его бретонский двойник *ma-*, *me-*, — усеченный вид за утратой плавного звука, и его, этот элемент *B*, в целости сохранил самостоятельно без скрещения халдский язык клинописных памятников Вана в слове *ri* 'камень', в частности в названии стелы с надписью — *ri-ur*, буквально — 'каменопись', а также в слове *mi* 'водопровод', буквально 'камень', поскольку это было сооружение из желобчатых камней. История этого *ri*-и нами была уже прослежена в 1917 году в статье о халдском *ri*-и 'камень'—*ri*-и ['камень', 'каменная труба'] 'водопровод', 'канал',¹ но тогда, при формальном еще методе, без анализа по четырем элементам и без палеонтологии, мы не знали, что, во-первых, *ri* появляется с усечением плавного исхода *l*, т. е. в виде *ri*, у самих халдов в составе слова *ka-ri* (только раз в изданной мною надписи Русы II из Маку), чаще *ka-ri* 'камень',² что, во-вторых, как первая часть *ka* в халдском оформлении дериватно значит 'крепость', 'замок', вообще это термин из ряда военного градостроительства; таковы же происхождение и связи русского термина «кремль», в архетипе **kreml-e*, и его связь не случайно по тождеству элементов, но семантически разъясняется иначе, именно по общности восхождения двух семантических пучков, одного, хорошо известного по формуле 'голова+гора+небо', с увязкой 'горы' со 'скалой', 'камнем', другого, не менее прочно установленного, в линии семантического ряда, восходящего от 'жилища', *resp.* 'дома' и 'крепости', к 'небу', откуда, в зависимости от идеологического архетипа 'небо', мы имеем дериваты в одном разрезе по линии развития культовых представлений — 'бога', то же слово с губной огласовкой в основе ирл. «*soimh-dhe*»,³ в другом разрезе по сводчатой форме 'неба', *resp.* его части — 'солнца', брет. *kr̄m* ↔ *kr̄m* (← *korm* ↔ *kur̄m*) 'круг' (*resp.* 'солнце'), в третьем разрезе по цвету 'неба' — ирл. *gog-m* 'голубой'⁴ и т. д. Из них для нас здесь, в АИМК, непосредственный интерес представляет «*kr̄m*» (← *korm*), нам всем хорошо известный в сочетании «*kr̄mlech*» *kr̄mleq*, где оно с *leq* 'большая плита' появляется в значении 'круга', 'ограды', а первично, при полисемантизме, с привнесением его основного значения 'неба', 'солнца' в это культовое сооружение.

Конечно, не могут не быть учтены и случаи таких тождественно общих основ как, например, *lavaq* || *laraq*: у бретонцев *lavaq* появляется в глаголе

¹ ИАН, 1917, стр. 1279—1282.

² Н. Я. Марр, Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа, ИАН, 1915, стр. 1733, прим. 1, где построение увязок подлежит пересмотру.

³ Н. Я. Марр, *In tempore ulutorum* (Из этнонимии к скифо-кельтскому вопросу), ДАН, 1928, стр. 325; его же, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 65 [ИР, т. V, стр. 265]; его же, Отчет о третьей лингвистической поездке заграницу, ИАН, 1928, стр. 540.

⁴ *In tempore ulutorum*, ук. м.

lavar-a 'говорить', у грузин в имени действия lavar-ak 'разговор', 'говорить' klar → klar в основе брет. глагола klar-a 'глотать' и груз. klar-a 'глотнул', klar-va 'глотать', или арм. oskoṙ 'кость' и брет. oskorn ↔ oskur 'кость' и десятки других.

Впрочем, еще один пример этого порядка это брет. kùññ 'венец', груз. древнелит. gwrgwn 'венец'. Я нарочно привожу его, прекрасно понимая, какое невыгодное для яфетидолога недоумение вызову в просвещенных кругах, где все прекрасно знают, что это лат. corona, откуда и нем. Krone, и фр. couronne, и, очевидно, для такой поверхностной осведомленности даже смешно претендовать, чтобы при генетическом разъяснении для какого-то некультурного бретонского языка была надобность искать особый источник, вне латыни, между тем у индоевропейцев никакого генетического разъяснения не существует, ибо таковое ограничивается указанием на заимствованность из греческого κορώνη 'кольцо', вообще 'все согнутое', в значении же 'венца' — κορώνίς, κορώνός, но ведь это ничего не разъясняет. По палеонтологии же речи 'венец', 'венчик', как, впрочем, и 'кольцо', в семантическом архетипе — это 'небо', герм. его части, следовательно, слово это разновидность 'неба-времени', в греч. οὐρανός 'небо', χρόνος 'время', но раз так, слово могло бы по 'небу' обозначать и 'гром', и 'грозу', каковое значение, действительно, находим за словом, как у бретонцев — kùññ 'гром', так у грузин — в основе глагола (древнелит.) gwrgwn-a 'гремять', 'раскаты грома' при gwrgwn 'венец'. Надо учесть и то, что наиболее полная разновидность это — грузинская с сохранением заднеязычного согласного второго элемента (gwn), да и серьезнее в связи с этим надлежит подумать классикам о происхождении Горгоны, едва ли разлучимой с грозой.

Или, когда на совершенно другой стороне, ныне в так называемом финском мире, социально-культурный термин действительно европейской доистории, вотякский, или удмуртский, wuṙšud, у них название семейного или родового божества, толкуется на основании одних местных лингвистических материалов Приволжья, то такое бесплодное искание надо приостановить, когда из палеонтологии речи известно, что название родового, хотя бы и семейного божества восходит к тотему определенной социальной группировки, впоследствии становившемуся 'божеством', которое затем использовалось в различных вытекающих из представления о нем значениях, в частности в значении 'чуда', 'чудесного', 'удивительного', и его-то и имеем, когда бретонцы в бретонском произношении wuṙšud употребляют в значении 'чуда', 'удивительного'. Мы сейчас не останавливаемся на том, каким образом на крайнем Западе Европы в бретонском очутился в безукоризненном дериватном значении составной термин Восточной Европы wuṙšud, некогда не только тотем первичной социальной группировки, но и название ее и за ней всего воспринявшего ее племенного образования, ибо национальное название вотяков ud-murt то же составное образование wuṙšud, соспирантизацией второй части šud в ud (←*šurd) и с иным расположением составных частей wuṙ || muṙ и šud || wud. Мы не останавливаемся на лингвистическом разъяснении этого факта, ибо это не отрешенное от жизни языковое, а социальное и, более того, материальное явление, и мы, или кто другой ответит

на этот вопрос лингвистически, ответ будет полноценен лишь тогда, когда историк материальной культуры уяснит нам, почему как в Восточной Европе, да и далее, так и в Западной Европе, тоже определенными полосами, определенными островками подсудные ему вещественные памятники, по своему оформлению, по своей декорровке, по своей технике выявляются то как совершенно тождественные, то как сродные в различного объема или различного качества степенях схождения и расхождения, требующих в генетическом о них вопросе учета производственно-социальных слоев, отложившихся в том или ином племенном, тем более национальном образовании, а не трактовки наций, хотя бы племен, как цельных массивов, отнесения всей этой вещественной, как, впрочем, и словесной продукции на Востоке к финнам или славянам вообще, на Западе к их, предполагается, по совокупности антитезам.

При существовании отложений различных производственно-социальных группировок в каждом языке, при учете в числе таких вкладов в русском термине «бог», усечения ро-gan, сохраненного чувашским в значении 'идола',¹ но некогда представлявшего тотем определенной производственно-социальной группировки и ее наименования, акад. Шахматов мог бы указать своим противникам, что племенные названия bo-din ↔ bu-din, равно *mor-do, лишь разновидности того же тотема, и их или их ближайших сродников и можно счесть за вкладчиков культового термина bo-g в русскую речь в значении космическом — 'бога-солнца', хозяйственном — 'бога-хлеба', и он никак не дар какого-либо из иранских языков, ни в одном из коих нет данных, чтобы установить палеонтологически более позднее, так называемое индоевропейское, происхождение термина.

Ведь в вещах, как и в словах, при учете палеонтологии и ее техники, мы доходим в встречах с указываемым явлением до палеолита. Палеолит ли, однако, или не палеолит, но все-таки нам нельзя иначе подходить теперь к серьезному анализу лексического состава, да и морфологического, равно фонетического облика любого языка без учета стадильности. Ясное дело, на первых ступенях стадильного развития не было никаких изолированных фонетических явлений, как не было никакой системы особого звукового оформления взаимоотношений выражаемых словами предметов, т. е. не было в помине материально строяемой служебной морфологии: она замещалась синтаксическими приемами. И вот от этой стадии развития звуковой речи, орудовавшей лишь элементами звукового оформления по производственно-социальной группировке, первый состав слов, слов древнейшей, если не первичной стадии развития звуковой речи, как-то названия космических тел и стихий — 'неба', 'воды', 'солнца', а с ним и 'света-огня' — тождественны или ближайше сродны у бретонского опять с баскским, армянским, на севере — с чувашским, комийским.

Так брет. dig 'вода' с простым звонким зубным d вм. аффриката d̥, у бретонцев отсутствующим, представляет собой разновидность арм. ɖig, на низшей ступени без озвончения шиг в чувашском, комийском и т. д., везде со значением если не 'воды', то 'реки', 'влаги', 'болота', а с усечением исходного плавного

¹ Н. Я. Марр, О происхождении языка, ПЭРЯТ, стр. 333 [ИР, т. II, стр. 208] и другие работы.

звука ши в том же чувашском означает именно 'воду', за дальнейшей хорошо известной в печати экспансией которого в этой куцой разновидности по всей Афревразии мы сейчас не имеем надобности следить.¹

Нам важнее вспомнить, на какой ступени развития звуковой речи выявлялось общностью этого слова родство армянского и баскского, собственно у соответственного их общего первичного слоя. Это была ступень, когда при космическом мировоззрении 'вода' и 'огонь' являлись одинаково синонимами 'небес', лишь при уточнении 'вода' присваивалась 'подземному небу' — 'морю', 'свет-огонь' — 'верхнему небу', в частности — 'солнцу', и соответственно, поскольку 'небо' обозначалось одним словом, верхнее ли имелось в виду, нижнее или подземное, так одним словом обозначались 'вода' и 'огонь', смотря по контексту, независимо от того, в какой разновидности, сибилантной или спирантной, производилось само слово. Это было дело дальнейшего уточнения и бытования различных социальных группировок. И такое уточнение и бытование у басков наблюдается по данному слову иное, чем у армян: именно у армян 'воду' обозначает сибилантная разновидность *ḡur*, а у басков — спирантная разновидность *hur*, и наоборот, 'огонь' у армян выражается спирантной разновидностью того же слова *hur*, а у басков — сибилантной разновидностью, да еще с утратой исходного плавного *hu*.

И, разумеется, средства уточнения с бытованием могли быть различны в различных так называемых племенных образованиях. Так, у кавказских яфетидов в значении 'воды' и 'огня', также у грузин — элемент А, как в армянском, бретонском и баскском, но у всех подлинных яфетидов Кавказа он — с пережитком диффузного произношения начального согласного, именно при арм. *ḡur* 'вода' и бск. *hu* 'огонь', у лазов *ḡur*, чему в грузинском должно отвечать *ḡal*, что и имеем, но и у чанов, или лазов, с придатком в начале частицы *da* || *ḡe*, означающих 'верх', ибо для отличия от 'воды' (груз. *tkal* → *ḡal*), нижнего или подземного 'неба', название 'огня', 'верхнего неба', гесп. 'солнца', в этом кругу уточнение получало прибавкой соответственного определения, так что слово звучит полностью у чанов — *da-ḡur* (у мегрелов с перебоем «и» в «о»: *da-ḡur*), у грузин — *ḡe-ḡal* (из **ḡe-ḡal*) 'огонь', буквально 'верхнее небо'. Это, однако, дело позднейшего бытования, ибо, что *ḡur*, гесп. с утратой диффузности — *ur* без всякой прибавки означало 'огонь', первоначально 'солнце', гесп. 'небо', как у армян *hur*, его лишь разновидность, это явствует из того, что оно находится в основе грузинского глагола *a-ur-a* 'нагрел', 'раскалил'.

Все это было уже раньше известно, но теперь мы можем утверждать, что бретонский, обозначая 'воду' сибилантной разновидностью *ur* (*zur*), выявляет более длительное схождение с армянским, да мегрело-чанским, расходясь в этом случае с баскским, но в то же время у бретонского свои особые связи с баскским в отношении того же двузначного термина: именно у ванских бретонцев существует бытовой хозяйственный термин *tul-hü* 'отверстие для прохождения воды', буквально 'отверстие (*tul*) воды (*hü*)', где *hü* 'вода' дериват бск. *hur* 'вода',

¹ Н. Я. Марр, *Иштарь*, ЯС, т. V, стр. 123 [ИР, т. III, стр. 316]; его же, *Карфаген и Рим*, *faz* и *jus*, стр. 374 [см. здесь, стр. 162] и другие работы.

в гипускуанском диалектическом произношении *hür*, или брет. *süu* (в уродливой французской транскрипции «suilh») 'запах жженого', 'гарь', по ванскому наречию 'подогреть на *огне*' (напр., белье), *avel-süu* 'знойный ветер', *süu-a* 'поджарить сверху', 'пережарить жаркое' и т. п. есть разновидность бск. *špu* и вместе с ним восходит к архетипу **špu*.

Однако бретонский не сохранил этого слова в значении 'огня'. 'Огонь' по-бретонски *tan*, элемент *С*, оно же означает 'жару', 'жар', а также 'фонарь', и это слово 'огонь', т. е. *tan*, восходя также к 'солнцу-небу', означало равным образом 'свет', с каким значением слово налицо в виде *šap* в основе глагола *o-šap-u* || *šap-a-φα* 'светить' в чанском и мегрельском, т. е. языках-пережитках скифской речи, тогда как у грузин его эквивалент с огласовкой «е» — *šep* (← *šep* ← *šep* ← *ten* ↔ *tin*) '*небо' → '*солнце' (→ 'рождаться', 'всходить', 'подниматься', 'расти'), откуда арм. *tin*, основа *tən + an - el* 'рождаться', русск. «день» (← **den-e* 'солнце'), груз. *m-šep-ag-e* 'растение'.

Слово, действительно, означало некогда 'солнце', отсюда и языческий культовый термин *šap-a+φ-a*, буквально 'солнцевание', название весеннего солнечного праздника, при христианстве приуроченного к Пасхе (потому-то у сванов, у которых слово звучит *šap-aφ*, оно теперь означает 'Пасху', 'воскресенье').

Сванский язык, скрещение спирантной группы с шипящей, т. е. группой мегрельского и чанского языков, дает материал, независимо выявляющий, что *šap* значило 'солнце', ибо по палеонтологии речи, как указано, глагол 'рождать' первично возник в звуковой речи применительно к 'солнцу', речь шла о 'рождении', герр. 'восхождении' или 'выходе *солнца*'; таково, между прочим, происхождение бск. *šor-tu* 'рождаться' и его французского двойника *sortir* 'выходить', равно фр. *le sort* 'судьба', одинаково унаследованных от речи первоначального населения Европы, где слово означало 'солнце', 'небо' и т. п. И потому-то *šap*, у мегрелов означающее 'светить', у сванов появляется в основе аориста глагола *aš-šap-an* 'он родился у него', так как и 'свет', и 'рождение' восходят своей основой к 'солнцу', по которому был назван и 'огонь', отсюда бретонский *tan* 'огонь'.

И как в значении и 'огня' и 'воды' у яфетидов Кавказа, грузин, мегрелов, чанов, и Пиренейских яфетидов — басков — служит (и мы то видели) элемент *А* в различных по социальным группам дифференцированных разновидностях, так этот элемент *С* *šap* означал и 'воду', почему его грузинский эквивалент *šep*, также основа глагола 'освещать', с звонким начальным губным *šep* служит основой глагола *šep-a* 'течь', аор. *šip-a*, и это нас возвращает опять-таки к территории исторически засвидетельствованного скифского расселения, где та же основа в разновидностях с огласовкой не только губной «о» — *šop* ↔ *šup*, но и «а» — *šap* → *šap*, равно «е» — *šep* в значении 'воды + реки', как всем хорошо известно, налична в названиях рек: *Don*, *Dun-au*, *Tan+a-is*, *Danub*, *Dne-pr*¹ (с перестановкой гласного «е» или с утратой внутреннего огласовочного «е» при архетипе **šep+e-pr*). И это же слово в спирантной разновидности означало и 'огонь', откуда слово с губной огласовкой *šop* (*gon*) ↔ *šup* мы находим

¹ Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК, т. III, стр. 285 [ИР, т. V, стр. 64]; его же, Скифский язык, ПЭРАТ, стр. 365 [ИР, т. V, стр. 209].

у армян в производном от него *həp-ou* 'печь', буквально 'место огня' (*hup*), а у русских во второй части скрещенного «о-гонь» (←*о + *kon-e*).

При учете космического мира в словопроизводстве — все по 'солнцу' — не можем обойти молчанием бретонский глагол *sel-ut* 'видеть', поскольку 'видеть' по палеонтологии речи восходит к 'глазу', что в свою очередь, как 'свет', 'зрение', представляет дериват 'солнца', и потому когда русское «слеза» — составное слово, буквально означавшее в языках яфетической системы 'вода (за) глаз (*sle*)',¹ то словом *sle* 'глаз', с обычной перестановкой вместо *sel*, русский язык сходится не только с бретонским, где *sel*, что в основе глагола *sel-ut* 'видеть', как имя означало 'глаз', равно с финскими — мордовским и суоми, где *sel* без скрещения сохранилось в составе эрз. *sel-ved* 'слезы' (← 'глаза вода'),² и то же *sel* с его разновидностью *sil* налицо в основе скрещенных финских морд. *sel-me* (эрз. *šel-me*, мкш. *šel-mш*) и суоми *silme* 'глаз'³ также со значением 'глаз', но и с армянским, где его спирантная разновидность *el* означала 'восход', 'выход', поскольку глагол 'восходить', 'выходить', как и 'рождаться', образовывался от имени 'солнце', по которому наречен был в звуковой речи и 'глаз', т. е. опять-таки в данном случае бретонский, армянский, финский образуют один круг весьма архаичного схождения, именно эпохи сложения звуковой речи.

До огня, очага, до материального домостроительства, но с момента социального домостроительства, образования производственно-социальных группировок, начинается так называемое одомашнение животных, как бы усыновление, герп. ассоциирование их, для тех времен приобщение к тотему первичного производственно-социального коллектива, и вот названия 'собаки', 'лошади' у бретонского народа тождественны или ближайше сродны с их названиями у басков, берберов, армян, древних грузин, русских и др. По палеонтологии речи 'лошадь' была наречена по 'собаке', и мы сейчас не остановимся на том, как русские остались с основой этого и по отвлечении окончания *-ka* скрещенного слова *zo-ba*, в архетипе *sobal*, при первичном значении, тогда как в Западной Европе с его эквивалентом *cabal-us*, *cheval* перешли уже на обозначение 'лошади'. Слово это достаточно разъяснено в печати и в скрещенном двухэлементном, и в изолированном одноэлементном составе.

Интереснее остановиться на использовании элемента *S* в виде *hone* ↔ *hune* на Востоке со значением 'лошади', откуда и русск. «конь», древнелит. груз. *hun-e*,⁴ у бретонцев же с мегрело-чанским и украинским перебоем губного гласного в «и» и с утратой носового исхода слово звучит усеченно *ki*, лишь во мн. числе восстанавливая себя полностью в виде *kon* ↔ *kun*, но бретонцы тут остались при прежнем значении того же слова, когда оно означало 'собаку'.

¹ Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям, ИГАИМК, т. III, стр. 288—293; его же, Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы', ДАН, 1926, стр. 93—96 [см. здесь, стр. 101—103].

² Ср. Н. Раасонен, *Mordwinische Chrestomatie mit Glossar und grammatikalischem Abriss*, Helsinki, 1909, стр. 123, где это составное слово предполагается происшедшим из «*šel' mévéd!*»

³ В венгерском с утратой плавного исхода и первой частью — «*sze-m*».

⁴ Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 392 [см. здесь, стр. 176].

На термине с обширной экспансиею мы сейчас не имеем возможности, да, пожалуй, и надобности останавливаться, тем более, что это название 'собаки', некогда культового животного, подробно разъясняется с привлечением и кельтских материалов в приготовленной к печати также в Париже и теперь печатающейся работе «Яфетические сказки на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье-Солнышке)».¹

Не могу не указать, что для первоначальной ступени стадияльного развития звуковой речи элемент *C*, ионский элемент, очевидно, объединяет неукоснительно с бретонским сличаемые с ним языки Кавказа и Восточной Европы, и когда речь об одомашнении животных, совсем излишне указать, что брет. *t1* 'дом', пережиток архетипа *ton* ↔ *tun*, как то мы видели с названием собаки *k1* / *kon* ↔ *kun*, в первичном виде сохранился у армян, у которых этот полный вид звучит *tun* → *ḏun*, и было бы неверно, если бы мы поспешили утверждать, что этой формы нет на Западе в пределах кельтской экспансии: по палеонтологии речи 'дом' принадлежит семантическому ряду — 'небо', 'обиталище', 'село', 'город', и известный кельтский термин *ḏun* в названиях городов есть то же самое армянское слово *tun* 'дом'.

Уже с появлением терминов по градостроительству мы далеки от первичных эпох сложения звуковой речи, хотя первичное градостроительство не предполагает еще наличия капиталистической формации, но нет у нас никаких оснований ограничивать эпохи схождения в затрагиваемых архаичных слоях армянского и бретонского языков первобытностью хозяйственно-общественной жизни и соответственной ступенью стадияльного развития звуковой речи.

Слова-элементы успели за это время обрасти надбавочными оформляющими частями, сигнализирующими соответственное нарастание и осложнение техники производства и социальной структуры. В морфологии у бретонского целые слои сродного или тождественного образования с грузинским и особенно с армянским, так:

1) Префикс *si-* со спирантизованным двойником *1-* (← *h1-*), служащий в грузинском для образования имен действия или состояния, имеет ту же функцию в бретонском, так например:

si-mud 'глухота' от *mud* 'глухой' (лат. *mūt-us*), груз. *mund*,
h1-bud 'журчание',
he-dro 'непостоянство'.

2) Префикс *h1-*, особенно же его разновидность *he-*, спирантный эквивалент грузинского *sa-*, как в сванском (*he-* / *qe-*, resp. *ye-*), служит подобно последнему для образования причастия будущего или прилагательных долженствования, указывающих на 'легкость', 'возможность', например:

he-doḡ 'ломкий', буквально 'для ломания' (подразумевается 'легкий'),
he-dro 'подвижный', 'непостоянный' (буквально, 'легко вращающийся' или 'подлежащий вращению'),

¹ Ученые записки Института народов Востока СССР, т. I [ИР, т. V, стр. 224—271].

he-gar 'любезный',
 he-wel 'подлежащий видению', 'видимый',
 he-ge 'подлежащий болеванию', 'болезненный',
 he-goł 'подлежащий гибели', 'гиблый',
 he-lavar 'легко говорящий', 'говорливый', 'красноречивый',
 hi-gol+eñ 'для точения' ('точильня').

3) Образование мн. числа на -er, как в народном армянском, а также на -g (с местоименным элементом -e+g), как в древнелит. армянском -q (с местоименным элементом -e+q), на -d (с местоименным элементом -e+d), как в пережиточном архаическом армянском te/ti, далее — образование уменьшительной формы на -ig, как в армянском (здесь -ik), неопределенного склонения — -a+l, как в армянском, и -ut, в армянском пережившее в роли признака имени действия или отвлеченных понятий в полной форме u-dıwn (← u-dın) или усеченно — u-đ, отрицательный префикс an-, как в армянском, причем, когда пришлось встретиться с примером из ванского наречия — anhün 'бессонница' при арм. an-qın 'бессонный', то, казалось, что это не ванское наречие, по-французски vanetais, бретонского языка, а ванский говор армянского языка и т. д., и т. д.

Мы остановимся разве на одном морфологическом явлении, которое может послужить к датировке ступени стадияльного развития бретонского языка. Это наличие двух грамматических родов, мужского и женского и, в частности, формальный признак женского рода. Сама техника образования женского рода придачею к слову показателя женского рода -en («-en») — явление сравнительно позднее. При образовании исходят от мужского рода, как основного или изначального, а это анахронистический вклад уже патриархального социального строя, и прибавляют слово -en, означавшее 'женщина', идеологически совершенно так же, как то наблюдаем в названиях терминов родства, когда они применяются к лицам женского пола. Формальная разница абхазского с бретонским в этом образовании лишь в отличии слов, используемых в тех же целях. Впрочем, бретонский суффикс -en, означавший 'женщину', родственен с абх. an 'мать', 'самка', 'женщина'. Абхазское an, ослабленный вид спирантного han / kan, наличен у армян, во-первых, в термине родства han-1 'бабушка', это в линии семантического развития han, resp. an 'мать', во-вторых, в косвенных падежах его удвоенной разновидности kan+an в значении 'женщина', в прямых падежах которого та же основа с губной огласовкой *kup или ее двойник с обычным перебоем «u» в «i» — kip (в греч. γυνή). То же an 'женщина' налично в баскском скрещенном образовании an-der-e 'женщина' и в берберском an-zar, первично 'богиня дождя', 'Иштарь', ныне 'чучело или кукла, обносимая по селу с целью вымолить дождь'.¹

В свою очередь, бретонский суффикс -en (← -hen) — это спирантная разновидность слова hen 'женщина', пережившего из языка яфетической системы в греческом παρ-θένη-ος 'девушка', буквально 'дитя (par) + женщина (hen)'. В самом

¹ Выражение ճի-հիճ b-panzar 'радуга', буквально 'молодуха Анзара', показывает, что уже забыто восприятие anzar как 'женщины'. См. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 23—24 [ИР, т. V, стр. 238].

бретонском, однако, в противоположность спирантной разновидности *en* 'женщина', сибилантный ее двойник (*dén*) означает 'мужчину', 'человека'; эта дифференциация — дело позднейшего бытования.

Отсутствие среднего рода, наличного в классических языках Средиземноморья, равно в славянских и германских, в последних с некоторым ограничением, само по себе может говорить о сравнительно более древней ступени самого развития звуковой речи, развития одного периода с семитическими и хамитическими системами, но не о том, что сама по себе третья разновидность этой ныне грамматической категории не имеет еще более древних корней. Первоначально женский род определялся семантической категорией, так 'небо' было женского рода само по себе, независимо от каких-либо внешних признаков, а отсюда и семантический дериват от 'неба' — 'облако' — брет. *hùgen* («*hugenn*»), в котором чистая основа *hùg*, без женского окончания *-en* («*enn*») — двойник яфетического *hur* 'небо+год', что в основе скрещенных образований — греч. *ur+an-os* 'небо' и бск. *ur-te* 'год', и это же *hur*, resp. *ur*, означало социально 'женщину', что сохранилось в используемом как показатель женского пола армянском скрещенном термине — *ur+he/i* 'женщина'.

Однако хозяйственные термины земледельческого быта также выступают в бретонском с своей паразитической общностью с яфетическими языками Кавказа, в частности, и грузинским, так 'хлеб', в грузинском представленный разновидностью шипящей группы с губной огласовкой *pur*, когда речь о 'печеном хлебе', в значении 'хлеба-злака' восстанавливает огласовку «а» с плавным *l*, присущие грузинскому языку, но в скрещении с элементом *A* — *qot-bal* «пшеница», история же этого *bal*, первично *pal*, в Средиземноморьи уже разъяснена: этот термин там в скрещении с элементом *C*, *-an*, сначала название 'жолудя' — греч. *βάλ+αν-ος*, функционально перенесен был на сменявший его 'хлеб' — **palan*, в стянутом виде без полногласия **paln-*, латинским представленный словом *pān-is* 'хлеб' с долгим *ā* вм. *al*,¹ и вот в эту среду входит и брет. *bar-a*, в архетипе **bar-han*.

Брет. *gwïn* 'вино' и его разновидности, груз. *ğvino*, св. *ğwnal*, груз. *ven-aq* 'виноградная лоза', 'виноградник', представляют скрещенные основы, с пережитком целого слова того же значения в начальном заднеязычном согласном *ğ* → *g*, как и брет. *g+vaz* 'мальчик', 'отрок', 'муж', 'человек', св. *ğ+waj*, диалектически *vaj*, груз. *vaj id*. Казалось бы, исчезновение начального звука — явление чисто фонетическое, на самом деле, как то наблюдаем в бретонском языке, начальный *g* (← *ğ*) отпадает во фразе, где и без этого надбавочного элемента по контексту понятно его значение, в одиночестве же элемент *g* в *gwas* 'отрок' 'муж', 'человек', пережиток одноэлементного слова *gas* ← *kas* 'отрок' 'человек' (груз. *kağ* 'человек', бск. *gas-te* 'молодой человек'), удерживался во избежание недоразумения от полисемантизма слов.²

¹ Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 381—382 [см. здесь, стр. 168]; его же, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 370 (ИР, т. V, стр. 212 сл.); его же, Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево', ДАН, 1926, стр. 109—112 [см. здесь, стр. 104—107].

² Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 45—46 [см. здесь, стр. 39].

То же самое во всех других случаях, например, еще *gwel-ut* 'видеть' от *gwel* 'зрение', 'видение', первично 'глаз', где *g* — усеченный вид *kus* или *kuŋ* 'глаз', как в русском («г-лаз»), а вторые элементы, с тем же значением в бретонском появляющиеся в контексте самостоятельно, *vel* («vell»), как в русском *-laz*, сибилантный архетип спирантизованного *la*, у абхазов появляющегося самостоятельно со значением 'глаз', в оформлении с членом *a-* — *à-la*, у бретонцев же в скрещенном их образовании *la+ga+d* 'глаз'.

Вообще бретонский сохраняет, как баскский, в словообразовании сознание скрещенных или производных слов, и, образуя мн. число, например, бретонский прибавляет показатель множественности не только к основе, но и к окончанию, все еще воспринимавшемуся, следовательно, как пережиток целого слова.

Усекаем также сходение с берберским в словах состава древних ступеней стадильного развития звуковой речи, в особенности же общность эпентезиса, или проникновения гласного форматива внутрь слова, вообще морфологической функции гласных, равно образования мн. числа на «и» и т. п.

Заключаем вопросом о названии бретонского народа — *bre-ton*, по-бретонски *brezon+eg* и той кажущейся странности, что ближайшие кельтские сродники бретонцев валийцы, или *welsh*'ы, живущие по ту сторону Ламанша в Великобритании, сами себя называют кимрами — ед. «Сумго», мн. «Сумгуд». Однако, при некоторой палеонтологической ориентировке в бретонском словаре легко заметить, что у бретонцев существует разновидность племенного названия «сумго», это *kuer* (← *kower*), но она успела спуститься социально, став нарицательным именем крестьянского населения: *kwer* значит у французских кельтов, бретонцев, 'крестьянин', 'сельчанин'.

Что же касается основы *bre*, перестановки *ber*, и в общепринятом *bre-ton*, и в национальном *bre+zon-eg* их названии, то это простой элемент как удвоенного племенного названия берберов, так скрещенного племенного названия *1-ber*, и в то же время двойник акающей разновидности *bas*, входящей в состав ряда кавказских племенных названий, в числе их *a+bas-k* (← **abas-q*), искаженного грузинами в «абхазы», равно пиренейских *bask*'ов или «*g+was-con*»'ов, причем основа последнего термина *g+was*, означающая нарицательно 'отроков' (бр. *gwaz*, св. *ğwaj*), опять-таки не представляет случая чисто фонетического явления в начальном *g*, ибо это пережиток племенного названия *gal* || *gas*, разновидность с губной огласовкой которого *gur* || *gus* хорошо известна как из скрещенного племенного названия в наименовании Лигурии (*L1-gus-*), это на Западе, так из самостоятельного образования наименования области Гурии в пределах Грузии.¹

Ныне уже не выступают изолированно, как случайности, все эти закономерные созвучия в названиях племен, рассеянных по всей Афревразии, не исключая и термина *kel-t*, оказавшегося акающей разновидностью слова *sku-ḡa* (← **skul-ḡa*, resp. **skul-tan* 'скиф').² Их сопровождают всех и каждого стройные ряды ста-

¹ Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 387 [см. здесь, стр. 172]; его же, Из Пиренейской Гурии, стр. 56 [см. здесь, стр. 47].

² Н. Я. Марр, Скифский язык, стр. 342 [ИР, т. V, стр. 195].

диально и производственно-классово классифицируемых лингвистических фактов, начинающих увязывать все времена от палеолита до наших дней и все народы, не исключая ни одного, будь он нацменовский, хоть бесписьменный, как бретонский. Наоборот.

С этими проработанными материалами можно будет с большей решительностью приступить и к анализу языческих переживаний в бретонском быту, так, например, к культу 'лошади-воды-женщины', христианством обращенной в своего святого, который в Бретани почитается по сей день в St.-Eloi. Предмет требует специального обследования в связи с генетическим анализом «Деяний трех близнецов коневодов Спевсиппа, Элесиппа, Мелесиппа», также апокрифического произведения, по всей видимости не каппадокийского, а галльского происхождения, да из эпохи местного христианства еще до папских миссий.

При такой, все с большим углублением выясняющейся связи Западной Европы с яфетическим Кавказом, в частности, с Армениею, встречи в эпических сказаниях Армении и средневековой Франции также снова возвращают нас к необходимости поставить на очередь разработку проблемы о Тристане и Исольде, у армян [I]sa'g¹-Əep-İk'e, эпическом сказании в основе о Солнце и Воде.

Готовит ли во Франции бретонский нацменовский язык политический сюрприз, или нет, не в нашей компетенции и не наше дело, но не доказываем и не «предсказываем», вопреки заявлениям недругов и старых (вернее, бывших) друзей, а видим и показываем, что с бретонским мы получаем недостававшую посредствующую ступень, как вообще с кельтскими языками, промежуточную между языками яфетической системы и прометейдскими, так называемыми индоевропейскими; он же, увязываясь с яфетическими языками Пиренеев и Кавказа, равно с берберским, дает возможность с одной стороны взять штурмом более уточненных яфетидологических анализов французский язык и использовать по соответственной проработке девственно и втуне лежащие теперь классические языки Средиземноморья и их азиатских однокашников, совлекши их с искусственного пьедестала и поставив на надлежащее место, чтобы засим каждому националу твердой и решительной поступью стать на широкий путь нового учения об языке в мировом масштабе, исходя от своего массового родного языка, мировой ли он или лишь «участковый».

Вопрос, однако, не в одном языке, бретонском или баскском, хотя бы в целой их веренице, а в возможности увязать их историю, намечающиеся ступени стадияльного развития со сменой этапов в развитии материальной культуры и эволюциею форм социальной структуры. Кто в силах это сделать? Конечно, не те, которые каркают нам, что ничего из наших положений нельзя будет удержать в будущем, нельзя будет удержать даже того, что нами высказывалось по армянскому языку. Это мнение принадлежит нашему честному противнику проф. Мейе (Meillet), главе современной индоевропеистики, имевшему смелость открыто и прямо высказать то, что лежит на душе не одной сотни его заслуженных сторонников, занимающих почти все академические кресла и университетские кафедры, да и молодых адептов, стремящихся сейчас их занять в путях своих учителей. Посему мнение проф. Мейе мы считаем чрезвычайно оптимистичным,

ибо оно предполагает, что в настоящее время кто-либо из этого мира способен держаться наших взглядов и лишь в будущем они вынуждены будут отказаться от них. На самом деле вопрос стоит иначе. Наше упование именно на будущее, притом не на будущую лишь ученую смену, а ту будущую общественность, которая, открыв путь творческой работе всем нацменам именно в культурнейших странах, сметет наконец всю косность и пережиточные миазмы застоя и в среде ученых.

По отпечатании настоящего доклада я получил возможность, уже в Ленинграде, ознакомиться с новой литературой о кельтских языках, в частности и о бретонском, которую, казалось, по встречаю в том или ином отношении с яфетидологическими положениями, мы должны бы использовать для подкрепления или углубления нового учения об языке все на том же западно-европейском лингвистическом отрезке.

«La question bretonne dans son cadre européen» Мориса Дюамеля (Maurice Duhamel)¹ содержит много общих мыслей и соображений, иногда и фактических данных, по пробуждению замиравших, казалось, национальностей в Европе, по экономике, по учету неграмотности, по роли вообще языка в национальном движении, по педагогике с приведением мнений авторитетнейших французских ученых в пользу родной речи и т. д., и т. д. Специально по Бретани книга для нас представляет интерес и по сводке исторических данных с указаниями на факты из истории материальной культуры и социального строя, а также и быта. Если независимое национальное строительство европейских яфетидов, басков, по древности своей выходит за пределы исторической памяти народов с языками новой формации, именно прометейдской, или так наз. индоевропейской, расцвет же такой кельтской страны, как Ирландия, совпадает с национальным подъемом Армении и Иберии, то бретонские суверены ценой непрерывной борьбы достигли апогея своего благополучия в XV веке, т. е. приблизительно во времена расцвета мексиканского княжества, после уничтожения рабства, когда бретонский народ, по свидетельству хроникера Бушарда (Alain Bouchard), «был так богат, что не нашлось бы и деревушки без избытка серебряной посуды».² В противность же реакционной славе, установившейся у французов за Бретанью, уже в рамках французской пореволюционной государственности национальная история устами Дюамеля, отмечает, как она бросилась в революционное движение, усмотрев в нем средство уничтожить произвол старого режима и добиться признания своих прав; так-то классовая дифференциация в самой бретонской среде была ослаблена в эпоху французской революции: «духовенство, сельского происхождения, было в общем скорее бедно, а владельцы (seigneurs) мало обычно отличались достатком от крестьян, среди которых они жили».³ Это в общем напоминает, следовательно, социальное состояние такой области Грузии, как Гурия, в рамках грузинской национальности, даже с общим с нею языком, накануне революционного движения 1905 года. И когда надежды не оправдались и унитаристический режим

¹ Paris, 1929.

² Ук. соч., стр. 14.

³ Ук. соч., стр. 21.

Французской революции без учета местных политическо-экономических правовых требований вызвал оппозиционное движение национального характера, то бретонский партикуляризм, найдя свой выход «в культе прошлого, в трудах ученых в области истории, археологии, литературы и лингвистики»,¹ со включением практической ее части — орфографии, кодификации синтаксиса и составления терминологии, прошел всю скалу развития вплоть до перерождения в нацменовское движение. Как заключительный аккорд приложен в привеске к книге Дюамеля документ последней пока формации бретонского национального вопроса «Déclaration adoptée à Châteaulin, le 18 août 1929, par le Congrès du Parti Autonomiste Breton». Поскольку авторы этой автономистической декларации заявляют, что они «не сепаратисты», «они не ретрограды», «они не антифранцузь», это дело их убеждения и их политики, внутренней французской политики, в которую советский ученый не имеет основания, как специалист истории надстроечного мира, вмешиваться и тогда, когда эта специальность посвящена в своей основе предмету, наиболее национально-выразительному, именно языку. Но когда политическое построение основано на искажении, да еще игнорировании современных научных достижений, то было бы преступлением не высказывать специалисту своего взгляда, ибо каково бы ни было политическое построение по своему заданию, оно грозит правильности развития науки, и приходится, если не бороться за отсутствием для того тех или иных данных, то отмежеваться возможно резко. Новое учение об языке, яфетическая теория, установила, что язык важен как источник познания отнюдь не для одних отвлеченных грамматических категорий. Звуковой язык сигнализирует процесс развития человечества во всех проявлениях его творческого труда и прежде всего в истории материальной культуры, без учета которой исключается подлинная обоснованность всякой истории. Язык же, как надстроечная категория, не только опора для правильной постановки изучения истории материальной культуры, он, как теперь выясняется, один из требующих всемерного, весьма чуткого учета факторов в ее развитии. И когда автономистская формация национализма во Франции обоснует декларацию своих притязаний на том, что Бретань, как нация, «родилась из событий, совершенно чуждых истории Франции», что «ее основатели, ее организаторы, ее первые суверены, ее цивилизация, ее язык были даны иммиграцией бретонцев из Великобритании в IV—VII веках нашей эры»,² это чистейшая идеалистическая мистика. И, несмотря на поразительные встречи с нашими мыслями в характеристике положения дела вплоть до признания бретонского вопроса нацменовским, то же самое приходится сказать про построение всей книги Дюамеля, поскольку автор ее считает вопрос о бретонском языке «расовым», отрицает краевую на самом материке связь кельтского языка с предшествовавшим иберским и мнит творческой ролью миграции устранить смену экономических формаций как факторов в нарождении ступеней стадийного развития в таком надстроечном мире, как звуковая речь, т. е. опирается на изжитое формальное учение индоевропейцев.

¹ Ук. соч., стр. 23.

² Ук. соч., стр. 28.

В этом отношении гораздо больше могло бы нам открыть обнадеживающих перспектив для нового учения об языке, как оно разработано яфетической теорией, срастающейся с марксизмом, возвращение на страницах специальных органов давно покинутых исканий по установлению связи кельтских языков за пределами прометеидских языков, именно с языками более ранних систем, в том числе баскским и колониальными, так именно в работе Покорного (Pokorny) «Das nicht-indogermanische Substrat im Irischen»;¹ тут по крайней мере взрывается замкнутость исследовательской работы по языку, но, увы, при отсутствии увязки с производством и общественностью, а с нею и палеонтологией речи, налицо в основе все-таки работа в тупике, в который вогнана наука об языке индоевропейстикой.

¹ Zeitschrift für Celtische Philologie, т. XVI.

К вопросу о происхождении арабских числительных¹

Почему об арабских числительных, а не о числительных вообще в семитических языках, поскольку речь идет о происхождении? Разве можно разрешать генетический вопрос без учета ближайше родственных с арабским языков? Не диктуется ли тема простым актом вежливости перед юбиляром-арабистом? Конечно, из статьи по случаю 25-летия нашего арабиста [акад. И. Ю. Крачковского], по школе основателя того русского востоковедения, из которого ныне от старшего поколения учеников и по арабскому автор настоящих строк, пожалуй, старейший, акт вежливости трудно исключить, но нельзя не помнить о чисто научной обязательности акта вежливости и в отношении арабского языка.

Никто не может отрицать так наз. родства, т. е. исключительной увязки, арабской речи с языками того круга, который обычно именуется семитической «семьей», но у нас это нахождение в одном обществе есть результат не прародительского греха, единства изначального физиологически кровного происхождения, а надстроечное явление весьма поздних в истории человечества эпох. Это надстроечное явление требует для своего разъяснения работы над установлением его материальной базы, производства и производственных отношений, соответственного, повторяю, отнюдь не первичного времени, даже какого-либо подобия подлинной первичности. Так установило новое учение об языке по яфетической теории. И вот по этому учению одни факты несут службу связи по языку между двумя социально-экономическими формациями в кругу конкретных материальных или надстроечных потребностей, — факты, представляющие собою, разумеется, опять-таки общественное достижение, при лингвистическом учете именуемое схождением по совокупности явлений всей системы (так наз. семьи), или схождениями, когда интерес сосредоточивается на отдельных явлениях; другие факты рядом с ними выявляют расхождения даже в кругу языков одной системы («семьи»), не исключая семитической: выступают расхождения, тем многочисленнее и тем более качественно несоизмеримее с общими признаками всей системы, чем более уделяется внимания этой существенной, а отнюдь не эпизодической стороне дела. Эти расхождения и составляют оправдание (*raison d'être*) для существования и признания отдельных языков. Эти расхождения не представляют собой отложений независимых отвлеченных явлений так наз. фонетических или иных формальных языковых фактов, принимаемых за законы; они и не случайные вклады со стороны налетающих миграций или внешних явлений «великодержавных культур» («заимствований»), а итоги внутреннего процесса развития материальной культуры (ее техники также) и с нею органически связанной формы общественной структуры.

По совокупности схождения и расхождения — отложения борьбы общественно-производительных сил в процессе нарастания внутри всего коллектива и выявле-

¹ [Напечатано в «Записках коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук», т. V, Л., 1930, стр. 611—645.]

ния в нем внутренних противоречий, оформляющихся в самой жизни. Это — прогрессивное и регрессивное («консервативное») течения.

Не будь победы прогрессивных сил, не было бы схождения, не было бы новой системы или так наз. семьи, в том числе семитической «семьи». Без схождения мы не имели бы положения, что арабский язык входит в круг семитических языков, он вместе с другими образует особую «семью», собственно особую систему, на деле особую новую формацию, отвечающую потребностям особой общественной формации и потому сословную или классовую.

Не будь расхождений, не было бы отдельных языков семитической системы, не было бы, в частности, арабского языка, в первую голову не было бы и классического письменного языка, тем более не было бы арабской «народной речи», языка в корне иной системы. Однако в расхождениях различных семитических языков, в частности и арабского, с другими, вовсе нет основания считать изначальность явления, в них приходится признать расхождения с точки зрения новой, resp. позднейшей, системы, именно семитической. По смене системы, при подходе со стороны более древней системы или ряда более древних систем расхождения выявляют черты схождения. Расхождения становятся прямо-таки схождениями при учете прежней пережитой системы или прежних последовательно пережитых систем, отвечающих своей надстроечностью смене соответственных ступеней развития материальной базы. В то же время с переходом исследовательского дела на предшествующие, далеко не первобытные стадии, круг входящих в соответственную прежнюю систему языков увеличивается, однако входящие в прежнюю систему языки подлежат отнесению в нее не в целостности своей, а тем или иным слоем своего состава, представляющим общественную формацию более простого сложения, с выявлением меньшего охвата потребностей, с меньшим уточнением идеологии и меньшей технической отделанностью.

Семитическую систему формально выделяют такие явления, как функциональное распределение звуков гласных для оформления (морфологии), а согласных для идеологии (семантики), образование слов с помощью префиксов или комбинации префикса с огласовкой, троичность идеологических звуков, т. е. согласных, именуемых коренными, в предположении, что не только функция, но вообще существование гласных не имеет отношения к корню, как то производит впечатление каждый семитический язык при статическом подходе к нему. Затем в частях речи глагол — основная категория, от которой происходят все имена. В образованиях же глагольных форм (в спряжении) и особенно именных, выражающих взаимоотношения обозначаемых ими предметов или отношение к ним действия (глагола), картина меняется, расхождения увеличиваются. При старом взгляде (с фикцией о праязыке или хотя бы о существовании некогда изначально общесемитического языка), естественно, отсутствие каких-либо форм легко объясняется утратой, а наличие равнозначных форм иной структуры воспринимается как новое образование. Ничего не стоит теперь вскрыть всю мишурность такого понимания бесспорной статике семитических языков.

Затем внутренние взаимоотношения семитических языков также оцениваются лишь формально; так, в частности, с использованием фонетических корреспонденций, есть как бы (пользуясь терминами яфетической теории) сибилантная ветвь (южно-семитические) и спирантная (северно-семитические языки), так наз. арамейские «варечия», герс. языки, а в сибилантной ветви свистящая группа (арабский язык) и шипящая группа (еврейский язык библейский), и все это семитологами отмечено с привлечением и эфиопского, или абиссинского, и ассирийского, но эта система звуковых корреспонденций не обнаруживает той выдержанности на фактическом материале семитических языков, даже «основных», какая присуща соответственным группировкам в яфетических языках. Аналогичное явление наблюдается в северном ныне кругу языков Восточной Европы, т. е. финской семье, но здесь другие причины недоработанности системы («семьи»). Языки же яфетической системы, наоборот, представляют, несмотря на вхождение в один круг, полистадиальные образования. Благодаря этому устанавливается последовательность стадий, большая сложность у одних, меньшая у других языков, даже яфетических языков Кавказа, не исключая тех, что формально-фонетически своими корреспонденциями образуют особенно тесный круг сибилантной ветви со свистящей и шипящей группами и спирантной ветви: они точно дублируют, но более ярко, фонетические взаимоотношения семитических языков и разделяют с ними, одни меньше, другие больше, и иные более существенные для семитической системы признаки-координаты (функциональное распределение звуков на морфологические гласные и идеологические согласные, префиксальное образование, притом и тождественными звуковыми символами и т. д., не исключая падежных окончаний и признаков времен, наклонений и залогов). Эта полистадиальность нашла свою решительную проверку в семантике, где по установлении происхождения фонем от элементов, четырех лингвистических элементов, включающих в себе двустороннюю увязку и с формой, и с содержанием, значением или его функциональной идеологиею, открылась материальная база речевой надстройки и с нею возможность идеологического по стадиям разъяснения (палеонтология речи) не только слов, но и морфологии, более того — фонетики, как генетически социальных явлений, в конечном счете — отражений законов производств и производственных отношений. В связи с этим трехсогласный канон семитической системы окончательно разъяснился как позднее сбытовавшаяся схема, пережиток четырехсогласного удвоения одного или сложения (то составных слов, то скрещенных образований) двух, а то и трех элементов. Естественно, что в языках яфетической системы, где трехсогласие не сбытовалось в общеобязательную схему (оно наметилось к сбытованию лишь в языке свистящей группы — грузинском), мы находим рядом с трехсогласием и двухсогласием от двухэлементных образований и один согласный, пережиток простого элемента или с гласным оформлением не отвеченной грамматической категории, а социального порядка, выявляющего принадлежность данного вида слова к определенной социальной по производству группировке, лишь впоследствии (весьма поздно) племенной по крови. Ясно, что эти взаимоотношения языков яфетической системы прослеживаемы над словами первобытной хозяйственной

потребности, материальной, и неразрывной с нею магической (тогда вовсе не религиозно-культурной, а производственно-культурной, или трудовой, в той же мере, как всякое иное орудие производства). Поэтому 'истина', 'правда' — порождение одной из позднейших ступеней стадияльного развития, хотя и одинаково везде представляет использование слова 'солнце' (← 'небо'), звучит различно в семитических и яфетических языках: арб. *ḥāk*¹, евр. *ʕōmēn*, ср. *ʕāṣīn* 'во-истину', равно *āṣṣāh* адverb. 'в действительности', и весьма интересное своим -ʕemeʕ, *ʕāṣīʕ* 'истина', 'правда', сибилантичной социальной группировки — *ʕām-ūm* 'истина', в выражении *diber ʕāṣūm* 'вещать истину', 'говорить правду', *q̄šet* двойник **q̄šet*, resp. *q̄meʕ*: 1) 'истина' ('солнце' ← 'небо'), сир. *q̄mṯā* ~ арм. *t̄ṣt* 'истинный'; 2) 'лук' [← 'небо'], ег. арам. *q̄mṯā*, сир. *q̄mṯā*, без 3-го элемента арб. *q̄wṣ*² (однако мн. ч. *q̄ṣūyūn* ~ *q̄ṣūyūn*) при груз. народном *marʕal* 'правда', 'истинный' и древнелит. феодальное общее с армянским «иранское» *ṭəṣmarit*, груз. *ṭəṣmarit*, с формами отвлеченного понятия *si-marʕal-e* 'истина', 'правда', *ṭəṣmarit-e+ba* 'истина'. Меньше расхождения в увязанном по прежним представлениям с 'истиной' понятии 'вера', 'веровать', именно в слове, раньше возникшем для сигнализации 'веры', хотя и восходящем равным образом к 'небу' евр. *ḥāʕemīn* 'уверовал', 'верил', арб. *ʕāṣāna* (пр. н. *uʕṣṣīna*, равно VII порода), сир. *ʕāṣar* при *ʕaṣān-ūḏā* 'вера', арб. *ʕūṣān*³ 'вера' (с оттенком внутренней убежденности в противоположность обрядности при наличии другого слова с тем же значением — *dīn*³ 'вера', 'религия', внешнее культовое ее проявление) и груз. *r-īmēna* || *r-īmūn-eb-a*, *sa-r-īmūn-o-eba* от 'неба' — груз. *tām* '*небо', ср. груз. *ʕā* 'небо', *m-tā+m-s* 'верую' и сем. арб. *samaʕ*³, евр. *šāma-ūm*, сир. *šmau-ā* и т. д., причем 'небо' использовалось тотемически, было тем же словом, что тотем, потому, с одной стороны, от тотема и слово 'имя' (← 'знамение'), арб. *ʕi-sm*³, *sm*³, евр. *šēm*, сир. *šmā* и т. д., с другой — в дальнейшем развитии — 'бог', так многократно анализированное сохраненное сванами грузинское слово *tar+ma-ʕ* (у грузин полнее — *tar+mar-ʕ* в дериватном значении 'язычник', собственно 'одержимый тотемом' или 'служитель тотемного бога *tarmaʕrʕ*'), космически 'солнца' ← 'неба'), чем взрывается не только обычное формально-филологическое семантическое обоснование семитических слов как для 'солнца' (арб. *šams*³, евр. *šemesh*, *šmsh-*, сир. *šmsh-ā*, асс. *šamsu*), resp. 'неба' (арб. *samaʕ*³ и т. д.), так для 'имени' (арб. *ʕi-sm*³ и т. д.), но и первичность их двухсложия или трехсложия, которые одинаково разъясняются как пережитки двухэлементного (AB) скрещения *tar+ma-*, причем сюда же тяготеет основной термин мусульманской веры — наследие язычества — *ʕi-slām*,² не говоря о разновидностях спирантного ряда *ʕer+me-*.³

В животных же передвижения, а также в орудиях производства, resp. обороны, восходящих непосредственно к 'руке', первому орудю и обороны уже очелове-

¹ Предупреждаю, что первичный вид *ḥa-k* ← **ḥar-kan* установлен с требуемым для него значением.

² См. Н. Я. Марр, Арабский термин *ḥanīf* в палеонтологическом освещении, ИАН, 1929, стр. 92—93.

³ См. ниже.

чившегося антропоида, точнее уже производственно организованного коллектива, а не стадного объединения, равно в стихиях-элементах, использованных в образовании глаголов (точнее — для звуковой сигнализации действия-глагола, арб. $k\acute{e}l^{un}$), с наглядностью очевидных фактов дают себя знать схождения незапамятных для человечества глубин пережитых им времен вне пределов наличных теперь, доселе исключительно учитываемых систем, архаичность которых, как первичность явлений, тем самым взрывается окончательно.

Так, например, в названии 'собаки' грузины выявляют общность термина с семитами, в частности с арабами, в спирантном слое своего языка, вкладе соответственной социальной группировки, в трехсогласном семитическом корне $k\acute{e}l\acute{b}$, слова в арабском с колеблющимся отнюдь не случайно произношением $k\acute{a}l\text{-}b^{un}$ || $k\acute{e}l\text{-}b^{un}$, т. е. пережитке двухэлементного (АВ) скрещенного образования с яфетическим аффрикатным произношением начального согласного * $k\acute{e}l\text{-}p\acute{e}l$, resp. * $k\acute{e}r\text{-}p\acute{e}r$, у грузин наличного в двух видах: 1) с утратой плавного исхода обоими элементами $k\acute{e}\text{-}f$ в основе, с точки зрения семитологического восприятия — двухсогласной, глагола $k\acute{e}\text{-}f\text{-}a$ 'лаять',¹ происходящего, как установлено палеонтологией речи, от 'собаки' (т. е. $k\acute{e}\text{-}f$, resp. $k\acute{e}r\text{-}p$ тогда означало еще 'собаку'), 2) с сохранением плавного г первым элементом от тотемических эпох анимистического мировоззрения в грузинском налично название уже позднее развивавшегося представления 'идол' — груз. $k\acute{e}r\text{-}p$ (у армян еще более отвлеченно 'образ'); у сванов оно же также налично в более полном виде $\acute{g}e\text{-}r\text{-}b\acute{e}$ \ $\acute{g}e\text{-}r\text{-}t\acute{e}$ в основе названия уже еще большей отвлеченности, именно совершенно позднего понятия 'бог' $\acute{g}e\text{-}r\text{-}t\acute{e}\text{-}\acute{d}$ \ $\acute{g}e\text{-}r\text{-}b\acute{e}\text{-}\acute{d}$, что успело уже пережить функцию обозначения космического предмета культа 'неба' → 'солнца', почему слово, основой $\acute{g}e\text{-}r\text{-}t\acute{e}$ \ $\acute{g}e\text{-}r\text{-}b\acute{e}$ сигнализовавшее уже 'небо' ('солнце' и т. п.), восприняло элемент С (- $\acute{d}\acute{e}$ → - $\acute{d}\acute{e}$ 'дитя'), здесь наличное в виде пережитка - \acute{d} , для уточненного моносемантического обозначения именно 'солнца', отселе воспринимавшегося буквально как 'дитя неба'.²

Мы здесь не вдаемся в бесконечное множество разновидностей перечисленных двух вскрытых грузино-арабским сопоставлением слов: двухсогласного и трехсогласного (груз. $k\acute{e}f$, арб. $k\acute{e}l\acute{b}$); они наличны, помимо еще других языков яфетической и семитической систем, в языках угрофинской, более того урало-алтайской, прометеидской («индоевропейской») систем в массе по той или иной социальной среде сбытовавшихся оформлений со значениями от тотемной, впоследствии анимистической 'собаки' до отвлеченного общего понятия 'бог',³ что совершенно взрывает возможность считаться с какими-либо перегородками позднее образовавшихся систем, когда речь идет о подлинной истории слова не только вообще, а в частности хотя бы об арабском $k\acute{a}l\acute{b}^{un}$ || $k\acute{e}l\acute{b}^{un}$, трехсоглас-

¹ Ср. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 30 [ИР, т. V, стр. 242].

² Ср. Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, изд. Вост. инст., стр. 45 [ИР, т. V, стр. 421].

³ Отчасти см. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 29—31, 63—64 с.л., ср. 32—34 [ИР, т. V, стр. 242—243]. Сюда же относится русское слово «собака»; см. Н. Я. Марр, Готское слово $g\acute{u}t\acute{a}$ 'муж'. К увязке готов с яфетическими народами Кавказа, ИАН, 1930, стр. 448, прим. 3, 452, 453 [см. здесь, стр. 266—267] и статью «О праве собственности» в сборн. «На боевом посту», стр. 377 с.л. [ИР, т. III, стр. 182].

ная норма которого и здесь улетучивается как дым. Здесь назову лишь одно слово, поддерживающее полностью наше восстановление с опорой на груз. *kerp* 'идол', в архетипе **kerper*, как формально, так семантически ('собака'): это существо греческого мифического мира *ker-ber* 'чербер', привратник подземного мира, ада.

Пример, также достаточно избитый, уже из названий оружия, восходящих к 'руке' — арб. трехгласный *ħarb-aḏ*¹ 'дротик', 'острие' (евр. *qere-b*, с мест. суфф. *qarb-ut* 'меч', сир. *qarb-ā* 'меч'), груз., однако, все еще четырехгласный *qṛmal* (трехгласный в народном произношении *qmal*) 'меч'.¹ Палеонтологически название 'меча' восходит к 'руке', и ясно, что дело мы имеем опять-таки со скрещенным образованием из двух элементов АВ—*qar* (resp. *qar*) \ *ħar* и *mal*, resp. *mar* (в груз. I здесь может быть и позднейшим в зависимости от специальной фонетической нормы, по которой из двух г одного слова последующий обращался в л), первично сигнализовавших каждый в отдельности 'руку', как явствует 1) из истории груз. *m-qar* 'плечо', где *qar* \ *h'ar* 'рука' имеет распространение по всему средиземноморскому миру от Армении до Баскии, не исключая позднее народившихся языков протоеидской системы, бывших и наличных там же или уже за пределами этого тесного мира по всей Африке, 2) и из истории *mar-* 'рука', что в составе груз. *mar-ḏwen-e* 'правая рука', груз. *mar-ḏep-e* 'левая рука', с той же многочисленной родней также с распространением в мировом масштабе.² Но мы здесь ограничимся одним примером, опять-таки греческим, представляющим скрещенные элементы но в обратном порядке (ВА) со значением также 'короткого меча', 'кинжала', 'ножа', 'жертвенного ножа', — *ma-qarut-a*, где по отвлечении внешнего признака рода (-а) имеем тот же комбинат с утратой плавного г первым элементом и эпентезисом «у» во втором (← *qar-1*, ср. греч. *χείρ* ← *qer-1*, груз. *qel*, resp. древнелит. *qel* и т. д.). Средиземноморский вариант, сохранный греческим, интересен тем, что он ярко удерживает женский род, присущий слову 'меч', вовсе не из-за формального признака позднейшего окончания -а || -ē, а потому, что в греческом языковом сознании еще держалась связь с положением, по которому 'рука', использованная как название 'оружия' ('меча' и т. п.), происходя из семантического пучка 'рука + женщина + вода', независимо воспринималась как предмет не женского пола, а женской социальной среды (эпохи матриархата). И там, где женский род выработался и формально (морфологически в языке), пережиток этого положения порой всплывает так или иначе. То же самое наблюдаем в семитических языках: в арабском слово, снабженное признаком женского рода -aḏ, также придатком позднейшего образования, поскольку слово *ħarb*, означая также 'меч' [resp. 'действие меча' ← 'руки', 'бойню', 'рукопашную'], само по себе должно бы быть женского рода на том же основании, именно на основании восхождения к 'руке', но термин *ħarb*¹ использован в значении 'войны', 'бойни', и, тем не менее, несмотря на мужское оформление, употребляется пережиточно

¹ См. Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, СГАИМК, т. II, стр. 406—407 [см. здесь, стр. 187—188].

² Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 406—407 [см. здесь, стр. 187—188]; ср. его же, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 23 [см. здесь, стр. 66].

и как слово женского рода, все на том же основании, да и евр. *qereb* 'меч' (прежде всего из *камня*), утративший в единственном числе след своего социального происхождения из стадии с матриархальным строем. Став словом мужского рода, множественное число, однако, он образует женского рода *qarāb-ōḏ*, st. constr. *qarḇ-ōḏ*.

Но с числительными сложнее. Правда, мы здесь более четко осведомлены, что, смотря по ступени стадияльного развития, человечество достигало в счете последовательно только до 3 или до 5, даже до 6, до 7, лишь потом до 10, 20, значительно позднее до 100 и совсем поздно до 1000 и далее. Но о каком же производственно-социальном коллективе может быть речь при предельном числе 'три' или хотя бы 'пять'? Мы отвечаем: о весьма уже сложном и во всяком случае многочисленном, когда учитываем, что первобытная общественность, и не такая, мыслила при своем учете не простыми единицами, а собирательными. Представления об индивидуальном долго не было. Число повыше максимума системы данной стадии, с прибавлением хоть единицы, соответственный коллектив на первых порах означал словом, получившим значение 'много'. Это можно видеть и по тому случаю, когда с шести и сейчас у калифорнийских индейцев особого числа нет, и они исчисляют предметы именем, означающим 'много'. Так, по Бегерту (J. Baegerth), иезуитскому патеру, Феттвейс (E. Fettweis) сообщает на основании Мак Джи (Mac Gee):¹ «Калифорнийцы в арифметике весьма мало сведущи, некоторые из них не в силах считать выше 6, тогда как иные не могут вести исчисление выше 3, поскольку никто по крайней мере из них не может сказать, сколько у него пальцев. Они не владеют ничем, что стоило бы считать, и отсюда их равнодушные к счету. Для них совершенно безразлично, имеет ли год 6 месяцев или 12 и в месяце три дня или тридцать, ибо каждый день у них праздник. Им мало заботы, один ребенок у них, 2 или 12, или вообще ни одного, так как 12 ребят у них не больше вызывают расходов или тревог, чем один, и наследство не уменьшается (*nicht verringert wird*) от многочисленности наследников. Каждое число свыше 6 они выражают на своем языке словом 'много', предоставляя своему собеседнику справиться с тем, будет ли это число 7, 70 или 700».

Наконец, наличное состояние числительных, включающих большие числа, оказывается стандартизованным по 'руке', как единственной единице сигнализации количества, однако это словообразование по технике — позднейшее явление, мы с ним входим, как бы архаично его ни наблюдали, в мир уже полной отвлеченности.

Числительные в семитических языках доработаны до тысячи, и с ними можно образовывать любые точные числовые обозначения с удовлетворением потребностей вплоть до астрономической науки. Арабский язык, по крайней мере классический, письменный язык, разумеется, классовый, никак не мог оставаться равнодушным ни к точнейшему измерению времени, ни к не менее точному учету государственного или частного торгового имущества. Не мог также

¹ The Series Indians, Ann. Rep. Amer. Bureau of Ethnol., II, стр. 304—305.

довольствоваться арабский наметкой на привычный глаз или «идеалистически» беспечно брошенным соображением при определении количества наследственной собственности, ни относиться безразлично к какой бы то ни было крупице недохвата или избытка, да еще без возможности не «помнить лишь для себя», а «точно зафиксировать в условиях сложных социально-экономических потребностей мирового как практического, так и теоретического значения». Потому трудно даже себе представить, какое количество скрещений и новообразований должно быть налицо в арабских числительных и как они, эти арабские числительные, должны были объединообразиться, выработаться в одну систему, особенно в числах общего мирового потребления. Если мы встретим в них разнообразие, то разве в первых числах в связи с их крепко засевшим в быту прежним ограниченным социальным кругом потребления и в ближайших дериватах от них, при отсутствии условий схождения, и в высших числовых образованиях вновь возникавших различных по району и времени социально-экономических образований, творивших одинаково в путях одного и того же глоттогонического процесса, но каждая формация черпала основной лексический материал для обработки в терминологии своей первичной тотемической общности. Так обстоит дело с 'тысячею', герм. 'десятком тысяч'. В свое время разъяснено было, как 10 000, будучи одного происхождения у халдов Ванского царства с греками, по наследству прослеживается в халдской общности или ином социально-экономическом образовании ее, также у армян и грузин [не говоря о позднее в Иране возникших социально-экономических образованиях с языками протетидской («индоевропейской») системы, персидскими, в частности авестийским, переходного порядка], но у армян и грузин за имеющимися в виду словами, звучащими *bewt* (арм. нар. произношение *buug*, груз. орфография *bevr*), значение 10 000 установлено в древнелитературных классовых (феодалных) языках, в массовой же речи сохраняет все еще первичный не уточненный смысл 'множества', т. е. значит 'много', и только, как другое и полнее сохранившееся образование древнелитер. *ma-va* ($\leftarrow *ma-g-var$), нар. диал. *bre-vel* ($\leftarrow *ber-ber$).

В этом смысле с тем же словом увязано, представляет лишь его разновидность по социальной огласовке (e || a) арб. *wa-fr* 'многочисленный', 'nombreux' применительно к стадам, движимому имуществу, и сюда же примыкает, подкрепляя собой, как еще лишним аргументом, уже вскрытое палеонтологией происхождение этого прилагательного, также прилагательное значение 'общий', 'включающий в себя все', 'применяющийся ко всему',¹ ибо семантический архетип этого слова — 'мир', 'весь коллектив социально-экономического образования', разумеется, с его тотемом, впоследствии — племенное образование, 'народ' и т. п.²

¹ Обычное формально-грамматическое рассматривание слова как существительного, именно формы имени действия, в лучшем случае может относиться лишь к его значению 'обилие' (*abundance*), но при этом значении семантический архетип требуется совершенно иной при сохранении звукового тождества.

² Мы сейчас не углубляем вопроса о разновидностях формальной стороны, фонетического ли они происхождения (по формуле $ew \leftrightarrow iw \leftarrow o \leftrightarrow u$), или элементного (в одном случае ВС — халдск. *bu-g-a*, греч. *mu-g-n-a-s*, в другом ВВ — *be-wr \leftrightarrow bi-wr* || *bae-war-e*), равно как не уточняем в том и другом случае тотемической принадлежности термина именно определенному социально-экономическому образованию, впоследствии определенному племенному образованию, примерно, при двух-

При выяснившемся ныне подходе к генетическому вопросу о таких высоких числах, как 1000 и 10000, поскольку речь будет идти не о словостроении позднейшего технологического мышления, как, например, у грузин 'тысяча' аԥ-as, буквально 'десять сотен', а об образованиях, имеющих корни в глубине времен тотемической общности, большой интерес представляет, казалось бы, общесемитическое слово для 'тысячи', в арабском звучащее falf^{an} . Действительно, мы имеем его не только в арабском, но и в моавитском, еврейском и в арамейских, не говоря о мертвом архаическом южноарабском и живом эфиопском, притом, можно сказать, почти в тождественном оформлении. Однако, и в кругу этих перечисленных представителей семитической речевой системы («семья») живой эфиопский, или абиссинский, язык его использует в значении не 1000, а 10000. Ясное дело, что в слове мы имеем не специально для выражения того или иного количества сколоченный термин, а использование звукового комплекса, сигнализовавшего 'много', для обозначения того или иного большого числа в порядке функциональной семантики. То же самое приходится признать и у ассирийцев, пользующихся в значении 'тысячи' совершенно другим словом «li'mu» и тем нарушающих цельность общесемитической речи. Но и ассир. li'mu ← li'mu, как и термин остальных семитов в значении 'тысячи' (в эфиопск. 10000), евр. falef , falf -, арб. falf^{an} и т. д., связаны, это находят возможным констатировать и семитологи, со словами этнического порядка, именно евр. falef , falf -'род', 'большая или меньшая часть народа', иногда полностью 'племя' и fom ↔ fom 'народ', 'нация', 'люди'. На этом, вероятно, кончается наш общий путь с семитологами, ибо дальше мы идем, руководимые палеонтологией речи, в частности семантики, в путях тотемической общности и соответственного мышления, почему к значениям этнического порядка 'народ', 'нация' и т. п., которые кое-кто из семитологов и сближает с асс. li'mu ← li'mu, мы присоединяем не указание на арабский глагол lafama , гесп. lafa 'собирать' (поскольку глаголы, как установлено, представляют категорию, так называемую часть речи, позднейших стадий в развитии звуковой речи), а арабск. $\text{la}\text{f}^{\text{an}}$ 'личность', 'индивидуум', ибо, как опять-таки установлено палеонтологией речи, 'человек' ('персона', 'один') и 'люди' ('много', гесп. одно из множественного числа) представляют собою использование одинаково социально-экономического (в корне производственного) образования с его тотемом. И вот с учетом конкретных условий тотемической общности, ее мировоззрения и мышления можно бы представить таблицу семантического родословия семитических слов, возникших в глоттогонических путях на различных ступенях стадияльного развития от одного полисемантического сигнального архетипа и в их наличной совокупности моносемантически уточненных значений со включением числового, так как те же слова старая школа лингвистов распределяет между тремя и более независимыми «трехсогласными корнями», ибо она не увязывала материальной базы и не учитывала производственно и общественно создававшейся идеологической функции

элементарном составе ВВ, собственно удвоении, как груз. mga-va || bre-vel — принадлежность тому коллективу, которому принадлежит название 'тигра' по-персидски be-br , гесп. ba-br и по-грузински $\text{ve+f-}\dot{\text{q}}\text{i}$ → $\text{ve+f-}\dot{\text{q}}$, см. Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus , стр. 399 [см. здесь, стр. 181].

звуковых символов, поскольку это формальное учение руководилось взаимоотношениями самих слов, как отвлеченных самодовлеющих фонетических и морфологических категорий, и физиологически оцениваемым звучанием «устанавливаемых» значений, т. е. вопреки всем законам даже природы, тем более обществу, не бытием определялось мышление, а мышлением — бытие!

И сейчас нам достаточно указать, что арб. ʕalf^{an} (евр. ʕelef , ʕalʕ -) семитологами возводится к трехгласному корню ʕlf ($\swarrow \text{ʕlʕ} \leftarrow \text{ʕlp}$) четырех, предполагается, в корне различных слов и их производных; на самом деле эти слова входят, как дериваты различных ступеней стадийного развития, собственно как соответственно различных эпох функциональные использования одного первично семантического архетипа, в указанную таблицу родословия, распределяясь так от первичного слова-явления — коллектива производственной организации и ее тотема: а) ʕelef , ʕalʕ - 'род', 'большая или меньшая часть народа', первично — 'производственно-социальная группировка', 'племя', и от него дериваты 1) количественно: евр. ʕelef , ʕalʕ - 'много', 'тысяча', арб. ʕalf^{an} (эф. '10 000'); 2) социально: ʕalʕ^{an} 'глава племени', 'один из племени', 'друг', 'доверенный'; арб. ʕālf^{an} , ʕālīf^{an} и ʕīlf^{an} 'друг', 'товарищ', арб. ʕalf^{an} 'мальчик', 'холостяк', но и 'друг', 'товарищ' ['приобщенный к коллективу' → 'одомашненный' →], 'кроткий'; 'бык' (см. б); ʕulāf^{an} 'отношение клиента к патрону'; б) тотем и его дериваты: 1) в топонимике ʕelef , название города в колоне Вениамина; 2) космически ['небо' → 'средство передвижения'] — асс. elīʕi 'корабль', араб. ʕalef id.; 3) анимистически — евр. * ʕelef , ʕalʕ - 'бык', асс. alpu , евр. ʕālīʕ id. (см. а, 2); 4) ['разум'], основа глаголов евр. y-ʕalef 'учил', сир. yalef 'учился'.

Во-вторых, без числительных не обходится ни одно хозяйство, даже первичное с ограниченным счетом и кругом учетных предметов, и в то же время с разнообразием материальных способов удовлетворения этой потребности в первых числах, особенно в единице да двойке. Ясное дело, что мы в арабских числительных имеем основание наблюдать встречу, с одной стороны, образования самых ранних стадий, не исключая первичных, с другой — уже стандартизованных систем исчисления позднейших стадий, также независимо от «рас» и «семей» в путях скрещения, как они, эти системы исчисления, отправляли также международную функцию у смещавшихся халифатом социально-экономических образований. Разрешу себе вульгарное сравнение: как, говорят, «не пахнет» рубль, так международно исключительно ходко число, не страдая никаким вадинальным запахом, ни плесенью традиций, почему, как не раз приходилось утверждать, число достигло первым единства международного выражения в цифрах, в основе арабских, что пока является недостижимым идеалом для письма, даже у нас в социалистически перестраивающейся стране, где в лучших начинаниях перестройки письма получаем уродливое оформление от ржавчины националистических и традиционно бытовавших и бытующих умонастроений.

Первые числа со включением 'половины' в арабском ставят перед нами ряд проблем, разрешение которых, зависящее от более углубленного яфетидологи-

ческого обследования всего подлежащего материала, может получить общее значение не для одного арабского или вообще семитических языков; так, например, что представляет собой начальный согласный («коренной») ʕ в числительном 'один' ʕaħad^{na} , бесследно исчезающий не только в арамейском, resp. сирийском qad (qā-), элемент ли (А или С), и тогда основа окажется трехэлементной, ибо и без него с огласовкой «а», т. е. без всего начального слога остаток -ħad , как и араб. qad двухэлементен (АС), или начальный слог лишь результат реализации трехсогласной семитической системы с использованием первой фонемы досемитической «диффузной» группы sq , по ее спирантизации ($\text{s} \sim \text{h}$, resp. ʕ) в качестве первого коренного (ʕaħa-d , resp. $\text{qā-d} \leftarrow *sqā-đ$). Не имея сейчас условий для изложения всех наших оснований, мы лишь оговариваемся, что первые два согласные ʕħ , resp. ʕq , терминов ʕaħad^{na} , равно ʕaḩar^{na} 'другой', восходят к группе $*ʕħ$, resp. $\text{hh} \sim *sh$, представляющей разложение первично диффузного звука ħ с полногласием, вклинивающим между получившимися самостоятельными «коренными» согласными tu или иную социальную, в данном случае акающую огласовку (ʕaħ- , resp. $*hah \sim *sah$, resp. saħ- и т. п.). Общий интерес представляет вопрос, в какой степени в арабском может быть дослежено палеонтологически то состояние, когда из числительных налицо была лишь группа из трех, с предельным высоким числом 'три', означавшим 'много' и восходившим к названию производственного коллектива, его же тотему? Ибо не подлежит никакому сомнению, что как восприятие предметов начинается от массового, а не единичного (ср. взаимоотношения единственного и множественного чисел), так счет не начинался с одного, сама потребность в счете предполагает наличие множества, следовательно, при предельном высоком числе 'три' сначала должно было быть получено его название ('три' — 'много'), затем выделение из него 'двух' ('пары') и 'одного'. Сейчас они, все три числа, толкуются технологически как 'рука' (1), 'руки' (2) и 1 ('рука') + 2 ('руки'), resp. 2 ('руки') + 1 ('рука') (3), но ведь и в грузинском, где 'три' sa-m ($*sal-m$) разъясняется как 2 (sal) + 1 ($\text{m} \leftarrow \text{me}$) на соответственной позднейшей ступени стадийного развития с технологическим мышлением, отнюдь не отрезан еще путь к тому, чтобы то же слово sam с тем же архетипом было разъяснено на более древней стадии в порядке функционального использования тотема, resp. имени производственного коллектива, разумеется, тогда еще не племенного или хотя бы родового названия. Эти сложные вопросы более глубоких палеонтологических раскопок мы сейчас обходим, и наметку анализа первых чисел, уже по стабилизовавшейся технологической норме их стройки от 'руки', начинаем со ставящего в тупик термина naḩ^{na} 'половина'. В тупик ставит то, что 'половина' восходит к 'двум' ('вторая часть'), resp. к 'руке', но в подлежащей среде ни для 'двух', ни для 'рук' мы не находим как будто созвучного материала. Однако это лишь кажется, ибо глагол с тем же трехсогласным корнем naḩa в значении 'коснуться', 'достигнуть', 'ударить по середине' не является производным от 'половины', а от имени, лежащего в основе действия 'ударить', 'достигнуть', 'коснуться', а таким именем является 'рука', как в русском такова же причина встречи слов «раз» 'однажды', '-жды', и «разить» 'бить', «сман-

тически восходящих одинаково к 'руке'; это же толкование поддерживается разновидностью того же корня *ḡḡb* в слове арб. *ḡḡāb* 'рукоять ножа' (евр. *ḡḡāb* 'рукоять меча'), также восходящей к 'руке' и т. п. Более того, в этом «трехгласном корне» имеем пережиток двухэлементного (DB) скрещения — *ḡḡ-f*, гесп. *ḡḡ-b*, и т. д., причем за каждым из входящих в его состав элементов, даже в наличном усеченном виде, устанавливается палеонтологически значение 'руки' (→ '1'), гесп. 'рук' (→ '2'), более того, всего первичного семантического лучка: 'рука + женщина + вода'. Так: а) элемент D — 1) 'рука': *ḡḡaḡa* 'он продал [← 'дал'] что-либо в кредит'; 2) 'женщина': *ḡḡ-*, основа мн. ч. арб. *ḡḡ-ūna* (сир. *пеше*, евр. *ḡḡš-ūm*); 3) 'вода': *ḡḡ^h* 'текучая вода', 'вода, выступающая как пот на поверхности почвы', 'земля, откуда вода выходит на поверхность'. Особый для нас интерес представляет разновидность элемента D с 1 в м. п в глаголе со скрещенной основой (DB) *la+ḡaḡ* 'касаться', 'щупать рукой', происходящем также от слова 'рука', причем *la* из формулы *lah* ← *ḡoḡ* ↔ *ḡiḡ* (→ *las* || *ḡoḡ* ↔ *ḡiḡ*), спирантизованный, следовательно, двойник *las*, в значении 'руки' (→ 'два'), и можем ли мы подойти к этому технологическому анализу 'трех', какой установлен не на одном грузинском эквиваленте (*saḡ* 'три'¹), но семитические языки составность 'трех' арб. *ḡālaḡ^h* || евр. *ḡāloḡš* вскрывают, как мне кажется, не как 2+1, а как 1 (*ḡa-* || *ḡa-*) + 2 (*-lāḡ* || *-lōḡ*); б) элемент B, даже в усеченном виде: 1) арб. *bi* в значении 'при посредстве', 'с помощью' и т. п.; 2) *fa-* '*один' в составе арб. *fa+ka-t* 'только';² этот элемент представлен полностью у арабов в виде *faḡ*, гесп. *maḡ*, из коих *faḡ-* налицо в составной двухэлементной основе *faḡ-d^h* 'единственный', 'один только' (|| груз. *maḡ-to*, диал. *maḡ-tve* 'один только', 'только'),³ а в виде *maḡ* одноэлементно со значениями числительного 'раз' (→ 'жды') *maḡ-aḡ^h*, *ḡiḡāḡ^h* *id.*, восходящего к 'руке', равно '*воды', откуда глагол *maḡa* 'он протек', 'прошел', и двухэлементно (BC) в значении 'женщины' *maḡ+ḡ-aḡ^h* (уменьш. *ḡiḡaḡaḡ-aḡ^h*), *ḡi-mḡaḡ-aḡ^h*, и когда усеченный вид этой последней основы (*m+ḡ*) также выявляет значение и 'воды' — *māḡ^h* (мн. *ḡuāḡ^h*, также *ḡamwāḡ^h*, *ḡa-m+wa-aḡ^h*) и '*руки', ибо это значение лежит в основе глагола *maḡaḡ* 'протянул', т. е., казалось бы, с 'рукой' и связано не только '1', но и 'много', '10', в этом смысле и '100' арб. *mīḡ-aḡ^h*, но в значении 'много' мы не можем отказаться от его семантического архетипа, именно названия производственно-социальной группировки (племенного названия), гесп. тотема в космическом восприятии ('дети неба', гесп. 'дети солнца'), и тогда из присущих доныне этому слову нарицательных значений мы должны выбрать 'воду' в силу семантической формулы 'небо' → 'небо'¹ → 'солнце', гесп. 'небо'³ → 'море' ('река', 'вода'), что, впрочем, отображается уже в скрещенных образова-

¹ См. выше, стр. 240 и Н. Я. Марр, О числительных, стр. 65, 90 [ИР, т. III, стр. 286, 302].

² При значении 'внутри' *bi* иного происхождения, равно *fa-* — лишь весьма окольным путем связано, можно сказать случайно созвучно, с *fa* 'и'.

³ Ср. Н. Я. Марр, О числительных, стр. 89 [ИР, т. III, стр. 301]; его же, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 406 [см. здесь, стр. 186].

ниях, у арабов наличных в следующих словах: *se-maʕ^{un}* ‘небо’, *še-ms^{un}* ‘солнце’ ~ *ya-w-m^{un}* ‘день’¹ и *ya-ṣ^{un}* ‘море’.²

Сложнее состав наиболее обычного у семитов термина ‘один’, араб. *ʕahād^{un}*, евр. *ʕeḳad*, гесп. *ʕaḳad*. Арабский же эквивалент *waḥād^{un}* ‘единственный, ‘один’, *wāḥid^{un}* вовсе не отождествим формально с *ʕahād^{un}*, которого *ʕa-*, как было разъяснено, фонетического происхождения, тогда как *wa-*, гесп. *wā-*, — пережиток элемента В (*waḡ*, гесп. *faḡ* || *maḡ* см. выше, стр. 241), двойник, следовательно, *fa-* ‘один’ (см. выше, стр. 241). Возникший же фонетически арб. *ʕa-ḥād* (|| евр. *ʕeḳad*) ‘один’, несомненно, означал и ‘руку’, ибо это значение присуще по палеонтологии речи его двойнику *ʕahād* (|| евр. *ʕaḳaz*), основе глагола *ʕahāda* ‘он взял’ || *ʕaḳaza* ‘он схватил’. Но и без фонетически выделившегося *ḥa-*, как и без элемента *wa-*, гесп. *wā*, остаток представляет двухэлементное скрещение (AC) *-ḥa-d* || *-ḳa-d*, араб. *ḳa-d* ‘один’, арб. *ḳa-t* (см. выше *fa-ḳa-t*) ‘один’, равно их разновидности — асс. [h]-*šten* ‘один’ и *ʕa-ṣeḳe-*, пережившее у евреев с тем же значением в числительном ‘11’,³ и стоит только восстановить полностью каждый элемент арабского числительного *ḥa-d*, именно **ḥaḡ-din*, чтобы в нем найти звуковой комплекс, тождественный с космическим тотемом и названием халдов. Но пока считаем почву неподготовленной, чтобы в яфетидологическом анализе арабских числительных спускаться при каждом случае в глубины тотемического языко-творчества.

И без того, в связи со всем сказанным, числительные требуют особенно тонкой и сложной трактовки, несмотря на присущую им теперь простоту, бесспорную четкость и первично межпроизводственно-групповую, затем некогда межродо-племенную, ныне межнациональную и международную полезность своим стандартизовавшимся и идущим к дальнейшей стандартизации единообразиям, собственно ввиду такого именно в них достижения человечества. И раз ставится генетическая проблема о числительных, то, естественно, нельзя ничего добиться, оставаясь в пределах не только арабского, но хотя бы всех семитических языков. Арабские названия чисел — плод творчества не арабов, конечно, не семитов вообще, не каких-либо праарабских или прасемитических массивов-предков, а коллективов совершенно иного порядка. Числа относятся своим происхождением, и те, что в арабском и бесспорно арабские, к такой архаике, когда не было не только арабского или каких-либо иных семитических, прометеидских («индоевропейских»), турецких, урфинских и т. д. языков, но когда не было еще на свеге ни одной формации социального строя многомассового состава на соответственно обширном пространстве населяемой человечеством площади, а с нею не было ни надобности в языке широкого общего массового потребления, ни возможностей творчества по созиданию такой речи. Наличные тех эпох

¹ Сейчас не останавливаемся ни на произношении *zamaʕ^{un}*, *šamaʕ^{un}*, ни на разъяснении внутренней группы гласного со слабым согласным или как разложения гласного «о» (ср. евр. *uoh* ↔ араб. *uḥm*) или как пережитка удвоения (*ya-w+ṣ*, ср. сир. *ʕuma-mā*, асс. *1-m+ṣu*).

² Кстати, другое же значение этого слова ‘дикий голубь’ относится к этому слову, как означавшему ‘небо’, а не ‘море’.

³ Под вопросом остаются асс. *edu* и древнеав. *wēdu*, двухэлементные ли в них образования с архетипом **he-du* и *wēdu*, или трехэлементные с архетипами **he-h+du* и *wē-h+du*.

производственно-социальные группировки с их звуковой речью являлись сосудом общественного мышления иной природы, правильнее — иного строя и порядка, да и в этих сосудах, всегда минимального объема, процесс мышления, неразрывный с процессом производства и руководства им, составлял достояние не всей массы. Когда мы теперь, думаю, начинаем понимать, что звуковая речь получилась путем диалектического расхождения с господствовавшей дотоле ручной речью, собственно ее порождение обусловлено было длительным процессом борьбы производственно-социальной группировки, обладавшей новой техникой, с производственно-социальной группировкой старой техники, когда, следовательно, было такое время, когда и по возникновении звуковой речи многие массовые коллективы вовсе и не говорили звуковой речью, когда мы понимаем, что раньше звуковой речи вовсе не было, а пользовались линейной, или ручной, речью, а при этой линейной речи, поскольку не только говорили, но и «думали» «рукой», мысль была неразрывна со словом, последнее же с производством, и это перешло, как наследие, и в звуковую речь на первых этапах ее сложения и развития, то совершенно естественно, что мышление также не было и не могло быть достоянием всех масс, как не был общим достоянием язык. И эта разность среды, где возникала и развивалась речь как линейная, или ручная, так звуковая, в зависимости от ее количественного объема и территориального охвата, соответственного производства с его каждый раз особой функцией и техникой воздействия, органически сказывалась на непримиримых расхождениях и в восприятии предметов, и в самой технике такого восприятия, отсюда и необходимость совершенно иного осмысления лексического материала, в том числе и счета, был ли он линейный или уже звуковой на первых этапах звуковых сигнализаций.

Творчество изначальных эпох происходило при мировоззрении человеческого коллектива, находившегося полностью во власти природы, и, казались бы, мышление, следовательно, и речевая культура могли слагаться в зависимости от производства, протекавшего во все моменты его процесса в общении с природой, ее непосредственно используемыми силами, и как материал, и как орудие, и как отводимое для производства место и равным образом время. Возникавшие в условиях такого непосредственного воздействия природы представления не могли не отражать опытно приобретенных знаний, но при отсутствии данных для проникновения в причинность явлений на помощь приходило умение «общения» с этой неизвестной силой, собственно воздействия на нее движением, и это производственное действие и есть магия.

Касательно магической силы чисел фактического материала сколько угодно. Есть по вопросу свод, делавшийся и таким этнологом-теоретиком, как Леви-Брюль (Lévy-Bruhl), и таким исследователем специально систем счета у «природных» народов, как Феттвейс (автор работы «Das Rechnen der Naturvölker»).¹

У последнего читаем: «Американский профессор Мак Джи писал: «Как химия возникла из алхимии и астрономия из астрологии, так возникла математика из Алмакабаль».² Действительно, мистика чисел широко распространена у народов

¹ Leipzig — Berlin, Teubner, 1927.

² Mac Gee, Primitive Numbers, Ann. Rep. Amer. Bureau Ethn., 1900, Washington, т. 19, стр. 826.

культурных и [это не наше, яфетидологов, выражение] 'природных' [Naturvölker]. Выявлением мистики числа '2' в Австралии, по [наблюдениям] Мак Джи, должно быть деление многих племен на два главных деления, или Фратрии. Каждая Фратрия распадается в свою очередь на два, четыре или восемь брачных класса».¹

«Арунта (Die Arunta) центральной Австралии, по Мак Джи, верят, что тень души (Seelenschatten), сопровождающая каждого человека, присутствует двукратно.² Когда среди негров йоруба (Yorubaneger) кто-либо дает три вещи, то это значит то же, что если бы кто сказал: «я ненавижу тебя».³ В восточной и центральной Суматре 'три' тоже означает неприязнь, как несчастное число.⁴ Когда сакал отправляют посольство соседнему племени, то заворачивают щепотку табаку (etwas Tabak) в древесный лист и обвязывают его ремешком из лубка (Bastschnur). Если у шнура три узла, то это значит отказ от дружбы.⁵ У моссиев (Mossi) в Судане число 3 посвящено мужчинам, 4 женщинам, 3 играет роль при трауре по члену племени мужчине, 4 — по члену племени женщине. По данным Расмусена (Rasmussen) у известных эскимосских племен северной Аляски также родственники (die Angehörigen) соблюдают траур три дня при смерти мужчины, четыре дня — при смерти женщины. Число 4 выступает почти у всех «природных народов» (Naturvölker). Прославленная, часто воспроизводимая в рисунке пляска буйволов мандианских индейцев исполнялась четыре раза в первый день охоты, во второй день охоты двукратно четыре раза, двукратно в направлении каждой из четырех стран света, соответственно на третий день охоты троекратно четыре раза и на четвертый день охоты четырежды четыре раза».⁶

В заключении сообщения о пляске бизонов Феттвейс значение числа 4 производит («должно происходить», пишет он) «от констатирования четырех стран света». И непосредственно за этим перед переходом к трактовке чисел выше четырех, он замечает: «Придача стоянки (des Standpunkts) самой личности к четырем странам света привела, вероятно, к мистическому числу 'пять', так же как прибавка выше и ниже (von oben und unten) привела к мистическим числам '6' и '7'».⁷

Леви-Брюль, на которого при этом ссылается Феттвейс, сам отсылает к Кэтлин (Catlin, The North American Indians, I, стр. 185—186), откуда он заимствует, предваряя им сообщение о пляске буйволов, собственно бизонов, рассказ о почитании мехов, или бурдюков, с водой у мандианов: «у них на полке хижины имелось еще четыре предмета, весьма важных и очень почитаемых. Это были меха, или бурдюки, вмещавшие каждый от 3 до 4 галонов воды [галон = 4,5 л]... предметы суеверного благоговения, сделанные с затратой большого труда и

1 Buschan, Illustrierte Völkerkunde, I, стр. 9—10.

2 Mac Gee, стр. 838, по цит. книге Fettweis'a, стр. 1.

3 Dennett, How the Yoruba count, J Afr., 1916/17, 1917/18, стр. 243.

4 Moszkowski, Die Völkerschaften von Ost- und Zentralsumatra, ZfE, т. 40, 1908.

5 Moszkowski, ук. соч., стр. 654.

6 Lévy-Bruhl, Fonctions mentales, стр. 243.

7 Mac Gee, III, стр. 656, по Fettweis'у, ук. соч., стр. 1—2.

с большим искусством... шитые в виде большой черепахи, покоящейся на спине, с пучком (touffe) орлиных перьев вроде хвоста... Эти четыре меха для воды казались очень древними. На мой расспрос человек лекарского звания (l'homme-médecin) ответил важно, что эти четыре бурдюка содержат воду, происходящую с четырех стран света и что эта вода находится там с тех пор, как воды установились (s'étaient fixées); разъяснение, которое Кэтлин признает крайне комичным».

Далее продолжая свод сообщений путешественников о магическом значении чисел свыше четырех у «природных» народов, Феттвейс пишет: «Алфурь западной половины острова Серам'a группы Молукков (Molukken-Inseln), распадается на части Patalima, и Patasiwa. Lima значит '5', а siwa — '9'. У первых 5 является священным числом, как у последних 9».¹

Феттвейс прослеживает весь ряд числительных до 12, и нет ни одного из них, с которым в быту отсталых племен Австралии, Америки и Африки не была бы связана магическая сила. Феттвейс пишет, что «мистические числа в большинстве случаев не идут выше 12».²

Однако излюбленная повторяемость '17' у мариев (черемисов), 'сорока' у русских и других клонит к мысли о магическом значении и этих, превышающих одну дюжину чисел, как приходится учитывать русские выражения³ «сорок сороков церквей», «продли бог веку на сорок сороков», или в обычае русских в старину «жениха и невесту опаживать сороком черных соболей (великого князя Василия Ивановича и Елену)», а «в награду одаряли из царской казны сороком, полсороком соболей», «дороги твои сорок соболей, а на правду матку и цены нет», «сорок лет — бабий век» и т. п.

Леви-Брюль, посвятивший магизму чисел целую главу «Мистическое могущество чисел»,⁴ отмечает полутно:⁵ «В отсталых обществах ничто или почти ничто не воспринимается так натурально, как то нам представляется. Для их мышления (mentalité) нет физического явления, которое было бы [просто, или] чисто фактом. Все, что воспринимается, в то же время окутывается в комплекс коллективных представлений, в которых преобладают мистические элементы. Равным

¹ Ссылаясь на Тауегн, II, стр. 165, Феттвейс в тексте предупреждает, что «больше об этом ничего неизвестно. Имея в виду определенное нумеративное значение слова leng, и у персов при известных предметах ('штука', 'ряд зерен в четках' и т. п.), нельзя не согласиться с Ю. Н. Марром в постановке вопроса: «не таково ли происхождение двух главных подразделений бахтиарских племен, поскольку они делятся на две группы هفت لنگ hæfθ leng, и چار لنگ çār leng?»). Однако у бахтиаров же в охотничьей речи предельное высокое число 1000, при 1001-м убитом звере охотник подвергается каре».

² Присоединяю справку Ю. Н. Марра из его наблюдений у персов: «Я не знаю специальных исследований в этой области персидского языка и быта, однако не на магическое ли значение числа семи когда-то и в какой-то среде указывают следующие факты: 1) крестьянка Секине, из-под Исфагана, неграмотная, всегда при счете вместо 'восемь шай', что в Персии повсеместно в простонародьи будет до äbbāi uek šau, т. е. 'два четырехшайника (и) один шай' или deš šau yaq šau qām = 10 шай без 1 шай, говорила hæf šā do šā, т. е. 'семь шавей (и) два шая'. Примеры же подчеркнутого использования 'семи' и 'четырёх' в литературных памятниках и в фольклоре общеизвестны».

³ Словарь Даля, изданный под ред. Бодуэна-де-Куртене, в. в.

⁴ Fonctions mentales, стр. 235—257.

⁵ Там же, стр. 236.

образом, не существует имени, которое было бы только [purement et simplement] именем; нет, следовательно, и имени числительного, которое было бы чисто и просто наименованием числа. Отложим в сторону практическое использование чисел, которое примитив делает при счете, например, того, сколько часов работы ему надо или сколько рыб он поймал сегодня. Каждый раз как он себе представляет число как число, он его представляет неизбежно с мистической силой и значением, принадлежащим этому числу и только ему в силу равным образом мистического приобщения. Число и его название по необходимости носители (véhicule) этих приобщений. Каждое число имеет, таким образом, свою индивидуальную физиономию, своего рода мистическую атмосферу, свое поле развертывания силы, ему свойственное. Каждое число, следовательно, представлено, можно бы сказать, прочувствовано, специально через него самого и без сравнения с другими. С этой точки зрения, числа не представляют однородной (homogène) серии, и вследствие этого они совершенно неспособны [быть средством отвлеченных выкладок], не поддаются самым даже простым логическим или математическим действиям. Мистическая индивидуальность каждого из них делает то, что их нельзя ни слагать, ни вычитать, ни умножать, ни делить» и т. д.

Я не продолжаю этих общих суждений, не привожу также примеров многих применений магизма чисел у отсталых, да и не у отсталых народов.

Обращу лишь внимание на два существенные недомогания в изложении Леви-Брюля, да не у него одного. Во-первых, он пользуется термином «мистика» вместо «магия». Термин «мистика» анахронистичен в применении к характерному явлению. Затем Леви-Брюль делает обобщения по фотографируемой действительности, как она есть, точно это изначальное состояние, без палеонтологии, точно дело идет о действительно Naturvolk, природой созданных общественностях, — термин, переживающий в изложении не одного Феттвейса. Конечно, Леви-Брюль ссылается на магизм чисел и у культурных народов, опираясь главным образом на работу Узенера (Usener), посвященную более троичной символике христиан и ее источникам. Между тем, и для трактовки того же порядка явлений в письменных памятниках теперь требуется иной подход, хотя бы древность таких письменно зафиксированных показаний и даже фактов тысячелетиями предшествовала появлению также той письменной литературы, откуда мы берем известные арабские числа. По одним египетским письменным документам можно составить энциклопедию о магизме вообще слова, не только числительных. У меня была в руках работа московского египтолога В. И. Авдиева, это — доклад, читанный более десяти лет тому назад (1919) в Московском лингвистическом кружке и ждущий очереди печатания, под заглавием: «Вера в магическую силу слова и имени в мировоззрении древних египтян». Дело, конечно, не в египтянах, да не в словах, как мы себе представляем их, а в именах-знамениях, из которых нельзя изъять и числительных, также как терминов лишь впоследствии культовых (позднее религиозных, раньше производственных культовых), вначале же тотемически-магических положительных или отрицательных, орудий производства безразлично, эти тотемы из растительного или звериного, одомашненного,

в первую очередь производственно оцениваемого мира, лишь впоследствии анимистического, или космически-стихийного. В таком освещении и могут получить свое генетическое разъяснение совершенно неслучайные встречи не только слов 'опасность' || 'ужас', с одной стороны, в яфетических переживаниях Французской речи с аканием «danger», с оканьем «tonnerre» 'гром' (← *ton-der), герм., англ. «thunder» (← *ðunder), с аканием denniz 'more' (← *dengir) 'more'-'небо', гесп. 'небо' → 'солнце' → 'огонь' (откуда и в усечении основа ðun+d- немецкого глагола an-ðünd-en 'зажигать'), и, с другой — в линии развития называвшегося таким космическим тотемом ('небо' → 'солнце', последнее с наращением элемента С в значении 'дитяти') соответственного коллектива в количественном восприятии ['много' → 'сто', Здесь, таким образом, предельное высокое число не '10 000', не '1000', а '100'. Попутно напомним, какую исключительную роль играет у германцев hundred даже при исчислении свыше тысячи, что свидетельствует о длительности и в недавние эпохи господства 'сотни', как предельного числа. И таков же требуется подход к вопросу о происхождении уже не 'ста', а лишь 'десятка' в арабском, гесп. и в семитических языках. Коллектив производства, впоследствии племенное образование ['род', 'племя' → 'много' = 'сто'] и его тотем [космический или иной культовый предмет, 'лес' → 'счастье', 'блаженство']. И, действительно, мы находим арб. ʕaṣīr-аḏ^{un} 'род' (подраздел племени, 'племя', оно же социально 'ближайшие родственники с отцовской стороны', ʕaṣīr 'друг', 'товарищ', 'муж', 'супруг') → 'много' (арб. kaṣīr, 'обильный', также 'богатый', откуда глагол ʕakṣara, евр. ʕaṣer, ʕaṣr- 'богатство' → 'десять' (арб. ʕaṣar-аḏ^{un}), евр. ʕeser (ʕaser, ʕaser-ед., ʕsar-ōn) и тотемически-культово (опуская позднейшее антропоморфизованное божество Иштари-Аштарты) евр. ʕaṣṣor-ед *'лес' → 'дерево' — арб. ʕiṣar^{un} Asclepias gigantea 'вид дерева' → ʕaṣr+eu 'счастье', 'блажен'.

Само собой понятно, что в языках так наз. «исторических» эпох, именно звуковой речи этнически-родовой, особенно же феодально-земледельческой и тем более цеховой промышленной культуры мы не можем ожидать таких присущих первобытному, гесп. дологическому, мышлению массовых увязок чисел с магиею, собственно с предметами магического воздействия, некогда тотемами. Более того, и тогда, когда пережиточно то или иное число проявляет созвучие с бесспорно культовым предметом, мы склонны отвести как странные случайные совпадения, мало интересующая ассоциациями идей, находящимися вне поля зрения человека с современным мировоззрением, да еще из буржуазного мира, хотя имеющего весьма древние традиции исторического порядка.

Так, известно, что число 'семь' в семитических языках увязывается с глаголом 'клясться'. По-арабски под трехсогласным корнем sbʕ числа 'семь' sabʕ-аḏ^{un} (м. sabʕ^{un}) приводится, казалось бы, лишь формально связанное с ним слово 'семь обходов вокруг Кабы' в двух разновидностях subʕ^{un}, гесп. subuʕ^{un}, означающей также 'седьмую часть', и ʕusbuʕ^{un}, одновременно имеющей иное значение, именно 'неделя'. Едва ли, однако, бесспорно культовый акт, хождение вокруг Кабы, наречен был по названию числа 'семь', ибо обходили, мол, именно *семь* раз.

Не говоря о том, что в роли такого культового термина мы видим не число 'семь', а или слово, означающее 'седьмую часть' или 'неделю', вовсе не всегда имевшую длительность 'семи дней', обманчива сама надежда объяснить название культового обычая магизмом числа 'семь' (чего мы вовсе не оспариваем), ибо такое объяснение приводит к тому, что оставляет нас в полном неведении, отчего же число 'семь' — магическое, гесп. культовое? Другое дело факт, что того же корня глагол, наличный в еврейском со значением 'клясться' в формах *piḥ.* — *pi-šbaʔ* 'он клялся', *hiḥ.* — *hi-šbaʔ* 'он заклинал' и т. п. Палеонтологией речи установлено, что 'клясться' происходит от магического слова, впоследствии ставшего культовым, 'богом'. Что же, этим магическим словом впервые было отвлеченное же слово 'семь'? Конечно, нет. Некоторые думали помочь делу отождествимостью числительного 'семь' с названием дня субботы (*šabāʔ*), однако 'субботу' семитологи толкуют филологически от глагола *šābaʔ* 'прекращать', 'оставлять (работу)', 'покоиться', в зависимости от бытового восприятия, что суббота была 'днем покоя', и мы не имеем основания, как увидим, даже палеонтологически возражать ни против значения 'оставлять (работу)', ни против 'покоя', и можем из грузинского указать параллели использования эквивалентного корня в форме *šowid* (→ *šwid*) и в значении 'покойный', 'спокойный' и в значении 'семи'. Однако, помимо того, что то же семитическое слово в другой семитической же среде соответственно ее оформлению (асс. *šabaṭi*, *šaraṭi*) означало в быту 'покаянный день', по языковым данным за ним устанавливается значение 'отрезка времени' (*Zeitabschnitt*),¹ что поддерживается арабским словом женского рода *šab-ād*^{na} 'погода длительная', 'длительность времени', 'некоторое время'. И вот тут мы подходим к тому, что должно вскрыть идеологию, лежащую в основе и 'клятвы', и 'семи', и 'отрезка времени', и 'субботы'. Это будет то слово, конкретное трудовое и в то же время магическое, впоследствии производственно-культовое, значительно позднее религиозно-культовое, к которому восходит, как к семантическому архетипу, такое отвлеченное понятие, как 'время'. Знакомые с печатной литературой могли бы подсказать тот семантический архетип, но следует оговориться, что магическое, гесп. производственное культовое значение сохранялось и за совершенно отвлеченным, казалось бы, словом 'время', как можно видеть по арамейскому, в частности сирийскому выражению *maškan zaḥn-ā* 'ковчег завета', буквально 'палатка времени'. Семитологи, не зная происхождения слова 'время', в частности сирийского слова *zaḥn-ā*, гесп. *zahn-ā*, производят из персидского, тогда как это и в персидском наследие от доисторического для промететдов [«индоевропейцев»] также населения, и толкуют наше выражение рационалистически, исходя из того, что ему соответствует в еврейском 'завет', 'обет' (*mōʔed: ʔhel mōʔed*). В сирийском словаре Пэн Смита (R. Payne Smith) читаем: *valet habitatio, tabernaculum diei constituti, quo convenire solent: exponit tamen Bernstein quasi esset* ܩܘܢܝܬܐ ܕܝܗܘܐ

¹ Hoffmann, ZAW, 3, 121; ср. Lagarde, Übersicht über die im Aramäische übliche Bildung der Nomina, 1889, стр. 113.

habitatio temporanea (значит: обиталище, палатка договоренного (условленного) дня, когда обычно собираются'. Однако Бернштейн (Bernstein) излагает так, точно māshkan-ā d'g'zavṇ-a есть 'временное обиталище').

Уже наличие двоякого толкования слова zavṇ-ā 'время' одним в смысле 'срока', 'условленного дня', другим в смысле 'временности' или 'временного' показывает, что с пониманием его неблагополучно. Не помогла автору словаря, сводящему мнения специалистов, и ссылка на подходящий случай использования того же слова у Ефрема Сирина (II, 277): baṭṭā dazavṇa. 'храм', буквально 'дом времени' с учетом того, что 'время' здесь пережиточно сохраняет значение культового предмета, лексикограф же это выражение переводит так: 'храм на длительное время' (templum ad tempus duraturum), не замечая, что 'храма' здесь нет, а 'дом'; если же переводить 'храм', что и следует делать, то в таком переводе учтено zavṇā, и нечего его отдельно переводить. Происходит это оттого, что специалисты сирийского языка не учитывают местного языческого переживания, в данном случае арамейского, в переводе Библии, ни того, что армянский эквивалент jam также 'час', resp. в грузинском 'время', имеет соответственное значение в этих языках: так jam у армян значит само по себе 'церковь', 'часовня', как место культового или магического предмета jam (jam asel у армян буквально 'говорить jam' и jamis tigrva у грузин буквально 'служить jam', значит 'служить литургию', первично 'совершать поклонение jam'у и т. п.). И если в данном случае лежащее в основе этого слова понятие благодетельное начало магической силы, resp. позднее религиозного культового предмета, 'божество', то оно же могло бы быть использовано в других случаях как злое начало, 'бес' и возводившиеся к нему мировоззрением эпохи предметы, почему по-грузински это же слово значит 'чума'.

Но какой это семантический архетип, с которым заодно с 'временем' и 'клятвой' органически связано числительное имя, в данном случае 'семь'?

Нам уже приходилось указывать в печати, что строгая система, безукоризненно проведенная по всем числам с производством от 'руки', следовательно, по механическому восприятию мира, не свидетельствует об архаичности, еще менее о первичности системы счета, хотя бы она выступала с наглядностью материального мира в языках яфетической системы, в числе их в таком, как грузинский, где, например, не только 'три' и 'четыре' анализируются как составные $3 = 2 + 1$ (sa-m), $4 = 2 + 2$ (o-ḡq ← n'v'ogḡqal, откуда по усечении исходного слога fog+ḡq, основа глагола 1-fog+ḡq-a 'он ползал', буквально 'он двигался на четвереньках'), да и 'шесть', 'семь', 'восемь' и 'девять' также по сложению — $6 = 1 + 5$, $7 = 2 + 5$, $8 = 3 + 5$, resp. в обратном порядке, как то иллюстрируется римскими цифрами VI, VII, VIII или по вычитанию — $9 = 10 - 1$, $8 = 10 - 2$, но ведь и узловые цифры 1, 2, 5, 10 совершенно ясно истолковываются как отвлеченные восприятия все той же 'руки', или 'одной' (1), или 'пары', resp. 'двух' (2), или 'кулака с пятерней' (5) и его удвоения — 'десяти' ($10 = 5 + 5$).

В то же время, когда бск. amag 'десять' в армянском, имеющем с этим европейским яфетическим языком разительные встречи древнейшей ступени

стадиального развития,¹ находит свой двойник, означающий 'счет', 'число' — *ḥamaq* (откуда глагол *ḥamaq-el* не только 'считать', но и 'почитать'), или это вовсе не принимается во внимание, или воспринимается как естественное явление, ибо 'десять' ведь число, следовательно, отчего не происходить слову 'счет' от него, если вообще кто «верит» в возможность действительно генетического разъяснения чисел, а 'считать' и 'почитать' ведь это чисто формальное дело замены одного предлога («с-») другим («по-»), а то и просто переносное, гесп. фигуральное использование в смысле 'почета', 'уважения', реального значения одного и того же слова: по-армянски *ḥamaq-el* значит без всякого изменения и 'читать' и 'почитать', 'уважать' (*ḥamaq-iməp* 'почет'), тем более тут не возникало никаких сомнений в первичности значения 'счет', 'число', что в персидском имеется его двойник *šamaq* 'число', значит и происхождение установлено. Дальше этого исследовательский взор лингвиста-формалиста не в силах что-либо заметить, ибо равнодушное отношение к идеологии, держание ее на задворках рабочей лаборатории как будто языковедных изысканий как непроницаемая завеса заслоняет канувшую в Лету былую действительность.

В свое время мы, не располагая подлинной палеонтологией речи и ее техникой, были равным образом беспомощны, когда золотые россыпи переживаний в яфетических языках нас заставляли отмечать не подлежащие никакому сомнению факты без понимания их сущности и значения, без увязки с системой счета в целом. Так, например, 'число' арм. *ճիւ* из *ճօւ* (род. *ճօւօւ*) и грузинское *Ճի-е* 'месяц'.

Последнее слово, грузинское, пережиток древнелит. *Ճի-е*, что по нормам грузинской фонетики представляет случай продвижения к началу согласных, восходя к архетипу **Ճի-ճե*, эквиваленту м., ч. *Ճи-ճа*, что значит не только 'месяц', 'отрезок времени', но и 'месяц-луну'; *Ճи*, гесп. *tu*, с префиксом *1-* — *1-tu* имеется еще в шумерском в значении 'луны' и 'месяца'. Груз. *Ճիւ* → *Ճիւ*, как и м., ч. *Ճи-ճа* двухэлементное (АС) образование, а арм. *ճի-ւ* ~ *ճօ-ւ* 'число', некогда также означавшее 'светило', так в частности 'месяц-луну', также составное, но из элементов АВ, притом усеченное, полный его вид *ճօ-ւալ*, что у грузин значит 'глаз', а это — микрокосмическое использование светила, смотря по среде, точнее — по ступени стадиального развития, в частности или 'луна', или 'солнце', в данной среде 'луна' и вот почему:

1) грузинский глагол, производный от него, *ճիւ-ա* значит 'считать', аор. 1 л. *չ-ճիւալ-ե* 'я считал';

2) то же *ճօ-ւալ*, означавшее в свое время прежде всего 'луну' и потом 'глаз', сохранилось со значением 'луна', но во избежание так наз. «двусмыслицы», наследия полисемантизма, в разновидности *ճօ+ւար-ե* (обычно с префиксом *m-*, особенно в народном языке: *m-ճիւար-ե*).

Наличное в шумерском *1-tu* 'луна', 'месяц', своей основой *tu* воспроизводящее первую часть груз. *Ճիւ* (← *Ճի-ճե*) || м., ч. *Ճи-ճа*, именно *Ճи*, усеченный вид *Ճиг*,

¹ О финских разновидностях именно баскского *ḥamaq* 'десять' с окающей (*kumen*) и экающей (*kespen*) огласовкой можно осведомиться в моей заметке «Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка», ДАН, 1927, стр. 143—147 [ИР, т. V, стр. 380—384].

имеет двойник спирантной группы в разновидностях всего трехступенного ряда $ku^r r^1 \rightarrow \dot{g}u^r r^1 \rightarrow \dot{q}u^r r^1$. Сейчас остановлюсь на первой и последней разновидности этого ряда, из коих первая, с утратой Фрикативности — ku^r , сохранившаяся со значением ‘глаза’ в составе груз. нар. $ku^r-\dot{q}al$ ‘слеза’, буквально ‘глаза вода’, должна была, следовательно, означать и ‘светило’, в частности ‘луну’, и вот то же ku^r , но с утратой плавного исхода, однако, с возмещением долготой предшествующего гласного, именно $k\ddot{u}$ («ку») и имеем у финнов-суоми в значении и ‘луны’, и ‘месяца’.

Что касается последней разновидности того же ряда, она налична в числительных со значением ‘пять’ у абхазов в виде $\dot{q}u$ ($\searrow \dot{q}\ddot{u}$) без какого-либо осложнения, а у грузин с пережитком так называемого нумеративного слова $\dot{q}u\dot{\theta}$ ‘пять’. Однако такой анализ с признанием пережитка нумеративного слова в $\dot{\theta}$ правилен для позднейшей ступени стадияльного развития, при механическом или технологическом восприятии числа как отвлеченного понятия, символизуемого ‘рукой’, герср. ‘кулаком с пятерней’, а при космическом восприятии грузинское $\dot{q}u-\dot{\theta}$, усеченный вид составного из двух элементов (АС) слова $*\dot{q}u-\dot{\theta}a$, спирантного по первой части двойника м., ч. $\dot{\theta}u-\dot{\theta}a$ ‘месяц’, ‘луна’, а при элементе В во второй части того же составного образования — $\dot{q}u-ms \parallel \dot{q}a-ms$, из коих первая разновидность используется в значении дроби ‘одной пятой’, тогда как это образование с узкой губной огласовкой $\dot{q}u-ms$ первоначально означало ‘пять’, как и арабское $\dot{q}a-ms$ с аканием первой части. Вторая часть, элемент В, здесь представлена группой ms в обычном виде с перебоем плавного в сибилант $s \parallel \dot{\theta}$ (евр. $\dot{q}a-\dot{m}e\dot{\theta}$, ж. р. $\dot{q}a-\dot{m}\dot{\theta}-\dot{a}^h$), причем первичный плавный держится в асс. $\dot{q}a-\dot{m}\dot{\theta}-\dot{\theta}i$ ‘пять’. И вот сибилантная разновидность этого слова вскрывает космическое значение, присущее этому числительному, именно арб. $\dot{\theta}a-ms \parallel \dot{\theta}e-ms$ ‘солнце’, евр. $\dot{\theta}e\dot{m}e\dot{\theta}$, слову некогда женского рода, как то видно из его множественного числа $\dot{\theta}i-\dot{m}\dot{\theta}-\dot{\theta}a\dot{u}-k$, где $-k$ — местоименный суффикс второго лица.

Теперь будет легче указать, какой семантический архетип надо иметь в виду для семитического числа ‘семь’ — арб. $sa-b\dot{e}-a\dot{\theta}^{un}$ (в сочетании с именами мужского рода) ‘семь’ ($sa+b\dot{e}^{un}$ в сочетании с именами женского рода), эквивалент которого еврейский $\dot{\theta}e+ba\dot{e}$, женский род $\dot{\theta}i+b\dot{e}-\dot{a}^h$ и т. д. означает ‘семь’. Другие сродные слова того же корня в семитических языках, в составе тех же согласных или их закономерных разновидностей означают ‘клятву’ (евр. $\dot{\theta}b\dot{u}\dot{e}\dot{a}^h$), ‘клясться’, ‘заклинать’ ($\dot{\theta}b\dot{e}$: евр. $\dot{\theta}i-\dot{\theta}ba\dot{e}$) и всю ‘неделю’ (арб. $sub\dot{u}\dot{e}$, евр. $\dot{\theta}ab\dot{u}\dot{e}\dot{a}$) (постольку семитологи правы, придя к формальному заключению: *«indem sieben mit schwören irgendwie zusammenhängt»*), не потому что в ней ‘семь’ (тогда ‘седьмица’) или иное число дней, а потому, что слово, будучи предметом культа, охватывало совокупностью своих проявлений или учитываемой в хозяйстве длительностью определенный отрезок времени, то ‘семь’, а то и ‘пять’ дней. Потому же, а не потому, что это было числительное ‘семь’, то же слово ‘неделя’, означая собственно ‘магический’ предмет, предмет культа, значило пережиточно

¹ Сейчас не место останавливаться на том, что основа без женского оформления $\dot{\theta}b\dot{u}\dot{e}$ представляет скрещенное образование, в архетипе $*\dot{\theta}a-b\dot{u}\dot{e}$, $b\dot{u}\dot{e}$, и вторая часть скрещения — $\dot{\theta}b\dot{u}\dot{e}$ — в грузинском представлена ее закономерным двойником $\dot{q}u\dot{\theta}\sim\dot{q}\dot{\theta}$ ‘клятва’.

у арабов, уже мусульман, культовое 'хождение вокруг Кабы' по бытованию семь раз, хотя взятые для этого значения слова означают не только 'неделю', допустим, о семи днях, но и дробное число $1/7$, оно же означало потому же и 'один праздничный день недели', посвященный магическому, гесп. культовому предмету, 'богу', некогда тотему, а не потому, что это был седьмой или иной день, как не потому, что в этот день отдыхали в одной социальной среде, а в другой — каялись. Этот предмет культа, являя в своем образе наиболее наглядно 'время', особенно действительно осознаваемое в производстве, служил базой надстройки — отвлеченного представления о космическом зримом предмете. Звуковой символ есть по общественной функции знамение, или имя, для первобытного мышления магически отождествляемое с предметом, для нас лишь сигнализация этого предмета, как установлено палеонтологией — 'неба', гесп. 'солнца', или 'луны'. Потому термин означал не только также тот или иной отрезок времени, срок, но в первую голову тотем, в данном случае уже космический предмет культа, 'луну' или 'солнце', гесп. 'небо'; потому же он означал и магическую силу или магическое действие, впоследствии культовое, именно 'богослужение'; в христианстве же тот же термин стал означать 'литургию' (арм., груз.), равно вместо того магического действия — 'храм', как в латинском, где *templum* 'храм' или 'божество', а описательно в приложении к 'дому', 'дом божества', 'палатка магической силы', тоже 'храм' или 'ковчег завета' и т. д.

Ведь то же самое мы теперь можем сказать про слово, у одних народов сохранившее значение 'числа', 'счета', а также 'почета', у других употребительное лишь в значении числительного; дело идет о баскском числительном *hamaq*, 'десять'. Ведь иначе нельзя понять и использования слова 'десять' *amaq* (→ *hamar*, финск. *kymen*) у армян (*hamar*), да и у персов (здесь в разновидности шипящей группы — *šamār*) со значением 'числа', гесп. 'счета', и мы должны были бы восстанавливать в качестве семантического архетипа числа 'десять' — 'солнце' или 'луну', если бы его не было в реальности, ибо один из семитических языков, именно арабский, сохранил его в слове *qamaq* 'луна', гесп. 'месяц', ибо то арабское слово мужского рода, в каком роде на известной ступени стадияльного развития звуковой речи, яфетической, так и полагается 'луне', в противоположность 'солнцу', что женского рода: обратить нужно внимание, что слово 'солнце' в арабском действительно женского рода без женского оформления при так наз. мужском окончании *šamsun*, а в еврейском оно выявляет и формально женский род, как уже было показано, во множественном числе. В связи с этим в отношении арабского заслуживает внимания, что в числительных, как в первую очередь употребительных, оформление женского рода.

В связи же с этим будет понятно, почему 'считать' получает порой значение 'почитания', 'уважения', и, например, в армянском имя действия *hamar-u + šap* при глаголе *hamar-el* 'считать' означает 'почитание', 'уважение' и т. д., ибо в сознании коллектива переживает архаичное значение слова, когда оно означало тотем, гесп. 'бог', космически — конкретно 'луну', гесп. 'солнце', следовательно, и 'небо', почему, между прочим, по 'небу' *qamaq* обычно используется в значе-

нии 'свода', 'арки' в языках различных систем, как то прослежено в моей работе, озаглавленной «*Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc'*».¹

Но вот при намечении смысла 'неба' и для *hamag* разъясняется одно, совершенно иначе непонятное его использование у армян в народной речи, именно со значением послелога, соответствующего русскому предлогу 'для'. Палеонтологией речи, однако, установлено, что 'для', 'в пользу кого-либо', как 'сам', выражается именем, означаящим 'голову',² вот почему у грузин оформленно послелог род. пад. от *ჟი* (м. *du-d-i*) 'голова' *ჟი-ის* значит 'для' или вот почему неформленно пережиток яфетического *rig* (\leftrightarrow *por*), ныне наличного в баскском слове *bir-u* 'голова', эквиваленте чув. *риз* 'голова', у французов в им свойственной транскрипции «*roug*» служит предлогом 'для'. И вот раз *hamag* первично в своем полисемантизме имело значение и 'неба', то при учете трехзначного семантического пучка 'небо + гора + голова' мы поймем легко, почему это же арм. *hamag* употребляется как послелог в значении 'для', особенно, имея теперь в виду, что 'голова' в то же время на известной ступени стадияльного развития сменила слово, социальный термин, сигнализовавший 'принадлежность', 'собственность' и всему коллективу, *gesp.* его тотему и впоследствии 'особе'. Во всяком случае связь 'числа', 'счета', со 'временем', конкретно, следовательно, с 'небом', *gesp.* 'солнцем', или 'луной', не может быть отвергаема.

В составе бск. *hamag* → *a-mag* 'десять' мы имеем те же два элемента *AB*, но лишь в ином расположении, что в мегрельском *mag-a* 'неделя', *mag+a-ше* 'еженедельно', явно такого же происхождения, и напрасно покойный ученик мой И. А. Кяпшидзе старался с моего тогда благословения, цепляясь за варианты *magua*, *maguo*, требующие совершенно особого разъяснения, возводить этот термин к числу *guo* 'восемь', и в *ma-guo*, с префиксом *ma-*, видеть порядковое числительное 'восьмой'. *Mag-a* значит не какой-либо отдельный день, а длительность 'недели', но вопрос лишь в том: 'недели' какой длительности?

Также напрасно сбитый с толку формальной установкой грузино-семитических взаимоотношений, автор настоящих строк двадцать лет тому назад разъяснил *giđqi* 'число', и при тогда наметившейся увязке роднил его со светилом ('луной') лишь путем опоры на фонетические изменения в грузинском слове, тогда как налицо безукоризненное образование составного слова в значении 'дитя' ($-\dot{đ}qi \rightarrow -\dot{đ}q$) неба (*gi-~gi- || ga-*), остановимся ли на *gi-đqi* 'число', или возьмем его двойник с аканием, основу глагола 'считать', 'почитать' — *ga-đq*. Вопрос может тут быть прежде всего лишь о том, надо ли иметь в виду из светил 'луну' (ср. арм. *lus-in*) или 'солнце'? Но далее дело осложняется и тем, что не только данная основа и без придатка $-\dot{đ}qi$ 'дитя' (ср. мегр. *sku-a* 'сын'), именно *ga*, *gesp.* *la || go* ↔ *gi*, сигнализуя 'небо' (ср. русск. «ра-ду+га» 'небесная дуга'), первично использовалась и для обозначения 'солнца', *gesp.* 'луны', но впоследствии по космическим терминам получили наименования и члены тела (микрокосм), в числе их 'рука', имеющая столь существенно важную роль в общей идеологи-

¹ ЯС, II, стр. 137—167 [русский перевод: ИР, т. III, стр. 199—218].

² Н. Я. Марр, О слоях различных типологических эпох в языках протоегидской системы, ИАН, 1927, стр. 333—344 [ИР, т. II, стр. 224—233].

ческой стандартизации числительных (ср. выше, стр. 253 соответственное значение той же основы $gu \leftarrow gu\text{---}gu\text{---}gu\text{---}$).

Пункты, требующие разъяснения в отношении зависимости 'счета' от 'солнца' или 'луны', это, во-первых, то, к какой ступени стадийного развития надо отнести эту связь и с нею навязывающееся решение вопроса о происхождении чисел и, во-вторых, какой отрезок времени, оправдываемый таким закономерным наречием по светилу ('солнцу' или 'луне') или небу, имеется в виду, чтобы реально оправдать значение того или иного числительного, и есть ли среди числительных такого астрально-космического происхождения 'десять'?

Вопрос о длительности недели не мог бы смутить. Неделя, конечно, вчера у нас была в 7—6 дней, а сегодня в 5, однако пятидневная неделя была уже в древности, до семидневной, и в связи с этим длительность в 10 дней не могла не представить также определенного отрезка времени, связанного или в быту с хозяйственными работами, или с восприятием движений космических тел. Конечно, мы могли бы довольствоваться, как мы то делали, тем, что при восприятии чисел, как символизуемых 'рукой', в значении 'десяти' использовано 'пять', гесп. 'кулак с пятью пальцами', 'пятерня' с учетом двух 'рук', как 'рука' значит в той же системе 'один', она же как пара рук — 'два'. 'Десять', наконец, означало в свое время 'много', и как таковое на соответственной ступени развития числительных, когда их не было больше 'пяти', 'пять', означая 'много', могло быть использовано в значении 'десяти'. Но с полисемантизмом 'десяти' надо быть осторожным. 'Десять' действительно означает 'много', как при другом охвате '10 000', у одних народов или в одной социальной среде употребляющееся в этом числовом значении, в другом означает 'много'.

Дело в том, что стадийный подход устанавливает для более древней ступени развития названий чисел, при всей необходимой для счета конкретности, еще пребывание в полосе магического восприятия по связи с космическими явлениями с наречием по ним, и это требует того, что с теми же магическими, гесп. культовыми космическими телами, 'небом', 'солнцем' и т. п., находятся в увязке на соответственной ступени стадийного развития так наз. племенные названия, первично тотемы производственно-социальных группировок, отсюда факт, что названия народов означают 'дети неба', 'солнца', 'солнышка', а раз так, то будет понятно, почему 'десять' оказывается повторяющим слово, означающее племенное название; с представлением о племени, народе, увязывается в целом представление о массе, отсюда совпадение у 'десяти' со словом, означающим 'много', а с восприятием части от целого увязывается с 'человеком', что также часто всплывает в значениях 'десяти' только потому, что число 'десять' также восходит к 'небу', гесп. к 'светилу' — 'луне' или 'солнцу', как племенное название.

Потому св. $\dot{q}wa\text{---}$ 'много', пережиток фонетического архетипа $*\dot{q}o\text{---}wa\text{---}$, формально лишь разновидность бск. $ha\text{---}ma\text{---}$ 'десять', но идеологически имеет свою собственную, независимую связь с 'небом', гесп. с тем или иным его выявлением через название народа (ср. $\dot{q}q\text{---}ma\text{---}$, $komar\text{---}it\text{---}$) в массовом представлении о нем.

Но обсуждение по связи племенных названий тотемного происхождения с составностью нашего числительного особая статья. Наши попутные (см. и выше,

стр. 238 и ниже, стр. 256) замечания по этой части—случайно прихваченные капельки из моря. С составным двухэлементным (АВ) образованием увязываются племенные названия населенной территории во всю ширь мира от финского севера¹ до не только кавказского и месопотамского юга, но до почти экваториальной зоны, южной Аравии с ее Но-теур-і'ами. Однако на таком мировом протяжении с конкретными представлениями различных ступеней стадияльного развития при учете и северных разновидностей звуковой речи получаем фактические опоры для подхода к более точному определению первичного смысла семитического термина евр. шабаѳ 'суббота', как названия, смещенного по функции с возглавления пятидневной недели — пятницы — на возглавление седмицы, т. е. ставимся в необходимость в названии 'субботы', как в арамейском, герс. сирийском, названии 'пятницы', оказавшемся у семитов наследием от народов с языками яфетической системы, видеть разновидность предмета культа на Кавказе тар+та-ѳ (в Свании, в Грузии: тар+таг-ѳ 'язычник', 'служитель этого тотема'), в глубинной Азии — «ша+ман-а». И при этом толковании, ведущем к космическому тотему — 'небу', тем более представляет живой интерес само еврейское слово, что оно хотя и частично, именно во множественном числе, проявляет женское оформление, т. е. дает основание для отнесения термина к словотворчеству эпохи матриархального строя. Но это не все. Соответственно составному названию, некогда наименованию производственного коллектива, и тотему, форме социальной структуры предшествовала более простая форма общности, менее сложная производственная структура, когда производственный коллектив, равно его тотем, именовались одним из двух наличных в разобранном сложном образовании элементов или А (ha'г'), или В (та'г', герс. ш'г'), и при этой общности с функцией обозначения тех же узловых чисел (1, 2, 5, 10, 100) служил соответственный простой элемент; так, элемент В — ш ↔ те ← теу (↙ тег) у армян 'один' вообще, в народной речи в роли неопределенного члена, диалектически тә, у грузин 'один' те в роли неопределенной частицы в местоимениях и т 'один' в составе трех — sa-т, буквально 'два один', у «финнов» также в составе 'трех' — суоми kol-me → эст. kol-m, буквально 'два один', эст. kol-m (эзя с оканием kol-mo \ мар. с нумеративным придатком -t — ku-mә-t, resp. kә-m-t), у эллинов ш- основа 'единицы' с женским оформлением ш-а (μία) 'одна', у турок big 'один', у басков ш (в названии Биаррица М1-аг'ѳ 'два дуба') ↙ bi 'два' (с пережитками в языках прометеидской системы), у удмуртов в шу-s десять в составе 'девяти' — uk-шу-s, буквально — '1.10', т. е. '(без) одного десять' и суоми шис-s 'человек' (= один из коллектива), русск. «мир» 'весь коллектив' и др.; элемент А — аг 'один' у армян в составе народного иг+е-аг 'друг друга', букв. 'один (иг+е) одного (аг)', у чанов — аг (диал.) 'один' и др., у армян har 'десять' в составе har-иг → har-игг, буквально 'десять десять', у сванов а-шиг 'десять', буквально 'пять+пять', у арабов ѳа+шаг-гаѳ 'десять', буквально 'пять+пять', и в то же время, как выше было указано (стр. 247), в нарицательных именах термин или основа ряда терминов социаль-

¹ Н. Я. Марр, Суоми-карельские и сомех-картские языки (Предварительный отчет), ДАН, 1929, стр. 29—33 [ИР, т. V, стр. 389—392].

ного строя, и родового и дородового, производственного, и племенное название *haḡ*, из переднеазиатской хеттской клинописи, архетип основы (*haḡ*) со средних веков выплывающего и в письменности уже христианской Армении названия нации, феодалного сословия и населяемой им страны *haḡ-q*, в которой совпали усеченный вид, с одной стороны, элемента *C* (**haḡno* ← *haḡno*, род. пад. *haḡo-š*, ср. *Taḡo-q*, род. пад. *Taḡo-š*, груз. *Taḡo* → **Tava* → *Ḍava* в *Ḍav+aḡ*, названии племени), с другой стороны — все того же элемента *A* со сращением второй части, элемента *C* (*q* ← *k*, у армян *q* → *k*), в композит с первым *haḡ* (← *haḡ*) — *Haḡ+k*, имя легендарного прародителя армян, собственно название космического тотема 'небо' → 'солнце' ('небесенок'), откуда переживание его полностью в виде *Haḡk* в качестве названия созвездия Ориона, а одного элемента *haḡ*, означавшего при полисемантизме самостоятельно также 'солнце', микрокосмически 'глаз', в основе глагола древнелит. *haḡ-im* 'смотрю', от космического же значения нарицательно без ослабления плавного *haḡ* — термин социальной структуры, впоследствии термин родства — арм. *haḡ* (← *haḡ-i*) 'отец', арм. *aḡ* 'муж' (один из коллектива) и весь коллектив — 'войско', 'народ' (груз. ег 'войско', 'нация').

Потому же не случайна встреча в одном гнезде под трехсогласным корнем *špḡ* таких сближенных нами на своем месте арабских слов, как *šapaḡ-aḡⁿⁿ* 'десять', *šapīḡⁿⁿ* 'род', 'колени', 'племя', словом, первично-производственно-социальный коллектив с соответственным космическим тотемом и каждый из членов коллектива *šapīḡⁿⁿ* 'товарищ', 'приятель', 'родственник', более того, из круга членов коллектива первично с товарищескими по производству и его общему тотему, лишь впоследствии с родственными по происхождению и крови взаимоотношениями возникает и социально зачатый термин 'человек', так в частности груз. *kaḡ/aḡ* 'человек' (греч. *χάσις* 'брат', 'сестра') с утратой же фриктивности 'десять' *aḡ*, оба восходящие, каждый независимо, к общему семантическому архетипу: *kaḡ* 'человек' — к «племенному» названию (касситы, кас-пы, ка-хи и т. д.), к космическому тотему ('небу', 'солнцу'), *aḡ* 'десять' — к тому же «племенному» названию, как обозначению 'массы коллектива' (первично — производственно-социальной группировки), 'множества', 'многого'.

Но если 'человек' по случайности встречается с 'десятью', по случайности ли встречается животное, притом одомашненное, например, 'овца' с 'четырьмя'? Не есть ли такая встреча такая же закономерная реальность, результат определенной хозяйственно-общественной структуры и соответственного мышлений на подлежащей ступени стадияльного развития человечества? И если, допустим, астрально-космическое обоснование и разъяснение чисел в целом, как система, может быть увязана с земледельческим бытом, не следует ли связь числа с названием домашнего животного отнести на счет скотоводческого быта? Мы пока в этом смысле не хотели бы ничего утверждать, мы лишь говорим то, что при нынешней разработке сигнализирует языковой материал. И потому мы воздерживаемся пока и от навязывающейся и сейчас последовательности генетического разъяснения числительных в звуковом их обозначении сначала по связям с космическим мировоззрением, затем с общественным строем и, наконец, с технико-механическим с помощью 'руки' восприятием.

Готское слово *guma* 'муж'¹

(К увязке готов с яфетическими народами Кавказа)

Простой «этимологический» вопрос. Стоит ли его докладывать, да и вообще печатать в «Известиях»? Докладывать полностью — не думаю, а печатать я предлагаю полностью, потому что разъяснение готского слова *guma* влечет за собой большие последствия. Оно затрагивает и вопрос о происхождении названия готов, которое считалось до 1908 г. еще не разъясненным² и остается (это я утверждаю) таковым,³ да и вопрос о месте возникновения, так называемой прародине готов собственно тоже под вопросом.

Однако все еще мало сказать, что так называемое племенное название готов пока не разъяснено. Дело обстоит хуже. В ученом мире старой школы доселе не осознано, что приемами индоевропеистики его никогда и нельзя разъяснить. Достаточно прочесть следующие строки такого компетентного по нашим вопросам судьи, каким не может не быть автор появившейся 30 с лишним лет тому назад диссертации «Разыскания гото-славянских отношений. Готы и их соседи до V века. Первый период. Готы на Висле. С двумя картами. СПб., 1899». Речь о следующих строках германиста Ф. А. Брауна:⁴ «Наш разбор [названия *Bastarnae*, Βαστάρνοι] лишний раз доказывает, как опасно браться за этимологическое объяснение этнических имен оседлых народов. Происхождение их в большинстве случаев лежит далеко за пределами исторической традиции, а при полном отсутствии хронологических данных всякая этимология будет стоять на очень шаткой основе и носить более чем гадательный характер. В подобных случаях мы можем и должны довольствоваться морфологическим разбором. Раз мы доказали, что имя бастарнов по морфологическому строю носит чисто германский характер, то этот результат представляется вполне достаточным для дальнейшего вывода о германстве этого народа, если только мы, как в данном случае, успеем доказать, что этим именем называл себя сам народ».

Трудно себе представить документ, более ярко выдающий *testimonium paupertatis* индоевропеистики устами одного из наиболее тонких ее представителей, к тому же выявляющему себя специально по вопросу о связи готов (да и кельтов) со славянами. Ведь надо учесть и независимость мысли, присущую Ф. А. Брауну, который первый имел смелость попытаться в самом Лейпциге еще в 1920 г. (до появления в печати даже на русском языке работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»⁵) разъяснить, опираясь в технической части на результат общения с нами, кое-что из 30% неразъясненного материала германской звуковой речи средствами кавказ-

¹ Представлено в заседании ОГН 3 IV 1930 [Напечатано в ИАН 1930, стр. 441—465.]

² См. ниже, стр. 273.

³ См. ниже, стр. 275.

⁴ Стр. 115—116.

⁵ МЯЯ, т. XI [ИР, т. I, стр. 79—124].

ских языков яфетической системы.¹ Независимость эта, спешу оговориться, бралась с чаши весов не мистической природы или гениальности, а подошедшей в лице академика А. Н. Веселовского к социологизму научной романо-германской школы, раскрепощенной от той исключительной изолированности, которой страдало и обречено страдать до ее полного изжития славяноведение, не говоря о раньше упокоившемся в смысле творческого начала классицизме, спасти руководящую роль которого не могли и блестящие по результатам раскопки Средиземноморья, наоборот, они доковали ее. Ф. А. Браун, один из редких уже учеников А. Н. Веселовского, академика, революционизовавшего было речевую культуру в части литературоведческих и фольклорных интересов, тогда как лингвистика по увязке с жизнью не пошла теоретически дальше этнографического эмпиризма; ведь факт: ни одного историка материальной культуры, ни одного археолога вне власти формального учения.

И тем не менее, за отсутствием в распоряжении индоевропеиста [метода] для толкования так называемой доисторической топонимики и этнонимики все бремя доказательства германского происхождения бастарнов у Ф. А. Брауна возлагается на то, что это название «по морфологическому строю носит чисто германский характер». Морфология строится без семантики, т. е. оформление определяется без учета того, что оформляется. А какая же гарантия правильности морфологического анализа? Никакой, если не считается таковой опять-таки физиологически лишь воспринимаемое звучание слова без учета его социальной значимости, его смысла.

Печатаясь на страницах академического издания, мы ограничиваем себя, отсекая общественные моменты, отнюдь не чуждые генетическим вопросам о научных школах и направлениях, особенно ярко выступающие в «языковедных теориях».

С трактовкой «чисто научной стороны» неладно: не говоря о совершении «семи смертных грехов» против диалектично-материалистического метода, в частности в языке конкретно против нарушения яфетидологической установки толкования слов, мы не видим и фактической осведомленности хотя бы и по неразличимости этнонимики и топонимики, двух сторон одного яблока, представляющих на начальных ступенях их развития категорию терминов производственно-социальных, какие бы ни нарастали впоследствии их же значения, собственно осмысления, на ступенях стадийного развития более близких к нам и потому с более понятным и привычным нам мышлением и мировоззрением. Намеченный Брауном анализ нам говорит фактически нечто совершенно иное, чем то, что индоевропеист по-своему взвесил и поспешил высказать, не осмотревшись: «что финские будины, — читаем у Ф. А. Брауна, — были некогда непосредственными соседями сарматов, доказывается осетинским языком, имеющим ряд слов, заимствованных из финского. См. Осетинские этюды, III, 32».²

Наличие «финских» в осетинском, собственно овсском, имеет совершенно иное основание. В. Ф. Миллер мало мог (еще менее мог бы теперь) помочь

¹ Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, JS, вып. 1.

² Ф. А. Браун, ук. соч., стр. 87.

Ф. А. Брауну, ибо московский осетиновед доказывал иранизм и индоевропеизм овского языка, хотя и не без оговорок, не в пример следовавшим за ним истым индоевропейцам.

Но разве мы теперь можем ссылаться на осетинский, собственно овский язык, как на мерило прометеидизма («индоевропеизма»), когда он обнажился как скрещенный вид звуковой речи, в которой лишь 35% так называемых прометеидских слов, и то лишь в том случае, если воспринимать как таковые отождествления, сомнительные для самих индоевропейцев?

Не входя, следовательно, по существу в идеологическую критику в частности и изощренной увязки племенного названия *bastarn* с *bastard* 'незаконнорожденный' ← 'рожденный на *седле*' (!!),¹ отмечу лишь фактическое положение с разъяснительным материалом, на который Браун опирался в толковании романского *bastard*, ему казавшегося ключом для истолкования племенного названия *bastarn*, resp. *bastern*. «На самом деле», читаем у Брауна,² «общероманское *bastard* (*bastardo* и т. д.), перешедшее и в германские наречия (нем. *Bastard*, др. сев. *bastardr*), слово кельтского происхождения: ср. ирл. *bais* 'прелюбодеяние' и кимр. *tardd* 'отпрыск', 'потомок' (Kluge, *Etym. Wb.*, s. v.).»

Кимврское ли *tar-dd*, либо бретонское *tar-na* 'потомство', конечно, кельтское, но ведь это «кельтское» слово не есть вовсе создание народов с языками прометеидской («индоевропейской») системы. Это кельтское слово *tar-na*, resp. *tar-dd*, представляет скрещенное допрометеидское («доиндоевропейское») образование из элементов А и С, если не D (-*d̄*, -*na*), причем элемент А *tar-* (-*ar-*), сохранился у басков со значением 'потомство', 'фамилия'. О функции этого суффикса, используемого в роли признака множественности в спирантной разновидности *-ar*, resp. *-ar*, как в нарицательных именах сванского языка, примыкающего к нему народного армянского и др., так в названиях таких племенных, resp. социально-экономических образований, так *Tar-ar*'ы, *Qaz-ar*'ы и др., распространяться тут не приходится.

Для характеристики общего подхода индоевропейцев к этногоническим проблемам не лишнее сослаться разве еще на высказывание Ф. А. Брауна из его «Разысканий в гото-славянских отношениях»³ в области скифо-сарматских отношений. Отмечая, что надо считаться с мнением первоисточника Перипла IV в., строго отличающего сирматов от скифов с одной стороны, от сарматов — с другой, Ф. А. Браун не мог, конечно, учитывать, что показание и авторитета IV в. имеет значение в лучшем случае для исторического отрезка его времени, а не для генезиса используемых терминов, ибо по анализу посредством элементов *swr+ma-t* (*sur+ma-t*) — лишь разновидность *sar+ma-t*, а последнее в спирантной разновидности отложилось в топонимическом термине, названии горы — *Kar+pa-t*, того района, где пребывание сарматов ни одним автором повестей минувших

¹ Для попутно упоминаемого англо-сакс. *baest*, нем., голл., др.-сев. *bast* с первоначальным значением 'мочала', 'веревки', требуется учет разъясненного и сравнительно, и палеонтологически груз. *batar* (→ **bastar*) 'веревка', ср. арб. *watar* 'тетива лука', 'струна музыкального инструмента', евр. *uēder*, 'веревка', 'кават палатки', 'тетива лука'.

² Ук. соч., стр. 114—115.

³ Ук. соч., стр. 86—87.

дней не удостоверено, и при таком трудном положении лишь усиливается потребность в более сложном и тонком исследовательском аппарате, чем тот, которым располагает формальное учение индоевропеистики.

Мы имеем не менее древнее дело и с готами, несмотря на сравнительно позднее появление их, с общепринятым германским обликом, в поле зрения письменной истории.¹ Архаичность представляет и то, что в ряде и семантических и морфологических, даже фонетических, явлений готский находит опору и разъяснение в языках яфетической системы, т. е. системы, присущей более древней стадии звуковой речи, несмотря на яркую полистадиальность некоторых ее представителей, получивших наличное (последнее) реконструктивное оформление под действием глоттогонических факторов более развитой социально-экономической формации.

Существа дела не может затемнять то фонетическое явление, что в готском господствует разложение губного «о» на «aw» («au») и «е» на «au» и т. п., как то наблюдаем в армянском и в других более непочатых выразителях яфетидизма, в армянском в зависимости от эпентезиса, что в целом и частности особенно ярко сказывается в языках такого резко переходного или гибридного типа, как авестийский (зенд) из иранских и бретонский из кельтских. Для характеристики этого явления достаточно сослаться здесь на *bawr* («Baur») 'сын' из *bor* и *araw-stawlus* («arawstaulus»), дат. ед. *aupistawlē* («aipistaulī») из заимствованного *apostolus* 'апостол'. Требуется специальное исследование с их привлечением, притом в сопоставлении с параллельными явлениями из языков яфетической системы, и в сванском, где «о» разлагается на *we*, «и» на *wi* при грузинском раздвоении «о» в *va* (← *wa*) и «и» в *ve* (← *we*) в противоположность «о» → *ew* и «и» → *iw*, как то наблюдаем не только в армянском и в германских наречиях, но и во всей совокупности фонетических норм романских языков, представляющей со включением обычно датируемого XII веком французского соответствия «eu» = *ew* (ныне «ö») латинскому «о» (ударному), наследие афревразийских «доисторических» языков яфетической системы.

Этот же термин «*bawr*» лежит в основе глагола 'рождать', как германского (нем. *ge-bär-en*, гт. «*gabair-en*» = *ga-baur-en*, «*gabaurþs*» = *gabawr-þs* 'рождение', 'род'), так *ba-da* 'родил', в его первой части *ba-* (← *bal*, ср. арб. *wal+a-d* 'родил').

Взаимоотношение а || е у готского с немецким требует установления, повторяет ли оно корреспонденцию шп (а) || сс (е) групп или сс (а) и спир. (е). Вне сомнения стоит то, что в германских языках всплывает то же колебание между *e* ↔ *i* (после гласного или перед ним), resp. *o* ↔ *u* (после гласного или перед ним), какое наблюдаем в яфетических, особенно ярко в переходном их виде — армянском, где предпочтительное тяготение у древнелит. к «о» и «е» против народного «и» и «i».²

¹ Встречи германских языков с яфетическими языками Кавказа в кругу терминов родства далеко не исчерпываются элементом В: то же самое наблюдаем с нем. *Kind*, спирантизованным видом сванского *tkint* 'отрок', груз. 'молодой' (про сыр, кукурузу еще на початке).

² Интересно отметить, как Энгельс, извлечением из неизданного рукописного немецкого сочинения которого «История древних германцев» пользуюсь благодаря любезности Института Маркса и

Архаично то, что 'сын' и 'рожденный' отождествляются так же, как в грузинском *шви* 'сын' ↙ *шоби* 'рожденный', ибо гт. «*hawt*» значит и 'рожденный', и 'сын', однако это не значит, что 'рожденный' есть первичное значение, а 'сын' вторичное. Первично имя (образ) 'дитя' (→ 'сын', 'отрок'), космически 'солнце',¹ вторично 'рождение' + 'рожденный' (имя действия и страдательное причастие сначала не дифференцированы), косм. 'явление' + 'явленное' (солнце) и потому *baur. resp. bor* (← *rog* ↘ *rou*, см. *суоми роу-ка* 'дитя'), первично означали 'дитя' (→ 'сын'), сходя своей социальной огласовкой (шп. группы) *o* ↔ *u* в трехчленный ряд разновидностей *va^Г*, *resp. va^Гr^Г* ↗ *ba^Гr^Г* || *vor* ↗ *bor* || *vel* ↗ *bel* etc.²

Готский вопрос один из основных в истории Восточной Европы. Без его разрешения или хотя бы правильной постановки его решения, думается, этногоническая проблема народов европейского Востока едва ли сдвинется с места, на котором она застряла. Положение с готским вопросом хуже, чем то было и остается с русским. Касательно русских возникло сомнение, правда ли они явились с севера; кое-кто отстаивал и юг, как так называемую «прародину» русов. С русским стихийно привыкли увязывать языки финские, татарский, потому ли что «Русь», «русские» не находились в такой степени хотя бы технической проработки по теоретическим вопросам, чтобы мы располагали процентным исчислением чуждых, по мнению самих индоевропейцев, «индоевропейской семье» морфологических явлений, как существует в отношении германских языков, и в то же время богатство диалектического материала рядом с ограниченностью средств языка древней письменности больше, чем где-либо, лежит втуне такой же темной массой, как, казалось, безнадежно темна была русская масса при старом режиме, и русский материал легче брать и на проработку в свете нового учения об языке. В нем уже сделаны яфетидологические просеки, и трудно себе представить, какой головокружительной архаичности детище, увязывающее русский язык с грузинским и мегрело-чанским, представляет, например, наблюдаемое одним из моих учеников-кавказоведов, Л. Г. Башинджагином, новгородское, костромское слово «су-парень», толкуемое Далем 'мужловатая женщина', 'мужиковатая девка', либо 'курея', лишь с ссылкой на 'гермафродита', тогда как это, собственно, может означать именно 'гермафродит' и построено совершенно

Энгельса, где оно хранится, особое внимание обратил именно на то, что «Bei den Vokalen fällt zuerst auf, dass [нидерландск.] in echtfränkischer Weise «a» durch «e» ersetzt wird. . . Ferner steht, abermals mit dem Ripuarischen stimmend, «o» statt «u» vor «m» oder «n» mit folgendem Konsonanten, doch nicht so konsequent, wie Mittelniederländisch und Ripuarisch. Neben konst, gonst kond steht Neuniederländisch kunst, gunst, kund; dagegen stimmen in beiden mond — Mund, hond — Hund, jong — jung, ons — uns [см. Ф. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат, 1935, стр. 30].

¹ Кстати, в слове «отрок» имеем составное образование вроде груз. *вај-шви* 'самец' (мужчина) + дитя, древнелит. *kmartvil* 'самец' (мужчина) + дитя: от 'мужчина' ('муж', 'самец' ← 'отец') и *го-к* 'дитя' (ср. «ре-бен-о-к», космически [*'солнце' ← 'небо'] 'судьба' (ср. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 61) [ИР, т. V, стр. 263]. Впрочем, перед термином «отец» индоевропейцы также теряются из-за незнания общего яфетического источника, то возводя его к кельтскому, то отождествляя его одновременно и с санскритом и с турецким и т. п.

² Мегрельская фамилия *Фага-ва*, абх. фамилии с *-ва* → *-фа*: *Aḡ-ba* 'Анчаба-дзе' (у грузин), *Rateu-ḡa*, груз. *qarḡ-vel* 'грузин', груз. *bel* 'медвежонок' (первично 'детеныш'), ч. *ber-e* ↘ *ber* 'дитя', 'сын', 'мальчик', см. Н. Я. Марр, Грамматика чанского языка, словарь, с. v. и др. Не чужды грузинскому и разновидности с губной огласовкой в составных словах: *mo-zver* 'молодой' [← 'детеныш'] *бык*, *bo-kver* 'детеныш', шведально 'львенок' и др., *ba-* || *bo-* наличен в скрещенном грузинском термине: *ba-viḡ* || *bo-viḡ* ↗ *bo-ḡiḡ* 'ребенок', 'дитя'.

так же, как грузинское народное *qara-biṭa* и того же в точности значения 'женщина (*qar-a*) парень (*biṭa*)', подобно же ему буквально означает 'женщина (*su*) парень (*par-en-e*)',¹ причем и первая часть *su-*, наличная именно в значении 'женщины' → 'самки' в русском же слове «су-ка», и вторая часть, скрещенное слово «парень», находят свое историческое разъяснение, первая в древнелитературном грузинском *a-sul* 'дочь', мегр. *o-sur-i* 'женщина', в сванском с перестановкой элементов *zur-al* 'женщина', усеченно чанск. *sur-a* 'самка',² как усеченный вид слова *sul*, гесп. *sur*, и вторая (← *par+en-e*) в абх. *pa* → *ba* → *fa* (абх. *1-фа* 'сын', *-ba id.* в фамилиях) усеченной разновидности *par* 'дитя', наличной полностью в том же значении и в скрещенном образовании у готов *bar-na* 'дитя' (ср. ч. *ber-e* 'сын', 'дитя') и в составном греч. *παρ-θένος* 'девица', букв. 'дитя женщина',³ т. е. общность между русским и в данном случае не массово грузинским вообще, а сословно грузинским, т. е. речью господ или феодалов, втягивавших в один социальный круг с грузинами, собственно тогда еще иберами, знать мегрелов, чанов, сванов и даже абхазов. Это не помешало, однако, основной части русского «сука», именно усеченной разновидности *su*, в подъеме [→ *zu* ↗] *ḍu*, проникнуть в народную массовую речь грузин в значении 'самки' непосредственно из точно (скажем пока) абхазского, где она, звуча *ḍə*, из трех присутщих по семантическому пучку значений 'рука-женщина-вода' сохранила, как самостоятельное слово, лишь последнее — *a-ḍə* 'вода', а первое значение ('рука') пережиточно, как служебную частицу в разновидности свистящей группы — *ḍə-* в *ḍə-ḡa* 'очень', 'сильно', *-ḍə* в *ḍaḡa-ḍə id.* с усилением (с восхождением к наличному груз. *ḍal* 'рука' → 'сила'). Излишне останавливаться на недоразумении, по которому русское «сука» считается заимствованием из персидского, как и «собака».⁴

¹ Иное понимание данного термина при значении 'гермафродит', на что указывает Даль, палеонтологически абсолютно невозможно. Конечно, легко теперь подходить к бытовому анализу к «супарень» в предположении, что русские сами создавали свой язык и их осознанием родной речи гарантируется и палеонтологическое разъяснение. Раз, по мнению индоевропейцев с их формалистическим праязыком, так называемые индоевропейские (протемеидские) языки в изоляции от языков ранней степени стадийного развития правомочны себя разъяснять палеонтологически, можно и в «су-» усмотреть по примеру «супруга», будто и «сукровицы» (!), 'половину', а в «супарень» в таком случае, следовательно, полупарень', но и при таком чисто «народно-этимологическом» толковании по существу вопроса о восхождении этого русского слова к дорусскому источнику никакого изменения мы не получили бы, ибо «су» 'пол-', 'половина', палеонтологически 'два', представляет числительное использование слова 'рука', входящего вместе с 'женщиной' в состав семантического пучка одного и того же слова: 'рука+женщина+вода'. И кстати, в «су-кровице» «су-» также не означает 'половины' (первично 'руки'), как 'женщины': «су-» в «сукровице», как и «кровь», материально отождествляется с 'жидкостью', 'водой', третьей частью приведенного семантического пучка.

² Н. Я. Марр, Грамматика чанского языка, § 6.

³ Н. Я. Марр, Бретонская гацменовская речь в увязке языков Афревозий, стр. 30 [см. здесь стр. 223].

⁴ И. И. Огненько, Иноземные элементы в русском языке, стр. 28. Кто же не следил мало-мальски внимательно за армяно-грузинской филологией и независимыми от нее достижениями нового учения об языке по яфетической теории и, что еще более серьезно, кто просмотрел вклад вообще востоковедения в постановку изучения классического мира и руководится традициями очаковских дней по исследовательскому подходу к языкам латинскому и греческому, тому легко смешать с проблемой, лишь намечающейся, о готах обсуждаемые детали по прочному в основе факту русско-грузинских, гесп. русско-мегрело-чанских и русско-абхазских схождения генетического порядка, равно русско-баскских и русско-кельтских взаимоотношений и в связи с этим и русско-романских, со включением неизбежно установленной истории не только «собаки» или «суки», но вообще всех основных названий животных и зверей первобытного словаря. По вопросу о «супарень» придется учесть, между

В этой части мы далее не углубляемся, поскольку дело идет не о доказывании в основе ее лежащих положений, ставших азбучными, а об уточнении путей и взаимоотношений бесспорных лингвистических фактов на основе их увязки с материальной базой и их стадияльной изменчивостью.

Касательно же готы и таких вопросов не видим, ни у кого не возникает никаких сомнений, что они изначально германцы, и на этом зиждется полное спокойствие. Готы — германцы и только. Одно время предполагалось даже, что их речь — германский «праязык», но от этого отказались. Прежние исследователи считали готскую речь матерью всех германских языков из-за ее простоты и ее наглядной структуры (*Durchbildung*). «Это была ошибка», пишет автор лучшей по новизне трактовки вводной книги по готскому Фридрих фон дер Лейен (*Dr. Fr. von der Leyen*).¹

Нам едва ли стоит останавливаться на том, как, увлекаемый неотвязчивой идеей о существовании праязыков, Фр. фон дер Лейен представляет готскую речь как «старшую дочь того прагерманского успевшего исчезнуть языка». Важнее отметить свидетельство того же автора, что «готский бросает гораздо больше света на темные обстоятельства, предшествовавшие (*die dunklen Vorgänge*) происхождению других языков, чем те могут бросить на готский язык». ² Равно стоит отметить, как осторожно выражается он же в тексте про первоначальное местонахождение готы,³ поддаваясь в примечании обаянию национального предания, собственно мировоззрения.⁴

прочим, армянские термины того же круга, известные из древнеписьменных памятников, как, например, *hambargi* ~ *hambari* (← **hanbare/i*) 'сирены', равно *uška-rarik*, обычно *ὄνοχέντιρος* и *χέντιρος* 'ослокентавр' и 'кентавр', но порой и 'сирена'. О сем особо.

¹ *Einführung in das Gotische*, München, 1908, стр. 1.

² Ук. соч., стр. 2.

³ Ук. соч., стр. 4: «Прародина (*die Ursitze*) [готского] народа была, может быть, в Скандинавии, но крайней мере это говорит Иордан и ему верят новейшие исследователи».

⁴ Ук. соч., стр. 5, прим. 2: «Сказание о скандинавской прародине (*Urheimat*) готы появляется в предании о восьми германских народах, и отвергать его вет никакого основания. Спуск или причал готы имел место в «*Gothiscandria*», т. е. в Данциге». И готовед-индоевропеист совершенно прав, ибо, поскольку речь идет о готах-германцах, смещение их «прародины» с северных, в частности скандинавских стран ставится в непримиримое противоречие с действительностью. И посему он вовсе не упоминает предания об южном происхождении готы, глядящего в русском переводе проф. В. А. Брима следующая, приводимое нами с вводными строками нашего германиста: «Основным текстом при развертывании этой проблемы [об источниках германских религиозных верований] является предание, записанное в XIII в. исландским историком Снорри Стурлусовом о переселении асов (т. е. германских богов) с юга в Скандинавию. В историческом труде «*Heimskringla*» оно передается следующим образом: «Страну в Азии к востоку от Танаквисля называли страной асов, или родиной асов, и главный город страны назывался Асгард. В этом замке жил начальник по имени Одия... Но так как Одия знал будущее и волшебное искусство, то ему было известно, что его потомки будут в северной части земли. Тогда он посадил своих братьев Ве и Вили над Асгардом, а сам уехал со всеми Диами и большим народом мужчин. Сначала он поехал на запад в Россию, а потом на юг в страну саксов. У него было много сыновей. Он захватил государство далеко в Саксонии и посадил там своих сыновей для защиты стран. Затем он направился на север к морю и поселился на одном острове. Это место называется теперь Оденсе на Фюневе». После Одия захватил еще другие страны и, наконец, он «поселился у озера Мелар на том месте, которое теперь зовется Старая Сигтуна. Он построил там большой храм и ввел кровавые жертвоприношения по обычаю асов. Он овладел всей страной, которую он велел называть Сигтуной. Он дал жилища храмовым священникам. Ньорд жил в Ноатуне, и Фрей в Упсале. Геймдал в Гимвиборге, Тор в Трудванге, Бальдр в Брейдаблике. Им всем он дал хорошие жилища» (В. А. Брим, Восточные и юго-восточные элементы в составе древнегерманской культуры, *ИС*, т. VI, стр. 81—93). По этому поводу В. А. Брим осведомил меня так, с ссылкой на процитованную его статью: «Теория, что готы вышли из южной прагерманской прародины, оставлена уже давно».

Об архаичности готской речи свидетельствует уже то, что установленное палеонтологией речи тождество слов 'истина' и 'солнце' в нем получает иллюстрацию в готских словах «sunno» 'солнце' и «sunja» (чит. sunya) 'истина'.¹

В этом смысле архаичность представляет и само название готов, несомненно, возникшее в родной им «прародительской» среде,² населении какой страны? Место можно искать, когда знаем, что представляет собой сюжет, которому ищем помещение, территорию для его водворения.

И то имело бы значение, если бы дело сводилось лишь к голому факту разъяснения так называемого племенного названия, которое носит тот или иной народ, по северному Каспо-Черноморию, начиная с калмыков на Востоке и кончая обитателями Карпатских гор и Прикарпатья на Западе, хотя бы разъяснение было дано безотносительно к тому, почему подлежащие народы носят это именно название.

Заранее надо владеть суммой уже элементарных знаний по вопросу.

Прежде всего, племенные названия, конечно, суть названия племен, но они также не связаны своим возникновением именно с племенем в целом, как и теперь с унаследовавшим их и по ним хорошо известным народом или национальностью. По происхождению племенные названия также не племенные, как они не национальные. Племенные названия генетически еще менее восходят к названию рода или тем более семьи, вообще физиологически определяемой социальной формации, поскольку так называемое племенное название имеет право почитаться действительно созданием древнего происхождения, что в свою очередь объясняется не тем, что разбираемое название упоминается таким-то писателем феодальной поры или оно известно из такого-то авторитетного памятника письменности или не упоминается ни одним автором и не известно из каких бы то ни было письменных источников. Источники познания, определения и приурочения так называемого племенного названия к тому или иному народу — дописьменная речевая надстройка («культура») в целом, неразрывно связанная с материальной культурой, как с ее базой, при соответственной социальной структуре, и раскрыть этот источник можно лишь с помощью палеонтологии звуковой речи, в каком бы языке ни обреталось ныне данное племенное название и народу какой бы так называемой семьи ни было оно усвоено позднейшей исторической жизнью капиталистического периода.

Если хотя бы это первое положение о племенных названиях было известно в свое время, когда шел спор о национальном названии русских, то был бы сэкономлен громадный труд, потраченный, можно сказать, совершенно зря одними

О ней писал некогда норвежский историк Munch, *Det norske folk hist.*, причем он основывался главным образом на мифологическом предании, записанном в историческом труде „*Heimskringla*“ (см. выше). В настоящее время считается твердо установленным, что готы вышли из средней части Скандинавского полуострова.

¹ Н. Я. Марр, *Родная речь — могучий рычаг культурного подъема*, стр. 41 [ИР, т. V, стр. 418]; его же, *Яфетические зори на украинском хуторе*, стр. 72—73 [ИР, т. V, стр. 270].

² Из этого, конечно, не следует индоевропейское недоразумение с восстановлением готской праформы **gutans* или **gutōs* в предположении, очевидно, что готы сами сочинили себе имя, когда они оформились в германцев. Надо знать лишь фактическую сторону: «*Gut-fruda*» 'готский народ' в готском календаре и древнеисл. *Gotar*, род. *Gotna*. Латинская и греческая транскрипции колеблются.

на созидание доводов в процессе борьбы за то или иное происхождение термина «рус», или «руса», другими на чтение, усвоение и распространение соответственной литературы, предполагавшей разрешить палеонтологическую проблему письменно-сохраненными преданиями и соответственно привлекавшимися по случайной известности изолированными фактами из такого обширного, не знающего никаких национальных перегородок живого и цельного текста, как топонимика, собственно этно-топонимика. В результате же оказалось, что сам русский язык, как он разъясняется ныне палеонтологией речи в слоях и образованиях дославянского периода, всеми ячейками своей структуры, всеми данными своего унаследованного действительно от древности состава вопиет против совершенно наивной мысли будто спорный некогда термин занесен к русским с германского севера или вообще является генетически, а не в широком его исторически известном применении, вкладом каких-то заезжих молодцов, чуждых автсхтонному процессу возникновения и развития русского народа, его хозяйственного уклада, материальной культуры и общественности и, разумеется, на этой базе на месте же сложившейся, герр. оформившейся, речи. Как теперь известно, подлинные термины из основного состава русского языка, термины тотемические, какой бы они специфически ступени стадийного развития (космической, растительной или анимистической) ни были, связаны нерасторжимо с термином «Русь», в архетипе *гоше ↔ *гише, не утратившим доселе присущей ему изначально двусторонней сигнализации, обозначения одновременно и *стоящего* места, и *текущего* времени, т. е. и 'страны', и 'населения'. Эти термины, как выявлено целым рядом работ, наличны или были наличны у русских в составе:

а) и названий первых животных передвижения — 'собаки' — «*лай» (отсюда «лай», «лаять»), 'коня' — «лошадь», 'оленья' — «лось»,

б) и космических терминов — «рай», «радуга», «рок» (сюда же «ропот» от 'неба', 'грома'), «луна», «луч», «ручей», «река» и т. д.,

в) и микрокосмических — «глаз» (← *k-las), «рот» ['утренняя заря'], основа в глаголе (gos, герр. гој-э 'солнце'): 1. «рождать», 2. «расти» и др.,

г) и социальных терминов (в числе их и возрастных, равно терминов родства) — «ра-б» и «го-к» «*дитя» в составном «от-рок» (см. выше, стр. 261, прим. 1), «ре-бенок» (← re+be-no-k), «ре-бята» (reb+e-a+ta),

д) и технических — «рука», «ремесло», «рыть» (ср. «ров»), «рушить»,

е) и надстроечных понятий — «ра-д» (от «*солнца», см. га- 'небо'), «ропот», «речь» и т. д.,

ж) и прилагательных — «румяный», «рыжий» и т. д., не говоря о множестве глаголов.

Особое внимание мы обращаем на отмечавшийся уже социально значимый факт, что элемент D, следовательно, тотемически русский элемент, в разновидности luф наличен в образовании сравнительной степени от прилагательного «хороший». Это источник исключительного расхождения русских, как славян, с германцами, и схождения их, русских же, с армянами, у которых тот же элемент в акающей разновидности (la) наличен в основе древнелитературного

образования сравнительной степени la-w 'лучше', 'лучший' (в народном армянском оно же значит лишь 'хороший').

Из этого, однако, не следует вовсе, что термин «Русь» есть неотъемлемая собственность именно одного русского народа. Наоборот, благодаря ему у русского вскрываются также нерасторжимые для соответственной ступени стадияльного развития социальной формации, до нас дошедшей в позднейшем уже славянском облици, связи не только с германцами (и этого отрицать нельзя, сняв, однако, с германцев несуразно навязывавшийся им в данном вопросе ореол превосходства) и соседящими финнами, но и с народами, ныне, казалось бы, не имеющими ничего общего с русской народностью, например, с абхазами, грузинами, сванами, уже не говоря об армявах, без опроса подлинного паспорта зачатенных в лики или члены «святой» индоевропейской семьи.

Когда, однако, речь заходит о готах, то их племенное название, известное за ними с момента их появления на северном Черноморьи, во-первых, тотемистически связано с ними, готами же, притом вовсе не на германской, а на догерманской почве, это раз, и, во-вторых, тем же племенным названием готы, прежде всего именно черноморские готы, через скифов, двойниками которых они, вскрылись благодаря также палеонтологическому анализу соответственных готских слов, увязаны как с архаическими насельниками Кавказа, известными еще авторам X главы еврейской библейской записи древнейших генеалогических таблиц человечества,¹ позднее особенно хорошо Иезекиилу² и автору Паралипомена, так с более молодыми, средневековыми образованиями, в том числе грузинами, у которых в народной, более древней речи удостоверена общность слова для термина 'бог' с германцами.

Однако и с грузинами, и с готами, даже до выработки общегерманского слоя, мы имеем такую уже сложную ступень социальной формации, что не может быть и речи о признании в ней какой-либо первобытной простой производственно-социальной группировки. Как у грузин удостоверены уже давнишние сплетения скифского социального образования с шумерским, на самой же грузинской почве позднее гугского, или гутского, герм. картского, с иберским, что сказалось в установленной уже встрече и борьбе в склонении одного и того же понятия 'бог' двух тотемных слов противоборствующих уже социальных слоев одного народа, именно скифского термина $\text{g}u\text{d}^{\text{a}}$ ¹ и иберского $\text{g}^{\text{a}}\text{-mer-}\text{d}$ (ср. $\text{t}^{\text{a}}\text{r}^{\text{t}}\text{-mar-}\text{d}$), так у готов в самой этнической номенклатуре и с нею связанных нарицательных именах со скифом встречается кимер, т. е. двойник того же ибера, что на Кавказе, или шумера.

Хотя название 'бога', общее у всех германцев (нем. Gott, англ. God), но все-таки по узкой губной огласовке и средней озвонченности исходного согласного готская разновидность «guf» = gud почти тождественна с основой грузинского народного слова $\text{g}u\text{-da-}$ (род. $\text{g}u\text{d-}\text{is}$) 'бог'. Первично тотемический, тот же термин выступает, как то полагается по палеонтологии звуковой речи, с двумя

¹ Быт., 10, 2 (равно Иезекиил, 38, 2, хотя бы о стране 39, 6, 1, Паралипоменон, 1, 5, см. виже след. прим.).

² Иез., 38, 2, 3, 14, 16, 18; 39, 1, 11, 15.

противоречивыми значениями, позитивным и негативным. Позитивно в прилагательном использовании его мы имеем со значением 'хороший' в готском, как вообще в германских языках, с той же губной огласовкой, но лишь узкой (гт. «gōþs = gōþs, нем. gut, англ. «good»), у грузин же, где оно в древнелитературном сохранилось по сванскому оформлению, с огласовкой «е» — ke-šil (← *ke-šil, при усеченной основе ke-š).

Когда тот общественный слой, первично производственно-социальная группировка, в недрах которой возник тотемическо-магический сначала и лишь впоследствии культовый термин gud (← ġu-ða) ↔ «gott» 'бог', стал подчиненным классовым в составе более сложной социальной формации, народа или нации, прил. gut (→ «good») ↔ gōþs = gō-š-ŕs¹ || ke-š¹il¹ оказалось в роли положительной степени, причем сравнительная, более высокая, степень занята была тотемным термином другого социального слоя, у германцев с элементом В (beš-er, beŕ-er, bes ↔ bis), у грузин, resp. иберов, судя по грузинскому древнелитературному языку, также с элементом В, но на втором месте в составе скрепленного образования — m-dō+b (u-m-dō+b-eys, ср. русск. «добрый», resp. «добрый» от дославянского *dō-b¹er¹, resp. -b¹el¹).

В порядке негативного значения у грузин интересно отметить использование keš в составе названия болезни keš-r 'проказа' (прил. keš-r-o-vaп 'прокаженный').

Уже известно, что скифское тотемное слово одного и того же оформления налицо у кавказцев (грузин, армян) с германцами в таких терминах, как 'стадо', resp. то или иное тотемическое животное, 'имущество', 'деньги' и 'золото'. Таково именно слово груз. kol-t 'стадо', первично тот или иной животный вид — 'лошадь', 'свинья', как его армянская разновидность с падением плавного l в «у» — koyt ↔ kuyt и его озвонченный вид с утратой «у», пережитка плавного (r, resp. l), находим в древнесеверном go-ti 'конь', собственно его должны бы найти прежде всего у готов или скифов (skōt ↔ skuš). И совершенно правильно некоторые, по данной мне В. А. Бримом справке, «сопоставляют готов с (этим) древнесеверным» словом, «причем напоминают о рассказе Иордана (Get. V), что готы были когда-то выкуплены ценой одной лошади (unius saballi praetio, см. R. Much в Reallexikon d. Germ. Altertumskunde herausg. von J. Hoops, II, 306)».

Goti, как название лошади, в роли тотемного термина нас, однако, направляет и на юг, в частности на Кавказ, в круг животных анимистической стадии (ср. груз. got, ниже, стр. 271) и особенно в космический мир, с чем 'лошадь', как известно, увязывается, имея свои отложения в мифах, более того — в самом мифотворчестве с движущимся 'небом', resp. 'небом¹' = 'солнцем' и 'небом³' = 'морем' ('рекой', 'водой'), имеет уже случайную встречу с 'землей', ибо космически 'земля' носила также название 'неба' ('неба²'), на чем основано, как известно, отнюдь уже не случайное совпадение нем. «Himmel» с закономерно покрывавшим его русск. «земля» («земель»), в усечении «зем¹ь¹», у сванов — gш 'земля' (сюда и лат. hu-mi-s 'земля', 'почва'). И с этой палеонтологически

обоснованной установкой семантики конкретно связано в свою очередь, что разнovidность с огласовкой «е» сев.-герм. слова *goti* 'лошадь' у армян сохранилась со значением и 'реки' — *ge-t* (← **ge-tun* ~ **ge-tin*) и 'почвы', 'земли' — *ge-tin*.

В значении же 'земля', 'почвы' мы находим то же слово с губной огласовкой — в основе *gu-θ* ~ *gi-θ* чанского глагола *o-gu+θ-и* 'стоять' (аор. *do-b-gu+θ-1* ~ *do-b-gi+θ-1*).

Ясно, что мы имеем дело с тотемным словотворчеством общности на стадии космического мировоззрения, и как в губной огласовке *guθ* — тотем готов, их так называемое племенное название, так и его двойник *get*, действительно, появляется перед нами в роли племенного названия то с усечением плавного *Getai* 'геты', предшественники готов в понтийских степях (Страб., VI, 3, 17: ἡ τῶν Γεταῶν Ἐρμῖα 'гетская степь'), *twra-getai*, *masa-ge-t'ы*,¹ один из хорошо известных народов того же этнического круга на Кавказе и в увязке с готами, то с сохранением плавного **gel-t* → *kel-t*, т. е. кельты, связь которых с армянами ныне выявлена на взаимоотношениях такого живого кельтского языка, как бретонский, с обоими языками Армении, древнелитературным и народным.

В свое время и на своем месте уже разъяснено, как с губной огласовкой то же слово в полном виде *gol-θan* (✓ *gol-θan*), греч. *kol-θen-ē* служило в Армении наречением производственно-социальной группировки, при Моисее Хоренском являвшейся хранительницей родного армянам языческого эпоса.

Cotini'ы Тацита, которые 'отливают железо' (*Cotini... ferrum effodiant*), у Птолемея стоящие рядом с сидонами, и «часть бастарнов, главной массой живших по ту сторону Карпатских гор»,² нам сейчас интересны лишь как тезки не одних колтенов в Армении, но и соседивших *коθ'ов* и *соθ'ов* у Севанского озера, оставивших след в названии села *Коθ* и в области *Соθ*.

У финнов глухой, у германцев озвонченный виды того же слова с сохранением плавного до нас дошли по обычной общепонятной и индоевропейцам семантической увязке со 'скотом' как ценность 'золото': суом. *kul-ta*, немецк. *gol-d*.³ Вопрос иной, что яфетидология иначе подходит к обоснованию названия 'золота', как металла.

Как известно, сюда же на почве допротейдских («доиндоевропейских») фонетических норм относится не только само русск. «золото», но и с пережитками диффузного звука в виде группы *sk* у русских «скот», по наречению двойник «скифа» (*skiθa*), или «сколота» с утратой плавного, в значении также и 'стада', 'скота' и 'монетной единицы'.⁴

Впрочем, значения 'собрание', 'толпа', 'куча', присущие слову в грузинском и особенно в армянском, прежде всего не в зависимости от того, что тотемически при анимизме оно сигнализировало также тот или иной вид животного,

¹ В данном случае при чтении страниц (особенно 87), относящихся сюда, из статьи моей «Термин „скиф“», ЯС, т. I [ИР, т. V, стр. 1—43], надо учитывать, что тогда (1922 г.) яфетидология не располагала анализом по четырем элементам.

² Ф. А. Браун, ук. соч., стр. 46.

³ Н. Я. Марр, Скифский язык, стр. 347 [ИР, т. V, стр. 198]; ср. у русских летописное «колот», Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 28 [ИР, т. V, стр. 410].

⁴ Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 28—29 [ИР, т. V, стр. 410].

а потому, что тотемный термин является прежде всего названием всего коллектива, сначала производственно-социального, впоследствии этнического образования, народа, почему сибилантный двойник *guḏ'a*, именно «*ṛiuda*» = *ḏyuda*, разновидность русской «чуди», у готов означает вообще 'народ', 'людей', что нас относит в другую среду так же, как выяснилось в результате яфетидологической проработки, скифскую, именно кельтскую, где то же слово в разновидности *tud* также означает 'народ', обычно 'люди', 'толпа', 'родственники', собственно 'члены одного коллектива' (глагол *tud-a* 'населять', ср. фр. *peupler* от *le peuple*).

Тотемный термин, естественно прошедший все ступени семантического развития, растительного ли, космического или анимистического до антропоморфизации в мире надстройки культового порядка, все в зависимости от стадияльного хозяйственно-общественного уклада, это же *tuda* на Кавказе у нынешних пережитков скифов, мегрелов и чанов, сохранилось в виде *ḏuḏa* с космическим, именно астральным значением 'луна', и в этом осмыслении слово палеонтологически толкуемо в смысле 'дитя' (*-da* → *-ḏa*) неба', как 'солнце', 'светило', но здесь хтоническое светило — 'луна-месяц'.

Помня также установленность тожества спирантизованного термина *kol* (*kol* *o* *ḏ*, гесп. *koḡoḏ*), златохранителя, со сколотом-скифом, мы не можем не видеть разновидности скифа также в спирантизованном виде, но с усечением *gu-ḏ* ↔ *go-t*, названии готов, и его двойнике *go-g*, гесп. *gu-g*, из которых последнее также сохранилось на Кавказе с окончанием множественного числа *-ar*: арм. *gu+g-ar+q*, по гречески *Go+g-ar+en-ē*.

Что гоги с магогами библейских текстов до ассирийских источников отождествлялись и без яфетидологии со скифами, нас сейчас не займет, но гугары, гесп. *гогары*, т. е. гуги, или гоги, это ведь этническая среда выработки грузинской социальной формации, грузинской национальности, древнейший этал в этом исторически важнейшем для Кавказа процессе, породившем картов (по-мегрельски *qoḡḏu*), или картвелов, с их древнейшим так наз. национальным героем *Gog*'ом, или *Gug*'ом, переработанным иранизованной общественностью в персидский *Gorgasar*¹ 'Волколев', когда в основе *Gog-g* ↔ *Gug-g* налицо тотем, с утратой плавного — *Go-g* ↔ *Gu-g*, он же известное с библейских времен название могущественного северного народа, и как этот тотем пережил, следовательно, в роли племенного же названия народа, также *гогов*, или *гугов* (арм. *Gug+ar-q*, греч. *Gog+ar-en-ē*), уже грузин, так с различным огласовочным оформлением, да ласкательными частичками в ряде популярных личных имен у грузин — *Gog-ia* и *Gig-o*, у сванов *Gig-a*, у армян *Gig*, равно *Gag-ik* (ср. топонимический термин *Gag*). Как тотем слово выслеживается в фольклоре, в частности в грузинском сказании о птице шуре, золотом шуре (в обращении к нему: *швиḏo Gogia* 'дитя Гогия'), и в сванских терминах родства (*gig* 'тетка', 'дядя' и т. д.).

Мы, однако, вовсе не думаем в настоящей статье исчерпать тему в каком бы то ни было отношении. Мы лишь сигнализуем в ней автохтонность исторического процесса сложения на Кавказе такой средневековой социально-экономиче-

¹ Ср. у армян название Камсарапанов, феодалов той же эпохи, также тотемического происхождения с основой *kam-sar*, гесп. **kaw-sar* 'Вологлав'.

ской формации, как карты, или картвелы, грузины, сменившие иберов, — процесса, прошедшего от тотемического хозяйства все стадии развития до феодального хозяйственно-общественного уклада. Мы лишь сигнализуем, исходя из необлывных данных палеонтологии звуковой речи, что этот исторический процесс, вскрывающий борьбу иберов, гесп. сомехов, т. е. шумеров, с халдами-картами на кавказском отрезке есть лишь часть борьбы общего значения для истории Восточной Европы — борьбы тех же двух противоборствующих сил одной этногонической среды, развертывавшейся на севере между кимерами, теми же иберами или шумерами, и скифами, без учета которой не понять ни начал, ни общественной природы народов, входящих в состав населения Восточной Европы, к какой бы так наз. семье ни относился ныне и с исторически известных эпох тот или иной народ, русский, чувашский, коми-зырянский и т. д., распределенные раньше наукой, как не имеющие друг с другом ничего общего племенные образования, изолированные в своем генезисе. И в этой же борьбе, автохтонном историческом процессе, сигнализуется необходимость поисков начал и природы социально-экономической формации готов.

Мы намеренно усекаем факт такого же исторического процесса, вернее — местное проявление того же общего исторического процесса, на иранском отрезке, нарощение нового персидского так наз. племенного образования в борьбе тех же противоборствующих социально-экономических формаций скифов и шумеров, гесп. субаров.

За кавказским термином $gorg \leftrightarrow gurg$, архетипом племенного названия $go-g \leftrightarrow gu-g$, первично тотемом, значение 'волка' вовсе не исключается и по данным кавказских языков яфетической системы, но здесь вскрывается, что название 'волка' — позднейшее использование слова 'собака', как то требуется и по законам общего учения о семантике. 'Собака' же древнейший тотем на Кавказе, впоследствии смененный 'конем', тем не менее, доселе наблюдается, например, в быту у хевсуров. Тем более понятно, что этот тотем переживал раньше даже в христианской легенде. Но значения этого слова многочисленны, поскольку со сменой различных стадий в истории хозяйственного уклада тотем переживал в своей значимости все ступени стадияльного развития материальной культуры, от растительного, звериного, гесп. анимистического восприятия мира до космического.¹ И вот сибилантный во втором элементе составного племенного названия $go-g \leftrightarrow gu-g$ вид, именно $go-\partial \leftrightarrow gu-\partial$, известный уже нам в значении 'бога', как у грузин ($gu-\partial a-$), так у готов ($gu-\partial$), он же космически '*небо' → 'солнце', источник надстроечного представления и понятия 'любви', 'милости', с каким значением тот же тотемный термин сохранился у армян в слове $gu\partial$, равно в основе глагола $g\partial a-u$ 'любит', 'милостив'.

Эта же уже космическая спецификация тотема 'неба', астральное выявление его 'солнце', свидетельствуется наличием озвонченного в исходе вида герм. $\langle go-tt \rangle$, готск. $gu-\partial$ ($\langle gu\partial \rangle$), у русских в слове «год» со значением 'года-лета', ибо, как установлено палеонтологией звуковой речи, 'год', гесп. такие части времени, как

¹ Порядка и последовательности этих стадий мы сейчас не решаем, лишь предупреждаем, что анимизмом ни в каком случае нельзя начинать их смену.

'день', 'час', вскрывают в себе в разрезе космического использования слово со значением 'небо', 'солнце' и т. п.

Исключительно безукоризненное по полноте звучание скифского тотема, однако с выдержанной однородно губной огласовкой (ср. национальное их название «сколот», русск. «золото» и т. п.), мы имеем в названии конского вида, именно 'осла' — ч. *gig+un* ~ м. *gig-in*-1.

Факт не для простого любопытства, что первая часть (элемент А: *gig*) этого слова с глухим начальным согласным, т. е. *kur*, самостоятельно сохранилась в клинописи у шумеров, со значением 'лошади'.¹

Анимистская спецификация скифского термина у грузин и сродных с ними народов реализована или просто одним его первым элементом (св. *gal*- '*волк', *resp.* *gar*-, арм. *gayl* ← *gal*-1 'волк', груз. *ger*, м., ч. *ger*-1, но и *m-ger* и т. д.) или образованием скрещенным, но с элементом В, переводящим весь термин из скифского в кимерский круг (груз. *g-wel* 'змея', м. *g-weg*-1 'змея', 'дракон', ч. *m-g-weg*-1 'волк' и т. д.). Нас сейчас не займет разновидность с пережитком диффузного звучания в виде *sq* в шипящей группе при *ш* в свистящей (м. *sqweg*-1 || груз. *shvel*), которая соответственно фонетической архаичности более древней стадии выявляет и архаичное содержание, означая 'олень'.

В доброй части анимистической спецификации, казалось бы, того же тотема звуковая его сигнализация в различных социальных, ныне этнических группах, также обходится одним элементом А, наличным в скифском тотеме (АС). Если назвать все варианты звучания не сообразно нахождению их уже в составе языков грузинского, мегрельского, чанского, сванского и армянского, а с нормальным расположением по социально-групповым огласовкам, они таковы:

1) акание (свистящ.): *gal*-, *resp.* *gar*- ['волк'] в составе сванской княжеской фамилии *Gal*-*φqān* с основой абхазского происхождения матриархальной эпохи *gal*-*φqā*, у грузин *Gar*+*da*-*φqā*-*de*,² *gayl* 'волк' (арм., с эпентезисом из *gal*-1), диалектически и *gīl*, равно *gel*, последняя разновидность с гласным «е», рассматриваемым как сложение группы «ау»;

2) с оканием (шипящ.) нет;

3) с эканием (спирант.): *gel* 'волк' в грузинском (в письменном *m-gel*), *ger*-1 'волк' (мегр., также *n-ger*-1, чанск. вост. *m-ger*-1, зап. *m-g-weg*-1, ср. выше двухэлементную АВ основу еще в значении 'змея').

Нет ни одного случая с губной огласовкой, так как такое оформление заброшено за 'свинью' — груз. *ğog* (ср. также груз. *goḥ* 'поросенок', порой и в древнелитературном армянском) и за еще более древним животным передвижения — 'собакой', в составе названия которой *ḡo-ğog* появляется тот же *ğog*, но еще с сохранением прежнего своего значения, причем в грузинском, как то полагается, налицо разновидность с аканием — *ğal*, стянуто — *ğl*, в составе также двухэлементного *ḡa-ğl* (✓ **ḡağal*) 'собака'. И как у сванов со значением

¹ См. также Н. Я. Марр, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по обследованию Мариэв, стр. 23 [ИР, т. V, стр. 455].

² Н. Я. Марр, Нарцательное значение термина *qera* в «митанских» женских именах, ИАН, 1920, стр. 125.

'волка' рядом с gal- (← ġal) откапывается gar (← *ġar), так и в значении 'собаки', рядом с тем же -gal, вскрытым в грузинском da-ġl (← *ġa-ġal), свидетельствуется на Западе в Пиренеях баскским языком также яфетической системы в его давно уже анализированном нами слове da-gar 'собака' в составе u-da-gar-a 'выдра', буквально 'водяная собака'.¹

При такой связи готского с звуковой речью населения Кавказа яфетической системы, особенно с языками шишащей группы с оканием, именно мегрельским и чанским, но также грузинским, становится генетически понятным с одной стороны мегрельское, чанское слово 'человек' koḡ, как название каждого отдельного члена производственно-социального коллектива, наличного, следовательно, в числе прочих в племенном составе грузинского народа и его тотема. С другой стороны, тот же тотем покрывается племенным названием, некогда также тотемом, goḡ, который, преобразившись закономерно по норме доармянской исторической фонетики яфетической системы из ko-ḡ,² успел у грузин и готов одинаково обратиться в нарицательное слово для обозначения общего отвлеченного понятия 'бог'.

Кстати, в армянском с этим же тотемом связаны, от него происходят своей основой глаголы goḡ-el 'кричать', koḡ-el 'звать', представляющие собой дериваты глаголов с первоначальным значением 'проричать', 'выкрикивать тотем', 'обращаться зовом к тотему', 'произносить его имя'.

К нашей специальной теме, указанной в заглавии, ближайшее отношение имеет мегр., чанск. название 'человека' — koḡ (при груз. kaḡ). Более углубленное палеонтологическое исследование вскрыло бы, что это тотемное слово имеет историю со сменой и идеологической функции, оно означало не вообще 'человека', а одно время 'мужчину', так у грузин kaḡ при qal 'женщина' означает 'мужчину', как то наблюдаем с составным лат. ho-mo (род. ho+min-is) 'человек', в архетипе *ho-mon (← *ho-mog), означавшим 'мужчину', в противоположность fe-min-a 'женщина', в архетипе *fe-mog, где при общем min, resp. mo'n¹, в архетипе mog ↔ mig 'дитя', в первых различных частях имеем в одном случае 'муж', 'отец', 'брат' — ho-, в другом — 'жена', 'мать' и т. д. — fe-.

Полностью же в своем составе homo, в архетипе *ho-mog, лишь диалектическая разновидность м. qo-moḡ 'мужчина', м. qo-moḡd 'муж', 'супруг'.

И, конечно, с hu+mi-s 'земля' homo, кроме случайного созвучия из-за общности элементов, непосредственно отношения не имеет, если не исходить из ветхозаветного мировоззрения, выступающего в Библии (Быт., 3, 19: «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься»). Если же исходить из чисто мифологических представлений, то в допрометеидской формации латинского языка, т. е. формации яфетической системы, слово fe-min-a, тогда *fe-mog, означало 'бедро', что и пережило в его закономерном двойнике fe-mig, и дается пища для разъяснения библейской сказки о происхождении 'женщины' из ребра, resp. бедра 'мужчины' (ср. арм. koys ↔ kiys 'девушка' и 'сторона', 'бок' и т. п.),

¹ Ср., однако, в баскском то же слово с губной огласовкой самостоятельно в za-kug 'собака'; см. Н. Я. Марр, Du terme basque «udagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 2 сл.

² Ср. арм. ʃalaḡ-el → ʃanaḡ, alaḡ-em → a-lawḡ 'молитва' (ср. груз. loḡ-va 'молиться').

Однако homo есть социальный термин и только в этом смысле может быть разъяснен. Готск. guma того же, конечно, состава по элементам (AB), но оформление иной социальной группировки, во всяком случае разнородное. А главное, надо учесть палеонтологическую вскрытый факт, что слова, обозначающие родство, первично были терминами производственно-общественных взаимоотношений, не имевшими генетически ничего общего ни с кровью, ни с полом, что в связи со сменой форм социальной структуры, 'отец', герм. 'муж', сменивший 'мать', главу соответственного строя, матриархального, первично был ее 'брат', ставший впоследствии мужем и затем лишь 'отцом' по нормам наших представлений, и впоследствии только, по учете новых социально-экономических условий, пошло различие по полу, и 'отец', он же 'брат', впоследствии 'муж', 'супруг', стал восприниматься с одной стороны как 'муж', 'мужчина', с другой как 'брат', 'приятель', 'друг'.

И понятно, что готск. gu-ma 'муж', 'мужчина' с одной стороны покрывает с утратой плавного l или г груз. q-maг 'муж', 'мужчина', с другой — 'брата', 'приятеля', притом полностью воспроизводит именно мегрело-чанскую разновидность q̄u-maḡ¹ 'брат' (← *ḡubag → *q̄ubar: св. me-q̄wbar-āl 'братья', 'соседи', арм. e-ḡ[w]baḡ 'брат'), равно из спирантного ряда двойник с утратой фрикативности go-bar, что в основе груз. me-gobaḡ¹ 'приятель', 'друг'.

Сюда надо привлечь и термин kr-ma || k-mar (см. k-mar-tvīl 'юноша') 'отрок', 'мужчина' и т. д., в архетипе *ko-mar, с чем мы попадаем в круг племенных названий, имеющий исключительное значение для причерноморской части Кавказа в древности и ныне. Назову два типа звучания этно-топонимических терминов, восходящих к тотему той же производственно-социальной группировки: Komatit'ы и Ḫ̄qum 'Сухум'. Но, повторяю, мы взяли пока лишь сигнализировать факт громадного значения для этногонии Восточной, да не одной Восточной Европы, поскольку речь идет не об одних готах. Речь также о скифах и о кельтах.

Вместо какого-либо заключения статьи, предлагаемой для хотя бы частичного выявления совершенно не чуждых никем в научном мире нерасторжимых связей готов с грузинами и особенно со скифоидными сородичами, так же причерноморскими, — мегрелами и чанами, — как сами готы, приведу указание на то, как индоевропейцы все-таки старались и продолжают стараться разъяснить самое название готов, признанное словом неизвестного происхождения более осмотрительным исследователем, Фр. фон дер Лейеном.

Виктор Ген (Viktor Hehn), усмотрев в издревле прославленном названии готов излияние природного духа древнейших времен, полагал истолковать его так: «Не подлежит никакому сомнению, что это название надо разъяснить из глагола gūtan 'лить', греч. χέω, лат. fundo, Готы различные (effusi), рассеянные (profusi), как люди вообще, как листья леса, которые развеивает ветер и осень растит из земли, как стая рыб и зародыши жизни везде».

Существуют другие толкования, сводом которых я располагал в специальной справке, данной мне германистом В. А. Бримом, но они еще более формальны, еще больше отстоят от реальной почвы, хотя бы в понимании самых простых

слов. Так, никто не представляет себе, что основа *gyut-* (← *gut*) глагола «*giut-an*» 'лить', восходя по палеонтологии речи к 'воде', 'реке', является разновидностью (с губной огласовкой) разобранныго выше (стр. 268) арм. *gut* 'река' и его двойников.

Впрочем, цитованное толкование, основанное на созвучии *giu* с глаголом «*giutan*» 'лить', используется и иначе, именно в смысле, как будто приближающем понимание племенного названия к нашему социологическому восприятию, ибо в нем усматривают слово 'мужчину', собственно 'существо, проливающее семя'. Но во-первых, такое физиологическое, притом антропоморфизованное понимание племенного названия абсолютно исключается в силу древности возникновения племенных названий, ибо, если даже иметь в виду «оплодотворяющее семя», придется в слове усматривать 'солнце, изливающее лучи-семена', как то установлено палеонтологией речи, да и это значение приемлемо лишь для стадии, отражающей в звуковой речи патриархальную форму социальной структуры.

Однако у специалистов с формальным методом индоевропейской установки в работе над языковым материалом (одним ли языковым? а этнографическим? а археологическим?) отрыв настолько полон от реальности, доселе заслоняемой у них в идеологической проработке всякой надстройки фетишами материальной базы древнеписьменных языков, что не чужется никем биение пульса жизни в далеком прошлом так же, как в близком настоящем, не чужется биение пульса исконных, но кричащих связей, основанных на незыблемых фактах из негаданных раньше глубин глоттогонии, — связей готов с грузинами и мегрелами, да чанами, со включением в число последних и армян с соответственными пережитками архаичного творчества; да потому же не только к ним нет абсолютно никакого интереса, но нет никакого интереса и к письменно засвидетельствованным историческим фактам, остающимся доселе без серьезного учета, ни к тому, что в годы иконоборчества епископ готов Иоани, происходивший «из страны тавроскифов», мог быть и был рукоположен только в Грузии, во Мцхете, ни к тому, что просветитель готов, переводчик культовых писаний, происходил из Каппадокии, т. е. оттуда же, откуда шло почему-то именно в представлении местных легенд соответственное просвещение, в противоположность Риму, первому и второму, во все страны новых социально-экономических формаций, новых национальностей, в том числе Иберии-Грузии на Кавказе, Иберии-Баскии, или Галло-Баскии (*G+was-kon*), в Пиренеях, и островной Ирландии-Иберии, не говоря об Армении, трудно разлучимой с Каппадокией в их вкладе в христианское оформление некоторых из основных языческих праздников. Обо всем этом где-либо в другом месте, где окажется больше живых сил для реагирования на живое исследовательское дело. Пока что единственный вид реагирования даже в более искусственной теоретическими изысканиями немецкой науке, это стремление найти Вулфиле, происходящему из Каппадокии, хоть одного из родителей, если не папу, то маму, германского по крови происхождения. Такое формальное отношение националистического умонастроения — бесспорный факт, как можно видеть из следующих строк того же, казалось бы, наиболее независимо мыслящего Фридриха фон дер

Лейена:¹ «Вулфила происходил, по показаниям христианского историка церкви Филосторгия, от каппадокийцев-христиан. Готы поволокли с собой (schleppten) от походов под Валерианом и Галлиеном много военнопленных христиан, в числе которых были также предки Вулфилы. Его имя готское. Вулфила значит 'волчонок' (ср. также наши [немецкие] фамилии — Wölfel, Wölflin и т. д.). Его родители, следовательно, жили, должно быть, среди готов, и его отец был или его мать была готского происхождения». Таким образом, наличие германской крови в основоположнике древнейшего памятника христианской письменности гарантировано. Что бы сказал немецкий ученый, если бы он узнал, что 'волчонок', 'волк' — обычное название у всех народов, в частности у грузин, мегрелов и других, на определенной ступени стадийного развития, и именно на этой ступени застаёт христианство при своем первом появлении массовое население и Каппадокии, и Армении, и Иберии-Грузии, увязанное тотемически с предшественниками, хеттами и халдами, а равно, если бы немецкий ученый знал то, что конкретное слово «wol-f» ↔ готск. «wul-f» с его русск. двойником «вол-к» догерманского, как и дославянского происхождения? Стоял ли бы он и далее за подход от общегерманского, как иные воспринимают весь мир, исходя одни от общеславянского, другие от общегерманского? Думаю, да, пока он не перестал бы общественно мыслить против своей общественной же природы. И пока что, мы были бы обречены при этой идеологической реставрации прошлого оказаться с разбитым корытом нового метода, как в его философской отвлеченности, так в конкретизации на подлежащем материале, у нас речевом, по новому учению об языке (яфетической теории). И это было бы хорошо, ибо было бы ясно, было бы ясно и для тех, кто к оценке положения подходит с прекрасной идеологической схемой, но без знания материала, да зачарован «классическими художествами», ибо при таком наглядном шаге назад был бы ясно открыт весь ужас положения, что бесконечно лучше для решительного сдвига вперед, чем смазывающее кризис фатальное для исхода и отраженной на теоретическом фронте классовой борьбы поведение «ни вперед, ни назад».

¹ Ук. соч., стр. 6.

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ

Авдиев, В. И. — Вера в магическую силу слова и имени в мировоззрении древних египтян [доклад]. — 246

Аристов, Н. А. — Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, 1896, вып. 2, стр. 271—456. — 136

Ашмарин, Н. И. — О морфологических категориях подражаний в чувашском языке, Казань, 1928. — 203

Библия 9. 51. 207. 209. 249. 266. 269. 272

Богораз, В. Г. — Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, 1899, изд. АН, стр. 269—318. — 86

Браун, Ф. А. — Разыскания гото-славянских отношений. Готы и их соседи до V в. [Первый период. Готы на Висле, СПб., 1899. — 257—259

Брим, В. А. — Восточные и юго-восточные элементы в составе древнегерманской культуры, ЯС, т. VI, стр. 81—93. — 263. 264

Веды 163

Георгиевский, С. М. — Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающей в себе историю жизни китайского народа, СПб., 1888. — 101

Даль, В. И. — Толковый словарь живого великорусского языка, СПб., 1903—1909. — 245. 261. 262

Дюма, А. — Три мушкетера. — 5

Евангелие 81. 182

Житие святых коневодов 12. 226

Житие Григория, просветителя Армении. — 14. 15. 79.

Кашталева, К. С. — [Две статьи о терминах Корана] ДАН, 1926, стр. 52—57. — 129

Коран 119. 128—130.

Кукба, В. и Хашба, А. — Русско-абхазский обратный словарь [к «Абхазско-русскому словарю» Н. Я. Марра, изд. ЛИЖВЯ. — 57

ლოზნძე, ლევან-შესქობლოზის ლექსიკონი, Тифлис, 1925. — 95

Марр, Н. Я. — Абхазоведение и абхазы, ВС, т. I, стр. 123—166 [ИР, т. V, стр. 162—186]. — 58. 156

Марр, Н. Я. — Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма), изд. ЛИЖВЯ, Л., 1926 [ИР, т. II, стр. 321—351]. — 58

Марр, Н. Я. — Абхазско-русский словарь изд. Академии абхазского языка и литературы, Л., 1926. — 57. 58. 187.

Марр, Н. Я. — Арабский термин *ḥanīf* в палеонтологическом освещении, ИАН, 1929, стр. 85—95. — 233

Марр, Н. Я. — Балкаро-сванское скрещенье, ДАН, 1929, стр. 45—46 [ИР, т. IV, стр. 196—197]. — 200

Марр, Н. Я. — Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии, ИГАИМК, т. VI, вып. 1 [ИР, т. IV, стр. 198—229]. — 262

Марр, Н. Я. — Грамматика древнеармянского языка, СПб., 1903. — 120

Марр, Н. Я. — Грамматика чанского (лазского) языка, МЯЯ, т. II — 261. 262

Марр, Н. Я. — Готское слово *gisha* 'муж' (К увязке готов с яфетическими народами Кавказа), ИАН, 1930, стр. 441—465 [ИР, т. IV, стр. 257—275] — 234

Марр, Н. Я. — Готтентоты-средиземноморцы, ИАН, 1927, стр. 405—416 [ИР, т. IV, стр. 115—124]. — 125. 126. 145. 173

Марр, Н. Я. — Древнегрузинские одописцы, ТР, кн. IV. — 175

Марр, Н. Я. — Древнегрузинско-русский словарь к 1—2 главам евангелия Матвея, СПб., 1913. — 184

Марр, Н. Я. — Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, ДАН, 1927, стр. 82—84 [ИР, т. IV, стр. 112—114]. — 119. 162. 163

Марр, Н. Я. — Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии), ЗВО, т. XX, стр. 99—150. — 133

Марр, Н. Я. Иберо-этрusco-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков, ДАН, 1925, стр. 9—10 [ИР, т. I, стр. 187—188]. — 99

Марр, Н. Я. — Из абхазских личных имен, ХВ, т. II, стр. 400—402. — 55

Марр, Н. Я. — Из лингвистической поездки в Абхазию (К этнологическим вопросам), ИАН, 1913, стр. 302—334. — 55

Марр, Н. Я. — Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе), ИКИАИ, т. V, стр. 1—62 [ИР, т. IV, стр. 3—52]. — 78. 161. 172. 182. 214. 224. 225

Марр, Н. Я. — Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 1—64. — 31. 124. 178—179

Марр, Н. Я. — Из яфетических пережитков в русском языке, ДАН, 1924, стр. 65—67 [ИР, т. V, стр. 114—116]. — 17

- Март, Н. Я. — In tempore ulutorum (Из этногонии к скифо-кельтскому вопросу), ДАН, 1928, стр. 324—327. — 216
- Март, Н. Я. — Индоевропейские языки Средиземноморья, ДАН, 1924, стр. 6—7 [ИР, т. I, стр. 185—186]. — 58. 99.
- Март, Н. Я. — Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII в., ЗВО, т. XIX, стр. 53—113. — 15
- Март, Н. Я. — Иштарь (От богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы), ЯС, т. V, стр. 109—178 [ИР, т. III, стр. 307—350]. — 31. 178. 219
- Март, Н. Я. — История термина «абхаз», ИАН, 1912, стр. 697—706. — 55
- Март, Н. Я. — Заметки по яфетическим клинописям, ИГАИМК, т. III, стр. 288—304. — 101. 221
- Март, Н. Я. — Кавказ и памятники духовной культуры, ИАН, 1912, стр. 69—82. — 86
- Март, Н. Я. — Кавказоведение и абхазский язык, ЖМНП, 1916, № 5 [ИР, т. I, стр. 59—78]. — 54—56
- Март, Н. Я. — ქართველ ერის კულტურული უბლი ენათმეცნიერების მიხედვით, მხათობი, 1925, № 4(12), стр. 192—211, № 5/6 (13/14), стр. 289—328. — 31
- Март, Н. Я. — Карфаген и Рим, fas и jus, СГАИМК, т. II, стр. 372—415 [ИР, т. IV, стр. 161—193]. — 219. 221. 224—225. 235. 238. 241
- Март, Н. Я. — К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН, 1926, стр. 349—354. — 107. 162
- Март, Н. Я. — К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических, МЯЯ, т. V. — 56. 200
- Март, Н. Я. — Китайский язык и палеонтология речи, I—V, ДАН, 1926, стр. 93—97, 109—112, 129—132 [ИР, т. IV, стр. 101—111]. — 120. 121. 151. 221. 224
- Март, Н. Я. — К отчету о заграничной командировке, ДАН, 1929, стр. 321—327. — 199. 200. 212
- Март, Н. Я. — Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК, т. III, стр. 257—287 [ИР, т. V, стр. 44—66]. — 177. 220
- Март, Н. Я. — К палеонтологии речи по грузинской лексике, ДАН, 1927, стр. 79—81. — 121
- Март, Н. Я. — К пересмотру распределения шумерского словаря, ДАН, 1927, стр. 7—12. — 164. 168
- Март, Н. Я. — К толкованию имени «Гомер», ДАН, 1924, стр. 2—5. — 124
- Март, Н. Я. — Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 37—70 [ИР, т. III, стр. 35—60]. — 31
- Март, Н. Я. — Надпись Русы II из Маку, ЗВО, т. XXV, стр. 1—54. — 216
- Март, Н. Я. — Наричательное значение термина *qera* в «митанских» языках (по яфетическим данным), ИАН, 1920, стр. 121—127. — 194. 271
- Март, Н. Я. — Новый среднеазиатский язык и его числительные, ДАН, 1926, стр. 133—134. — 148
- Март, Н. Я. — О записывании абхазских текстов, Пособия для работ по яфетическому языкознанию, 1918. — 55
- Март, Н. Я. — Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 663—672. — 95
- Март, Н. Я. — О 'небе' как гнезде назначений, ДАН, 1924, стр. 23—26 [ИР, т. II, стр. 143—146]. — 14
- Март, Н. Я. — Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском, ДАН, 1928, стр. 219—226 [ИР, т. II, стр. 234—241]. — 80. 196
- Март, Н. Я. — О религиозных верованиях абхазов, ХВ, т. IV, стр. 113—140. — 55
- Март, Н. Я. — О полигении семантики ('брат' и 'кровь'), ИАН, 1926, стр. 781—786 [ИР, т. II, стр. 168—172]. — 118
- Март, Н. Я. — Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, стр. 31—106. — 104. 161. 163. 169. 184. 215
- Март, Н. Я. — О происхождении языка, ПЭРЯТ, стр. 286—335 [ИР, т. II, стр. 179—209]. — 125. 218
- Март, Н. Я. — О слоях различных эпох в языках протоеидской системы, ИАН, 1927, стр. 333—344 [ИР, т. II, стр. 224—233]. — 116. 127. 253
- Март, Н. Я. — Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам, ИАН, 1925, стр. 673—698 [ИР, т. V, стр. 274—287]. — 20. 95
- Март, Н. Я. — Отчет о третьей лингвистической поездке за границу, ИАН, 1928, стр. 531—544. — 216
- Март, Н. Я. — Отчет о весенней командировке в Абхазию, ИАН, 1928, стр. 544—549. — 53

Марр, Н. Я. — О халдском рпh 'камень' [рпh 'камень', 'каменная труба', 'водопровод', 'канал', ИАН, 1917, стр. 1279—1282. — 216

Марр, Н. Я. — О числительных (К постановке генетического вопроса), сб. «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. 1—196, Л., 1927, изд. ИЛЯЗВ [ИР, т. III, стр. 246—306]. — 14. 29. 45. 115. 119. 123. 155. 184. 186. 241

Марр, Н. Я. — Об яфетической теории, НВ, кн. V, стр. 303—339 [ИР, т. III, стр. 1—34]. — 113

Марр, Н. Я. Об яфетическом происхождении баскского языка, ИАН, 1920, стр. 131—142. — 104

Марр, Н. Я. — Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими, Пб., 1908 [Предварительное сообщение: ИР, т. I, стр. 23—38]. — 85. 104

Марр, Н. Я. — Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1925, стр. 673—698 [ИР, т. V, стр. 288—308]. — 95. 141. 151. 178. 180

Марр, Н. Я. — Первая выдвиненческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев, Изд. Марийского научного общества краеведения, Л., 1930 [ИР, т. V, стр. 438—466]. — 215. 271

Марр, Н. Я. — Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, ИАН, 1924, стр. 225—236. — 122

Марр, Н. Я. — Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей группы в огласовке мокша и эрзя мордовского языка, ДАН, 1927, стр. 143—147 [ИР, т. V, стр. 380—384]. — 115. 117. 250

Марр, Н. Я. — Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык, изд. ЛИЖВЯ, Л., 1928 [ИР, т. IV, стр. 53—84]. — 235

Марр, Н. Я. — Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений, сб. «На боевом посту», М., 1930, стр. 361—384 [ИР, т. III, стр. 180—198]. — 234

Марр, Н. Я. — Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, ВС, т. I, стр. 167—192 [ИР, т. IV, стр. 85—99]. — 67. 186

Марр, Н. Я. — Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', сб. «Книга о книге», Л.,

1927, стр. 46—72 [ИР, т. III, стр. 218—245]. — 130. 147. 172. 173. 174. 180

Марр, Н. Я. — Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба', ИАН, 1926, стр. 385—392 [ИР, т. II, стр. 173—178]. — 107. 114

Марр, Н. Я. — Рец.: И. И. Мещанинов, Халдоведение, Баку, 1927, ЯС, т. VII, стр. 190—211. — 64

Марр, Н. Я. — Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, изд. ЛВИ, 1930 [ИР, т. V, стр. 393—437]. — 202. 203. 234. 264. 268.

Марр, Н. Я. — Русское «человек», абхазское аоуџ, ДАН, 1926, стр. 81—84 [ИР, т. V, стр. 187—190]. — 10. 58

Марр, Н. Я. — Скифский язык, ПЭРЯТ, Л., 1926, стр. 336—387 [ИР, т. V, стр. 191—223]. — 29. 104. 109. 121. 151. 165. 168. 220. 224. 225. 268

Марр, Н. Я. — Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с историей материальной культуры), изд. КИАИ, Л., 1926 [ИР, т. III, стр. 123—151]. — 20. 30. 58. 97. 109. 152. 164

Марр, Н. Я. — Сухум и Туапсе (Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья), ИГАИМК, т. IV, стр. 299—310 [ИР, т. V, стр. 153—161]. — 120

Марр, Н. Я. — Суоми-карельские и сомехкартские языки, ДАН, 1929, стр. 29—33 [ИР, т. V, стр. 389—392]. — 255

Марр, Н. Я. — Талыши, ТКИПС, вып. IV. — 175

Марр, Н. Я. — Термин «скиф», ЯС, т. I, стр. 67—132 [ИР, т. V, стр. 3—43]. — 268

Марр, Н. Я. — Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «Тризна», Л., 1924 [ИР, т. V, стр. 117—152]. — 58. 180

Марр, Н. Я. — Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа, ИАН, 1915, стр. 1731—1738. — 216

Марр, Н. Я. — Чуваши-яфетиды на Волге, Чувашиздат, Чебоксары, 1926 [ИР, т. V, стр. 323—372]. — 113. 146. 178. 187

Марр, Н. Я. — Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры, МЯЯ, т. XI [ИР, т. I, стр. 79—124]. — 58. 86. 87. 160. 257

Марр, Н. Я. — Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum), ИАН, 1915, стр. 769—780, 821—852, 937—950. — 107

Март, Н. Я. — Яфетические зори на украинском хуторе, Ученые записки Института народов Востока СССР, т. II, стр. 1—56 [ИР, т. V, стр. 224—271]. — 201. 216. 222. 223. 234. 261. 264

Март, Н. Я. — Яфетический подход к палеонтологии семитических языков, ЯС, т. I, стр. 143—145. — 85

Март, Н. Я. — Яфетическое происхождение абхазских терминов родства, ИАН, 1912, стр. 423—432. — 55

Март, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении, I—XI, ИАН, 1911—1920. — 86

Март, Н. Я. — Яфетическая теория, АзГИЗ, Баку, 1928 [ИР, т. II, стр. 3—126]. — 4. 45. 60. 153. 157. 164. 167. 168

Мелиоранский, П. М. — К вопросу о значении и происхождении слов «ч'аляб» (чалап) и «ч'яляби» в турецком языке, ЗВО, т. XV, стр. 031—043. — 133

Мещанинов, И. И. — Халдоведение. Баку, 1927. — 64

Миллер, В. Ф. — Осетинские этюды, М., 1882—1887. — 106. 258

Никольский, Н. В. — Русско-чувашский словарь, Казань, 1910. — 140

Огиенко, И. И. — Иноземные элементы в русском языке. — 262

Орбеллиани, С. — Лексикон грузинского языка. — 109. 113

Песнь о Лело (баскская) 46

Радлов, В. В. — Опыт словаря тюркских народов. — 155

Розен, В. Р. — Дополнительная заметка о слове «челеби», ЗВО, т. V, стр. 304—307. — 132

Ростовцев, М. И. — Очерк истории древнего мира, Восток, Греция, Рим, 1924, Берлин. — 183

Руставели, Шота. — Витязь в тигровой шкуре. — 15. 36. 161

Самойлович, А. Н. — Некоторые дополнения к классификации турецких языков, II, 1922, изд. ЛИЖВЯ. — 144

Слово о св. Грате 6

Слово о полку Игореве 62

Тимофеев, Ф. Т. — Новые теории о языке и чувашский язык, Чебоксары, 1929. — 202

Тристан и Исольда, средневековый роман. — 30. 97. 226

Смирнов, В. Д. — Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calerpinus Cysricelebes (К вопросу о происхо-

ждении и значении слова «челеби»), ЗВО, т. XVIII, стр. 1—70. — 132

Чубинов, Д. — Грузинско-русский словарь, СПб., 1887. — 109. 113

Энгельс, Ф. — Франкский диалект, изд. ИМЭЛ, Партиздат, 1935. — 260. 261

Atsobia — Alegiak, Bayonne, 1926. — 7

Allen, W. E. D. — The Soviets in Asia. A Eurasian movement. The Mongol idea, Times, 24 VI 1929. — 212. 213

Ankermann, B. — Ueber den gegenwärtigen Stand der Ethnographie der Südhalfte Afrikas, AfA, новая серия, т. IV, 1905. — 122

Baegerth, J. — Статья в Annual Report of the Bureau of American ethnology, 1864. — 236

Bogoraz, W. — Chukchee. Handbook of the American Indian languages, II, Smithsonian institution, Bureau of American ethnology, т. 40, Вашингтон, 1922, стр. 631—903. — 86

Boisacq, E. — Dictionnaire étymologique de la langue grecque. — 171

Boulifa, S. — Méthode de langue Kabyle, cours de la 2-e année, étude linguistique et sociologique sur la Kabylie du Djurdjura, texte, zouchoua, snivi d'un glossaire, Алжир, 1913. — 167

Boulifa, S. — Lexique Kabyle-Français, Glossaire extrait de la 2-e année de la langue Kabyle, Алжир, 1913. — 167

Braun, Fr. — Die Urbewölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, JS, I, Лейпциг, 1920. — 258

Breiz, газета. — 205. 206

Brière, M. — см. Marr, N.

Buschan, Illustrierte Völkerkunde, Штутгарт, 1910. — 122. 244

Catlin, The North-American Indians, Эдинбург, 1903. — 244. 245

Chichmarev, W. — La légende de Gargantua, ЯС, т. IV, стр. 166—204. — 30. 170

Cora, G. — Rapports négatifs des langues américaines et polynésiennes, Congrès international des américanistes, Compte-rendu de la 8-e session, Париж, 1892, стр. 535—536. — 88

Czekanowski, J. — Anthropologische Beiträge zum Problem der slavisch-finnischen Beziehungen, Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXXV, 4, Гельсингфорс, 1925, стр. 1—14. — 150. 151.

Delafosse. — Petit manuel Français-Kanouri par P. Noel, préface de Maurice, Париж, 1923. — 170

- Déclaration adoptée à Châteaulin le 18 août 1929 par le Congrès du Parti autonomiste breton. — 228
- Destaing, E. — Vocabulaire français-berbère, Etudes sur Tachelhit du Sous, I, Bibliothèque de l'École des langues orientales vivantes, Париж, 1920. — 190
- Delitzsch, F. — Sumerisches Glossar, Лейпциг, 1914. — 109
- Dennett, How the Yoruba count, Journal of the R. African Society, 1916/1917, 1917/1918. — 244
- Duhamel, M. — La question bretonne dans son cadre européen, Париж, 1929. — 227. 228
- Dumont d'Urville, J. — Voyage de découvertes [de la corvette] de l'Astrolabe, Париж, 1830—1834, 5 томов. — 88
- Gsell, St. — Histoire de l'Afrique du Nord, I, Париж, 1913. — 166. 172
- Gsell, St. — Hérodote, textes relatifs à l'histoire de l'Afrique du Nord, 1916. — 175
- Guieysse, M. — La langue bretonne, Hennebont, 1925. — 204—212
- Fettweis, E. — Das Rechnen der Naturvölker, Лейпциг—Берлин, 1927. — 236. 243—246
- Jordani Getica. — 267
- Hahn, Th. — Die Nama-Hottentoten, Globus, 1867, стр. 12. — 122
- Hale, H. — Was America peopled from Polynesia, Congrès international des américanistes, Compte-rendu de la 7-e session, Берлин, 1890, стр. 375—387. — 88
- Handbuch der altarabischen Altertumskunde, 1927. — 129
- Hanoteau et Letournaux. — Contes Kabyles, I. — 170. 173
- Hewitt, Comparative lexicology, Annual Report of the Bureau of American ethnology, 1894, стр. 304—305. — 236
- Heimskringla — свод сая, составленный Snorri Sturluson. — 263. 264
- Hill-Tout, C. — Notes on the cosmogony and history of the Squamish Indians of British Columbia, Mémoires et comptes-rendus de la Société royale du Canada, Оттава, 1897, 2-я серия, т. III, стр. 85—90. — 94
- Hoffmann, G. — Versuch an Amos, ZfdAW, II, 1883, стр. 87—126. — 248
- Hocart, A. — Who are the Melanesians? Journal of the Anthropological Institute, т. LIII, стр. 472. — 91
- Hornell, J. — Origins and ethnological significance of Indian boat designs; Memoirs of the Asiatic Society of Bengal, т. VII, № 3, 1920. — 87
- Hrozny, F. — Code hittite, Париж, 1922. — 194
- Hübbschmann, H. — Armenische Grammatik, Лейпциг, 1897. — 72
- Hübbschmann, H. — Die altarmenischen Ortsnamen, Страсбург, 1904. — 72
- Huyghe, P. G. — Dictionnaire Kabyle-Français, 2-е изд., Париж, 1901. — 181. 190
- Karlgren, B. — Philology and ancient China, Осло, 1926. — 110
- Kluge, Fr. — Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11-е изд., 1930. — 259
- Lagadeuc, J. — Catholicon breton, 1464. — 207
- Lagarde, P. — Uebersicht über die im Aramäischen übliche Bildung der Nomina, 1889 — 248
- Larousse. — Grand dictionnaire universel. — 180
- Leroy, O. — La raison primitive, Essai de réfutation de la théorie du prélogisme, Париж, 1927. — 67
- Leroux. — Atlas linguistique de la Bretagne. — 207
- Lesson, A. — Les Polynésiens, leur origine, leurs migrations, leur langage, 1880—1884, 4 тома. — 88
- Lévi, S. — Préaryen et prédravidien dans l'Inde, JA, 1923, июль — октябрь, стр. 1—57. — 87
- Lévy-Brühl, L. — Fonctions mentales dans les sociétés inférieures, Париж, 1922. — 244—246
- Leyen, F. von der. — Einführung in das Gotische, Мюнхен, 1908. — 263. 273—275
- Lidzbarski, M. — Handbuch der nordsemитischen Epigraphik, Веймар, 1898. — 171
- Lhande, P. — Dictionnaire basque-français et français-basque, I, 1926. — 9
- Lhande, P. — Yolanda, Donostia, 1921. — 33
- Luschan, F. — Africa, Illustrierte Völkerkunde, Штутгарт, 1910. — 122
- Mac-Gee, W. J. — Primitive numbers, Annual Report of the American Bureau of Ethnology, Вашингтон, 1900, том XIX, стр. 821—851. — 236. 243. 244
- Marr, N. — Analyse nouvelle du terme Pyrénées, ДАН, 1925, стр. 5—8. — 33. 155
- Marr, N. — Les Pyrénées ou Monts Ioniens, ДАН, 1925, стр. 15—18. — 33. 155
- Marr, N. — Du terme basque «udagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 1—30. — 35. 272

Marr, N. — Origine japhétique de la langue basque, Сб. «Язык и литература», I, стр. 193—260. — 30. 102. 104. 113, 116, 151. 214

Marr, N. — La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges, Петр., 1922 [Русский перевод: ИР, т. I, стр. 137—148]. — 11

Marr, N. — Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 137—167 [Русский перевод: ИР, т. III, стр. 199—218]. — 122. 253

Marr, N. — Avant-propos [к ЯС, т. II], ЯС, т. II, стр. I—IV. — 85.

Marr, N. — Postface [к ЯС, т. III.], ЯС, т. III, стр. 165—177 [Русский перевод: ИР, т. I, стр. 189—196], — 85

Marr, N. et Brière, M. — La langue géorgienne, Париж, 1931. — 162. 190. 200

Marsden, W. — Miscellaneous works, Лондон, 1834. — 88

Meinhof, C. — Lehrbuch der Nama-Sprache, Берлин, 1909. — 121

Mozzkowski, M. — Die Völkerschaften von Ost- und Zentralsumatra, ZfE, т. 40, 4, стр. 634—655. — 244

Much, R. — Goten, Reallexikon der germanischen Altertumskunde, т. II, стр. 304—306. — 267

Munch, P. A. — Det norske folks historie, Христианиа [Осло], 1852 сл. — 234

les Nouvelles [газета], 1928, № 9270. — 182

Officiel [газета], 5 VII, 22 VII 1922. — 211

Orientalistische Literaturzeitung, 1917, т. XX, стр. 251. — 97

Paasonen, H. — Mordwinische Chrestomatie mit Glossar und grammatikalischem Abriss, Гельсингфорс, 1909. — 221

Payne and Smith. — Thesaurus Syriacus. — 248

Pedersen, H. — Neues und Nachträgliches, Kuhn's Zeitschrift, т. 40, 1906. — 176

Pedersen, H. — Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. — 200

Plutarch, Vita Coriolani, III. — 151

Pokorny, J. — Das nicht indogermanische Substrat im Irischen, Zeitschrift für Celtische Philologie, т. XVI, 1927, стр. 95—144, 231—266, 363—394 и сл. — 229

Reboud. — Recueil d'inscriptions libyco-berbères, Mémoires de la Société française

de numismatique et d'archéologie, Париж, 1870. — 175

Rivet, P. — Les origines de l'homme américain, Anthropologie, т. XXXV, № 3—4, стр. 293—319. — 85. 88—94

Rivet, P. — Les Mélanéso-Polynésiens et les Australiens en Amérique, Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 1924, стр. 335—342. — 88. 92

Sallustius. — De bello Jugurthino. — 172

Saint-Martin, Vivien de. — Le nord de l'Afrique dans l'antiquité grecque et romaine, Париж, 1863. — 175

Sauvageot, A. — Eskimo et ouralien, Journal de la Société des américanistes de Paris, новая серия, т. XVI, 1924, стр. 279—316. — 94

Schiefner, A. — Jenissei-ostjakisch-deutsches Wörterverzeichnis. — 195

Schultze, L. — Aus Namaland und Kalahari, Йена, 1907. — 117

Seyffert, C. — Totengebräuche und Todesvorstellungen bei den zentralafrikanischen Pygmäen, den Buschmännern und Hottentoten, AfA, т. 12, 1913, стр. 184—219. — 122

Tauern, O. — Ceram, ZfE, 1913, стр. 162—178. — 245

Торп, А. — Etruskische Beiträge, Лейпциг, 1902, т. I. — 138

Trombetti, A. — Come si fa la critica di un libro, con nuovi contributi alla dottrina della monogenesi del linguaggio e alla glottologia generale comparata, Болонья, 1907. — 92

Uhlenbeck, C. C. — Du caractère passif du verbe transitif ou du verbe d'action dans certaines langues de l'Amérique du Nord, RIEB, XII, № 3, стр. 399—419, 1922, июль—сентябрь. — 85—86

Uhlenbeck, C. C. — Le tchoukche et le basque, RIEB, т. XVI, № 1, стр. 85, 1925, июль—сентябрь. — 86

Vallée, F. — La langue bretonne en 40 leçons, 40-е изд., Сен-Брие, 1926. — 207

Villemarqué, Hersart, de la. — Barzaz Breiz. — 212

Virchow, R. — Das Koban im Lande der Osseten, Kaukasus, Берлин, 1883. — 175

Walde, A. — Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2-е изд., Гейдельберг, 1910. — 169

Zeuss. — Grammatica celtica, 1853. — 260

II. УКАЗАТЕЛЬ РАЗБИРАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ ТЕРМИНОВ¹

Абхазский

ап мать, самка 120. 223
 а̀г войско, народ, собрание 21
 а̀умāq̄а чувяки 69
 ауq̄а топор 73. 74
 а̀гга правая рука 74. 184
 а̀гга левая рука 74. 184.
 авəgà видеть 63. 103
 abləgà гореть, сжигать 63
 а̀bgəq̄tə лиса 76
 а̀bgadəw волк 76
 abzà живой 73
 àbla, àla глаз 63. 80. 103. 104.
 225
 agarà брат 64. 65
 àgəlaга стоять 64
 dàga, dàgada очень, сильно,
 чрезвычайно 262
 akaма кинжал 187
 àlaba палка 80
 alaħa инжир 80
 alaфə̀л ива 80
 aləħə̀га свет 80
 àləħə̀га мерин 62. 76. 80
 àmā ручка 66. 69. 120. 186
 amàg сапог 69
 amш день 80
 àmга солнце 52. 71. 73. 80. 103
 àmza луна 71. 73. 102. 103
 amʃ сила 66
 .anapə̀ð рука 65. 68—70. 73.
 120. 153
 arə орех 80
 àgas папоротник 80
 aгаq̄ скот 80
 aшпə̀га смотреть 80
 aфə̀, aфə̀ сын 262
 aфsə̀ð мертвый (бзыбск.) 73
 aфSə̀ð душа (бзыбск.) 73
 aфSə̀ð мертвый, душа (абж.) 73
 aфsə̀a птица 80
 aфsə̀bàга мир, свет 80
 .aщapə̀ð нога, 68. 73

агшгга бросать 63. 64

аʃə̀ð бык 178
 аdə вода 262
 aʃə̀bərg истина 74
 aq̄aga помогать 67
 aq̄əđ пшено 78
 q̄ims одна пятая 251
 q̄ə пять 251
 aħà свинья 78
 aħə̀zba нож 187

Аварский

ħama осел 109

Австралийские

eħa, yaга, yoħa зуб 95
 ula, ʃw'ula огонь 95
 ula, ʃw'ula дерево 94
 yaга см. eħa
 yaгуl камень 95
 yoħa см. eħa
 yuгi ухо, слух 95
 kala, kaħ уголь 95
 kaħ вода 95
 kuп, kupo, kupu вода 95
 maг, maга рука 94
 taпа, teпа бедро 95

Алумский

ħeyvan лошадь 109

Алтайский

yū жир, сало 138. 141

Амлийский

ball мяч 19
 better лучше 267
 bread хлеб 121
 bury хоронить 18
 god бог 266. 267
 good хороший 267
 home дом 37
 thunder гром 247

Андийский

ħamogaq̄ осел 109

Англо-саксонский

baest мочала, веревка 259

Арабский

yaħ^{un} море 242
 yawm^{un} день 242
 yaгəq̄ месяц 104
 waħad^{un} единственный 242
 wafr многочисленный 237
 walad родил 260
 watar тетива, струна 259
 bi с помощью, внутри 241
 buḡāk мул 110
 dāna сулить 171
 dīn^{un} вера, религия 233
 gamal верблюды 176
 fa и 241
 faqat только 241. 242
 faḡd^{un} единственный, один
 только 241
 fiʒl^{un} действие 234
 ħaħ^{un} истина 233
 ħarb меч 235
 ħarb^{un} война, бойня 235
 ħarbaḡ^{un} острие, копье, дротик
 235
 ħawḡa гурия 119
 ħaywān животное 110
 ħmāg осел 109
 ʃaħad^{un}, wāħad^{un} один 240.
 242
 ʃaħadā он взял 242
 ʃāliḡ^{un}, ʃalif^{un}, ʃilf^{un}
 друг, товарищ, мальчик,
 холостяк 239
 ʃalif^{un} тысяча 238. 239
 ʃaluḡ^{un} глава племени, друг,
 поверенный 239
 ʃāmana верил 233
 ʃamwāḡ^{un} вода 241
 ʃamwaaḡ^{un} вода 241

¹ Слова приводятся лишь в значениях, указанных в настоящем томе ИР.

- ʕaʕaʕ^{un} другой 240
 ʕilf^{un} друг, товарищ 239
 ʕimraʕaʕ^{un} женщина 241
 ʕislām ислам 233
 ʕism^{un} имя 233
 ʕumān^{un} вера 233
 ʕaš палка 105
 ʕašaraʕ^{un} десять 247. 255. 256
 ʕašreу счастье 247
 ʕašīraʕ^{un} род 247. 256
 ʕusbūʕ^{un}, subūʕ неделя 247. 251
 ʕušaʕ^{un} вид дерева 247
 kalb^{un}, kelb^{un} собака 234
 ʕamaʕ луна 252
 ʕaws^{un} правда 233
 kašīʕ обильный, богатый 247
 kelb^{un} см. kalb^{un}
 kupaʕ^{un} прозвище 148
 ʕurān, ʕogān коран 119. 130
 ʕurbān жертва 119
 ʕurʕaʕ судьба, жребий, знак, клеймо 130
 labuʕaʕ^{un}, labʕaʕ^{un} лев 176
 lamaš касаться 241
 laʕama собирать 238
 laʕm^{un} личность 238
 maʕanū^{un} городской 171
 maʕa он протек, прошел 241
 maʕaʕ^{un}, miʕāʕ^{un} раз 241
 maʕʕaʕ^{un} женщина 241
 māʕ^{un} вода 241
 maʕaу он протянул 241
 medinaʕ^{un} город 171
 miʕaʕ^{un} сто 241
 muʕaʕ^{un} вода 241
 namḡ^{un} тигр, барс 182
 paʕaʕa коснуться, достигнуть 240
 paʕf^{un} половина 240
 paʕaʕa он продал в кредит 241
 piʕab рукоять ножа 241
 piʕūpa женщины 241
 piʕ^{un} текучая вода 241
 ʕams пять 251
 sawḡ бык 178
 saʕaʕ^{un} некоторое время, длительность времени 248
 sabʕaʕ^{un}, sabʕ^{un} семь 247. 251
 saʕib крест 132
 samaʕ^{un}, semaʕ^{un} небо 233. 242
 samaʕ^{un} верую 233
 subʕ^{un} седьмая часть 247
 subūʕ, ʕusbūʕ^{un} неделя 247. 251
 sim^{un} имя 233
 ʕaʕrīq̄ дата 104
 ʕalaʕ^{un} три 241
 šams^{un}, šems^{un}, šamʕ^{un} солнце 233. 242. 251. 252
 šarība он пил 162
 vaʕan, vaʕn родина 171
 wāhid^{un} см. ʕaħad^{un}
- Арамейский*
- yūm 242
 don сулить 171
 ʕalef корабль 239
 ʕuḡana книга 130
 ʕad один 242
- Армянский*
- aḡ муж, мужчина 21. 256
 aḡs дух, злой дух 21
 aḡ (др.-л.) правый 140
 aḡol (др.-л.), aḡoḡ (нар.) удачный 184. 185
 alaḡem умолять 272
 aḡawḡ молитва 272
 amaḡ сосуд 68
 amis месяц 102
 andrew (др.-л.) дождь 142
 anḡun бессонный 223
 anti оттуда 16
 arḡ пей 162
 arḡi (др.-л.) я выпил 113. 162
 arḡan камень, столб, колонна, памятник, надпись, протокол 42. 74
 arḡ (др.-л.), arḡ medведь 35.
 aḡeg солнце 49
 arḡ'ap'el бросать 74
 arḡel ящик 9
 arḡul брат 34
 arḡ samec 21
 eḡ, eḡuḡ осел 35
 elbaḡ, eḡbaḡ брат 21. 193
 erkaḡ (др.-л.), erkaḡ (нар.) длинный 200
 erḡar лошадь 111
 iraw (др.-л.) действительно 184.
 irawinḡ право 184
 irēaḡ друг друга 184. 255
 olḡ (др.-л.) здоровый 140
 oriḡord девушка 119
 orḡ стена 21
 oski, oske золото 33
 oskoḡ юсть 217
 uḡi дорога 139
 urḡeḡ женщина 119. 224
 uḡḡ (ewḡ) масло 139. 141
 uḡuḡ внимание 95
 uḡuḡkararīk кентавр 263
 vaḡnīḡ баня 192
 vaḡ вещь, разум 124. 191
 vaḡel работать 120. 191
 vaḡ слово 124. 169
 vaḡbaḡ язык, наречие 124. 169
 vaḡeḡi хороший, добрый 44. 52
 berḡeḡapal веселиться, радоваться 72
 berḡeḡel веселиться 72
 bewḡ, byuḡ (нар.) десять тысяч 237
 boḡal реветь 167
 byuḡ см. bewḡ
 deḡ форма, образ 44
 deḡel кроить 44
 di лошадь 35. 109
 doḡ поток, ущелье 112
 doḡi мул 35
 ʕur вода 23. 95. 112. 118. 218. 219
 gal приходить 65
 galuma (ширакск.) приходит 65
 gaḡi ячмень 34. 151
 gaḡl волк 271
 geḡ река 268. 274
 geḡin почва, земля 268
 goḡel кричать 272

гəдау любит, милостив 270
 гуđ любовь, милость 270
 хауг отец 21. 256
 хамаг число, счет 252. 253
 хамаг для 253
 хамарел считать 250. 252
 хамбаги, хамбаги (др. л.) си-
 рены 263
 хамагшоп почет, уважение
 250. 252
 хаш бабушка 223
 хагитг, хагиг (нар.) десять 255
 хакг'ап'ел (др.-л.) бить 74
 хагфат пьяный 113
 хаđ, хăđ (диал.) хлеб 24
 хедапоз язычник 171
 хепоđ печь 221
 хир близ 22
 хиг огонь 23. 95. 219
 хам час 249
 кал держать 65
 кал+ап женщина (косв. падеж)
 223
 кар- камень 30. 31. 42. 95. 177
 кар сила 177
 карг порядок 42
 каркаг куча камней 30
 каркаđ журчать 95
 кауі искра 32
 кауіак молния 32
 кеус половина 22
 керр образ, форма 45. 234
 -ки раз 188
 кин женщина (прямой падеж)
 223
 кореак просо 78
 коут стадо 267
 коус, куус девушка, сторона,
 бок 272
 кофел звать 172
 лакот щенок 176
 лау лучше (др.-л.), хороший
 (нар.) 266
 лусин луна 253
 мауг мать 192
 маугі дубрава 107
 мартђим борюсь 188
 мађ ручка плуга 191
 марђеу можно 189
 ми один 255
 мшеалđ (др.-л.) друг друга 184
 моуг, мууг (нар.) сапог 69
 мугđ кулак 188

марђил бороться 188
 раһ, раһ пост, бдение 72
 рагқ пляска, хоровод 70—72
 рарт долг 189
 партиу нужно 189
 реус образ 72
 ретқ необходимо 189
 қауі шаг 68
 қауіал шагать, ходить 68
 қағақ город 178
 қар камень 30. 31. 42. 95. 177
 қиғақ жеребенок 109
 қағел двигаться, играть 119
 қағфат (нар.) пьяный 163
 қоз свинья 78
 қотел, эпрел (др.-л.) пить 113.
 163
 сер сливки 141
 сугал плавно двигаться 112
 сурб чистый, святой 24
 тас, тасеп (др.-л.) десять 117
 туп дом 222
 тапафел узнавать 272
 тагр жир 141
 теңтег накипь жира 141
 тишт истина 233
 тапшарит истинный 233
 тапауđ знакомый 272
 таг дерево 106
 тагау жажда 112
 тиг круг 5
 төгел течь, стекать 112
 төртөр ущелье 112
 төпанел рождаться 220
 дађшап рукавицы 68
 див число 250
 дошиг (нар.) дождь 142
 дүл бык 178
 қаут дерево (др.-л.), палка 107
 фəлау (др.-л.), фүл екау (нар.)
 разрушился 190
 вагөр тигр 175. 181
 вағарел продавать 34
 вадап родина 171
 шип собака 176

Ассирийский

алри бык 239
 еду один 242
 елуфци корабль 239
 имми 242
 лимц тысяча 238
 қамілди пять 251

шабатц, шарацу покаянный
 день, отрезок времени 248.
 шамсу солнце 233
 шарацу см. шабату

Ахважский

шмқи осел 109

Балкарский

қуип день 196
 джегд четыре 196

Баскский

аосарау небо 122
 аускога топор 42
 аусе ветер, дуновение 21
 аута отец 21
 аутоп дед, предок 21
 ауđ камень, скала 42. 74
 аунди большой 21
 абере животное 25
 алаба, албана (сул.) девушка,
 дочь 20. 27
 алда ольха 24
 амаг, хамаг десять 115. 127
 ашеф свидение 45
 амон бабушка 21
 андере госпожа, женщина 119.
 120. 223
 арал низкий 25
 арги свет 24. 41
 арқа кончег, закром (сул.) 9
 арте дуб 151
 арто маис 151
 арту брат 34
 арđ, арđ медведь 35
 арда скала 42
 ађшги см. ашшги
 ашкко, аско (диал.) много 38
 ашто, агусто осел 35
 ашшги, ађшги, ашцу (сул.) годо-
 валый ягненок 25
 еуп сто 38. 39
 еурги, иги дождь 108
 едалету жажда 163
 едакү напиток 163
 едан пить 163
 егағи ізап жажда 163
 еғи правда 52
 еғи см. екі
 егун день 46

- eguski см. eki, iguski
 egün hün добрый день 45
 eki, egi, egusko, egi (сул.)
 солнце 46. 49
 egori, egori покупать 34
 esin бессилье, немочь 25
 egi см. eki
 eze дом 37
 zibi ходить 21
 iguski, eguski солнце 40. 50. 51
 ikađ, iqađ (сул.) уголь 32
 iksı, iqiñi (сул.) видеть 40
 indar сила 25. 191
 iqađ см. ikađ
 iri, hiri город 22
 iruhiri три города 22
 ituri, uturi (диал.) родник 37
 obiratu (сул.), heratu, beatu
 хоронить 18
 odol кровь 118
 ogeu двадцать 24. 38
 ogi хлеб 24
 ohola дрань 36
 ola, olha хижина 36
 ordođ кабан 35. 51
 orma стена 21
 ого весь, всякий 161
 orđ зуб 95. 154
 и- см. ir
 udagara выдра 9. 35. 272
 udare см. madari
 ubarka резервуар 9
 ukitu касаться 34
 uheri ягненок 27
 ur, и-, hur вода 108. 121. 219
 ur orex 106
 urdaru см. madari
 urę, irhi (сул.) золото 33
 urde свинья 35. 51
 urte год 224
 uturi см. ituri
 yabe господин 51
 bay да 44. 52
 beatu см. oberatu
 begi глаз 106
 beratu см. obiratu
 bere сам, себя 25. 116. 127
 behi корова 179
 bero теплый 24. 25
 berup свинец 33
 bide дорога 21
 biribi круг, круглый 19
 bisar борода 26
 biri живой 25
 bortu (сул.) гора 17. 18
 bođı (сул.) скала 17
 buru голова, сам 18. 25. 116.
 127. 138. 253
 burus beera головой вниз 19
 burus, büüs (сул.) обращаюсь
 19
 burusko см. galburu
 burdin, bürdün (сул.) железо 33
 büüs см. burus
 galburu, burusko колос 25
 garb чистый 24
 garagar ячмень 34. 151
 garı пшеница 25. 34. 151
 gaste юноша, отрок 39. 51. 224
 gison, gisun (гип.) человек 39
 goyko бог, небесный 50
 goys утром 50
 gu мы 8
 guti мало 24
 gurpil, rigiri колесо 19. 20
 iñko (сул.) бог 13. 50
 hamar, amar десять 38. 249.
 252—254
 haragi мясо 24.
 harı, karı камень 18. 95
 heben (сул.) здесь 11
 herdo половина 22
 hon, hün хороший 44
 hume, ĩneme дитя, сын 26
 hüner (сул.) потомство (живот-
 ных) 27
 hur, иr вода 23. 95. 121. 219
 hür (сул.) вода 220
 hurbil близ 22
 kađ см. hađı
 ke дым 39
 kılđa ключ 37
 lađu, pađu (диал.) кожа, шкура
 37
 madari, udare, urdaru груша
 29
 madarđe, madariđ грушевое
 дерево 24
 maytea, maytia (диал.) доро-
 гой 7
 mando мул 35
 marhüge, maruga (диал.) еже-
 вика 5
 mendı гора, холм (сул.) 17
 mutil мальчик 39
 peñkatil девушка 39
 řar, řer злой 13. 14
 řeren дьявол 13. 14
 řeri свинья 14
 pelota, pilota мяч 18
 rigiri см. gurpil
 řistı зажигать огонь 32
 řawna (гип.) господин, господе
 42. 155
 qorbođuva канат из лозы 5
 sabau крыша 122
 sagar, ĩnagar (диал.) яблоко
 10
 sakur, zakur собака 35. 272
 sal, ĩnal (сул.) продавать 34
 saldı лошадь, кляча (сул.) 35.
 109. 121
 saldu покупать 69
 saldun всадник 109. 121
 samari лошадь (сул.), выючное
 животное 35. 111
 sarata сапог 69
 sare, ĩnare (диал.) сеть 20
 ser что 22
 seru небо 5
 sorđı восемь 38
 su см. ĩpu
 ĩnal см. sal
 ĩnagar яблоко 28
 ĩnarađ, sarađ (диал.) труп
 24
 ĩneme см. hume
 ĩpu, su (диал.) огонь 23. 29.
 222
 ĩportu рождаться 220
 ĩuritu, ĩüytd (сул.) мыть,
 стирать 23
 zakur см. sakur
 vasco баск 48

Баибийский

ber сын 174
 dō лошадь 109

Берберский

aymaten братья 193
 ađrum хлеб 168
 afus власть 190
 akşun собака 176

aman вода 191
 anzag чучело, кукла 223
 azgag бык 178
 iŕigman (мн. ч.) хлеба 168
 inæbgi чужой 174
 ultma сестра 193
 uma, guma, gma брат 193
 ænz продавать 187
 æzæm лев 177. 180
 wid te 174
 baba отец 192
 buabua хлеб 167. 168
 bærhæg ворчать 168
 guma см. uma
 gma см. uma
 ĝur около, у 186. 191
 ĝuri у меня есть 65
 ĝuræs у него есть 190
 ma мать 192
 mæðæn народ, люди 171. 172
 niŕ честь, самолюбие 181
 naŕei наводнить 181
 su пить 162
 sbærhæg покрыть вуалими ново-
 брачную 167
 tafnæst корова 179
 twaга он увидел украдкой 50
 twaŕiĝ я увидел украдкой 50
 ŕamurŕ земля 165
 ŕiŕiŕ buanzag радуга 223

Бретонский

alhün бессонница 223
 avelstü знойный ветер 220
 osvku, osvkon кость 217
 бага хлеб 224
 ðen человек, мужчина 224
 ður вода 218. 219
 gvaз мальчик, отрок, муж,
 человек 224. 225
 gwelnt см. selnt
 gwın вино 224
 hedoŕ ломкий 222
 hedro подвижной, непостоян-
 ный 222
 hegar любовный 223
 hege болезненный 223
 hegoŕ гиблый 223
 helavar говорливый, красноре-
 чивый 223
 hewel видимый 223
 hibud журчание 223

Избранные работы, IV.

higoleŕ точильня 223
 hiĝ длинный 200
 hūren облако 224
 kaŕeg скала, подводный ка-
 мень 214
 kaŕekāt обратить в камень
 214
 ki собака 221. 222
 krom круг 216
 kromleŕ ограда 216
 küŕün венец 217
 küŕün гром 217
 kwer крестьянин 225
 lagad глаз 225
 march лошадь 111
 mén, meæn, maæn камень 216
 mud глухой 222
 reb весь, всякий 215
 rei далекий, давний 215
 riled восковая свеча 215
 selnt, gwelnt видеть 221. 225
 simud глухота 222
 sü гарь 220
 süya пережарить 220
 tap огонь, жар, фонарь 220
 taŕna потомство 259
 ti дом 222
 tuda населять 269
 tühhü отверстие для воды 219
 wüŕŕiud чудо, удивительный
 217

Ботлижский

hamaŕi осел 109

*Венгерский*szem глаз 221
 tíz десять 117*Вотумский (Манси)*

alаша лошадь 62

Галльский

march лошадь 111

Годоберинский

hamaŕi осел 109

Голландский

baest мочала, веревка 259

Готский

arawstawlus апостол 260
 wulf волк 275
 barna дитя 262
 bauŕ сын 260
 bawŕ рожденный 261
 gabawŕðs род, рождение 260
 gebayren рожать 260
 giutan лить 273. 274
 gōðs хороший 267
 guma муж 257. 273
 guð бог 266. 267. 270
 sunno солнце 264
 sunya истина 264
 ŕunða народ, люди 269

Греческий

ἀγορά площадь 169
 ἀγορεύω говорить 169
 ἀνάγκη необходимость 120
 ἀναγκάζω насилую 120
 ἄρτος хлеб 104. 151
 βάλανος жолудь 105. 121. 152.
 168. 224
 βάρβαρος варвар 124. 166. 170
 βία сила 67
 γυνή женщина 223
 γένος род 170. 171
 γίγνομαι происходить 153
 δένδρον дерево 151
 ἔθνος народ 170—172
 ἑλλός куст, молодое дерево
 10
 καλλι-ἔπος красноречивый 132.
 133
 κάσις брат, сестра 256
 κολλάω высекать, бить 154
 κολαπτήρ резец 154
 κορώνη кольцо 217
 κορωνίς, κορωνός венец 217
 λέων лев 176
 λόγος разум 123
 λύκος волк 180
 μάχαιρα меч 67. 187. 188. 235
 μάχη сражение 188
 μηχανή орудие, машина 191
 μῦθος множество 237
 μία одна 255
 νεφέλη, νέφος облако 181
 νομοδικός кочевой 173
 ὄχλος народ 169

δδών зуб 154
 οὐρανός небо 121. 217. 224
 παράλις барс 181
 παρθένος девушка 120. 155. 223.
 262
 πόρτις теленок 179
 σῆτος хлеб 104
 τέρας знак, знамение 173
 τέχνη искусство 191
 ὕλη лес 95
 χεῖρ рука 67. 191. 235
 χέω лить 273
 χοῖρος свинья 78
 χρόνος время 121
 ξύλον дерево 95
 ὠρανός небо 121. 217. 224

Грузинский

აბანო баня 192
 აბედ трут 30. 32
 აბგინა он крутил 19
 ალ пламя 23. 95
 ალიონ см. уалон
 ავ сто 38
 ასული дочь 262
 აშ десять 38. 256
 ადას тысяча 238
 აჭიგა нагрел, раскалил 219
 ერ народ, войско 21. 256
 ერბო масло 141
 ერძმან ერძსა, ურძი ერძას
 (др.-л.) друг друга 184
 ეტი судьба, круг, колесо 20
 იბრძვის он борется 188
 იქიდა он купил 188
 ირკაგ владеи 177
 იფიჭიყა он ползал 249
 ითანს переносит 120
 ოდენ один, только 184
 ოპაგი, უპაგი седло 176
 ოჭი четыре 249
 ოშ двенадцать 24. 38
 უბან площадь, квартал 169
 უბნობს он говорит 169
 უმადობეუს (др.-л.) добрый 267
 უპაგი см. ოპაგი
 უგა жеребец 109
 უგეშ арба 19. 20
 ურძი ერძას см. ერძმან ერძსა
 უალიონ (диал.), алион заря 102
 ბადა родил 260
 ბანა мыть, купать 192
 ბაიარ веревка 259

ბავუш, (диал.) ბოუш ребенок 261
 ბელ медвежонок 27. 261
 ბერი (др.-л.) бесплодный 174
 ბერე, ბერე (гур.) много (нар.),
 десять тысяч (др.-л.) 37.
 237
 ბიჩк стезя 21
 ბოკვერ левенок 261
 ბოლ (гур.) дым 39
 ბოლო конец 18. 137
 ბორბალ колесо 19.
 ბორგა бесновался 75
 ბორჭ мяч 18
 ბორჭი (др.-л.), ბორჭი (нар.) холм
 17. 18. 137
 ბორკი кандалы 188
 ბოუш см. ბავუш
 ბრალ вина 189
 ბრბო толпа 167. 172
 ბრძოლა борьба 188
 ბრეველ см. შრავალ
 ბრიალ кружение 19
 ბრენ свинец 33
 ბრე кружение 19. 20
 ბრიკილ, გრიკილ, რიკილ блоха 119
 ბუბუტი ворчать 167
 ბურდგა перина, пух 17
 ბზე см. მზე
 და- низ (в глаголах) 25. 64
 დაბალ низкий 25
 დაბრუნდა вернулся 19
 დაეშინა он видел во сне 44
 დაკეტა запер на ключ 37
 დათავალა он меня обязал 189
 დაშინა он снял мерку с него
 44
 დაძვრა он напился 112
 დედა мать 35
 დენა течь 220
 დიად большой 21
 დიადი женщина 38
 დიადი (нар.), დიადი (др.-л.) да 41
 დიად большой 21
 დგან, დგალა (нар.) стоит 64
 დაღი собака 271. 272
 დალ сила 25. 34. 65. 178. 183.
 188. 191. 262
 დაგ (гур.) плетенка 20
 დაღი дерево [сруб] (др.-л.), доска
 24. 105. 106
 დაღვა давать 65. 183. 188
 დამა брат 193
 დაღვი дровнии 215

დერ должное 120
 დოგ мул 35
 დამ время 249
 გააჭიგა разогрел 23
 გააჩიჭიყა поджарил 32
 გას сторона 64
 გაკიდა он продал 188
 გამაღძობა здравствуйте 45
 გაძვალა сглазил, околдовал 104
 გაუკიდა я продал 34
 გელ, მგელ волк 271
 ჭო, კი (нар.) да 42
 გოგოგა (гур.) колесо 19
 გოჭ поросенок 267. 271
 გველ змей 271
 გურგურე ვенец 217
 გურგურა (др.-л.) греметь 217
 გზა дорога 189
 გომი просо 168
 გრძილ десна 95. 154
 გრძილ клык 95
 გმერძ бог 49. 266
 გოდ (диал.) клык 95
 გოგ свинья 14. 35. 78. 271
 გუდა- (др.-л.) бог 266. 270
 გრენა скалнить зубы 154
 გვინო вино 224
 ხუნე (др.-л.) конь 176. 221
 კაჟ кремень 30. 214
 კარგ хороший 42
 კაშ человек 38. 39. 224. 256.
 272
 კერძო (др.-л.) половина 22
 კერე идол 29. 45. 49. 234. 235.
 კეჩილ хороший 72
 კეჭი проказа 267
 კეჭოვან прокаженный 267
 კი (нар.), ჭო, დიად (др.-ლ.) да
 41. 42
 კიდე сторона, край 188
 კიდობან ковчег 9
 კილე, კილე (гур.) ключ 37
 კოლ სადო [свиной] 267
 კუარჭილ-ბერკ подножие трона
 72
 კურჭილ (гур.) слеза 23. 40. 251
 კვამლ дым 39
 კარს воняет 177
 კეფა лаять 234
 კლარა глотнул 217
 კლარვა глотать 217
 კმა отрок, юноша, рыцарь
 194

- kmaivil, kmarivil (нар.), martvil
 (др.-л.) юноша, мальчик 20.
 261. 273
 kola (др.-л.) вовсе 161
 korigel, kolifer (нар.) все 161
 kovel весь, всякий 161. 215
 kur ухо 95
 kurden виноград 78
 kvele все, всё 161
 laraqak разговор 217
 lag (др.-л.) товар 37
 legu вижир 80
 leki щенок 176
 lom лев 176
 lođva молиться, молитва 272
 šama отец 292
 mand там 164
 magad постоянно, ежедневно
 161
 magd ловкий 184. 186
 magđul правый 184. 186
 magđve левый 184. 186
 magđvena правый, правая рука
 66. 67. 94. 120. 184. 186. 235.
 marto, martve (диал.) только,
 один только 186. 188. 241
 mariku, mariki (др.-л.) земля-
 ника 164
 marđal прямой, правдивый 186.
 233
 marđebs надлежит 189
 marđva выпрямлять 186
 marđvin близнец 103
 marđq несчастье 186
 marđvena левый, левая рука
 66. 67. 94. 186. 235
 marđval зерно 5
 marđva хоронить, поститься,
 пост 72
 me один 255
 meqobaq друг, сосед 273
 meqan мерин 111
 mer через 184
 mubqunda он обратился
 к нему 19
 mta земля 165
 moeđmara он ему помог 66. 67
 moitana принес 120
 mohkida тронул 188
 mogu маг 71
 mogu, mogv (нар.) сапог 69. 71
 mokida, mokideba касаться 34
 mor пень 105
 moukida зажег 23
 mozver бык 261
 *mund глухонемой 222
 muqa дуб 105. 152
 mkar крепкий, твердый 30. 177
 mqar, mqar (др.-л.) плечо 177.
 187. 235
 mqare страна 164
 mqargrdel долгорукий 177
 mqeval (др.-л.) рабыня 194
 mqolo единый 119
 mraval, brevel (нар.) много 37.
 38. 237. 238
 mrđobl пара, двойной 103. 104
 msurs желаю 112
 mšams верую 233
 mškura жажда 112
 mša, fša (диал.) гора 17. 25. 137
 mšvrali пьяный 112
 mšepare растение 220
 mšobel родитель 26
 mze, bze (диал.) солнце 32. 49.
 50. 52. 101. 102
 mzera, bzera (диал.) смотреть
 50. 101. 102
 rapta лесная груша 10. 28
 rug хлеб 104. 121. 152. 168. 224
 řaga прятать, закрывать 167
 řařaq грива 111
 řeg краска, цвет 72
 řeg образ 72
 řeqđ, řeqđ (др.-л.) нога 68. 70.
 188
 řeqđul пляска 70. 72
 řeqšadmel обувь 68
 řeqša, řeqša (нар.) кыло, перо 17
 řupa навоз 179
 řur корова 179
 řurđel лист 105
 řurřus шептать 167
 řuřđ (др.-л.), řuřđ клятва 251
 řuřa разрушил 190
 řal женщина 118. 272
 řalamal ланти 68
 řalaq город 178
 řaqabařa гермафродит 118. 262
 řeq ячмень 34. 151
 řmaq муж 193. 273
 řamal, řamal (др.-л.) обувь 69
 řař время 121
 řar, řar бык 177. 178
 řarđ жадный 113. 163
 řarđal кинжал 191
 řarđar кинжал 187
 řarđkola (гур.) лоб 5
 řarđo, řarđo (нар.) теленок 179
 ře дерево 24. 105
 řel, řel рука 177. 186. 194.
 235
 řelřadmal перчатки 68
 řamal, řamal меч 187. 189. 235
 řmar помогать, употреблять
 186
 řo см. ki
 řolo (др.-л.) однако, но 119
 řořola (гур.) игрушечная изба
 36
 řorbal пшеница 78. 104. 106.
 121. 152. 168. 224
 řorđ мясо 24
 řul хижина 36
 řula амбар 36
 řurva покрывать 36
 řuř пять 231
 řams должно 189
 řurva пахать 177
 řuvil (др.-л.) колос 36
 řađq считать, почитать 253
 řiđq число 253
 řkpa железо 32
 řšmneba вера 233
 řšmena вера 233
 řa куда 22
 řarurav (гур.) крыша 18
 řam три 240. 241. 249. 255
 řamare могила 72
 řařl дом 36
 řadmel надевать 68
 řarbar беседа 169
 řaršmnoeba вера 233
 řdal невеста, невестка 44. 119
 řide зять, жених 44
 řizmar сон 44
 řořel (др.-л.) село, деревня,
 страна 9
 řđal груша 10. 28.
 řđiv луч 110
 řšumar гость 174
 řuřa (др.-л.) пить 113. 162. 188
 řurvil желание 112
 řar ручка, рукоять 119
 řař кабан 35
 řba озеро, пруд 192
 řke лес 105. 106
 řkermal дикая слива 107
 řot рука, ветвь 68

talđı топор 42
 tarb брови 26. 102. 104
 tarmarǵ язычник 14. 45. 233.
 255. 266
 tasaburav (гур.) 18
 tıgeǵ канат из лозы 5
 tkal вода 23. 95. 112. 119. 139.
 141. 219
 tkaro родник 37
 tkurvil жажда 112
 tmında, tmıda (др.-л.) святой,
 чистый 123
 tre круг 5
 trǵel чистый, простой 24
 tver борода 26. 44. 161
 tuma (диал.), tmısha дождь 113.
 141. 142
 tıra он пропел, выжал воду
 112
 teşmarıt истинно 233
 teşmalıtısha истина 233
 tkınt молодой сыр 260
 tıпка (гур.) чортик 13
 tav голова 25. 137
 tava около 95. 120
 tavar, tavad глава, князь 137.
 138
 tavel колос 25. 36. 137
 tavı мед 153
 tıvil теплый 24. 25
 tavare, tavare, tavare луна
 39. 50. 71. 103. 104. 250
 tıqemla оляха 107
 tıqa коза 78
 -tu-ıs для (последог) 253
 tıce, tıce (др.-л.) месяц 250
 tıval (нов.), tıvalı глаз 39. 50.
 71. 103. 104. 250
 tıvla считать 104. 250
 tıa небо 25. 137. 253
 tıedıı огонь 23. 31. 219
 tıol жена 119
 tıgavs, tıgavs он плавает 112
 tıqen лошадь 109
 tıqepozav всадник 109
 tıqovav овца 25. 170
 tıqovel животное 25
 tıvil (др.-л.) воск 215
 tıvlak (гур.) 14
 tıota мало 24
 tıqemla граб 107
 tıqo немолоченное просо 78
 tısha внутри, в, дом 37

şobıl рожденный 26. 261
 şıgeba трудиться 64
 şıgoşa делать, трудиться 64
 şışıpraǵ пляска 71
 şıda судить 184
 şıđıl (др.-л.), şıđıl, řıđıl
 закон, религия 184. 185
 şıvel олень 27. 271
 şıvil сын 26. 261
 vaş отрок 261
 vaşıvıl отрок, сын 261
 valdebul obligated 189
 vaşar купец 33
 vaşıl яблоко 28. 29. 107
 venaq виноградник 224
 veǵđıı, veđıı (др.-л.) серебро 22
 veǵı (др.-л.), veǵıv (нар.) тигр
 175. 181. 238
 vıkıde я купил 34
 vıg осел 35. 109
 vsu (др.-л.) я выпил 113
 zaǵııl лето 23
 zedıa небо 23
 zıda расти 185

Дидойский

zımoş осел 109

Джунгатайский

kopşır лошадь 110

Древнеболгарский

rǵıkъ полк 169

Древнесербский

āmpāh в действительности 233
 ueşer веревка, мочала, тетива
 259

yōm 242

yǵaleǵ учил 239

bardıl железо 188

đın сузить 171

gāmāl верблюду 120. 176

hāşemın верил, уверовал 233

hımbaş он заклинал 248

řalǵ, řalıǵ бык 239

řaǵaza он схватил 242

řaşdeş одиннадцать 242

řeleǵ тысяча, род, племя 238.
 239

řeqad, řaǵad один 242

řomēn, řāmın воистину 233

řaştoǵeş дерево 24 7

řeser десять 247

řeş дерево 105

řımer, řāşır богатство 247

řābıř лвица 176

řom народ, нация, люди 238

řmıñāş страна, область 171

řışbāş закидать 248. 251

řāşıım женщина 241

řıāb рукоять меча 241

řāş бык 179

řāmeş, řāmıñāş пять 251

řamog осел 109

řarbur меч 235

řereş острие 235

řereş, řaraboš меч 236

řaşıım истина 233

řabāş, řabaş суббота 248. 255

řābaş покоиться, прекращать
 248

řābūşa неделя 251

řalōş три 241

řāşıım верую 233

řıbūşah клятва 251

řebaş семь 251

řōm имя 233

řemem солнце 233. 251

zıw блеск 110

Древнеисландский

řōlk народ 169

Древнерусский

комонь 62. 63

Древнесербский

bast мочала, веревка 259

gotı конь 267. 268

Древнеславянский

veşь 215

Египетский

swr пить 114

řaşāş (арам.) лук 233

Инуицкий

di верховой конь 109
gowt лошадь 110. 111
vig осел 109

Ирландский

bais прелюбодеяние 259
gorm голубой 216
koimthe бог 216
mag, mog великий 200
magc лошадь 111
mog см. mag
sig длинный 200

Испанский

alubia лоби 5
beber пить 163
burro осел 35
bebida напиток 163
manzana яблоко 28

Итальянский

colpo удар 154

Кабардинский

фа свинья 78

Кабильский

abu дым 167
iu мой 163
ik твой (мужск. род) 163
im твой (женск. род) 163
is его, ее 163
uba печь 167
эгта брат 192. 193
bəhbəg рычать 167
bəšbəš шептать 167
sdəmdəš делать красноватым
167
sdəndən бить оземь 167
šamaq, čamaq, šamaq борода
162
šur она 178

Каратинский

šama осел 109

Кимрский

tarđd отпрыск, потомок 259

Киргизский

koңur лошадь 110

Китайский

yu дождь 108. 114
yu рыба 107. 114
ba восемь 103
baц половина 103
ma лошадь 110. 111
mu дерево 105
mu глаз 120
шуу вода 114

Команский

uaw жир 141

Коми

ulmo яблоко 107
yu ручей 107
das десять 117
mu земля 164
pu дерево 105
tuру, тыры дерево 106. 152
шур вода 162. 218
vəl лошадь 111

Котский

bal глаз 103. 104
sə пить 114

Корейский

mal лошадь 111

Курдский

bog лошадь 110. 111

Кюринский

balqaп лошадь 109. 111

Латинский

anulus кольцо 121
annus год 121
arbor дерево 95. 106. 116. 127.
168. 189
arca ящик 9
ars, artis искусство 74. 191
ensis меч 187
integer нетронутый, непоча-
тый 120
ipse сам 116. 127
urbe, urbs город 77
balneum баня 192
bassum низкое 25
bibō нью 182
bibere бобр 181

caballus лошадь 27. 110. 111.

120. 176. 221

canis собака 176

cera воск 215

colo обрабатывать, ухаживать
153

corona венец 217

culter нож 154

cultura обработка 153

cuspis копье 154

dens, dentis зуб 154

dominus господин 122

domus дом 122

gens род 170. 171

gnatus рождение 153

homo человек 272. 273

hordeum, fordeum (диал.)
ячмень 78

humus земля, почва 267. 272

fas право 183. 185. 186. 189.
191

femina женщина 272

frater брат 21

fundo основывать 273

ius, juris право 183. 185. 186.
189. 191

leo лев 176

liber книга 173. 180

liber свободный 174. 180

liberi дети 174. 180

littera буква 173

lūpa волчица 180

lurus волк 180

malum яблоко 28. 29

manica рукав 191

manus рука 120. 191

mensis месяц 102

mutus немой 222

mons гора 17

nasco рождаться 153

nā'ura природа 153

natus рождение 153

nebula туман 181

nīmen, pōmen имя, знак, зна-
мение 123. 180. 181

rāns хлеб 121. 152. 168. 224

pater отец 21

populus народ 169—172

rōbulus тополь 169

quadrare 18. 214

quadrum четырехугольный 214

quattuor четыре 18

rivus ручей 180

gõbur крепкий 180
 guber красный 180
 gufas рыжий 180
 salve привет 45
 sanguis, sanguinis кровь 153
 sõi солище 102. 121
 sorbeo пить 162
 tangere касаться 120
 templum храм 252
 tempus время 252
 vis сила, 67

Литовский

puikas толпа 169

Марийский

kumät три 255
 tumo (луг.), tum (горн.) дерево 106
 viu, vi сила 67

Мароканский

añasi справа 190
 tamar борода 162
 tāsga, tafāsit правая сторона 190

Мерельский

гi всякий, весь 161
 оlə дорога 139
 ошиги слива 107
 оqоги дом 36
 оsиги женщина 262
 шшqиги яблоко 28. 29
 bja солнце 49. 102
 bokk нога 69
 bqudi см. qud
 dañqig огонь 219
 dudi голова 253
 qa дерево 24. 105. 106
 doqog собака 35, 271
 qima брат 193. 273
 ge- вниз (предлог) 65
 gegen, gign осел 35
 ger волк 271
 gign см. gegen
 gwel змея, дракон 271
 -gal иметь 65
 gal река 141
 gala брат, носить 65
 gala имя, богатство, состоя-
 ние 65
 gormoñ бог 29. 78

гг два 38. 184
 koñ человек 39. 272
 maга неделя 71. 253
 magаше еженедельно 253
 maikindi, maikindi кольцо,
 перстень 200
 mñu у меня есть 65
 mordgi удача, победа 66
 mñqиги село, страна 164
 qo да 44
 qoboñ пшеница 104. 106. 121.
 152. 168

qomoi муж, мужчина 272
 qomonñ муж, супруг 272
 -qud плечо bqudi, mqudi 177
 qam нож 187
 qud бык 178
 qa ветка 105
 qud ухо 95
 guo восемь 253
 skua, squa сын, дитя 26. 176.
 253
 squeri, squweri олень 27. 271
 tka лес 105. 106
 toba море 192
 tkurgil родник 37
 ðanafa светить 220
 ðag целый 140
 ðoqur мед 153
 ðuða луна, месяц 250. 251. 269
 ðil жена 118
 ðuri vulva 118
 ðqu корова 25. 178
 ðqemur граб 107
 шшma, шша пить 113. 162
 za дорога 139

Мидский

spraak собака 176

Монольский

arban десять 115

Мордовский

kemen десять 115. 127
 kolmo три 255
 lewks щенок, детеныш 176
 lшma (мокша), lшme (эрзя)
 лошадь 111. 177. 180

pu дерево 105
 selme (эрзя), selmu (мокша)
 глаз 221
 selved (эрзя) слеза 221
 tuma дерево 106. 152
 шшfta (мокша) дуб 106

Намайский

a пить 121
 au бросать 122
 апала касаться, чувствовать 120
 апis птица 121
 апoms гнездо 122
 omi дом 122
 urir блоха 119
 betir хлеб 121
 di делать 117. 118
 diya десять 117
 doga истекать кровью из носа 118
 duba топить 118
 doy двигаться, путешествовать 118
 doyom корабль 118
 gigr свинья 120
 har лошадь 120
 hos рождение 119
 higr море 119. 121
 hигom корабль 118. 119
 huu помогать 119
 hpus помощь 119
 kie человек 118
 ma давать 119
 mad как 118
 mi глаз 120
 naba блистать, светить 123
 nabasa сверкающий 123
 namь речь, язык, знание 124
 namar намай 123
 namaqhur знание, говорить 123
 namь язык 123
 ped этим 118
 somь тень 122
 soris солнце 121
 tam нести 120
 атras женщина 118
 траке женщина 118
 ðaam начинать 120
 ðaams начало 120
 ðã чувствовать 120
 ðãñã трогать, касаться 120

Немецкий

anzünden зажигать 247
 das Eisen железо 74
 der Bastard незаконнорожден-
 ный 259
 besser лучше 267
 die Burg замок 178
 gebären рожать 260
 das Gold золото 268
 der Gott бог 266. 267. 270
 gut хороший, хорошо 267
 der Himmel небо 267
 hundred сто 247
 kaufen покупать 34
 das Kind дитя 260
 die Krone венец 217
 die Mähre кобыла 111
 verkaufen продавать 34
 das Volk народ 169
 der Wolf волк 275

Нанайский

bärse осел 109
 din лошадь 109
 viг осел 109

Новоаламский

kg один 184
 mariperta все, всё 215
 pel весь 215
 pekima всячески 161

Осетинский

qog зерновой хлеб 106

*Остяцкий см. Ханты**Персидский*

babr см. bebr
 bazar рынок 33
 bebr, babr тигр 175. 181. 238
 leng штука 245
 sag собака 176
 шшаг число 250. 252

Русский

огонь 221
 отец 261
 отрок 261. 265
 у 65
 баня 192
 барс 181
 бобр 181

бог 75. 201. 218
 борьба 188
 волк 180. 275
 глаз 104. 265
 год 270
 день 220
 дерево 106
 для 253
 добрый 267
 дрeвеса 106
 запах 177
 земля 267
 золото 27. 268. 271
 камень 215. 216
 каурка 110
 кобыла 111
 конь 62. 63. 176. 221
 кидать 187
 кинжал 187. 191
 кинуть 187
 колот (летописн.) 268
 кремень 215. 216
 кремль 214. 216
 кровь 262
 лай 265;
 лапа 70
 лапти 63—65. 67—69
 лаять 176. 265
 лев 176
 лось 265
 лошадь 63. 265
 луна 265
 луч 265
 мама 192
 мерин 111
 месяц 102
 метать 187
 меч 187
 мечу 187
 мир 165. 255
 могу 266
 мочь 66
 мощь 68
 небеса 181
 небо 181
 нога 64
 отрок 261. 265
 парень 262
 пахоть 177
 пахнуть 177
 пашня 177
 раб 265
 рай 265

радуга 253. 265
 расти 265
 ребенок 261. 265
 ребята 265
 река 265
 речь 265
 ремесло 265
 род 265
 рожать 265
 рок 265
 рокот 265
 ропот 265
 рот 265
 рука 64. 265
 рукопашня 177
 румяный 265
 рушить 190. 265
 рус 265
 Русь 265. 266
 ручей 265
 рыжий 265
 рыть 265
 сапог 69
 сглазить 104
 сивка-бурка 110
 скиф 268
 скот 268
 слеза 221
 собака 27. 176. 201. 221. 262.
 331
 сука 262
 сукровица 262
 супарень 261. 262
 супруг 262
 хлеб 104
 хороший 265

Рутульский

uшал осел 109
 ушан, heуwan лошадь 109. 111
 уэq жир 141
 heуwan см. ушан

Сванский

аггг дом 9. 41
 аqān пахнет, воняет 177
 аqʒапан он родился у него 220
 ашг сто 255
 bāʒ, beʒ камень 216
 begej железо 33
 beʒ см. bāʒ
 dī мать 35
 dīg тетка 269
 dīш земля 65. 267

ğerbeđ, ğermeđ бог 14. 29. 45.
49. 233. 234
ğwaj, waj (диал.) отрок, муж
224. 225

ğwınal вино 224

ğwaz виноградная лоза 78

kaп кожа 179

kıbdwen загром 9

ker свинья, святиныя 13. 15

kođ скала 214

lem лев 176

lemesg огонь 32

lefkäl государыня 194

međwbarał братья, соседи 273

qođa adeğ добрый день 45

qan бык 177

qın, qwın душа 177

qıway много 254

tağmađ бог 14. 45. 233. 255

Đanaф пасха, воскресенье 220

Đar глаз 102. 104

tkınt отрок 260

vaj см. ğwaj

zural женщина 262

Сирийский

yalef учинася 239

baудā Əəzavna храм 249

γaутапūđā вера 233

ƣашаƣ веры 233

ƣушата̄ 242

kaгka город 178

keшā лук 233

kuштā истина 233

машкап zāvna ковчег завета
248

машкап dġə'zavna временное
обиталище 249

мпшауā верую 233

мшā имя 233

пеш женщина 241

qarba меч 235

qmoğā осел 109

šlība крест 132

шешā солнце 233

zavnā время 248. 249

Суоми

hobune лошадь 111

kolme три 255

kuitta золото 268

kūmen десять 115. 127. 250. 252

mā земля 164

mies человек 255

poуka сын 261

pū дерево 105

silme глаз

tañ дуб 106

Татарский

тап (касим.) дуб 106

ушан (каз.) дуб 106. 107

ушāп (дупко-кар.) пень 106

уштан дуб 107

иштан (каз.) дерево 106

Đāngtı (каз.) бог 139. 140

Тувинский

mōg лошадь 111

rot себя 138

Телеутский

уї жир, сало 138. 141

Đāpāra небо 139

Тиндальский

атаҫа осел 109

Турецкий

alma яблоко 107

almak брат 69

аҫа ячмень 151

ol см. bol

yağ, yağmur, уағғыр, уāпыр,
уанбыг дождь 141

yağ масло, жир 141

yoл дорога 139. 149

bal мед 153

baş голова 138. 139

bir один 255

bol, ol быть 137. 138

dil язык 154

diш зуб 154

kağan, қаҫан государь 155. 156

kol, kül рука 153. 154

kovшақ, kovnımak, kovalamak
быть преследуемым 110

qoҫak собака 176

qanәш женщина, дама 155. 156

qāzıp женщина, дама 156

sağ здоровый 140. 141

tağān 156

Đāgı (шорск.), Đānāra (теле-
утск.) небо 139. 140

Đāngız, Đānız, tāngız море 140

ƣeleb бог 131

ƣelebi господин, образова-
нный, изящный 131—133

vıgмаk бить 154

Удинский

bul голова 138

ful, ƣə глаз 104

qıvāğ девушка 155

qınƣı сестра 155

Удмуртский

uјri жеребенок 109

ukmυs девять 255

das десять 117

pu дерево 105

шunde солнце 121

val лошадь 111

vıgшud божество 217

Умбрийский

rufru 180

Французский

achever кончать 9

l'amadou трут 30—32

la balle мяч 19

bas низкий 25

la botte сапог 69

la carrière каменоломня 18.
214. 215

le cierge свеча 215

le chef глава, голова 9

le cheval лошадь 221

e chevet изголовье 9

le coup удар 154

couper резать 154

la couronne венец 217

le danger опасность 247

double двойной 103

équaltıг высекать камни 18.
214

le grand-père дедушка 21

la grand'mère бабушка 21

la louve волчица 180

la maman мама 192

le peuple варод 269

peupler населять 269

pour для 253

le sabot башмак 69

le sort судьба 220

sortir выходить 220

le tonnerre гром 247

Халдский

ardi, arđini солнце 24. 41
 ики сжигать 23
 biga десять тысяч 37. 237
 kapi, kapri камень 30. 216
 mi водопровод 216
 rađim бык 177
 riñ канал, водопровод 216
 riñci стела 216
 riñi камень 216
 ta вождь, глава 25. 137
 qarbi 30
 ʃaʃi крепость, замо́к, кремль,
 крепкий, укрепленный 30.
 214

Ханты (остяцкий)

im дуб 107
 fau дерево 107
 ximduł, kimduł девушка 195
 xemtoŋ женатый 195
 řim женщина 195

Хваринский

oťoķe осел 109

Хеттский

ir раб 194
 gim рабыня 194
 marđařar человек 201

Чамалальский

amađ осел 109

Чанский

iri весь, всякий 161
 oboŋ мыть 192
 ođali светить 220
 oguđi стоять 268
 ogzali ходить 139
 ořog дом 36
 ořimni пить 113. 162
 ur см. jur
 bere дитя 27. 174. 261. 262
 bokk нога 188
 bquđ, mquđ плечо 177
 dařur огонь 219
 dobguđi, dobguđi стоял 268
 řa дерево 24. 105. 106
 řogor собака 35. 271
 řuma брат 273
 ge- низ, вниз 65
 ger, mger, mgwer волк 271

guguni осел 271
 gza дорога 139
 řal река 95. 141
 řogmođ бог 14. 29. 51. 78
 řřna грызть 95
 jur, ur два 38. 184
 koř человек 39. 272
 ka ветвь 105
 lakot щенок 176
 mger см. ger
 mgwer см. ger
 mtkori, mtkuri, mturi, turi
 лесной, дикий 105
 miřři земляника 5. 164
 mquđ см. bquđ
 qoval хлеб 104. 106
 řam нож 187
 řkiri дитя 75
 řuga самка 262
 řka лес 105. 106
 toba море, озеро 192
 turi см. mtkori
 řuta, řuře маленький 24

řořur мед 153
 řuđa месяц, луна 250
 řuđi жена 118
 řuri vulva 118
 řřuri овца 178
 řřemur граб 107
 vizzali отправляюсь 139
 vizzali я отправился 139

Черкесский

řa собака 77
 řřa, řřa (диал.) бог 74

Чешский

ves весь 215

Чонские

oi, hol дерево 94
 ol, hul огонь 95
 orr, řorr зуб 95
 uzrr камень 95
 youŋ слух 95
 hol см. ol
 horr см. orr
 hul см. ol
 kar уголь 95
 kařa вода 95
 kop, kono вода 95
 mar, marř рука 94
 tamn бедро 95

Чувашский

urle через, попере́к 119
 uřan дуб 106
 uyvəs дерево 106. 117. 127
 rogan идол 218
 por, pur, pol, pul быть 138
 ruř голова 115. 127. 138. 139...
 253
 рыл мед 153
 řol, řul дорога 139
 řuməř дождь 141
 taга здоровый 140
 tasa святой, чистый 140
 toŋə, tuŋə бог 156
 řol рука 119
 řel зуб 154
 řu вода 107. 162. 218. 219
 vat быть 154
 vəřman лес 106

Шорский

řařri небо 139

Шумерский

ř вода 121
 ab дом, жилище 122
 am комната 122
 an небо 121
 itu месяц 250
 bur пир, обед 168
 řal, řal женщина 118. 194
 řem женщина 194. 195
 řel женщина 194. 195
 kur печь, печь хлеб 106
 kurra лошадь 271
 řu год 164
 řal см. řal
 řu рука 163. 164
 řur итти дождю, проливать.
 114

Эстонский

hobu eesel осел 111
 kolm три 255
 riñ дерево 105
 řam дуб 106

Этрусский

ma есть 138. 190

Эфиопский

řal^{fn} десять тысяч 239

Японский

u дождь 108
 ima, řa лошадь 108. 109. 111.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

(мифологические, культовые,
бытовые)

Ayqan 155
 Abraqa 102
 Abərskil 52. 75
 Aguna 46
 Amiran 75
 Apet 32
 Ardi, Ardım 24. 41
 Argımtı, Argımtı 41
 Aşba 261
 IsarŞenik 226
 Yapet 51
 Bagbartu 71
 Gagık 269
 Galqan 271
 Garda. qade 271
 Gig 269
 Giga 269
 Gigo 269
 Gogia 269
 Gorg 269
 Gorgasar 269
 Gurg 269
 Hayk 256
 Karapet 14. 29. 45. 51
 Karmenta 155
 Keremeş 51
 Lelo 18. 46
 Liber 174. 180
 Mayramqan 155
 Mars 188
 Merkur 49
 Nama 173
 Neptun 180
 Numa 123. 181
 Numtor 181
 Pateyfa 261
 Promeđeus 51
 Torq 156
 Turan 121. 156
 Шумнак 71

ТОПОНИМИКА

Abense 11
 Afrika 172
 Акa 77. 78
 Alba Longa 77
 Awna 155
 Apulia 172

Asia 172
 Europa 172
 Iberia 11. 47. 172
 Ierusalem 16
 Iuy 22
 Ipar 47
 Italia 47. 172
 Oloro 16
 Omise 11
 Bales 168
 Basel 168
 Berkri 72
 Bursa 178
 Carthago 166. 174. 178
 Cumae 77
 Danub 220
 Don 220
 Dnepr 220
 Dunay 220
 Davaq 256
 Durdura 172
 Gag 269
 Gallia 47. 49
 Gubazul 48
 Guria 172
 Ğaldğa 141
 Halys 141
 Kabarda 197
 Karpat 259
 Karqədon 171. 174. 178
 KarŞagım 171. 174
 Koş 268
 Libya, Libua 171—173. 182.
 189
 Liguria 48. 172
 Miarı 255
 Nama 124
 Namıd 124
 Norgalə 141
 Nubia 173. 189
 Numidia 173. 189
 Purene 33
 Rha 62
 Rōma 124. 172
 Qope 77
 Sard- 178
 Soş 268
 Suberu, ĩmberu (сум.) 10. 11
 Sureb 48
 Suřsa 48
 ĩmberu см. Suberu
 Tanats 220

Tao 256
 Tayq 256
 Terek 156
 Teberda 197
 Toparavan 192
 Toskana 156
 Tabal 77
 Tanıv 103
 Toray-pahak 156
 Tebelda 197
 Öerq 156
 Öessalia 47. 172
 Öqum 77. 273
 Van 192

ЭТНОНИМИКА

abask 189. 197. 225
 abasq 225
 abazg 197
 amaziğ 189
 amojög 189
 aqğaz 197
 aqş- 196. 197
 aqşwa 80. 197
 aqşwək 197
 avar 197
 eguski 48. 50. 172
 etrusk 173
 iber 170. 197. 225
 obez 197
 obr 197
 ovs 196
 udmurt 217
 yebze 196. 197
 welsh 225
 bahbalı 170
 barıbarı 170
 bastarı 258. 259
 bask 173. 189. 197. 225
 berabra 170. 175
 berber 166. 170. 172. 225
 berebere 170
 bodın 201. 218
 budm 201. 218
 breton 225
 brezoneg 225
 cymro 225
 cymryd 225
 qavaq 170
 get 270
 geıai 270

- gog 269. 270
 gogarene 269
 got 269
 goð 270
 gug 269. 270
 gugarg 269
 guð 269
 gwascon 225
 häld leng 245
 haussa 170
 hay 78. 256
 hayq 256
 homeyrıt 255
 kabar- 197
 kaspı 256
 kaq 256
 kelt 225. 268
 kolq 170. 269
 kolßen 268
 komarıt 254. 273
 koroq 269
 kotın 268
 koton 268
 koð 268
 libus 189
 libussa 172
 ligur 50. 172. 189
 ligus 50. 172
 malkār 196
 masaget 268
 mesq 170. 189
 mokına 201
 mordva 201. 218
 mosq 189
 mumk 189
 nama 124. 173
 pelasg 173
 punai 179
 qarðvel 79. 261
 qorðu 269
 qaldın 201
 qazar 259
 sav 197
 skolot 268. 269. 271
 skot 267
 someq 170
 skuða 225. 267. 268
 sumer 170
 surmat 259
 swrmat 259
 taoq 170
 tor 156
 tuareg 173
 tur 156
 tusk 156
 twrgetar 268
 tanar 259
 ðār leng 245
 ðqumer 254
 numer 170
 vasco 48

III—IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Авдиев, Всеволод Игоревич 246
 Агафангел, армянский историк 15
 Адонц, Николай Георгиевич 171
 Алексеев, Василий Михайлович 100
 Аллен (W. E. D. Allen) 212—213
 Альбер, Франсуа (François Albert) 211
 Амегино (Ameghino) 89
 Анкерман, Бернгард (Bernhardt Ankermann) 122
 Анчип, Василий Иванович 194. 195
 д'Арбуа де Жюбенвилль, Анри (Henri d'Arbois de Jubainville) 207
 Аристов, Н. А. 136
 Ачобиа (Atsobia) 7
 Ашмарин, Николай Иванович 203
 Ахемениды 33
 Бартоломей, Христиан (Christian Bartholomae) 176
 Башинджагян, Леон Георгиевич 261
 Бегерт, Якоб (Jacob Baegerth) 236
 Бижжанова, Маршида Абдуловна 106
 Боас, Франц (Franz Boas) 86
 Богораз-Тан, Владимир Германович 85. 86
 Бодуэн-де-Куртенэ, Иван Александрович 245
 Браун, Федор Александрович (Friedrich Braun) 257—259. 263
 Бриер, Морис (Maurice Brière) 190. 200
 Бризе (Brizeux) 212
 Брим, Вениамин Адамович 263. 264. 273
 Броссе, Мари-Фелисите (Marie-Félicité Brosset) 9
 Буазак, Эмиль (Emile Boisacq) 171
 Буалью-Лафон (Boilloux-Lafont) 211
 Булифа, Саид (Saïd Boulifa) 167
 Буржуа, Леон (Léon Bourgeois) 210
 Бушан, Георг (Georg Buschan) 122. 123
 Бушар, Алэн (Alain Bouchard) 227
 Быховская, Софья Львовна 199
 Валье, Ф. (F. Vallée) 207
 Вальде, Алоиз (Alois Walde) 169
 Вардан Айгерский 46
 Василий Иванович, вел. князь 245
 Веселовский, Александр Николаевич 6. 30. 253
 Вильмарке, Герсар (Hersart de la Villemarqué) 212
 Вирхов, Рудольф (Rudolf Virchow) 175
 Гав, Теофил (Theophilus Hahn) 122
 Ганото, А. (A. Hanoteau) 170. 173
 Гейгер, Лазарь (Lazar Geiger) 176
 Ген, Виктор (Viktor Hehn) 273
 Георгиевский, Сергей Михайлович 101
 Геродот 122. 151
 Гийэс, Марсель (Marcel Guieysse) 204—212
 Гийэс, Поль (Paul Guieysse) 210
 Гокарт, А. М. (A. M. Hocart) 91
 Гомер 163
 Гоммель, Фриц (Fritz Hommel) 129
 Горацкий 110
 Горнелль, Джеймс (James Hornell) 37
 Гофман, Г. (G. Hoffmann) 248
 Грат, епископ 6
 Григорий, просветитель Армении 14. 15 79
 Грозный, Фридрих (Friedrich Hrozny) 194
 Гселль, Стефан (Stéphane Gsell) 166. 172. 173. 175
 Гулия, Давид Иосифович 53
 Гюбшман, Генрих (Heinrich Hubschmann) 72
 Давид, армянский философ 15
 Даль, Владимир Иванович 245. 261. 262
 Делафосс (Delafosse) 170
 Делич, Фридрих (Friedrich Delitzsch) 109
 Деннетт (Dennett) 244
 Добиаш-ождественская, Ольга Антоновна 12
 Дондуа, Карпез Дариспанович 57
 Доттэн, Анри Жорж (Henri-George Dottin) 208. 212
 Дрягин, Николай Михайлович 197
 Думерг, Гастон (Gaston Doumergue) 210
 Дюамель, Морис (Maurice Duhamel) 227. 223
 Дюма, Александр (Alexandre Dumas) 5
 Дюмон д'Урвилль (Dumont d'Urville) 88
 Елена, вел. княгиня 245
 Эфрем Сирин 249
 Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 209
 Залеман, Карл Германович 131
 Зейферт, Карл (Karl Seyffert) 122
 Иессен, Александр Александрович 70
 Ингороква, Павел 15
 Иоанн, епископ готов 274
 Иордан (Jordaniis) 247
 Карлгрен, Бернгард (Bernhard Carlgren) 110. 134
 Камсараканы 269
 Кастрен, Матвей 195
 Капшалева, К. С. 129
 Келлен (Le Quellien) 212
 Кипшидзе, Иосиф Алексеевич 253
 Клуге, Фридрих (Friedrich Kluge) 259
 Корн, Г. (G. Cora) 88
 Комб (Combes) 210
 Крачковский, Игнатий Юлианович 230
 Кукба, Виктор 57
 Кэтлин (Catlin) 244. 245
 Лагадек, Жан (Jehan Lagadeuc) 207
 Ланд, Пьер (Pierre Lhonde) 9
 Ларусс, Пьер (Pierre Larousse) 180
 Леви, Сильвен (Sylvain Lévi) 87
 Леви-Брюль, Люсьен (Lucien Lévy-Bruhl) 67. 743—246
 Ле-Гонидек (Le Gonidec) 207. 209
 Лейен, Фридрих, фон-дер (Friedrich von der Leyen) 263. 273—275
 Леонидус, Леван 95
 Лепсиус (Lepsius) 122
 Леру (Leroux) 207
 Леруа, Оливье (Olivier Leroy) 67
 Лессон, А. (A. Lesson) 88
 Ле-Троке (Le Troquer) 211
 Летурно (Letourneaux) 170. 173
 Лидзбарский, М. (M. Lidzbarski) 171
 Лопарев, Хрисанф Мефодиевич 12
 Лот, Ж. (J. Loth) 207
 Лушан, Феликс (Felix Luschan) 122. 123
 Люзель (Luzel) 212
 Мак Джи, А. Н. (A. N. Mac Gee) 236. 243. 244
 Марр, Александра Алексеевна 199
 Марр, Юрий Николаевич 245
 Марсден, Вильям (William Marsden) 88
 Мейер, Эдуард (Eduard Meyer) 99
 Мейнгоф, Карл (Carl Meinhof) 121
 Мелиоранский, Платон Михайлович 132
 Мерентаут (J. A. Moerenhout) 88
 Мещанинов, Иван Иванович 64

- Миллер, Александр Александрович 70
 Миллер, Всеволод Федорович 106. 258
 Монзи, де (de Monzie) 211
 Мошковский, Макс (Max Moszkowski) 244
 Мунк, Петер Андреас (Peter Andreas Munck) 264
 Мух, Рудольф (Rudolf Much) 267
 Мухаммед 110. 128. 129
 Никольский, Николай Васильевич 140
 Нильсен, Дитлеф (Ditlef Nielsen) 129
 Нума Помпилий 123
 Огненко, И. И. 262
 Опиан, Арсен Зурабович 196
 Орбели, Иосиф Абгарович 110
 Орбелиан, Сава-Сулхан 103. 109
 Пасонен, Г. (G. Paasonen) 221
 Пари, Гастон (Gaston Paris) 31
 Педерсен, Хольгер (Holger Pedersen) 176. 200
 Платон 159
 Плутарх 151
 Покорный, Юлий (Julius Pokorny) 229
 Поппе, Николай Николаевич 202
 Пру, Проспер (Prosper Proux) 212
 Птолемей, Клавдий 268
 Пэн (Raune) 248
 Рабле, Франсуа (François Rabelais) 30
 Радлов, Василий Васильевич 155
 Расмуссен (Rasmussen) 244
 Ребу (Reboud) 175
 Риве, Поль (Paul Rivet) 85. 88—93
 Рио (Rio) 211
 Родоканакис, Н. (N. Rhodokanakis) 129
 Розен, Виктор Романович 132
 Ростовцев, Михаил Иванович 183
 Руставели, Шота 15. 36. 161. 175
 Рушгун 49
 Саллюстий 172
 Самойлович, Александр Николаевич 144. 196
 Смит (Smith) 248
 Смирнов, Василий Дмитриевич 132
 Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson) 263. 264
 Соважо, Аврелий (Aurélien Sauvageot) 94
 Страбон 268
 Струве, Василий Васильевич 97
 Тамара, царица 175
 Тауерн, Одо (Odo D. Taurn) 245
 Тацит, Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) 268
 Тимофеев, Федор Тимофеевич 202
 Тирдат 14
 Томашек, Вильгельм (Wilhelm Tomaschek) 201
 Торп, Альф (Alf Torp) 138
 Трентен (Tremintin) 211
 Тромбетти, Альфред (Alfredo Trombetti) 92
 Узенер, Герман (Hermann Usener) 246
 Уленбек, Христиан Корнелий (Christianus Cornelius Uhlenbeck) 86. 87
 Уртель, Герман (Hermann Urtel) 97
 Услар, Петр Карлович 109
 Фалев, Павел Александрович 196
 Фасмер, Максим Романович (Max Vasmer) 201
 Феттвейс, Эвальд (Ewald Fettweis) 243—246
 Фик, Август (August Fick) 171
 Фош, Фердинанд (Ferdinand Foch) 182
 Фрейденберг, Ольга Михайловна 151
 Хашба, Арсений Константинович 57
 Хилл-Таут, С. (C. Hill-Tout) 94
 Хоренский, Моисей 268
 Хорн (Horn) 176
 Церусс (Zeuss) 206
 Чарая, Петр 55. 56
 Чекановский, Ян (Jan Czekanowski) 149. 150
 Чубинов, Давид Иессеевич 109. 113
 Шахматов, Алексей Александрович 201. 218
 Шаумян, Рафаэль Михайлович 196
 Шинмарев, Владимир Федорович 6. 30. 170
 Шпифнер, Антор Антонович 195
 Шультце, Леонард (Leonhardt Schultze) 117
 Ювенал 110
 Юсти, Ф. (F. Justi) 176
 Энгельс, Фридрих (Friedrich Engels) 260. 261
 Эрно (Ernault) 207
 де л'Эстурбеллон (de l'Estourbeillon) 201

- | | | |
|---------------------------|-----------------------------|--------------------------|
| Аберский 75 | Ив 209 | Ромул 180. 181 |
| Амиран 52. 75 | Илья 226 | Сартеника 226 |
| Апет 31. 32 | Иоанн Креститель 14 | Севсип (Севсипп) 12. 226 |
| Аполлон 129 | Исольда 30. 31. 226 | Тор 263 |
| Аскланий 129 | Ишгарь 31. 129. 223. 247 | Тристан 30. 31. 226 |
| Афродита 31. 121. 129 | Кармента 155 | Туран 21 |
| Аштарта 247 | Лело 18. 46 | Феб 46 |
| Ашур 129 | Мардук 129 | Фрей 263 |
| Бальдр 263 | Марс 188 | Хадад 129 |
| Вахх 174 | Мелесипп (Мелевсип) 12. 226 | Халд 29 |
| Ве 263 | Меркурий 49 | Халдин 29 |
| Вениамин 239 | Нептун 108 | Цармат 29 |
| Вили 263 | Ной 9. 31 | Юпитер 188 |
| Вульфила 274. 275 | Ньорд 263 | Ясун 129 |
| Гаргантуа 6. 30. 31. 170 | Один 263 | Яфет 31. 32 |
| Геймдаль 263 | Орион 256 | Яхве 129 |
| Гермес 51. 155 | Посейдон 108 | Элесипп см. Елесипп. |
| Елесипп (Элесипп) 12. 226 | Прометей 31. 32. 51. 52. 75 | |
| Европа 172 | Рем 180 | |

V. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абензе (Abense) 11
 Абиссиния 129
 Абхазия 13. 28. 41. 48. 55. 56.
 75. 77. 78. 83
 Австралия 3. 89. 92. 93. 99.
 244. 245
 Азербайджан 133
 Азия 20. 29. 62. 87—91. 93.
 96. 97. 99. 130. 134. 135.
 145. 146. 150. 156—159.
 165. 178. 183. 263. См.
 также: Малая Азия. Перед-
 няя Азия. Средняя Азия.
 Южная Азия
 Аквитания 11
 Албания (балк.) 28
 Альба Лонга 77
 Альпы 11
 Аляска 244
 Америка 3. 38. 85. 87. 89—94.
 96—99. 115. 127. 157. 245
 См. также: Южная Аме-
 рика
 Англия 206. 213
 Ани 13. 14
 Ани (Ani) 5
 Апеннинский полуостров 11
 Аравия 119. 129. 255
 Арберани 72
 Аргентина 89
 Арль (Arles) 13
 Армения 13—15. 29. 36. 37.
 41. 49. 52. 64. 79. 143. 189.
 198. 200. 214. 226. 227.
 235. 256. 268. 274. 275
 Асгард 263
 Атлантида 89. 159. 160
 Атлантический океан 97. 108.
 159
 Афон см. Старый Афон
 Афревразия 3. 94—96. 98. 124.
 162. 198. 214. 219. 225.
 235
 Африка 36. 76. 87. 88. 91. 93.
 96. 97. 99. 114. 116. 117.
 123. 124. 146. 157. 158. 161.
 164—166. 172. 174. 178.
 190. 245. См. также: Се-
 верная Африка. Южная
 Африка
 Ахалцих 4
 Байонна 7
 Баку 4. 60. 125
 Балканский полуостров 11. 28
 Балтийское море 115. 127
 Баския 8. 11. 18. 52. 235. 274
 Берберия 161. 174
 Берлин 97
 Берингов залив 90
 Биарриц 255
 Босфор 131
 Брейдаблик 263
 Бретань 204. 205—207. 209.
 211. 212. 226—228
 Бургундия 12
 Ван 33. 48. 77. 216
 Ван (Vanpes) 210
 Ванское озеро 72
 Варташен 143
 Великобритания 206. 213. 225.
 228
 Висла 257
 Военно-грузинская дорога 156
 Волга 51. 62. 75. 76. 104. 146.
 148. 156. 178. 193. 200
 Вол-Камье 115. 127. 13'. 146
 Восточная Европа 20. 27. 115.
 127. 134. 149. 150. 153. 164.
 198. 200. 203. 214. 217. 218.
 222. 232. 261. 270. 273
 Галлия 6. 11—13. 30. 212. 213.
 222
 Гельсингфорс 149
 Генган (Guingamp) 204
 Геннебон (Hennebont) 204
 Германия 30. 202. 206
 Гималаи 87
 Гимниборг 263
 Греция 42. 151. 167. 169
 Грузия 6—8. 10. 15. 19. 28.
 41. 42. 52. 74. 77. 79. 172.
 225. 227. 255. 274. 275
 Гурия 3—11. 13—15. 17—21.
 32. 36. 37. 39. 41. 46—51.
 161. 179. 203
 Дальний Восток 87. 114. 147.
 155. 158
 Дарьяльское ущелье 157
 Джурджура 167
 Дордонь 97
 Евразия 70. 135. 178. 190
 Европа 5—7. 11. 16. 30. 33. 48.
 49. 73. 75. 82. 88. 97—99.
 124. 128. 145—150. 153.
 155. 157—159. 165. 170.
 172. 178. 183. 206. 209.
 214. 220. 227. См. также:
 Восточная Европа. Запад-
 ная Европа
 Закавказье 61
 Западная Европа 6. 7. 10. 11.
 27—29. 33. 35. 48. 97. 115.
 124. 127. 146. 150. 164.
 198—200. 214. 217. 218.
 221. 226
 Иберия 5. 11. 28. 47. 111. 227
 Иерусалим 16. 274. 275
 Ижевск 202
 Имерхев 5. 8
 Индия 54. 87. 115. 127. 158
 Иран 129. 237
 Ирландия 13. 227. 274
 Испания 18. 36. 97
 Исфаган 245
 Италия 11. 29. 30. 77. 123. 147.
 155. 156
 Июи (Iu) 22
 Кабилия 167
 Кавказ 4. 5. 7—10. 13—17. 23.
 24. 26. 28—33. 35. 38—41.
 45—49. 51. 52. 55. 62. 63.
 73. 76. 79. 104. 106—108.
 113. 115—118. 127. 128.
 138. 142. 143. 146. 147. 149.
 151—153. 155. 156. 160.
 161. 163—165. 172. 174—
 176. 178. 183. 186. 189. 191—
 193. 197. 199. 200. 203. 206.
 209. 211. 213. 219. 220.
 222. 224. 226. 232. 255. 257.
 266—270. 272. См. также:
 Закавказье. Кавказские
 горы. Северный Кавказ
 Кавказские горы 9
 Казань 195
 Калифорния 92
 Кама 200
 Каппадокия 12. 274. 275
 Карпаты 264. 268
 Карфаген 166. 171. 178. 179.
 193
 Каспийское море 97. 108. 142.
 193. 264
 Кашгар 155
 Китай 97. 104. 105. 108. 111.
 134
 Корея 94
 Крым 131. 178
 Кудунет 4
 Кутаис 20
 Кызыл-Ванк 70. 71
 Ламанш 225
 Лейпциг 58. 257
 Ленинград 58. 70. 202. 227
 Леон (Léon) 210
 Лесбос 11
 Ливия 174
 Ливия 172. 180
 Лигурия 11. 47. 48. 225
 Лорен (Lorient) 210
 Лутения 97
 Маку 216
 Малайский архипелаг 87. 93
 Малая Азия 12. 79. 131. 133
 Марокко 180
 Мегрелия 41. 48. 111
 Мелар 263
 Месопотамия 10. 63. 114. 147
 Месхия 4. 15
 Морбиган (Morbihan) 210
 Молеон (Moléon) 4. 5
 Монголия 94
 Морле (Morigaix) 210
 Москва 202
 Моцамет 6
 Мицхет 274
 Ниж 143
 Нил 175
 Ницца 182
 Ноагуна 263
 Новый Свет 88—90. 98. 99
 Нубия 174. 180

- Нумидия 124. 172. 180
 Овернь (Auvergne) 97
 Огненная Земля 92
 Оденсе 263
 Океания 66. 67. 157
 Олерон (Oléron) 5. 16
 Олвия 77
 Омизе (Omise) 11
 Орегон (Orégon) 92
 Орхи (pic d'Orhi), горная вершина 33
 Памир 60. 61. 149
 Париж 3. 97. 199. 200
 Пасха, остров 87
 Передняя Азия 133. 134. 178. 203.
 Персия 245
 Пиренеи и Пиренейский полуостров 4. 9. 11. 14. 15. 18. 20. 23. 28. 30. 31. 33. 35. 41. 45. 46. 48. 51. 52. 60. 61. 73. 76. 96. 108. 111. 117. 148. 149. 151—153. 155. 191. 220. 226. 272. 273
 Поволжье 203
 Полинезия 93
 Польша 150
 Прибалтика 146
 Приволжье 202. 217
 Прикарпатье 264
 Пуатье (Poitiers) 207
 Ренн (Rennes) 207. 208
 Рим 13. 36. 42. 45. 46. 51. 123. 155. 156. 166. 169. 171. 180. 181. 183. 193. 273
 Рок (Roc) 94
 Рона (Rhône) 97
 Россия 79. 263
 РСФСР 202
 Рустав 15
 Саксония 263
 Самдхе 4. 5
 Сардиния 179
 Свания 8. 9. 13. 14. 41. 47. 211. 255
 Севанское озеро 268
 Северная Африка 166. 172
 Северный Кавказ 28. 35
 Сен-Брие (Saint-Brieux) 210
 Сибиря 11. 12. 47
 Сибирь 12. 94. 104
 Сигтуна 263
 Скандинавия 264
 Средиземноморье 51. 79. 98. 99. 115—117. 120. 121. 123. 124. 127. 130. 145. 146. 148. 153—159. 162. 163. 169. 170. 172. 179—182. 186. 190. 193. 214. 224. 226. 235. 258
 СССР 56. 159. 198. 202
 Средняя Азия 131. 148
 Старый Афон 4
 Старый Свет 89. 93. 96. 99
 Суберия 11. 39. 47. 49. 50.
 Сулелин 10—12. 39. 47. 49. 50
 Судан 244
 Суматра 244
 Супса 4. 48
 Суроб 4. 37. 49
 Сухум 53. 54. 78. 273
 Танаквисль 263
 Тардет (Tardets) 4. 5. 16
 Тегуантепек (Téhuantépec) 92
 Терек 156
 Тибет 94
 Тифлис (Тбилиси) 20
 Тихий океан 88. 89. 92. 93. 108
 Тмутаракань 79
 Трегье (Tréguiet) 210
 Труавиль (Trois villes) 5. 22
 Трудванг 263
 Туркестан 131. 133
 Удмуртская АССР 202
 Упсала 263
 Урарту, Урашту 49
 Филиппинские острова 94
 Финистер 208. 210. 212
 Формоза 94
 Франция 4. 8. 13. 18. 94. 97. 116. 154. 198. 199. 202. 204. 206. 210—213. 226. 228
 Фюнеп 263
 Херия 15
 Цебельда 77. 197
 Церам (Seram), остров 245
 Чебоксары (Шупашкар) 202
 Черкесия 77
 Черное море 48. 108. 143. 264
 Черноморье 77. 79. 142. 190
 Чувашская АССР 202
 Шанселад (Chancelade) 94
 Шемокмед 6
 Шупашкар см. Чебоксары
 Этрурия 156
 Эфиопия 122
 Южная Азия 148
 Южная Америка 92
 Южная Африка 116
 Япония 94. 108. 111

VI. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаски 20. 61
 Абжуйское наречие абхазского языка 73
 Абиссинский язык см. Эфиопский язык
 Абхазоведы 57
 Абхазская литература 57
 Абхазское письмо 81—83
 Абхазские легенды 75. 78
 Абхазские сказки 83
 Абхазские фамилии 20
 Абхазский язык и абхазы 10. 20. 21. 40. 52—58. 60—69. 71—84. 102—104. 117. 120. 138. 142. 143. 153. 158. 164. 173. 176. 178. 185—187. 190. 193. 200. 223. 225. 251. 261. 262. 266. См. также: Абжуйское наречие абх. яз. Бзыбское наречие абх. яз.
 Абхазский язык, взаимоотношения его с армянским языком 74
 Абхазский язык, взаимоотношения его с баскским языком 20. 74
 Абхазский язык, взаимоотношения его с русским языком 62
 Абхазский язык, взаимоотношения его с яфетическими языками и с языками других систем 55. 56. 66. 73
 Абхазский язык, изучение его 57. 83
 Аварский язык 35. 109
 Авестийский язык 106. 237. 260
 Австралийские языки и австралийцы 90—95. 98. 163. 186
 Агиологи 12
 Агглютинативный строй языка 100. 149. 150. 158. 159
 Агитаторы 83
 Агульский язык 109
 Аджемы 129
 Азербайджанский гос. университет имени В. И. Ленина 4
 Академики 83
 Академическая среда см. Научная среда
 Академия абхазского языка и литературы 53. 57. 83
 Академия истории материальной культуры (ГАИМК) 70. 125. 160. 198. 199. 216
 Академия наук СССР 55. 83. 198. 199
 Акаание 11. 14. 17. 40
 Аквитанские миниатюры 12
 Актив (грамм.) 43
 Активный падеж 15
 Албанский (кавк.) язык 13
 Албанская (кавк.) церковь 13
 Алданские языки 158. 159
 Алжирские языки 193
 Алтайские языки 138. 139. 141
 Алфавит см. Письмо
 Алфурь 245
 Альпийцы 11
 'Амбар' 36
 Американисты 85. 91—93. 98. 146
 Американские языки 85—99. 146. 163. 186
 Американские языки, взаимоотношения их с языками других систем 85—99
 Аморфный строй языка 102. 110
 Аналитический алфавит см. Яфетидологическое письмо
 Английский язык 18. 19. 37. 121. 247. 266
 Английский язык, взаимоотношения его с баскским 18
 Англо-саксонский язык 259
 Андийский язык 109
 Андо-дийские языки 35
 Анимизм и анимистические представления 234. 239. 247. 265. 267—271
 Античное общество 166. 182. 192
 Антропиды 234
 Антропологи и антропология 8. 58. 88. 90—92. 96. 149. 150. 206
 Антропоморфизация 76. 247. 269. 274
 Аорист 44. 104. 184. 185. 220. 250. 268
 Апокрифы 226
 'Апостол' 260
 Арабисты 129. 130. 132. 230
 Арабская культура 128
 Арабская литература 6. 79. 128. 129
 Арабская поэзия и арабские поэты 128. 129
 Арабские цифры 249
 Арабы и арабский язык 54. 102. 104. 105. 109. 110. 113. 119. 128—130. 132. 148. 162. 163. 171. 176. 182. 230—256. 259. 260
 Арамейцы и арамейские языки 54. 130. 232. 233. 238. 240. 242. 243. 249. 255
 'Арба' 19. 20
 Аргиппаи 151
 Арийцы см. Индоевропейцы
 Арийские языки см. Индоевропейские языки
 'Арка' 76. 253
 Арменизмы грузинского языка 15
 'Армянин' 174
 Армяне и армянский язык 5. 8—10. 13. 15. 16. 20. 21. 22. 24. 30—32. 34. 35. 37. 42. 44. 45. 49. 52. 54. 65. 68—74. 78. 79. 85. 86. 95. 102. 106—109. 111—113. 115. 117. 118. 120. 124. 127. 132. 138—143. 146. 151. 152. 156. 162. 163. 169—171. 173. 175—178. 181. 184. 185. 188—191. 193. 198. 206. 214. 215. 217—224. 226. 233. 234. 237. 249. 252. 253. 255. 259. 260. 263. 265—274. См. также: Ванский говор арм. яз. Говоры и наречия арм. яз. Диалекты арм. яз. Древнелитературный арм. яз. Народный арм. яз. Ширакский говор арм. яз.
 Армянский язык, взаимоотношения его с баскским языком 20. 21. 249
 Армянский язык, взаимоотношения его с грузинским, мегрельским и чанским языками 15
 Армянский язык, взаимоотношения его с кельтскими языками 200
 Армянский язык, взаимоотношения его с языками других систем 198
 Армянский язык, яфетические пережитки в нем 15. 139
 Армяно-грузинская филология 262
 Армянская архитектура 36
 Армянская литература 15
 Армянские проповедники 46
 Архаическая Греция 151
 Архаичный строй речи 43
 Архаичные языки 258

- Археологические памятники 70
 Археологи и археология 11. 36. 77. 89. 98. 158. 164. 175. 206. 207. См. также: История материальной культуры
 Архитектура и архитектурные памятники 6. 8. 13. 14. 36
 Архитектурные памятники Ани 14
 Аспирагты 70. 202
 Аспирагты 178
 Астральные герои 75
 Астрономия 236
 Ассирийская литература 269
 Ассирийский язык 147. 232. 238. 239. 248. 251
 Ассиро-вавилонское письмо 54
 Ассоциация представлений 72. 247
 Атабегство 5
 Африканские языки см. Языки Африки
 Африкагты 9. 10. 17. 22. 24. 25. 83. 117. 137. 141. 162. 196. 234
 Аффиксы 163
 Ахвахский язык 109
 'Бабушка' 21. 223
 Балкарский язык 196. 197. 200
 'Барабан' 178
 Барс 175
 'Барс' 181. 182
 'Баск' 48
 Баски, борьба их с римлянами 46
 Баскизмы французского языка 18
 Басковеды 19. 42
 Баскская архитектура 36
 Баскская литература 7
 Баскские термины, грецизация их 12
 Баскские школы 37
 Баскский быт 37
 Баскский эпос 17. 46
 Баски и баскский язык 5. 7. 9—11. 13—17. 19—30. 32—45. 48—52. 60—62. 73. 74. 78. 83. 86. 87. 95—97. 104. 106. 108. 109. 110. 113. 115—122. 124. 127. 128. 138. 145. 146. 150—152. 154. 155. 157. 158. 161. 163. 172. 178. 179. 182. 191. 198. 199. 211. 213—215. 218—220. 223—225. 227. 229. 249. 252. 253. 254. 259. 262. 272. См. также: Гипускуанское наречие баскск. яз. Диалекты баскск. яз. Сутелинское наречие баскск. яз.
 Баскский язык, взаимоотношения его с английским языком 18
 Баскский язык, взаимоотношения его с армянским языком 20. 21. 249
 Баскский язык, взаимоотношения его с грузинским языком 2). 38. 40
 Баскский язык, взаимоотношения его с испанским языком 11. 163
 Баскский язык, взаимоотношения его с дураветланским языком 86. 87
 Баскский язык, взаимоотношения его с чувашским языком 38
 Баскский язык, взаимоотношения его с эскимосским, финским и угрофинскими языками 96
 Баскский язык, взаимоотношения его с яфетическими языками Кавказа 20. 21. 23. 24. 26. 29. 30. 33. 34. 128
 Баскский язык, взаимоотношения его с французским языком 18
 Бастарны 257. 258. 268
 Бахтиары 245
 Бацкий язык 174
 'Бдение' 72
 Беарнский диалект французского языка 11
 'Бедро' 95. 272
 'Бездетный' 174
 Берберсты 162
 Берберский язык 50. 61. 62. 65. 124. 161—165. 167. 168. 170—172. 174—177. 179—181. 186. 187. 189—193. 198. 199. 213. 221. 223. 225. 226. См. также: Диалекты берберск. яз. Мароканское наречие берберск. яз.
 Берберский язык, взаимоотношения его с арабским и латинским языками 176
 Берберский язык, взаимоотношения его с яфетическими языками Кавказа 163. 176. 192
 Берберский язык, взаимоотношения его с языками других систем 191
 Бер-поны 33
 'Бес' 249
 'Беседа' 169
 'Бесноваться' 75
 Бесписьменные языки и народы 16. 53. 110. 198. 226
 'Бесплодный' 174
 'Бессилие' 25
 'Бессонница' 223
 'Бессонный' 223
 Бесь см. Вось
 Бзыбский комитет грамотности 83
 Бзыбское наречие абхазского языка 73
 Библейские сказания 13
 Библиотеки 12. См. также: Публичная библиотека
 Бизоны 244
 Биографические сведения о Н. Я. Марра 4. 5. 15. 53. 55—57. 83. 85. 100. 115. 116. 125. 140. 153. 160. 165. 193. 195. 198—200. 202. 204. 213. 253. См. также: Доклады Н. Я. Марра. Заграничные командировки Н. Я. Марра. Лекции Н. Я. Марра. Отчеты о командировках Н. Я. Марра. Ученики Н. Я. Марра
 'Бить' 74. 154. 167. 240
 'Битье' 67
 'Благий' 52
 'Благо' 42
 'Благородный' 131
 'Благополучие' 193
 'Блеск' 110. 123
 'Близ' 22. 65. 120. 191
 'Близнецы' 103
 'Блистание' 123
 'Блисталь' 123
 'Блоха' 119
 'Бог' 13. 14. 29. 42. 44. 45. 49—52. 74—78. 121—123. 131—133. 139. 148. 156. 180. 216. 233. 234. 248. 249. 252. 266. 267. 270. 272
 'Бог воды' 108
 'Бог земли' 165
 'Бог искусства' 31
 'Бог любви' 31
 'Бог-солнце' 218
 'Бог-хлеб' 218

- Боги и божества 29—32. 41. 46. 49—51. 59. 61.
 71. 129. 155. 156. 172. 180. 217. 247
 'Богатство' 65. 247
 'Богатый' 247
 'Богослужение' 252
 'Бой' 188
 'Бойня' 235
 'Бок' 65. 95. 272
 Болгары и болгарский язык 54. 139
 'Болезненный' 223
 'Болото' 218
 Большевик 213
 'Большая собака' 176
 'Большой' 200
 'Большой палец' 200
 'Борется' 188
 'Борода' 26. 44. 161. 162. 188.
 'Бороться' 188
 Ботлихский язык 109
 'Брат' 21. 75. 192—194. 256. 272. 273
 'Брат' 33. 34. 64. 65. 69. 188
 Брачные классы 244
 'Бревно' 105
 Бретонведение и бретоноведы 206—208. 212
 Бретонская буржуазия 210—212
 Бретонская литература 207. 208. 210. 212
 Бретонские песни 212
 Бретонские суверены 207
 Бретонский язык и бретонцы 111. 198—229.
 259. 260. 268. 269. См. также: Ваннский
 диалект брет. яз. Диалекты брет. яз.
 Бретонский язык, взаимоотношения его с язы-
 ками других систем 218. 219
 Бретонский язык, взаимоотношения его с яче-
 тическими языками Кавказа 222. 224
 Бретонский Краеведческий союз 208
 Бретонское Краеведческое единение 208. 210
 Бретонский театр 207
 'Брови' 26. 102
 'Бронза' 33
 Бронзовый век 89
 'Бросать' 63. 64. 74. 122
 Будины 258
 'Буква' 173
 Буквы 81
 Буришский язык см. Вершицкий язык
 Бурманские языки 148. 158
 Бусы 178
 Бушмены 123
 'Бык' 35. 76. 120. 177—179. 239
 Быт 5. 8. 14. 37. 45. 46. 148. 154. 158
 'Бытие' 190
 'Быть' 100. 136. 188. 190
 'В' 37
 'В действительности' 263
 'В направлении' 186
 Валлийский язык 213. 225
 Ванская клинопись см. Клинопись ванская
 Ванские цари 29
 Ванский говор армянского языка 223
 Ваннский диалект бретонского языка 210. 216.
 219. 220. 223
 'Варвар' 124. 169
 Варвары 118
 «Варварские» языки 204. 205
 Варташенское наречие удинского языка 143
 Вавилоняне 89
 'Вверх' 121
 'Великий' 200
 'Величие' 180
 Венгерский язык 117. 134. 221
 'Венец' 217
 'Венок' 217
 'Вера' 185. 233
 'Верблюд' 64. 109. 120. 121. 176. 177
 'Веревка' 259
 'Верил' 233
 'Верный' 140
 'Вернулся' 19
 'Веровать' 233
 'Вертел' 154
 'Верую' 233
 'Верх' 18. 36. 44. 74. 75
 'Весь' 161. 215
 Весь (бесь) 178
 'Ветвь' 68. 105
 'Ветер' 21
 'Вещь' 184
 'Верчение' 17
 Вершицкий (буришский) язык 60. 61
 'Вершина' 25. 26
 Взаимоотношения языков различных систем
 (семей) см. Родство языков. Схождения
 языков
 'Видение' 225
 'Видеть' 40. 49. 50. 63. 75. 101. 103. 221. 225
 'Видеть сон' 45
 'Видимый' 223
 'Видное' 74
 'Вина' 189
 Винительный падеж 100. 118
 'Вино' 5. 224
 'Виноград' 5. 78
 Виноград 78
 Виноградарство 5
 'Виноградная лоза' 78. 224
 'Виноградник' 224
 'Влага' 218
 'Владей' 177
 'Владение' 190
 'Владеть' 100. 190
 'Власть' 190
 'Вниз' 65. 121
 'Внутри' 37
 'Вовсе' 161
 Вогульский язык и вогумы см. Манси
 'Вода' 23. 48. 95. 107. 108. 112—114. 118—120.
 141. 146. 152. 162. 163. 191. 192. 195. 218.
 219. 241. 267. 274
 Вода глаза' 101. 221
 'Вода-река' 119. 220
 'Водопровод' 216
 'Водяная собака' 182
 'Вождь' 25
 'Воз' 20
 Возвратное местоимение 25
 'Воздух' 23
 'Возлюбленный' 7
 'Востину' 233
 'Война' 188. 235
 'Войско' 256
 'Волк' 61. 75. 76. 176. 177. 179—182. 270. 272. 275

- 'Волчица' 180
 'Волченоч' 275
 'Воля' 180
 'Воняет' 177
 'Ворчать' 167. 168
 'Восемь' 38. 103. 249. 253
 'Воск' 215
 'Восковая свеча' 7. 215
 'Воскресенье' 220
 'Воспламенять' 32
 Востоковедение и востоковеды 133. 138. 165. 230. 262
 Восточная литература 7
 Восточный институт 202
 'Восход' 221
 'Восходить' 221
 'Восьмой' 253
 Вотский язык см. Удмуртский язык
 'Временное обиталище' 249
 'Временный' 249
 Время (глагол) 34. 44. 104. 184. 185. 220. 250. 268
 'Время' 61. 121. 149. 248. 249. 252. 253
 'Вручать' 191
 'Всадник' 109. 121
 'Все' 161
 'Всходить' 220
 'Всякий' 161. 215
 «Вульгарный» язык 22
 'Выбивать' 154
 'Выдра' 9. 35. 272
 'Выпрямлять' 186
 'Высекать' 154
 Высшая школа 3
 'Выход' 221
 'Выходить' 221
 ГАИМК см. Академия истории материальной культуры
 Галльская церковь 12. 226
 Галлы 49
 Галльский язык 111
 'Гарь' 220
 'Где' 23
 География 129
 Геологи и геология 3. 89
 Германисты 263. 273
 Германские языки и германцы 3. 17. 19. 30. 54. 62. 66. 73. 74. 136. 139. 224. 247. 257. 259. 261. 263. 265—268. 270. 273
 'Герой' 194
 Герои эпических сказаний 6
 'Гермафродит' 119. 261
 'Гиблый' 223
 «Гибридные» языки 86. См. также: Переходные языки
 Гиперборейцы 62
 Гипускуанское наречие баскского языка 42. 199. 220
 'Глава' 25. 137
 'Глава дома' 41
 'Глава племени' 239
 Глагол 8. 25. 34. 37. 40. 43. 63. 66. 86. 100. 102. 153. 162. 184. 186. 188. 190. 220. 221. 231. 232. 238. 239. 247. 250. 253. 265. 269. 272
 Глаголы отвлеченные 190
 Глаголы отыменные 186
 Глаголы переходные 190
 Глаголы существительные 190
 'Глаз' 39—41. 49. 50. 63. 75. 79. 80. 101—104. 120. 221. 225. 250. 256
 'Глаза вода' 251
 'Глас' 169
 Гласные 8. 10. 26. 28. 40. 82. 126. 225. 231. 232. 264
 'Глозельцы' 54
 'Глотать' 217
 'Глотнул' 217
 Глототония см. Языкотворчество
 Глухие звуки 14. 23. 32, 51. 268. 271
 'Глухой' 222
 'Гнуть' 110. 118
 'Гнездо' 122
 'Говорить' 123. 168. 217
 Говоры 136. См. также: Диалекты. Наречия
 Говоры и наречия армянского языка 65
 Говоры и наречия балкарского языка 196
 Говоры и наречия грузинского языка 95. 109
 Говоры чанского языка 271
 'Год' 121. 164. 224. 270
 Годоберинский язык 109
 'Годовалый ягненок' 25
 Голландский язык 259
 'Голова' 9. 17—19. 25. 36. 115. 116. 127. 130. 137. 139. 253
 'Голова-гора-небо' 25. 137. 216
 'Головой вниз' 19
 'Голос' 118
 'Голубой' 216
 'Гора' 17. 18. 25. 30. 33. 137. 216
 'Гореть' 63. 75
 'Горло' 118
 Горловые звуки 94
 'Город' 77. 171. 178. 179. 222
 Города 76. 77. 179. 214. 216. 222
 'Господин' 51. 122. 155
 'Господь' 155
 'Гость' 174
 Государственные языки 204. 205
 'Государыня' 194
 Готские епископы 274
 Готский календарь 264
 Готский язык 257—275
 Готский язык, его взаимоотношения с языками других систем 257—274
 Готтентотский язык см. Намайский язык
 'Граб' 107
 Грамматика 228. См. также: Сравнительная грамматика
 Грамматика бретонского языка 207
 Грамматика грузинского языка 199. 200
 Грамматический строй 59
 Грамматические категории 232
 Грамотность 60. 81
 Грекофильский период армянской литературы 15
 'Треметь' 217
 Греческая церковь 13
 Греческие колонии Причерноморья 77
 Греческие мифы 31. 32. 108
 Греческие писатели 14
 Греческое письмо 81

- Греческий язык и греки 8. 13. 49. 51. 54. 62. 64. 67. 76. 78. 79. 95. 114. 115. 120. 121. 124. 128. 129. 132. 133. 136. 145. 150—154. 156. 166. 168—174. 176. 178—181. 187. 188. 190. 191. 204. 217. 223. 224. 235. 237. 255. 256. 260. 262. 268. 269. 273. См. также: Дорическое наречие греч. яз. Доэллинический греч. яз.
- Греческий язык, его взаимоотношения с языками других систем 191
- 'Грива' 217
- 'Гроза' 217
- 'Гром' 217. 265
- 'Грубый' 169
- 'Грузин' 261
- Грузинская литература 7. 15
- Грузинская церковь 209
- Грузиноведы 49. 162
- Грузинские песни 7
- Грузинские поговорки 84
- Грузинский фольклор 269
- Грузинский язык 7. 8. 10. 13. 14—21. 23—28. 30—32. 34. 35—38. 40—45. 49—52. 55. 64—72. 75. 78—80. 85. 94. 95. 101. 103—107. 109—113. 115. 118—121. 123. 127. 134. 137—139. 141. 142. 144. 146—149. 151. 152. 156. 161—165. 168—170. 172. 174—179. 181—184. 186. 188—194. 196. 197. 199. 200. 206. 214. 215. 217. 219—222. 224. 225. 232—235. 237. 238. 240. 241. 248—253. 255. 256. 259—262. 266. 267. 269—275. См. также: Говоры грузинского языка. Гудамакский говор груз. яз. Гурийский говор груз. яз. Диалекты груз. яз. Древнелитературный груз. яз. Лечхумский говор груз. яз. Мтикульский говор груз. яз. Месхский говор груз. яз. Народный груз. яз.
- Грузинский язык, взаимоотношения его с армянским языком 15
- Грузинский язык, взаимоотношения его с баскским языком 20. 28
- Грузинский язык, взаимоотношения его с берберским языком 176
- Грузинский язык, взаимоотношения его с бретонским языком 215
- Грузинский язык, взаимоотношения его с русским языком 24. 165. 187
- Грузинский язык, взаимоотношения его с семитическими языками 163. 253
- Грузинский язык, взаимоотношения его с французским языком 62
- Грузинский язык, взаимоотношения его с хамитическими языками 163
- Грузинский язык, флексивность его 40—42. 44
- Группа жилищных терминов ЯИ 36
- 'Груша' 10. 23. 29
- 'Грызть' 95
- Губные звуки 4. 8. 10. 18. 19. 32. 48. 83. 137. 220. 196. 251
- Гуги 266
- Гудамакский говор грузинского языка 95
- Гунский язык 139
- Гурийцы и гурийский говор грузинского языка 5. 14. 15. 18. 19. 23. 36. 37. 40. 43. 46. 50. 109
- 'Гурия' 119
- Гуты 266
- 'Да' 41—44. 52
- 'Давать' 33. 34. 65. 119. 184. 187—189
- 'Давный' 214. 215
- 'Далекий' 215
- 'Дама' 155. 156
- 'Дар' 188
- 'Дата' 104
- Дательно-винительный падеж 16
- Дательный падеж 100. 118
- 'Два' 38. 103. 184. 240. 241. 244. 254. 262
- 'Двадцать' 24. 38
- Двадцатичленная система счета 39. 196
- 'Двигаться' 118. 119
- 'Движимое имущество' 237
- 'Двойной' 103. 104
- Двусогласный корень 232. 233
- 'Девушка' 27. 39. 119. 155. 194. 195. 223
- 'Девять' 245. 249. 255
- 'Дед' 21
- Дезаспирация 43. 173
- 'Действительно' 184
- 'Действительность' 74. 75
- 'Делать' 64. 100. 117. 118. 153. 190
- 'Дело' 184
- 'День' 46. 52. 74. 77. 80. 196. 242. 271
- 'День покоя' 248
- 'Деньги' 267
- Дервизи 131. 133
- 'Деревня' 9
- 'Дерево' 24. 94. 104—107. 116. 127. 146. 152. 168. 247
- Деревья 78—80. 101. 107. 152. 154
- Депутаты бретонские 210
- 'Держать' 65
- Дериваты 118. 121. 239. 272. См. также: Семантические дериваты
- Дессибилация 162
- Десятиричная система счета 117
- 'Десять' 38. 39. 115. 117. 127. 241. 247. 249. 250. 252. 254—256
- 'Десять тысяч' 237—239. 247. 251
- Деяния святых христианской церкви 12
- 'Детеныш' 27. 176. 261
- 'Дети' 174. 180
- 'Дети неба' 151. 201. 241. 254
- 'Дети солнца' 241. 254
- Джагатайский турецкий язык 110. 140. 156
- Диалектический материализм 258
- Диалекты 213. 261. См. также: Говоры. Наречия
- Диалекты армянского языка 24. 223
- Диалекты баскского языка 10. 11. 26. 2. 0
- Диалекты берберского языка 193
- Диалекты бретонского языка 210. 216. 219
- Диалекты грузинского языка 43. 102. 185. 237. 241
- Диалекты сванского языка 224
- Диалекты, говоры и наречия турецких языков 134. 135. 140. 141
- Диалекты французского языка 11. 212
- Диалекты чанского языка 184
- Дидойский язык 109
- 'Дикая слива' 107
- 'Дикая трава' 165

- Дикие звери 176. 177. 179
 'Дикий' 105
 'Дикий голубь' 242
 'Дитя' 20. 26. 27. 50. 51. 69. 174. 176. 201. 234. 247. 253. 261. 265. 272
 'Дитя неба' 52. 75. 102. 234. 253. 269
 Диффузные звуки 23. 28. 77. 105. 117. 219. 240. 271
 'Дичь' 35
 'Длинный' 200
 'Для' 253
 'Добрый' 45. 52
 'Добрый день' 45
 'Доверенный' 239
 Дравидическое население Индии 87
 'Дождь' 108. 112—114. 141
 Доиндоевропейские языки 272
 Доиндоевропейское население Европы 10. 21. 49. 81. 97. 99. 214. 220
 Доисламская религия арабов 129
 Доисламские термины арабов 129. 130
 Доисторическая Европа 158. 170
 Доисторическая культура Средиземноморья 127
 Доисторическое население Америки 89. 127
 Доисторическое население Афреазии 92. 96. 162. 174
 Доисторическое население Греции 167
 Доисторическое население Западной Европы 6. 11. 30. 155
 Доисторическое население Кавказа 266
 Доисторическое население Малой Азии 133
 Доисторическое население Персии 248
 Доисторическое население Причерноморья 77
 Доисторическое население Северной Африки 123
 Доисторическое население Франции 18. 154
 Доисторическое население Франции и Испании 18
 Доисторические связи Азии и Европы 149. 150
 Доисторические связи языков Индии и Океании 87
 Доисторические языки 133. 144. 146—148. 153. 157. 160. 260. См. также: Яфетические языки
 Доисторические языки Афреазии 96. 98. 214
 Доисторические языки Европы 148. 180
 Доисторические языки Средиземноморья 169
 Доисторическое состояние индоевропейских языков 8
 Доистория 11. 12. 16. 41. 45. 63. 64. 66. 97. 115. 123. 137. 142. 148. 150. 173. 192. 193. 234. 256. 258. См. также: Происхождение человека. Первобытное общество. История
 Доистория Европы 48. 217
 Доистория Кавказа 15
 Доистория Рима 155
 Доклады 202. 203
 Доклады Н. Я. Марра 53. 140. 198. 202. 257
 Долатинский язык 167
 'Долг' 183. 189
 'Долгорукий' 177
 'Должно' 189
 'Должное' 120. 184
 Дологическое мышление 51. 61. 67. 68. 70. 72. 247
 'Дои' 9. 36. 37. 41. 44. 76. 122. 216. 222. 249. 252
 'Дом божества' 252
 'Дом времени' 249
 Домашние животные 176. 177. 179. 256
 Домостроительство 221
 Дорийское наречие греческого языка 191
 'Дорога' 21. 139—149
 'Дорогой' 7
 Дородовой строй 256
 Досемитические языки 167
 'Диска' 24. 105
 Дославянские языки 265
 'Достигнуть' 240
 'Дочь' 262
 Доэллинский греческий язык 167. 171
 Дравидические языки 87
 'Дракон' 271
 'Дрань' 36
 'Древко счастья' 14
 Древнеболгарский язык 169
 Древневавилонский язык 242
 Древнееврейский язык 105. 109. 110. 120. 171. 176. 179. 232. 233. 235. 238. 239. 241. 242. 247. 248. 251. 252. 255. 259
 Древнескандинавский язык 169
 Древнелитературный армянский язык 22. 35. 71. 140. 142. 184. 190. 198. 200. 223. 265. 266. 268. 271
 Древнелитературный грузинский язык 8. 9. 16. 17. 20. 22. 36. 37. 39—71. 80. 147. 161. 162. 164. 174. 184. 187. 189. 194. 196. 197. 215. 216. 221. 233. 235. 237. 250. 251. 256. 261. 262. 267
 Древнелитературные языки 237
 Древнеписьменные народы 14
 Древиесеверный язык 259. 267. 268
 'Древний' 214
 Древоеды 40. 151. 152
 'Дроби' 251. 252
 'Дрова' 107
 'Дротик' 235
 'Друг' 193. 239. 256. 273
 'Друг друга' 184. 255
 'Другой' 240
 Дружина 41
 Друиды 154
 'Дуб' 61. 76. 104—107. 146. 151. 152. 154. 168. 180
 'Дубава' 107
 'Дувование' 21
 'Дух' 21. 177
 Духогенство бретонское 208. 209. 227
 'Душа' 72. 73. 75. 177
 'Дым' 39
 'Дыхание' 177
 'Дьявол' 13. 75
 'Дядя' 269
 Евреи 89
 Европейцы 91. См. также: Индоевропейцы
 Египетская культура 157
 Египетская литература 246
 Египтяне и египетский язык 55. 89. 111. 113. 114. 153. 233. 246
 " египетское письмо 54
 Египтологи 246
 'Его' 163
 'Еда' 168

- Единое письмо 83
 Единственное число 240
 'Единственный' 241
 Единство культуры будущего 84
 'Единый' 119
 Единый язык 96
 'Ее' 163
 'Ежедневно' 161
 'Еженедельно' 253
 'Ездить верхом' 110
 Енясейский остяцкий язык см. Ханты
 'Есть' 190
 'Жадный' 113, 163
 'Жажда' 112, 119
 'Жаждать' 163
 'Жар' 220
 'Жара' 220
 'Желать' 112
 Железо 33, 152
 'Железо' 32, 33, 73, 74, 152, 188
 'Жена' 292
 'Женатый' 195
 'Жених' 44
 Женский род 40, 151, 163—165, 179, 223, 224, 235, 236, 248, 251, 252, 255
 'Женщина' 20, 21, 38, 118—120, 155, 156, 191, 195, 223, 224, 241, 262, 272
 'Женщина-дитя' 27, 195
 'Жеребенок' 109
 'Жеребец' 109
 'Жертва' 119
 'Живой' 25, 72, 73
 Живопись и живописцы 14
 'Животное' 25, 110
 Животные 27, 34—36, 75, 76, 79, 120, 147, 175—179, 221, 222, 256, 265, 268. См. также: Культ животных. Одомашнение животных. Тотем звериный
 Живые языки 16, 136, 150, 198, 199, 204, 206, 213, 214
 Живые языки Восточной и Западной Европы 214
 'Жизнь' 18
 Жилище 40
 'Жилище' 76, 122, 216
 'Жир' 138
 Жолуди 40
 'Жолудь' 75, 76, 104, 105, 107, 121, 146, 151, 152, 168, 224
 'Жребий' 130
 Жрецы 188
 'Журчание' 222
 'Журчать' 95
 'Завет' 248
 Заграничная командировка Н. Я. Марра 213
 Заднеязычные звуки 35, 94, 196, 224
 'Зажег' 23
 'Зажигать' 32, 247
 Заимствования 108, 113, 157, 184, 201, 230, 258, 262, 265
 'Заклинать' 251
 'Закон' 184, 185
 'Закром' 9
 Залог (грамм.) 232, 261
 'Замок' 214
 'Замок' 216
 'Заря' 102, 109, 110, 180
 'Затоплять' 181
 'Защита' 76
 'Защитное место' 178
 'Звательный падеж' 118
 'Знать' 272
 'Звезда' 18
 Звонкие звуки 220, 268
 Звук 239
 Звуки 9, 54, 57, 59, 81, 137, 144, 232, 252
 Звуки животных 59
 Звуковая речь 4, 34, 53, 54, 58—60, 66, 90, 97, 104, 125, 146, 153, 157—160, 164, 165, 177, 198, 203, 218—222, 224, 225, 228, 238, 243, 247, 252, 255, 260, 274. См. также: Язык
 Звукоподражание 167
 Звуковые законы см. Фонетические законы
 Звуковые соответствия языков см. Фонетические соответствия языков
 'Здоровый' 140
 'Здесь' 11
 Земледелие 37, 39, 40, 52, 177, 192, 224, 256
 Земледельческие термины 34
 Земледельцы 39, 152
 'Земля' 23, 61, 65, 121, 140, 164, 165, 178, 192, 267, 268
 'Земляника' 164
 'Зерно' 20
 Злаки 5, 20, 34, 75, 78, 104, 151, 224
 'Злой' 13
 'Злой дух' 21
 'Змей' 271
 'Знак' 130, 148, 173
 'Знамение' 123, 173, 181, 233
 'Знамя' 148, 181
 'Звание' 75, 123, 124
 'Знахарство' 123
 'Знахарь' 155
 'Знойный ветер' 220
 'Золото' 33, 267, 268
 Зоология 90, 91
 'Зрение' 221, 225
 'Зреть' 101
 'Зуб' 95, 154
 Зубные звуки 51, 173
 Зырянский язык см. Коми
 'Зять' 44
 'И' 241
 Иберский язык 228
 'Ибер' 10
 Иберы 11, 13, 18, 54, 123, 178, 262, 266, 267, 270
 'Ива' 80
 'Игра' 70, 71
 Игра в мяч 5, 6, 8, 17, 18
 'Играть' 119
 Игры 36, 59, 65
 Идеализм и идеалисты 47, 54, 228
 Идеограммы 62, 190, 195
 Идеографическое письмо 54
 Идеология 41, 45, 54, 131, 231, 250
 'Идол' 45, 49, 75, 218, 234, 235
 Иезиды 133
 Иероглифы 89, 101, 103
 'Иголонье' 9
 «Изолированность» семей языков 47
 Изучение языка 4, 47, 54—56, 83, 202, 206

- Изучение абхазского языка 54—57. 83
 Изучение бретонского языка 212
 'Изящный' 131
 Икояоборчество 274
 'Имение' 65. 190
 Именительный падеж 118. 172
 'Иметь' 100. 138. 190
 Империалистическая война 211
 'Имущество' 184. 267
 'Имя' 123. 173. 181. 233
 Имя (грамм.) 8. 26. 63. 104. 109. 112. 153—162. 174. 186. 190. 192. 222. 223. 225. 231. 237. 241. 252. 255. 259. 261. 266
 Имя действующего лица 26. 109. 190
 Имя действия 222. 223. 237. 252. 261
 Имя состояния 190. 222
 Ингушский язык 109—111
 Индейцы 38. 88—90. 92. 236. 244
 Индийские суда 87
 Индийско-африканская торговля 129
 Индоевропеистика и индоевропеисты 3. 6. 8. 22. 28. 53. 55. 57. 58. 61. 62. 68. 79. 82. 83. 91. 99. 132. 134—136. 144. 153. 157. 162. 165. 166. 169—171. 176. 180. 184. 198. 200—202. 205. 212. 213. 217. 226. 228. 229. 238. 239. 251. 257—263. 273. 274
 Индогерманские языки см. Индоевропейские языки
 Индоевропейские языки и народы 3. 7. 37. 40. 68. 86. 91. 94. 98—100. 106. 107. 115. 117. 121. 124. 127. 136. 139. 146. 149. 150. 152. 154. 157. 158. 165. 166. 169. 175. 176. 183. 189. 192. 193. 197. 198. 205. 213. 215. 218. 226. 227. 229. 234. 235. 237. 242. 248. 255. 259. 261. 262. 266. 268
 Индонезийцы 91
 'Инжир' 80
 «Инородческие» языки 213
 «Инородческий» вопрос 211—213
 'Иностранец' 169. 174
 Институт живых восточных языков см. Восточный Институт
 Институт Маркса-Энгельса-Ленина 260. 261
 Ионы 13. 29
 Иранцы и иранские языки 72. 133. 136. 189. 197. 201. 203. 218. 233. 259. 260. 270
 Ирландский язык 111. 200. 213. 216. 259
 «Искажение» языковое 170
 'Искра' 32
 'Искренний' 24
 'Искусство' 74. 191
 Искусство 12. 14
 Ислам 119. 129. 130
 Испанский язык 11. 19. 20. 28. 35. 36. 45. 163.
 Испанский язык, взаимоотношения его с баскским языком 11
 Испанский язык, флетические пережитки в нем 32
 'Истина' 74. 75. 233. 264
 'Истинный' 233
 История и историки 7. 11—13. 15. 17. 25. 46. 48. 60. 61. 66. 77. 86. 96. 98. 115. 124. 130. 131. 135. 136. 145. 150. 153. 157—159. 160. 164. 169. 173. 183. 197. 201. 206. 207. 227. 228. 230. 247. 257. 260. 261. 270. 274. 275. См. также: Доистория. История материальной культуры. История мышления. История общественных форм. История религии. История языка. Классовая борьба. Миграция. Стадии развития языка и мышления.
 История басков 11. 17
 История Бретани 227
 История Византии 48
 История Восточной Европы 261. 270
 История готов 275
 История Греции 151. 169. 173
 История Грузии 7. 15
 История Европы 164
 История звуков 94. 102
 История кельтов 207
 История культуры 13. 61. 150. 153. 158
 История материальной культуры 6. 8. 13. 14. 33. 36. 42. 47. 60. 66. 73. 77. 78. 130. 139. 146. 150. 152—154. 158. 171. 175. 188. 190. 192. 198. 199. 218. 226—228. 258
 История мышления 21. 43. 61. 86. 256. См. также: Стадии развития языка и мышления.
 История общественных форм 153. 158. 171. 192. 226. См. также: Первобытное общество. Античное общество. Рабство. Феодализм. Капитализм
 История письма 54
 История революций 61
 История религии 128—130
 История Рима 46. 169. 173. 183
 История русского языка 265
 История семантики 34
 История скотоводства 25
 История слов 234
 История техники 189
 История турок 130. 131.
 История турецких языков 135. 136
 История Франции 228
 История хозяйства 158. 170
 История церкви 275
 История числительных 242
 История языка 3. 6. 10. 13. 16. 24. 26. 34. 38. 43—45. 47. 54. 57. 59—61. 67. 75. 78—80. 83. 86. 90. 93. 98. 100. 103. 107. 134. 135. 139. 145. 157—160. 162. 164. 167. 175. 177. 188. 201. 202. 214. 218. 222. 224. 226. 230. 231. 243. 256. 260. 274. См. также: Классификация языков. Лингвистические элементы. Палеонтология речи. Скрещение яз. Словообразование. Стадии развития языка и мышления. Строй речи. Функциональная семантика. Языкотворчество
 «Исторические» языки 85. 247
 'Источник' 113
 Исходный падеж 16
 Итальянцы 11
 Италия 13
 Итальянский язык 26. 45. 154
 Иудейство 129. 136
 Каба 252
 'Кабан' 35. 51
 Кабардинский язык 78
 Кабильский язык 161—163. 166. 174. 178. 181. 190. 192. 193
 Кавказоведы 261. См. также: Абхазоведы. Грузиноведы. Осетиноведы

- Кавказская литература 7
 Казанский татарский язык 106. 131
 'Как' 118
 'Каким образом' 118
 Календарь 39. 183. 264
 Калифорнийские индейцы 236
 Калмыки 264
 'Каменоломня' 18. 214
 'Камень' 18. 30. 31. 42. 73. 74. 95. 152. 154. 180. 214. 216
 Каменные орудия 188
 'Каменопись' 216
 'Канал' 216
 'Канат' 259
 'Кандалы' 188
 Канурии 170
 Капитализм 222
 Каппадокийская церковь 12. 221
 Каппадокийцы 275
 Карагинский язык 109
 Карачаевский язык 196. 197. 200
 Каришцы 89
 Картвелы 269. 270
 Карты 266. 270
 'Касаться' 34. 120. 241
 Касимовский татарский язык 106
 Католичество 208. 209
 'Квартал' 169
 'Кедр' 107
 Кельтские языки и кельты 17. 19. 30. 35. 111. 198—200. 203. 205. 206. 208. 213. 216. 222. 225—229. 257. 259—262. 268. 269. 273
 Кельтские языки, взаимоотношения их с языками других систем 200. 201. 229
 'Кентавр' 263
 Кимеры 178. 266. 270
 Кимеры и кимерский язык 225. 259
 Кинетическая речь см. Ручной язык
 'Кинжал' 187. 235
 Киргизский язык 110
 Китайцы (синологи) 100. 101
 Китайский язык и китайцы 62. 87—89. 94. 100—115. 120. 139. 146. 147. 158
 Китайское письмо 54
 Классификация языков 22. 57. 59. 60. 68. 134. 136. 137. 139. 142. 144. 145. 226. 232
 Классификация семитических языков 232
 Классификация турецких языков 136—145
 Классицизм 258
 Классический арабский язык 231. 236
 Классические языки 128. 145. 203. 204. 214. 226. См. также: Греческий язык. Латвийский язык
 Классический мир 262. См. также: История Греции. История Рима
 Классовая борьба 275
 Классовые языки 60. 150. 158. 213. 236. 237
 Классы (общ.) 13. 14. 41. 59. 60. 64. 73. 78. 79. 93. 143. 144. 227. 230. См. также: История. История общественных форм. Классовая борьба. Социальный строй
 Класс (грамм.) 117. 143. 151
 'Клеймо' 130
 Клерикализм 204. 205. 208. 209
 Клинопись 23. 54. 81. 214
 Клинописные языки 8. 15. 23. 30. 33. 37. 48. 62—64. 77. 101. 106. 109. 112—114. 119—121. 122. 137. 138. 145. 147. 149. 156. 164. 168. 169. 177. 194. 201. 214—216. 232. 237—242. 248. 250. 251. 266. 270. 271. 275
 Клинопись ванская 8. 15. 23. 30. 33. 37. 48. 77. 201. 214. 216. 237
 'Клясться' 247. 248. 251
 'Клятва' 180. 248. 249. 251
 Клятвы 52
 'Ключ' 37
 'Клык' 95
 'Кляча' 110
 'Книга' 130. 147. 148. 180
 Княжество месское 227
 'Князь' 137
 'Ковчег' 9
 'Ковчег завета' 248. 252
 'Кожа' 37. 179
 'Коза' 77. 78.
 'Колдовство' 71
 'Колено' 256
 'Колесница' 20
 'Колесо' 17. 19. 20. 89
 'Колдуны' 155
 'Колодец' 113
 Колониальные языки 213. 214
 Колонизация 148
 Колония Англии 213
 'Колонна' 42
 'Колос' 25. 36. 137
 Колтены 268
 'Кольцо' 121. 200. 217
 Кошки 269
 Комавдировки Н. Я. Марра 3. 4. 198. 200
 Команский язык 141
 Коми (зырянский) язык 62. 105—107. 111. 117. 152. 162. 164. 218. 270
 Комитет сохранения бретонского языка 208
 'Комната' 122
 Конгресс Бретонской Автономистической партии 228
 'Конец' 18
 Конференция мирная 210
 'Копчик' 25. 26. 121
 'Ковь' 265. 267. 270
 Коптский язык 103. 104. 114. 133
 'Копье' 154
 'Корабль' 118. 119. 239
 Корейский язык 110. 111
 Коренные согласные 231
 'Корова' 25. 35. 120. 179
 'Короткий' 239
 Косвенные падежи 15. 16. 21. 22. 223
 Космическое мышление 18. 39. 50. 71. 74. 76. 79. 80. 164. 181. 219. 234. 241. 242. 251. 256. 268
 Космические представления 79. 164. 234
 Космические термины 121. 153. 218. 221. 253. 256. 267. 269—271
 Космический тотем 256
 'Коснуться' 240
 'Кость' 217
 Кочевники 37. 145. 152. 171—173. 175. 177
 Краеведение 207. 208. 210
 'Край' 161. 164. 183.

- 'Красный' 180
 'Красноречивый' 132, 223
 'Крат' 149
 'Краска' 72
 'Кремень' 30, 214
 'Кремль' 214
 'Крепкий' 30
 'Крепость' 179, 180, 214, 216
 'Крест' 132
 Крестьянство бретонское 210, 227
 'Крестьянин' 225
 'Крещение' 19
 Критика яфетической теории 115, 126, 127, 199, 226
 'Кричать' 272
 'Кров' 36, 41, 44
 Кровное родство 40, 192, 256, 273
 'Кровь' 18, 153
 'Круг' 5, 17, 19, 20, 51, 76, 178, 216
 'Кружение' 19, 20, 51
 'Крыло' 17
 Крымский турецкий язык 140
 'Крыша' 18, 122
 Кувада 100
 'Куда' 22
 'Кулак' 188, 249, 251, 254
 Култ 18, 29, 30, 36, 42, 46, 50, 55, 59, 68, 70, 71, 76, 78, 91, 104, 119, 132, 133, 177, 208, 209, 216, 220, 222, 226, 233, 247—249, 252, 255. См. также: Иудаизм. Мусульманство. Религия. Христианство. Язычество
 Култ племенного бога 29, 41
 Култ бурдюка 244, 245
 Култ дерева 104, 152
 Култ дуба 104
 Култ животных 27
 Култ лошади 12, 226
 Култ луны 71
 Култ мяча 18
 Култ неба 51
 Култ светил 41, 71, 77
 Култ свиньи 14, 15, 78
 Култ смерти 70
 Култ собаки 78, 222
 Култ солида 17, 41—51
 Култовая пляска 71
 Култовые сооружения 249
 Култовые предметы 247, 249, 251, 252
 Култовые сосуды 70, 71
 Култовые термины 78, 119, 130—132, 148, 155, 157, 179—181, 218, 220, 246, 248, 267, 269
 Культура 60, 84, 157. См. также: Доисторическая культура. Национальная культура
 Культура Майя 98
 Культура Европы 150
 Культура Ирана 129
 Культура Средиземноморья 115, 146, 166, 169, 192
 Культурная революция 83, 84
 'Купаль' 192
 'Купец' 33, 174
 Курдский язык 10, 110, 111, 132, 133
 Курсы лекций Н. Я. Марра 85
 'Куст' 105
 'Куча' 268
 Кюринский язык 109, 111
 Лазский язык см. Чанский язык
 'Лапти' 67—69
 Ласкательные формы 50
 Ласы 79
 Латинский язык, 8, 9, 17—19, 21, 25—29, 45, 49, 62, 67, 74, 76—78, 81, 82, 95, 102, 106, 110, 111, 116, 119—123, 127, 128, 145, 147, 148, 150, 152—154, 162, 166, 168—173, 176, 178, 180—183, 185, 187, 189, 191, 204, 207—209, 211, 214, 215, 217, 221, 222, 224, 252, 260, 262, 267, 272, 273
 Латинский язык, взаимоотношения его с берберским языком 176
 Латинский язык, взаимоотношения его с языками других систем 191
 'Лацужка' 36
 Лашхский говор сванского языка 196
 'Лаять' 234
 Лебединое наречие турецкого языка 139
 'Лев' 61, 75, 174—177, 179, 180—182
 'Левая рука' 185, 186, 235
 'Левый' 66, 67, 186
 Легенды 6, 7, 31—33, 52, 75—78, 156, 159, 160, 179, 180, 188, 263, 267, 270, 274. См. также: Мифы
 Легенды библейские 159
 Легенда об Атлантиде 159, 160
 Легенды христианские 6
 Легенды языческие 6
 'Легкий' 222
 Лезгинские языки 109, 111, 142
 Лексика 6, 16, 42, 46, 59, 62, 95, 135, 146, 154, 155, 192, 200, 214, 218, 237, 243
 Лексика абхазского языка 83
 Лексика доисторическая 148
 Лексикографы 249
 Лекции Н. Я. Марра 4, 66, 85, 153, 192, 202
 Лентехский говор сванского языка 196
 'Лес' 95, 105, 106
 'Лесной' 105
 Леофорические народы и языки 11, 115, 173
 Лечхумский говор грузинского языка 95
 Либийцы 174, 175
 'Ливиец' 172
 'Ливийка' 172
 Ливийцы 172
 Лигуры 11, 75
 Лингвистика и лингвисты 4, 5, 7, 16, 18, 24, 28, 43, 45, 47, 54, 57, 60, 62, 63, 79, 80, 83—86, 90—94, 98, 100, 108, 116, 117, 126—128, 130, 132—134, 144—146, 153, 157, 158, 160, 167, 176, 192, 198, 200—203, 205, 207, 218, 228, 229, 250, 258, 274
 Лингвистические работы 4
 Лингвистические элементы 29, 59, 60, 79, 118, 126, 174, 191, 214—216, 218, 222, 232, 268.
 'Лиса' 75, 76, 177, 179, 181, 182
 'Листва' 95
 Литература 5—7, 14, 15, 30, 31, 57, 61, 79, 128, 129, 131, 134, 151, 170, 175, 207, 208, 212, 226, 228, 246, 269. См. также: Письменные памятники
 Литературное дело 207, 258

- Литературные сюжеты 31
 Литературные языки 53. 205. 208. 209
 Литовский язык 169
 'Литургия' 252
 'Лить' 273. 274
 Личные имена 181. 269. См. также: Семейные имена
 Личные местоимения 8. 16
 'Личность' 238
 'Ловкий' 184. 186
 Логическое мышление 61. 67. 68
 'Лодка' 64
 'Лоза' 5
 'Ломкий' 222
 Лопари 97
 'Лошадь' 27. 35. 61. 62. 64. 68. 75. 76. 80.
 108—111. 120—121. 176. 177. 180. 221. 237.
 267. 268. 271
 'Лошадь — вода — женщина' 226
 'Лук' 233
 'Луна' 39. 41. 49. 50. 71—73. 76. 101—103.
 251—254. 269
 Луораветланский язык (чукчи) 86. 87
 'Луч' 100. 110
 'Лучше' 266
 'Лучший' 42. 266
 'Луцко-караимский татарский язык 106
 'Львенок' 261
 'Львица' 176
 'Лыча' 107
 'Любезный' 223
 'Любовь' 270
 'Люди' 21. 171. 172, 238. 269
 'Людоед' 201
 'Маг' 71
 Маги 41
 Магизм слов 246
 Магическое восприятие 254
 Магическое значение чисел 243—248
 Магия 59. 70—72. 104. 140. 148. 233. 243—249.
 251. 252. 267
 Мазданство 129. 133
 'Маис' 104. 151
 Малайцы и малайские языки 87. 88. 90. 92.
 186
 Малайо-полинезийские языки 85—94. 98
 'Малая собака' 176
 Малкарский язык см. Балкарский язык
 'Мало' 24
 'Мальчик' 20. 39. 224. 239. 261
 Мандианы 244
 Манси (ногулы) 62. 151
 Марийский язык 62. 106. 245. 255
 Марксизм 57. 125. 229
 Мароканцы и мароканское наречие берберского
 языка 161. 162. 174. 180. 190. 193
 'Масло' 138. 139. 141
 Материализм и материалисты 47. 54. 63. 201.
 230—232
 Материальная база 232. 238. 263
 Материальная культура 40. 43. 45. 73. 87. 108.
 148. 157. 158. 230. 264. 265. 270. См. также:
 История материальной культуры
 Материальная культура населения Америки 89
 Матриархат 21. 40. 150. 151. 156. 181. 192.
 223. 235. 236. 255. 271. 273
 Мегрелы и мегрельский язык 5. 8. 10. 13—16.
 20. 24—26. 28. 29. 32. 35—40. 43. 44. 49.
 65—67. 70. 71. 77. 78. 95. 102. 104—107.
 113. 118. 121. 134. 138—144. 148. 152. 153.
 161. 162. 164. 168. 176—178. 184. 187.
 192—194. 200. 219—221. 250. 251. 253. 261.
 262. 269. 271—275
 Мегрельский язык, взаимоотношения его
 с армянским языком 15
 'Мед' 152. 215
 'Медведь' 35
 'Медвежонок' 261
 'Медь' 33
 Медь 89
 Меланезийцы и меланезийские языки 90. 91.
 93. 98
 'Мерка' 44
 'Мертвый' 72. 73
 Мертвые языки 203. 204. 214. 238
 Меряне (меря) 178
 Местоимения 15. 16. 25. 174. 184. 255
 Местоимения вопросительные 22
 Местоимения личные 8. 16
 Местоимения неопределенные 8
 Местоименные префиксы 163
 Местоименные суффиксы 16. 163
 Местоименные элементы 8
 Месхский говор грузинского языка 8. 15.
 20
 'Месяц' 102. 104. 250—252. 269
 Металлические орудия 188
 Металлургия 39. 40
 'Металл' 154
 Металлы 32. 33. 147. 152. 268
 Метилы 80
 'Метка' 143. 173
 Метод 3. 12. 14. 19. 45. 47. 54—56. 58. 69. 73.
 79. 82. 85. 86. 98. 110. 116. 125. 128—133.
 136. 144. 157. 161. 165—167. 175. 182—184.
 197. 199—202. 215. 216. 253. 258. 274. См.
 также: Диалектический материализм. Марк-
 сизм. Сравнительный метод. Формальный
 метод.
 'Меч' 67. 187. 188. 191. 235
 Миграции 88—93. 96. 97. 131. 134. 135. 145.
 148. 162. 201. 203. 213. 228. 230
 Мидский язык 176
 Микрокосмические термины 37. 39. 49. 50. 79.
 153. 154. 250. 253. 256. 265
 'Милость' 270
 'Мимика' 59
 'Мир' 9. 80. 237
 Мироззрение 27. 41. 54. 55. 57. 60. 65. 66.
 72. 91. 135. 136. 145. 238. 253. 272. См.
 также: Анимизм. Антропоморфизация. Кос-
 мическое мышление. Идеология. Мышле-
 ние. Дологическое мышление. Логическое
 мышление.
 Мироззрение библейское 272
 Мировые языки 214
 Миссионеры 132. 226
 Мистерии 207
 Митанский язык 194. 195
 Мифологическое мышление 67. 72. См. также:
 Дологическое мышление. Первобытное мыш-
 ление

- Мифы и мифология 31. 32. 52. 67. 68. 108. 128.
155. 159. 160. 180. 188. 234. 235. 267. 272.
'Много' 37. 38. 236—241. 247. 254. 256
'Многочисленный' 237
Множественное число 8. 15. 16. 71. 103. 107.
142—144. 149. 164. 173. 174. 178. 200.
221. 223. 225. 236. 238. 240. 241. 251. 252.
255. 256. 259. 269
'Множество' 237
Монанитский язык 238
'Могила' 72
'Могущество' 180
'Мой' 163
Мокша, наречие мордовского языка 106
'Молитва' 272
'Молиться' 272
'Молния' 32
'Молодой бык' 261
'Молодой сыр' 260
Монастыри 6
Монголисты 135
Монголоиды 94
Монголы и монгольские языки 63. 96. 115. 135.
136. 196
Мотивы 7. 8
Моносемантизм 81. 234. 238
Моносиллабизм 42. 43. 110. 117. 146. 158
Моральные понятия 192
Мордовский язык 62. 105. 106. 111. 115. 127.
152. 176. 177. 180. 198. 221. 255. См. также:
Мокша. Эрзя
'Море' 23. 119. 121. 140. 153. 219. 241. 242.
247. 267
Мореплавание 93
Морфология 6. 15. 26. 27. 40—44. 47. 56. 65.
80. 87. 98. 107. 117. 136. 142. 146. 148. 162.
165. 172. 178. 188. 214. 218. 222. 223. 225.
231. 232. 235. 239. 257. 258. 260. 261
Московский лингвистический кружок 246
Мосии 244
Мосты 8
'Мочала' 259
'Мочь' 189
'Мощь' 66. 180
'Моя вина' 189
Мтигульский говор грузинского языка 95
'Мудрость' 119
'Муж' 21. 75. 193. 224. 247. 256. 257. 272. 273
Мужской род 40. 151. 223. 235. 236. 251. 252
'Мужчина' 20. 21. 39. 193. 194. 224. 261. 272—
274
Музыка 8
'Мул' 35
Мусульманство и мусульмане 55. 128—131. 136.
233. 252
Мутуация 146
'Мы' 8
'Мышь' 23. 192
Мышление 6. 21. 39. 41. 43. 53. 61. 62. 70. 72.
74. 76. 80. 85. 86. 88. 113. 127. 128. 149.
234. 238—240. 243. 247. 251. 252. 256. 258.
265. 267—271. 274. См. также: Дологическое
мышление. История мышления. Логическое
мышление. Магия. Мифологическое мышле-
ние. Первобытное мышление.
'Мышь' 15
'Мясо' 24. 35. 36
'Мяч' 17. 18
'Наводнять' 181
'Навоз' 179
'Нагрел' 219
'Надевать' 68
'Надлежит' 189
'Надпись' 42
Надписи 129
Надписи арамейские 171
Надписи ахеменидские 215
Надписи Средиземноморья 159
Надписи халдские 201. 214. 216
Надписи эрусские 46
Надстройка 43. 46. 57. 60. 74. 75. 171. 190.
192. 223. 230—232. 252. 264. 265. 269
Названия животных 175. 179
Наклонения (глагол.) 223. 232
Намайский (готгентотский) язык 115—125. 127.
128. 145. 158
Намайский язык, взаимоотношения его с язы-
ками других систем 115—124
'Напившийся' 163
'Напился' 112
Напитки 152
'Напиток' 163
Направительный падеж 16
'Направление' 139
'Наречие' 124
Наречие (грамм.) 164. 233
Наречия (языков) 16. 37. 136
Наречия абхазского языка 73
Наречия армянского языка 260
Наречия и говоры баскского языка 213
Наречия и говоры берберского языка 168. 196
Наречия бретонского языка 210. 220. 223
Наречия германских языков 259. 260
Наречия мордовского языка 221
Наречия турецкого языка 139
Наречия удинского языка 143
Нарицательные имена 104. 170. 225. 241. 255.
259. 266
Наркомпрос Абхазии 83
'Народ' 169—172. 174. 237. 238. 256. 269
'Народные' этимология 172. 262
Народный арабский язык 231
Народный армянский язык 184. 189. 190. 198.
223. 237. 253. 259. 260. 266. 268
Народный грузинский язык 8. 36. 39. 42. 43.
186. 187. 189. 197. 233. 235. 237. 251. 262. 266
Население Америки, его происхождение 85—89.
115
Население Бретани 205. 212
Население Восточной Европы 270
Население Евразии 135
Население Европы 124
Население Средиземноморья 49. 50. 153
'Населенный пункт' 178
'Населять' 269
'Насилую' 120
'Насильно' 66
'Настраивать' 186
Наука и науки 47. 84. 165. 166. 182. 183. 199
Наука и политика 165. 228
Научная (академическая) среда 85. 87. 160. 182.
203. 226

- Научная этика 43
 Научное диссидентство 53
 Научное мышление 53
 Научные работники 4, 12, 46, 62, 88, 165, 182, 211, 212, 227, 228, 275
 Научные учреждения 4, 53, 55, 57, 58, 70, 83, 125, 160, 198, 199, 202, 216, 260, 261
 'Находить' 119
 'Нахождение' 190
 Нахчайский язык 109, 110
 Национализм 274
 Национальная культура 131, 209
 Национальная политика СССР 211
 Национальная школа живых восточных языков (в Париже) 199
 Национальности (нации) 4, 13, 22, 41, 50, 53, 56, 60, 78, 142, 152, 218, 228, 254, 256, 264, 269, 274
 Национальные герои 269
 Национальные движения 202—229
 Национальные имена 209
 «Национальные» святые 209
 Национальные названия 11, 48, 50, 78—80, 166, 172, 174, 201, 217, 225, 264, См. также: Племенные названия
 Национальные языки 53, 56, 60, 132, 198, 202, 204, 205, 205, 213, 214, 226, 227
 Национальный вопрос во Франции 202—229
 'Нация' 238, 256
 'Начало' 120
 'Начинать' 120
 'Небесенок' 50, 51, 256
 'Небесная дуга' 253
 'Небо' 5, 17—20, 23, 30—32, 36, 39, 41, 44, 50, 61, 74—78, 80, 110, 121—123, 137, 139, 140, 149, 153, 164, 177, 178, 181, 188, 201, 216—220, 222, 224, 233, 234, 239, 241, 242, 247, 252, 253, 255, 256, 261, 265, 267, 270, 271
 'Небо-вода' 118, 152
 'Небо-год' 224
 'Небо-гора-голова' 253
 'Небо-огонь' 118
 'Невеста' 44, 119
 'Невестка' 44, 119
 Неграмотность 227
 Негры йоруба 244
 Неделя 254, 255
 'Неделя' 71, 247, 248, 252, 253
 'Незаконнорожденный' 259
 Немецкая наука 274
 Немецкие ученые 275
 Немецкие фамилии 275
 Немецкий язык 34, 45, 74, 111, 178, 217, 247, 259, 260, 266, 268, 270, 275
 'Немочь' 25
 Ненцы (самоеды) 97
 Неолит 89, 90, 97, 149
 'Необходимый' 189
 'Необходимость' 120
 Неопределенные местоимения 8
 Неопределенное наклонение 223
 'Непостоянный' 222
 'Непостоянство' 222
 'Непочатый' 120
 'Нести' 120
 Несториане 132
 'Несчастье' 185, 186
 Нижское наречие удинского языка 143
 'Низ' 25, 64, 65
 'Низкий' 25
 'Но' 119
 'Новгород' 166
 Новое учение о языке см. Яфетическая теория
 Новоперсидский язык 201
 Новозамский язык 103, 169, 215
 Новые языки 149, 150
 Новый год, встреча его в Гурии 78
 'Ного' 64, 65, 68—73, 188
 'Нож' 154, 187, 188, 235
 'Номады' 173
 Норманны 179
 'Носить' 65
 'Нужно' 189
 Нумеративные слова 184, 251
 Нумиды 124, 173, 174
 'Обед' 168
 'Обезы' 197
 'Обет' 248
 'Обилие' 237
 'Обильный' 247
 'Обиталище' 178
 'Общий' 237
 'Облако' 181, 224
 Обмен 174
 'Обрабатывать землю' 153
 'Образ' 44, 45, 72, 118, 120, 149, 234
 'Обратился' 19
 'Обратить в камень' 214
 'Обращаясь' 19
 'Обращение' 19
 'Обувь' 67—69
 Обувь 65, 67, 68, 71
 Общественный строй см. Социальный строй
 Общественные науки 183, 199
 'Обязанный' 189
 Объективный падеж 100, 118
 Овес 89
 Овский язык см. Осетинский язык
 'Овпа' 25, 35, 120, 178, 256
 Огласовка 11, 14, 16, 17, 19, 22, 23, 26, 39, 40, 43—45, 48, 49, 52, 77, 138, 186, 187, 196, 197, 220, 224, 225, 231, 237, 240, 250, 251, 253, 261, 265—267, 271
 'Огонь' 23, 31, 32, 63, 95, 123, 218—220, 247
 Огонь, изобретение его 31
 'Огороженное место' 178
 'Ограда' 178, 216
 'Один' 184, 240—242, 254, 255
 'Одиннадцать' 242
 'Один только' 184, 186, 241
 'Однажды' 240
 'Однако' 119
 'Одна пятая' 251
 'Одна седьмая' 252
 'Одолевать' 191
 Одомашнение животных 27, 31, 75, 176, 177, 221
 Одульский (юкагирский) язык 101, 115, 127, 146
 Озвончение звука 19, 37, 189, 196, 267, 270
 'Озеро' 192
 Оканье 11, 17, 19, 39, 52

- 'Оканчивать' 9
 Океанийские языки и океанийцы 66. 67. 88.
 146
 'Околдовал' 104
 'Около' 65. 95. 120. 186. 190. 191
 Октябрьская революция 56
 'Олень' 97
 'Ольха' 24. 107
 'Он обратился к нему' 19
 'Он видел во сне' 44
 'Он взял' 242
 'Он кружил' 19
 'Он купил' 188
 'Он может' 189
 'Он пил' 162
 'Он ползал' 249
 'Он продал' 188
 'Он продал в кредит' 241
 'Он протек' 241
 'Он прошел' 241
 'Он снял мерку' 44
 'Он схватил' 242
 'Опасность' 247
 'Орало' 154
 'Орел' 61. 76
 'Орех' 20. 80. 106
 Ориньякская эпоха 97
 Орудивный падеж 16. 80
 'Орудие' 67
 Орудия 42. 64. 67. 73. 154. 187. 188. 193. 233.
 246
 Оружие 187. 235
 Орфография бретонская 208
 Орхонские турки 54
 Осетиноведы 259
 Осетинский язык 106. 156. 197. 258. 259
 'Освещать' 220
 Оседлость и оседлое население 37. 175
 'Осел' 109. 111. 271
 'Осленок' 109
 Османисты 132
 Османский турецкий язык 131. 140. 156
 'Особа' 116. 127. 253
 'Острие' 154. 235
 Остяцкий язык см. Ханты
 Отвлеченные понятия 66. 74. 75. 103. 190. 192.
 223. 233. 234. 251. 252
 'Отец' 21. 75. 192. 194. 256. 261. 272. 273
 Открытие Америки 89
 'Отпрыск' 259
 Отрицательные префиксы 223
 'Отрок' 39. 180. 194. 224. 225. 260. 261. 273
 «Отсталые» народы 246
 'Оттуда' 16
 Отчет о командировке Н. Я. Марра 198
 'Отыменные глаголы' 186
 Охота 40. 69. 244. 245
 'Охота' 35
 'Очи' 262
 Падежи 8. 15. 16. 21. 22. 27. 42. 50. 80. 100
 118. 163. 164. 172. 185. 223. 232
 Падение звука 22. 23. 35. 52
 Палата депутатов 210. 211
 'Палатка времени' 248
 Палеоазиатские языки 105—107. 115. 127. 135.
 146. 158. 194. 195
 Палеолит 30. 32. 42. 90. 97. 146. 150. 158. 165
 198. 199. 218. 226
 Палеонтология речи 5. 16. 17. 20. 25—27. 31.
 33. 34. 36. 42. 46. 48—51. 63. 65. 66. 70.
 73—75. 95. 97. 100—117. 121—123. 127.
 130. 132. 133. 137—140. 142—143. 146. 147.
 149. 152—155. 157—162. 167—169. 171.
 174—177. 183—185. 190—193. 197. 201.
 217. 218. 220—222. 225. 229. 232. 234. 235.
 237. 238. 240—242. 246. 248. 250. 252. 253.
 262. 264—267. 270. 272—274. См. также:
 История языка. Лингвистические элементы.
 Семантика. Стадии развития. Функциональ-
 ная семантика
 Палеонтология фонетики 105.
 'Палка' 80. 104. 107
 'Памятник' 42
 Памятники материальной культуры 77. 78.
 146. 175. 199. 218
 'Папорожник' 80
 'Пара' 103. 104. 184. 240
 Парижский конгресс американистов 88
 Парусное судно 64
 Пассив (грамм.). 43
 Пастушество 37. 39. 123
 'Пасха' 220
 Патагонцы 92
 Патриархат 21. 192. 223. 274
 Патриции 183
 'Пахать' 177
 'Пахнет' 177
 Пегас 110
 'Пей' 162
 Пеласги 11. 79
 Пение 8. 65
 'Пень' 105. 106
 Первобытная культура 21
 Первобытное мышление 61. 67. 70. 108. 245.
 247. 252. См. также: Анимизм. Антропомор-
 физация. Дологическое мышление. Космиче-
 ское мышление. Мифологическое мышление
 Первобытное общество 40. 55. 61. 70. 72. 73.
 75. 76. 89. 91. 150. 151. 192. 222. 232. 236.
 244—246. См. также: Дородовой строй.
 Матриархат. Неолит. Патриархат. Палеолит.
 Происхождение человека. Родовой строй
 Первобытное право 93
 Первый Всечувакский краеведческий съезд
 202. 203
 Перебои звука 11. 18. 21. 30. 38. 39. 102. 105.
 165. 169. 179. 188. 219. 221. 251
 Переводчики и переводы 12. 274
 Переводы библии 9. 207. 209. 249
 Перегласовка 26. 37
 Переднеазиатская литература 6
 Переднеязычные звуки 9. 83. 94. 146
 'Пережарить' 220
 'Перекрывать' 36
 'Переносить' 120
 Переселение народов 61. 203
 Переходные языки 86. 213. 226. 237. 260
 'Перинч' 17
 'Перо' 17
 Персидский язык 10. 33. 54. 129. 132. 149. 175.
 176. 181. 184. 201. 237. 238. 245. 248. 250.
 252. 262. 269. 270.

- 'Перстень' 200
 'Перчатки' 68
 'Пес' 27, 176
 Песни 7, 212
 Петиция «Право языков и свобода народов»
 210, 211
 'Петух' 21
 'Печь' 106, 221
 Пещерное жилище 40
 'Пир' 168
 Писатели 82, 83
 Письменные языки 14, 53, 110, 207, 261, 274
 Письменные памятники 6, 12, 14, 132—134,
 166, 246, 264, 265. См. также: Литература
 'Письмо' 147, 148
 Письмо 54, 60, 62, 64, 81, 83, 89, 101, 103, 128,
 147, 155, 194—196, 214, 239
 'Пить' 112—114, 121, 162, 188
 'Пища' 106
 'Плавать' 112
 Плавные звуки 17, 18, 22, 23, 26—30, 36—38,
 44, 173, 219, 224, 235, 251, 267, 269
 'Пламя' 23, 95
 'Планета' 119
 Племенной состав населения Америки 85—99
 Племенные названия (этнонимика) 11, 13, 15,
 20, 22, 29, 30, 38, 43, 50, 55, 59, 61, 75, 76,
 78—80, 89, 100, 123, 124, 126, 155—157,
 166, 167, 169—175, 178—180, 182, 186, 189,
 196, 197, 201, 217, 225, 238, 241, 245, 254,
 255, 257—259, 264—266, 268—270, 272—274
 Племенные языки 49, 96, 138, 143, 144, 201
 'Племя' 38, 169, 170, 174, 238, 239, 247, 256
 Племя Арунта 244
 Племена 4, 12, 13, 50, 59, 60, 73, 90, 91, 93, 96,
 142, 157, 174, 179, 181, 193, 218, 219, 237,
 240, 244, 245, 247, 254, 264, 269, 272
 'Плечо' 177, 187, 235.
 Плоды и плодовые деревья 20, 34
 'Площадь' 169
 'Пляска' 70—72
 Пляска 59, 65, 70, 71, 244
 'Плясать' 70
 'Победа' 66
 Побратимство 131
 'Повеление' 180
 'Повозка' 20
 Поговорки 84
 Погребения 18, 53, 70, 84, 167, 168
 'Подвижный' 222
 'Подводный камень' 214
 Подъем звука 23, 28, 32, 37—39, 41, 42, 102
 'Поджарить' 32, 220
 'Подниматься' 220
 Показатели множественности 8, 15, 16, 71, 103,
 107, 142—144, 173, 174, 178, 223, 225. См.
 также: Множественное число
 Показатели рода 40, 117, 124
 'Покаленный день' 248
 'Покониться' 248
 'Покров' 76, 122, 178
 'Покрывать' 36, 167
 'Покрытие' 44
 'Покупать' 33, 34, 69
 Полинезийцы и полинезийские языки 87, 90—
 92, 186
 Полисемантизм 16, 23, 28, 42, 43, 80, 103, 104,
 117, 118, 191, 193, 216, 224, 238, 250, 253,
 254, 256
 Полистадиальность 232, 261
 'Полк' 169
 Полногласие 11, 39, 224
 'Половина' 21, 103, 239, 240, 262
 Половое различие 21
 Полуогласные 22, 82
 Польский язык 3
 'Помогать' 66, 67, 119, 186
 'Помощь' 66, 119, 177
 'Поперек' 119
 'Поросенок' 271
 Порядковые числительные 253
 'Порядок' 42, 193
 Последователи Н. Я. Марра 199, 202
 Послелогои 16, 37, 184, 203
 Пословицы 245
 'Пост' 72
 'Постигься' 72
 'Постоянно' 161
 'Поток' 112
 'Потолок' 259
 'Потомство' 259
 'Почва' 267, 268
 'Почет' 250, 252
 'Почитание' 252
 'Почитать' 250, 253
 'Почитать бога' 153
 'Поэзия' 71
 Поэты римские 110
 'Правая рука' 120, 185, 186, 235
 'Правая сторона' 190
 'Правда' 52, 74, 233
 'Правдивый' 181
 Право 93, 183, 185, 193
 'Право' 183—185, 190
 Право собственности 41, 237
 Правовые отношения 193
 Правовые понятия 192
 Правовые термины 193
 'Правый' 66, 67, 140, 184, 185
 'Праздник' 252
 Праздники 220
 Праистория 173
 Прародина {3, 30, 91, 134, 135, 145, 147, 157,
 159, 176, 201, 257, 261, 263, 264
 Празык 3, 58, 86, 164, 201, 262, 263, 275
 'Превосходный' 42
 Предисловие 125
 Предлоги 25, 34, 37, 65, 119, 250, 253
 'Преисподняя' 121
 'Предок' 21
 'Прелюбоделание' 259
 Преподавание языка 81, 83, 100, 202—204,
 209, 210
 Преподавание родного языка в Бретани 205,
 209—211
 Преподаватели 82, 83
 'Преследовать' 110
 Префиксовое образование 40, 148, 158
 Префиксы 8, 26, 44, 52, 63, 75, 100, 163, 164,
 222, 223, 231, 232, 252, 253
 'При посредстве' 241
 'Приближаться' 65

- Приволжские языки 51. 62. 95. 146. 202. 203.
217
'Призрак' 45
Прилагательные 27. 163. 185. 222. 237. 265.
267
Примитивные языки 157. 158
'Принадлежность' 253
'Принес' 120
'Принцесса' 156
Природа 243
'Природа' 153
«Природные» народы 244. 245
'Приходить' 65
Причастие 26. 185. 222. 261
Причастие действительное 26
Причастие страдательное 26
'Приятель' 256. 273
'Проворный' 184
'Продавать' 33. 34. 187
Продукты питания 75. 104. 151
Прозвища 55
'Производить' 119
Производные слова 225
Производственные отношения 230. 232
Производство 222. 243. 246. 252. 256
Происхождение мусульманства 129
Происхождение населения Америки 146
Происхождение русских 79
Происхождение семьи 40
Происхождение турок 131
Происхождение человека 59. 90. 91. 99
Происхождение числительных 236. 254
Происхождение языка 3. 6. 54. 55. 57. 59. 62.
90. 97. 98. 125. 126. 134. 135. 145. 157. 159.
160. 183. 203. 221
'Прокаженный' 267
'Проказа' 267
'Проливать' 114
Прометеидские языки см. Индоевропейские
языки
'Прорипать' 272
'Просо' 78. 104. 168
'Простой' 24
'Пространство' 61
Простые звуки 83
'Протокол' 42
'Протянул' 241
Прошедшее время 44
Прошедшее несовершенное время 44
'Пруд' 192
'Прыгать' 119
'Прямой' 186
Прямые падежи 223
'Прятать' 167
'Птица' 17. 61. 62. 80. 121
Птицеводство 20
Птицы 27. 176
Публичная библиотека в Ленинграде 12
Пуны 178
Путеводители 5
Путешественники 129
'Путешествовать' 118
'Путь' 118. 149
'Пух' 17
'Пшеница' 25. 34. 78. 104. 106. 121. 151. 168.
224
'Пшено' 78
'Пью' 162
'Пьянствовать' 113
'Пьяный' 112. 113. 163
'Пятёрня' 249. 251. 254
'Пять' 236. 244. 245. 251
'Раб' 194
'Работать' 120
'Рабство' 227
'Рабыня' 194
'Радоваться' 72
'Радуга' 223
'Раз' 149. 188. 241
'Разговор' 217
Разложение звука 8. 21. 23. 42. 195. 242
'Разрушать' 190
'Разум' 124. 239
'Разумение' 119. 124
Расены 49
'Раскалил' 219
Расклинявание согласных гласными 10. 28
Раскопки 70
Расовая теория 3. 4. 6. 38. 58. 61. 68. 86 89..
91. 96. 99. 158. 159. 203. 228. 239
Расхождение языков 230. 231
'Растение' 220
Растения, названия их 34. 79. 80
'Расти' 185. 220
Растительные тотемы 76. 77. 270
'Расторопный' 184
Рационализм 63
'Ребенок' 27
'Реветь' 167
Революции и революционные движения 56. 61.
227. См. также: Октябрьская революция
Революция 1905 г. 227
Революция Французская 227. 228
Редукция звука 66. 103
'Резать' 154
'Резец' 154
'Река' 48. 95. 108. 110. 112. 114. 140. 149. 195.
218. 241. 267. 268. 270
'Река-вода' 139. 141
'Река-лошадь' 180
Религиозно-национальное мышление 88
Религиозные термины 129. 246
Религия 14. 29. 41. 55. 119. 128—133. 136.
183. 208. 209. 233. 248. 249. 252. 263. См.
также: Иудаизм. Культ. Мусульманство.
Христианство
'Религия' 184. 185. 233
Реликтовые языки 60
'Ремесло' 74. 190
'Речь' 124. 169
Римляне 46. 54. 64. 79. 108. 110. 115. 124. 154.
193
Римская литература 110
Римская церковь 12
Римские императоры 18
Римские цифры 249
Римский Пантеон 188
'Риф' 214
'Род' 170. 247. 260
Род (общ.) 1. 57. 76
Род (грамм.) 26. 40. 59. 117. 145. 151. 165. 179.
223. 224. 235. 236. 240. 248. 251. 252. 255.

256. 264. См. также: Женский род. Мужской род. Средний род
 'Родина' 171
 'Родитель' 26
 Родительный падеж 8. 15. 22. 27. 50. 163. 164. 185
 Родительный падеж с отношением 8
 'Родник' 37. 113
 Родной язык 56. 84. 202. 206. 208—211. 213. 226. 227. 262
 Родовые имена 55
 Родовой строй 21—40. 217. 256
 'Родственник' 40. 256. 269
 Родство кровное 40. 192. 256. 273
 Родство племен 91. 96
 Родство (схождения) языков 3. 38. 58. 62. 82. 83. 85—87. 89—92. 96. 97. 115. 117. 135. 137. 142—146. 148. 149. 163—165. 170. 174. 186. 210. 213. 219. 221. 228. 230. 231. 249
 'Рождать' 119. 153. 260
 'Рождаться' 220. 221
 'Рождаюсь' 153
 'Рождающий' 26
 'Рождение' 119. 260
 'Рожденный' 26. 261
 'Роковой' 185
 'Романисты' 7
 Романо-германистика 258
 Романские языки 3. 8. 9. 11. 17. 27. 28. 30. 35. 111. 120. 121. 136. 139. 147. 153. 154. 176. 259. 260. 262
 'Рука' 33. 34. 38. 63—74. 79. 94. 95. 100. 103. 104. 114. 117—120. 122. 139. 149. 153. 154. 177. 178. 180. 183. 185. 186. 188—194. 196. 233. 235. 236. 240—242. 249. 251. 254. 256. 262
 'Рука-женщина-вода' 114. 118—120. 191. 194. 195. 235. 241. 262
 'Рукав' 191
 'Рукавицы' 68
 'Рукоделье' 74
 'Рукопашная' 235
 Рукописи греческие 12
 Рукописи средневековые 12
 'Рукоять' 119
 'Рус' 79
 Русисты 62
 Русские и русский язык 3. 25. 27. 52. 54. 62—70. 74. 75. 79. 102. 104. 106. 110. 111. 132. 147. 148. 154. 162. 164. 165. 176. 177. 180—182. 187. 188. 190—192. 198. 200. 201. 203. 214—216. 218. 221. 225. 234. 240. 245. 253. 255. 262. 265. 266. 267. 269—271
 Русский язык, взаимоотношения его с абхазским языком 62
 Русский язык, взаимоотношения его с грузинским языком 25. 165. 187
 Русский язык, взаимоотношения его с языками Западной Европы 262
 Русский язык, взаимоотношения его с яфетическими языками Кавказа 262
 Русский язык, взаимоотношения его с языками других систем 198. 265. 266
 Русские сказки 110
 Русское письмо 81
 Руссификация Кавказа 209
 Русы 261
 Рутульский язык 109. 111. 141. 143
 'Ручей' 107. 180
 'Ручка' 66. 67. 119. 120. 186
 Ручной язык 59. 60. 74. 90. 159. 243
 'Руши' 79
 'Рушить' 190
 'Рыжий' 180
 'Рыба' 107. 112. 114
 'Рынок' 33
 'Рычать' 167
 Сабейские надписи 128
 Сабейско-химyarитская культура 129
 Сабейцы 129
 'Сабинец' 123
 Сабинцы 181
 'Сад' 5
 Сакал 244
 'Сало' 138. 141
 Салы 29
 'Сам' 25. 116. 127. 253
 'Самец' 21. 35. 261
 'Самка' 21. 35. 120. 223. 262
 Самоеды см. Ненцы
 'Самолюбие' 181
 'Самоуважение' 181
 'Сандалин' 69
 Санскрит 54. 158. 261
 'Сапог' 67—69. 71
 Сапоги 70
 Сарматы 29. 258
 Сванский язык 9. 10. 13—15. 21. 24. 30. 32. 33. 35. 41. 43. 45. 49. 65. 78. 102. 104. 134. 142. 164. 176. 177. 179. 193. 194. 196. 197. 214—216. 220. 222. 224. 234. 254. 255. 259. 260. 262. 266. 267. 269. 271—273. См. также: Диалекты сванского языка. Лапхский говор сванского языка. Левтехский говор сванского языка
 'Свет' 31. 41. 63. 75. 79. 80. 123. 218. 219—221
 Светила 39. 41. 71. 77. 101. 254;
 'Светило' 77. 250. 251. 254. 269
 'Светить' 123. 220
 'Светлое' 74
 'Сверкание' 123
 'Сверкающий' 123
 'Свинец' 33
 'Свинья' 13—15. 35. 51. 76. 78. 120. 267. 271
 Свистящая группа сибилантий ветви 14. 17. 22. 38. 39. 49. 126. 148. 186. 187. 196. 232. 262. 271
 'Свободный' 174. 180
 'Свод' 17. 76. 253
 'Свой' 116. 127
 'Святой' 24. 123. 146
 Святые бретонские 209
 Святые христианские 6. 12
 'Святыня' 13. 15. 123
 'Сглазил' 104
 'Себя' 25. 138
 'Север' 47
 'Седьмая часть' 247. 248
 Секция генетики культуры ГАИМК 125. 198
 'Село' 9. 222
 Сельджукские стихи 131

- 'Сельчанин' 225
 Семантика 15. 17. 19. 21. 23. 24. 26. 27. 38.
 42. 47. 60. 61. 65. 76. 80. 81. 87. 95. 96. 98.
 100—114. 135. 137. 140. 149. 153. 154. 162.
 171. 174. 176—179. 181. 183—185. 187. 190.
 192. 194. 195. 215. 216. 218. 224. 231. 235.
 238. 241. 258. 260. 270. См. также: Моно-
 семантизм. Полисемантизм. Функциональ-
 ная семантика
 Семантические архетипы 162. 185—187. 188.
 191. 217. 237. 239. 241. 248. 249. 251. 252.
 256
 Семантические дериваты 52. 106. 183. 184.
 216. 221. 224
 Семантический пучок 114. 118. 137. 177. 191.
 216. 235. 241. 253. 262
 Семантический ряд 195. 216. 222
 Семитические языки и семиты 3. 46. 50. 68. 85.
 86. 96. 102. 106. 109. 115. 121. 126. 127. 129.
 132. 136. 148. 162. 163. 165. 167. 171. 176.
 177. 182. 193. 224. 230—234. 236. 238. 240—
 242. 247. 251. 252. 255
 Семитические языки, взаимоотношения их
 с хамитическими 163. 176
 Семитологи 162. 171. 232. 238. 239. 248. 251
 'Семнадцатъ' 245
 'Семь' 244. 247—249. 251
 Семьи (системы) языков 3. 22. 47. 55. 57. 60—
 62. 68. 72. 78. 83. 86. 98. 115. 118. 133. 135.
 143—146. 149. 152. 153. 157—160. 162. 164.
 168. 192. 296. 198. 203. 213. 214. 217. 230—
 232. 234. 238. 239. 253. 260. 261. 266. 272
 'Семья' 264
 'Серебро' 22. 32. 194
 'Сестра' 155. 193. 194. 256
 'Сжигать' 23. 32. 63. 75
 Сибилитная ветвь языков 14. 22—27. 32. 38.
 100. 117. 126. 219. 224. 225. 232. 233. 251
 Спдоны 268
 'Сила' 25. 34. 65. 67. 69. 177. 178. 180. 184.
 88. 189. 191. 193. 262
 'Силой' 66
 'Сильно' 262
 Синологи см. Китаисты
 Синонимы 42. 185. 187. 219
 Синтаксис 80. 151. 218
 Синтетический строй языка 87. 100. 158
 Сирийская литература 6
 Сирийский язык 109. 129. 132. 178. 233. 235.
 239. 240—242. 248. 249. 255
 Системы языков см. Семьи языков
 Сказки 83. 110
 'Скакать' 119
 'Скала' 17. 42. 74. 152. 214
 Скифский язык и скифы 29. 66. 77. 105. 188.
 203. 220. 259. 266. 267. 269—271. 273
 Склонение 8. 15. 16. 21. 22. 80. 100. 117. 118.
 149. 232. 266
 Сколоты 29
 'Скот' 80
 Скотоводство 25. 212. 256
 Скрещение языков и языка 14—17. 19. 21. 22.
 24—26. 28. 42. 49. 60. 72. 86. 94. 95. 100. 102.
 105. 110. 113. 117. 135. 145. 147. 148. 154.
 155. 167—169. 173. 177. 178. 179. 185. 192.
 196. 197. 200. 215. 216. 220—222. 224. 225.
 232. 233. 235. 237. 239. 241. 242. 251. 259.
 261. 269
 Скульптура 13
 Слависты 62. 201
 Славяноведение 258
 Славянские языки 3. 62. 63. 66. 136. 148. 198.
 201. 215. 218. 224. 257. 265. 266. 275
 Славянские языки, взаимоотношения их
 с кельтскими 201
 'Сладкий' 215
 'Слеза' 40. 101. 251
 'Слива' 107
 'Сливки' 141
 Словари 36. 57. 119. 140. 190. 196. 199. 207.
 248. 249
 'Слово' 124. 169
 Словообразование 68. 117. 149. 166. 167. 195.
 225. 232. 236—238
 Словотворчество 31. 42. 65. 80. 168. 173. 221.
 255. 268
 Слоговое письмо 214
 'Сложение' 249
 Сложные слова 173. 282
 'Слон' 175
 'Слуга' 194
 'Служанка' 194
 'Слух' 95
 'Смерть' 18. 70
 'Смотреть' 49. 50. 80. 101—103
 'Смотрю' 256
 'Сновидение' 44. 45
 'Обака' 5. 6. 35. 61. 68. 75—77. 80. 176. 177.
 181. 221. 222. 234. 235. 265. 270—272
 Собирательные имена 236
 'Собираль' 238
 'Собрание' 268
 'Собственность' 253
 Собственные имена 156. 174
 Советская культура 202
 Советский строй 56
 Согласные 9. 10. 19. 21—23. 26—28. 40. 126.
 231. 232. 240. 251
 Согласные, расклинивание их гласными 10. 28
 Согласные, стечные их в начале слова 10
 Согласные, их трехступенность 9. 10
 Согласные, функции их 40. 201. 232
 Созвучие 8. 17. 19. 47. 62. 71. 95. 110. 139. 149.
 153. 175. 177. 201. 225. 272
 'Создание' 153
 'Солнце' 20. 31. 39—41. 46. 49—52. 61. 63. 70—
 77. 79—80. 101—103. 121. 154. 177. 216.
 218—221. 224. 231. 234. 241. 242. 247. 250—
 254. 256. 261. 264. 267. 269—271
 'Солнце-небо' 220
 Сомехи 270
 'Сок' 44. 45
 'Сорок' 245
 'Сосед' 273
 Сословия 13. 41. 73. 79. 231
 Составные слова 69. 102. 185. 186. 221. 232.
 241. 250. 251. 255. 260. 272
 'Состояние' 65
 'Сосуд' 68
 Сосуды 70
 Социальный (общественный) строй 40—43. 46.
 47. 55—57. 54—61. 66. 68. 70. 75. 76. 78. 79.

90. 91. 93. 96. 130. 131. 135—137. 140. 142. 143. 145. 183. 192. 193. 201. 218. 219. 221. 222. 226. 227. 229—231. 238. 239. 254—256. 265—267. 269. 273. 274. См. также: Античный мир. Дороговой строй. Капитализм. Классовая борьба. Классы. Матриархат. Патриархат. Первобытное общество. Рабство. Родовой строй. Советский строй. Феодализм.
- Социальные термины 20. 21. 27. 42. 55. 131. 132. 155—157. 179. 180. 183. 192. 217. 224. 225. 253. 255. 256. 265. 273
- Социология и социологи 202. 203. 258
- Союз (грамм.) 43
- 'Союзник' 193
- 'Спать' 44
- Спирантизация 22. 27. 38. 162. 220. 222. 225. 240. 241. 260. 269
- Спирантная ветвь языков 15. 22—25. 32. 117. 126. 192. 193. 220. 224. 232. 251. 271
- 'Спокойный' 248
- 'С помощью' 241
- 'Способ' 149
- 'Справа' 190
- Спряжение 19. 40. 43. 44. 52. 100. 149. 231
- Сравнительная грамматика 152. 154
- Сравнительная грамматика яфетических языков 50. 109
- Сравнительная грамматика яфетических языков с семитическими 85
- Сравнительная степень 265 266
- Сравнительная фонетика 66
- Сравнительный метод 63. 86. 133
- 'Сражение' 188
- Средневековая культура 209
- Средневековая литература 30. 31. 226
- Средневековое население Кавказа 197
- Средне-корнуальский язык 200
- Средние глаголы 188
- Средний род 224
- Средние века 6. 12. 13. 45. 46. 49. 63. 168. 256. 266. 269
- Средства передвижения 39. 64. 37
- 'Срок' 249
- Стадии развития языка и мышления 3. 7. 38. 46. 59. 60. 67. 68. 73—76. 86. 101. 128. 138. 139. 158. 175. 178. 183. 186. 197. 198. 215. 218. 222. 223. 225. 226. 228. 231—233. 236. 238—240. 250—256. 258. 260. 262. 263. 265. 266. 268—270. 275. См. также: История мышления. История языка. Полистадиальность. Строй языка
- 'Стадо' 267
- Старославянский язык 215
- 'Старый' 214
- 'Статуя' 42
- 'Стезя' 21
- 'Стекло' 89
- 'Стена' 21
- 'Стенать' 112
- Степени сравнения 265. 266
- Стечение согласных в начале слова 10. 19. 32 38
- Стирать' 23
- 'Сто' 38. 39. 241. 247
- 'Стоит' 64
- 'Столб' 42
- 'Сторога' 64. 65. 95. 188. 272
- 'Стоять' 64. 268
- 'Страна' 9. 164. 171
- Страдательный залог 261
- Строй (типология) языка 54. 55. 64. 94. 98. 145. 148. 149. 158. См. также: Агглютинативный строй. Аморфный строй. Синтетический строй. Флективный строй
- 'Суббота' 248. 255
- Суберы 19
- Субъекты 190
- Субъективный падеж 118
- Суда 87. 93
- 'Судно' 64
- 'Судьба' 20. 130. 220. 261
- 'Судить' 184
- Султинский говор баскского языка 6—10. 13. 15—19. 23. 25. 27. 32. 34. 37. 40. 43. 46. 48. 49. 52. 83
- 'Сулить' 171
- 'Сумер' 10. 170
- Суоми 105. 106. 111. 115. 127. 164. 221. 251. 255. 261. 268
- 'Супруг' 193. 247. 272
- Суффиксы 7. 16. 21. 48. 63. 69. 100. 109. 117. 122. 163. 176. 185. 198. 200. 223. 251 259
- Существование 190
- Схождения языков см. Родство языков
- 'Счастье' 140. 185. 247
- 'Счастливыи' 185
- 'Счет' 104. 250. 252—254
- Счет 37—39. 236. 239. 240. 243. 249. 250. 252. 253
- 'Считать' 103. 104
- 'Сын' 21. 27. 50. 51. 69. 174. 176. 253. 260. 261
- Съезды научные 202. 203
- 'Таким образом' 118
- Тальши 175
- 'Там' 134
- 'Тамга' 148
- Тану-тувинский язык 111. 138
- Татарский язык 89. 106. 139. 261
- 'Твердость' 177
- 'Твердый' 30. 177
- 'Твой' 163
- 'Те' 174
- Театр бретонский 207
- 'Теленок' 179
- Телеутское наречие турецкого языка 138. 139. 141
- 'Тень' 122
- Теоретический фронт 275
- Теофорные имена 123. 181
- 'Теплый' 24. 25
- Терминология 3. 55. 228. 237
- Термины родства 21. 33. 40. *44. 55. 75. 174. 179. 192—194. 223. 256. 260. 265. 269. 272. 273
- 'Тетива' 259
- 'Тетка' 269
- Техника 57. 61. 157. 189. 222. 230. 243
- 'Техника' 190
- Техника языка 231
- Технические термины 265
- Технологическое мышление 238. 240. 251. 256

- 'Течь' 112. 200
 Тибетские языки 148. 158
 'Тигр' 175. 181. 182. 238
 Тигры 174. 175
 Тиндальский язык 109
 Типология семантики 96
 Типология языков см. Строй языков
 Тирцы 89
 'Товар' 89
 'Товарищ' 193. 239. 247
 'Толпа' 169. 172. 268. 269
 'Только' 186. 241
 'Топить' 118
 'Топор' 42. 73. 74. 152
 'Тонуть' 112
 'Тополь' 169
 Топонимика 11. 15. 16. 22. 30. 33. 47. 48. 55.
 76—78. 141. 155. 156. 166. 167. 171—173.
 178. 179. 180. 189. 192. 199. 258. 259. 265.
 269. 273
 Торговля 37. 41. 129. 174. 188
 'Торговля' 33
 Тотем 13. 14. 29. 50. 59. 76—78. 80. 123. 130.
 140. 148. 155. 172. 174. 180. 181. 197. 201.
 217. 218. 221. 233. 237—242. 246. 247. 252—
 256. 265. 266. 269—272
 Тотем звериный 13. 14. 76. 77. 174. 246. 267.
 270
 Тотем растительный 246
 Тотемическое мировоззрение 179. 237. 238
 Тотемные слова 181. 265. 267—269. 272
 'Точильня' 223
 Транскрипция 220
 'Траур' 244
 Трехсогласный корень 102. 112. 161. 162. 167.
 231—235. 238. 240. 241. 247. 256
 'Три' 236. 240. 241. 244. 249. 255
 'Трогать' 120
 Троглодиты 122
 'Трудиться' 64
 'Труп' 24
 'Трут' 30—32
 «Туземцы» 162
 Туркестанский турецкий язык 140
 Туркологи 132. 133. 135. 136. 139—141. 144.
 145. 154. 155. 157. 162
 Туркологическая литература 4. 196. 197
 Турецкая культура 130. 131
 Турецкие языки и турки 38. 48. 54. 62. 63. 67.
 69. 86. 96. 106. 110. 113. 125. 127. 130—135.
 137—142. 144—146. 148—160. 162. 192. 194.
 196. 197. 200. 203. 242. 255. 261.
 Турецкий язык 38. 48. 69. 110. 127. 130—135.
 137—142. 144—146. 148—160. 162. 255
 Турецкие языки, взаимоотношения их с язы-
 ками других систем 136. 137
 Тушины 156
 'Ты' 163
 'Тысяча' 237—239. 247
 'У' 65. 186. 190. 191
 'Уважение' 250. 252
 'Уверовал' 233
 'Уголь' 32. 95
 Угрофинские народы и языки 62. 67. 87. 94.
 96. 117. 135. 136. 146. 147. 151. 157. 234.
 242
 Угрофинские языки, взаимоотношения их
 с эскимосским языком 94. 96
 'Удар' 154
 'Ударение' 81
 'Ударить' 240
 'Удача' 66. 140. 185
 'Удачный' 185
 Удвоение звука или элемента 30. 37. 166. 167.
 182. 214. 223. 225. 232
 'Удивительный' 217
 Удинский язык 104. 137. 188. 143. 155. См.
 также: Варташенское наречие удинского
 языка. Нижнее наречие удинского языка
 Удмуртский (вотский) язык 62. 86. 105. 106.
 109. 111. 117. 121. 217. 255
 'Ужас' 247
 Украинский язык 148. 221
 'Укрепленный' 30
 'Улица' 149
 'Ум' 75. 123
 Умбрийский язык 180
 Уменьшительная форма слова и уменьшитель-
 ные слова 25. 26. 50. 223. 241
 Университет в Пуатье 207
 Университет в Ренне 207
 Унигаризм 227
 'Употреблять' 186
 Урало-алтайские языки 67. 86. 97. 134. 148.
 150. 151. 153. 158. 234
 Уральские языки 98
 Усечение звука 16. 19. 23. 52
 'Условенный день' 249
 'Уснуть' 44
 'Уст оить' 190
 'Утренняя заря' 50
 'Утром' 60
 'Ухо' 95
 Ученики Н. Я. Марра 43. 53. 183. 199. 202.
 203
 Ученые см. Научные работники
 'Учил' 239
 'Учился' 239
 'Ущелье' 112
 Фамилии и фамильные названия 22. 24. 30. 43.
 261. 262. 271. 275
 'Фамилия' 259
 Фауна Кавказа 175
 Феодализм 41. 270
 Феодализм у басков 13
 Феодализм на Кавказе 15
 Феодалы 256
 Феодалы Армении. 49. 143. 269
 Феодальная литература 264
 Феодальные языки 20. 41. 237. 262
 Физиология 274
 Филогология 85. 110. 132—134. 206—208. 233.
 262
 Философия 15. 45. 159. 275. См. также: Дилек-
 тический материализм. Идеализм. Марксизм.
 Материализм
 Филы 170
 Фигикийяне 54. 89. 166. 179. 193
 Финноведы 162
 Финские языки 38. 62. 86. 96. 97. 105—107.
 115. 127. 135. 139. 146—150. 152. 154. 162.
 164. 168. 178. 192. 194. 198. 203. 215. 217.

218. 221. 232. 250—252. 255. 258. 261. 266.
268
- Финские языки, взаимоотношения их с русским языком 200
- Финские языки, взаимоотношения их с кельтскими языками 201
- Флективный строй языка 15. 26. 40. 41. 43. 44. 87 100
- Фольклор 70. 77. 129. 258. 269
- 'Фонарь' 220
- Фонетика 6. 10. 19. 23. 46. 47. 54 56. 57. 59. 66. 87. 94. 98. 102. 103. 105. 113. 116. 133. 136. 137. 139. 141. 142. 154. 161. 162. 173. 189. 196. 201. 214. 218. 224. 225. 230. 232. 237. 239. 254. 258. 260. 268
- Фонетические соответствия языков 22. 24. 25. 56. 126. 137—142. 153. 154. 189 232
- Фонетика и письмо 81—83
- Фонетические соответствия свистящей и шипящей групп 178. 186 271
- Фонетические соответствия сибилантной и спирантной ветвей 260
- Фонетические законы 46. 47. 59. 98. 126. 127. 230
- Фонетические особенности абхазского языка 66. 77. 82. 102
- Фонетические особенности арабского языка 240
- Фонетические особенности армянского языка 22. 42. 108. 140. 141. 219. 260
- Фонетические особенности балкарского языка 196
- Фонетические особенности берберского языка 173. 189
- Фонетические особенности баскского языка 7. 8—11. 22. 24. 25. 28. 219
- Фонетические особенности бретонского языка 215
- Фонетические особенности германских языков 260
- Фонетические особенности готского языка 26.
- Фонетические особенности грузинского языка 7. 10. 14. 17. 19. 23. 25. 38. 102. 106. 112. 177. 185. 187. 224. 235. 250. 253. 260. 271
- Фонетические особенности латинского языка 189
- Фонетические особенности мегрельского языка 221
- Фонетические особенности мордовского языка 106
- Фонетические особенности намэйского языка 117
- Фонетические особенности русского языка 187. 221. 260. 268
- Фонетические особенности сванского языка 102. 177. 196. 260. 267
- Фонетические особенности языков свистящей группы 77. 138
- Фонетические особенности семитических языков 232
- Фонетические особенности скифского языка 105
- Фонетические особенности сулетинского диалекта баскского языка 11. 22
- Фонетические особенности турецких языков 137—141
- Фонетические особенности украинского языка 221
- Фонетические особенности урало-алтайских языков 153
- Фонетические особенности финских языков 106
- Фонетические особенности французского языка 11. 247. 260
- Фонетические особенности чавского языка 221
- Фонетические особенности чувашского языка 102
- Фонетические особенности языков шипящей группы 14. 17. 77. 138
- Фонетические особенности японского языка 108
- Фонетические особенности яфетических языков 10. 24. 32. 105. 106. 153. 189. 272
- Фонетический метод 19
- Фонетическое письмо 214
- Форма 45
- Формальный метод 14. 19. 47. 54—58. 62. 82. 107. 116. 123. 127. 130. 131. 136. 137. 145. 149. 157. 161. 180. 184. 200—202. 215. 216. 251. 253. 258. 274
- Французская литература 5.6
- Французский язык 3. 8. 9. 18. 19. 21. 23. 25. 31. 32. 36. 37. 45. 62. 69. 103. 131. 154. 162. 180. 192. 204. 205. 207. 211. 213—215. 217. 220. 221. 226. 247. 253, 260. 268. См. также: Беарнский диалект французского языка
- Французский язык, взаимоотношения его с баскским языком 9. 18
- Французский язык, взаимоотношения его с грузинским языком 9. 62
- Французский эпос 6
- Фратрии 244
- Фрески 14
- Фриктивная 162. 256
- Функциональная семантика 25. 27. 31. 35. 42. 43. 65. 67—69. 71—73. 75. 76. 80. 104. 120. 154. 176 177. 188. 192 194. 221. 224. 238
- Функциональные элементы языка 269
- Функции звука 239
- Функции языка 54
- Халдский язык и халды 8. 15. 23. 25. 30. 33. 37. 64. 77. 137. 143. 177. 201. 214—216. 237. 242. 270. 275
- Халифат 239
- Халкедонитство 14
- Хамитические языки 86. 96. 122. 123. 148. 163. 198. 224
- Хамитические языки, взаимоотношения их с семитическими 163. 176
- Хананейцы 89
- Хангы 107. 116. 194. 195
- 'Хан' 155. 156
- 'Ханша' 155
- Хаусса (племя) 170
- Хварпинский язык 109
- Хевсуры 270
- Хеттский кодекс законов 194
- Хетты и хеттский язык 156. 194. 256. 275
- 'Хижина' 36
- Химияриты 129
- 'Хлеб' 24. 34. 36. 40. 61. 104—105. 121. 151. 152. 167. 168. 196. 224

- 'Ходить' 21. 68. 139
 Хозяйство 27. 40. 46. 47. 57. 60—62. 66. 68.
 74—76. 78. 79. 86. 91. 93. 96. 129. 130. 135.
 137. 142. 145. 150—152. 158. 177. 192. 224.
 227. 228. 233. 239. 256. 265. 270
 Хозяйственные термины 78
 'Холостяк' 239
 'Холм' 17. 18.
 Ното varieties 59
 'Хоровод' 70
 'Хоронить' 18
 'Хороший' 44. 52. 266. 267
 'Хорошо' 41. 42. 44. 52
 'Храм' 249. 252
 Хрестоматия баскская 199
 Христианская письменность на армянском и
 грузинском языках 24
 Христианские проповедники 14
 Христианство 6. 12. 13. 55. 61. 129. 132. 133.
 136. 208. 209. 220. 226. 246. 256. 270. 274.
 275
 Христианство в Армении 14. 15. 24. 29
 Христианство в Галлии 12. 226
 Христианство в Западной Европе 12. 13
 Христианство на Кавказе 13—15. 24. 29
 Христианство в Риме 12. 13
 Христианство в Сирии 13
 Хроника и хроникеры 227
 Хтонические божества 70—72
 Цари армянские 14
 Цари Ванские 41. 71
 Цари Кавказа 14
 Цари Рима 123. 156. 183
 'Цвет' 72
 'Целый' 140
 'Цербер' 235
 Церкви баскские 8
 Церкви грузинские 8
 Цинк 89
 Цифры 239. 249
 Цовь-тушинский язык см. Бацбийский язык
 Чамалальский язык 109
 Чано-мегрелизмы армянского языка 15
 Чанский (лазский) язык 5. 8. 10. 13—15. 20.
 24. 27—29. 32. 35. 36. 38—40. 43. 51. 65.
 66. 70. 77. 78. 95. 104—106. 113. 118. 119.
 138. 139. 141—143. 148. 153. 161. 162. 169.
 174. 176—178. 184. 187. 188. 192. 193. 219.
 221. 224. 250. 251. 261. 262. 268. 269. 271—
 274. См. также: Говоры чанского языка
 'Час' 249. 271
 'Часовня' 249
 Части речи 43. 231. 238
 Части тела 39. 65. 70—72. 79
 «Часть по целому» 17. 36. 43. 105
 'Человек' 38. 39. 118. 120. 193. 194. 224. 238.
 252. 255. 256. 272
 'Через' 19
 Черкесский язык 62. 74. 77. См. также: Языки
 Дагестана
 'Честный' 140
 'Честь' 181
 Четвертичный период 89
 'Четыре' 18. 196. 244. 249. 256
 Чеченские языки 156. См. также: Бацбийский
 язык. Ингушский язык. Нахчайский язык
 Чешский язык 3. 215
 Числительные 18. 24. 39. 96. 103. 104. 115. 117.
 127. 148. 149. 155. 184. 186. 196. 230—256.
 262
 'Число' 104. 250. 252. 253
 'Чистый' 24. 123. 140
 'Читатъ' 130
 Член (грамм.) 255
 Чонский язык 95. 186
 'Чорт' 13. 14
 'Что' 22. 184
 'Что-либо' 184
 'Чувяки' 69
 Чуваши и чувашский язык 23. 38. 62. 75. 96.
 106. 107. 115. 116. 119. 127. 133. 135. 138—
 141. 144. 146. 149. 151. 153. 154. 156. 162.
 168. 194. 200. 202. 203. 218. 219. 253. 270
 'Чувствовать' 120
 'Чудесный' 217
 'Чудо' 217
 'Чужой' 174
 'Чужой язык' 168
 Чукчи см. Луораветланы
 'Чума' 249
 'Шаг' 68
 'Шагаль' 68
 'Шакал' 76
 Шаманы и шаманство 14. 41. 45. 88. 155. 255
 'Шарик' 19
 'Шепталь' 167
 'Шесть' 244. 249
 Шипящая группа сибилантной ветви 10. 12.
 23. 25. 26. 28. 29. 77. 126. 148. 161. 186.
 187. 193. 196. 220. 224. 232. 261. 271. 272
 Ширакский говор армянского языка 65
 Школа во Франции 204. 209—211
 'Шкура' 37. 178. 179
 Шорский язык 139
 'Шумер' 10
 Шумеры и шумерский язык 63. 64. 101. 106.
 109. 112—114. 119. 121. 122. 145. 164. 168.
 194. 250. 266. 270. 271
 'Шеголь' 131. 132
 'Шенок' 176
 Южно-арабский язык 238
 Юкагирский язык см. Одульский язык
 'Юноша' 20. 273
 Юридические термины 185
 Эгейская культура 115. 127
 Экзарх Грузии 168.
 Экономика см. Хозяйство
 Экспедиция в Балкарию 197
 Эллинисты 166
 Эллины см. Греки
 Эламский язык 71. 143. 161. 184
 Эфатическая форма родительного падежа 8
 Эпентезис 25. 187. 225. 235. 260. 271
 Эпиграфика см. Надписи
 Эпические герои 156
 'Эпос' 71
 Эпос 6. 17. 46. 97. 226. 268
 Эрзя, наречие мордовского языка 221. 255
 Эскимосский язык, взаимоотношения его
 с угро-финскими языками 94. 96
 Эскимосы и эскимосский язык 44. 96. 97. 146.
 244.

- Эстонский язык 105. 111. 255
 Этапы развития яфетической теории 54. 55. 57. 58. 65. 85. 86. 116. 133. 146. 161. 178. 184
 Этимологии 257. См. также: Народные этимологии
 Этнуни 71
 Этногония 79. 259. 261. 270. 273
 Этнография и этнографы 5. 41. 77. 88. 90—92. 94. 96. 131. 148. 226. 227. 258. 274.
 Этнология и этнологи 15. 67. 130. 131. 146. 170. 243
 Этнонимика см. Племенные названия
 Этрусски и этрусский язык 11. 13. 26. 31. 46. 49. 79. 97. 121. 123. 138. 156. 190.
 Этрусские надписи 46.
 Эускалы см. Баски
 Эфиопский (абиссинский) язык 232. 238. 239
 'Яблоко' 10. 28. 29. 107
 'Явление' 261
 'Ягненок' 27
 'Язык' 123. 124
 Язык 3. 13. 14. 16. 27. 34. 41. 46. 47. 57. 59. 60. 64—66. 80. 92. 123. 127. 129. 134. 157. 200. 203. 213. 218. 219. 226. 228. 230. 232. 243. 255. 256. 258. 265. 275. См. также: Государственные языки. Живые языки. Звуковая речь. Изучение яз. История яз. Классификация яз. Мертвые яз. Народные яз. Новые яз. Национальные яз. Палеонтология речи. Праязык. Происхождение яз. Письменные яз. Рождение яз. Ручная речь. Словообразование. Словотворчество. Строй яз. Семьи языков. Скрепление яз. Стадии развития яз. Техника яз. Языкотворчество
 Язык жестов см. Ручная речь
 Языки Австралии 90—95. 98. 163. 186
 Языки Азии 87. 101. 148. 158. 163. 255
 Языки Америки 85—99. 146. 163. 186
 Языки Аравии 255
 Языки Афревазии 96. 98. 162. 186. 235. 255. 260
 Языки Африки 36. 50. 86. 125. 145. 157. 158. 163. 170. 182. 189. 193. См. также: Берберский яз. Кабильский яз. Мароканское наречие кабилского яз. Намайский яз.
 Языки Восточной Европы 51. 62. 95. 146. 190. 202. 203. 217. 222
 Языки доримской Галлии 13
 Языки Дагестана 109
 Языки Дальнего Востока 101
 Языки Западной Европы 7. 13. 26. 29. 32. 33. 40. 97. 147. 148. 150. 198. 200. 227. 249. См. также: Языки Средиземноморья
 Языки Индии 87
 Языки Месопотамии 101. 255
 Языки группы Нока 92. 94. 186
 Языки Огненной земли 92
 Языки Океании 87. 163
 Языки Она 92
 Языки Передней Азии 178
 Языки Пиренейского полуострова 26. 32. 33. 97
 Языки Прибалтики 146
 Языки Приволжья 51. 62. 95. 146. 202. 203. 217
 Языки Северной Америки 94. 95
 Языки Северной Африки 193
 Языки Северного Кавказа 28. 35. 109. 111. 142
 Языки Средиземноморья 26. 115. 121. 154. 157. 159. 160. 163. 169. 179. 180. 182. 186. 190. 214. 224
 Языки Средней Азии 148
 Языки Судана 158
 Языки Франции 97
 Языки Фуэджи 92
 Языки Черноморья 190
 Языки Чонской семьи 92. 94
 Язык чукчи см. лусраветланы
 Языки Южной Азии 148
 Языки Южной Америки 186
 Языки переходной ступени 198
 Языки мира, взаимоотношения их 58. 60. 61. 83. 84. 135—160. 165. 187. 226. 255. См. также: Рождение языков. Схождение языков
 Языковая политика 208—212
 Языковедение см. Лингвистика
 Языкотворчество 3. 34. 60. 79. 125. 135. 145. 148. 157—160. 164. 237. 238. 242. 260. 274. См. также: История языка
 Языческие конские божества 12
 Языческие пережитки 249
 Язычество 13. 14. 36. 129. 133. 220. 226. 268. 274
 Язычество на Кавказе 41
 'Язычник' 44. 45. 171. 233. 255
 Якуты и якутский язык 131
 Японцы и японский язык 89. 108. 111
 Яфетидологи 49. 55. 85. 88. 116. 117. 145. 149. 183. 207. 244.
 Яфетидологическое письмо (Аналитический алфавит) 54. 81—83. 196
 Яфетическая теория 3. 4. 17—22. 27. 28. 46. 49. 53—61. 65. 76. 77. 79. 82. 83. 85. 86. 93. 96. 100. 108. 115. 116. 122. 125—129. 133. 145. 157—160. 164. 167. 169. 182. 194. 197—199. 202. 203. 212—214. 226—230. 232. 242. 258. 261. 262. 268. 269
 Яфетические пережитки в армянском языке 15. 139
 Яфетические пережитки в языках Западной Европы 7. 18.
 Яфетические языки 3. 21. 22. 31. 37. 43. 47. 49. 52. 55. 56. 58. 60. 62. 63. 65. 66. 68. 73. 75. 82. 85—88. 94—96. 100—103. 105. 107. 109. 115. 120. 123. 124. 126. 133—135. 137. 142. 145—154. 157—159. 162. 174. 177. 187. 190—192. 195—197. 206. 213—217. 221. 223. 224. 232—234. 247. 249. 251. 255. 260. 272.
 Яфетические языки, взаимоотношения их с семитическими 232
 Яфетические языки, их сравнительная грамматика 49
 Яфетические языки Кавказа 13. 15. 16. 20. 21. 23. 24. 26. 29—35. 40. 51. 57. 62. 86. 109. 111. 113. 115. 117. 128. 131. 138. 142. 146. 148. 151. 152. 161. 163. 164. 173—176. 183. 189. 192—196. 200. 201. 203. 209. 220. 222. 224. 226. 255. 257. 258. 270. 272
 Яфетические языки Кавказа, взаимоотношения их с баскским 20. 21. 23. 24. 33. 34. 39
 Яфетический институт АН СССР (ЯИ) 36. 125. 196. 197
 Яфетический семинар Восточного института 57
 'Ячень' 34. 78. 89. 104. 151
 'Ящик' 9

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук СССР
ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра
ВС — Восточный сборник
ГПБ — Гос. Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина
ДАН — Доклады АН СССР
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИКИАИ — Известия КИАИ
ИЛЯЭВ — Институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока
ИР — Избранные работы Н. Я. Марра
КИАИ — Кавказский Историко-археологический институт
ЛВИ — Ленинградский Восточный Институт
ЛИЖВЯ — Ленинградский Институт живых восточных языков
МЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию
НВ — Новый Восток
ОГН — Отделение гуманитарных наук АН СССР
ОИФ — Отделение исторических наук и филологии АН СССР
ОЭ — В. Ф. Миллер, Осетинские этюды
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
ТР — Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии
ХВ — Христианский Восток
ЯИ — Яфетический институт
ЯС — Яфетический сборник
Afa — Archiv für Anthropologie
JA — Journal Asiatique
JS — Japhetische Studien
JAfr — Journal of the African Society
KZ — Kuhn's Zeitschrift
LEW — Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
RIEB — Revue Internationale des études basques
ZfE — Zeitschrift für Ethnologie
ZaW — Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft
-

СОДЕРЖАНИЕ

| | СТР. |
|---|---------|
| <i>От редакции</i> | V |
| Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе) | 3 — 52 |
| Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык | 53 — 84 |
| Происхождение американского человека и яфетическое языкознание | 85 — 99 |
| Яфетическая теория и семантика китайского языка | 100 |
| Китайский язык и палеонтология речи | 101—111 |
| Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи | 112—114 |
| Готтеитоты-средиземноморцы | 115—124 |
| Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков | 125—160 |
| Карфаген и Рим, fav и jus | 161—193 |
| От шумеров и хеттов к палеоазиатам | 194—195 |
| Балкаро-сванское скрещение | 196—197 |
| Бретонская нацменовская речь в увязке языков Африевразии | 198—229 |
| К вопросу о происхождении арабских числительных | 230—256 |
| Готское слово gupa 'муж' | 257—275 |

Приложения:

| | |
|--|---------|
| 1) <i>Указатель литературных работ и источников</i> | 279—284 |
| 2) <i>Указатель разбираемых или упоминаемых терминов</i> | 285—299 |
| 3—4) <i>Указатель именной</i> | 300—301 |
| 5) <i>Географический указатель</i> | 302—303 |
| 6) <i>Предметный указатель</i> | 304—326 |
| 7) <i>Список сокращений</i> | 327 |